

The map illustrates the Balkan region, showing major cities like Constantinople, Sofia, and Belgrade. It includes a legend (LEGENDA) with symbols for various administrative divisions and a scale bar (MOĐDA) at the bottom. The Russian coat of arms is positioned on the left, and the Ottoman coat of arms is on the right, symbolizing the historical context of the region.

ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Минск
«Букмастер»

УДК 94(438+470)

ББК 63.3(4Пол)

П53

Составитель *Н. Н. Малишевский*

Польша против Российской империи : история противостояния /
П53 сост. Н. Н. Малишевский. – Минск : Букмастер, 2012. – 704 с. : ил.

ISBN 978-985-549-247-5.

Вниманию читателя предлагается уникальная по широте использованных исторических источников книга, позволяющая взглянуть на сложную историю польско-российских отношений. Польские восстания и мятежи на западных границах Российской империи предстают в виде исторических документов, свидетельств очевидцев, личных писем непосредственных участников событий с обеих сторон.

УДК 94(438+470)
ББК 63.3 (4Пол)

Научно-популярное издание

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
История противостояния

Составитель **Малишевский Николай Николаевич**

Ответственный за выпуск *В. В. Ивлева*

Редактор *О. С. Бондаренко*

Технический редактор *О. Ю. Соловей*

Подписано в печать 03.05.2012. Формат 84х108 1/32.

Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 36,96. Уч.-изд. л. 31,73. Тираж 3050 экз. Заказ 1230.

ООО «Букмастер».

ЛИ № 02330/0003917 от 08.04.2011.

Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

ISBN 978-985-549-247-5

© Малишевский Н. Н., составление, 2012

© Оформление. ООО «Букмастер», 2012

Вступление

В XVIII столетии Речь Посполитая была громадным по территории государством, уступавшим в Европе по размерам только России, основная часть территорий которой и тогда приходилась на почти незаселенные сибирские и северные земли.

Границы Речи Посполитой простирались действительно от моря до моря – от Балтийского до Черного! На протяжении длительного времени в ее состав входили нынешние Польша, Литва, Украина, Беларусь, часть Германии, часть Австрии, часть Словакии, Молдова, часть Венгрии, Смоленская область...

Царство Польское из атласа Губернии Российской империи

Восточные границы Речи Посполитой проходили по Днепру и Западной Двине. По населению Речь Посполитая занимала 3-е место в Европе после Франции и России, которая обогнала ее по численности подданных только в середине XVIII столетия.

В 1791 году под влиянием французской революции в Речи Посполитой была принята Конституция, провозгласившая создание унитарного государства с сильной королевской властью. П. Ясеница в книге «Речь Посполитая Обоих Народов. Картины агонии» (Варшава, 1985) сообщает, что «маршалок конфедерации Великого княжества Казимир Нестор Сапега узнал о готовом уже проекте закона только за полчаса до открытия сессии». За ту Конституцию были отданы голоса только 110 депутатов сейма. Но на их стороне был и король Станислав Август Понятовский, который сразу же присягнул на ней под крики тех 110. Хотя весь сейм, уточняет П. Ясеница, насчитывал около 500 человек. Историк делает вывод: 3 мая заседало и принимало решение «явное меньшинство».

Принятие польской Конституции 3 мая

Этот акт встревожил соседей Речи Посполитой, православных подданных и многих польских магнатов, феодальные представления которых о взаимоотношениях вассала и сюзерена, наряду с существовавшим в обществе утверждением о

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

политическом равенстве всей шляхты, в конечном итоге поспособствовали развалу этого государственного образования.

Каждый шляхтич руководствовался положением о приоритете интересов главы своей маленькой державы – того магната, которому он служил, но не учитывал общих тенденций. Шляхта получила право создавать вооруженные союзы (конфедерации) для защиты своих вольностей и привилегий, созывать местные сеймики, которым принадлежала вся власть в воеводствах и поветах и даже организовывать восстания (рокоши) против собственного короля.

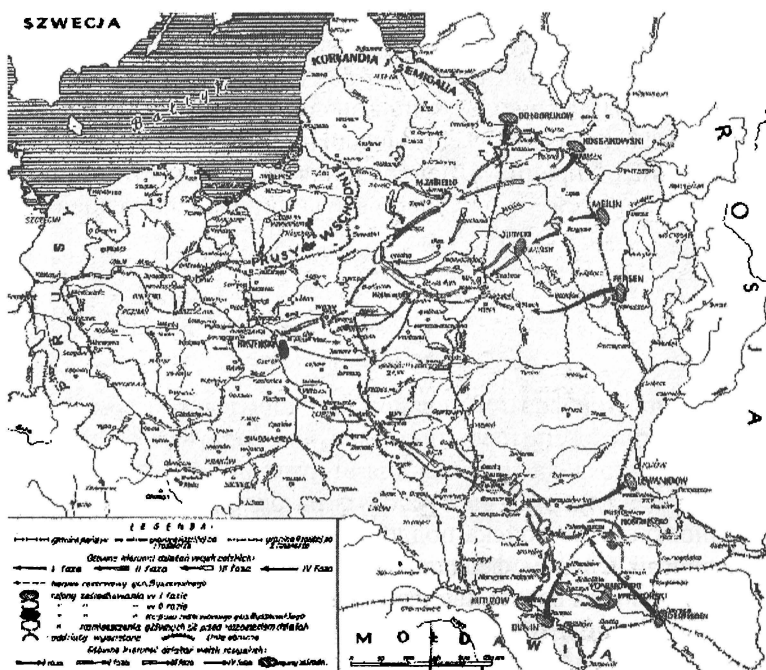

Польша до разделов

Не заинтересованные в мощной королевской армии, которая могла бы пресечь произвол и сепаратизм на местах, шляхта открывала границы для вторжения иностранных государств. А в период межусобных разборок даже приглашала иностранные войска поддержать одну группировку против другой. Словом, феодальная анархия и борьба магнатских группировок за власть явилась одной из главных причин краха Речи Посполитой. И закономерно, что Речь Посполитая в итоге была поделена между государствами имперского типа, экспансивный потенциал которых был особенно велик в силу самой специфики их функционирования.

Сразу же после принятия Конституции, усиливавшей королевскую власть, недовольные концом «золотой вольности» магнаты Речи Посполитой создали Тарговицкую конфедерацию и обратились за помощью к России. В Петербурге сочли, что настало время окончательно разрешить польский вопрос. «Государство – это все», – полагала шляхта. «Государство это все», – ответила на это Российская империя.

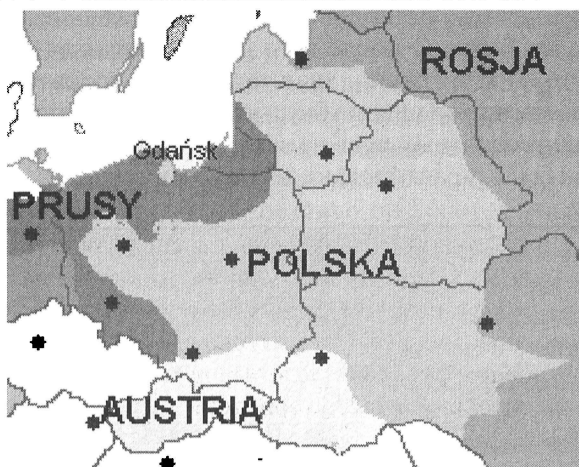
В мае 1792 года войска империи перешли границу. 11 июня русские одержали победу под Миром, 3 июля – под Зельвой, 10 июля – под Мстиславом, 23 июля – под Брестом. Были взяты Вильно, Браслав, Бобруйск, Несвиж, Слоним, Новогрудок, Гродно. В целом русские после короткой военной кампании заняли значительную часть территории.

Карта боевых действий, 1792 год

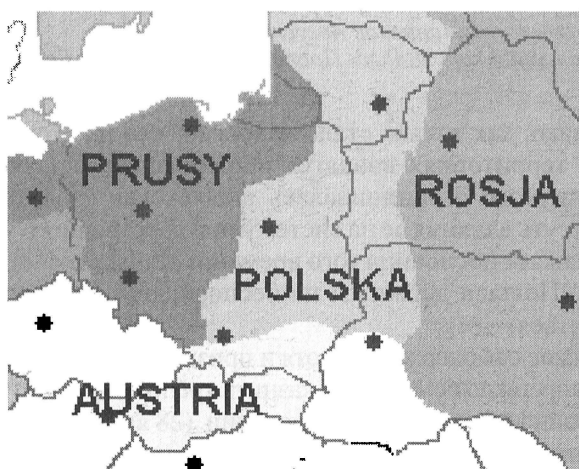

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

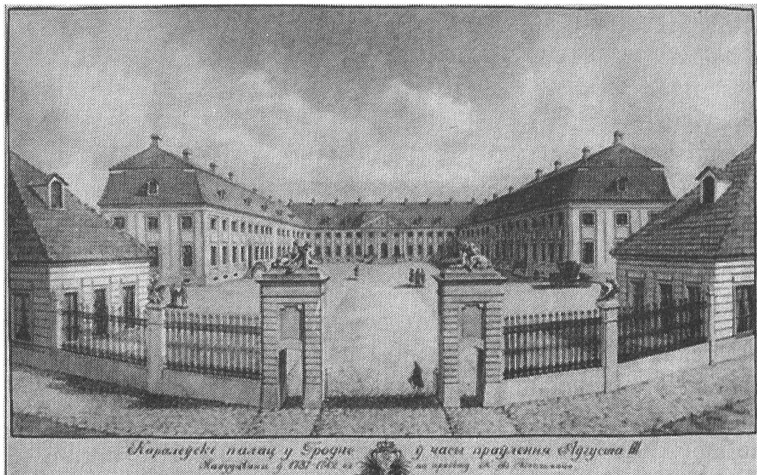
Польша после I раздела в 1772 году

12 января 1793 года в Петербурге была подписана русско-пруссская конвенция о втором разделе Речи Посполитой. Под власть Пруссии переходила значительная часть польских земель (часть населения составляли немцы), а к России – Правобережная Украина и центральная Беларусь (Минщина). Гродненский сейм молчаливо ратифицировал эти решения.

Польша после II раздела в 1793 году

Созванный в Гродно польский сейм молчанием одобрил этот раздел (именно после него стало крылатым изречение Екатерины II «молчание – знак согласия»), поскольку первоначально магнаты и шляхта были успокоены тем, что незыблемость их феодальных прав на землю и личность крепостных крестьян была гарантирована державами-победительницами.

*Королевский дворец в г. Гродно, где отрекся от короны
Станислав Август Понятовский,
последний король Речи Посполитой уроженец Беларуси*

Однако, как только стало известно, что на отошедших к России территориях вводятся общероссийские законы, по которым резко ограничивалась шляхетская «золотая вольность» (суть влияния ее на систему государственного управления отражает пословица того времени: «Polska nieporzadkiem stoi» – «Польша держится на беспорядке»), шляхта начала волноваться.

Русское самодержавие, хотя и признавало крепостное право, но запрещало помещикам казнить крепостных, вести между собой войны, создавать конфедерации. (28 января 1787 г. фаворит Екатерины II князь Потемкин в инструкции управляющим своих белорусских имений отдал специальное распоряжение

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

уничтожить виселицы и торжественно объявить в церкви, что больше их никогда не будет.)

К тому же в варварской России любой подданный, даже самого низкого происхождения, занявший определенный классный чин по табелю о рангах, автоматически становился дворянином вровень с родовитой шляхтой.

Католическая церковь, резонно опасавшаяся за падение своего влияния и за свои доходы из-за начавшегося возвращения в лоно православия многих бывших униатов, вдохновляемых деятельностью Георгия Конисского, выступила за восстание.

Момент был весьма благоприятным, поскольку значительная часть русских войск стояла в южных губерниях в ожидании похода на Константинополь.

Такова вкратце подоплека вхождения в состав Российской империи территорий бывшей Речи Посполитой и начала восстаний и мятежей на них, с историей которых, поведенной документами и непосредственными участниками и современниками событий, можно будет познакомиться, прочтя эту книгу.

Часть 1. Восстание 1794 года

Восстание началось в марте 1794 года.

Во главе его встал Т. Костюшко – выходец из старинного волынского рода, принявшего католичество, отец которого был убит восставшими крепостными на территории нынешней Украины.

Поляки заняли Краков, в котором было создано повстанческое правительство во главе с Костюшко.

Выпущенный в Кракове Акт восстания провозгласил восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года.

Русские войска, застигнутые врасплох, потерпели поражение под Рацлавицами.

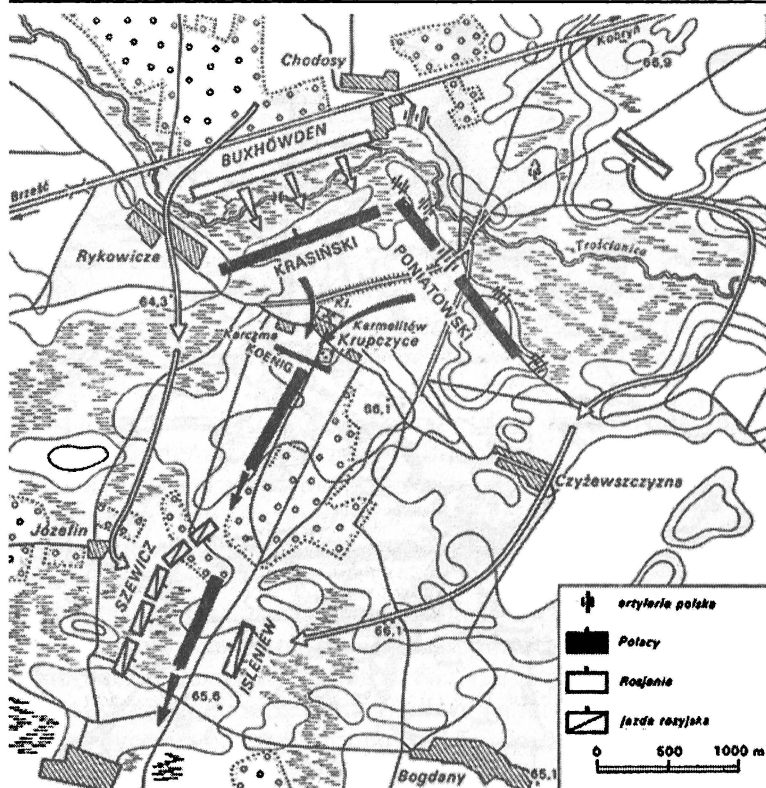
В апреле 1794 года восстание началось в Варшаве. В день католической Пасхи польский «высший свет» столицы пригласил всех русских офицеров на бал, где они были арестованы. Одновременно мятежники напали на ничего не подозревавших русских солдат, оставшихся без командиров.

Произошла настоящая резня, в которой погибли несколько тысяч человек, в основном русских. Практически без суда и следствия были повешены некоторые знатные магнаты, обвиненные в «промосковской» ориентации. Подобные события произошли и в Вильно, который (наряду с Краковым, Рацлавицами, Поланцем, Щекоцинным, Мацеевице и Варшавой) вошел в число ключевых пунктов восстания.

Вместе с прусскими и австрийскими союзниками по разделам Речи Посполитой Екатерина II послала туда войска под командованием Дерфельдена, который занял восточную Польшу с Люблином, и фельдмаршала Репнина, действовавшего в Литве и взявшего Вильно.

Поляки мужественно сопротивлялись. Летом 1794 года пруссаки под командованием самого короля Фридриха-Вильгельма отступили из-под самой Варшавы. Австрийские

Битва под Крупчицами 17 сентября 1794 года

его из плена под честное слово, что он не будет сражаться против России, Т. Костюшко слово сдержит.)

В октябре 1794 г. суворовские войска стремительно подошли к Варшаве и предложили ей почетную капитуляцию. Город обороняли 20 тысяч человек под командованием генерала Зайончека.

А. В. Суворов имел 22 тысячи солдат, но его совершенно не смутила незначительность перевеса наступающей стороны.

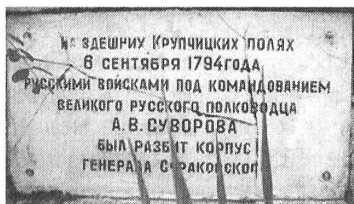
24 октября (4 ноября по новому стилю) он штурмом взял варшавское предместье на правом берегу Вислы – Прагу.

Памятник на Крупчицком поле, 1950 год

Мемориальная доска в честь победы А. В. Суворова

Кароль Сераковский

Сражение за Прагу было очень упорным и кровопролитным, русские солдаты, помня о резне своих товарищей полгода назад, пленных не брали.

Потеряв убитыми половину личного состава, польские войска капитулировали. В плен попали 11 тысяч солдат и 18 генералов.

26 октября (6 ноября) суворовские солдаты вошли в поверженную столицу. Царские идеологи позже скажут, что это был реванш России за сожжение Москвы в 1611 году. Однако Суворов не только не стал сжигать Варшаву, но и фактически спас город от пожара, вызванного артиллерийским обстрелом Праги. Чтобы не допустить распространения пожара на другой берег Вислы, где находилась Варшава, Суворов приказал разрушить деревянный мост через реку и сбить пламя. (Позже, за то что Суворов пощадил польскую столицу, ему была поднесена от благодарных горожан золотая табакерка.)

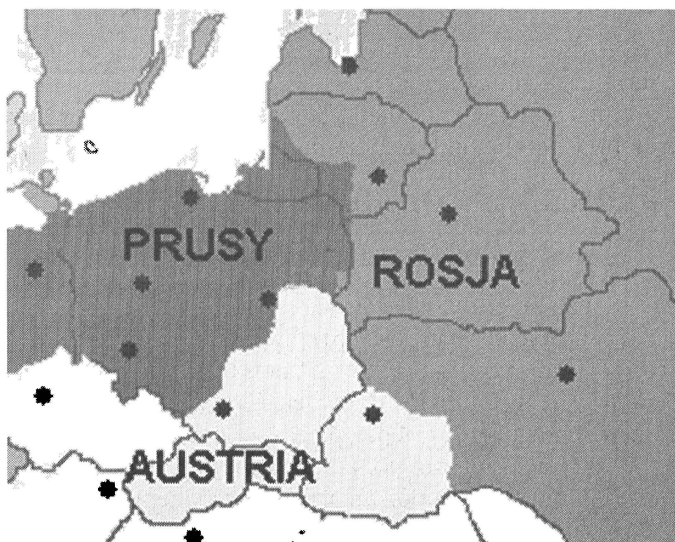
Всех сдавшихся в плен Суворов отпустил под честное слово. Польским раненым была оказана медицинская помощь. В войсках победителей не было мародерства и покушений на жизнь и собственность мирных обывателей.

Сообщение о взятии Варшавы Суворов отправил Екатерине II в характерной для него лаконичной форме. Оно состояло из трех слов: «Ура! Варшава наша!»

Императрица ответила ему двумя словами: «Ура, фельдмаршал!» Долгожданный жезл фельдмаршала Суворов получил именно за польскую кампанию 1794 года.

Суворовские солдаты получили за эту кампанию серебряную медаль «За труды и храбрость при взятии Праги». Офицеры – участники штурма, получили золотой крест с надписью «За труды и храбрость». В той кампании отличились многие будущие полководцы 1812 года, в том числе П. И. Багратион, М. Б. Барклай-де-Толли, П. П. Коновницын, А. П. Ермолов, Н. А. Тучков, Л. Л. Бенигсен и многие другие.

В октябре 1795 года Речь Посполитая была разделена в третий раз и исчезла как государство. Бóльшая часть восточного славянства (кроме жителей Галиции, прежней Галицкой Руси, отошедшей к Австрии) вошла в состав Российской империи.

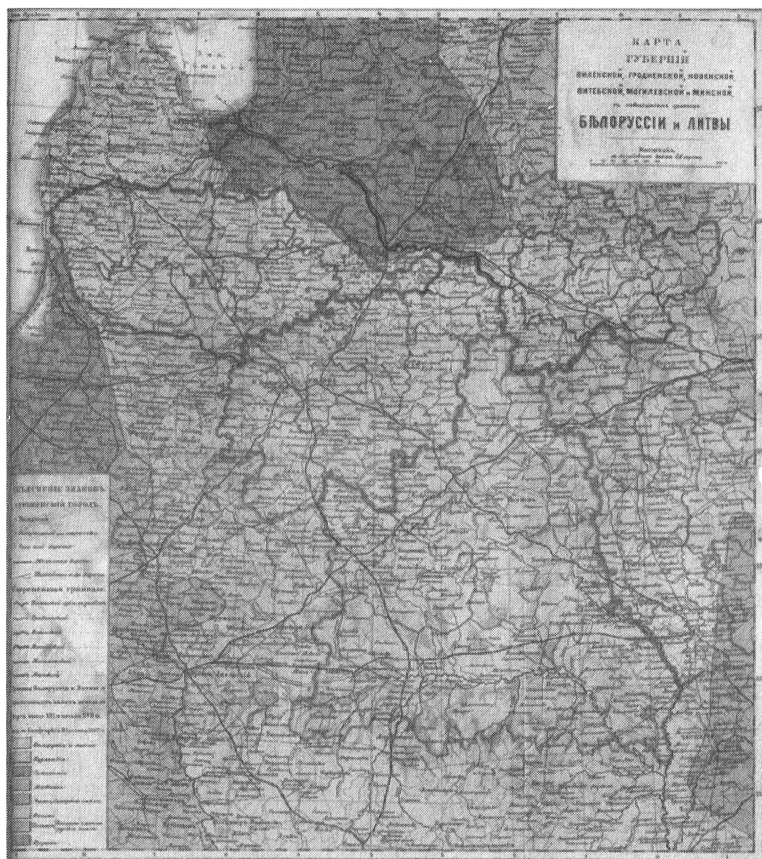

Польша после III раздела в 1795 году

Историк В. О. Ключевский так прокомментировал создавшуюся ситуацию: Россия не присоединила ни одной квадратной версты коренной польской территории. Но великая славянская держава не имела нравственного права пополнять и без того обширное славянское кладбище еще одной свежей могилой (*Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 55*).

Когда Речь Посполитая прекратила существование, польские деятели предложили Екатерине II принять титул королевы Польши, на что российская императрица ответила: «При разделе я не получила ни пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Русью... Не получив ни пяди польской земли, я не могу принять и титул королевы польской».

В Петербурге по этому случаю была отчеканена медаль с надписью: «Отторгнутая ненавистью, возвращенная любовью». По-церковнославянски политика Екатерины II звучала так: «Отторженные возвратих!»

Карта белорусских и литовских губерний

27 МАРТА 1793 г.
МАНИФЕСТ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФА
М. Н. КРЕЧЕТНИКОВА
О ПРИСОЕДИНЕНИИ ЗЕМЕЛЬ К РОССИИ
ПО ВТОРОМУ РАЗДЕЛУ ПОЛЬШИ

Е. и. в. всемилостивейшей государыни моей от армии генерал-аншеф, сенатор, тульский, калужский и новоприсоединенных областей от Речи Посполитой Польской к империи Российской генерал-губернатор, начальствующий над всеми войсками, тамо находящимися и расположенными в 3 малороссийских губерниях, отправляющий должность генерал-губернатора сих губерний, воинский инспектор и кавалер орденов св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского и св. равноапостольного кн. Владимира 1-й степени, польских Белого Орла и св. Станислава и великокняжеского Голстинского св. Анны, я, Михаил Кречетников, объявляю сие по высочайшей воле и повелению моей всемилостивейшей государыни е. и. в. всероссийской всем вообще жителям и каждому особенно всякого чина и звания присоединенных ныне от Речи Посполитой Польской на вечные времена к империи Российской мест и земель.

Участие е. в. императрицы всероссийской, приемлемое в делах польских, основывалось всегда на ближайших, коренных и взаимных пользах обоих государств. Что не только тщетны были, но и обратились в бесплодную тягость и в такое же понесение бесчисленных убытков все ее старания о сохранении в сей соседней ей области покоя, тишины и вольности, то неоспоримо и ощутительно доказывается 30-летней испытанностью. Между неустройствами и насилиями, произошедшими из раздоров и несогласий, непрестанно республику Польскую терзающих, с особливым соболезнованием е. и. в. всегда взидала на те притеснения, которым земли и грады, к Российской империи прилеглые, некогда сущим ее достоинством бывшие и единоплеменниками ее населенные, созданные

и православною христианскою верою просвещенные и по сие время оную исповедующие, подвержены были.

Ныне же некоторые недостойные поляки, враги отечества своего, не стыдятся возбуждать правление безбожных бунтовщиков в королевстве французском и просить их пособий, дабы обще с ними вовлещи Польшу в кровавое междоусобие. Тем вящая от наглости их предстоит опасность как спасительной христианской веры, так и самому благоденствию обитателей помянутых земель от введения нового пагубного учения, стремящегося к расторжению всех связей гражданских и политических, совесть, безопасность и собственность каждого обеспечивающих, что помянутые враги и ненавистники общего покоя, подражая безбожному, неистовому и развращенному скопищу бунтовщиков французских, стараются рассеять и распространить оное по всей Польше и тем самым навеки истребить как собственное ее, так и соседей ее спокойствие.

По сим уважениям е. и. в. все милостивейшая моя государыня как в удовлетворение в замену многих своих убытков, так и в предохранение польз и безопасности империи Российской, а равно и самих областей польских и в отвращение и пресечение единожды навсегда всяких превратностей и частных разнообразных перемен правления соизволяет ныне брать под державу свою и присоединить на вечные времена к империи своей все замыкающиеся в нижеописанной черте земли и жителей их, а именно: начиная черту сию от селения Друи, лежащего на левом берегу Двины при угле границы Семигалии, оттуда простираясь на Нарочь и Дуброву и следуя по частному рубежу воеводства Виленского на Столбцы, проводя на Несвиж, потом на Пинск и оттоль проходя через Кунев между Вышгорода и Новогроблы близ границы Галиции, с кою смыкаясь, простирается по оной р. Днестра, наконец спускаясь всегда по течению сей реки, примыкает к Егорлыку, пункту прежней границы в той стране между Россиею и Польшею таким образом, что все земли, города и округи, объемлемые вышеписанною чертою новой границы между Россиею и Польшею, отныне навсегда имеют состоять под скипетром Российской империи; жители же оных земель и владельцы, какого бы рода и звания ни были, в подданстве оногo.

Чего ради и имею я как учрежденный над оными от е. в. генерал-губернатор точное высочайшее повеление торжественно обнадежить прежде всего собственным ее священным именем и словом (как то сим торжественным манифестом для всеобщего сведения и удостоверения действительно и исполняю) всех е. в. новых подданных, а мне любезных теперь сограждан, что всемилостивейшая государыня изволит не токмо всех их подтверждать при совершенной и ничем не ограниченной свободе в публичном отправлении их веры, также и при законном каждого владении и имуществе, но и совершенно их под державою своею усыновляя и приобщая ко славе и благоденствию Российской империи по примеру верноподданных ее жителей белорусских, живущих в полном спокойствии и изобилии под мудрым и кротким ее царствованием, всех и каждого награждать еще отныне в полной мере и без всякого изъятия всеми теми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древние подданные ее пользуются, так что каждое состояние из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному свойственные выгоды по всему пространству империи Российской, ожидая и требуя е. в. взаимно от признания и благодарности новых своих подданных, что они, будучи милостию ее поставляемы в равное с россиянами благоденствие, потщатся со своей стороны сделать себя и имени сего достойными истинною к новому ныне, но прежде давнему их отечеству любовь и непоколебимую впредь верностью к столь сильной и великодушной государыне.

И потому имеет все и каждый, начиная от знатнейшего дворянства, чиновников и до последнего, кому надлежит, учинить в течение одного месяца торжественную присягу в верности при свидетельстве определенных от меня к тому нарочных людей. Если же кто из дворянства и из другого состояния, владеющий недвижимым имением, небрежа о собственном своем благополучии, не захочет присягать, тому дозволяется на продажу недвижимого своего имения и добровольный выезд вне границ 3-месячный срок, по прошествии которого все остающееся имение его секвестровано и в казну взято быть имеет.

Духовенство высшее и нижнее долженствует подать собою, яко пастыри душевные, первый во учинении присяги пример и в повседневном господу богу публичном принесении теплых молитв о здравии е. и. в. всемилостивейшей государыни и дражайшего ее сына и наследника цесаревича вел. кн. Павла Петровича и всего высочайшего императорского дому по тем формам, которые им для сего употребления даны будут.

Черз торжественное выше сего обнадежение всем и каждому свободного отправления веры и неприкосновенной в имуществах целости, само собою разумеется, что и еврейские общества, жительствующие в присоединенных к империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коими они ныне в рассуждении закона и имуществ своих пользуются; ибо человеколюбие е. и. в. не позволяет их одних исключить из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною богом ее державою, доколе они со своей стороны с надлежащим повиновением, яко верноподданные, жить и в настоящих торгах и промыслах по званиям своим обращаться будут. Суд и расправа да будут продолжаемы в настоящих их местах именем и властью е. и. в. с наблюдением строжайшего порядка и правосудия.

В заключение считаю я за нужно именно присовокупить еще по высочайшему соизволению е. и. в., что все войска, как уже в своей земле, строжайшую воинскую дисциплину наблюдать будут, а потому ни вступление их в разные места, ниже самая перемена правления не долженствуют никому и нимало препятствовать в покойном и безопасном строительстве, торгах и промыслах, ибо размножение их паче служа частной пользе, тем самым будет служить к угодности и благоволению е. в.

Сей манифест имеет 27 числа сего марта месяца во всех церквах прочтен, в городские книги записан и в надлежащих местах прибит быть для всенародного сведения. А дабы оному совершенная вера подаваема была, утвердил я его по данной мне власти подписанием руки моей и приложением печати герба моего.

Издан в главном стане войск, мне вверенных, при Полонне.

13 АПРЕЛЯ 1793 г.
МАНИФЕСТ ЕКАТЕРИНЫ II
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ДО 1795 г.
ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИИ ОБЛАСТЕЙ
ПО ВТОРОМУ РАЗДЕЛУ ПОЛЬШИ

Нашим новоприобретенным от Речи Посполитой Польское областям и всем в них обитателям императорскую нашу милость и благоволение объявляем.

Присоединив на вечные времена к империи Российской от Речи Посполитой Польской области, некогда с нею соединенные, потом в смутные времена отторгнутые и доселе разоряемые беспрестанными неустройствами и частыми междоусобиями, разрушавшими сколь тишину и спокойствие общественное, столь и уверенность и благосостояние частное, мы видели из деяний прежних времен и пред очами нашими совершившихся колько браней, превратностей и злополучий всякого рода прейти надлежало народам, в оных обитающим, дабы паки достигнуть до совокупления под единою державою с единоплеменным им российским народом и соделаться соучастниками блаженства, славы и величия, которыми ныне монархия наша, в мире процветая, наслаждается. Главное намерение и воля наша в сем приобретении есть и будет оградить обитателей их спокойствием и доставить им правление, основанное на твердых и незыблемых основаниях, и от коего проистекать долженствует правосудие каждому, почитая всегда обязанностью нам приятнейшею и долгом, свыше данным, распространять благодетание и творить всех, елико возможно, счастливыми. Следуя сим правилам, не токмо удостоверили мы их в охранении личной и имущественной безопасности, но в вознаграждение убытков, понесенных от смятений, раздоров, движений войск и самих действий воинских, в сей стране бывших, а равно и во изъятие первого знака истинного материнского нашего о

сих новых подданных попечения, всемилостивейше повелеваем: по рассмотрению нашего генерала и тех областей генерал-губернатора Кречетникова, со всякого состояния людей, тамо обитающих, казенных складских доходов в течение настоящего и будущего от 1 января 1795 г. впредь до указа нашего не собирать и не взыскивать, исключая из сего те неокладные расходы, которые платежом их Короне зависят от собственной воли обитателей, яко произвольные и никому в тягость быть не могущие; а равно и все пошлины в таможни, кои поставлены будут на новых пределах империи Российской, соизволяя, чтобы все сии сборы, яко необходимо ныне нужные для благоустройства самих же сих областей, учреждения и содержания в оных губерний, впредь до указа же нашего в казну собираемы были. Сопровождая таковым попечением о благосостоянии сих земель и таковою милостию первый шаг обладания нашего новыми подданными, надеемся, что и они со своей стороны восчувствуют прямое наше желание привлечь к нам сердца их милосердием и паки привязать к древнему прежде отечеству их собственными их пользами, благоденствием и выгодами, а не покорить их силою власти и оружия. Соответственно сему принеся теплые благодарственные мольбы всемогущему господу богу за возвращение их в недра их отчества, да устрелят и они все свое усердие и все силы свои на непреложное повиновение законам и воле нашей и соединясь сердцами и духом с верными нам и любезными российскими сынами, да составят, как некогда, единый с ними народ, всегда послушный и верный своим государям и всегда мужественный и неодолимый противу врагов его и учинятся паче достойнейшими наших о благе их попечений, яко единой матери, о всех ее чадах веселящейся.

АПРЕЛЬ 1794 г. РАССКАЗ ЕВГЕНИИ ВЕЧЕСЛОВОЙ О ВАРШАВСКОЙ РЕЗНЕ

Спустя четыре года после прибытия моего в Россию к отцу моему, я получила приглашение от г-жи Чичериной ехать с нею в Варшаву, где она, по делам своим, должна была увидеться с мужем, командовавшим одним из драгунских полков, расположенных на границе. Я охотно согласилась на ее предложение. После продолжительного путешествия, в апреле 1794 года, мы приехали в Варшаву, где г-жа Чичерина не застала своего мужа, но решила ждать его. Через неделю после нашего приезда, 17 апреля, в три часа ночи мы были пробуждены необыкновенным шумом на улице. Одевшись наскоро, мы обе подошли к окну. В это время пламя зажженного вблизи нас дома русского посланника Игельштрома осветило толпы вооруженных людей, бежавших по улицам. В испуге г-жа Чичерина, оставя мне двух детей своих, выбежала из дому. Тщетно ожидая ее возвращения, я, наконец, решила искать ее и едва могла найти в квартире хозяйки дома, куда она зашла в беспамятстве (считая ее за сумасшедшую, эта дама дала ей у себя убежище). Но и тут мы оставались недолго: выгнанные из дому мужем хозяйки, офицером польских гусар, мы не имели бы никакой надежды на спасение, если бы живший в этом доме стекольщик, прусский подданный, не укрыл нас у себя в чулане.

Здесь мы пробыли три дня, пока прошли первые порывы ярости поляков, и тогда наш избавитель, не смея скрывать нас далее в городе, наполненном шпионами-евреями, уговорил нас отдаться в плен полякам; но, для большей безопасности, советовал мне, как иностранке, идти впереди с детьми и кричать по польски, что я англичанка. При выходе нашем на улицу, мы были поражены ужасной картиной; грязные улицы были загромождены мертвыми телами, буйные толпы поляков кричали: «руби москалей!».

Один майор польской артиллерии в ту же минуту успел отвести г-жу Чичерину в арсенал; а я, имея на руках двух детей, осыпанная градом пуль и оконтуженная в ногу, в беспомощности упала с детьми в канаву, на мертвые тела. Не помню уже, каким образом я очутилась в том же арсенале, где была г-жа Чичерина и где скрывалось до 30-ти русских дам, и в числе их княгиня Гагарина с двумя сыновьями, генеральша Хрущева с детьми, г-жа Багговут, Языкова и другие. Здесь мы провели две недели почти без пищи и вовсе без теплой одежды. Так встретили мы Светлое Христово Воскресение и разговелись сухарями, которые находили около мертвых тел.

Наконец один нечаянный случай облегчил нашу участь. Против наших окон поляки осматривали карету одного путешественника; узнав от часового польской милиции, что это был англичанин, граф Макарте, я обратилась к нему с просьбой помочь нам в нашем ужасном положении. Он вошел к нам в комнату и так был тронут зрелищем, ему представившимся, что вышел от нас со слезами на глазах и в ту же минуту поехал к английскому посланнику ходатайствовать за нас. В тот же вечер нам прислали три огромные фуры с соломой, бельем, теплыми одеялами и другими необходимыми вещами и мы, благодаря попечениям графа Макарте, последнюю неделю пребывания нашего в арсенале не имели уже такой нужды. Отсюда мы были переведены в Брюлевский дворец, и хотя, по приказанию Костюшки, содержание наше было довольно хорошо, но жизнь не была еще вне опасности. Пред нашими окнами на глазах своего семейства был повешен князь Четвертинский и с ним 18 поляков, преданных России. По словам наших часовых, та же участь ожидала и нас.

Через 4 месяца мы были переведены в дом, принадлежавший королевской фамилии, в котором содержались в плену члены русского посольства: бар. Аш, Бюлер и другие. Здесь мы пробыли до первых чисел ноября, когда Суворов, после штурма Праги, вступил в Варшаву. Тут я в первый раз видела этого необыкновенного человека. Все время нашего заключения мы были постоянно в таком страхе, что даже когда польские часовые нас оставили и явились наши избавители, то все дамы спрятались в последнюю комнату и оставили меня одну

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

говорить с вошедшими офицерами. Увидя странный костюм старика, я, несмотря на его ответ, что он русский, не хотела впускать; но стоявшие позади его Чичерин и Горчаков (как я узнала после) сделали мне знак, чтобы я не противилась ему: это был сам Суворов. Войдя в огромную залу и увидя себя в зеркалах, которыми были украшены все стены, он схватил себя за голову и, прыгая, закричал: «Помилуй Бог! Я 20 лет не видал себя в зеркале!» После этой сцены Суворов вошел в комнату, где находились дамы, и поздравил их с освобождением от плена.

Так закончилось наше семимесячное заключение. Впоследствии этот случай доставил мне счастье быть представленной императрице Екатерине II, которой угодно было назначить меня на службу ко двору.

Слыша этот и другие рассказы своей нянюшки, которую назначила к нему Екатерина, будущий император с ранних лет имел возможность почувствовать нерасположение к полякам и отвращение к уличному мятежу.

П. Б.

Рассказ Евгении Вечесловой¹ о варшавской резне 1794 года // Русский архив, № 2. 1897.

---

¹ Евгения Вечеслова (ур. Лайон), няня императора Николая Павловича. Скончалась в 1842 году.

11 МАЯ 1794 г.
СООБЩЕНИЕ МИНСКОГО,
ИЗЯСЛАВСКОГО И БРАЦЛАВСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
КОМАНДУЮЩЕМУ РУССКОЙ АРМИЕЙ
О ДВИЖЕНИИ ПОЛЬСКИХ ПОВСТАНЦЕВ
В БЕЛАРУСИ И МЕРАХ БОРЬБЫ С НИМИ

Г-н бригадир Беннигсен подтверждает донесение подполковника Сакена, которое доставил я вам в точной копии. Он к тому присовокупляет, что при удалении его к стороне Вишнева мятежники другою колонною, в числе 3000 из Вильно прибывших, пошли к стороне Постава, дабы, соединяся с браславскою конфедерациею, войти там в пределы империи. Сие заставит г-на Беннигсена обратиться опять к Сморгони и далее в той край, а посему и нужно, чтоб авангард корпуса в. с. соединился тогда с подполковником Сакеном, дабы прикрыть губернский гор. Минск.

При усиленном стремлении регулярных войск и сконфедерованного шляхетства с вооруженными мятежниками из-под Вильно на границу Минской губ. при Ракове, отколь одним маршем в губернский гор. Минск прийти они могут, получил я вдруг три известия:

1) что Беляк, кн. Сапега и Зайончек через Слоним пришли с войсками в Столовичи и действительно сорвали уже пост наш на границе при Ляховичах;

2) что колонна в 3000 регулярных и сконфедерованных войск из-под Вильно сблизилась к границам нашим противу Постава с намерением, чтоб, соединяся с конфедерациею в Браславском пов. и с вооруженными мятежниками из поселян, внести смятение в пределы империи и даже распространить оное и в Белоруссию, по смежству ее с новыми областями;

3) что авангард кн. Цицианова, поставленный при мосте через р. Неман у Николаева, имел стычку с конфедератами,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

и там показавшимися; а посему в. с. усмотреть изволите, что вдоль всей границы Минской губ. угрожается она впадением возмутителей для произведения внутреннего неуроядства.

Юзеф Зайончек

Не имея здесь войск, кои бы мятежникам противу поставить было можно, я, побуждаясь общим долгом службы, покорнейше прошу в. с. удовлетворить представлению моему от 16 числа минувшего апреля, повелев полкам, из Минской губ. удаленным, сюда возвратиться. Движением их спасен будет отряд в Пинске обще с сим городом, который для соблюдения спокойствия и в полуденных губерниях удержать весьма нужно, поелику засевшего там неприятеля выживать весьма будет трудно по причине многих дефилей, которыми токмо к Пинску приблизиться можно.

Умножением войск приобрету я возможность деташамент бригадира Беннигсена при Ракове, закрывающего губернский город, обратить к Друе для уничтожения толико опасных неприятельских намерений, к Ракову же подвинул тогда г-на генерал-майора Ланского с 8 драгунскими эскадронами и с неполным батальоном егерей, в чем и состоит весь его отряд, поелику другой батальон егерей с ротами ростовского

пехотного полку отправлен на подкрепление бригадира Беннигсена, а затем ожидаемые от в. с. войска употреблены будут на защиту Несвижа и Слуцка с прилегающими поветами, кои, яко укрепленные места, удержать имею я всевысочайшее е. и. в. повеление. Часть войск из-под Гродно, с генералом кн. Цициановым к границам нашим сближавшихся, не может быть раздробляема как в соответствие точного е. и. в. воспрещения употреблять мелкие отряды, так и во ожидании повеления е. с. кн. Николая Васильевича Репнина о наступательных действиях по общему плану и в согласие движения других корпусов; в целом же своем составе деташамент кн. Цицианова не может везде на дистанции почти 400 верст поспевать для отражения мятежников, которых покушения на границе более опасны не по военным предприятиям, но по умышленному возмущению в пределах империи, повсеместно теперь обнаженных.

Осмеливаюсь равномерно покорнейше просить в. с. о предписании г-ну генерал – поручику Дерфельдену, дабы поспешнейшим к сей стороне движением между Бугом и новой границей озаботил он мятежников и отвлек от новых приобретений.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 3. С. 70–71.

1794 г.
**ЗАПИСКИ БАШМАЧНИКА
ЯНА КИЛИНСКОГО¹
О ВАРШАВСКИХ СОБЫТИЯХ 1794 ГОДА
И О СВОЕЙ НЕВОЛЕ**

I

**Зарождение моего замысла
о варшавской революции 1794 года**

Краковская прокламация в варшавском магистрате. — Совецание в Иезуитском коллегииуме — Приглашение к Игельстрому. — Обвинительный рапорт. — Оправдание. — Клятва. — Приготовление к восстанию — Причины недовольства жителей Варшавы русскими. — Проекты гетмана Ожаровского и епископа Коссаковского. — Совецания в доме Килинского. — Тайна, открытая Килинскому русским офицером. — Килинский, по необходимости, становится во главе простого народа. — Донос. — Килинский начинает восстание. — Смерть первых русских. — Стычки инсургентов с русскими войсками в разных частях Варшавы. — Провозглашение Закржевского президентом Варшавы. — Установление временного правления и избрание Килинского членом оно-го. — Охрана короля. — Переговоры с Игельстромом о капитуляции. — Бегство Игельстрорма. — Появление прусских войск под Варшавой. — Отступление пруссаков.

Возникновение моего замысла относится к тому времени, когда началось восстание в Кракове (восстание Костюшко) и когда уже появился акт союза народной конфедерации, благодаря которому началась война с Москвою, цесарем н пруссаком, с той единственно целью, что они несправедливо

---

¹ Ян Килинский — один из руководителей восстания.

Примечания к тексту (в скобках) даны в ред. источника (1895).

разобрали нашу страну, или – вернее сказать – неправильно ее отняли от нас. Этот акт краковского союза был прислан к нам, в варшавский магистрат, тайно от москалей. Когда мы получили его в магистрате, тотчас велели людям удалиться, и лишь мы одни, радные, остались в судебной палате. Прочитав его вместе с письмом, которое к нему было приложено и которое касалось более всего нас, радных, побуждая нас к революции в Варшаве, мы посмотрели друг на друга и замолчали, опасаясь один другого – быть выданным Игельстрому, который в то время более имел значения, чем сам король. Но я собрался с духом и тотчас предложил президенту и своим товарищам придумать – дать какое-нибудь подкрепление Костюшке в начатой им войне. За это и от президента и от своих товарищей я имел большие неприятности, так что, видя их всех объятых трусостью, вынужден был извиниться перед ними, чтобы не выдали меня Игельстрому, ибо я в таком случае рисковал отсидеть некоторое время в тюрьме и, по всей вероятности, был бы удален из магистрата за преданность своей родине. Таким образом мне тогда удалось удержать эту тайну в магистрате. Но я следил: кто что думает и, заметив, что все от этого дела были далеки, принужден был молчать и выжидать для себя удобного времени.

Неделями двумя позже представился такой случай: пришел ко мне ксендз Мейер и просил меня пойти с ним к его приятелям, которые хотели познакомиться со мною. Случилось, что я не был занят, пошел с ним, и он привел меня в коллегium, называемый Иезуитским, не предупредив о том, что там замышляют о революции; все это были офицеры. Приняли они меня очень радушно. После приветствия они тотчас просили меня, чтобы я пристал к их замыслам. На это я им ответил, что если к хорошим, то я – со всею душою, но пусть прежде я их услышу. Тут они стали рассказывать о своих замыслах. Я выслушал, весь их разговор, и мне это совсем не понравилось, но я им ответил, что у меня одна душа и ту я жертвую на защиту родины. Услышав от меня это, спросили моего мнения о революции, чтобы я открыл им свои мысли. Но я предварительно спросил их:

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

сколько найдется лиц подобного образа мыслей, на что они мне обстоятельно ответить не сумели. Еще спрашивал: не имеют ли кого из простого народа, который встал бы во главе этого люда? Ответили мне на это, что только теперь будут просить г. Закржевского, как лицо популярное в городе, встать во главе народа, но что еще ничего положительного для революции не имеют. Я высказал им свое мнение. Есть у меня дядя на Праге (предмestие Варшавы), он комиссар при мосте, и я у него выпрошу, чтобы все перевозки он велел отвезти на середину Вислы, к острову (Dokery. Думаем, что здесь разумеется остров, так называемая Сасская Кемпа), и тогда уже москали не будут в состоянии получить никакой помощи с Праги, равно как ни один из них не может убежать на Прагу (разумеется: из Варшавы, отделяемой от предмestья Праги Вислой). Затем, чтобы все заставы были хорошо охраняемы народом, дабы ни один москаль не убежал из Варшавы. В третьих, сказал им, что я, сколько будет сил моих, приложу свое старание прийти на помощь жителям, а вы, господа, соберите все войска и в середине города начните революцию. Пусть будет назначен для нее определенный день, о котором должны быть оповещены жители, дабы каждый был настороже.

Слова мои понравились им, и все меня целовали. Но Бог меня спас, что я большего не высказал им, ибо они выдали меня. А как я еще немного времени у них оставался – начали они рассказывать: кто у какой женщины бывает, вместо того, чтобы рассуждать о том решении, которое предполагали предпринять. Видя, что это лишь патриоты на час (tymczasowi), я весьма жалел о том, что им высказал; мне пришло даже на ум, что это могли быть шпионы Игельстррома, в чем я, как выяснилось на следующий день, совсем не ошибся. Я простился с ними и при прощании просил их к себе: что если пожелают иметь заседание – пусть придут ко мне и даже сказал, на какой улице и под каким номером я живу; а затем отправился домой.

На другой день, утром, в 6 часов, прислал за мною Игельстром, официально, офицера звать меня к себе. Зов его очень

меня поразил, так как можно было надеяться просидеть с месяц в тюрьме, а то и в погребе, — где уже не один сидел.

Офицер велел мне быстро одеваться, если не хочу быть веденным публично по улице. Когда я услышал это, то незаметно взял с собою кинжал и вложил его за голенище. Это было для него (т.е. для Игельстрома) и для меня, на случай, если бы он приказал заключить меня в кутузку, в коей я положительно не желал сидеть, предпочитая лишиться жизни и его и себя. Оделся я и пошел с офицером к Игельстрому. Сознаюсь, что когда пришел к дворцу (т.е. к дому, где жил Игельстром. Это было на Медовой улице, против кастела капуцинов), от великого страха дрожали у ног поджилки, но должен был пойти, не дожидаясь, чтобы он приказал солдатам силою привести меня к себе. Едва я вошел в комнату Игельстрома, как встретил недружелюбный прием.

Игельстром прежде всего спросил меня: ты Килинский? Отвечал ему: я. Вторично спросил меня: ты радный? Отвечал: я. Тут он сказал: ты — бестия, бунтовщик. Я пытался спросить его, каким образом я бунтовщик, но он приказал мне молчать, а лишь сам ругал меня, сколько ему хотелось — словами: бестия, шельма, изменник, негодяй, каналья, вор, или лучше: злодей; наконец, сказал мне, что велит меня повесить на новой виселице перед Капуцинами (т.е. перед капуцинским костелом). Я вторично просил его позволить мне объясниться, но он опять приказал мне молчать и только сам тешился руганью. И так он меня рассердил, что я уже стал подумывать о жизни его превосходительства, если бы он — по третьем разе — не дал мне объясниться. Ибо хотя я смирился — пускай выльет на меня до дна всю свою злобу, — однако держал в голове: что, если он прикажет меня арестовать, так я тогда прежде об нем, а потом о себе подумаю и тотчас начну революцию, если бы мне удалось уйти от него живым, а если бы нельзя было, то сам бы себя убил, так как предпочитал принять смерть, нежели сидеть у него в погребке в заключении. Наругавшись вдоволь, обратился ко мне и сказал: что же ты, дурак, думаешь? Я просил его о терпении, пока изъяснюсь. Когда он позволил

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

мне говорить, я прежде всего попросил его сказать мне, за что он меня бранит, так как я до сих пор не слышу ни о каком со своей стороны проступке, – в чем я виноват перед ним?

Тогда он пошел в кабинет и принес мне тот рапорт, в котором я был обвинен перед ним, и стал мне его читать. В рапорте этом заключалось нижеследующее:

Ян Килинский, родной города Варшавы, вчерашнего дня, в 8 часов вечера, пришел в по-иезуитский дом, где нашел польских офицеров, отъявленных бунтовщиков, и был принят ими с распростертыми объятиями. 1) Спрошенный ими: не мог ли бы пристать к ним, Килинский отвечал: имею одну душу и ту пожертвую на защиту моей родины. 2) Ян Килинский, спрошенный ими: достаточно ли имеет друзей, ответил, что одних только сапожников имеет 6.000, которые тотчас, по его желанию, все поднимутся, а кроме этих – объявил им – других ремесленников доставить им вдвое более. 3) Тот же Килинский прошен был ими, дабы им высказал свое мнение, каким образом начать восстание в Варшаве? На что он и ответил им: я имею на Праге дядю, комиссара при мосте, и устрою, что все перевозки он велит отвезти к острову, чтобы никто не мог ни уйти на Прагу, ни с Праги прийти в Варшаву на помощь; при остальных заставах поставить достаточное число вооруженных жителей, чтобы никого из москалей не выпускали, а внутри Варшавы начать бунт или восстание и прежде всего неожиданно на войско, находящееся на карауле у Игельстрома, и обезоружить его. Таково было мнение Яна Килинского, данное бунтовщикам, касательно начала бунта. Все поблагодарили его за такой прекрасный план. 4) Тот же Килинский, при прощании с бунтовщиками, просил их к себе и сказал им, что живет на улице Дунай, под № 145.

О, друг читатель! Обрати внимание, как хорошо обвинил меня шпион! Он все так верно, дословно донес, что я не мог ничего ответить на это обвинение и, если бы я разыскал его по окончании революции, то дал бы ему за то в награду самую первую виселицу, дабы он больше не выдавал своих благомыслящих собратий.

Обвинение это, должен я признаться, такой нагнало на меня страх, что у меня, когда я читал рапорт, ноги дрожали и волосы на голове становились дыбом. Но что же было делать? Должен был скрыть свою боязнь и приготовиться к обстоятельному ответу, чтобы не высидеть с какой-нибудь русский месяц в тюрьме за столь прекрасный совет к возбуждению бунта.

Когда уже он все прочитал, обратился ко мне со словами: – Видишь, что наделал, бестия, каналья, я велю поставить виселицу и тебя на ней повесить.

Уж очень было неприятно, что я, такой честный башмачник, буду повешен за то, что желаю помочь своей отчизне. Но я терпеливо ожидал, когда он уgomонится, ибо он необыкновенно поносил меня. А когда он немного успокоился, я просил его разрешить мне отвечать. Он позволил, и я объяснил ему так:

– Ваше превосходительство, милостивый государь мой! Хотя, правда, я стою перед тобою с качестве виновного, но кто же из нас причиною сего, как не вы сами? И вот почему: наместник был президент у вас, и был он вами прошен, чтобы нас всех радных попросил от вашего имени – ходить по всем кофейням, погребам и бильярдным, и подслушивать, что игроки и другие болтают о бунте, о котором уже толкуют вслух и даже подговаривают людей начать его, – и если кто из нас что узнает, – сказал бы президенту, а он уже немедленно или вам доложит, или сам прикажет арестовать болтунов. Президент, воротясь от вас к нам, в ратушу, тотчас вашим именем просил всех радных исполнить ваше желание. Я, узнав о вашем желании, тотчас стал разыскивать болтающих о бунте, и вчера вечером отправился туда, где были такие, и когда пришел к ним, то они и меня подговаривали к бунту. Что же я мог им ответить, чтобы скрыться перед ними, как лишь то, что я хочу принадлежать с ними к бунту, ибо в противном случае, ничего бы от них не узнал. И вот я сказал то, за что обвинен перед вами вашим доносчиком, ибо, если бы я ответил, что

не желаю принадлежать к их сообществу, то они немедленно бы меня от себя прогнали, и могли бы, из боязни, чтобы я не обвинил их перед вами, убить где-нибудь в углу; ведь и доносчик, специально предназначенный для шпионства, желая что-либо разузнать, должен прикидываться величайшим патриотом, так должен был поступить и я. Желая выведать от них, что они замышляют, я говорил им все то, что вы мне прочитали. Если бы шпион еще не донес вам об них, то я уже у себя начал их переписывать, и затем их имена и фамилии сообщил бы президенту, чтобы он передал вам для арестования их, ибо мы не можем арестовать офицеров. А так как я не знал тех офицеров всех, то и просил их к себе, а потом послал бы за городской стражей и всех их, как бунтовщиков, задержал бы в ратуше, а затем донес бы об них президенту, и ежели они придут ко мне, то я, конечно, так и сделаю. А как вы уже об них знаете, то доносить я не стану. Теперь рассудите: кто виноват, не вы ли сами? Если бы вы нас об этом не просили, то уже, разумеется, я бы среди них не находился. Если же вы не верите мне, то пошлите за президентом, пусть он сам расскажет, что всех нас, радных, просил от вашего имени; а затем, вы не меня одного из магистрата будете иметь в подозрении, но и других, которые вслед за мною начнут разыскивать болтунов по всей Варшаве, а ваши шпионы, не будучи предуведомлены об этом, будут постоянно на нас жаловаться.

Когда я это сказал ему, он тотчас послал за другим рапортом, в коем уже были обвинены перед ним шпионами гг. Тыкель, Лалевич и Бальферс — из магистрата. Он сейчас же спросил: что, они также были прощены президентом? Я ответил, что были прощены и, таким образом, и их освободил от подобного же обвинения. И на самом деле нам говорил президент, но мы и слушать не хотели, чтобы вдаваться в такую низость. В виду такого моего объяснения, он тотчас перестал сердиться и стал деликатно говорить со мною. Я ему сказал: — Магистрат уже обещал вам, что опасаться нечего, что жители все спокойны, что лишь только игроки проявляют беспокойство за картами.

Видя его уже в хорошем расположении духа, начал я говорить смелее, что если, дескать, вы не примете моего оправдания, то я, с товарищами, буду иметь претензии к президенту, что он подвел нас своими словами, что вы, быть может, и не просили его, а он, желая вам подслужиться, сам это выдумал.

Как он услышал это от меня, сейчас мне сказал, что сам просил президента, чтобы тот заботился о спокойствии вообще, объявил мне, что оправдание мое принимает; извинился, что так меня обидел, приказал принести ликеру, угощал меня и уже более не кричал, а говорил мне *wielmożny pan* (вельможный пан), и даже мне обещал, что если мы будем доставлять ему верные сведения о бунтовщиках и не будем позволять в Варшаве говорить о бунтах, то каждый из нас получит награду. Но какую, — я того не знаю; ежели русскую, то мы, поляки, уже хорошо ее узнали, ибо она для нас едва не стала костью в горле, и я каждому желал бы, чтобы ни один не домогался ее от москалей. Потом спросил меня, имею ли я столько друзей, сколько обещал достать для бунтовщиков? Но этот вопрос был уже сделан в хорошем расположении. Я сейчас же ему ответил, что если бы он велел объявить, что я арестован, то тотчас бы узнал, сколько у меня друзей, ибо их сейчас увидал бы от себя из окна, чего бы я ему совсем не желал! Но я, удовлетворяя его любопытство, старался, чтобы он скоро их увидел налицо. Вторично он спрашивал меня: сколько может встать народа по моему желанию? Я ему ответил, что если он разрешит, то я в течение одного часа выставлю 30 000 одних только ремесленников, которые выбрали меня радным. Этими словами я немало наделал и смеху, и страху, ибо он велел мне, как можно скорее, уходить от себя, чтобы к нему не пришли за мною, приказывая мне сидеть спокойно. Итак, я благополучно вернулся домой.

О, друг читатель! Скажу тебе по правде, я так был доволен, как бы на свет родился, что так ловко вывернулся. Конечно, если бы не это приглашение, то не было бы никакой возможности оправдаться перед ним, и я, разумеется, и его и себя пронзил бы кинжалом, как решился на то. Но Бог и его

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

и меня защитил от смерти. Бог для того еще меня сохранил, чтобы дать ему возможность узнать моих друзей, которых он желал видеть, а также и для того, чтобы я дал ему добрый урок, дабы он памятовал, что в состоянии сделать один польский башмачник, который, конечно, и телом и душою может иметь одинаковое с ним значение. Сколько есть гордых деспотов, кои остаются в своем ослеплении и надменности! Такой никогда не представляет себе того, что его может самый ничтожный человек так победить, что он должен будет бежать даже за Черное море. Почему? А потому, что, оставаясь равным телом и душою, ни один деспот не допускает возможности быть побежденным слабым; но увидим ниже – как он передо мною, башмачником, должен был бежать из Варшавы. И хотя ему уже самое положение не позволяло бежать, а однако он об нем забыл и один, без свиты, так от меня убежал, что за ним даже пыль поднималась столбом. Разумеется, он должен был дрожать передо мною и перед моей честностью.

Но об этом довольно. Перейдем к дальнейшему приготовлению к моему восстанию. Вот как оно было подготовлено мною против москалей.

Когда вернулся я от Игельстрома домой, пришел ко мне ксендз Мейер, тот самый, который водил меня к тем показным патриотам, коими я был обвинен. Сейчас же мы с ним сложили присягу, – дабы все сношения наши совершались под клятвою. Сделали мы это для того, чтобы не было измены, как это случалось до сих пор, ибо Игельстром в то время располагал слишком 500 шпионов.

«Я, такой-то, присягаю пред Богом и целым светом народу, а также и главному начальнику вооруженной народной силы Костюшко, в том, что буду верным защитником моей родины и в каждый момент встану на защиту, буду покорным его слугою и все приказания стану исполнять с величайшею точностью; несправедливости в этом восстании сам никому не сделаю и другого сделать не допущу; тайны сего союза, поверенной мне, никому не выдам и перед правительством не открою; друзей

своих стану привлекать к этому союзу и буду изыскивать лучшие способы к поднятию восстания; а если бы кто из нашего общества был арестован правительством, начну неприятелю мстить; при начале революции со всем мужеством своим встану и до последнего ее момента не перестану быть защитником моей отчизны; а если бы я вздумал кого-либо из этого союза выдать, то подлежал бы на всяком месте самой позорной смерти. Так мне Господь Бог, в Троице Единый и невинные святые страсти Сына Его да помогут. Аминь».

Присяга сия была для одних военных, для штатских же она не заключала тех условий, кои в ней содержатся. Каждый приносил нам присягу прежде, чем узнавал о нашем намерении, причем должен был имя и прозвание свое занести в список. Наши приготовления происходили за три с половиною недели до начала революции. Таким образом, мы с ксендзом Мейером, призвав Бога на помощь, старались разыскать друзей для распространения наших замыслов. Я действовал среди ремесленников, а ксендз Мейер в среди лиц интеллигентных, почтенные сердца коих мы уловили в самое непродолжительное время; причем почти ни один нам не отказал, но каждый с полною готовностью изъявил согласие. Когда я привлек сердца старших цеховых, в коих был уверен, что они вполне сохраняют тайну, то пригласил их к себе на открытие нашего заседания. А как они пришли, мы посоветовались, дали честное слово и присягнули, что каждый станет всеми силами стараться привлекать к заговору своих собратий, а также, что мы будем защищаться до конца.

Каждый из жителей в величайшей степени был обременен податями, кои на нас наложила квартирная комиссия на уплату за военный постой москалей, так что сносить такого великого притеснения долее мы не могли, ибо все, что только мы заработали трудами рук своих, того едва могло хватить на одних лишь москалей, кои постоянно мучили нас взысканиями (ехекусуати). Такое притеснение обязывало каждого жителя к скорейшему началу революции, тем более, что мы были напуганы угрозами москалей, что, когда поляки

одержат над ними победу, то им нельзя уже будет оставаться в Варшаве, почему они и решили прежде нас поработить, потом сжечь Варшаву от края до края и, наконец, чтобы поляки не имели чем защищаться, забрать весь наш арсенал. (Нет надобности говорить, что все, сказанное ниже Килинским о плане Игельстрома, – совершенно нелепый вымысел, выдуманный заговорщиками, чтобы обмануть народ и чем-нибудь оправдать собственное вероломство.) Позднее же еще более нам угрожали. Когда жители приготавливали ветчину на Пасху, москали предупреждали, чтобы мы не покупали ее, говоря нам, что из нас самих они наделают на Пасху ветчины. Тут спрошу я всякого – пусть мне ответит, что разве такие угрозы для нас, обывателей, не были достаточно страшны, разве они не были для нас, невинных людей, столь великой насмешкой, коей мы от москалей не заслужили? Но это еще не конец издевательству над нами. Ниже увидим, какое наказание предназначалось нам, неповинным людям, кои готовились стать невинною жертвою в Великую субботу, при выходе из костелов после заутрени (porzurekcyi), а именно: в Варшаве было отдано приказание, чтобы с 7 часов вечера все дворцы, дома и домишки были заперты, и чтобы никто, под страхом быть арестованным, не отваживался ходить по улицам, и хотя еще был день – на это совсем не обратили внимания. По улицам расхаживали московские и польские отряды и задерживали встречных. И все это делалось для того, чтобы удобнее было отнять у нас арсенал ибо нечего и говорить, что наши войска, находившиеся в Варшаве не могли никоим образом оказать москалям сопротивления. Однако же москали опасались простого народа и на пробу устроили ложную тревогу, испытывая, не появится ли народ на улице – вопреки приказам хотя бы даже где горело. Случилось, что в то время, когда такой опыт сделан был москалями, т.е. был пущен слух, будто бы на конце Варшавы горел пивоваренный завод, чего на самом деле не было, простой народ не обратил внимания на распоряжение полицеймейстера. Затем москали постарались подкупить гетмана Ожаровского, дабы он отдал приказы командирам полков не отпускать солдат из своих команд, желая таким путем ослабить и уменьшить все команды, дабы

они не были в состоянии защищать варшавский арсенал. И вот, гетман Ожаровский – верный слуга московский, а родины своей изменник, подкупленный москалями, велел распустить две части солдат, – хотя их и без того было немного, и лишь одну часть оставил для охраны арсенала. Но это еще не все. Гетман Ожаровский, верный слуга московский, а своей отчизны изменник, отдал командирам приказы, чтобы, когда поднимется в Варшаве тревога, вместе с москалями перебили невинных жителей. Ниже будет видно, кто нас об этом предостерег. Вот-то прекрасный защитник отечества! Мало того, что согласился на растерзание государства, но еще жаждал пролития невинной крови. В таких защитниках или – вернее – изменниках, в то время в Варшаве недостатка не было. Солдатам, отпущенным из наших полков, он не позволял оставаться в Варшаве, угрожая в противном случае посадить их под арест. И это ради того, что москали заняли все пути и этих бедных отпускных, шедших по дорогам, хватали и отсылали в свои полки. Одним словом, можно сказать, что был он добрым гетманом для москалей, а не для поляков, ибо первым дал сердечные доказательства своей должности. Тем не менее мы, обыватели и офицеры, насколько было возможно, потихоньку держали отпускных солдат. Они были для нас большою помощью и дажегодились самому гетману для свиты... Но довольно об этом изменнике, я даже и писать не хочу об его прекрасном примере.

Теперь перейдем к другому изменнику, подобному же по заслугам для нашего любезного отечества. Приближались пасхальные праздники. Полторы недели оставалось до них, когда епископ Коссаковский предложил Игельстрому такой проект народного избиения. Пусть он пришлет к епископу, заведывающему варшавским духовенством, чтобы последний сделал распоряжение духовенству, начать богослужение в костелах в одно время, а именно в 8 часов вечера. Это для того, чтобы во время богослужения москали, сделавши внезапное нападение, отняли у нас арсенал, а потом немедленно окружили бы пушками все наши костелы вместе с находившимися в них людьми. И в тот час, как началась бы тревога, люди, понятно,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

перепуганные, устремились бы все разом вон из костелов, москали могли бы превосходно перебить всех. Игельстром принял этот проект епископа Коссаковского с особенным благоговением и даже не сделал против него ни одного возражения, а велел немедленно отдать приказание духовенству оповестить народ, что пасхальное богослужение начнется во всех костелах вместе, в 8 часов вечера, в чем ошиблись Игельстром и сей разумный епископ Коссаковский.

Но Бог не хотел такой огульной хвалы, которая, без сомнения, была бы насыщена кровью. Пусть каждый посмотрит – какую этот епископ-изменник хотел оставить прекрасную память в Польше. Если бы коронная гвардия почти вся пошла для парада (*do assystencyi*) в приходский костел (так назывался в простонародии костел Св. Яна (ныне кафедральный)), москали могли бы тогда очень легко забрать арсенал, потому что кто же бы его тогда защищал? Даже и солдат, которые были в приходском костеле, москалям очень удобно будет не только перебить, но даже обезоружить, а затем уже с народом сделать что угодно. Этот проект епископа Коссаковского, когда мы узнали об нем, изранил наши сердца тем, что хотя духовное лицо, а даже и внимания не обратил на такую страшную резню, которая, благодаря его совету нашим врагам, могла бы иметь место в храме Божиим. Это тот епископ-изменник, который только тогда прибыл в Польшу, когда должен был согласиться на раздел страны, это тот самый епископ, который уже сам учинил убийство, приказав невинных бернардинов умертвить в храме Божиим; кровь их и без того уже зывала к Богу о мщении, а он еще дополнил свою меру проектом относительно варшавских жителей. А вот я касательно самого его никакого проекта не сочинял, а однако же в состоянии был велеть его послать в верх (в подлиннике: *poslac do gyory* (повесить)) за интриги – за то, что он обманул престол, сенат и духовенство, а не знал о том, что один варшавский башмачник его победит, и даже в то время, когда он приказал перебить его собратьев. Ниже увидим – какою погиб он смертью. Но будет уже об этом прекрасном прелате. Посмотрим теперь, как мы готовились к восстанию.

Когда я склонил всех старших цеховых, то сейчас же их обязал, чтобы каждый из них старался привлечь ремесленных старшин защищать нас, а мы с кс. Мейером и с Нецким отправились на заседание одних только офицеров, из которых каждый должен был выполнить нам присягу, ибо я боялся быть выданным вторично. Но Бог помог нам, тайна наша не была выдана. Хотя у меня во втором этаже стоял московский поручик, а даже и он совсем ни о чем не знал. Заседания наши происходили у меня на четвертом этаже, ежедневно, в продолжение трех с половиною недель, и хотя, правда, что мы постоянно собирались по ночам, тем не менее было чего опасаться, особенно мне, чтобы кто-нибудь не выдал.

Приближалось время начинать, а у нас, как назло, не было ни одного генерала, ни даже полковника, который бы встал во главе войск. Мы имели у себя только двух штаб-офицеров; на стороне революции были лишь одни субалтерн-офицеры. Равным образом и из обывателей у меня не было такого, который бы встал во главе последних. Так мы выслали ротмистра Пенговского, пользовавшегося доверием среди варшавян, ибо он уже бывал президентом, — встать во главе граждан. Но он не хотел принять этой сомнительной должности, опасаясь быть выданным Игель-струму. И действительно, было чего бояться, хотя мы и знали о его мужестве, а равно и о том, что и сам он только и ожидал случая к началу восстания. Еще отправили мы из своей среды майора Зайглица и капитана Метельского к полковнику полка Дзялынського Гайману, прося его встать во главе военных. Но наш полковник только ответил уверением, что, как начнется восстание, он станет бить не своих, а лишь москалей; более ничего не сказал, боясь быть выданным, ибо, в таком случае, без сомнения, был бы отослан к своему генералу Дзялынскому, который уже был взят москалями в плен и отправлен в Киев, а вообще он был патриотом, — и так было чего бояться. То обстоятельство, что мы не могли найти военных и гражданских начальников, очень нас беспокоило, ибо откладывать долее мы уже не могли, не желая, чтобы москали нас предупредили. Шла уже последняя

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

неделя перед Пасхою, которой москали ожидали с великим нетерпением, желая как можно скорее выполнить свой замысел. Тут я должен прежде открыть ту тайну, которую я узнал и благодаря которой начало нашей революции предупредило москалей.

Я был знаком с московским офицером, служившим в канцелярии Игельстрема, часто выпивал с ним, когда мы сходились. Пришел ко мне этот офицер утром во вторник (в 1794 г. Великий вторник падал на 3 (15) апреля) покупать башмаки для своей любовницы и, купив их, посоветовал мне забрать с собою жену, детей и из вещей что получше и выехать из Варшавы, хотя бы недели на две. Я спросил его из любопытства – зачем он велит мне выехать? Тут он начал мне передавать рассказы, что в Великую субботу в Варшаве произойдет великая резня; на что я ответил ему, что слышу об этом в первый раз. Тогда этот офицер начал мне обстоятельно рассказывать, каким путем предполагают москали отнять у нас арсенал, перебить его защитников и обезоружить находящееся в Варшаве войско, а если бы им это не удалось, – они не могли бы добыть арсенала, – то имели намерение приказать поджечь Варшаву и, что будет, возможно, прежде разграбить, а потом выйти из нее. (Очевидно, что этот фантастический офицер существовал только в воображении Килинского, буквально повторяя басню, выдуманную заговорщиками для народа. Ред.)

Прежде всего офицер этот спросил меня: знаю ли я о том, что пасхальная заутреня будет во всех костелах одновременно? Я ответил, что слышал, но для чего – не знаю. Он мне сказал: для того, что в то время, когда весь народ пойдет в костелы, а гвардия, по обычаю, соберется в приходском костеле, москали с пушками окружат все костелы и никого оттуда не выпустят, пока не отберут от нас, или не разграбят, арсенала, а для убеждения меня советовал пойти осмотреть орудия, которые были спрятаны вблизи костелов, и указал, в каких именно домах они были скрыты; чему я весьма удивился. Желая узнать от него еще более и за ту великую тайну, которую он мне раскрыл, я послал для него за ликером,

и когда мы выпили по несколько рюмок, от открыл мне всю правду, какие только средства предложены нашими поляками для истребления нас в Варшаве, при чем сказал мне, что такой проект предложил Игельstromу епископ Коссаковский относительно костелов; еще рассказал мне, что гетман Ожаровский отдал приказание польским командирам вместе с москалями бить народ, — о чем мы узнали только от этого офицера; также сообщил мне, что солдаты на Праге готовят и натачивают на нас шесть сундуков ножей; еще передал мне что Игельstrom велел заготовить деревянные табакерки, величиною в полторы копейки, кои должны были иметь в середине сургучные печати; их предполагали раздать некоторым польским особам в Варшаве, дабы последние, предъявив их, не потерпели никакого вреда; кроме того мне рассказал, что в Варшаве в то время было скрыто 8000 москалей. Впоследствии мы узнали, что все, что только он сообщил, была совершенная правда. И я этого офицера не только поблагодарил тогда за эту тайну, но даже вечно буду ему благодарен, ибо через свое любезное предостережение он сохранил мне жизнь и ускорил начало нашего восстания.

Как только я с ним простился, тотчас дал знать своим братьям, которые принадлежали к нашему обществу, и просил их сейчас же на последнее заседание, которое мы предполагали собрать в артиллерийских казармах, ибо у меня для столь обширного собрания не было места. С 8 офицерами мы поехали по Варшаве осматривать московские орудия, скрытые у костелов, о которых мне рассказал московский офицер. Мы нашли их, как говорил он, спрятанными в домах вблизи костелов. Это послужило для нас первым доказательством справедливости его слов. Далее я просил наших офицеров, чтобы они постарались разузнать о том распоряжении, если это правда, которое ожидалось относительно нас от гетмана, о чем еще наши офицеры не знали. Они тотчас пошли к коменданту и так усиленно его просили, что он никак не мог им отказать и должен был дать им прочитать распоряжение гетмана. Комендант делал это по секрету, но мы вынуждены были рассказать об этом каждому, дабы тем возбудить всех.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И действительно, когда мы сообщили всем содержание этого приказа, то к нам пристало очень много народа, ибо каждый, будучи перепуган, видел, что это не шутки. Таким путем мы узнали всю правду, убедились в справедливости того, что передал нам тот московский офицер; даже и те шесть сундуков ножей, кои были приготовлены на нас на Праге, мы позднее достали. (Как это правдоподобно: вооруженные войска для чего-то запасаются еще ножами!!! Ред. 1895.)

С наступлением вечера сошлись офицеры в казармы на последнее заседание. Я также с собою привел мастеров главнейших цехов. Отправляясь на заседание, мы не шли разом и шли не одной, а несколькими улицами, дабы нельзя было нас узнать. Это последнее заседание состоялось у поручика Кубицкого. Мы удачно сговорились и далее поклялись, что, даст Бог, начнем непременно в четверг, и тогда же назначили определенный час, именно – 4 утра, которого и должны были ожидать все, вооружившись. На этом заседании мы составили инструкцию для цеховых мастеров, на каких улицах они должны были встать с оружием. А так как порох еще не был перенесен из порохового магазина в ямы, то мы выбрали капитанов Роппа и Линовского, чтобы они, посредством своих солдат, ночью спрятали порох, дабы его не подожгли у нас москали. Итак, по окончании заседания, мы простились и разошлись по своим домам. И уже каждый думал о наилучшем вооружении для восстания.

Но не было у нас еще начальников. Офицеры в каждом полку выбрали старшего в чине офицера, но из тех, которые принадлежали к нашему сообществу, так как ни один из больших офицеров не хотел принимать участия в этой революции. Одни так поступали страха ради, чтобы не были выданными, другие боялись понюхать московского пороху, ибо им гадко воняло, а у нас нет недостатка в трусах, кои за большими чинами тянутся, а во время войны или сказываются больными, или бегут от нее. Офицеры, которых от каждого полка присутствовало на заседаниях по три человека, – и каждый раз разные, так как, по причине небольшого у

меня помещения, более бывать не могло, – возвратясь в свои полки, немедля рассказали товарищам о том, что мы окончательно порешили между собою. Эти офицеры получили на последнем заседании указания, какими улицами идти на москалей, ибо мы, хотя понемногу, но однако по всем улицам их распределили, дабы народ был при них смелее. Так вот эти-то офицеры, вернувшись из заседания, тотчас рассказали другим, выбрали из своей среды командиров и принесли присягу; таким образом, в течение среды, они сделали все приготовления к битве на четверг. Только я, бедный, не имел никого, кто бы встал во главе простого народа. Дошло до того, что офицеры принудили меня; я должен был согласиться и таким образом сделаться виновником всей революции. Очень было мне трудно решиться на это, и что я мог делать, не зная никакой тактики? Тогда я думал, что только одна тактика может победить врагов, но после увидел, что это неправда, ибо те и с тактикою от нас спрятались, а мы и без тактики, – да остались. И вот я принужден был последовать тактике того собрата, сапожника-римлянина, который, без сомнения, так же, как и я, не знал другой тактики, кроме колодки, а разгромил врагов.

Когда дал мне Бог дожждаться среды, я прежде всего пошел к исповеди, дабы Бог помог нам благополучно начать и окончить. Великая истина, что Бог не велел убивать ближнего, но что же оставалось делать, когда враги так хорошо думали о нашей шкуре, что, вероятно, она не осталась бы на нас целою. Итак, я должен был решиться, ибо, если без всякой совести враг может драть с меня шкуру, то почему же я не могу бить нападающих? По окончании богослужения, я, вместе с офицерами, обошел всех старших цеховых, давая каждому из них наставление, на какой улице встать, объявляя им определенный час и приказывая, чтобы каждый слушал выстрела из пушки, который должен был служить сигналом к началу, и в то время грянуть на врага, что и случилось, ибо каждый даже не спал, ожидая выстрела. Мы едва окончили наше приготовление к 11-ти часам ночи, ибо каждому надо было рассказывать самым подробным образом, чтобы

он знал, что делать, а кого мы не застали дома, к тем должны были по несколько раз ездить, дабы каждый был непременно уведомлен о том, когда мы начинаем. Когда, по возвращении в казармы, мы объявили другим офицерам, которые там нас ожидали, чтобы узнать, насколько охотно приняли граждане наши наставления, что приняты они хорошо и даже без всякой отговорки, то положительно они воспрянули духом от великого удовольствия. Но мы еще не имели никакого согласия с королевскими уланами, которые только что пришли в Варшаву и принесли присягу на верность королю. Правда, мы боялись поверить им наш секрет, чтобы они его не выдали. Однако Бог дал мне столько смелости, что я их в тот же самый вечер, в 12 часов, уговорил перейти на нашу сторону. Ниже увидим, как мне это удалось.

Еще будучи с офицерами в казармах, я припомнил, что у нас недоставало лошадей для перевозки орудий, и присоветовал им, что обозных лошадей свободных у начальника обоза (*intendant a karowego*) мы всегда можем взять, а было их 60 пар. При расставании с офицерами, я просил их дать мне достаточное количество зарядов для жителей. Они тотчас послали со мною 2 офицеров в цейхгауз, где уже находился офицер, который имел от нас распоряжение выдавать простому народу оружие и амуницию. Эти два офицера принесли мне из цейхгауза 6 000 зарядов и кремней для ружей. Те и другие были завязаны в платках, и я взял их с собою в карету. Везя это к себе, на дороге, у костела Св. Троицы, встретил я караул конных королевских улан и, увидя, наконец, ехавшего с солдатами офицера, закричал ему, что имею весьма важное дело, и попросил распить бутылку вина. Офицер начал отказываться, что он в карауле, но я упросил его, и он согласился: солдат отослал назад, а сам пошел со мною, коня же дал поддержать моему извозчику.

Когда мы пришли, то я, налив себе в стакан вина и чокнувшись с ним, выпил, затем налил ему и тотчас начал говорить:

– Милостивый государь мой! Я знаю, что ты защитник нашей отчизны, ибо ты польский солдат, но скажи мне, знаешь ли о том, что завтра москали предполагают отнять у нас арсенал и солдат наших или обезоружить, или перебить, или, наконец, сжечь вместе с ними Варшаву. Я говорю это потому, что мы, простой народ, порешили защищать всеми средствами наш арсенал и наших солдат. А потому обращаюсь с просьбою, скажи мне – предуведомлены ли вы об этом, или еще нет? Мы уже в согласии с варшавским гарнизоном и только нам вас еще недостает, чтобы и вы встали на защиту нашего арсенала, а между тем завтра уже день, избранный москалями. Посему я от имени граждан прошу вас, милостивых государей, прийти к нам на помощь против наших врагов, не допустить до такого великого позора в Европе, чтобы мы потеряли драгоценную вещь – арсенал.

Когда услышал это поручик королевских улан, то прежде спросил меня, кто я такой, чтобы знать, как со мною говорить и где я живу? Я ему ответил, что я – мещанин и живу на рынках, напротив мостика (kladki).

Вторично меня спросил: как я называюсь? Я ему ответил, что называюсь я Игнатий Заблоцкий. Как то, так и другое я ему солгал, ибо я жил на Дунае, а прозвание мое не Заблоцкий, а Ян Килинский, опасаясь, чтобы он, зная мое имя и прозвание, не выдал меня. После этого он сейчас же подал мне руку в знак своего расположения и сказал, что сию же минуту поедет в свой полк и уведомит всех своих офицеров, чтобы они были готовы к революции, и тотчас поклялся перед Богом, положив палец на палец, что станет нам от души помогать, ибо это в такой же степени касалось их, как и нас, так как, если бы они не были предупреждены, то легко бы попали в руки неприятелей. Вот с какими словами обратился ко мне этот офицер.

– Гражданин! будь уверен относительно нас, ибо хотя мы принесли королю присягу на верность, но вижу, что король для того нас сюда препроводил, чтобы мы сложили

свое оружие пред неприятелями, каковой несправедливости никто из нас не позволит себе сделать; предпочитая лучше рисковать смертью, чем быть обезоруженными публично в столице — мы станем с вами на защиту своей родины, — довольно мы уже терпим от москалей унижения, а затем, раз родился, раз и умру для моей отчизны. Теперь прошу тебя, объяснить мне: куда мы должны отправиться, когда и в каком часу начнется восстание?

Я, видя его говорящего с такою ревностью, подробно ему рассказал, чтобы, как только начнется день, лошади были готовы и чтобы они, если не хотят быть обезоруженными москалями, примкнули к солдатам полка Миrowsкого, которые были к ним наиболее и которые готовы уже к битве; о часе же, однако, боялся ему сказать. Этот честный офицер за то предупреждение, которое я ему сделал, заявил, что будет по гроб мне благодарен и явится ко мне как можно раньше, Я был очень поражен его заявлением быть у меня, боясь... чтобы он меня не выдал.

Выпивши вино, мы простились, при чем он обещал мне немедленно рассказать обо всем другим и с этого момента готовиться к революции. Я сел в карету и поехал домой в час ночи. Как только, выбрал из кареты и перенес к себе заряды, тотчас взял бумаги и написал духовное завещание для жены и детей, желая сделать распоряжение касательно своего имущества, дабы после моей смерти не было между ними ссоры. И так, сделавши раздел между женою и детьми, положил завещание к жене на постель, чтобы она, проснувшись, прочитала.

Когда пробило три часа, я немедленно разбудил спавших у меня человек 200 с лишком, чтобы они ожидали выстрела из пушки. Я же, взяв в одну салфетку заряды, а в другую кремни, отправился наперед к городским солдатам и раздал их им, дабы имели чем обороняться, ибо у них кремней совсем не было, а пороху у себя они даже и не видели. Я тотчас распределил этих солдат по местам, а потом пошел к их вахмистру. Ему я также дал зарядов и кремней, приказав,

под страхом смерти, чтобы, как только начнется тревога, он велел на ратуше трубить и звонить. Распорядившись там, я отправился к маршалковской страже (маршалковская стража – полицейская стража), чтобы и ей также сообщить о революции, так как их начальник строго запрещал об ней говорить; но я настолько был дружен с его солдатами, что ареста не боялся совсем; но, желая возмутить их, чтобы они строгих приказаний своего начальника не слушали, раздал им кремни и заряды и даже не по секрету, а явно им объявил, что революция уже начинается, и что этому и сам маршалок не в состоянии воспрепятствовать. Солдат я нашел более податливыми, нежели их начальника, ибо они со мною даже не спорили, но с радостью приняли от меня заряды, коих совсем при себе не имели. Затем я распорядился, чтобы тотчас, лишь только начнется тревога, не выпускали бы москалей, если бы они захотели пройти Новомейскими воротами (пункт, образуемый соединением теперешних улиц Подвале с Новомейскою), но чтобы вдали от ворот дали им отпор. Эти достопочтенные солдаты немедленно собрались заряжать оружие, ожидая моих приказаний. Таким образом и этих солдат, которых более всего следовало остерегаться, если не хочешь посидеть под стражею, я втянул в дело. Сделав распоряжение маршалковской страже, я немедленно послал своих людей обеспечить за собой набатный звон в костелах доминиканов (Св. Яцка, на углу улиц Мостовой и Фрета), паулинов (на Длугой улице, ныне православный собор), приходском и бернардинов (на Краковском предместье, вблизи Замковой площади), чтобы сразу перепугать врагов. Пока я распоряжался, стало рассветать, но оставалось еще немного времени до назначенного часа, и я снова пошел к вахмистру, в ратушу, рассказать ему еще подробнее, чтобы он, как только начнется тревога, взял в свои руки московскую канцелярию, которая находилась на рынке. Но, пришедши к нему, я не застал его дома. Он пошел к президенту жаловаться на меня, будто я устраиваю в Варшаве бунт и что приносил к нему заряды и кремни. Вот-то добрый солдат! Я приносил ему, чтобы он сам защитился от смерти, если нас не станет защищать, а он пошел еще за то жаловаться на меня... Президент сейчас

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

же отправился с докладом к королю, а его королевское величество немедленно послал генерала Бышевского с рапортом к Игельстрому.

Я, как только об этом узнал, вернулся к себе за оружием и, будучи в великом возбуждении, взял кортик ксендза Мейсера. В это-то время пришел ко мне московский офицер, и я тем кортиком положил на нем начало. Успокоив его, сейчас же крикнул людям, чтобы последовали моему примеру и не жалели наших врагов. Тогда же тот самый улан, который меня уверил, что будет у меня возможно раньше, донес мне, что все королевские уланы соединились с солдатами полка Миrowsкого и выезжают в атаку; только велели дать мне знать, чтобы я начинал. Я, будучи доволен тем, что Бог дал им привлечь и сердца тех, за которых мы боялись, не имея их за собою, сердечно обнял его за эту утешительную новость. Я ему сказал как можно скорее дать знать, что мы уже начали революцию. И вот я поднял крик, чтобы люди слышали и дал Бог, что как начал народ со всех сторон бить москалей, так тотчас и в набат ударили. (Первый удар в набат раздался с колокольной костела бернардинов, славившегося во всей Варшаве своим звоном; за ним отозвались и остальные костелы.) Против Игельстрома я приготовил лучшее средство – выставил против него сапожников и портных, а относительно Баура, который стоял на Нове-място (местность и площадь вблизи Вислы, соприкасающаяся с улицей Фрета), отдал распоряжение старшему мяснику Сераковскому, чтобы он взял его в свои руки. (Килннский разместил в окнах домов и на колокольных умеющих метко стрелять людей из обывателей, так что батальон русских, двигаясь от Нове-място, прежде, нежели дошел до костела францисканов, потерял всех офицеров. На Свентоюрской улице встретили этот батальон варшавские мясники под предводительством помянутого Сераковского, имея при себе оружие. При приближении русских, по знаку Сераковского, был открыт огонь, и, когда первые ряды пали от картечи, инсургенты бросились с топорами и изрубили весь батальон.) Тут снова вылез мне мешать московский капитан, которого я сейчас же убрал, чтобы он не вывел своей роты

против нас... Жена моя увидела, как я убил его, тотчас упала на землю и обмерла. Я видел это, но не имел времени привести ее в чувство и помогать, хотя мне было необыкновенно жалко ее, ибо она была беременна и от этого перепуга могла и себя, и невинного ребенка погубить. Бросился я также на казака, который тоже вылез из дыры, и так ударил его по загривку, что он уже больше мужчин и женщин своею пикою не клевал! Тут моя жена схватила меня за руки со словами: «Что ты делаешь, дражайший супруг? На то ли тебя наговаривали эти приятели, чтобы ты убивал, дабы и самому быть убитым кем-нибудь? Вспомни только о наших детях, что ты, оставляя нас, и их, и меня хочешь сделать сиротами». Я ответил жене, что теперь уже не время об этом говорить, что нам нужно защищаться. Просил ее пойти домой и молиться Господу Богу. Но слова мои не помогли, и она никоим образом пустить меня не хотела, говоря мне: «Ты, муж, рискуешь погибнуть ради отчизны, а я вместе с тобою погибну ради твоей любви и потому не расстанусь с тобою до тех пор, пока или ты сам не вернешься домой, или пока я не буду убита вместе с тобой». Такое заявление жены почти возбудило во мне слепую злобу. Разумеется, должно было произойти столкновение с милейшею женою, если бы я не был в состоянии от нее отделаться, но я позволил себя убедить, вспомнив о шестерых своих детях, что, если нас обоих убьют, кто их станет кормить? И вот я должен был взять жену и отвести домой. Когда я ввел ее в горницу, добродетельнейшая моя жена опустилась перед мною на колени и заклинала меня не выходить никуда из дому. Я, поднявши ее от двери, чтобы удобнее было выскользнуть из комнаты, обещал ей никуда не выходить, а сам тем временем вынул ключ из двери, отодвинул от нее немного жену и удачно выскользнул, а жену с детьми запер на замок, так что она уже никуда не могла выйти. А я, вышедши из дому в 4 часа утра, назад пришел только в 5 вечера. Выбравшись из дому, я сейчас же побежал к Игельстрому – нельзя ли захватить его каким-либо способом... Но добраться до него не было возможности, ибо он уже был предупрежден королем. В этом пункте наши дали залп из орудий по войскам. А я немедленно взял с собою несколько сотен людей и бросился с ними на Муранов

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(Муранов – одна из с.-зап. окраин Варшавы), где находилось пять московских пушек. Мы их так удачно отобрали от москалей, что последние и сами не знали, что это значит, так как в то время не имели еще никакого приказа бить нас; мы же, со своей стороны, также не умертвили ни одного москаля, а лишь обезоружили их: пушки и амуницию забрали, а их взяли в плен. Людей этих, вместе с орудиями, я завел к нашей артиллерии, а с нею мы разошлись по всем улицам, и уже шел безостановочный огонь как от нас, так и от москалей. Мы с капитаном Линовским взяли два орудия и завели их на Красинскую площадь, ибо Медовая улица в то время была переполнена москалями, и как дали по ним картечью только четыре раза, то много их пало, ибо они не ожидали от нас такого скорого приветствия. (Из этого можно заключать, что польские пушки были обращены жерлами к Медовой улице и выстрелы из них направлялись вдоль всей последней.) А как они сделали в нас залп из пушек, то из нас – 15 человек и 6 солдат, которые находились для пальбы при двух орудиях, – остался лишь 1 солдат и 8 людей, коими мы тащили орудия, кроме того убили у нас капитана. Впрочем, нам защищаться там не пришлось, ибо на нас напала московская кавалерия, и мы убежали с одним орудием, а другое должны были оставить, за неимением, кто бы его тащил. Улица была покрыта трупами, и надо было прежде ее освободить от них, а потом взять пушки, но мы положительно не имели для этого времени. Скоро к нам пришла на помощь более сильная артиллерия, и мы снова прогнали москалей и отняли свои пушки. Когда же москали нас прогнали вторично, то я, захватив с собою четыре пушки и несколько канониров, хотел попасть на Нове Место; но на Козьей улице (Kozia ulica – очень узенькая и длинная улочка, соединяющая Краковское предместье с Сенаторскою улицею) мы напали на москалей и счастливо их победили. Целая улица была покрыта трупами, так как москали не могли нигде укрыться. Там мы забрали у них 2 пушки и более 500 ружей. Оттуда я взял 2 больших орудия и перевез их к Новомейским воротам. Москалей же мы снова выгнали на Подвале. Отсюда я пошел к цехам обрадовать их, что мы отняли у москалей 7 орудий и очень много амуниции.

Возбуждавши их дух, я взял с собою несколько сот человек и добрался с ними до арсенала. И там те, которые не имели с собою оружия, взяли его столько, сколько надо было. А Игель-строма добыть мы не могли, ибо вся Медовая улица была занята войском. Тем не менее мы очень ему помешали. Из многочисленных адъютантов, которых он посылал с приказами к войску, мы не пропустили ни одного, – всех убили. Благодаря этому, москали совершенно смешались, не зная, что делать, так как не могли дожидаться никакого приказа. Мы так благоразумно поступили, что прежде прогнали москалей от их зарядов. Когда мы на них нагрянули, у них уже не было зарядов даже и для ружей, и они просили пардону. Мы велели им наперед сложить оружие, а потом от него отойти. А так как офицеры их не позволяли этого солдатам, то мы сделали несколько выстрелов. Солдаты, видя, что защищаться им нечем, тотчас сложили оружие, а сами встали на колени, прося у нас пардону. Бросившись на них, мы отняли оружие и пушки, а солдат отвели в цейхгауз. Что же касается офицеров, то так как они не хотели ни просить пардону, ни идти с солдатами, мы сейчас же перебили их на месте. Потом уже народ неимоверно сделался смел, хотя ни тактики, ни практики совсем не знал, на брюхе подползал к москалям и в них, как в уток, стрелял. Затем я направился с народом через Саксонскую площадь в тыл москалям, которые дрались с солдатами полка Дзялынского у Свептокржижского костела.

И если бы я не пришел с людьми на помощь дзялынкам, то москали непременно бы одержали над ними победу. Но мы, как только вошли в тыл, так и убили у москалей кн. Гагарина. Вот уж можно сказать, что кто не видел чуда, тот там, перед Св. Крестом (разумеется костел Св. Креста на Краковском предместье), мог его узреть: москалей было слишком 4000, а поляков – один лишь полк Дзялынского, в коем не было более 600 солдат, да и то разделенных на три части, по 200 человек.

Из них одни шли через Новый Свет (улица – продолжение Краковского предместья), другие через Тамку, а третьи шли около Трех Крестов (площадка перед костелом

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Св. Александра) на Саксонскую площадь. Но мы заняли необходимую для нас местность раньше. Они думали, что дзялынды придут только одной улицей – Новым Светом, на которой москали очень хорошо приготовились, но не ожидали, чтобы те могли идти тремя улицами. И когда солдаты полка Дзялынского наперед пришли Новым Светом, москали так метко стреляли в них картечью, что отбросили дзялынды к Трем Крестам и убили их довольно.

Когда приблизились эти две колонны, то более 5000 черни соединилось с ними и с величайшею поспешностью пошло через Конский Торг к Св. Кресту. Но чтобы они не попали на Краковское предместье, преградили им дорогу через Саксонскую площадь. Позднее подтянулась через Тамку еще третья колонна дзялынды. Тогда начали мы бить москалей в три огня. Было тут чего посмотреть! Устроили они каре и после трехчасовой перестрелки с нами истратили все свои заряды. Тогда мы бросились на москалей и удачно побили их, а тех, которые остались, взяли в плен.

Тут не могу не вспомнить с благодарностью двух граждан, которые своею храбростью многих защитили от смерти в этом бою. Вот как это было. Один гражданин, хорошо вооруженный, взшел на колокольню Св. Креста, а другой залез в учебный дом (szulerhaus), находившийся против дворца Тышкевича. Они исключительно обратили внимание на московскую артиллерию, и когда какой-либо из бывших при орудиях канониров хотел зажечь фитилем порох, то они оба таких убивали, и так метко, что тот еще не доходил, как следует, до пушки, а уже был убиваем, причем и фитили гасли. Вследствие этого москали не могли стрелять из своих пушек. Пушек же у них было шесть, и немало бы из них была перебито людей, если бы не мужество этих двоих граждан, которых я видел своими глазами, но имен которых не называю, так как не знаю их.

Одержав победу над москалями, полк Дзялынского отмаршировал и выстроился перед королем Сигизмундом

(т.е. перед памятником-колонной королю Сигизмунду III на ныне называемой Замковой площади), ожидая дальнейших приказаний. Из 600 дзялынецов едва осталась половина, много из них было убитых и раненых. Немало также было убитых и раненых москалями граждан. Уже после 3 часов москали были вытеснены из всей Варшавы. Удержались они только в четырех местах: у Красинских – во дворце, на площади и в саду, у капуцинов – в костеле, монастыре и в саду, на Медовой улице, против капуцинов, там, где жил Игельстром, и в Данцигском (Gdanskim) саду. Во всех этих местах наши войска с пушками окружили москалей и поделали в стенах отверстия для орудий. Видя, что нам уже не угрожает никакой опасности, я, оставив при нашем войске десять тысяч человек простого люда для наблюдения за москалями, поспешил на рынок взглянуть, что там делается.

Найдя и там полную безопасность, я немедленно отправил г. Кригера с другими гражданами к г. Закржевскому просить его от имени граждан, прийти в ратушу. Когда граждане пришли с ним, мы тотчас все отправились на Королевскую площадь и провозгласили Закржевского президентом Варшавы. Затем мы с президентом пошли в ратушу. Тем временем туда собралось множество граждан вместе с офицерами для избрания, до дальнейшего устройства народа, совета временного правления (*Rady zastępczej tymczasowej*), членом коего тогда же выбрали и меня.

Тотчас по избрании я был назначен на дежурство при короле, причем мне было поручено озаботиться об его безопасности, так как солдат тогда в замке при короле не было. Они вместе с народом стерегли москалей, чтобы те каким-нибудь образом не ушли, хотя по всем улицам Варшавы пылали огни, дабы это видели москали, если бы захотели ночью пробиться.

Получив помянутое распоряжение, я взял с собою знатнейших граждан, и мы отправились в замок. Здесь я расставил повсюду караулы и оставался при них всю ночь.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В пятницу, как только стало рассветать, я взял всех граждан из замка и пошел с ними разыскивать остальных москалей. Король и совет, видя, что москали уже не могут держаться, тотчас прислали трубача трубить сдачу, а затем были отправлены Игельstromу Закржевский и генерал Мокрановский с предложением сдаться на капитуляцию. Игельstrom сначала объявил, что сдается нам, а затем ответил, что если королю, то сдается, а если временному правительству, то не сдается. Король же наш не хотел и вмешиваться в это дело, а лишь говорил, что он о революции не слыхал и слышать не хочет. Снова, во второй и третий раз, Закржевский и Мокрановский ездили к Игельstromу с предложением сдаться. Это в продолжение нескольких часов занимало народ: ожидали ответа Игельstromа – захочет он сдаться или нет. И немало мы на этом потеряли: народ, будучи обнадежен, что капитуляция состоится, встречаясь с москалями, уже в них не стрелял, между тем москали открыли огонь и убили у нас несколько десятков неповинного люда. А когда Игельstrom, после третьего раза, ответил, что на капитуляцию не сдается, то мы, услышавши такой ответ, вдруг ударили на все пункты (разумеется, где держались русские). Игельstrom же в великом страхе убежал на нескольких лошадях и то лишь благодаря тому, что нас обманул, будто сдается на капитуляцию, а сам тем временем переоделся в другое платье для побега, и в столь великом замешательстве народ не узнал его. (Рассказывают, что Игельstrom бежал, ловко переодетый в женское платье своею любовницею-полькой.)

Юзеф Зайончек

В пятницу, в 3 часа пополудни, мы окончили революцию совсем. Тем москалям, которые просили нас о пощаде и сложили оружие перед нами, мы давали пощаду и без всякого вреда отводили их в назначенное место. Игельстром убежал к пруссакам, которые пришли в тот же вечер на помощь москалям и находились в 4 милях от Варшавы. Но пока они пришли помогать, мы уже успокоили москалей. Пруссаки тоже получили от нашей артиллерии несколько недурных лозанов: выстрелами из пушек был убит не один десяток пруссаков. Пруссаки немедленно отступили от Варшавы и не беспокоили нас несколько недель. И так удачно окончилась наша революция.

II

Несчастный и грустный случай, благодаря которому я попал в плен к пруссакам в 1794 г.

Представление генералу Вавржецкому и данное им поручение. — Килинский отказывается от намерения быть в Познани. — Встреча с семейством. — Лишения и невзгоды. — Решительность жены Килинского. — Совещание генералов. — Мнения их. — Ропот в войске. — Казаки захватывают Килинского в плен. — Бегство. — Килинский попадает в руки пруссаков. — Генерал Шверин. — Килинскому удается проникнуть в Познань. — Его арестуют. — Пересылка в Варшаву. — Остановка в м. Среды. — Пребывание в Конине. — Грубость немецких офицеров. — Остановки: в Кутно, Лепчице, Пустрже. — Ксендз и комендант-поляк. — Ночлег в Ловиче. — Генерал Меллендорф. — Встреча с пьяными прусскими офицерами. — В Сохачеве и Блони. — Гуманный комендант. — Прибытие в Варшаву. — Генерал Буксгевден. — Освобождение из-под ареста. — Условия этого освобождения.

По взятии главнокомандующего Тадеуша Костюшко в московский плен, на его место был избран Вавржецкий. (Генерал Томаш Вавржецкий командовал силами народной обороны с октября по ноябрь (18) 1794 года.) Когда я к нему явился в первый раз, он меня спросил: откуда я родом? я ответил, что из Познани. Вавржецкий сейчас же приветствовал мое мужество. Затем, после оказанных мне почестей, он вторично спросил меня достаточно ли меня знают в Познани? я ответил, что имею там двоих, хорошо устроившихся, братьев. Вавржецкий предложил мне сделать революцию в самой Познани. Желая услужить своему отечеству, я от всего сердца согласился на это, будучи уверен, что там есть у меня друзья. Тогда главнокомандующий дал мне приказание немедленно ехать туда, взявши с собою нескольких отважных лиц. Исполняя приказание, я тотчас же передал свой полк майору

(...) (Пропуск в подлиннике), выбрал 6 человек солидных и отважных, взял с собою, чтобы переодеться по-граждански, польское платье и выехал еще до прусской – вернее пражской – атаки.

Когда я доехал до какой-то деревеньки на р. Пилице, милях в 6 от Варшавы, услышал страшный пушечный гул. Из любопытства я послал своего адъютанта в Варшаву узнать, что случилось. Адъютант привез мне печальное известие, что москали взяли Прагу, что Варшава им сдалась, что он видел огромное число убитых и что на Праге, при окопах, все пушки – а их было 117 – у нас отняты.

Признаюсь, я не мог удержать слез по поводу такой потери, которая была для нас невознаградима после того, как силы наши были уже ослаблены вследствие утраты Костюшко с несколькими тысячами войска, погибшими на поле битвы. Тогда я вынужден был вернуться назад.

Желая узнать, какие меры предпримет главнокомандующий и куда мы должны направиться, я приехал в свой батальон, который уже имел приказание идти под Мокотов (деревня с восточной стороны Варшавы), ибо там стянулись все войска с остатком орудий, которых еще было 70, не считая тех, что были у князя Иосифа (Понятовского – племянника короля). Узнав, что главнокомандующий к нам не вернулся, на месте распустил солдат, в числе коих было и 200 моих, откомандированных для конвоя пушек под Сохачев. Из-под Мокотова мы собрались в дальнейший путь, как бы в землю обетованную. Подобно евреям, которые ее искали, а найти не могли, и мы тогда предполагали идти, а не знали куда, ибо немедленно подошли к нам прусские и царские войска, а москали переправились под Гурой (Gora) с тем, чтобы нас всех окружить, хотя наши потрепали их на переправе. Впрочем, это ничего не значило: мнения генералов, как увидим ниже, были тройки.

Я же тем временем послал в Варшаву за женой и детьми, боясь, чтобы они не сделались жертвою той лютости,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

которую проявили москали на Праге. Моя жена забрала с собою детей, мать-старуху и что было лучшего из домашних вещей и выехала, заливаясь слезами. Дом (на Дунае, под № 145) она оставила на Божью волю, так как из него уже все выехали, опасаясь, чтобы москали не отомстили мне на моем доме. Жена была в то время беременна и на дороге родила сына. О, как неприятен и даже не безопасен был для ее жизни этот случай! Можно сказать, что ее спасло лишь милосердие Божие: никакой помощи в своем положении она не имела, а в Варшаву боялась воротиться, ибо тогда шел к Варшаве с войском генерал Суворов.

Двинулись мы с войском к Нове Место. Там меня догнала моя жена с детьми. Мне было весьма прискорбно видеть ее, сильно больную, с детьми, тем более, что невозможно было предоставить ей никаких удобств, по причине москалей, которые шли следом за нами, вследствие чего мы должны были идти как можно скорее. А тут еще как на зло стояли большие холода и даже шел снег с дождем. Дети мои все были очень легко одеты, не было никакой возможности купить им есть, и они плачем своим от холода и голода терзали мое сердце. Несчастье нас преследовало: лошади наши уставали, так как мы не могли достать для них корма и принуждены были двенадцатифунтовые орудия закапывать в землю, а амуницию жечь. Видя слабость жены, я хотел оставить ее с детьми в Нове Место, но она не желала там оставаться и говорила мне: «Дражайший супруг! Ежели Богом назначено мне умереть в этом положении, пусть умру я на твоих глазах, как я поклялась не оставлять тебя до смерти; при тебе мне приятнее будет расстаться с этим светом; ведь я сама вижу, что неприятель идет за нами, но что же делать? — я бы беспокоилась о тебе, а это в моем настоящем положении могло бы еще ускорить смерть; еще вспомни, что если бы я здесь осталась с детьми и умерла, то кто же бы умилился над ними? — остались бы они круглыми сиротами, а то, что я захватила с собою — у них бы отняли: я сопрягаю все свои нынешние страдания с страданиями Спасителя (Iezusa mego) моего и ради святейших раи Его жертвую всеми моими несчастьями и ныне хочу

перенести вместе с тобою все невзгоды». Что же оставалось делать? Должен был купить и припрячь коня, чтобы спешить вперед армии. Велел жене хорошенько приготовиться в дорогу: чтобы ей с детьми тепло было сидеть в колясках и чтобы они не оставались в дороге голодными. Все приготовивши, отправил их вперед армии в Конск, а сам остался, ожидая приказаний, так как генералы имели совещание с главнокомандующим о том, что предпринять, потому что курьеры один за другим были присылаемы королем с предложением сдать-ся москалям. Выше я упоминал о несогласных мнениях генералов; здесь скажу подробнее, каковы именно они были. И на этом совещании генералы не могли согласиться между собою. Одни хотели идти и отдаться цесарю, другие – пройти через Галицию и передаться французам, или идти в Великую Польшу, прогнать оттуда пруссак и защищаться до конца, так как войска еще оставалось около 30 000, да в Великой Польше можно было собрать столько же. Это было мнение самых благомыслящих патриотов. Третье же мнение было таково: воротиться в Варшаву и начать с Москвою переговоры об разоружении! Действительно, переговоры эти были необходимы, когда уже Варшава попала в московские руки. По окончании совещания, нам было объявлено, что пойдем двумя дорогами через Верхнюю Силезию (Gornym Szlaskiem) и Великую Польшу. Я, разговорившись с генералом Мадалинским, когда он мне сообщил, что направляется в Великую Польшу, сказал ему, что я пойду вперед и в самой Познани сделаю революцию, когда он приблизится с войском. Сговорившись, я поехал в Конск, чтобы оставить там жену и, переодевшись, отправиться в Познань. Но когда я приехал в Конск, застал там огромную перемену в войске. Оно не хотело идти дальше. Полкам не было заплачено за полмесяца жалованье, кроме того, по причине недостатка в продуктах, они мало получали пищи, затем стояли холода, а многие солдаты не имели ни плащей, которые бы защищали их от беспрерывно падавшей несколько дней изморози, ни сапог, чтобы могли быстро идти по льду, окрепнувшему после дождя, а сверх того, даже и за деньги нельзя было добыть куска хлеба, не говоря уже о тех бедных, которые и гроша не имели.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Таким образом слишком 4000 человек сложили тогда оружие и не хотели слушаться своих командиров, хотя москали тут же шли за ними, главнокомандующий же уехал вперед, в Радошицы, не зная о том, что творится. Когда приехал в Радошицы бедный главнокомандующий, то войско не только не хотело идти далее, но даже на глазах его разбило кассу с деньгами и поделило их между собою. Смело могу сказать, что такое распоряжение было не хорошо, то есть, что солдаты не получали платы, или, например, то, что хотя достаточно имели волов, но лучше хотели (очевидно, автор говорит о полковых командирах), чтобы их москали забрали, нежели дать своим. Грустно это для благомыслящих патриотов, как, например, для меня самого, который все свое хозяйство потерял и немало своего собственного достояния растратил. Залился я слезами. Забрал жену с детьми и двинулся к Петрову, ибо в ту сторону потянулась кавалерия Мадалинского. Я надеялся, что мы пошли в Великую Польшу. Но не отъехал я — может — от города и 5 стадий, как казаки выскочили из лесу и воротили меня обратно в Конск. Там отвели меня к полковнику Денисову, объяснив, что меня схватили. Денисов приказал мне, под конвоем казаков, ехать в Варшаву.

К ночи мы приехали в деревеньку и остановились у мужика. Там я простился с больною женой и велел, ночью, так, чтобы казаки не видели, оседлать мне пару коней, дал тому человеку, который поедет со мною, плащ и шубу, а на себя надел три рубахи и жупан, оставил с женою своего адъютанта, поручив ему отвезти ее в Варшаву, при чем просил его называть ее своею фамилиею, дабы москали не знали, что это моя жена, ибо, в противном случае, могли бы отомстить, вместо меня. Простившись с женою, я вышел вон, будто бы за нуждою, вскочил на коня и ускакал от казаков. Когда наступил день, я со своим человеком был от них уже за две мили и велел покормить лошадей, ибо они ночью мало ели. В тот же день я отъехал десять миль. Этот первый день прошел для меня счастливо, я не видел из военных никого, но на второй день я наткнулся на обоз москалей, которые стояли за деревней. Счастье для меня было, что лес находился

не далеко, ибо казаки, коих гналось за нами несколько, заклевали бы нас. Но мы из их рук убежали, а наткнулись на пруссаков, которые в это время ехали в Могильнину за зарытыми там нашими пушками. Обошлись они со мною хорошо и отвели нас к своему генералу. Генерал спросил, – откуда я еду? – я ответил, что из Варшавы; вторично спросил меня – кто я такой? – я ответил, что тамошний обыватель. Еще спросил меня – куда еду? – ответил, что еду в Познань, и прибавил, что там у меня – братья. Я просид его выдать мне паспорт. Генерал сказал мне, что паспортов он никому не дает, а велел мне ехать в Петроков. В это время привели к нему 18 наших солдат. Когда я выходил от генерала, один из них крикнул мне: «Как поживаете, господин полковник?» Генерал, услышавши это, немедленно меня воротил, пригласил этого солдата и спросил его, знает ли он меня? Тот ему ответил, что я полковник 20-го полка. Генерал приказал приставить ко мне караул на дворе и даже еще под открытым небом. Я должен был оставаться там три часа, – а в то время, как на зло, шел большой снег с дождем – и в то же время сгорать от стыда, что не сказал ему правды.

Через три часа отослали меня с 16 польскими солдатами, под прусским конвоем, за 4 мили в большой отряд, и я должен был не ехать, но идти пешком, вместе с другими, а мой человек вел за мною лошадей.

На другой день, в 9 часов утра, мы достигли большего отряда как раз в то время, когда генерал Шверин должен был, согласно приказанию, двинуться к Петрокову и войска уже были готовы к походу.

Когда мы пришли, тотчас нас всех загнали в конюшню, и там я сидел до тех пор, пока войска не двинулись с места. Офицер, который привел нас, скоро отдал рапорт генералу Шверину и немедленно приказал выпустить нас из конюшни. Я выходил последним, ожидая, чтобы мой человек не оставил в конюшне лошадей; в это время прибежал ко мне солдат и велел мне выходить как можно скорее. Я его просил немного подождать, пока наложить на коней мундштуки.

Не мог его упротить, а он еще дал мне проклятым прикладом в плечи так сильно, что кровь у меня пошла носом и ртом. «Вот тебе, бедный поляк, свобода и независимость» – подумал я в тот час, а что – до равенства, то оно было самое близкое, ибо мы со скотом вместе были загнаны в конюшню. В то время когда нас выводили из конюшни, приехал генерал Шверин и сейчас же спросил: который тут полковник? Я отозвался, что я; а у меня в то время текла кровь, и он меня спросил: что со мною, что кровь у меня течет? Я объяснил причину. Генерал приказал дать солдату 30 палок за то, что он меня обидел.

Этот же генерал настолько был ко мне благосклонен, что велел мне и моему человеку сесть на коня и ехать с собою три мили; при этом мы очень деликатно разговаривали. А когда мы приехали на ночлег в местечко, он тотчас приказал дать мне удобное помещение и даже пригласил к себе на ужин. Во время ужина приехал к нему курьер с приказанием обожждать три дня. Он мне велел ехать в Петроков, где я получил бы паспорт и стал бы свободным.

Но едва наступил день, как генерал сам был арестован и отправлен в Берлин за то, что выпустил Мадалинского из Бромберга со всею прусскою добычею, которую Мадалинский взял в Бромберге. Видя, что все офицеры растревожились и даже растерялись, я никого не просил о разрешении выезда, а сел на коня и поехал уже не в Петроков, а прямо в Познань. И так удачно проследовал в Познань, не встретив на пути ни одного пруссака. В Познань я прибыл в 8 часов вечера 17 декабря. Остановился я на Длугой улице, у Войцеха Навишевского.

В тот же вечер мы, несколько человек, провели совещание относительно устройства восстания, где Мадалинский подойдет к Познани. На утро, в 8 часов, приехал в Познань г. Домбровский. Я виделся с ним и спрашивал его о Мадалинском. Он уверил меня, что все войско сложило оружие, а Мадалинский поехал к цесарскому кордону. Итак, наше намерение касательно возбуждения восстания совершенно рушилось. Тем временем пруссаки узнали обо мне и стали

меня искать в Познани. Я, как только об этом узнал – немедленно взял с собою нескольких мещан и пошел явиться к коменданту. Мещан я взял для того, что комендант совсем не умел говорить по-польски. Пришли мы к нему по смене караула и застали его дома. Он начал меня спрашивать: действительно ли поляки сложили оружие? Я поспешил уверить его в этом и прибавил, что я потому и приехал к моим родственникам. После многих вопросов он объявил мне, что я арестован и что он счастлив, что удалось достать такую важную личность, ибо – присовокупил он – в настоящей польской революции нет никого выше четырех лиц: Костюшко, Мадалинского, Килинского и Ясинского, и что потому он должен донести своему королю и московскому генералу Суворову о пребывании моем здесь, в Познани. «Вот, свободный поляк! – подумал я тогда себе, – куда бы ты ни приехал – везде тебя терзают с твоей свободой»... Мещане ходатайствовали перед комендантом о разрешении свободного для меня ареста, ручались за меня и обещали представить меня ему по каждому его требованию. Он не отвергнул их просьбы. Дал мне в караульные солдата, чтобы тот сопровождал меня и мне прислуживал. Хотя я и не охотно принял эту его вежливость, но что мог сделать; лишь поблагодарить его и за то. Еще он сказал мне, чтобы я во время смены караула постоянно находился дома. Поклонившись ему, я вышел.

На следующий день он прислал за мною унтер-офицера, приглашая меня к себе, в ратушу, так как был при смене караулов. Там он сказал мне, что имеет для меня комнату и что я буду сидеть на гауптвахте, при чем велел своему адъютанту отвезти меня в офицерское помещение. Тем не менее, он позволил мне бывать всюду, где я захочу, а также разрешил и ко мне приходить каждому, в продолжение двух недель, что я сидел. Когда жители узнали, что я посажен на гауптвахту, тотчас собралось их несколько человек и, пришедши к коменданту, дивились, что он так скоро изменил своему слову. Тот немедленно велел позвать караульного офицера и приказал ему, чтобы не запрещал никому приходить ко мне, равно как не препятствовать и мне

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

выходить; объявил также жителям, что предоставляет мне всевозможные удобства в отношении пищи и питья.

Жители поблагодарили его за такую предупредительность и просили разрешения присылать мне, пока я буду в аресте, обеды. Это он им охотно позволил. Тем не менее комендант боялся. Он приказал зарядить пушки и поставить их пред гауптвахтой, ибо очень много господ и обывателей бывало у меня и днем и ночью.

Во все время моего пребывания там я пользовался большими удобствами, но не от пруссаков, а лишь от обывателей познанских. Но вот прибыли курьеры с письмами от прусского короля и от [120] Суворова из Варшавы. На другой день меня вывезли. Для того чтобы меня народ не отбил, было назначено в конвой 15 гусаров при одном офицере. Конвойные мои положительно обходились со мною, как с неприятелем; когда мы отъехали от Познани с милю, они обыскали меня, подозревая, будто я имею при себе нож. И хотя его при мне не нашли, но те деньги, которые имел при себе, 2850 злотых, все у меня взяли. Когда же я не соглашался их отдать, то мне сказали, что их отдадут мне на последней остановке. Я поверил офицерской чести, что они будут мне возвращены вместе с моим патентом (говорится, вероятно, о патенте на звание полковника, выданном Килинскому генералом Костюшко), который был отобран у меня в Познани. Взявши патент, запечатали его вместе с письмом к генералу Суворову.

Когда мы приехали на первую стоянку в Среды, поместили меня на гауптвахте, а офицер отправился к местному коменданту сдать пакет, после чего немедленно поехал в Познань. Когда комендант пришел ко мне, я его спросил: отдал ли ему офицер, при сдаче пакета мои деньги? А этот мерзавец ответил мне, что они совсем мне не будут нужны, так как скоро меня привезут в Варшаву и там сейчас же повесят. Вот какой он дал мне прекрасный и утешительный ответ, который меня немало смутил.

Во время этой милой беседы подъехала повозка, и комендант приказал мне отправиться в Конин. Когда я сел в повозку, сошлось довольно тамошних обывателей, желавших узнать, кто я такой. Узнав, что я пленный, они горько оплакивали мои несчастья, которые я должен был переносить ради своей отчизны, так что мне было невыразимо жалко смотреть на этих добродетельных людей, у которых положительно слеза слезу вышибала из глаз. Тут подошел ко мне президент и спросил меня: ел ли я? Я ему ответил, что не ел. Он тотчас пошел к коменданту и просил его приказать задержать меня немного, чтобы я съел обед, и когда упросил его, то взял меня к себе, и я у него отобедал. Женщины, — чтобы я не рассчитывал на прусские обеды — наносили мне на дорогу колбас, полгенсков (копченая гусиная грудинка), уток, масла, сыру, хлеба и доброй водки. Когда я выезжал из этого местечка, очень много народа провожало меня с таким великим плачем и сожалением, что — признаюсь — я не видал более привязанных людей.

В 7 часов вечера мы остановились в Конине. Здесь меня отвели к полковнику. А этот невежда и осел приказал отвести меня, под конвоем, на гауптвахту. Там меня до крайности возмутили как офицеры, так и генералы. Вот как это было. Пришли ко мне офицеры со своим полковником-ослом и стали меня спрашивать: где Костюшко? Я ответил, что он в плену у москалей; затем спросили: где Мадалинский? Я ответил — не знаю. Осел-полковник сказал: мы приготовили для Мадалинского виселицу, на которой вы оба были бы повешены, только счастье для тебя, шельмы, что генерал Суворов тебя у нас выпросил, впрочем, если не у нас, то в Москве вы оба, вместе с Костюшко, будете повешены. А немецкие офицеры как только не ругались: поляки шельмы, собаки, живодеры, воры.

Помысли каждый, каково это переносить для моего патриотизма и не только для моего, но и многих других, кои вынуждены страдать за свою родину! Но это не конец бесчестию. Полковник ради большего презрения, что я по ремеслу башмачник, велел отвести для меня квартиру у самого бедного сапожника, у которого в это время умерла жена, и приставить ко

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

мне 8 солдат. Я думал, что на этом кончится, но он привел ко мне еще горших ругателей – оскорблять меня. Издевательства надо мною продолжались до 12 часов. Наконец, оставила меня эта омерзительная и бесстыдная немецкая толпа, излив на меня свою проклятую злобу без всякой причины. Она так меня разозлила, что, будь у меня под рукою кусок железа, я половину бы немцев перебил. Но только то было мое несчастье, что я на них ничего подходящего не имел. Тогда я лег, чтобы хотя немного заснуть. Но как солдаты начали петь и кричать «виват поляки!», то и спать мне не дали.

Когда Бог дал дожждаться дня, приехала повозка и меня отправили в Кутно, а оттуда в Клодаву. Там я немного отдохнул. Местные жители, узнав о моем приезде, приходили навестить меня, при чем имели очень печальные физиономии по причине несчастий, постигших поляков. Переночевавши тут, на утро повезли меня в Ленчицу.

Здесь мне дали отдельное офицерское помещение, в коем я имел хороший ночлег. Президент города, узнав обо мне, немедленно пришел спросить, не надо ли мне чего, прислал мне ужин и постель и потом пришел ко мне с приятелями, захватив с собою несколько бутылок доброго вина. Пробыли они у меня до 12 часов ночи. Этот же добрый гражданин приказал принести мне на дорогу хорошего ликеру, а ксендз велел испечь для меня цыплят и сам принес их в 6 часов утра. Сей ксендз был такой великий патриот, какого только можно себе представить. При посещении меня он мне рассказал о своей партии из друзей, которую он приготовил на пруссаков, ожидая только приближения нашего войска к Ленчице. Он доказал свое расположение ко мне тем, что когда отправляли меня из Ленчицы в Лович, он не щадил своих ног для моих проводов, а расставанье наше – были одни лишь обильные слезы о падении несчастной родины нашей. По выезде из города офицер получил новое распоряжение везти меня в Пустрж (Pustrz).

Сюда я приехал в 6 часов вечера. Поместили меня на гауптвахте вместе с прекрасной компанией наших

великополян-инсургентов, которые возвращались домой и там были заарестованы; к нам был приставлен значительный караул, так как пруссаки опасались, чтобы мы не напали на них. Утром на другой день ко мне пришел местный комендант, очень вежливо со мною разговаривал и пригласил меня обедать к себе, а тех великополян отослал в Познань. Когда жители узнали, что я тут, сейчас же пошли к коменданту просить его разрешить им видеть меня. Он немедленно дал разрешение. Прислал ко мне своего адъютанта, который просил меня пройтись с ним по городу, при чем мне объяснил, что жители ходатайствовали об этом, чтобы иметь возможность видеть меня. Битых три часа гуляли мы по всему городу, причем обыватели с удовольствием меня рассматривали, а потом мы пошли обедать к коменданту. Могу засвидетельствовать, что этот комендант, единственный честный пруссак, оказывал мне большое внимание и весьма сожалел, что передает меня в руки москалей. После обеда пришли к коменданту несколько человек обывателей, принесли с собою корзину вина, и просили его, чтобы он меня еще не отправлял. Когда он согласился, подарили ему вино и снова просили его позволить провести со мною время. Комендант настолько был к ним снисходителен, что не только удовлетворил их просьбу, но даже и сам с ними пришел и пробыл у меня до 2-го часа.

На другой день в 10 часов утра, снарядили меня в дорогу под значительным конвоем гусаров. Собрание людей при этом было большое, и я хотя простился с ними, однако они провожали меня до Ловича, куда мы прибыли вечером. Офицер отрапортовал генералу о моем прибытии и спросил – где меня поместить. Генерал распорядился поместить меня на гауптвахте и строго приказал караульному офицеру хорошенько меня стеречь, прибавив: это тот, который наиболее безобразил в Варшаве во время революции. Вот уж действительно меня хорошо стерегли! Когда я даже выходил за нуждой, то и тогда меня сопровождали солдаты с саблями наголо и даже держали за полы платья, чтобы я не убежал. Здесь же я имел

такой ночлег, какого никогда в жизни не имел. Я должен был лежать по середине избы на голых досках, а надо мною сидели 8 солдат, с обнаженными саблями, по 4 с каждой стороны, и кроме того держали меня за одежду со всех сторон, ругая меня при этом самыми мерзкими словами. Признаюсь, целую ночь сдавалось мне от того смраду, в котором я находился, что я – в аду. Смерд же этот был тройкого рода во 1-х, от горелки (плохой сорт водки), во 2-х, от трубок, а в 3-х, от того, что необычайно п... надо мною. Когда же я хотел встать или повернуться на другой бок, то не давали, грозя мне словами: ты, ферфлюхтер-поляк, если будешь шевелить, то мы будем рубил на куски и не будешь щадить. Не раз мне пришлось в голову: что дождался ты, бедный поляк, прекрасной свободы, неприкосновенности и независимости, которая едва не встала костью в горле. Когда Господь Бог дал мне дожидаться дня, мне показалось, что я на свет родился. Когда выпустили меня из рук немцев, я хотя немного мог расправить свои, уставшие после ночлега, кости. Но вот прислал за мною генерал Меллендорф, требуя к себе. Сорок солдат, при двух офицерах, окружив меня, как какого-нибудь разбойника или преступника, привели к нему. Когда мы пришли, тотчас спросил меня бесстыдный генерал: для чего мы не сдавали Варшавы в руки пруссаков? Хотя я и был в их руках, но от его глупого вопроса невольно рассмеялся и правду ему сказал, что мы, поляки, не для того начали войну, чтобы отдать страну в руки неприятелей, но для того, чтобы отнять ее из их рук и их, как разбойников и грабителей, выгнать из нее. Потом спросил: знаю ли я, для чего меня везут в Варшаву? Я ему ответил, что еще не знаю, а как там буду, то узнаю. Он мне сказал, что для того везут меня, чтобы повесить и что мне на виселице дадут в руки колодку, чтобы я занимался своим ремеслом. Обрати каждый внимание: сколько должен честный поляк терпеть от глупых немцев! Из-за того, что я из башмачника сделался защитником своей родины, вынужден переносить величайшие оскорбления. А как он приказал мне дать ответ, то я ему с величайшею поспешностью ответил, что для меня почетно быть повешенным за защиту родины. При этом я его спросил: если

полковники будут повешены, то какое же наказание будет для генералов? Он мне ответил, что будут вырезать из кожи ремни. Я, увидев тогда старика-немца и с ним офицеров, сказал им: милостивые государи! помните, что когда вас будут награждать чинами полковника или генерала, то вы их отвергните, ибо полковники будут повышены, а у генералов станут из кожи вырезать ремни. Офицеры эти немало посмеялись над своим глупым генералом. Он, видя, что смеются над ним, прибавил, что такое наказание будет для одних только поляков, а не для других. На это я ему ответил, что уже живу на свете 34 года, а не слышал в прежнем королевстве, чтобы постигало первых военных чинов такое наказание, какое практикуется у младшего из королей, — короля прусского. Тогда этот подлый генерал, видя, что я ему серьезно отвечаю, спросил: как я смел взять саблю в мои сапожничьи руки, когда ношение ее составляет принадлежность одних только дворян и знатных особ, и для чего я не воевал потягом и колодкой? На это я ему ответил, что если бы с ними я воевал потягом и колодкой, то всем бы пруссакам, находившимся под Повонзками (Варшавское предместье, известное своим кладбищем), загадил дворянство, а в таком случае чем бы они смыли это нестираемое пятно потяга и колодки? А что касается сабли, то на это я ему ответил так: правда, что сабля для меня дело неподходящее, но позвольте, ваше превосходительство, в мои руки одну саблю, и я покажу, как бьют варшавские сапожники, и уверяю, что ты сам будешь удирать передо мною так, что от великого страха не попадешь в Берлин, ибо тебя сапожничья рука так же здорово потреплет, как и дворянская. Его очень удивило, что я ему так храбро, без малейшей боязни, отвечаю, как будто бы я не арестован, и признаюсь, что если бы у меня было под рукою какое-нибудь оружие, то, несмотря на последствия неминуемой гибели, я всех этих немцев так бы потрепал, что только бы пыль за ними пошла.

Надругавшись надо мною, сколько душе было угодно, генерал этот приказал мне отправиться в Сохачев. Во время пути туда встретились мы с двумя прусскими офицерами,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ехавшими в Лович. Узнав от конвойного, кто я такой, они бросились ко мне и хотели отлупить меня своими саблями. Я, видя это, схватил с воза клоницу (klonica кол, одна из составных частей польского воза) и приглашал подойти к себе. Но ни один ко мне не хотел приблизиться, увидев, что я с ними не шучу. Сопровождавший же меня офицер, заметив, что эти два офицера были пьяные, начал серьезно выговаривать им, зачем они обнажили на меня сабли, и даже сказал, что если бы который-нибудь из них ударил меня, то он вынужден того арестовать. Тогда немцы спрятали свои сабли, а я воткнул в воз клоницу; впрочем, они обругали меня, сколько хотели.

По приезде в Сохачев меня сдали на гауптвахту, в солдатское помещение, где был необыкновенный смрад от тютюну. Сюда потом пришли ко мне офицеры, велели меня обыскать – нет ли у меня при себе ножа, а после самыми мерзкими словами меня обругали, когда же выходили, то положительно каждый на меня плюнул. Обиды эти довели меня до такого раздражения, что я всю ночь оплакивал свое бедственное положение, будучи всюду обещен и осмеян немцами; а между тем ни один из них не спросил – ел ли я что-нибудь, так что если бы обыватели не позаботились накормить и напоить меня, то я должен был бы с голоду умереть, ибо денег при себе не имел: они были у меня отобраны, когда я выехал из Познани. Эта ночь в Сохачеве показалась мне годом. Во-первых, мне было холодно, а во-вторых, я был очень голоден, так как целые два дня ничего не ел и хотя просил есть, но немцы только отвечали, что *morgen frueh* будешь *essen*, господин поляк (*Morgen frueh essen* – немецкая поговорка – со всем не дадим есть). Когда дал Бог дожждаться дня, пришла за мной повозка без соломы, с одними голыми досками, не взирая на то, что стоял крепкий мороз. Отправили меня в Блонь. Дорогой я так озяб, что зуб на зуб не попадал и ног под собою не чуял, и когда мы приехали в Блонь, то от сильной стужи я не мог сам стоять на ногах и солдаты должны были отнести меня в избу. Немедленно пришел ко мне комендант и, увидев меня, дрожащего от холода, тотчас приказал

отыскать теплое помещение и отнести меня туда. Хотя он и говорил со мною, но я совсем не мог ему отвечать от страшного дрожанья. Тогда этот честный и гуманный комендант сейчас же приказал принести для меня от себя горелки, дал мне выпить бокал, чтобы разогреться, и сам оставался при мне, пока я разогрелся, а потом со мною очень учтиво разговаривал. Я, видя большую учтивость его, стал рассказывать ему о своем мучительном путешествии от самой Познани и о всех своих оскорблениях, которые я вынужден был переносить от прусских офицеров, чему он очень дивился, но при этом и сам мне сказал, что немцы так сильно не терпят поляков, как соль — глаза; сознался, что он сам поляк и что сам немало ненависти от немцев испытал на себе, так что даже едва не решился во время войны перейти на сторону поляков, но не имел возможности, так как находился тогда в глубине Пруссии. Тем не менее, он настолько был честен, что сильно плакал при мне над несчастной польской участью, сожалея великое наше падение. Желая, чтобы я отдохнул от мучительного путешествия, комендант удержал меня у себя до следующего дня, приказал принести мне обед и ужин и сам пришел ко мне со своими офицерами, утешая меня в моей столь великой печали: что везли меня из одних неприятельских рук в другие. Офицеры же, пришедшие с ним, стали надо мной издеваться и, хотя комендант просил их прекратить надо мной насмешки, но это не помогло, так что он, рассердившись на них, приказал им меня оставить, а сам еще довольно долго пробыл со мною. На утро он велел заехать за мною повозки и отослал меня с конвоем и одним офицером в Варшаву. В Варшаву мы прибыли к 12 часам. Офицер наперед отвез меня к генералу Буксгевдену, который был комендантом Варшавы. Буксгевден спросил меня: зачем я ездил в Пруссию? Я ему ответил, что ездил к своим родным. На это он сказал, что я затем ездил, чтобы произвести в Пруссии революцию. Затем он приказал дежурному майору отвести меня под стражу. Просидел я полтора дня под арестом во дворце кн. Яблоновского, внизу. Когда дошел слух до магистрата, что я нахожусь под арестом, то городской совет старался всеми силами освободить меня возможно скорее. К тому же я имел

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

друзей, которые особенно заботились об этом. То были конюший Кицкий, ген. Салдерн, воеводша Зильберг, секретарь г. Цернер. Они немедленно пошли просить ген. Суворова выпустить меня. Суворов приказал взять меня в канцелярию для допроса. По снятии допроса, я был позван к ген. Буксгевдену. Здесь я застал гг. Луканиевича, Рафаловича, Рухлина и ген. Салдерна, кои просили ген. Буксгевдена уволить меня из-под ареста. По просьбе этих знатных мужей я был сейчас же уволен, но под условием: не заседать более в магистрате, а заниматься своим ремеслом. Хотя это наказание на вид было незначительно, но для меня оно было чересчур позорно, ибо меня, как какого-нибудь плута, отдалили от управления, несмотря на то что я не был ничем опорочен, но лишь встал на защиту своей родины, а если это считать пороком, то надо было бы карать всех патриотов... Но что же было делать? Надо было покориться.

Генерал Ф. Ф. Буксгевден

Поблагодарив за сделанное мне благодеяние, я пошел домой. На этом окончились мои огорчения месячного прусского плена. Аминь.

III

Вторичный плен на той же самой неделе и пересылка в Петербург

Новый арест и отсылка в Петербург. – Стесненное материальное положение. – Спутники. – Андрей Капостас. – Остановки: в Гродне, Ковне, Митаве, Риге и под Петербургом. – Жизнь в заключении. – Крысы – Строгости. – Посещение кн. Репниным. – Плохое продовольствие. – Жалобы на это Килинского и улучшение пищи.

Раз Высочайшею волею Всесвятейшего Бога мне был предназначен печальный жребий, я не пропущу случая описать его здесь, на память своим собратьям.

В субботу 25-го или вернее 28-го декабря 1794 г. я был арестован в Варшаве москалями и вместе с г. Капостасом посажен под стражу, во дворце, при Меднице, в третьем этаже. Тут мы сидели до рождественского сочельника, а в самый сочельник, в 2 часа по полудни, нас отправили в Петербург. О, как грустно и печально было мое расставанье с женою, ибо, оставляя ее с шестеркой детей, я не оставил ей никаких средств на их прокормление, равно как и на содержание моего хозяйства, уплату податей и другие нужды, ибо я в то время был обобран немцами, к тому же я не имел тогда у себя квартирантов, у меня стояло порожних 10 комнат по той причине, что опасались жить в моем доме, боясь, чтобы москали не отомстили на нем. Равным образом трудно мне было найти друга, который бы мог пособить мне в этой нужде. Отъезжая в столь длинную дорогу, да еще в неволю, ожидать скорого возвращения из коей было не возможно, я взял с собою 25 червонцев, а жене оставил только 7. Расставшись со слезами, мы выехали из Варшавы в числе 6 человек, а именно: первый – его превосходительство Закржевский, второй – его превосходительство Игнатий Потоцкий, третий – его превосходительство

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

каштелян Мостовский, четвертый – полковник Сокольников, пятый – г. Капостас и шестой – я, Килинский.

Приехали мы в Иезиорну, первую станцию, под конвоем из 15 казаков и 3 офицеров: подполковника, ротмистра и хорунжего. Здесь я переночевал первую и последнюю ночь вместе с господами, так как подполковник распорядился, чтобы я в продолжение всего пути имел особую квартиру и особый стол, что меня несколько опечалило. Господа просили за меня подполковника, чтобы он не делал мне неприятности, но не могли его упросить, ибо уже такой обычай у русских упрямыться, когда их о чем-либо просят. Но его превосходительство Закржевский, этот достойный и неоцененный муж, приказал своим слугам, чтобы мне все шло с его стола, и всю дорогу на столько обо мне заботился, что я совершенно ни в чем не имел нужды. Г-н Андрей Капостас, видя мое горе, т.е., что я не имел с кем проводить время и разделять своих печальных мыслей, сказал подполковнику, что он будет вместе со мною обедать и спать. Этот достопочтенный муж, если бы было можно, очень был бы рад всю дорогу улаживать мои печали, хотя и сам был довольно опечален тем, что вынужден был оставить свое имение и свои дела, на чем он много терял. Тем не менее, мы оба всю дорогу утешали друг друга, насколько было возможно. А между тем сильный мороз, который стоял в течение всех 23 дней нашего пути, весьма сильно давал нам себя чувствовать. Кроме того, выпал настолько глубокий снег, что доходил лошадям до брюха, и таким образом спешить никак было нельзя, хотя мы и не имели причины спешить в тот ад, в который нас посадили, тем не менее частые отдыхи на таком тяжком морозе нам надоели.

Приехав в Гродно, мы очень опечалились, ибо попали как раз в то время, когда жители принесли присягу на верность Москве. Признаюсь, что я, узнавши об этой присяге, никак не мог перестать плакать, да и все так сильно были опечалены, что каждый, отвернувшись в угол, залился слезами. Переночевавши здесь, вместе с рассветом выехали из Гродно. В тот же день мы остановились в Ковно. Здесь мы оставались день

и две ночи, так как нам было приказано делать под кареты сани, которые, однако, пользы нам не принесли, ибо тотчас за городом изломались. Отсюда мы выехали ночью и на другой день были в Митаве, в княжестве Курляндском, где и обедали. Пока мы там стояли, много людей приходило посмотреть на нас, но москали их разгоняли. В сумерки мы выехали и в 11 часов были в Риге. Тут нас застали русские праздники Рождества Христова, и мы отдыхали два дня, но не имели разрешения выйти в город и принуждены были все время просидеть в одной лишь комнате. На третий день выехали из Риги и уже не имели ни одного отдыха до последней станции под самым Петербургом. Подполковник хотел привезти нас к царице непременно на русский новый год, но не мог поспеть, потому что дорога была дурна. На последней станции мы отдыхали целых полдня, так как подполковник оставил нас, а сам поехал в Петербург с рапортом к царице, что везет нас. Получив указание, где нас поместить, он немедленно вернулся. В 10 часов вечера нас привезли в Петербург и поместили в тюрьму, каждого отдельно.

13-го января 1795 года (в подлиннике, очевидно, вследствие описки или опечатки, roku 1792 г.) я был посажен в петербургской крепости в комнатку, длиною в 1 локоть, а шириною в 5 1/2 локтей, с одним окном, с вделанною в него крепкою решеткою, с половиною, выходившей в комнатку кирпичной печи, которую когда затопили, то едва через четыре часа она разогрелась; пол тоже был настолько плох, что из-под него шел в помещение страшный холод, и я не мог никогда согреть своих ног. К этому надо прибавить посещения меня крысами и мышами, которые мне ужасно надоели. Но хотя на них и смотреть не мог, однако должен был их принимать и даже уделять им от своих ничтожных снедей, ибо если иногда забывал, то они целую ночь не давали мне спать и даже могли пострадать мои вещи; зато, когда давал им есть, то они меня не беспокоили. Еще что меня мучило, это — что они плодились и от того часто пищали, да при этом вынужден был терпеть от них необыкновенный смрад. Но об этом довольно. Перейдем теперь к более важным

обстоятельствам, из коих узнаем, как со мною бедным обходились москали в той несчастной и даже грустной неволе.

Прежде всего, как только заключили меня, сейчас поставили стеречь меня трех солдат, из коих один ежедневно наблюдал за мною, ничего не говоря, так как они имели от своего офицера строжайший приказ ни хорошего, ни дурного со мною не говорить. Когда я хотел выйти в отхожее место, то должен был предварительно сказать об этом солдатам, тогда солдат шел вперед в сени и приказывал другому встать с ружьем на пороге у отхожего места, затем отворял ко мне дверь, велел мне выходить и шел за мною до самого сортира; когда же я из него выходил, не позволял мне стоять на дворе, чтобы я не осматривал ограды, и я должен был немедленно идти к себе. И так было во все время моего заключения. Когда переночевал, на другой день, в 10 часов утра, пришел ко мне министр царицы Репнин (автор записок, называя кн. Ник. Вас. Репнина министром, очевидно, имеет в виду звание полномочного министра, коим Репнин был облечен 11 ноября 1763 г., при отправлении в Польшу) с 5 офицерами. С ними имел порядочное столкновение. Едва Репнин переступил порог, как, указывая на офицера, обратился ко мне со словами: «Ты, бестия, ему в Варшаве сапоги шил». Я, взглянув на офицера, которого видел в первый раз в жизни, сейчас же ему ответил, что я в жизни своей ни этому, ни одному из них сапог не делал. А когда министр то же самое повторил, я вынужден был сказать ему правду, что те москали, которым я в Варшаве шил сапоги, уже не живут на свете. Потом он меня спросил: для чего я вешал в Варшаве господ? На это я ему ответил, что вешал не я, а палач. Далее спросил меня: за что я их вешал? Я ответил ему, что их вешал палач за измену своей родине. Еще меня спросил: бил ли я в Варшаве москалей. Ответил ему, что я их только стращал, чтобы уходили из Польши, ибо их туда никто не звал. На это он сказал, что велит дать мне 500 палок сквозь одну рубашку. Я ответил ему, что в первый раз слышу, чтобы полковник, находясь в плену, мог быть наказываем палками, что в Польше мы с русскими так не поступали. Тогда этот министр, видя, что я его совершенно

не боюсь, расстегнул свою шубу и показал мне, что у него на платье три звезды и что он имеет власть приказать бить меня палками. Я ответил, что его высоко уважаю, но что прежде дам себя убить, нежели наказать палками. Министр велел мне трепетать перед его звездами, на что я ему сказал, что знаю людей с тысячами звезд, а и перед ними никогда не трепетал и не буду трепетать. Тут он наворчал на меня, сколько ему хотелось, а когда успокоился, велел мне описать свои действия во время варшавской революции: как она началась и как кончилась, все свои чины и за что получил их, угрожая мне величайшим и суровым наказанием, именно, что я буду бит кнутами и подвергнут пытке, если что-либо утаю, а другой меня после выдаст. Сказавши это, он приказал дать мне чернильницу и бумагу, еще прибавив при этом, чтобы я описал все, как можно вернее, так как все мое объяснение будет читать сама царица. Когда уже выходил от меня, велел позвать караульного офицера и строго приказал ему наблюдать за нами, чтобы мы не имели между собою переписки и не виделись друг с другом (но меры эти не достигли своей цели. Немцевич ('Pamiętniki') говорит, что он сносился с Килинским через посредство Капостаса и подал ему мысль писать настоящие воспоминания), и тогда же распорядился, чтобы мне давали простое солдатское кушанье. Отдав приказание относительно всех нас, что там сидели, Репнин уехал. Все время, пока я не окончил своего письменного показания, у меня сидел секретарь.

Сидя на простой солдатской пище, я так ослабел и похудел, что во мне уже едва душа держалась. Я решительно не мог есть этой пищи, а только просил Бога дать мне терпение, дабы не сойти с ума, ибо я находился в таком угнетении целых два месяца. Однажды когда, на девятой неделе, вошел ко мне полковник, который часто нас посещал, я осмелился обратиться к нему со словами: ваше высокоблагородье, г. полковник, я уже никоим образом на этом простом солдатском содержании долее выдержать не могу: ни один поляк к нему не привык, в Польше самый бедный работник в пятницу далеко лучше ест, чем я получаю в этой тюрьме. Поэтому покорнейше прошу вас, милостивый государь, изложить в своем рапорте мое ходатайство,

что если государыня императрица будет меня держать в неволе, да еще и голодом станет морить, то это будет лишь одно тиранство, и я хотел бы лучше, чтобы она велела лишить меня жизни; если же она хочет, чтобы я еще жил, то прошу смириться надо мною – назначить мне иную порцию. Признаюсь вам, я потому так прошу, что боюсь, как бы не впасть в бешенство и не надеть безобразий от голода, к которому я не привык. Прошу также вспомнить, что мы так жестоко с москалями не обращались. Пусть они сами расскажут, какие они имели у нас выгоды, ибо мы разрешали им все, чего бы они ни пожелали, и вам взаимно должно делать то же. А между тем я даже на свои деньги не имею позволения купить чего-нибудь для себя, или разве возможно разогреться утром холодной водой, чего до сих пор никому не дают натошак. Напоследок, чтобы разжалобить его, принужден был показать, насколько я спал с тела.

Этот почтенный полковник терпеливо выслушал мои просьбы и дал честное слово довести мое справедливое желание до сведения царицы. И действительно того же самого дня мне назначили по 50 коп. в день и по бутылке пива. Таким образом, я стал получать из трактира немного лучшее кушанье, хотя, правду сказать, оно могло бы быть значительно лучше за эти деньги, если бы не жадность караульного офицера, который, во все время моего нахождения в неволе, ежедневно урывал у меня 10 грошей (т.е. по 5 коп. в сутки). Но что же я мог сделать, как только быть довольным и тем, что давали. Просидев в этом томительном заключении девять месяцев, я снова просил того же полковника позволить мне на свои деньги покупать кофе и горелку, и он мне это позволил, хотя сначала никоим образом не соглашался разрешить. Но и тут я встретил затруднение со стороны караульного офицера, который велел это покупать для меня, когда ему было угодно, но никогда не давал мне денег в руки, боясь, чтобы я не подкупил солдат.

Допрос Килинского относительно варшавской революции, учиненный 12-го февраля 1795 г. в Петербурге, в самом строгом и в самом суровом заключении. (Очевидно, это и есть

го самое объяснение, которое Кишинский написал по предложению кн. Репнина и которое должна была читать Екатерина. Подлинник этого объяснения, конечно, должен находиться в каком-либо из русских государственных архивов.)

Причины нерасположения поляков к русским. — Поводы к революции в Польше вообще и в Варшаве в частности. — 5 (17) апреля 1794 г. в Варшаве. — Волнения по удалению русских: народный суд над изменниками, Конопка, убийства и пр. — Вероломство прусского короля. — Тяготение к России. — Оправдание Кишинского.

Я родился в Познани, называюсь Ян Кишинский, моему отцу имя Августин, занятие (его) каменщик. — Давно ли в Варшаве? — 15 лет, по профессии башмачник, имею собственность — два каменных дома на Дунае, под № 145. — Чем я есть в Варшаве? — радным в магистрате, 4 года. — Имею ли жену и детей? — имею четырех сыновей и двух дочерей. — Есть ли родственники? — три брата и две сестры; имею 35 лет. — Каким образом началась революция в Варшаве? — Нерасположение поляков против Москвы возникло с тех пор, как Москва ниспровергла нашу Конституцию 3-го мая (1791 года), которая была объявлена с целью возведения на наследственный престол князя Константина и королевны польской, княжны саксонской, А когда Москва, во время первой войны, вступила в Польшу, как неприятель, этим она возбудила великое недовольство в народе, ибо король, вместе с дворянским сословием, объявил на сейме, длившемся четыре года, престол наследственным. И когда уже были объявлены наследники престола — кн. Константин и саксонская инфантина, Москва сейчас же объявила полякам войну. Наш король не желал выставлять невинный народ на убой и даже совсем не хотел драться с Москвою. Он отдал приказание польским войскам отступить. Когда московские войска подошли под Варшаву, он приказал, как можно скорее, созвать в Гродно сейм. Когда сенаторы и послы, вместе с королем, съехались на сейм, Москва тотчас же ниспровергла ту самую конституцию, которая была объявлена для кн. Константина. На этом-то сейме московские войска, окружив с пушками, помещение, в

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

котором собрались король и сеймовые чины, принудили их согласиться на раздел государства. После такого принудительного соглашения сейчас же проявилось в народе сильное недовольство, что Польша целиком отдавалась Москве, что Польша отдавала корону внуку русской царицы, но что Москва не обратила на это внимания, сама силою взяла страну и даже цесарю с пруссаками позволила ее взять. (Таким образом политика Екатерины отвергла то, к чему стремилась политика царей: Ивана Грозного, сына его Феодора и Алексия, кои сами, при всяком удобном случае, выдвигали, хотя и безуспешно, свою кандидатуру на польский престол.) За такое неприличное обхождение с нами Москвы в каждом поляке сердце обливалося кровью против нее: что она не только сама осталась в стране, но еще и растаскать ее велела. Эти обстоятельства были причиною величайшего неудовольствия во всем народе, приказ же нашим войскам сложить оружие вызвал беспорядки. В это-то время начальник бригады Мадалинский, получив распоряжение сложить оружие, отказался ему подчиниться и первый начал драться с пруссаками в той части края, которая была у нас ими захвачена. Этот же Мадалинский со своим войском двинулся к Кракову, но с москалями не дрался; хотя они и встречались, но друг друга не трогали. Едва Мадалинский подступил к Кракову, как тотчас за ним стянулись там все полки, началось народное восстание, и весь союз обратился в конфедерацию. Таким образом, начатком революции в Польше было распоряжение польскому войску положить оружие. Не знаю иной причины, ибо там не был.

Что же касается начала варшавской революции, то оно было таково. Полномочный посол, генерал Игельстром, отдал распоряжение русским войскам собраться в числе нескольких тысяч в Варшаве и расположиться на квартирах. А там, где солдаты не стояли, жители обязаны были с тех домов и дворцов платить в квартирную комиссию деньги по 9 злотых на каждого солдата, причем на каждый дом и дворец записывали по несколько десятков солдат. Тем из жителей, которые не были в состоянии заплатить, ставили московских солдат, кои

причиняли большие неприятности. От этого налога не был свободен даже его величество король, он также должен был платить со своего замка на солдат. И такое обременение продолжалось пять кварталов (квартал заключает в себе 3 месяца). Обыватели стали сетовать на такой налог, ибо некоторые не имели, на что купить хлеба, а подать эту непременно должны были заплатить. Такое отягощение со стороны московского войска до того довело варшавских жителей, что они оставили свои дома, а некоторые граждане дошли даже до конечного разорения: должны были на удовлетворение этой подати распродать свои вещи. Солдаты же притесняли обывателей. Когда началась война под Краковом и Костюшко побил москалей, в Варшаве все жители начали просить Бога, чтобы Он помог вытеснить неприятеля из Польского государства. Наконец, в Варшаве пошел ропот, когда московские офицеры начали рассказывать, что имеют приказ императрицы, если поляки одержат победу, разграбить Варшаву, затем зажечь ее от одного конца до другого, отнять арсенал, а польские войска обезоружить. (Об этой выдумке уже оговорено выше.) Как бы в подтверждение этих рассказов, из полков, которые были в Варшаве при короле, распустили значительную часть людей. Так, из коронной гвардии, в коей было 2800 человек, распустили 2100, осталось 700; из полка Дзялынских, в котором числилось 10 800 солдат, отпустили 10 200, осталось только 600; из артиллерии, в коей было 10 800, распустили 10 400 и осталось лишь 400; пораспустили также и из прочих полков. Так как же было не печалиться варшавянам, видя такое подтверждение упомянутых рассказов? Тем временем был отдан приказ, запрещающий под страхом смерти разговаривать и неодобрительно судить о правительстве. Спустя неделю появилось другое распоряжение, чтобы все дворцы и дома были заперты в 7 часов вечера и чтобы никто не смел, под страхом быть арестованным и посаженным на хлеб и на воду, после 7 часов выходить на улицу, хотя еще было светло. (Очевидно, что до русских уже дошли слухи о волнении.) Такое распоряжение тоже очень стесняло народ: по улицам ходили польИгельстрома. Игельстром, узнав о ропоте жителей, прислал в магистрат спросить, какие лучше войска желает народ иметь у себя

на постое — московские или прусские? Варшавский магистрат и слышать не хотел о прусских войсках, будучи доволен, что московские войска защищали нас от прусских. Магистрат от имени всех горожан просил Игельстрома отдать распоряжение войскам, чтобы часть их вышла из Варшавы в одну из ближайших деревень, ибо они были большим отягощением для жителей всей Варшавы, причем магистрат ручался, если бы ходатайство его удовлетворил Игельстром, за полную безопасность в целом городе. Но просьба эта уважена не была, и от Игельстрома получен ответ, что в Варшаву придет еще более войска. И вот возникли еще большие толки и ропот. А когда Костюшко приближался к Варшаве, гетман Ожаровский отдал приказ всем, находившимся в Варшаве, польским войскам, чтобы они, когда начнется тревога, совместно с москалями, били народ. Польские офицеры, коль скоро получили такое распоряжение, то не могли удержать этого в секрете, но, посоветовавшись друг с другом, начали ходить к обывателям и рассказывать им о нем, предлагая им запастись, ради осторожности, оружием, прибавляя при этом, что вместо того чтобы бить народ, они совместно с последним станут бить москалей. В тот же день мне было извещение, о котором сказано выше.

Это предостережение было сделано мне во вторник, перед Пасхой. И не только этот офицер предостерег меня, но и прочие московские офицеры предостерегали своих приятелей-поляков. Вечером, в тот же вторник, пришли ко мне восемь человек польских офицеров, переодетых по-статски. То были: капитан артиллерии Линовский, хорунжий Ласковский, — тоже артиллерист кавалерии поручик Сухаржевский, от фузилеров поручик Нецкий, полка Чапского полковник Венгерский; вот те, которых я знаю, а что касается трех остальных, то я не знаю, как они назывались.

Придя ко мне, они звали меня с собою, говоря, что имеют ко мне весьма важное дело, коего в доме моем сказать мне не хотели. Они свели меня, в так называемый Иезуитский дом,

в четвертый этаж сзади. Там, когда мы пришли, начали они рассказывать, что москали предполагают, на этой неделе, перебить нас в Варшаве, и просили моей помощи, ибо имели намерение защищаться от москалей.

— Гражданин, — говорили они мне, — мы основательно знаем, что ты в магистрате человек весьма уважаемый всеми и у тебя много есть друзей, которые последуют за тобою на защиту Варшавы и нас, военных. Московское насилие не только отняло у нас страну, но еще и смертью угрожает на этой неделе. Ведь мы уже имеем от гетмана приказ перебить своих собратьев. Но сердце наше не может перенести такого варварства, посему обращаемся к вам за советом и просим о поддержке наших слабых сил и уверены, что вы нам поможете. К тебе обращаемся, уважаемый в среде горожан гражданин, просим тебя помочь нам и верим, что ты не откажешь нам.

А затем, когда рассказали мне о всех своих намерениях, стали меня спрашивать: принимаю ли я это на себя? И пока я еще совсем не знал, что им ответить, поручик Нецкий вынул из кармана кинжал, а капитан Линовский достал из-за пазухи текст присяги и распятие и обратился ко мне со словами:

— Гражданин, если ты, имея столько друзей, откажешь нам в этой услуге, которая касается всех нас, то будь уверен, что ты отсюда не выйдешь живым.

Видя против себя оружие, что же мне было делать? Или погибать так, без боя, или от рук москалей. Для меня это было все равно. И я поклялся перед ними, что буду помогать. Затем достали из комода бумагу, на которой я должен был подписаться, и тут же показали мне список, на котором были подписи 60 720 граждан, уже присягнувших. Сказали мне, чтобы я был готов в четверг, к четырем часам утра, и чтобы слушал сигнал из пушки, на который должен был выходить вооруженным, с возможно большим числом людей. Так и было. В четверг, когда дали сигнал, я тотчас взял с собою несколько десятков человек, отнял у москалей семь

орудий и ими защищался с возможным мужеством. Пальба началась в половине пятого часа и продолжалась до четырех часов пятницы. Москали заперлись в том дворце, где жил Игельстром, в Данцигском саду, у капуцинов и во дворце Красинских. В четверг, в пять часов пополудни, народ провозгласил в Королевском замке Мокроновского генералом и варшавским комендантом, а Закржевского, бывшего еще президентом во время Конституции 3-го мая, – президентом. Отправились за ним, и когда его привели в ратушу, народ сейчас занялся избранием временного совета – до дальнейшего устройства – правления, ибо его величество король не хотел ни вдаваться в это дело, ни даже ничего знать. Народ, вместе с офицерами, и меня выбрал в члены правления. Сразу по избрании совет назначил меня на дежурство к королю, для охраны, так как тогда войска при короле не было. Я же, пользуясь большим доверием в народе, пошел и выбрал из среды обывателей самых способных и отправился с ними в королевский замок. Там расставил их на караулы и пробыл с ними всю ночь. На другой день мы отправились захватить остатки московского войска. Его величество король и совет видели, что москали уже не защищаются; потому король немедленно отправил, утром, Закржевского и Мокроновского, в качестве парламентаров, к Игельструму, чтобы тот не трагил понапрасну своих солдат, но чтобы сдался, причем ему и всем, с ним находившимся, обеспечивалась жизнь. Но он такого предложения, троекратно переданного от имени короля и совета, принять не хотел. Народ, узнавши, что он не хочет пардону, со всею силою ударил на те пункты, где были москали, и захватил их. Его превосходительство, Игельстром, на нескольких лошадях бежал к пруссакам.

По захвате московского войска наступило общее спокойствие, но народ, пришедши в ратушу, в совет, требовал распоряжения арестовать тех, которые дали письменное согласие на раздел Польского государства, разобрать дело и виновных казнить. Когда совет ответил, что велит арестовать этих лиц, народ успокоился.

Спокойствие это длилось восемь дней. На девятый день, в четыре часа пополудни, сделалась в Варшаве сильная тревога: одни говорили, что подходит множество войска, а другие, что наш король выехал из Варшавы в Москву. Тревога эта была сделана с тройкою целью: дворня тех господ, которые были арестованы, произвела ее для того, чтобы освободить из ареста, во время замешательства, своих господ; другая же часть, которая разгласила, будто его величество король выехал в Москву, состояла из бездельников, картежников и тех, кои были единомышленниками французов, думая через эту тревогу добиться осуществления своих замыслов – арестования короля, в чем те и другие жестоко ошиблись. Дело же было так: король был именинник, в тот день было св. Станислава, и ехал на Прагу, на прогулку. Когда совет узнал, что народ беспокоится, что король не уехал из Варшавы, я поехал к королю, в Прагу, и просил его как можно скорее вернуться в Варшаву, сказав королю, что народ беспокоится, и чтобы вследствие этой тревоги не вышло чего-нибудь дурного в его отсутствие, а также, что обыватели боятся, чтобы король не выехал за границу. Его величество король, послушавшись совета, тотчас воротился обратно в Варшаву, а я получил приказание от президента Закржевского успокоить граждан, что король уже возвращается назад, и что нарочно послал меня, как человека, пользующегося особенною доверенностью простого народа, успокоить его. Я объявил им о возвращении короля и просил их встать двумя рядами, от Пражского моста до Королевского замка, и в то время, когда король будет проезжать около них, кричать: «Виват! Виват!»

И все это было исполнено. Противной партии, состоявшей из бездельников и тех, которые тянули на сторону французов, очень не понравилась устроенная для короля орация. Когда король вернулся в замок и вошел во внутренние покои, сейчас же подошел ко мне артиллерии майор Хомунтовский и, схватив меня за грудь, сказал: «Ты, шельма, держишь сторону короля, жизнь твоя в моих руках», – и выхватил при этом из-за пазухи пистолет, заряженный двумя пулями. На это я

ему сказал, что лучше дам убить себя, нежели позволю сделать какую-нибудь обиду королю. Сейчас же обыватели отняли у него пистолет и отвозили его саблями и даже хотели изрубить, но я его защитил. Желая узнать, много ли еще есть подобных господ, я приказал отвести его под караул с тем, чтобы ни на чье требование он не был освобожден. В замке, всюду, где только был вход к его королевскому величеству, я поставил двойные караулы из жителей. Защитив замок от «французского духа», я взял с собою остаток граждан, вышел с ними из замка и отправился в ратушу на заседание Совета. Там было получено известие, что народ хочет перебить всех господ, которые были арестованы, за то, что дали письменное согласие на раздел государства. Тогда Совет снова послал меня уговорить их, чтобы без декрета никого теперь не убивать. Я, пришедши к ним, возвысил голос и довольно ясно их убеждал. Но это убеждение немного на них повлияло. Тогда я посоветовал им изложить свое желание на бумаге в Совет, прося последний приказать судить этих лиц, ибо по образу действий Игельстрома можно было подозревать (в чем даже имелись доказательства): Ожаровского, Анквича, Забелло и епископа Коссаковского, кои были самыми первыми особами, давшими свое письменное согласие на раздел государства. Такое предложение народ принял и оставил свои замыслы. На другой день, утром, народ собрался с оружием и пришел ко мне с требованием, в коем было изложено, в следующих четырех пунктах, его желание:

1. Народ желает, чтобы Совет приказал увеличить караулы при арестованных и бывших гродненских послых.
2. Народ хочет, чтобы оружие и амуниция были розданы черни.
3. Народ желает, чтобы его величество король находился в полной безопасности, и чтобы ему было оказываемо должное уважение, и чтобы Совет приказал устроить вокруг Варшавы шанцы.
4. Народ требует и приказывает, чтобы Совет нынешнего же дня предал уголовному суду следующих лиц: гетмана Ожаровского, маршалка гродненского сейма Анквича, маршалка литовского сейма Забелло и епископа Коссаковского.

Чернь, вместе с военными, принудила меня идти с ними к президенту и попросить его, от имени всего народа, прийти в ратушу и распорядиться созвать Совет. Когда президент подошел к ратуше, чернь сейчас же загородила ему ворота и просила его остановиться, пока народ прочитает ему свои пункты. Выслушав пункты, он тотчас ответил на них народу, что три пункта справедливых желаний немедленно будут удовлетворены; на четвертый же пункт дал ответ, что Совет временного управления не может приказать предать суду этих особ, что это зависит от разрешения главнокомандующего (Костюшко). Народ снова сказал президенту, что если не будет выслушано это его желание, т.е., что Совет не распорядится предать суду этих особ, как изменников своей родины, то не только этих именно лиц, но и всех, в то время содержавшихся под арестом, господ они изрубят в куски, и что они до тех пор не сложат оружия, пока желание их не будет удовлетворено. Затем – президент пошел в ратушу, а народ остался ожидать ответа. Совет вторично дал ответ, что не может предать суду без ведома главнокомандующего. Получив такой ответ, чернь немедленно пошла на пороховые (это, вероятно, были или пороховые погреба, или пороховой завод), где эти особы сидели, и привела их в ратушу, в судебную палату. Пригласили также капуцинов для исповеди их. Одновременно с этими особами, в ратушу вошло несколько сот способнейших людей, в числе которых были офицеры. Они вошли в Совет и обратились с такими словами:

– Светлейший Совет! Народ желает и просит суда над изменниками родины, кои приведены перед уголовный суд; если вы не позволите их судить, то не только они будут казнены на ваших глазах, но мы даже и самый Совет станем считать непослушным и несправедливым. Не будет для них наказания – не будет и страха. Смотри, Совет: несколько десятков тысяч народа ожидают от тебя справедливого суда. Если ты не дашь его народу, то будь уверен, что народ сам учинит его. Подумай, Совет! Ты не только не защитишь сих четверых особ, но и прочих арестованных мы уже тогда не будем в состоянии спасти от смерти.

Такие угрозы заставили Совет отдать под уголовный суд помянутых лиц. Лишь только Совет предал их уголовному суду, как сейчас же были предъявлены против них доказательства из переписки Игельстрома. Наперед был судим гетман Ожаровский за то, что был подкуплен Москвой.

Уголовный суд, по прочтении ему его приказа польским войскам – бить в Варшаве совместно с москалями народ, спросил его: сам ли он своею рукою писал этот приказ и отдал войскам? Когда же гетман ответил, что писал сам своею рукою эти приказы и отдал их на гибель народа, то уголовный суд спросил его: для чего он издал эти приказы? Он ответил суду, что приказы эти были отданы им по приказанию Игельстрома, за что он взял деньги. Как скоро он признался, что был подкуплен, так тотчас был осужден на виселицу и повешен палачом. Анквич и Забелло были повешены за то, что подкупили послов на гродненском сейме дать письменное согласие на раздел и что сами были подкуплены. Еп. Коссаковский за то был повешен, что он, как духовное лицо, не должен был давать советов Игельстрому перебить народ во всех костелах в Варшаве, во время пасхальной заутрени, для чего он отдал распоряжение начать заутреню во всех костелах в 8 часов, а также за то, что он подкупил послов на гродненском сейме и сам был подкуплен Москвою.

Много было против него и других доказательств, так что его осудили на виселицу. Когда он был уже осужден, Совет тотчас же послал к нунцию, чтобы тот велел снять с него духовный сан (т.е. духовные почести). На это нунций дал ответ, что сан этот замаран, раз он очернил себя изменою перед отечеством, однако же нунций прислал своего каноника для снятия сана, а затем Коссаковский был повешен. После казни этих четырех лиц народ желал, чтобы майор Хомунтовский был рассечен за то, что хотел арестовать короля и меня убить в Королевском замке. И уже была вывезена пушка перед короля Сигизмунда, так как предполагали после казни тело его зарядить в пушку и выстрелить на четыре стороны Варшавы. Но я упросил, чтобы его еще позадержали до допроса – кто

его подговорил арестовать короля, а меня, лицо самое доверенное в обществе, убить.

Народ послушался меня и он остался под арестом. Через несколько дней поступило ко мне от варшавского коменданта, ген. Мокроновского, ходатайство за этого майора — простить и извинить его, так как он был пьян. Я, не желая быть его тираном, велел его освободить, но под тем условием, чтобы он более не оставался в Варшаве. Генерал приказал ему выехать в Литву, что тот немедленно и исполнил. Все-таки смерть не пощадила этого майора: пушечное ядро оторвало ему голову. Сторонники французов, кои были такого же образа мыслей, как этот майор, видя, что я стою за короля, к каковой партии принадлежали все, наиболее значительные граждане, должны были оставить свой замысел. Мы в нашей революции не имели ни малейшего намерения делать так, как делали у себя французы, и с ними у нас не было никакого согласия. Начиная эту революцию, единственною нашею целью было — отомстить прусскому королю за вероломство, сделанное нам во время Конституции 3-го мая. Он обманул послов на этом сейме и отвлек нас от давно заключенного с Москвою союза обещанием дать нам всякую военную помощь для отражения Москвы. Прусский король стремился, как можно скорее, захватить у нас Гданьск и Торунь (Данциг и Торн), к коим он постоянно подкрадывался. Так и случилось. Обманувши наших послов на сейме, он немедленно забрал эти города, без которых вся Польша не только никогда не могла бы населиться, но даже половину своей ценности должна была бы потерять, ибо эти два города портовые (о Торне этого сказать нельзя), там сосредоточивается для всего края самая обширная торговля всех стран; словом, без этих городов Польша никак не могла обойтись.

Разве не довел нас до окончательного отчаяния такой несправедливый захват государства прусским королем, когда мы и без того видели себя со всех сторон обиженными и незаслуженно разграбленными? Скажу правду, хотя бы мне пришлось потерять свою голову, что известные три государства,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

безо всякого повода, отняли у нас страну. О, мой боже! Как же не должен каждый поляк стонать и скорбеть о такой великой обиде! Правда, мы были под покровительством государыни императрицы, но какое же это было покровительство? Когда некоторые обратились к государыне с просьбою о помощи против своих собратьев и единоплеменников, то получили помощь, но не такую, чтобы она была помощью для всего края. Кто же на этом потерял, как не бедные жители, кои постоянно были угнетаемы и поработаемы москалями. Такая помощь была полезна не для всего вообще края, но только для некоторых лиц, кои старались не о том, чтобы осчастливить страну, а заботились лишь о своих личных выгодах, и потому не держались одного своего короля, который давал им добрые советы, и благодаря такой именно помощи утратили государство. Кто на этом потерял, когда города и деревни были сожжены и уничтожены? Я знаю, что его королевское величество, на сейме 3-го мая, несколько раз говорил сеймовым чинам, чтобы не вступали в союз с прусским королем; говорил им также: «вы оставляете теперь Москву, которая, вам еще до сих пор не изменила, но вы дождетесь того, что на коленях поползете к государыне императрице из-за вероломства прусского короля и будете просить о мщении против него». Но разве это помогло, когда прусские уловки одержали перевес над партией короля, советовавшего не расходиться с Москвою. Ради этого король объявил престол наследственным для внука государыни императрицы, кн. Константина. Настолько старался наш король, чтобы Москва не только была нашей покровительницей, но и совсем хотел и хочет отдать под опеку государыни Польшу. Со времени сей конституции вся наша страна была довольна и желала иметь у себя польским королем кн. Константина. Но эта же конституция не удовлетворила нескольких особ; они обратились к государыне и просили о военной помощи, чтобы порвать и опрокинуть эту святую конституцию. Это были те особы, которым хотелось быть королями, и потому такое святое дело им не понравилось. Его королевское величество хотел добра для своей страны, хотел, чтобы еще при его жизни был избран наследник престола, чтобы Польша не подвергалась больше таким смутам при наследовании

трона, какие она испытывала прежде. Вот этим-то панам не понравилось, что король желает отдать корону другому, а не им. Это были те самые господа, которые искали окончательной гибели Польскому государству и ее действительно нашли, не оглядываясь на то, что вследствие своих несогласий они разрушат и окончательно погубят Польшу.

Мне известны задачи и план теперешней польской революции. Они были таковы. Прежде всего, во всей Польше, в один день и в одну ночь, все московские, цесарские и прусские войска предполагалось не перебивать, но обезоружить и взять в плен. Затем предполагалось отправить посольство к государыне императрице и к цесарю, чтобы они не мешали нам воевать с прусским королем, отомстить ему за обман наших послов и несправедливое отнятие части нашего края.

Посольство это должно было ходатайствовать: 1) чтобы государыня императрица разрешила созвать сейм 3-го мая и приказала восстановить конституцию с некоторыми необходимыми в ней поправками; 2) чтобы в нынешней войне с прусским королем она оставалась нейтральною и с нами бы вступила в вечный союз; 3) чтобы кн. Константина, которого хочет вся Польша, дала нам в короли; 4) чтобы не оказывала более никакой помощи и не предоставляла своих войск польским панам для борьбы с братьями, разве бы только одному королю, если бы он предполагал воевать; 5) чтобы из Польши к русским границам были отодвинуты русские войска. За это мы хотели уступить императрице ту область, которая была нужна ей для разграничения с турками, разоружить войска и предоставить наследственный престол кн. Константину, а сами ударить со всею силою на прусского короля и отобрать отнятую у нас область. Вот правда о нашей революции, которая нам не удалась отчасти вследствие вышеизложенного, отчасти потому, что ген. Мадалинский, не ожидая назначенного для революции дня, все испортил. По этой причине в Варшаве дело не могло обойтись без пролитая крови как с той, так и с другой стороны. Русские войска постоянно стягивались на ночь в сборные пункты, по несколько десятков

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

и по несколько сот, так что никак нельзя было их обезоружить. Когда же началось восстание, некоторые господа ездили к ген. Игельстрому с увещанием сдаться, обещая полную неприкосновенность и ему, и русскому войску, но он никоим образом сдаться не хотел. Это-то обстоятельство загородило нам дорогу в Петербург. Мы не могли отправить посольства к государыне императрице, так как не могли достать полномочного посла. Другим для нас препятствием было то, что не все города разом восстали; а третьим — что прусские войска тотчас подошли под Варшаву. Таким образом, наши господа, которые предполагали заправлять революцией, никак не могли достичь осуществления своих замыслов.

Сказав, какого рода предполагалась революция, я пойду далее, скажу о том, что делалось в Варшаве. Главнокомандующий учредил верховный народный Совет из 8 особ. Совет выбрал к ним 32 кандидатов... Я был в числе последних. Потом нас распределили по департаментам. Я был назначен в отделы финансовый и паспортный, а сверх того состоял председателем лотереи. Но в этих отделах я очень мало находился, ибо Совет, как только народ пожелал устроить вокруг Варшавы шанцы, назначил туда меня, как человека наиболее любимого в Варшаве. Я, сверх возложенных на меня обязанностей, старался привлечь народ и лиц разного состояния, равно как и несколько тысяч женщин, к устройству вокруг Варшавы окопов, благодаря чему значительно сберег казну республики. Она должна была бы выдать на это несколько миллионов, тогда как я с людьми без всякого расхода это сделал. По разделении Варшавы на участки, коих было устроено 7, отдано было распоряжение, чтобы каждый участок, во время тревоги, отправил на окопы по 3000 человек с оружием. Когда начальники участков в первый раз отправили на окопы людей, указывая им места, предназначенные для каждого участка, на случай тревоги, был тут некто Конопка. Этот стал подбивать людей вести борьбу против неприятелей и советовал им, когда будут возвращаться с окопов домой, обратиться с просьбою в Совет, чтобы последний приказал наказать изменников. Люд этот,

когда возвращался, зашел к президенту и просил его наказать тех, которые согласились на раздел. (То, о чем здесь начинает говорить автор, логически должно быть поставлено в связь с вышепомещенным рассказом о народном суде над Ожаровским, Анквичем, Забелло и Коссаковским.) Президент, выйдя к ним, просил подождать, хотя бы с неделю, так как еще не был учрежден высший уголовный суд. Конопка, услышав о том, что им приказано подождать неделю, снова стал внушать народу, что Совет поступает несправедливо. Затем, взяв с собою людей, он отправился с ними за деревом для виселиц. В течение ночи поставили 11 виселиц. Президент, когда узнал об этом, немедленно прислал за мною. Я спал, так как был час ночи, и ничего не знал. Президент просил меня принять какие-либо меры, чтобы ночью не произошло чего-нибудь дурного. Когда я пришел на рынок, там уже стояли 3 виселицы. Возвысивши голос, я убедительно просил народ оставить свои замыслы.

Но убеждения мои совсем не помогли, ибо люд этот совершенно не был мне знаком. Это были одни лишь сторожа, маляры, плотники, рабочие, дворовые и бездельники, коих я совсем не знал. Эти люди не желали совсем слушать моих убеждений и даже хотели повесить меня на первой виселице. Они уже притащили меня под виселицу, но, к великому счастью, со мною было несколько знакомых, кои защитили меня от этих разбойников, желавших вешать каждого, кто убеждал. Волнение продолжалось целую ночь. Последняя была употреблена разбойниками на постановку одних виселиц. Повторяю: то были люди, которые хотели из этого бунта извлечь барыш при помощи грабежа или кражи. Случалось и так, что они будто разыскивали виновных по дворцам, а на самом деле грабили. Когда Бог дал день, немедленно собрался Совет, чтобы принять меры против бунта. Послано было распоряжение в участки, чтобы участковые начальники пошли со своим войском и приказали подрубить виселицы. Разбойники, увидев, что подрубают виселицы, бросились на начальников и, изрубив нескольких из них, рассеяли солдат. Затем восстановили виселицы и одни из них пошли в Совет просить подвергнуть суду известных лиц,

другие же, не дожидаясь суда, сами отправились к этим лицам и повесили их при помощи палача. Когда дано было знать об этом в Совет, мы, Совет, с возможною поспешностью поехали к ним уговорить — не делать такого убийства, но сами едва избежали опасности, так как они хотели вешать каждого, кто их убеждал. Они даже повесили подпрокурора (*instygatora*), посланного Советом их уговорить. В это время не было видно ни одного домовладельца, ибо каждый боялся выходить на улицу, чтобы не быть повешенному. В тот день повесили 8 человек, быть может, повесили бы и больше, если бы не помешал дождь. Бог послал сильный дождь, благодаря которому бунтовщики должны были спрятаться. Я с президентом едва спасли коронного маршалка: его уже тащили к виселице. Это знает и Закржевский, который был президентом и очевидцем всего этого бунта, возникшего благодаря Конопке, но никак не мне, ибо я совсем в это дело не вмешивался. По усмирении бунта, Совет приказал арестовать свыше 500 человек, и каждый из них был допрошен отдельно: кто устроил этот бунт и кто их подговорил, а против меня не было ни одного показания. На следующий день я подал в Совет проект, чтобы Совет сделал распоряжение участковым начальникам (*Lo wojtow cyrkulowych*), чтобы они, каждый в своем участке, выслали надзирателей (*dzyorstw*) для переписи населения, находящегося в Варшаве, причем, чтобы отдельно были переписаны домовладельцы, отдельно жильцы, особо ремесленники и особо бездельники, кои не имели занятий. Последних я предлагал переловить и сдать в солдаты, так как иначе мы никогда не могли бы быть покойными в Варшаве. Совет принял мой проект с удовольствием и тотчас послал меня к Костюшко за военной помощью, ибо войска в то время в Варшаве не было, а Костюшко с войском находился в 9 милях от Варшавы. Когда я прибыл к Костюшко и отдал ему пакет, он немедленно отправил в Варшаву 4000 войска, а мне пожаловал патент на звание полковника. Возвратясь в Варшаву, в ту же ночь мы выбрали 6000 бездельников, которых я немедленно отослал в лагерь Костюшко. То же мы повторили во вторую и в третью ночь и таким образом значительно увеличили войско и восстановили спокойствие в

Варшаве. На третий день Костюшко прислал мне приказание начать вербовку полка. С этого времени я уже не вмешивался ни в какие гражданские дела, но лишь только занимался военными. В несколько дней я завербовал 700 человек. Снова получил приказ прийти с ними в лагерь и там их учить. Через 5 месяцев я остановился под Гроховым и там держал патрули при батареях, состоявших из 8 орудий: 4 двенадцатифунтовых и 4 шестифунтовых. Имел я и офицеров, данных Костюшко: подполковника графа Конарского, двух майоров Сосновского и Марковского, четырех капитанов, четырех поручиков, четырех подпоручиков, четырех хорунжих, одного адъютанта и семьсот шестнадцать рядовых. Затем, Совет выбрал уголовных судей и велел судить бунтовщиков и тех, кои вешали без судебного приговора. Таких обнаружено дознанием 18 человек, но суд приказал повесить из них 17, а остального – посадить на пороховые. В этом числе был Конопка и много ему подобных. Уже по одному этому можно убедиться, что если бы я сколько-нибудь был причастен к этому делу, то защитился ли бы от такого наказания? О, наверное, нет! Ибо там виновных отбирали из войск и судили, как преступников, причем некоторых казнили. Следует принять во внимание и то, что там судили и наказывали даже князей, если они оказывались виновными; мог ли бы я спастись от наказания? Там каждый строго присматривал друг за другом – не заподозревается ли кто в каком проступке, за который подлежал бы смертной казни, и если бы такого не наказал суд, то наказала бы сама чернь. В доказательство своих слов приведу такой случай. Один из членов Совета, без ведома последнего, отправился к арестованным особам. Совет сейчас же исключил его из своей среды и даже приказал арестовать, а чернь за такой малый проступок сама его повесила. Таким образом, не только я, но и каждый должен был остерегаться; там никому не спускали, но наказывали смертью. И так, государыня императрица может быть уверена, что если бы я чинил какие-либо разбои, то, конечно, не остался бы без наказания, да притом еще самого позорного, какое только было в Польше. А если бы еще недостаточно было моей справедливой исповеди, – если бы встретилось какое-либо

сомнение, — сошлюсь на всех тех, которые находятся здесь, в плену, пусть они подтвердят мое показание. Если же и им не будет дано веры, то все варшавские жители знают то же самое, что я никогда ничьей не желал смерти. Хотя я пользовался у народа большим доверием, однако никогда никого не подговаривал на злое дело, которое могло бы вредить ему или мне, ибо должен был бы и за них, и за себя отвечать по всей строгости, и даже, если бы мне удалось оправдаться пред светом, то я должен был бы со всею строгостью отвечать пред Богом. Я никогда не имел столь подлой души, чтобы хотеть чужой гибели. Если я привлек к себе сердца граждан, то привлек благодаря самым справедливым для них советам в делах и услугах в нужде. И вот, вся публика, после многих моих услуг, доверила мне свои сердца, а я за такое к себе отношение еще более старался ее возблагодарить.

Вопрос: отвечай! если имел чины и должности, то где их приобрел? Я был радным в магистрате, а потом, когда началось в Варшаве восстание, первый из магистратских стал во главе граждан на защиту своей отчизны с мужественным сердцем и оказался также отважным в бою, как и тот, кто изучал военную тактику и столько проявил (храбрости) с гражданами, сколько может проявить самый опытный солдат. Это видели и военные, и граждане. Вот поэтому-то и допустили меня к тем чинам и должностям, которые я имел.

Тут я окончу свое показание о делах, совершенных мною в Варшаве, а таких дел совершено при моем посредстве много и все по данным мне Советом приказаниям, кои я обязан был исполнять. О первоначальных замыслах касательно сей революции я ничего не знал, ибо к числу заговорщиков не принадлежал, поэтому, будучи допрошен в Варшаве у ген. Буксгевдена — не знаю ли чего о деньгах, которые могли быть скрыты, или о документах Игельстрома (о судьбе денег, похищенных у Игельстрома при взятии штурмом дома, в коем он жил, пишет Шлоссер: «К чести поляков нужно заметить, что когда польское правительство потребовало, чтобы были возвращены суммы, расхищенные из дворца Игельстрома, они тотчас были выданы до копейки» (XVII, 238)), ответил, что не знаю, потому что гражданскими делами не ведал.

При взятии Варшавы русскими я не был, так как за несколько дней до сего получил приказание выехать в Познань. Там я был арестован пруссаками и, пробыв у них в плену месяц, по требованию Суворова, был отослан под прусским конвоем в Варшаву. Здесь меня арестовали и допрашивали обо всем. После трех дней ареста я был освобожден, а через три дня снова взят и отправлен в Петербург. На этом я заканчиваю небольшой отчет о всей своей деятельности и больше ничего не знаю, в удостоверение чего собственноручно подписуюсь Ян Килинский, р(адный) г(орода) В(аршавы), полковник 20 полка.

Записки баимачника Яна Килинского о варшавских событиях 1794 г. и о своей неволе // Русская старина, № 2–3. 1895.

ОКТАБРЬ 1794 г.
ИЗ ПИСЬМА
ЛИТОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
ГРАФУ А. К. РАЗУМОВСКОМУ
О ПОДАВЛЕНИИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ
ПОД РУКОВОДСТВОМ Т. КОСТЮШКО

...Сообщаемые мною известия могут дойти до вас очень поздно, но, тем не менее, я могу сообщить вам, что Гродно, Ковно и Ромно, так же как и вся Литва до Немана и вся Самогития, усмирены и заняты нашими войсками.

Гр. Суворов уничтожил большой отряд польского войска около Бреста, а генерал Денисов перешел на правый берег Вислы, где разбил наголову самого Костюшку и взял его в плен. Любопытно знать теперь, что станет с Варшавой и со всеми ее злодеями. Говоря откровенно, мне кажется, что русские войска достаточно работают.

Войска, находящиеся под моим предводительством, от начала кампании участвовали более чем в 20 сражениях, не проиграв ни одного. Я говорю только об одной Литве. Теперь ваше дело, господа, обсудить в ваших кабинетах, как поступить с завоеванным, я же желаю от всей души возвратиться к своему домашнему очагу, потому что уже начинаются морозы...

Дело, в котором Костюшко взят в плен, было 29 сентября при Стенжище.

23 ДЕКАБРЯ 1794 г.
ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВ
РОССИИ И АВСТРИИ
О ПОДГОТОВКЕ ТРЕТЬЕГО РАЗДЕЛА
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Усилия, которые е. и. в. вынуждена была употребить к обузданию и прекращению мятежа и восстания, обнаружившихся в Польше, со стремлениями самыми пагубными и опасными для спокойствия соседственных Польше держав увенчались совершенно полным и счастливым успехом, и Польша была совершенно покорена и занята войсками императрицы, и поэтому е. и. в., предусматривая подобный исход упованию на справедливость своих требований и в расчете на силу тех средств, которые ею приготовлены были для одержания победы, поспешила предварительно войти в соглашение со своими двумя союзниками, а именно е. в. императором римским и е. в. королем прусским, относительно принятия самых действительных мер для предупреждения смут, подобных тем, которые их по справедливости встревожили и которых зародыши, постоянно развивающиеся в умах, пропитанных до глубины самыми нечестивыми принципами, не замедлят рано или поздно возобновиться, если там не будет устроено твердое и сильное правление. Эти два монарха, убежденные опытом прошедшего времени в решительной неспособности Польской республики устроить у себя подобное правление или же жить мирно под покровительством законов, находясь в состоянии какой-либо независимости, признали за благо в видах сохранения мира и счастья своих подданных, что предпринять и выполнить совершенный раздел этой республики между тремя соседними державами представляется крайней необходимостью. Узнав об этом образе мыслей и находя его совершенно согласным со своими соображениями, е. в. императрица всероссийская решилась условиться сперва с каждым из двух вышеупомянутых

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

высоких союзников отдельно, а потом с обоими вместе о точном определении соответственных частей, которые им достанутся по их общему соглашению.

Вследствие сего е. в. император назначил нижеподписавшегося, снабженного им самыми широкими полномочиями, войти в соглашение по настоящему вопросу с их превосходительствами уполномоченными е. в. императрицы всероссийской д. т. сов. и вице-канцлером гр. Остерманом, д. т. сов. обер-гофмейстером двора гр. Безбородко ит. сов. членом коллегии иностранных дел Марковым, равным образом снабженными необходимыми полномочиями, какие уполномоченные по зрелом обсуждении предложений, сделанных с той и другой стороны, и находя их вполне согласными с намерениями их августейших государей, согласились на следующие пункты.

Что впредь границы Российской империи, начинаясь от их настоящего пункта, будут простирались вдоль границы между Воынией и Галицией до р. Буга; отсюда граница направится, следуя по течению этой реки, до Брест-Литовска и до пограничной черты воеводства этого имени в Подляхии, затем она направится по возможности до прямой линии границами воеводств Брестского и Новогрудского до р. Немана напротив Гродно, откуда она пойдет вниз по этой реке до места, где она вступает в прусские владения, а потом, проходя по прежней прусской границе с этой стороны до Полангена, она направляется без перерыва до берегов Балтийского моря на нынешней границе России близ Риги, так что все земли, владения, провинции, города, местечки и деревни, заключающиеся в вышеозначенной черте, будут присоединены навсегда к Российской империи, и спокойное и неоспоримое владение будет за нею гарантировано достоверным и торжественным образом е. в. императором римским.

По исполнении всех этих формальностей каждый из дворов приступит к принятию во владение способом, признанным наиболее удобным, всех земель и мест, которые ему достанутся по настоящему разделу.

В уверение чего мы подписали настоящий акт, приложили к нему печать нашего герба и вручили его уполномоченным

е. в. императрицы всероссийской д. т. сов. и вице-канцлеру гр. Остерману, д. т. сов. гофмейстеру двора гр. Безбородко и т. сов. члену коллегии иностранных дел Маркову в обмен подобного акта такого же содержания, который нам был передан с их стороны.

Гр. Людвиг Кобенуль.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 3. С. 72–74.

1 МАЯ 1795 г.
УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ II
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ МИНСКОМУ,
ИЗЯСЛАВСКОМУ И БРАЦЛАВСКОМУ
О ПРИНЯТИИ ПРИСЯГИ ОТ ЖИТЕЛЕЙ
ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИИ ПО
ТРЕТЬЕМУ РАЗДЕЛУ ПОЛЬШИ ОБЛАСТЕЙ
И ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ТАМОЖЕН

Рескриптом нашим генерал-фельдмаршалу гр. Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому от 18 марта с. г. между прочим повелели мы, чтобы все земли, начиная от прежних с нами пределов Галиции вдоль по старой границе областей австрийских до Буга, потом вниз по сей реке до рубежей литовских, объаты были от войск, в начальстве его состоящих, так, чтобы, замыкая сим остальную часть Волынского и часть Хелмского воеводств, лежащую на правом берегу Буга, все пространство сие действительно было в руках наших и чтобы гражданское и в сих землях постановляемое от нас правительство все довлеемые возможности имело не токмо привести к присяге всех обывателей, но и управлять ими именем и властью нашею. Вследствие сего, получив от упомянутого генерал-фельдмаршала донесение, что все ему предписанное в самой точности выполнено будет, за благо признали мы вам повелеть:

1. На точном основании прежде данных вам и предместнику вашему гр. Кречетникову предписаний наших возлагаем на вас принятие присяги от всякого рода обитателей, живущих на землях, вышеупомянутою чертою объемлемых, в верности подданства на вечные времена нам и преемникам нашим. Присоединяя все пространство земель сих и с живущими тут к управлению порученных вам губерний, следует вам именем нашим объявить всем вообще и каждому особенно, кому о том ведать надлежит, что они уже, быв подданные державы нашей, как таковые и охранены будут и сопричитаются ко всем тем выгодам и преимуществам,

кои изданным по воле нашей в 1793 г. в 27-й день марта от гр. Кречетникова манифестом новоприсоединенным тогда областям от нас пожалованы были.

2. По силе изданных от нас в 7-й день ноября 1775 г. учреждений земли сии немедленно разделить на округа и, сопричитая оные к устроенным уже округам в губерниях Брацлавской, Изяславской и области Каменецкой, из всех оных составить 3 губернии, а именно: Брацлавскую, Волынскую и Подольскую. Вы не оставите сочинить оным генеральные и специальные губернские и окружные карты, а равно штаты присутственным местам на точном основании учреждений наших, что все обстоятельно и во всех подробностях не замедлите представить нам на усмотрение и утверждение по примеру представлений ваших по Минской губ.

3. Таможни и пограничная цепь и стража должны быть учреждены по новой границе сей. Местное положение всех управляемых вами областей, а равно и сих, ныне присовокупляемых по всем взысканиям и осмотрам, вами учиненным, довольно уже вам известно, так что, основываясь на оных, вы сделаете представление, где удобнее полагаете вы быть новым таможням по внешней границе вверенных вам губерний, начиная по Днестру от границы Вознесенской губ. вверх по сей реке до пределов Галиции и по границе сей области до Буга и вниз по сей реке до Литвы, где уже и учреждение пограничной цепи и стражи и таможен зависит от управляющего тою областью генерал-губернатора кн. Репнина. Штаты пограничным таможням, цепи и стражи и карантинам на Днестре по границе с Молдавиею и положения всему, коль скоро они готовы будут, вы не медлите поднести к утверждению нашему.

В заключение сего нужным находим удостоверить вас, что от всех воинских начальств вам всевозможные пособия подаваны будут по силе прежних и вам известных предписаний наших; равно и в том, что труды и деятельность ваша, устремленные с толиким жаром ко благу и пользе отечества, всегда приемля с особливым благоволением, не оставим мы трудную и нам особливо угодную службу вашу ознаменовать достойным награждением.

13 ОКТЯБРЯ 1795 г.
ИЗ КОНВЕНЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ,
ПРУССИЕЙ И АВСТРИЕЙ
О ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Е. в. императрица всероссийская и е. в. король прусский, желая прийти к более подробному и окончательному соглашению относительно постановлений, находящихся в декларации, заключенной здесь, в С.-Петербурге, 23 декабря 1794 г. между двумя императорскими дворами и сообщенной в недавнее время берлинскому двору, и определить с большею точностью границы, которые должны разделять владения трех соседних с Польшею держав после окончательного разделения сей последней. <...>

Ст. I. Декларация, упомянутая во вступлении настоящего акта и признаваемая как бы помещенною здесь от слова до слова, принята за непреложное основание нынешнего соглашения во всем, что касается приобретений е. в. императрицы всероссийской. Вследствие сего е. и. в. сохранит в своем владении все земли, города, округа и прочие поместья, которые упомянуты в том акте, и е. в. король прусский гарантирует за нею это владение и пользование на вечные времена.

Ст. II. Е. в. император римский во внимание к дружбе своей к е. в. королю прусскому отказывается от территории, которая простирается по прямой линии от Свидры на Висле до слияния Буга с Наревом, так что весь этот округ будет считаться в составе той части, которая по распределению той же декларации должна идти по разделу е. в. королю прусскому, владение и пользование которою их императорские величества равным образом гарантируют за ним на вечные времена.

<...>

Ст. IV. Е. в. император римский и е. в. король прусский предварительно гарантируют торжественно и обоюдно все территории, которые по окончании работ смешанной комиссии и по решению е. в. императрицы всероссийской будут

присуждены той и другой стороне, и эти же территории равным образом будут за ними гарантированы е. и. в. императрицею всероссийскою.

<...>

Ст. VIII. Настоящий трактат будет ратифицирован в формах, принятых обоими договаривающимися дворами, и ратификации будут обменены в продолжение 6 недель или, если возможно, и ранее.

В уверение чего мы, уполномоченные, подписали сие и приложили к сему печати наших гербов.

Гр. Иван Остерман. Гр. Александр Безбородко. Аркадий Морков. Гр. Фридрих Богислав Эммануил Тауенцин.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 3. С. 78–79.

3 ДЕКАБРЯ 1795 г.
РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II
ЛИТОВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ
О ВОЗВРАЩЕНИИ ПОЛЬСКИМ
ПОМЕЩИКАМ ИМЕНИЙ В БЕЛАРУСИ

Тимофей Иванович [Тутолмин – *прим.*]. Состоящие в губерниях, вашем управлению вверенных, имения, принадлежащие родственникам короля польского, а именно: кн. Станиславу Понятовскому, гр. Михаилу Мнишеку, гр. Викентию Тышкевичу, бывшему гетману Михайло Огинскому и кн. Изабелле Любомирской, урожденной кн. Чарторыйской, все милостивейше повелеваем возвратить им в прежнее их владение с теми правами, какими они пользовались до взятия сего имения в казенный секвестр, и с доходами, с них собранными, которые в казну не поступили. Пребываем, впрочем, вам благосклонны.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 3. С. 79.

1819 г. Н.М. КАРАМЗИН. МНЕНИЕ РУССКОГО ГРАЖДАНИНА

Государь! В волнении души моей, Любящей отечество и Вас, спешу после нашего разговора, излить на бумагу некоторые мысли (не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке). Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу в ее целости, действуя, как христианин, благотворя врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; оно выше земли и мира; выше всех законов – физических, гражданских, государственных – но их не отменяет. Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа Спасителя: так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов; все осталось, как было на земле и как иначе быть не может: только возвысилась душа в ее сокровенностях, утвердилось в невидимых связях с Божеством, со своим вечным, истинным Отечеством, которое вне материи, вне пространства и времени. Мы сблизились с Небом в чувствах, но действуем на земле, как и прежде действовали. Несмь от мира сего, сказал Христос: а граждане и государства в сем мире. Христос велит любить врагов: любовь есть чувство; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства. Вы христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как греки-язычники истребляли персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ. Как христианин, любите своих личных врагов; но Бог дал Вам царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оною. Как человек по чувствам души, озаренной светом христианства, Вы можете быть выше Марка Аврелия, но как царь Вы то же, что он. Евангелие молчит о политике; не дает новой: или мы, захотев быть

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

христианами-политиками, впадаем в противоречия и несообразности. Меня ударят в ланиту: я, как христианин, должен подставить другую. Неприятель сожжет наш город: впустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел? Как мог язычник Марк Аврелий, так может и христианин Александр благотворить врагам государственным, уже побежденным, следуя закону человеколюбия, известного и добродетельным язычникам, но единственно в таком случае, когда сие благотворение не вредно для отечества. Любите людей, но еще более любите россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра: но Александр взял их русскою силою, а россиян дал ему Бог, и с ними снискал он благотворительную славу Освободителя Европы.

Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Во-первых (не говоря о Пруссии), спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец Священного Союза, объявить ей войну, противную не только христианству, но и государственной справедливости? Ибо Вы сами признали Галицию законным владением Австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Воынию, Подолию, утвержденную собственностью России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина ответствует Богу, отвечает Истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе

мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и так далее. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди, ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию; но Вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите? Россия, Государь, безмолвна перед Вами; но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного отечества, доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам поляки; извиняем их, но Вас бы мы, русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания ввергли нас в отчаяние. Государь, ныне славный, великий, любезный! отвечаю Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю; остыли бы душой и к отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом; унизились бы перед другими и перед собою. Не опустел бы, конечно, дворец; Вы и тогда имели бы министров, генералов: но они служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... А Вы, Государь гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу!

Одним словом... и Господь Сердцеведец да замкнет смертию уста мои в сию минуту, если говорю Вам не истину... одним словом, восстановление Польши будет падением России,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

или сыновья наши обагрят своею кровию землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу! Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем, ни мало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас есть опаснее поляков-россиян.

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую державу, что Вам без неблагодарности, без греха христианского и без тщеславия, осуждаемого самою человеческою политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным, великодушным посредничеством; второе хорошими законами и еще лучшей управой. Вы уже приобрели имя Великого: приобретите имя Отца нашего! Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, как оно есть ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною!... Екатерина любила Вас нежно, любила и наше отечество: ее тень здесь присутствует... умолкаю.

Царское Село, окт<ября> 17, 1819

Н. М. Карамзин. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., «Жизнь и мысль», 2002. с. 436–438.

Часть 2. Ребелия 1830–1831 гг.

После исчезновения польского государства шляхетство не оставило надежды на восстановление прежнего, столь любезного ей порядка Речи Посполитой. В Петербурге долго предпринимали попытки привлечь шляхту на свою сторону. Почти все магнаты и шляхтичи получили равенство в правах с российским дворянством.

Многие магнаты сделали в Петербурге карьеру. Так, первым министром иностранных дел России после создания этого министерства стал страстный полонофил и католик князь Адам Чарторыйский. Будучи потомком старинного боярского рода (предки которого в свое время были сторонниками создания независимого от поляков Великого княжества Русского и участвовали в убийстве великого князя литовского чрезмерно насаждавшего, по их мнению, католицизм), пользуясь дружбой с императором Александром I, он стремился постепенно воссоздать Польшу в границах Речи Посполитой.

Основным фронтом русско-польского противостояния стали культура и образование. В национальных окраинах Российской империи сохранялись местные особенности в организации школьного дела. Хотя нередко это только способствовало повышению общей культуры местного населения, но во многих случаях местная система просвещения способствовала региональному сепаратизму, воспитывая в местных жителях антирусские настроения.

Это особенно сильно проявлялось в западных губерниях, некогда входивших в состав Речи Посполитой, где вплоть до пореформенных времен местное образование находилось в руках католической церкви.

В Белоруссии и правобережной Украине до 30-х гг. XIX века русских школ не было вовсе. Доходило до таких парадоксов, как использование польского языка в качестве

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

языка преподавания в православных духовных семинариях на правом берегу Днепра.

В первой половине XIX века для украинца и белоруса получение образования означало принятие католичества и ополячивание. Исторический парадокс: через несколько десятилетий после падения Польши ополячивание восточных славян шло несравненно более быстрыми темпами, чем за несколько веков пребывания в составе Речи Посполитой! «Полонизм» был привлекателен и для многих русских дворян в западных губерниях.

Деятель просвещения в Украине М.В.Юзефович вспоминал, что в царствование благоволившего полякам Александра I целый ряд русских помещиков на Киевщине принял католичество, что в тех условиях означало и ополячивание.

Польские католические учебные заведения в западных губерниях долгое время пользовались покровительством официального Петербурга. Центром польской культурной пропаганды стал Виленский учебный округ, попечителем которого долгое время был А.Чарторыйский. Уже в 1803 г. был открыт Виленский польский университет (в самой Варшаве свой университет был создан в 1817 г.).

Опираясь на Виленский университет, где в этот период сосредоточивались все основные научные силы разделенной Польши (известный астроном Я. Снядецкий, филолог С. Линде, историк И. Лелевель и др.), Чарторыйский последовательно проводил полонизаторскую политику. Он стремился идеологически подготовить возрождение Речи Посполитой. На эти цели, кроме казенных ассигнований, им были использованы переданные в управление округа огромные средства и имущество иезуитского ордена.

В своих мемуарах А. Чарторыйский, говоря о своей деятельности на посту попечителя Виленского учебного округа, честно признавал: «Несколько лет спустя вся Польша (имелись в виду белорусские и украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой до разделов, — прим.) наполнилась училищами, в котором польское национальное чувство могло совершенно спокойно развиваться... Данное мною направление никого тогда не поражало; только впоследствии оно

возбудило против себя негодование русского общества, но тогда император великодушно ему покровительствовал... Само собою разумеется, что я воспользовался счастливым расположением государя и главное мое усилие на народное образование, которому я дал национальный характер».

В 1805 г. был также создан Кременецкий лицей, превратившийся в центр польского национализма в Украине. В польских школах, вузах, книгах и газетах, открыто велась пропаганда восстановления Речи Посполитой в границах, далеко отстоящих от этнографической Польши. При этом в польско-католическом духе воспитывались молодые поколения местного непольского населения.

В итоге в царствование Александра I полонизация края не только не сократилась, но и резко возросла. Польское этническое самосознание утвердилось даже в тех слоях мелкой шляхты, которые еще ощущали себя «русинами» в последний период существования Речи Посполитой. Усилилась католическая пропаганда. Вся система образования, кроме немногочисленных православных церковных школ, функционировала на польском языке.

Тем временем собственно Польша, доставшаяся Австрии и Пруссии, была восстановлена Наполеоном в 1807 году в этнических границах в виде Герцогства Варшавского.

Французский император использовал восстание поляков в тылу германских государств и подарил Польше относительную независимость. Но иметь государство, ограниченное лишь этническими границами расселения польской нации, было для гордых шляхтичей оскорблением. Чуть ли не смыслом существования Герцогства Варшавского стала подготовка похода в Россию с целью возвращения «Забранного края» (так поляки стали называть западные губернии России, входившие ранее, до начала раздела в 1772 году, в состав Речи Посполитой). Все это вполне устраивало Наполеона. Он понимал, что поляки будут ему верны, надеясь с помощью его Великой армии отобрать у России прежние восточные «кресы» (окраины).

Возглавивший разведку Наполеона на востоке Европы польский генерал Михаил Сокольников в начале 1812 года

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

подал императору рапорт, в котором говорилось: «Поляки все готовы пролить кровь за Наполеона... чтобы освободить человеческий род от России... и навсегда преградить дорогу в Европе для империи Тьмы». И в июне 1812 года, начиная вторжение в Россию, в приказе по армии по случаю начала войны Наполеон объявил: «Вторая польская война началась!» (Первой польской войной Наполеон называл войну 1806–1807 гг. против Пруссии и России, закончившуюся Тильзитским миром.)

После разгрома наполеоновской более чем полумиллионной Великой армии (почти четверть, по другим данным, около трети которой составляли поляки) Россия проявила невиданную милость к поверженному союзнику своего главного врага. На территории большей части прежнего Герцогства Варшавского было создано Царство Польское.

Это было независимое государство, имевшее свою конституцию, армию, денежную систему и все прочие атрибуты государственности. Единственное, что связывало Царство с Россией – личная уния – самодержавный император Всероссийский был одновременно конституционным царем Польским.

Сейм Царства Польского был торжественно открыт в 1818 г. императором Александром I, надеявшимся получить в его лице доказательство возможности мирного развития польской нации в рамках империи как звена, связующего Россию с Западной Европой. Но в последующие годы в Сейме усиливалась непримиримая антиправительственная оппозиция.

В качестве наместника русского императора в Варшаве пребывал великий князь Константин Павлович. В 1831 году в беседе с французским послом император Николай I с горечью перечислял все, что имела Польша под скипетром Романовых:

«...Покойный брат мой (Александр I) осыпал благодеяниями королевство Польское, а я свято уважал, все им сделанное. Чем была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда в 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здесь превосходные пути сообщения, вырыли каналы в главных направлениях. Промышленности не существовало в этой стране; мы основали суконные фабрики, развили разработку железной руды, учредили заводы для

ископаемых произведений, которыми изобилует страна, дали обширное развитие этой важной отрасли народного богатства. Я расширил и укрепил столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ее новых продуктов, возбудило даже зависть моих других подданных. Я открыл подданным королевства рынки империи; они могли отправлять свои произведения далеко, до крайних азиатских пределов России... Император Александр восстановил название королевства Польского, на что не решился даже Наполеон. Брат мой оставил за поляками народное обучение на их национальном языке, их кокарду, их прежние королевские ордена, Белого Орла, Святого Станислава и даже тот военный орден, который они носили в память войн, ведомых вами и против нас. Они имели армию, совершенно отдельную от нашей, одетую в национальные цвета. Мы наделили их оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали им не только то, что удовлетворяет все их интересы, но и что льстит страстям законной гордости...»

Первоначально польские деятели пытались использовать доброжелательность и идеализм императора Александра I. Под влиянием друга молодости, бывшего министра иностранных дел Российской империи, князя Чарторыйского, Александр I в 1819 году собрался было присоединить к Царству Польскому западные российские губернии. Но тут вмешался русский историк Н. М. Карамзин.

Н. М. Карамзин высказал царю свое «Мнение русского гражданина», назвав так поданную императору записку, в которой осуждался ошибочный курс Александра I в отношении Польши и западных губерний России. Намерение царя восстановить Речь Посполитую вместе с ее прежними владениями в Белоруссии и Правобережной Украине подрывало территориальную целостность Российской империи.

В довершение всего Россия своими руками создавала заведомо враждебное отношение к себе со стороны других государств-участников раздела Польши в конце XVIII в., вряд ли при этом надеясь надолго обеспечить себе дружественные чувства восстановленной Польши.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н. М. Карамзин был одним из самых ярких критиков замысла своего монарха. Его записка «Мнение русского гражданина», написанная 17 октября 1819 г. и прочитанная им в тот же вечер императору, произвела на последнего сильное впечатление. Царь передумал расширять Польшу за счет белорусских и украинских территорий.

Потерпев неудачу при дворе, польские деятели установили контакты с тайными обществами декабристов. И опять единственное, что требовали поляки от декабристов в обмен на помощь – получить «Забранный край». Именно в Минске будущий руководитель Северного общества Н. Муравьев написал первый вариант своей конституции. Им и его соратниками даже вынашивался план захвата в Бобруйской крепости во время военных маневров императора Александра I. Из этой затеи ничего не вышло, но споры разгорелись жаркие.

Полуподпольные и прямо подпольные кружки польской интеллигенции и учащейся молодежи, наряду с идеями возрождения Польши, культивировали просветительские и общедемократические лозунги, сочувствовали европейским революционным силам (организация «филоматов» в Виленском университете, товарищество «променистых», «организация «филаретов», «Союз литераторов» и др.).

В отдельном Литовском корпусе, который дислоцировался в Гродненской губернии, возникло общество «Военных друзей» во главе с капитаном К. Игельстромом. Оно установило связи с местными польскими кружками М. Руткевича и братьев Ф. и К. Ордынских. 24 декабря 1825 г. общество безуспешно пыталось поднять мятеж среди солдат Литовского корпуса и было разгромлено. Полякам пришлось искать новые пути.

В 1830 году во Франции после очередной революции была свергнута династия Бурбонов. Одновременно революция вспыхнула в Бельгии. Мятежные бельгийцы отделились от королевства Нидерландов, которым принадлежала Бельгия по результатам Венского конгресса. Эти события означали нарушение всего устройства Европы, установленного Венским конгрессом. В воздухе запахло большой войной.

Николай I, родная сестра которого великая княгиня Анна Павловна была замужем за нидерландским наследным принцем,

воспринял бельгийскую революцию не только как прецедент изменения европейских границ, но и как личное оскорбление. Польская армия получила приказ готовиться к походу в Бельгию.

Русская армия только что закончила войну с турками 1828–1829 гг. и в основном находилась еще на Дунае, а большая часть вооруженных сил империи была расквартирована во внутренних губерниях. В этот момент поляки решили: теперь или никогда!

17 (29) ноября 1830 года отряд заговорщиков напал на Бельведерский дворец (варшавскую резиденцию наместника). Правда, сам наместник сумел укрыться, погибли несколько придворных чинов и польских же генералов.

Одновременно мятежники овладели арсеналом и призвали варшавян к восстанию. Впрочем, население города первоначально не поддержало мятежников, во главе которого стояло тайное шляхетское офицерское общество П. Высоцкого.

Восставшие захватили арсенал. Многие русские генералы и офицеры, находившиеся в Варшаве, были убиты. В условиях начавшегося мятежа крайне странным выглядело поведение наместника. Константин Павлович не позволил войскам выступить на его подавление, сказав, что «русским нечего делать в драке». Затем он отпустил по домам ту часть польских войск, которая в начале восстания еще сохраняла верность властям.

Затем последовали события, потрясшие верноподданных, и до сих пор смущающие историков. Константин приказал русским войскам, находившимся в Польше, оставить территорию Царства Польского. Более того, наместник освободил от присяги оставшиеся ему верными польские войска. Это было тем более странно, что в мятеже участвовали лишь отдельные офицеры из школы подхорунжих (прапорщиков), а армия в целом оставалась верной наместнику. И вот теперь польскую армию, освободив от присяги, словно толкнули примкнуть к мятежникам.

18 ноября 1830 года Варшава перешла в руки повстанцев. С небольшим русским отрядом наместник ушел из-под Варшавы и покинул Польшу. Мощные военные крепости Модлин и Замостье были сданы мятежникам. Через несколько

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

дней после бегства наместника Царство Польское оставили все русские войска.

Царство Польское перешло в руки мятежников, совершенно не ожидавших такого легкого успеха. Так бесславно для России началась эта война.

Однако овладение территорией Царства Польского не было целью мятежников. Польские лидеры выпустили 6 декабря (по новому стилю) 1830 года Манифест, в котором провозгласили, что восставшие ставят перед собой целью «...не допустить до Европы дикие орды Севера... защитить права европейских народов».

Административный совет Царства Польского был преобразован во Временное правительство. Сейм избрал главнокомандующим польскими войсками генерала Ю. Хлопицкого и провозгласил его «диктатором», но генерал отказался от диктаторских полномочий и, не веря в успех войны с Россией, отправил делегацию к императору Николаю I в составе министра финансов Царства Польского князя Любецкого и депутата Сейма графа Езерского. Эта депутация должна была «просить о восстановлении королевства в прежних границах». В подтверждение серьезности польских требований начались восстания уже в пределах империи.

Но Николай I отказался вести переговоры с мятежниками. 5 января 1831 года Хлопицкий ушел в отставку.

Новым польским главнокомандующим стал князь Радзивилл. 13 января 1831 года Сейм объявил о низложении Николая I — лишении его польской короны. К власти пришло Национальное правительство во главе с князем А. Чарторыйским. При этом «революционный» Сейм отказался рассмотреть даже самые умеренные проекты аграрной реформы и улучшения положения крестьян.

Национальное правительство готовилось воевать с Россией. Польская армия выросла с 35 до 130 тыс. человек, хотя лишь 60 тыс. из них могло участвовать в военных действиях, имея боевой опыт.

Происходящее в Польше вызвало патриотический подъем в России. Рекрутский набор дал неожиданно малое количество уклонистов и дезертиров.

Но русские войска, расквартированные в западных губерниях, не были готовы к войне. Здесь подавляющее большинство военных гарнизонов составляли так называемые «инвалидные команды». Численность русских войск достигала здесь 183 тыс. человек, но для их сосредоточения требовалось 3–4 месяца. Главнокомандующим русскими войсками был назначен генерал-фельдмаршал граф И. И. Дибич-Забалканский, а начальником штаба генерал граф К. Ф. Толь.

Война предстояла серьезная. Поразительно, но историю русско-польской войны 1830–1831 годов, одной из самых тяжелых и кровавых в XIX столетии, игнорировали (впрочем, не по собственной воле) исследователи и царской, и советской, и современной «российской» эпохи.

Польская армия насчитывала 130 тыс. человек, а им противостояли лишь 45-тысячный Литовский корпус под командованием барона Г. В. Розена.

Показательно, что ранее этот корпус был под верховным командованием Константина Павловича, имел польские кокарды, а среди офицеров было много поляков. Впрочем, благодаря решимости и распорядительности Розена этот корпус прославился в войне, ни разу не дав повода для беспокойства.

С невероятной быстротой, удивившей весь мир, русская армия под общим командованием фельдмаршала Ивана Дибича из глубин России была переброшена к границе Царства Польского, и в конце января 1831 года пересекла границу.

И. И. Дибич торопил войска. Не дождавшись сосредоточения всех сил, не обеспечив армию продовольствием и не успев обустроить тыл, 24–25 января 1831 года главнокомандующий вместе с главными силами начал вторжение в Царство Польское между реками Бугом и Наревом.

Отдельная левая колонна генерала Крейца должна была занять Люблинское воеводство на юге Царства и отвлекать на себя силы неприятеля. Начавшаяся вскоре весенняя распутица похоронила первоначальный план военной кампании.

2 февраля 1831 года в бою при Сточке русская бригада конных егерей под командованием генерала Гейсмара была разбита польским отрядом Дверницкого. Сражение между главными силами русских и польских войск произошло

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

13 февраля 1831 года при Грохове и закончилось разгромом польской армии. Но Дибич не отважился продолжать наступление, ожидая серьезный отпор.

Дальше начались трудности, неизменные на любой войне. Стремительно ворвавшиеся в Польшу войска Дибича почти не получали подкреплений и пополнений. Сам Дибич начал проявлять несвойственные ему колебания. Впрочем, главной причиной неожиданной вялости победоносной русской армии стала эпидемия холеры, косившая целые полки.

Вскоре Радзивилла на посту главнокомандующего сменил генерал Я. Сквишницкий, сумевший поднять боевой дух своего войска после поражения у Грохова. Русский отряд барона Крейца переправился через Вислу, но был остановлен польским отрядом Дверницкого и отступил к Люблину, который второпях был оставлен русскими войсками.

Польское командование использовало бездействие главных сил русских войск и, стремясь выиграть время, начало мирные переговоры с Дибичем.

Тем временем 19 февраля 1831 года отряд Дверницкого переправился через Вислу у Пулав, опрокинул мелкие русские отряды и попытался вторгнуться на Волынь. Прибывшие туда подкрепления под командованием генерала Толя вынудили Дверницкого укрыться в Замостье.

Через несколько дней Висла очистилась ото льда и Дибич начал готовить переправу на левый берег у Тырчина. Но польские отряды атаковали тылы главных сил русских войск и сорвали их наступление.

Воспользовавшись переброской основной части русских войск в Польшу, весной 1831 года польская шляхта подняла восстание в Литве, которую охраняла лишь слабая русская дивизия (3200 чел.), стоявшая в Вильно.

Мятежники попытались захватить Вильно, но были отбиты. Одновременно мятежи начались на Волыни.

И. И. Дибич направил в Литву военные подкрепления. Польский отряд Дверницкого в марте выступил из Замостья и вторгся на Волынь, но был остановлен русским отрядом Ф. А. Редигера и отброшен к австрийской границе, а затем ушел в Австрию, где был разоружен. Польский отряд Хршановского,

двинувшийся на помощь Дверницкому, был встречен отрядом барона Крейца у Любартова и отступил в Замостье.

Однако успешные атаки небольших польских отрядов изматывали главные силы Дибича. Действия русских войск, к тому же, были осложнены разразившейся в апреле эпидемией холеры, в армии насчитывалось около 5 тыс. больных.

На помощь мятежникам прибыли регулярные польские войска из Царства Польского. Это сразу изменило характер войны. Если ранее все это могло выглядеть как гражданская война в Царстве Польском и внутренний бунт в российских губерниях, то теперь налицо было вторжение иноземных войск в пределы России. Поляки и не скрывали своих устремлений и демонстративно перешли Неман в том же месте, что и Великая армия Наполеона.

Польские войска под командованием генералов Гелгу-да и Хлаповского, первоначально захватившие Ковно, были вскоре разгромлены под Вильно. Прибывший в Литву русский командующий П. Толстой очистил край от мятежников. Вторгшиеся на Волынь польские войска были разгромлены русским генералом Ф. В. Ридигером.

В начале мая 45-тысячная польская армия Сквишинецкого начала наступление против 27-тысячного русского гвардейского корпуса, которым командовал великий князь Михаил Павлович, и отбросила его к Белостоку – за пределы Царства Польского. Дибич не сразу поверил в успех польского наступления на гвардию и только через 10 дней после его начала бросил против мятежников главные силы.

14 мая 1831 года произошло новое крупное сражение при Остроленке. Польская армия была разгромлена. Военный совет, собранный Сквишинецким, принял решение об отступлении к Варшаве. Но в тыл русской армии, в Литву, был послан крупный отряд польского генерала Гелгу-да (12 тыс. чел.). Там он соединился с отрядом Хлаповского и местными отрядами ребелянтов, его численность возросла вдвое. Русские и польские силы в Литве были примерно равны.

Генеральное сражение под Остроленкой хотя и закончилось полной победой русских, но не стало окончанием

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

войны. Эпидемия холеры продолжалась и унесла жизни тысяч солдат. Через две недели после победы под Остроленкой ею заболел и в тот же день умер (29 мая) фельдмаршал Дибич. Еще через две недели, 15 июня, скончался и великий князь Константин Павлович.

29 мая 1831 года Дибич заболел холерой и в тот же день скончался. Командование временно принял генерал Толь. 7 июня 1831 года Гелгуд атаковал русские позиции у Вильны, но был разбит и бежал в прусские пределы. Из числа войск, находившихся под его началом, только отряд Дембинского (3800 чел.) смог прорваться из Литвы к Варшаве.

Через несколько дней русские войска генерала Рота разгромили польскую банду Колышки под Дашевым и у д. Майданек, что привело к усмирению мятежа на Волыни. Новые попытки Сквинынецкого двинуться в тыл русской армии провалились.

13 июня 1831 года в Польшу прибыл новый главнокомандующий русскими войсками генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич. Получивший за взятие в 1828 году Эривань (Еревана) титул графа Эриванского. Паскевич быстро привел войска в порядок, решительными медицинскими мерами приостановил эпидемию холеры и подошел к Варшаве.

Близ Варшавы оказалась 50-тысячная русская армия, ей противостояли до 40 тыс. мятежников. Польские власти объявили поголовное ополчение, но простой народ не спешил откликнуться на этот призыв.

Обороняющаяся сторона могла рассчитывать на укрепления Варшавы, некогда сооруженные самими русскими. Но Паскевича это не смутило. Он понимал, что войну надо кончать как можно быстрее, пока поляки еще не пришли в себя после поражений в Литве и на Волыни.

Местом переправы на левый берег Вислы Паскевич избрал Осек под Торунем, близ прусской границы. С 1 июля 1831 года у Осека русские строили мосты, по которым армия благополучно переправилась на неприятельский берег. Сквинынецкий не рискнул препятствовать переправе, но недовольство варшавского общества вынудило его двинуться навстречу главным русским силам. Под их натиском польские войска

откатывались к столице. В конце июля Сквинецкий был смещен и новым главнокомандующим польской армией стал Дембинский, желавший дать русским решающее сражение непосредственно у стен Варшавы.

3 августа 1831 г. в Варшаве начались волнения. Сейм распустил старое правительство, назначил главой правительства (президентом) генерала Я. Круковецкого и наделил его чрезвычайными правами.

В Варшаву был отправлен парламентар, предложивший полякам почетную капитуляцию. Но польский командующий Круковецкий гордо ответил, что немедленно капитулирует только тогда, когда будет восстановлена Речь Посполитая в ее древних пределах, т.е. до Смоленска и Киева.

6 августа русские войска начали осаждать Варшаву, и главнокомандующий Дембинский был заменен Малаховичем. Малахович вновь пытался атаковать русские тылы на севере и востоке Царства Польского.

Польский отряд Ромарино напал на русские войска барона Розена, стоявшие на Брестском шоссе – к востоку от Варшавы, и 19 августа 1831 года оттеснил их к Брест-Литовску, но затем поспешно отступил для защиты столицы.

Войска Паскевича, получив все необходимые подкрепления, насчитывали 86 тыс. человек, а польские войска у Варшавы – свыше 35 тыс. 25 августа 1831 года русские войска штурмом взяли Волю – предместье Варшавы. В ночь с 26 на 27 августа, в годовщину Бородинского сражения, в котором участвовали (по разные стороны фронта) почти все участники битвы за Варшаву, Круковецкий и польские войска в Варшаве капитулировали.

Это был конец войны. Отдельные отряды поляков еще продолжали сражаться, ставя перед собой задачу прорваться на запад.

Польская армия, оставив столицу, должна была прибыть в Плоцкое воеводство на севере царства, чтобы дожидаться последующих распоряжений русского императора. Но члены польского правительства, покинувшие Варшаву вместе со своими войсками, отказались выполнять решение Круковецкого о сдаче.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В сентябре и октябре 1831 г. остатки польской армии, продолжавшей сопротивление, были выдворены русскими войсками из пределов Царства в Пруссию и Австрию, где были разоружены.

Последними русским сдались крепости Модлин (20 сентября 1831 г.) и Замостье (9 октября 1831 г.). Восстание было усмирено, а суверенная государственность Царства Польского ликвидирована. Наместником был назначен граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, получивший новый титул князя Варшавского.

Польская война 1830–1831 годов была на редкость тяжелой и кровопролитной. Русская армия потеряла 63 тыс. человек убитыми, польская – вдвое больше. В результате боевых действий и особенно холеры погибли сотни тысяч мирных жителей Польши и западных российских губерний.

Белоруссия, которая еще не успела полностью оправиться от последствий наполеоновского вторжения в 1812 году, вновь стала театром военных действий и жертвой эпидемий. Если в 1811 году в Белоруссии в современных границах проживало 5037 тыс. жителей, то ревизия (перепись населения) в 1838 году показала, что Белоруссия имела 4456 тыс. жителей! Дорогая цена была уплачена за странное добродушие царя и не менее странное полякофильство Константина Павловича¹.

---

¹ При подготовке вступления к главе использована фактология источников: Великий князь Константин Павлович к графу Бенкендорфу. Письма 1829–1831 годов // РА. 1885. № 1. С. 29; *Воронин, В. Е.* Польское восстание 1830–1831 гг. // www.portal-slovo.ru; *Лебедев, С., Стельмашук Г.* Белорусский феномен // rusk.ru; *Щеглов, Г. Э.* 1863. Забытые страницы. Минск, 2005.

31 МАРТА 1831 г.
РАПОРТ ГРОДНЕНСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ВИЛЕНСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
О ВООРУЖЕННОМ ВЫСТУПЛЕНИИ
В ЛИДСКОМ И ОШМЯНСКОМ УЕЗДАХ
ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1831 г.

Вчерашнего числа в 8 часов пополудни получил я по нарочной эстафете рапорт лидского земского исправника от 30-го сего марта за № 3, что 29-го сего же месяца в поздний вечер вооруженная толпа разного народа из взбунтовавшегося уже Ошмянского пов., напав на мест. Вороново, забрала с тамошней почтовой станции всех почтовых лошадей и что он, исправник, решился в предупреждение подобных последствий с соседствующей Жирмянской станции перевести лошадей в Лиду.

Всеподданнейше донеся о сем вчерашнего же числа по эстафете через Волковыск, Слоним на Минск е. и. в. и отрапортовав г-ну главнокомандующему действующей армией, поспешаю донести и в. п.

Донесение сие отправлю наудачу через находившегося в Гродно председателя Виленского земского поветового суда г-на Горновского, который предполагает пробраться к Вильно проселочными дорогами.

Гражданский губернатор Бобетинский.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 275.

22 ИЮЛЯ 1831 г.
РАПОРТ ГРОДНЕНСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
РЕЗЕРВНОЙ АРМИЕЙ
О ЗАХВАТЕ ОТРЯДОМ ПОВСТАНЦЕВ
НОВОГРУДКА

Вчерашнего числа вечером получил я с нарочным из Новогрудка при рапорте командированного мною в оный уезд чиновника для особых поручений Вроблевского, таковой же правящего должность новогрудского земского исправника заседателя Кульфа от 18-го сего июля за № 19 с подробным описанием происшедшего мятежа в некоторых местах Новогрудского у. Из сих донесений видно, что мятежники гор. Новогрудком овладели и произвели в нем разные беспорядки тогда, как выступил из одного в Несвиж квартировавший в Новогрудке эскадрон гусарского эрцгерцога Фердинанда полка, что в том повете общего к мятежу заговора не было, но только некоторые помещики, проведая о приближении мятежных войск под командою Дембинского, по приглашению дворянского предводителя Кашица и отставного польских войск капитана Мержиевского вооружились сами, вооружили дворовых людей своих и небольшую часть мелкопоместной шляхты, что хотя Кашиц и Мержиевский рассылали по части уезда разные противозаконные требования, но ни одним из оставшихся помещиков таковые требования не исполнены, что мятежник Кашиц с прочими единомышленниками своими, оставя Новогрудский у., соединился с отрядом Дембинского и что наличные жители города и уезда находятся ныне в совершенном спокойствии и послушании.

Донося о сем до сведения в. с. с предоставлением в списке рапорта правящего должность новогрудского исправника, честь имею всепокорнейше доложить, что об оном всеподданнейше донесено мною е. и. в. и что о восстановлении прежнего порядка в Новогрудском пов. и о поставке на почтовых

станциях лошадей, вместо снятых мятежниками, сделаны все нужные распоряжения.

Гражданский губернатор Бобетинский.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 283 –284.

27 ИЮЛЯ 1831 г.
РАПОРТ КОБРИНСКОГО НИЖНЕГО
ЗЕМСКОГО СУДА ВИЛЕНСКОМУ
ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
О ДЕЙСТВИЯХ ПОВСТАНЦЕВ
В КОБРИНСКОМ УЕЗДЕ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБ.

С 21-го на 22-е число сего течения ночью Титус Пусловский, вторгнувшись из Слонимского в пределы Кобринского у. с шайкой мятежников, в которой, быть может, кавалерии и пехоты до 300 человек, первоначально снял на Дрогичинской почтовой станции 10 лошадей с упряжью, а потом, следуя скорым маршем по тракту на имения Полину, Гнилые Лаловичи и Осовцы, состоящие при границе Ковельского у. Волынской губ., в окружающих имениях насильно забрал 54 дворовых и другого звания людей, одного клирика францисканского дрогичинского монастыря и униатского попинской церкви священника, из числа коих некоторые по большей части добровольно к нему присоединились, сверх того, взяв 32 лошади, как о том получены уже верные сведения, а о прочих производится разыскание, в каких же имениях сделано таковое насилие и сколько счетом людей и лошадей.

Суд сей в. в.-п. почтеннейше представляет именной список с донесением, что означенную шайку мятежников преследует с отрядом кавалерии и пехоты Лубенского гусарского полка полковник Ильинский.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 285.

20 ФЕВРАЛЯ 1831 г.
ДОНЕСЕНИЕ ВИЛЕНСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ
ВИЛЕНСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
О ВЫПОЛНЕНИИ РАСПОРЯЖЕНИЯ О
ЗАПРЕЩЕНИИ УПОТРЕБЛЯТЬ
В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Во исполнение предложения в. в.-п. от 10-го сего февраля за № 552 губернское правление честь имеет донести, что по объявлении всем вообще жителям Виленской губ., дабы они от настоящего времени все просьбы присылали к в. в.-п. на российском языке, а документы — с переводом на оный, партикулярные же письма, сверх русского языка, и на французском, 18 февраля предписано всем здешней губернии городским и земским полициям с тем, чтобы, кроме сего, распорядились о троекратном опубликовании в приходских церквях и костелах с амвона и по еврейским, а также караимским школам, о чем ради подтверждения к должному исполнению со стороны настоятелей костелов и церквей сообщаемо к управляющему виленскою епархией епископу и кавалеру Клончевичу и самогитскому епархиальному епископу кн. Гедройцу. А на предмет троекратного же пропитания об оном в газете «Литовского курьера», копия с резолюции сего правления препровождена при канцелярской записке к издателю оной газеты Марциновскому.

<...>

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 83—84.

20 МАРТА 1831 г.
ИЗ ЗАПИСКИ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА
ОПОЧИНИНА НИКОЛАЮ I
С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ОБ ОТНОШЕНИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВА К РАЗЛИЧНЫМ СЛОЯМ
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

С приближением благословенной той минуты, где должны уничтожаться все зловерные для России замыслы мятежников польских, нужно думать о способах, коими бы на будущее время отвратить подобный вред.

Вред сей, полагаю, можно удалить следующим образом:

1. Устроить царство на таких основаниях, которые бы могли быть для государства не токмо не пагубными, но даже полезными; <...>

2. Обратит внимание на бывшую Литву и на возвращенные от Польши, принадлежащие издревле России земли, которые введены в состав губерний. <...>

В отношении губерний

В губерниях сих состояния, влияние более или менее имеющие, суть следующие: помещики (поляки), шляхта, евреи.

Из числа первых едва ли сыщется десятая часть, нам благорасположенных, и потому и нужно противопоставить им силу моральную. Сия сила может родиться от верующего.

К событиям в Царстве Польском многие поместья тех губерний вследствие повеления вашего подвергнуть конфискации и самым справедливым образом, ибо нарушители священной присяги сего достойны. Имения сии, разделив их по удобности на большие и малые, образовав так:

1) чтобы крестьяне сделались свободными;

2) чтобы подвержены были не иначе как распорядительным положениям, высочайше утвержденным, своим обязанностям, но в такой степени, чтобы они чувствовали весьма ощутительную перемену в улучшении своего быта, словом

сказать, чтобы могли почувствовать свое блаженство; и чтобы сии насчет их обязанности и прав владельца распоряжения были так изложены, чтобы никакого не могло последовать по этому недоумения. Исправив таким образом участь сих имений, раздать их заслуженным и отличившимся, в особенности в нынешнюю войну, воинам с тем, что имения сии суть майораты, которые ни в коем случае не могут выходить из фамилии или подвергнуты какому-либо ущербу.

Таковым распоряжением вы наградите заслуги, содействуете счастливых и упрочиваете существование целых семейств людей заслуженных; водворяете новый разряд дворян, монархии и вам преданных. Выводите из состояния несчастного крестьян, которые, воссылая за вас мольбы к всевышнему, уже, конечно, не подвергнутся никогда и никакому обольщению и не захотят перемены в своем положении. Сверх того, в сих новых помещиках вы будете иметь самую бдительную полицию, ибо, кроме правил, их собственный интерес к оному заставит, да и помещики поляки по принятии правительством таких мер поделаются прочнее.

О шляхте

Шляхта делится на 2 главных разряда: шляхта окольная и шляхта дробная, или чиншевая.

Первая имеет свою собственность, вторая живет по большей части по уговорам на землях помещичьих.

Небезызвестно всем и каждому, сколько шляхта вредна, в особенности в минуты неурядицы, а потому и сему состоянию надо положить какие-либо к добру клонящиеся правила и взять меры к отнятию у них средств вредных.

Лет 10 прошло с тех пор, как рассматриваются права шляхты, и, кажется, доселе разбор о них не окончен и не будет окончен, если в. в. не потребует сего настоятельно. Разбор сей заключается в том, чтобы знать, кто дворянин, кто нет. Тот, кто доказал, что он дворянин, пользуется и правами, достоинству сему присвоенными, тот же, который права не доказал, само собой разумеется, должен поступить в рекруты, хотя и вольных податных состояний, а потому я бы и полагал полезным поспешить окончанием сего разбора, а доколь всех тех, кои подвержены состоянию податному, подвергнуть тотчас и рекрутской

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

повинности, а как оные десятки лет склонялись от оной, то по сущей справедливости подлежит с них в течение нескольких наборов брать вдвое против прочих. Те же, которые хотя и доказали свое дворянство, но не приносят никакой пользы государству, ибо не несут службы ни военной, ни гражданской по выборам, могут, мне кажется, подвергнуты быть по всей справедливости некоторым обязанностям.

Хорошо бы из них сортировать 2 сильных кавалерийских полка, которые должны быть всегда в комплекте, предоставляя им для заманки некоторые преимущества, как-то: название, петлицы и т.п.

Срок служения положить 5 лет, по прошествии коих дать им права выходить юнкерами в армию. Полкам сим можно определить квартиру в С.-Петербурге, в Москве или в других местах, как, например, на Кавказе. По прошествии 5 лет тем, которые не пожелают продолжать военную службу, не принуждать их к тому, можно предложить селиться в тех местах, где находиться будут. В таком случае нужно предоставить им ощутительные выгоды, в особенности первым, ибо от примера сего много зависеть будет. Таким образом, вредная и ни к чему не полезная шляхта уменьшится, потеряет свою силу и соделается полезною.

О евреях

Народ сей, по моим понятиям, самый несчастный, ибо при многолюдстве оного и при стесненных оборотах по торговле он каждодневно беднеет, а при недостатках разного рода соделался и соделывается более порочен, нежели был когда-либо, что по времени угрожает всякого рода неустройствами и дурными последствиями, а потому и нужно немедленно заняться, чтобы исторгнуть его из сего состояния, соделать его полезным.

Мне кажется, и сего достигнуть можно, составив под председательством особы, облеченной доверенностью государя и высокого сана, комитет, в котором бы заседали как чины, государем названные, так и знаменитейшие сочлены еврейского народа для состава положения о них.

Евреев можно бы было, думаю, разделить на 3 разряда: из одного сделать поселенцев, на основаниях доклада

1804 г., отводя им земли и предоставляя выгоды, которые по времени обратятся в пользу общую. Из другого составить земские слободы во всех западных губерниях, подобно как таковых устроено по московской дороге, ибо многие из евреев отличные фурманы, что оградит губернии сии от сбора на почтовую гоньбу и упрочит состояние сих евреев, которые несли обязанности с вытии и пользуются правами ямщиков, могут быть пресчастливыми.

Наконец, третий разряд составит сословие торговое и, не быв обязано платить за бедных, как ныне сие по кагалам чинится, постепенно придет в цветущее состояние и не захочет изменения в жребии своем. <...>

Опочинин.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 84 –88.

ИЗ МЕМУАРОВ ДЕНИСА ДАВЫДОВА (1836):

...Тяжкий для России 1831 год, близкий родственник 1812-му, снова вызывает Давыдова на поле брани. И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного гражданства, не забилося сильнее при первом известии о восстании Польши? Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть – и не мог! Давыдов скачет в Польшу, 12-го марта он находится уже в главной квартире армии, в местечке Шенице, а 22-го в Красноставе, где кочует порученный ему отряд войск, состоящий из полков: трех казачьих и Финляндского драгунского.

Шестого апреля он берет приступом город Владимир-на-Волыни и низлагает в нем одно из главных ополчений мятежников Волынской губернии.

Двадцать девятого апреля он, вместе с генерал-майором графом Толстым, загоняет корпус Хржановского под пушки крепости Замостья.

Седьмого июня, командуя авангардом корпуса генерала Ридигера в сражении под Лисобиками, Давыдов принимает на щит свой все удары главных сил неприятеля и не уступает ему ни шагу. Бой длится более трех часов. Генерал Ридигер, пользуясь стойкостью пехоты Давыдова, обходит сражающихся, ударяет в тыл неприятеля и сим искусным и отважным движением обращает победу на свою сторону. За этот бой Давыдов производится в генерал-лейтенанты.

В течение августа Давыдов, продолжая командовать то различными отрядами, то всею кавалериею корпуса генерала Ридигера, действует за Вислою между Варшавою и Краковым. Наконец, командуя в предмостном укреплении на Висле при местечке Казимирже, он отбивает учиненное на него всем корпусом Ружицкого нападение, предпринятое 28-го августа, и по совершенном низложении мятежа русскою армиею возвращается в Москву, на свою родину, к своему семейству.

Денис Давыдов. Литография К. Гампельна, 1830-е годы

22 МАРТА 1831 г.
УКАЗ НИКОЛАЯ I СЕНАТУ
О НАКАЗАНИИ УЧАСТНИКОВ
ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1831 г.

При самом начале мятежа, возмущившего Царство Польское, предвидя влияние оногo на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными к нарушению спокойствия в губерниях, возвращенных от Польши к империи Российской, мы в постоянном попечении о благе верноподданных наших жителей тех губерний обратились к дворянскому в оных сословию как знаменитейшему классу обывателей и изъявили оному ожидания наши, что оно употребит в сих обстоятельствах все усилия свои, дабы оказать нам и отечеству непоколебимую верность свою и постоянное ко благу общему усердие. Таковые ожидания наши совершились почти везде и повсеместно. Дворянство губерний Виленской, Гродненской и Волынской чрез временных военных губернаторов поспешило излить пред нами неизменные чувства верноподданнической преданности своей, а вслед за тем на самом опыте доказало, сколь охотно жертвует оно достоянием своим и трудами к удовлетворению много-различных и значительных военных требований по снабжению действующей армии продовольствием и иными потребностями. Тем с большим прискорбием получили мы ныне сведения, что горсть людей неблагодарных, недостойных имени дворянского, забыв долг присяги и недавний еще новый обет верности, дерзнула нарушить спокойствие Виленской губ. в уездах Тельшевском, Шавельском и Россиенском; но с твердостью решили мы исполнить над ними пример заслуженного наказания, который остановит, мы уповаем, колеблющихся и возвратит заблудших к обязанностям долга и присяги.

Мы повелеваем:

1. Всех дворян или шляхту, принявших участие в сем бунте и которые вооруженною рукою противустанут законной власти, судить военным судом по Полевому уголовному

уложению и приговоры суда исполнять над ними на месте, с утверждения отдельного отрядного начальника.

2. Недвижимые имущества сих преступников брать в казну, обращая доходы с оных на приращение инвалидного капитала.

3. О всех мужского пола детях дворян или шляхтичей за преступление, в 1-м пункте означенное, наказанных, входить к нам с особым представлением; детей же, именующихся шляхтичами, но никаких доказательств на сие звание не имеющих, брать в военные кантонисты.

4. Людей низшего звания, кои, участвуя в сих беспокойствах, будут взяты с оружием в руках, к какой бы кто ни принадлежал губернии, отдавать в рекруты и отсылать на службу в сибирские линейные батальоны.

5. Детей мужского пола сих же людей отдавать в военные кантонисты.

6. Всех тех, кои изобличены будут в убийствах, в продолжение бунта учиненных, судить военным же судом по Полевому уголовному уложению.

7. Кто из простолюдинов, завлеченных в толпу бунтовщиков волею помещика или угрозами, бросит оружие и возвратится в дом свой, того прощать.

О всем вышеизложенном Правительствующий сенат не оставит учинить немедленно надлежащее исполнение.

28 НОЯБРЯ 1831 г.
ДОКЛАД КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ
ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ НИКОЛАЮ I,
ОСНОВАННЫЙ НА ЗАПИСКЕ
МОГИЛЕВСКОГО ГУБЕРНАТОРА
М. Н. МУРАВЬЕВА

Е. и. в. благоугодно было высочайше повелеть нам рассмотреть представленные в. в. статс-секретарем Блудовым соображения по всеподданнейшей записке могилевского гражданского губернатора Муравьева о способах сближения Белорусского края с Россиею.

Предположения Муравьева по сему предмету относятся к духовной и к гражданской части. В том же порядке изложены и соображения статс-секретаря Блудова. По внимательном оных рассмотрении мы признали нужным разделить их на 3 отделения:

I. Предположения, кои необходимо или, по крайней мере, возможно с удобностью ныне же привести в действие.

II. Предположения, кои должны быть исполняемы со временем и постепенно.

III. Предположения, кои или восприяли действие, или получили уже надлежащий ход.

Заключения свои по первым двум отделениям мы имеем счастье повергнуть на высочайшее благоусмотрение в. в.

I. Предположения, кои необходимо или, по крайней мере, возможно с удобностью ныне же привести в действие.

А. По части духовной

1. Определение в Белоруссию другого православного епископа.

<...>

2. Улучшение сего состава белорусского духовенства замещением священнических вакансий людьми, образованными в России, с предоставлением им некоторых выгод по уважению

затруднительнейшего противу прочих положения их в том крае. Возложение на помещиков участия в поддержании православных церквей.

<...>

По словам Муравьева, большая часть православных церквей находится там в упадке. Нельзя отлагать принятия мер к поддержанию их. Предположение, изъясненное в записке статс-секретаря Блудова, об отчислении на сей предмет некоторой части из существующего в пользу римско-католического духовенства десятинного сбора, который предоставлен греко-российскому духовенству в полном количестве тех имений, где все без изъятия поселяне суть православной веры, и по числу прихожан там, где они находятся среди римско-католиков, требует времени, пока сии десятинные сборы приведутся в точную известность и составлены будут правила для уравнительного их платежа <...> Но дабы между тем сделать приступ к поддержанию православных церквей, можно, по мнению нашему, решительно позволить ныне же строить и поправлять починкою деревянные церкви. Попечение о сем возложить надобно на новых епископов, поставя им в обязанность стараться сколь можно об увеличении числа православных церквей. Они должны будут употреблять все убеждения, дабы склонить к тому помещиков, но в случае медления их в поправлении и созидании храмов чуждой им религии или бедности Комиссия духовных училищ не оставит, по сношениям епископов, делать вспомошествования денежными суммами, находящимися в ее распоряжении, и другими способами.

3. Прекращение в Белоруссии действия указа 1808 г. об отдаче виновных священников в рекруты для поддержания важности духовного звания и для отклонения того неуважения, какое вселяет сие наказание в римско-католиков. <...>

4. Воспрещение римско-католическому духовенству заниматься воспитанием юношества в домах, уничтожение духовных училищ при монастырях, замещение оных светскими и введение преподавания в них наук на русском языке.

Нельзя не согласиться с мнением Муравьева о вреде, истекающем от воспитания римско-католическим духовенством детей в домах, но нет никаких способов исполнить

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

предположение его насчет решительного в том воспрещения сему духовенству; и мера сия, бесполезная уже по одной невозможности привести ее в действо, только раздражила бы и сильно поразила умы, отвратя их от расположения содействовать цели правительства в других отношениях. Для отклонения сих неудобств мы, согласно с означенным в записке статс-секретаря Блудова мнением, признаем единственным средством сделать публичное воспитание в тамошнем крае столь хорошим, чтобы родители, по убеждению в пользе оно-го, сами отдавали детей в наши учебные заведения. Начальство Белорусского учебного округа занимается улучшением существующих теперь светских училищ, и в Министерстве народного просвещения имеются предположения о постепенном уничтожении духовных училищ при римско-католических монастырях и о преподавании в имеющих заменить оные светских училищах наук на русском языке. Надобно, чтобы Министерство народного просвещения и в особенности попечитель Белорусского округа приложили всевозможное старание к скорейшему исполнению сих предположений, имея постоянною целью направление публичного воспитания к сближению тамошних жителей с природными россиянами. О сем можно ныне же им сообщить.

<...>

В. По части гражданской

Дозволение вступать в гражданскую службу по свидетельствам депутатских собраний, утвержденным начальником губернии.

В записке статс-секретаря Блудова полагается возможным допустить сие предположение Муравьева с тем, чтобы принимаемы были в службу не только лица из представляющих свидетельства дворянских собраний, кои по собранным сведениям окажутся незаписанными в подушный оклад, и чтобы они по сим свидетельствам, не утвержденным герольдиею, пользовались правами не действительных дворян, а обер-офицерских детей до получения чина т. сов., для дальнейшего же повышения требовать от них доказательств, утвержденных герольдиею.

Имея в виду высочайше утвержденное в. и. в. в 6-й день февраля 1828 г. мнение Государственного совета, коим решительно

велено все определения дворянских собраний как бывшие, так и впредь быть имеющие о признании в дворянстве жителей возвращенного от Польши края подвергать ревизии герольдии, мы находим неудобным изменить ныне сие правило. Но для облегчения затруднений, встречаемых, по словам Муравьева, бедными шляхтичами в определении на службу, можно бы дозволить ныне же принятие их в службу по свидетельствам дворянских депутатских собраний и по надлежащем удостоверении о несостоянии их в подушном окладе, поставя, однако же, в обязанность местному начальству при допущении на службу таковых лиц тотчас представлять документы их в герольдию, которой на рассмотрение оных назначить непременно полугодовой срок. Само собой разумеется, что признанные герольдиею в дворянском достоинстве пользуются всеми правами и преимуществами, присвоенными сему сословию, но те, коих документы найдены будут недостаточными, по сей одной причине не должны быть исключаемы из службы, а можно им предоставить права канцелярских служителей 3-го разряда, долженствующих прослужить до первого офицерского чина 6 лет; ибо, с одной стороны, нельзя дать им права обер-офицерских детей, когда отцы их не приобрели для них сего права своею службою, а с другой — подвести их под 4-й разряд канцелярских служителей наравне с людьми, поступившими на службу из податного звания, было бы для них обидно по несостоянию ни их, ни предков их в подушном окладе.

II. Предположения, кои должны быть исполняемы со временем и постепенно.

А. По части духовной

1. Уменьшение числа римско-католических монастырей в Белоруссии с оставлением оных только в городах и некоторых местечках; изъятие недвижимых имений из владений римско-католических и греческих монастырей с вознаграждением за сие ежегодными денежными окладами.

Из докладной записки статс-секретаря Блудова видно, что Главное управление духовных дел иностранных исповеданий обратило уже внимание на необходимость

уменьшения римско-католических и греко-униатских монастырей; что доклад о сих последних представлен в. и. в. в конце 1828 г. и что изготовляется другой относительно к одним римско-католическим монастырям, особенно в Белоруссии, и изыскиваются средства для приведения сего предложения в действо, не подавая римско-католическому духовенству повода к основательным жалобам.

Что касается до мнения Муравьева о пользе, могущей произойти от замены недвижимых монастырских имений надежными окладами, то мы находим его справедливым, но, согласно с заключением, означенным в записке статс-секретаря Блудова, полагаем еще неудобным приступить к сему в настоящее время, тем более что меру сию надлежит распространить на недвижимые духовные имения всех возвращенных от Польши губерний и что самое исполнение оной должно быть расположено с осторожностью и не вдруг. Сей предмет требует собрания предварительных сведений и подробного соображения средств, коими можно заменить доходы, получаемые монастырями с недвижимых имений. <...>

2. Неудобство закона об оставлении дочерям веры матери, а сыновьям веры отца; преграждение перехода от греко-униатского в римско-католическое исповедание; воспрещение католическим священникам служить в церквах униатских и взаимно униатским в римско-католических; взыскание за отступление от коренных обрядов греко-униатской религии; положение твердого правила, к каковому исповеданию должны принадлежать дети, происшедшие от родителей греко-российской и униатской веры; ревизия исповедных книг для обнаружения увлечения из одной веры в другую; принятие строгих мер к пресечению совращения прислуги помещиков в католическую веру из греческой и униатской; воспрещение удерживать при каплицах монахов и определение к богослужению священников преимущественно из белого духовенства, менее зараженного фанатизмом; воспрещение устраивать католические часовни среди приходов греческих и униатских и возобновлять кресты и распятия на местах, где проповедовали миссии; уменьшение праздников римско-католической религии, на кои стекается великое множество людей всех исповеданий.

Многие или, лучше сказать, все сии предположения Муравьева, как известно в. в. из докладов Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, были уже в виду сего управления, и к постепенному приведению оных в действо приняты и непрестанно принимаются меры, особливо с апреля 1828 г.

Предположение Муравьева о повелении всех детей, происшедших от родителей греко-российского и римско-католического исповедания, крестить в православную веру, не может произвести ожидаемой им пользы. Напротив того, если допустить сию меру, то, кроме нарушения закона, подтвержденного в. и. в. в конце 1830 г., произойдет другое важное неудобство: сим положится совершенная преграда в заключении брачных союзов между русскими и поляками и еще отдалится желаемое слияние сих двух племен. Посему мы, согласно с мнением, означенным в записке статс-секретаря Блудова, не находим основания к отмене помянутого закона об оставлении дочерей в вере матери, а сыновей – в отцовской.

Некоторые из мер, предлагаемых здесь Муравьевым, слишком круты и резки, они могут только раздражить умы и восстановить их к большему противодействию намерениям правительства. Такова суть: строгая ревизия исповедных книг для обнаружения увлечения из одной веры в другую; решительное и немедленное воспрещение служить греко-униатским священникам в каплицах римско-католических священников¹ и иметь монахов вместо священников из белого духовенства при каплицах и костелах; уменьшение храмовых праздников римско-католической веры. Сия последняя мера возбудила бы неудовольствие даже и в простом народе, имеющем особенную привязанность к праздникам сего рода.

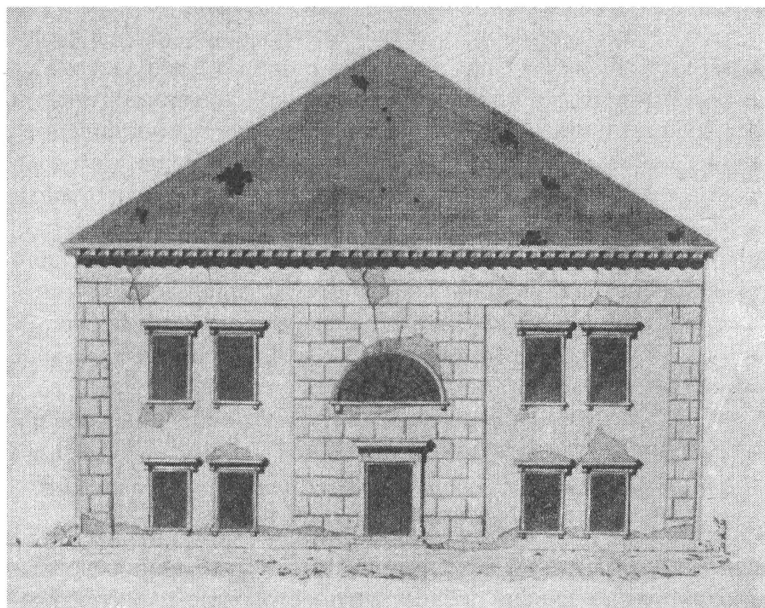
Другие предположения его не требуют особенных соображений, но могут быть приводимы в действо под наблюдением губернского начальства или греческого и униатского епископов

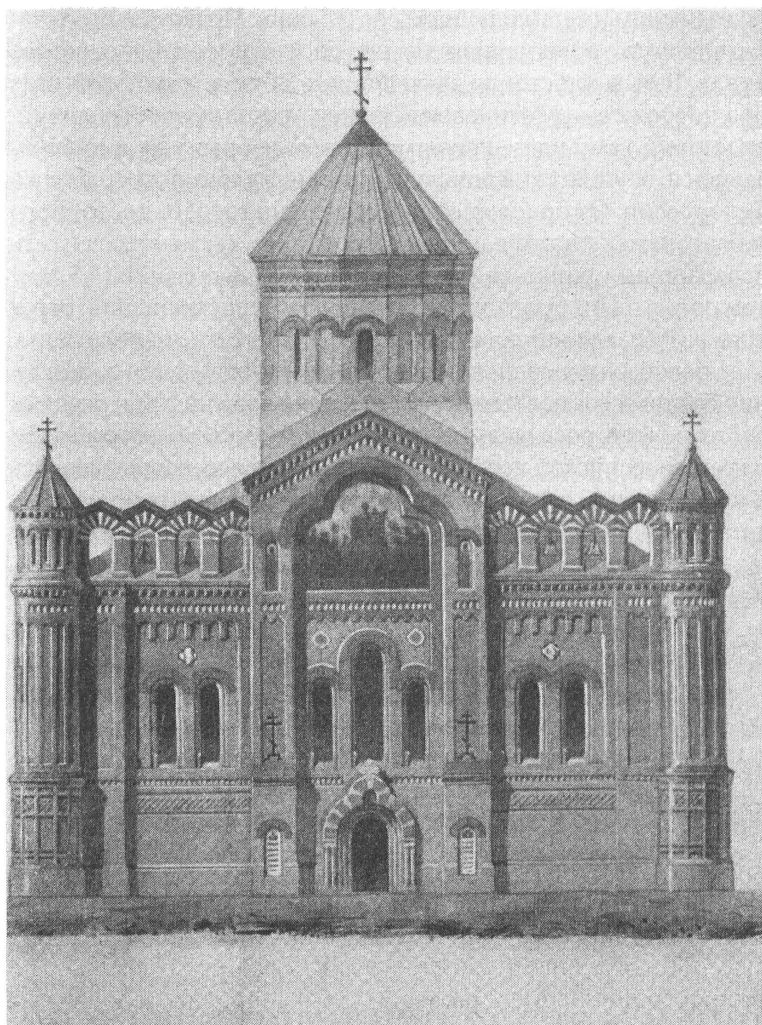
¹ В настоящее время решительно воспретить греко-униатским священникам служение в римско-католических костелах значило бы лишить их единственного способа к существованию. Впрочем, как о постепенном прекращении сего, так и о замене монахов священниками белого римско-католического духовенства принимаются возможные меры, кои, конечно, будут иметь полезные последствия. [*Примеч. подлинника.*]

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

по взаимном их единодушном соглашении. Правительство озабочилось уже облегчением для них способов к исполнению его видов. В. и. в. удостоили высочайше одобрить предположение об уничтожении Могилевской римско-католической епархии, склонив к тому папу. Равным образом избран уже и предназначен в. в. униатский епископ, долженствующий пребывать в Белоруссии. От просвещенной деятельности сего достойного и благонамеренного сановника можно со временем ожидать возвращения униатской церкви в лоно православия. Между тем приняты им будут осторожные меры к прекращению перехода из греко-униатского в римско-католическое исповедание. С сею целью можно ныне же постановить, чтобы при совершении брачных союзов между православными и униатами низшего состояния, т.е. поселянами и мещанами, брак был благославляем в греко-российской церкви и дети от сего брака воспитывались в православной вере. Что касается до воспрещения устраивать католические часовни среди приходов греческих и униатских и

Вид Пречистенского храма, перестроенного по ходатайству князя А. Чарторыйского в анатомическую лабораторию

*Вид Пречистенского собора в Вильно, отреставрированного
по распоряжению М. Н. Муравьева*

возобновлять кресты и распятия на местах, где проповедовали миссии, то сие должно предоставить осторожному распоряжению местного начальства, которое при благоприятных случаях может неприметным образом затруднять и останавливать рас-

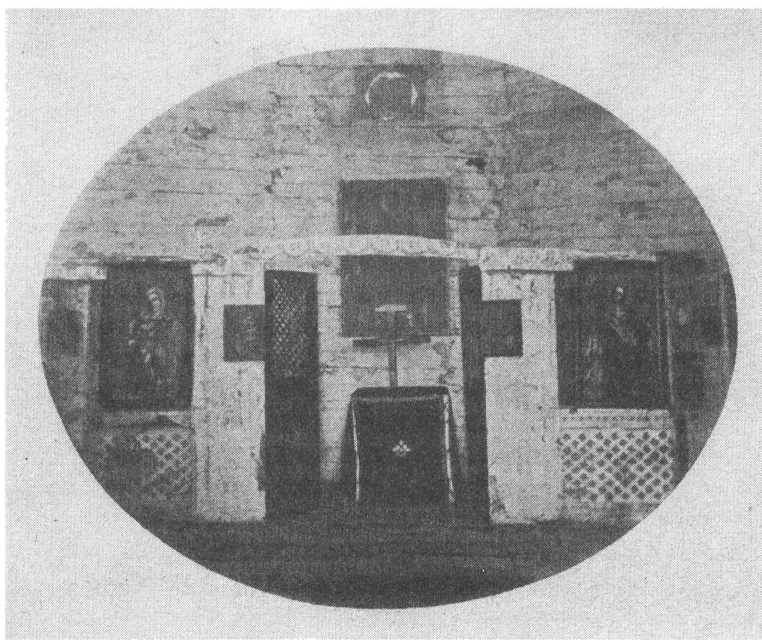
Вид старой деревянной церкви в г. Сураже Белостокского уезда, где служил священник Константин Прокопович; рядом новый каменный храм, построенный по распоряжению М. Н. Муравьева на месте мученической кончины этого пастыря

пространение римско-католических часовен и возобновление крестов на местах, ознаменованных миссиями.

Наконец, предположение о принятии строгих мер к пресечению совращения прислуги помещиков в римско-католическую веру из греко-русской и униатской не требует особенного постановления, ибо если виновные в том будут обнаружены, то не избегнут взыскания по законам. За точным исполнением закона в сем отношении должны наблюдать сами местные, гражданское и духовное начальство.

В. По части гражданской

1. Назначение на главнейшие места в губернии русских благонадежных чиновников и преимущественное определение русских исправников, городничих и почт-экспедиторов с предоставлением некоторых выгод по службе сим последним.

Внутренний вид старого Суражского храма

Нет сомнения, что хороший выбор начальников губерний более всего может содействовать благотельной цели сближения с Россиею губерний, возвращенных от Польши. Не менее важно в сем случае влияние, какое имеют на дела и другие чиновники, занимающие главные места в губернии: вице-губернаторы, губернские прокуроры и члены губернских присутственных мест. Подобно сему, большую также пользу принесет определение природных русских в земские исправники и в городничие, ибо чрез них проводятся в исполнение все правительственные меры и судебные решения. Посему мы совершенно одобряем сии предположения Муравьева, соглашаясь также со сделанным в записке статс-секретаря Блудова добавлением, чтобы определять природных русских и на места уездных стряпчих, которые по должности своей имеют непосредственное влияние на дела казенных и других крестьян, кои большею частью суть русские. Но предположения сии должны

Пятницкая церковь в 1807 г.

оставаться в негласности. Всего удобнее объявить высочайшую о сем волю в полном присутствии министров, не посылая, однако ж, к ним выписок из положения Комитета по заведенному порядку. После сего каждый министр, имея в виду таковую высочайшую волю, будет руководствоваться ею в замещении вакансий и в постепенном заменении настоящих чиновников другими, изыскивая для сего удобнейшие средства и случаи. Равным образом от соображений каждого министра по своей части зависеть будет найти способы к предоставлению некоторых выгод означенным чиновникам, в особенности занимающим низшие должности.

2. Раздача русским казенных имений в аренду на особом основании и на продолжительнейшее время для водворения там русских семейств.

Мы и со своей стороны убеждены в пользе, могущей произойти от водворения русских семейств в губерниях,

Вид остатка стен того же храма в 1863 г.

возвращенных от Польши, ибо сие может весьма много споспешествовать сближению тамошнего края с Россиею. Но цель сия не будет достигнута способом, который предлагает Муравьев, т.е. отдачею казенных имений в аренду. Предположение, изъясненное в записке статс-секретаря Блудова о допущении всемилостивейшего пожалования казенных имений русским чиновникам в вотчинное владение на особых правилах с ограничениями в вотчинном праве признается удобнейшим, тем более что оно служит только возобновлением и усовершенствованием плана императрицы Екатерины, которая по присоединении сего края, заботясь о введении в оный всего русского, жаловала для того казенные имения в вотчинное владение. Равным образом мы находим соответственными своей цели ограничения, предполагаемые в той же записке, при исполнении сей меры, т.е., во-первых, чтобы допускать пожалование казенных имений предпочтительно не весьма богатым русским чиновникам за отличие их заслуги небольшими участками, не менее, однако ж, 100 душ, и, во-вторых, чтобы предоставлять таковые поместья в вотчинное владение на особых правилах, так чтобы поместье не слишком раздроблялось между наследниками и всегда оставалось в том роду, коему

*Вид Пятницкой церкви в Вильно, отреставрированной
по распоряжению М. Н. Муравьева*

пожаловано, без всякого отчуждения из одного, до пресечения прямой и боковых мужских линий того рода; по пресечении же их линий возвращалось бы в казну. Но приступать к сему, по мнению нашему, надобно с осторожностью и не вдруг, предоставляя министру финансов собрать предварительно все нужные сведения и предоставить Комитету министров свои соображения для постановления общих правил.

Памятник графу М. Н. Муравьеву в г. Вильно (не сохранился)

3. Облегчение обывателей Белоруссии в разных неуравнительных тягостях, превышающих даже способы того края.

Соглашаясь в полной мере с изъясненным в записке статс-секретаря Блудова мнением насчет необходимости собрать самые точные и подробные сведения о нуждах и способах Белоруссии, мы полагали бы передать сие предположение

*Михаил Николаевич Муравьев
(1796—1866)*

министру финансов и министру внутренних дел для зависящего от них распоряжения и внесения потом в Комитет министров представления о средствах, могущих послужить к улучшению положения Белорусского края.

4. Награждение знаками отличия белорусских помещиков, наиболее преданных России.

Не отвергая сего предположения, которое, по словам Муравьева, есть плод внимательного наблюдения его над характером польских помещиков, мы находим, согласно с изъясненным в записке статс-секретаря Блудова мнением, что не иначе, как чрез местное начальство, можно собрать сведения о тех лицах в Белоруссии, коих полезно было бы отличать наградами, внушив, однако ж, сему начальству действовать, притом с крайнею осторожностью, дабы не открыть цели правительства. На сем основании предоставить Муравьеву собрать таковые сведения по Могилевской губ. Подобное же доверие можно сделать, по усмотрению правительства, и другим начальникам губерний, возвращенных от Польши. Но во всяком случае они обязаны будут входить с представлениями к министрам о служащих чиновниках, по подведомственности их; о неслужащих же дворянах, могущих быть полезными по уважению, коим пользуются они в том крае, представлять министру внутренних дел. В сих представлениях должны быть изъясняемы в подробности заслуги, оказанные рекомендуемыми к наградам чиновниками, или те выгоды, коих можно ожидать от них в содействии видам правительства.

III. Предположения, кои или восприняли действие, или получили уже надлежащий ход.

А. По части духовной

Удаление из Могилевской епархии прелата Щитта.

В. По части гражданской

1. Введение русского языка в производство вообще дел по судебным и правительственным местам. Замена польских названий мест и должностных лиц русскими наименованиями.

2. Отмена Литовского статута и восстановление действия российских узаконений по всем частям управления.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

По 1 -му из сих предположений высочайшая воля в. и. в., последовавшая на всеподданнейший доклад статс-секретаря Блудова от 3 января с. г., уже исполнена, и прелат Щитт вызван в С.-Петербург.

По 2-му мнению Государственного совета о мерах для приведения оного в действие удостоено высочайшего учреждения в. в.

По 3-му также вследствие мнения Государственного совета объявлена оному высочайшая резолюция в. и. в.

Кн. Александр Голицын, Дмитрий Блудов и Дмитрий Дашиков. Резолюция Николая I: Иметь в виду для постепенного исполнения. В С.-Петербурге 1 марта 1831 г.

Белоруссия в эпоху феодализма. ТА. С. 97–107.

14 ЯНВАРЯ 1832 г.
ЗАПИСКА МИНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ
СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ШЕФУ
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ
С 10 ИЮНЯ ПО ДЕКАБРЬ 1831 г.

Действия следственной комиссии начались с 10 июня минувшего года и до исхода сентября ограничивались исследованием дел и приведением к окончанию тех, кои не подлежали дальнейшему изысканию.

С октября месяца действия комиссии, сообразно обстоятельствам, усилились, и в настоящем ее положении подлежит окончание весьма немногих дел, решение коих остановилось, собственно, за неокончанием местных исследований.

Общее обозрение всех обстоятельств о мятеже в Минской губ. открывает, что из 10 уездов оной токмо в 2 – Вилейском и Дисненском – происходил мятеж более в важной степени, в Мозырском и Пинском действия были незначительные и мгновенные, Борисовском и Речицком – едва заметны, в прочих оставалось покойно, и жители неуклонно исполняли все требования правительства.

Начальный мятеж открылся в гор. Вилейке 3 апреля, был перенесен из Ошмян, по предварительному якобы сношению с вилейскими помещиками, но сего не обнаружено. Здесь учрежден был мятежниками правительственной комитет, избран главнокомандующий, составлялись толпы мятежные под именем «збройной силы»; все сословия были возбуждаемы или вызываемы к восстанию, но на сих токмо воззваниях совершилось дело: приближение казацких отрядов разрушило комитет, существовавший токмо 4 дня, и рассеянные толпы «збройной силы», шатаясь по уезду, еще усиливались возжигать мятеж, но действия их были слабы, боязненны и являли собою токмо собственное сознание в ничтожности их замыслов.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В то время когда мятеж уничтожался в Вилейском, возродился оный в Дисненском.

Начальником или зачинщиком показан тамошний помещик Александр Лопацинский, неизвестно куда скрывшийся.

Производители следствия о сем мятеже писали, что оному предшествовал заговор и повсеместные сношения между жителями, но по делам комиссии не открыто следов заговора; есть виды к заключению, что Лопацинский имел сношения с виленскими мятежниками, но без участия минских обитателей.

Сие доказывается тем, что в Дисненском у., хотя был учрежден, подобно вилейскому, правительственной комитет и действия оного, по-видимому, были решительнее по существу своему и по продолжению времени, но не видно плана в замыслах, основания в действиях, твердости в исполнении; все участвовавшие в мятеже показывают, что оным управляла «збройная сила» — 18 юнкеров, бежавших из Динабурга.

Действительно, решимость или отчаянность сих беглецов имела непосредственное влияние на умы людей легкомысленных и бесхарактерных; слово «отчизна» и отчаянность юнкеров увлекали в толпы мятежников даже 70-летних стариков.

Люди низшего класса присоединялись обещаниями улучшения их состояния, а еще более щедрою раздачею им денег.

Сия приманка увеличивала шайки мятежников, но с прекращением оной толпы редели и с первым выстрелом рассеивались.

Мятеж в Мозырском у. произведен был тамошним помещиком Феликсом Киневичем. Он угрозами и деньгами собрал до 40 человек, намеревался взять гор. Мозырь, но появление инвалидной команды уничтожило его шайку, и сам он скрылся.

Мгновенные мятежные действия в Пинском у. произведены были помещиком Пусловским, но без последствий.

В Борисовском и Речицком уу. никаких особенных действий не было; открыты виды сношений некоторых помещиков с мятежниками Вилейского у.

Вообще обстоятельства, следствием открытые, удостоверяют, что между минскими жителями ничего не было решительного, обдуманного для произведения мятежа: они

принимали участие в оном, смотря по успехам нашего оружия. Они внимали воззваниям из Варшавы и Самогитии тогда, когда тамошние мятежники имели некоторую поверхность; с уничтожением оной исчезал дух восстания; самые происшествия в Минской губ. были кратковременны, и главные участники неуклонно явились с повинною к правительству.

Одним словом, здешний мятеж подобен буре, протекшей мгновенно полосой и оставившей следы разрушения токмо на том, что не имело твердости устоять противу оной.

Сих жертв слабости и легкомыслия поныне открыто 538 человек. Из них примечательные суть: Лопацинский, Радзишевский и Брохоцкий.

Первый был зачинщиком мятежа в Дисненском у., оба последние – главнокомандующими «збройной силой»: Радзишевский – в Вилейском, Брохоцкий – в Дисненском уу.

Лица, составлявшие правительственные комитеты:

Вилейский – Гечевич, Оскерко, Козелл, Богданович, Хоецкий, Родзевич и Язвинский.

Дисненский – Подбипента, гр. Бржостовский¹, гр. Ширин, Михаловский, Богуцкий, Клиот и Корсак.

Из них один Гечевич есть лицо значительное; прочие характера слабого, особенно Козелл, Родзевич и Подбипента – 70-летние старики, Ширин и Бржостовский почти сих же лет: первый глух, последний разбит параличем.

Они были избраны не как ревностные поборники мятежа, но как лица, могущие по своему значению иметь влияние, и притом слабые по характеру.

Никто из них не уклонился от явки к правительству, и все принесли чистосердечное раскаяние, прося помилования и уверяя в непоколебимой впредь верности всероссийскому престолу.

Малое число действительных мятежников скрылось при самом уничтожении их замыслов.

Поныне следственной комиссией окончено 179 дел и разрешена участь 465 лиц. Из оных причислены в разряды государственных преступников:

---

¹ Отец корнета Гродненского гусарского полка гр. Бржостовского, который весьма отличился в сражениях противу польских мятежников. [*Примеч. подлинника.*)]

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1-й разряд – Гечевич, Радзишевский, Лопацинский, Брохоцкий, ксендз Татур, бывший секретарь Дисненского комитета.

Во 2-й разряд – все вышепоименованные лица, составившие комитеты.

Они включены не по личным их действиям, которые были неважны, но по тому уважению, что представляли собою места, действия коих были явно противозаконной власти, а по высочайшему указу 13 сентября таковые действия подлежат разбору военного суда, хотя, впрочем, всемилостивейшими указами 4 июня и 4 октября должны подлежать прощению, и действительно, участвовавшие в действиях противу законной власти, если только они не были зачинщиками и предводителями мятежа и, являсь к правительству, принесли раскаяние.

Кроме сих членов включены во 2-й разряд 73 лица, из коих 46 скрылись и поныне не явились; в числе оных находятся и 18 юнкеров.

На имения всех включенных в 1-й и 2-й разряды учинено запрещение, сделано распоряжение о наложении секвестра, и некоторые имения уже приняты Минскою казенною палатою.

В 3-й разряд и вне разрядов – 239 лиц, которые подписали токмо возмутительные акты или принимали участие в мятежных действиях, но явились и принесли раскаяние.

Признано совершенно невинными 135 лиц.

По сим решенным делам содержалось в Бобруйской и Динабургской крепостях и других местах 134 человека, освобождено 111, ныне содержится 23.

Все вообще решенные дела вносятся к г-ну главнокомандующему 1-ю армией.

Из числа многих возвращенных им дел токмо одно велено доследовать, а по прочим утверждены решения следственной комиссии.

По 14 генваря остается в нерешении 36 дел за неокончанием нужных по оным доследований.

Дела сии по существу своему не имеют важности, с решением оных комиссия должна быть закрыта.

По 1 генваря употреблено на содержание комиссии с наймом квартиры и отоплением в течение 7 месяцев 1400 руб.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 108 – 111.

19 НОЯБРЯ 1832 г.
ОТНОШЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВИЛЕНСКОМУ
ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
О МЕРАХ УСИЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ
ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ

По поводу представления одного из греко-российских епархиальных архиереев возвращенных от Польши губерний о решительном перевесе в том крае римско-католического духовенства над духовенством господствующей церкви и о старании оного унижить в глазах простодушных крестьян достоинство православной греко-российской веры, г-н обер-прокурор святейшего Синода сообщил мне, что е. в., желая положить преграду вредному влиянию римских духовных на умы простолюдинов православного исповедания, высочайше повелеть соизволил предписать гражданским начальствам возвращенных от Польши губерний, дабы они к вернейшему достижению предположенной цели действовали в нижеследующем духе:

1. Все обычаи, введенные ко вреду нашего православия и остающиеся в своей силе от послабления местного начальства, но не утвержденные государственными законами, малопомалу, неприметным образом, с осторожностью уничтожить.

2. Стараться возвышать в глазах поляков достоинство нашего духовенства, коему при всех случаях оказывать подобающее уважение.

3. Деятельными убеждениями склонить помещиков к исправлению и благолепному украшению в имениях их существующих наших церквей.

4. Тяжебным делам, начатым нашим духовенством с польскими обывателями или их духовными, под непосредственным наблюдением гражданских начальств давать быстрый и правильный ход.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

---

5. Жалобы об оскорблении священников каждый раз строго исследовать и виновных предавать законному суждению, наконец.

6. Всем делам о совращении из нашего в римско-католическое исповедание с получения сего дать надлежащий ход с елико возможным содействием епархиальному духовному начальству в преследовании злонамеренных совращений и к достойному их по законам наказанию.

Сообщая о сей высочайшей воле в. с, покорнейше прошу вас, милостивый государь, предписать к исполнению меры сии всем г-дам начальникам вверенных вам губерний с тем, дабы они в сем случае действовали секретно и без малейшего повода к неправильным заключениям католического духовенства.

Министр внутренних дел Блудов.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 4. С. 115–116.

7 НОЯБРЯ 1833 г.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ
ГРОДНЕНСКОГО ГУБЕРНАТОРА
О ВОЗВРАЩЕНИИ ИМЕНЕЙ
УЧАСТНИКАМ ВОССТАНИЯ 1831 г.,
ДОКАЗАВШИМ ПРЕДАННОСТЬ ЦАРЮ

Изложение дела. Дворяне Гродненской губ. Ксаверий Ревенский, Леопольд Яблонский, Людвиг Пиотрович и Ксаверий Турский за участие в бывшем мятеже высочайше утвержденным определением Гродненской губернской комиссии внесены во 2-й разряд виновных с обращением в казну всего их имущества.

Впоследствии времени упомянутые дворяне по ходатайству виленского военного губернатора в числе прочих 43 лиц, удалившихся по случаю мятежа в Пруссию, удостоились получить всемилостивейшее прощение и на сем основании в июле и августе месяцах с. г. возвратились на родину и приведены к присяге на непоколебимую верность к законному правительству.

Гродненский гражданский губернатор в представлении своем к генерал-адъютанту кн. Долгорукому, свидетельствуя о похвальном поведении означенных дворян со времени возвращения их в Россию, просит исходатайствовать всемилостивейшее разрешение на возвращение им конфискованных их имений как по уважению раскаяния их, так и потому, что сим средством прекратилось бы неоседлое их нынешнее пребывание в губернии.

Виленский военный губернатор, основываясь на таком засвидетельствовании губернатора и по силе высочайше утвержденного журнала Комитета по делам западных губерний, относится ко мне об исходатайствовании всемилостивейшего разрешения на возвращение дворянам Ревенскому, Яблонскому, Пиотровичу и Турскому конфискованных у них

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

имений как лицам, истинно восчувствовавшим прежний свой проступок, благоговеющим пред оказанною к ним благостью монарха и обратившим на себя внимание местного начальства.

Мнение министра внутренних дел

По уважению засвидетельствования гродненского гражданского губернатора и генерал-адъютанта кн. Долгорукова о совершенном раскаянии помянутых дворян Ревенского, Пиотровича, Яблонского и Турского и о добропорядочном их поведении я долгом считаю ходатайство о возвращении сим лицам конфискованных у них имений представить на благорассмотрение Комитета по делам западных губерний.

Министр внутренних дел статс-секретарь Блудов.

Белоруссия в эпоху феодализма. Т.4. С. 121–122.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА «О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОССТАНИЯХЪ 1831–1862» (1873)

Николай Васильевич Берг (24 марта (5 апреля) 1823, Москва – 16 (28) июня 1884, Варшава) – поэт, переводчик, журналист, историк.

Учился в Московском университете (не окончил). Сотрудничал в журнале «Москвитянин». Сблизился с его «молодой редакцией» (А. А. Григорьева, А. Н. Островский).

В 1853 в качестве корреспондента отправился на театр войны в Севастополь и до окончания осады его состоял при штабе главнокомандующего в должности переводчика. Участвовал в сражении при Черной речке. Литературным плодом его участия в кампании явились изданные им «Записки

Берг Николай Васильевич

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

об осаде Севастополя» в 2 томах (Москва, 1858) и «Севастопольский альбом» с 37 рисунками.

По окончании Крымской войны едет на Кавказ, где присутствовал при пленении Шамиля.

Был корреспондентом журнала «Русский вестник» в Италии, освещая походы Джузеппе Гарибальди.

В 1860–1862 годах странствовал по Сирии, Палестине и Египту.

Во время польского восстания отправился в Варшаву в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей». С 1863 г. жил в Варшаве, являлся непосредственным участником событий, о которых публиковал соответствующие заметки в «Санкт-Петербургских ведомостях» и в «Библиотеке для чтения» (1864 г.)

В конце 1864 г. получил приглашение наместника в Царстве Польском, графа Ф. Ф. Берга, собрать материал для истории последнего польского восстания, что и было им исполнено. Любопытнейшие материалы, собранные им, были только отчасти напечатаны в «Русском архиве» (с 1870 г.), и затем вышли в 1873 г. отдельным изданием, под заглавием: «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 гг.». Вторая и обширнейшая часть труда Берга о польской смуте 1863–1864 гг. напечатана в «Русской старине» 1879 г., тт. XXIV–XXVI.

С 1868 г. преподавал русский язык и литературу в Варшавской главной школе и заменившем ее Варшавском университете.

Был редактором газеты «Варшавский дневник» (1874–1877).

Переводил стихотворения и поэму «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича, произведения болгарских, сербских, словацких, украинских (Тарас Шевченко и др.), словенских, чешских поэтов. В сборнике «Песни разных народов» (Москва, 1854) опубликовал народные песни 26 народов в оригинале и переводе на русский язык, в том числе и 12 литовских песен (вышли отдельным изданием в Вильно в 1921 году) из сборника Людвика Резы «Dainos» (1843).

Предлагаемые Вашему вниманию «Записки о польских заговорах и восстаниях», основанные на нелегальной литературе и

неопубликованных ранее документах официальных архивов (собранных, как уже было сказано выше, автором с подачи наместника в Царстве Польском графа Ф. Ф. Берга) были изданы в Москве в 1873 году (изд. «Русского архива»). До этого они отдельными очерками публиковались в «Русском архиве» (1870–1873), после – в «Русской старине» (1879). В 80-е гг. XIX в. «Записки» (с дополнениями и без цензурных купюр) были изданы в Познани (4 т., 1884–1885) и запрещены в России.

I

С тех пор как мы управляем известной частью Польши, произошло несколько заговоров и восстаний, которые по преимуществу разыгрывались у нас, в Царстве Польском. Причиной тому отчасти естественное стремление заговорщиков к самому важному пункту, к ядру польского политического мира последних времен: поднять Царство и Варшаву, это значит сделать по крайней мере половину дела.

Мы считаем *естественным, неотразимым* восстанием Польши только одно: Костюшковское. Оно вытекло из событий просто, само собой, было натуральным следствием горьких обид и насилия, которым край перед тем подвергся. Польша должна была попытать свои силы, помериться с врагами. К тому же сил было довольно.

Восстание времен Наполеона нельзя считать чисто польским: поляки были тогда подняты враждебными для нас элементами, нахлынувшими с Запада, – вот и все, а никак *не встали сами*.

Гонялись за мухой с обухом (например, в конце 20-х годов за каким-то безвестным Вестермейером); из доносов составлялись огромные книги на двух языках, русском и французском, – а заговор работал себе тут же преспокойно, и никто из тайных и явных полицейских чинов долго его не видел. О господах Вестермейерах и других безвредных личностях записывалось всякое чихание, а Высоцкий, чуть ли не главный автор восстания 1830 года, внесен в «книгу живота» всего один раз, по тому случаю, что «не

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

явился на смотр на Саксонскую площадь»¹. Великий князь под конец был до того сбит с толку разноречивыми показаниями полицейских агентов, что решился ничему не верить, и когда, незадолго до взрыва, ему донесли о близкой опасности, он не принял никаких мер предосторожности и, как известно, едва не погиб.

Революция застала нас врасплох. Не будь этого, будь власти, особенно князь, хотя немного к этому приготовлены, думай о заговоре немного серьезнее, имей о нем более точные сведения, чем те, какие сообщались правительству в массе всяких секретных донесений, — огонь мог быть потушен в ту же минуту, и к утру 30 ноября (1830) многие жители даже и не знали бы, что готовился какой-то нешуточный взрыв. Как тушили пожар инструментами, которые пришлось выписать из России, это более или менее известно. Вскоре по взятии нами Варшавы вооруженные массы поляков перешли границу и разбрелись по Европе, унеся в недрах своих будущие заговоры, те революционные семена, которые долго потом давали свои плоды. Об этом-то мы и хотим рассказать читателям, как еще о мало известном.

Один из деятельных участников взрыва 29 ноября, бывший старый, сорокалетний поручик 1-го линейного полка, бог весть как попавший вдруг в полковники, Иосиф Заливский, при переходе расстроенных войск через Краков, когда они уже положили оружие, собрал кучу друзей в дом графа Ворцеля на Подгурже (предместье Кракова) и заклинал их воротиться и продолжать восстание, говоря, что средства страны далеко еще не исчерпаны, что еще остался нетронутым низший класс, хлопы; что денег еще довольно, что крепости еще не сданы русским войскам. Но это были слова вопиющего в пустыне. Воротить, одушевить вновь упавших духом солдат было свыше сил не только Заливского, но и какого угодно любимого и славного вождя.

Заливский ограничился тем, что составил на Подгурже какой-то *Тайный комитет*, имеющий действовать при первом

---

¹ Он принимал деятельное участие в заговоре 1830 года и в день взрыва брал арсенал. О его характере и действиях у Мохнацкого, позн. издание 1863, т. II, стр. 300 и далее.

удобном случае; затем пустился странствовать по Галиции (Германии, Италии), везде ужасаясь тому, что делается его соотечественниками, критикуя жестоко только что минувшую революцию и давая постоянно чувствовать всем и каждому, что он, а никто другой, был автором 29 ноября. Так как Высоцкого налицо не было¹, то Заливский мог говорить, что ему угодно, и легко разыгрывать роль первого и главного героя.

Триумфальное шествие поляков по Европе, симпатии всех наций, торжественные встречи, проводы, крики и слезы при виде гонимых роком отрепанных усачей, из которых многие сражались в рядах Наполеона; потом сочувственные приветствия газет, где, между прочим, три года сряду раздавался голос таких публицистов, как Гейне и Берне; наконец критическое положение огромной толпы, которой прежде всего надо было что-нибудь есть, — все это, соединясь вместе, не давало довольно долго установиться в эмиграции такой атмосфере, где могли быть услышаны какие бы то ни было воззвания патриотов.

Эмиграция представляла на первых порах такой хаос, который путал как ее самое, так и тех, кто отважился дать ей пристанище. От оборванных усачей несло дымом битв и революцией. Франция, где осели главные волны эмигрантов, только что сама освободилась от разных тревог. Земля ее еще колебалась, и ей было вовсе не до того, чтоб ухаживать за чужими, блуждающими по свету революциями.

Прибавление таких опасных горючих материалов к тому, что не улеглось еще как следует дома и тоже требовало забот и ухода, было, конечно, не по сердцу правительству Людовика-Филиппа; а потому оно, разыгрывая роль нации гостеприимной и благодарной, простирая объятия недавним сподвижникам великой империи, думало в то же время, как бы от них избавиться, как бы, попросту говоря, уложить на новых ратных полях эти буйные головы. Вождям бывшей польской армии, более или менее выдававшимся из ряда, стали скоро

---

¹ Найден спрятавшимся под зарядный ящик, когда наши войска взяли предместье Волю (где был небольшой бастион), и сослан в Сибирь. Возвращенный по амнистии 1856 года, Высоцкий, как говорили, поселился в местечке Варке, в 70 верстах от Варшавы, где, кажется, живет и поныне.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

предлагать места в Алжире, склоняя их в то же время формировать туда, если можно, особые польские легионы.

Многие голодные усачи сейчас же подвязали свои боевые сабли и давай ими греметь снова во славу своих покровителей. Высшие протекторы Польши, наблюдавшие за эмиграцией из разных углов Парижа, не препятствовали таким воинским порывам братий. Служба под знаменами Франции все-таки могла к чему-нибудь пригодиться, имела несравненно более смысла, чем та служба, на которую звали соотчичей безумцы вроде Заливского.

Но дабы не дать хозяевам чересчур бесцеремонно распоряжаться своими гостями и вообще имея в виду систематическое управление всеми делами эмиграции, люди, считавшие себя в то время во главе ее, люди, наиболее влиявшие на дела отечества в революцию, основали *комитет*, названный *Польским* (Komitet Polski), куда членами вошли почти все члены бывшего революционного правительства Польши 1831 года, а председателем назначен бывший представитель Калишан на последних сеймах Бонавентура Немоевский¹.

Но едва комитет успел дать знать о себе эмиграции и краю, как поднялся страшный шум, какой подымается между поляками в тех случаях, если что-нибудь выступит вперед для приведения хаоса в порядок. Сейчас откуда-то взялись партии и кружки, которые стали заявлять также и свои права на управление делами эмиграции.

Все они выражали опасение, чтоб люди, оказавшиеся в революцию весьма несостоятельными, точнее, погубившие край и армию, действовавшие почти как изменники, не повернули

---

¹ Оба основаны в 1831 году. Первый – в январе месяце. Членами его были: Ламарк, Жюльен-де-Пари, Моген, Одиλλον-Барро, Булде-ла-Мёрт, Арман Каррель, Виктор Гюго, Гарнье Пажес, Беранже, Густав Монте-белло, Кремье, Леонард Ходзько, Казимир Делавинь, Донон, генерал Декан (Descaen), Дюпон-де-Лёр, Ластейри (Lasleyrie), Ларрей, Траси, Зальтнер и др. Председателем был генерал Ла-Файет. Председателем Американско-польского комитета был какой-то Самуил Тоу (Howe). Члены неизвестны. Цель обоих комитетов была: помогать, чем случится, революции поляков в России. (Сведения из показаний эмиссара эмиграции Артура Завиши в Варшавской следственной комиссии, в 1833 году, также из сочинения Карла Борковского, тоже эмиссара: *Wyprawa Partyzancka wr. 1833, t. VII, Bibl. Pisar. Polskich, S. 5–6.*)

бы и теперь всего вверх дном; тем более что теперь мудрости нужно вдвое-втрое, ибо тогда была у них в руках кое-какая сила, были деньги, а теперь ничего нет: теперь они бездомные скитальцы, которым нужно думать прежде всего о куске хлеба, которыми, поэтому, помыкает всякий, навязывающий себя в покровители гонимой нации.

Конечно, отчаянный народ, беспокойные, недалёковидные бобыли, кому нечего терять ни дома, ни на чужбине, авантюристы и крикуны вроде Заливского, зовущие соотчичей не медля воевать снова с Россией, Пруссией и Австрией, на том основании, что революционные элементы в стране будто бы еще не уснули и их много, — конечно, эти крикуны не знают сами, что делают; но нельзя же равномерно допустить и того, чтобы поляки воевали без толку за французов в Алжире, служили какому-нибудь Дону Педро Португальскому, или герцогу Бургундскому, или в Бельгии. Нельзя допустить, чтоб эмиграция стерлась таким образом с лица земли, не померив еще раз плеча с врагами. Нельзя не думать, что у бездомных скитальцев есть где-то Польша, простирающая к ним руки, полагающая на них такие же надежды, как и на тех, кто остался, по счастью или несчастью, дома.

Среди таких криков и заявлений быстро построилась против нового аристократического комитета сильная батарея противоположных демократических элементов под крылом прежде бывших в Париже Французско-польского и Американско-польского комитетов. В декабре 1831 года (именно 8 декабря н. с.) образовался правильный комитет посредством обыкновенных выборов. Он получил название *Польского народного комитета* (Komitet Narodowy Polski). Членами его были: Валентин Зверковский, Леонард Ходзько, Роман Солтык, Фадей Кремповецкий, Антон Пршецишевский, Карл Крайтсир, Антон Глушкевич, Адам Гуровский и Валерьян Пешкович, как секретарь. Председателем историк Иоахим Лелевель.

Вообразив себя сейчас же главой эмиграции (что представлялось иногда и более мелким комитетам и обществам), Комитет Лелевеля, а как его зачастую называли, иначе Декабрьский (Grudniowy) приступил к действиям. Он стал пропагандировать в смысле своих принципов, указывая полякам

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

на далекое, несчастное отечество, которого последнее слово еще не произнесено: напротив, при благоразумном направлении всех сил революция может и должна повториться, даже не один раз; предстоят новые, большие искушения и жертвы, следовательно, надо к этому готовиться всем до единого, кто считает себя поляком, только об этом думать и помнить, забыв все прочее и всемерно уклоняясь от путей, которые могут завести в другую сторону, не слушая никаких сирен, не поддаваясь никаким соблазнам.

Первым печатным воззванием Комитета Лелевеля было (в конце декабря 1831) *Воззвание к польскими воинам*¹. Потом, через несколько дней, явилось *Воззвание к венгерцам* на двух языках, по-латыни и по-венгерски, где припоминалась старая дружба мадьяр с поляками и было даваемо почувствовать, что в случае перемены «обстоятельств в Европе» Карпатские горы, вероятно, не будут препятствием подать друг другу руку.

В течение этого времени эмигранты, жившие по разным городам Германии, Италии, Галиции, стали сбиваться более и более к одному месту, под крыло Франции. В особенности много набралось их в Париже. К исходу декабря 1831 года прибыл туда и Заливский и встречен друзьями восторженно. 9 января н. ст. 1832 года Комитет Лелевеля дал ему обед, в заключение которого Лелевель и Годфрид Кавеньяк вручили герою 29 ноября какую-то саблю времен Наполеона I.

Так как Заливский выступает теперь вперед, то необходимо сказать, что это был за человек.

Это был тип поляка самых необузданных свойств, для кого не существовало нигде и ни в чем препятствий. Характер юркий и беспокойный, не могший ужиться ни с каким на свете кружком. Он везде был как бы не на своем месте, везде хотел командовать, строил планы, ссорился, мешал. Впустить его куда-нибудь и дать волю – это значило все разрушить. Оттого в революцию 1830–1831 гг. народное правительство не нашло возможности употребить в дело его способностей, хотя он поминутно навязывался с разными предложениями. Он годился для взрыва в первые минуты, но потом его надо было

¹ Посмертные сочинения Герцена. Женева, 1870. С. 182.

куда-нибудь убрать. Он был нечто вроде Бакунина, о котором Коссидьер выразился: «В первый день революции ему цены нет, а во второй его надо расстрелять»¹.

В других нациях господа Заливские подчиняются требованиям, так сказать, общей логики, рано или поздно уступают напору окружающих обстоятельств, устают, смиряются; в них, хоть под старость, является убеждение, что так, как они думали, перестраивать мир нельзя. В Польше Заливские не излечиваются ничем и для удовлетворения своих фантазий идут, что называется, напролом, никого не слушая и считая себя вечно живыми.

Все благоразумное и умеренное, что оказывает им сопротивление, они провозглашают сейчас изменой отечеству, истинному долгу гражданина. В их энергии есть что-то болезненное, дикое. Они больше полезны врагам своего отечества, нежели отечеству. Они останавливаются только тогда, когда встречают на пути охлаждающую стену каземата либо пулю. Таков и бывает обыкновенно их конец. Само собой разумеется, что Заливский сделался членом Комитета Лелевеля; но как некогда появлением своим в кружке подхорунжих он произвел раздор и чуть не разрушил всех планов, так и тут очень скоро увидели невыгоду его присутствия.

Подобно всем польским обществам, Комитет Лелевеля содержал в себе разнородные элементы, всякую минуту готовые произвести на свет несколько партий. Главнейшим образом выступало вперед и было опасно то *красное* кружка, что подрывает кредит всех польских революций и заговоров: эти вечные, неутомимые политики сердца, как назвал их красный повстанец 1863 года Авейде; эти ничем и никогда неизлечимые ребята. Их нетерпению казалось все возможным. Лелевеля они находили трусом, человеком вялым и фальшивым, который явил себя таким в первые дни минувшей революции, будучи членом правительства, решительно не знавшего, что оно делает. Мог ли такой человек быть председателем комитета, имеющего претензию управлять делами края и эмиграции? Куда он поведет поляков? Кто его выбрал? Так спрашивали многие.

---

¹ Посмертные сочинения Герцена. Женева, 1870. С. 182.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Когда прибыл Заливский, голоса недовольных комитетом стали раздаваться час от часу громче. Заливский, постоянно критиковавший действия различных вождей в революцию 1830 года, постоянно твердивший, что «его не слушали, не слушали тогда, не слушали и потом, при переходе войск через границу, когда спасение было еще возможно... впрочем, оно и теперь возможно, если взяться за дело энергически», — Заливский только подливал, что называется, масла в огонь.

Скоро кучка недовольных комитетом за его якобы нерешительность и бездействие, за его «аристократизм», как выражались иначе, за его «чисто-белые свойства», отделилась и основала (17 марта н. ст. 1832 года) свой особый демократический кружок, назвавшись *Демократическим обществом*. Говорили, будто бы один из первых закладчиков этого здания был Адам Туровский.

Ради оригинальности или по другим каким причинам отделившиеся не составили никакого *комитета* для управления делами, но учредили две начальствующие *секции*, в Париже и Пуатье, каждая из 8–9 человек¹.

В своих первых заявлениях и статьях секции старались главным образом внушить соотечественникам, что «новое общество командовать никем не замышляет, что оно намерено только указывать лучшие и кратчайшие пути к достижению известных целей; а *что до власти*, если б таковая потребовалась при удачном повороте их дел, — край, без сомнения, сумеет ее создать дома, из своих собственных элементов, имея на то больше прав, нежели эмиграция: ибо странно и несправедливо было бы навязать власть со стороны людям, которые шли в первый огонь и жертвовали всем, не говоря уже о том, что они постоянно находились в более стесненных условиях, чем эмиграция, постоянно несут на себе бремя военной диктатуры. Власть думают навязать краю только *аристократы* эмиграции, генералы. Общество же, основавшееся в марте 1832 года, состоит из одних демократов, плебеев по происхождению и по убеждениям».

---

¹ Сведения из показаний Мирославского в Познанской следственной тюрьме, 9 октября н. ст. 1848 года.

Заливский — может быть, главная причина появления этого кружка, та капля, которая заставила квашню бродить — сам, однако же, остался с Комитетом Лелевеля, вероятно, на том основании, что отделившиеся были вначале чрезвычайно ничтожны. Даже и самое отделение их не было так резко, как иные воображают. При всех сколько-нибудь торжественных случаях, в памятные полякам исторические дни, а иногда и просто, без всякого повода, с целью погулять, покутить и выпить лишнюю рюмку за здоровье братий, за что случится, — интеллигенция всевозможных кружков весьма дружески сходилась в Париже и других городах, и тут было очень трудно разобрать оттенки партий. Бывало и так, что несогласные с каким-нибудь кружком, готовые, по-видимому, удалиться, после доброй общей пирушки забывали об этом и оставались там, где были.

Можно было думать по слабости сил нового демократического кружка, что он тоже воротился к прежним товарищам. Оставшиеся делали даже для этого все, что от них зависело, в видах уничтожить раскол, пока он еще не велик.

Комитет Лелевеля, чтобы показать эмиграции, а более всего нетерпеливой, красной ее половине, свою деятельность и отвагу, выпустил еще несколько воззваний, более или менее зажигательного свойства. Именно: *к немцам, к лотаринцам, к Альзасу, к итальянцам* и, наконец, самое опасное, самое неосторожное, воззвание *к русскому народу*, на трех языках: по-русски, по-польски и по-французски. Немного позже выпущено не менее опасное воззвание *к евреям Царства Польского*, по-немецки и по-французски, пера самого Лелевеля.

Этим, может быть, прямо рассчитывали воротить бежавших; но вышло совсем другое.

Французское правительство, смотревшее вначале на образование всяких эмигрантских кружков и на бурные сходки поляков сквозь пальцы, так как из этих кружков и сходов ничего важного и опасного не выходило, увидев теперь ряд возмутительных, революционных посланий и получив ноту от русского правительства по поводу воззвания Польского народного комитета *к русскому народу и к евреям Царства Польского*, мгновенно изменило свой характер. Эмигрантам,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

подписавшим воззвание к *русскому народу*, именно: Иоахиму Лелевелю, Валентину Зверковскому, Леонарду Ходзьке, Антону Пршецишевскому, Антону Глушневичу, Эразму Рыкачевскому, Иосифу Заливскому, Михаилу Губе, Валерьяну Петкевичу и Карлу-Эдуарду Водзинскому, было предписано не медля оставить Париж. Некоторые выехали, а другие, имея кое-какие связи в высших правительственных сферах, оставались под разными предлогами до начала 1833 года. К таким, между прочим, принадлежали Ходзько и Лелевель. Они рассчитывали, что с течением времени дела их поправятся и правительство прекратит свои преследования. Не тут-то было. Полиция постоянно напоминала обоим друзьям, чтоб они выезжали из Парижа. Держаться долее было невозможно.

Лелевель выехал в поместье Ла Файета Лагранж, а Ходзько в Тур, куда потом прибыл и Лелевель; но их снова разлучили: Лелевель пошел, в синей блузе и конфедератке пешком куда глаза глядят и спустя некоторое время очутился в Брюсселе, где и жил до последнего польского восстания; Ходзько переехал в Безансон, потом скитался из города в город, а в заключение устроил как-то, что ему позволили опять возвратиться в Париж, где он жил до самой смерти, собирая материалы по истории своего отечества и издав сборник документов, пользующийся известностью¹.

Такое упорное преследование французским правительством лиц, уважаемых эмиграцией, раздражило все партии, в особенности ту, которая считала Лелевеля своим главой. Она покраснела и выделила из себя разом значительный контингент в Демократическое общество. В это время нелепый план Заливского «идти в Русскую Польшу и возобновить там революцию», план, родившийся еще на Подгурже, в доме Ворцеля, и после забытый всеми, подобно странному сновидению

---

¹ «Recueil des traites, conventions et archives diplomatiques concernant la Pologne 1762–1862, par le comte d'Angeberg». В № 85 «Московских ведомостей» (1872) рассказывается, что при Наполеоне I какой-то Лезюр выпустил сочинение о *развитии русского могущества с возникновения его до начала XIX века* и первый вывел на свет известное завещание Петра Великого – явно подложный документ, явившийся потом в разных французских сочинениях, между прочим у Henri Martin. Леонард Ходзько тоже прикладывал здесь свои руки.

выплыл снова наружу, получил некоторое значение, стал казаться возможным, осуществимым.

Сам Заливский, наводивший на умеренных своей вечной революционной болтовней непомерную скуку, озарился вдруг в глазах всех особым светом, точно вырос, точно открыл какой великий секрет: столько прихлынуло ко всем сердцам негодования, столько все кипели против всяких угнетателей. Конечно, более всего извергалось брани и громов на Россию, наславшую эти тревоги.

Поляк необыкновенно скор, *zapredki*. Он загорается, как порох, и тут делай из него, что хочешь. Прежде чем действительно солидная часть эмиграции успела сообразить грозящую всем им опасность, собрать сведения о безумных приготовлениях к какому-то невероятному и неслыханному в летописях походу, — как уже курьеры Заливского, выросшие из земли в огромном количестве, скакали во все концы по так называемым складам эмиграции, существовавшим в разных городах юго-западной Европы с начала 1832 года¹. Этим курьерам было поручено набирать охотников, офицеров и солдат для образования отрядов, имеющих вскоре выступить в Русскую Польшу с известными высшему начальству целями.

Курьеров встречали в складах различно, смотря по тому, каков был склад: где с полным сочувствием, где не слишком, а где и вовсе неприязненно. В одном складе, именно Авиньонском, курьер Карл Шлегель (партии подхорунжих 1830 года) поссорился с председателем Совета Каспером Дзевицким, был вызван им на дуэль и убит.

Однако же в общем результате предложение Заливского «возобновить революционные действия в Русской Польше»

---

¹ Сколько нам известно, *склады* (Zaklad) эмиграции были в следующих городах: Бурже, Безансоне, Лионе, Люневилле, Авиньоне, Страсбурге, Шатору, Штутгарде, Фрибурге, Мангейме, Гейдельберге, Тюбингене, Карлсруэ, Ульме, Вюрцбурге, Нюрнберге, Альтенбурге, Дрездене, Львовe, Кракове, Тарнове и Познани.

Правительственная власть каждого склада была в руках *Совета* (Rada). Характер складов был различный: где аристократический, где демократический. Заливский в своих львовских показаниях упоминает о каких-то *Польских комитетах* по городам, насчитывая их в одной Франции до 30. Не одно ли это и то же с *складами*?

произвело, вследствие известного настроения умов, шум и толки скорее в одобрительном духе, и заклады решили отправить депутатов на съезд в Лион, назначая для этого 4 января н. ст. 1833 года.

Съезд этот состоялся, и – кто поверит – план Заливского одобрен на нем большинством голосов! Часть депутатов исполнилась такого восторга и нетерпения биться снова на родимых полях, что иные тут же предложили Заливскому распорядиться ими по благоусмотрению. Заливский сначала долго осматривал вербуемых в новую, революционную организацию; но потом, за недостатком людей на все открывшиеся вакансии, оставил церемонии и брал всякого, кто только шел, лишь бы он, прочтя или выслушав инструкцию, подписал ее и присягнул.

План Заливского состоял в том, чтобы, обеспечась насколько можно скорее материальными средствами и сделав необходимые приготовления во всех трех захватах, вторгнуться в Русскую Польшу мелкими партизанскими отрядами, которыми занять войска правительства. Тем временем будет формироваться армия, которая выступит на сцену, когда заговор в Польше (1772) и в других местах Европы достигнет надлежащего развития.

Все Царство Польское, а отчасти Литва и Русь, делились, согласно требованиям новой организации, на несколько округов, в два уезда каждый. Всякому округу давался свой особый начальник, имевший под командой известное число партизан. *Инструкция* для этих партизан, пера самого Заливского, была такова:

1. Обязанности партизана суть: посвящение себя на всевозможные труды и опасности, с целью освободить свое отечество и снискать людям равенство прав, не обращая внимания на вероисповедание; уничтожить всякие предрассудки и взаимную ненависть между сословиями. Стало быть: биться с оружием в руках против тиранов и их клеветов, угнетающих род людской; употреблять все способы к их уничтожению.

2. Партизан должен укрываться по лесам и горным ущельям, в местах недоступных; переходить в своем округе постоянно с одного пункта на другой и делать оттуда набеги, в

особенности по ночам, на неприятельские форпосты; истреблять магазины, амунизию; захватывать военные и другие казенные кассы; бить чиновников, назначенных тираном; словом, уничтожать и забирать все, что составляет собственность наезднического правительства и служит ему поддержкой.

3. Партизан должен, в самом строгом значении этого слова, уважать спокойствие мирных жителей и всеми мерами охранять их собственность, если б слуги или солдаты тирана захотели на нее посягнуть.

4. Каждый окружный начальник (*dowudca*), утвержденный главным вождем партизан, может выбрать какой угодно округ для своих действий, из двух уездов состоящий; сверх того, имеет право сам назначать себе помощника (*zastepce*) и набрать столько подчиненных партизан, сколько заблагорассудится.

5. Каждый начальник войск по округу обязан бесприкословно повиноваться главному вождю и выполнять его приказания со всей точностью; так равно и каждый партизан – своему окружному начальнику, как скоро исполнил добровольную присягу.

6. Каждый начальник округа имеет право карать своих подчиненных смертью за измену, за неисполненное приказание и за посягательство на чужую собственность; равно и каждого человека в своем округе, кто бы стал ему противиться или изменять тайне.

7. Каждый начальник округа, приказывающий грабить мирных жителей или делающий вообще что-либо возмутительное, должен быть сменен (*zgladzony*) подчиненными, а на его место назначен помощник, не то кто-либо другой из партии, кого они найдут более достойным, мужественным и честным.

8. Каждый начальник округа обязан сноситься с начальником воеводства или губернии и состоять в его распоряжении; а этот последний сносится непосредственно с главным вождем.

9. В случае невозможности держаться в своем округе, по причине напора неприятельских сил, окружный начальник со своими партизанами может перейти на неопределенное время в какой-либо соседний округ и действовать с тамошним начальником заодно.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

10. Каждый окружный начальник, освободив свой округ или хоть часть одного от власти неприятельской, учреждает там немедленно гражданскую власть из местных обывателей, пользуясь всеобщей доверенностью, и сам за ней наблюдает.

11. Каждый окружный начальник, имеющий под своей командой более 50 человек, отправляет излишек в заклад кадров, формирующих народную армию.

12. Высшая власть над партизанами называется *Месть народа* (Zemsta Ludu), и ей должны слепо повиноваться все партизаны до тех пор, пока весь народ не восстановит своей независимости. Лицо, снабженное этой властью, известно только начальникам округов и их помощникам.

13. Каждый партизан, по прочтении вышеприведенных статей, выполняет следующую присягу перед окружным начальником:

«Клянусь Всемогущим Богом, что, желая восстановления моего отечества и равноправности каждому человеку, посвящаю себя добровольно на всевозможные труды, опасности и самую смерть и до последней капли крови буду биться против тиранов и против тех, кто им служит; причем, исполняя постановление партизан, буду повиноваться своим начальникам. Господи, помоги мне в этом здесь и на том свете...»¹

Когда было замечено вербовавшими такой народ в экспедицию Заливского, что они колеблются, находят много препятствий, то их всячески старались успокоить, пускали им пыль в глаза напоминанием о том, что Польша будет действовать не одна, а в связи с общеевропейской революцией, имеющей в виду перестроить целый мир. Заливский говорил даже, что ему известно достоверно о существовании заговора между военными в самой России, а потому пробиться партизанам в лесах придется какой-нибудь месяц, много полтора, а там все вспыхнет, и они сольются с огромной польской армией всех трех захватов, с армией, какой, касательно размеров, едва ли еще где видано.

Собственно говоря, эти люди обрекались до известной степени на жертву. Расчет главных руководителей движения

---

¹ Подлинник можно видеть в сочинении Борковского (Wyprawa Partysancka do Polski w r. 1833. T. VII Biblioteki Pisarzy Polskich. S. 7–9).

заклучался в том, что всякий, поставленный в условия партизана, отрезанный от своих, без верной надежды воротиться, должен поневоле быть энергичен, выдумать такие действия и хитрости, каких в спокойном и безопасном месте и в голову не придет: им будут руководить не один патриотизм и желание отмстить врагу, но и свойственное всякому человеку чувство самосохранения.

Это было высказано впоследствии печатно разными революционными органами поляков.

В течение января месяца 1833 года были приняты и утверждены Заливским следующие начальники округов, носившие в то же время название *эмисаров*¹:

1. Артур Чарный-Завиша в округ Варшавско-Сохачевский, с самой Варшавой;

2. Каликст Боржевский в округ Плоцко-Липновский;

3. Леон Залесский в округ Равско-Ленчицкий;

4. Эдуард Шпек в округ, состоящий из уезда Станиславовского и Праги;

5. Леопольд Бялковский в один из округов Калишского воеводства, соседом к Завише;

6. Антон Винницкий в округ Гостынино-Куявский;

7. Каспер Дзевицкий в округ Радомско-Опочинский;

8. Эдуард Дуньский в округ Млавский;

9. Адам Сперчинский в округ Пржаснышский;

10. Фаустин Сулемирский в округ Конинский;

11. Леопольд Потоцкий в округ Серадзкий;

12. Рох Рупневский в округ Пултуско-Остроленский;

13. Ушинский в воеводство Подляское;

14. Степан Гецольд в уезд Волковысский (Гродненской губернии);

15. Карл Борковский в округ Острожско-Кременецкий (Волинской губернии);

16. Фаддей Серпутовский в округ Бельско-Радзынский;

17. Осип Гордынский в округ Сокольско-Белостокский;

---

¹ Сведения из показаний Антона Винницкого и некоторые печатные источники. Неполноты в иных округах, то есть как бы недостатку уезда, мы поправить не в состоянии. Так показывали иногда и сами окружные начальники. Не было ли на практике для иных изменено общее правило и не давали ли им действительно в заведование только один уезд?

18. Джонс Ринк (Jons Rynk) – в округ Любельско-Красноставский.

Большинство этих лиц были военные, служившие когда-то в польских войсках разными чинами, от унтер-офицера до поручика, – кто человек довольно образованный и начитанный, кто простой, грубый солдат. Унтер-офицер Шпек, как увидим, не сладил со своей командой и соединился сперва с Гецольдом (экспедитором бывшего Виленского университета), потом оба поступили обыкновенными рядовыми в банду Завиши. Но все, прочитанное в уставе партизанском, удержалось в каждой голове твердо. Присягу многие знали наизусть, почти слово в слово. Общий смысл задачи, *что именно делать*, был ясен всем. Только параграф о том, что главный начальник называется *Месть народа*, не всеми был понят одинаково. Многие, вроде Шпека, думали, что это *главный комитет*, и таким образом впоследствии показали.

Округи выбирались каждым лицом такие, где ему удобнее было распоряжаться, где находились у него друзья, знакомые, родственники или даже имение. Кто не знал таких мест и кому было все равно, где ни действовать, тем Заливский назначал округа сам. Но все это было только расписано так на бумаге: на деле ни один из партизан не попал на указанное место.

По причине действительно существовавшей связи *Партизанского наезда* (или, как поляки попросту выражались *У* и выражаются до сих пор: «*Partyzantki Zaliwskiego*») с затеями карбонаров окружные начальники, отправлявшиеся в край, были приглашены выполнить сверх своей какую-то особенную *карбонарскую присягу*, которой текст нам неизвестен. После того им были сообщены знаки, каким образом отличать *своих* за границей и дома. Эти знаки Наезд принял тоже от карбонаров. По свидетельству одного из окружных, Осипа Гордынского, они заключались в следующем:

1) При встрече снимать шляпу немного направо и надевать прямо, если встреченный *свой человек*, то он сейчас это заметит; 2) Подавая кому-либо правую руку, коснуться каким-либо пальцем его ладони; 3) Если встреченный проговорит после этого *ame*, отвечать *fraternite*, и затем обоим враз сказать *bienfaisance*; 4) Квартира *своего* узнается по вделанному

где-нибудь на доме или на близстоящем дереве, не то на другом каком-либо предмете, небольшому треугольнику¹.

Когда все сказанные церемонии были соблюдены, некто Турецкий, начальник Лионского заклада, где был сборный пункт команды Заливского и устроен какой-то *Лионский базар* (как бы склад материалов для Наезда), раздал отправлявшимся рекомендательные письма, кинжалы карбонарской формы, по 150 франков на брата, а Борковский снабдил каждого известным количеством яда.

Затем местный французский префект выдал им паспорта с ложными именами и званиями, и эмиссары двинулись, большей частью пешком, на Швейцарию и Германию. В Цюрихе, новом сборном пункте, уже произошли между ними некоторые столкновения. Иные высказывали неудовольствие против главного вождя и сомневались в успехе предприятия. Были наконец и такие, кто, обсудив с приятелями все дело похладнокровнее, не пошли дальше.

В Германии было замечено странниками, что тайна их открыта: их строго осматривали на заставах городов и малейшее подозрительных ворочали назад во Францию. Чем далее,

---

¹Паскевич вступил в службу в 1800 году из камер-пажей, флигель-адъютантом к императору Павлу, гвардии-поручиком, октября 5-го, имея 17 лет.

Штабс-капитаном.....	1806
Капитаном.....	1808
Полковником.....	1809
За отличие в генер.-майоры.....	1810
Генерал-лейтенантом.....	1813
Генерал от инфантерии.....	1826
Генерал-фельдмаршалом.....	1829
Главкомандующим действующей армией в июне.....	1831
Наместником марта 23-го.....	1832

Паскевич происходил из небогатых дворян Могилевской губернии и поступил в Шкловский кадетский корпус (бывший Зорича, фаворита Екатерины, которому Шклов был подарен); при посещении Шкловского корпуса государем Павлом Петровичем, Паскевич обратил его внимание красивой наружностью и был переведен в Пажеский корпус, где понравился государыне Марии Федоровне и сделан камер-пажом. В 1800 году из камер-пажей произведен в офицеры с назначением флигель-адъютантом к его величеству.

(Сведения частью из бумаг одного генерала, частью из послужного списка фельдмаршала.)

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

тем становилось труднее идти. В Галиции уже нужно было просто-напросто прятаться, входить в города украдкой, ночью. Карл Борковский с Михаилом Ходзькой были остановлены во Львове на заставе стражей, которая, оглядев их внимательно, спросила: «Уж и вы не такие ли, о каких слух идет, что отправляются в Польшу делать революцию?» Однако они отделались кое-как, не быв задержаны, и пробрались внутрь города, а потом и дальше, где с кем-нибудь в крытой бричке, где ночью по лесам, пешком.

В Царство Польское, до образования партизанских отрядов, решились проникнуть немногие. Там правил страшный военный диктатор Паскевич, которого трепетали на огромном пространстве и свои, и чужие. Это был человек, избалованный счастьем и неслыханным раболепством окружающих, раболепством, какое может быть только на Востоке да в славянских землях, и то, пожалуй, не во всех до единой. Весьма немногим отличался он от какого-нибудь восточного шаха. Но это был шах очень умный, знавший хорошо, кого можно пожурить без всякой церемонии, на кого бросить только строгий взгляд, кого оставить без всякого замечания или даже «погладить по головке», отчего иной славянин готов расплакаться. Из его канцелярии не выходило ни одной бестолковой бумаги. Личные его заметки на полях, не щеголяя особенно изящным языком и грамматикой, были все-таки полны смысла, и всегда без всякого грома и молнии. К грому и молнии в бумагах прибегал он редко. Управление края, изобретенное им, в большей части мер соответствовало минуте и положению дел, а равно и взглядам Петербурга. Шутить было нельзя, но нельзя было также и ломать с плеча все польское, заменяя его русским: с этой стороны шах встретил бы сильную оппозицию в высших сферах, а он их разумел так тонко, так тонко, как никто. Он знал, до каких пределов простирается защита венценосного покровителя, уравнившего его в некоторых почестях с самим собою, называвшего «отцом-командиром». Правда, в иные области управления прокрадывались кое-какие несостоятельные свойства *всей машины* вообще. Полиция также гонялась за «Вестермейрами» и не видела «Высоцких»; но все это восполнялось и исправлялось необыкновенной личностью главного лица. Его

глаз заглядывал всюду и если видел что – наступала быстрая, энергичная расправа; против яда принимался вернейший антитодум. Оттого всюду оглядывались поминутно, что бы кто ни делал и что бы кто ни говорил, было ли это в бедной хате земледельца, на пограничном ли кордоне казака, в богатых ли палатах русского или польского магната. Везде оглядывались. Все были уверены, что полицмейстер, пожалуй, не усмотрит и жандарм не подслушает, а как, сохрани Господи, «Сам»?.. Тень Банко, которого все собирались убить и никак не убивали, вставала пред всеми, на всяких резких, неумеренных пирушках, там, где-нибудь в углу, при всякой неосторожной болтовне. Сейчас выглядывало откуда-то это страшное, широкое, боевое чело, в полуседых кудрях, и устремлялись серые глаза, леденившие мгновенно всякую смелую душу.

Ничего этого не знали и не соображали пешие сочинители *Наезда*. Польша представлялась им в виде кипящего котла, где с утра до ночи готовят повстанские похлебки: приходи только и ешь.

Разочарование наступило поздно, когда Заливский и несколько других прибыли командовать партизанскими отрядами, направлять действие различных окружных начальников.

Заливский имел письма к графу Викентию Тышкевичу, владельцу обширного села Кульбушева Тарновского округа Краковского воеводства¹. Граф Тышкевич принял его радушно, поместил у себя в доме и сказал, что имеет небольшой запас оружия, сохраненного кое-как после 1831 года, в том числе 500 штук годных в дело ружей², может быть еще столько же наберется у других помещиков, сочувствующих

---

¹ Можно заметить, что перед отъездом в Польшу Заливский пробрался в Париж и виделся там с разными влиятельными лицами: Дверницким, Ледуховским, Уминским. Дверницкий сказал, что «помочь не считает удобным, но благословляет», – это были только слова. Дверницкий имел свою партию, основанную 22 октября н. ст. 1832, под названием *Komitet Emigracyi Polsciej* (назывался у поляков кратко Октябрьским, *Pazdziernikowy*), где членами были: Уминский, Юлиан Серавский, Иван Ледуховский, Александр Еловицкий, Амантий Жарчинский, Станислав Ворцелль, Андрей Плихта и Воллович. Эта партия хотела воротить эмиграции прошлое: помирить поляков с французским правительством и вместе расстроить экспедицию Заливского. Ни то ни другое ей не удалось.

²Сведения от партизан, видевших этот склад, и статья графа Франциска Веселовского: *Ustep z moich wspomnien*. T. VII. Bibl. Pis. Polsk. S. 134.

Наезду, как, например, у Мышковского, владельца села Куржина; у братьев Богуслава и Онуфрия Городынских, у графа Франциска Веселовского, Константина Руссоцкого... Но ведь этого мало. От Русской Польши ждать большой помощи нечего. Найдется несколько сочувствующих в Плоцкой губернии, по границе, например, Матвей Мыстковский и кое-какая отчаянная молодежь, там же. На остальном же пространстве лежат страх и трепет. Особенно нечего рассчитывать на простой народ, на хлопов: все они тянут руку правительства. Вообще дела плохи.

Заливский и друг его, прибывший с ним одновременно, Генрих Дмуховский (под именем Сандерса) несколько приуныли. Сведений из Царства Польского почти никаких нельзя было достать: приготовлено ли там что-нибудь или нет. Даже нельзя было перекликнуться со всеми окружными и узнать, все ли они на местах, в каком положении их отряды. Даже было явно заметно, что кто-то из своих мешает восстанию.

Несмотря на все это, надо было, конечно, идти вперед. Возврат был уже невозможен. Столько народу успело себя скомпрометировать перед разными правительствами, в разных углах Европы, столько преодолено тяжких препятствий, принесено жертв, что, если бы вожди попятились назад, произошло бы общее смятение, взрыв негодования, посыпались бы обвинения в трусости, в измене (на что поляки необыкновенно скоры: у них сейчас «zdroyca! zdrada!»). Начальники округов могли бы предпринять еще более бестолковое восстание, просто с отчаяния, став, иные, может быть, в несравненно безвыходнейшее положение, чем Заливский в доме Тышкевича, в Кульбушеве.

Собравши в Галиции небольшую банду в 24 человека Дзевицкий, по-видимому, весьма хорошо рассчитал действие при переходе в Царство: он думал напасть ночью врасплох на казачий пост в местечке Поланце², перебить казаков и захватить их оружие и лошадей. Но переправа через Вислу заняла столько времени, что когда Дзевицкий, к

---

¹ Поланец на границе Стопницкого и Сандом. уездов Радомской губернии, при впадении реки Черной в Вислу.

счастью людей, очутился на другом берегу, стало светать. Боясь быть открытым, он приказал остальной кучке переправляться как можно поспешнее и догонять товарищей, а сам, всего с четырьмя партизанами, двинулся к Поланцу бегом, измучил людей и себя, и атака была неудачна: казаки перехватывали повстанцев и отвезли в ближайший город, откуда они были отосланы в Варшаву¹. Дзевицкий где-то на привале спросил стакан воды, быстро всыпал в него яду и отравился. Часть банды, подошедшая потом к Полавцу, узнав об участии товарищей, разбрелась по лесам. Кое-кто после пристал к другим партиям.

24 марта н. ст. пробралась в Царство партия Гецольда и Шпека, но вскоре, встретив разные препятствия, бросила вождей, и они должны были соединиться с партией Завиши, о которой будет сказано ниже.

2 апреля н. ст. перешла границу около деревни Уфиловец (?) партия Бялковского, в 10 человек, набранная в Галиции, в окрестностях местечка Збышева, приведена к присяге ксендзом с соблюдением всех обрядов, требуемых католической церковью, и пустилась бродить по лесам, в разных направлениях, терпя нужду и голод до такой степени, что солдаты и их начальник зачастую ничего не ели по двое и по трое суток сряду. Первую пищу привез им ксендз Михаил Старжинский; потом прислала сыру и ветчины помещица Новаковская. Позже снова приехал ксендз².

Ни в какую деревню, тем более в местечко или в город, воины Бялковского и он сам не смели, что называется, и носу показывать. Им были постоянным убежищем глухие чащи, окруженные трясинами, да и те приходилось беспрестанно менять из опасения столкнуться с казачьими разъездами или быть захваченным крестьянской облавой, какие делали в иных

---

¹ Это были: канцелярист Подольской казенной палаты Евстафий Рачинский, 19 лет; рядовой бывших польских войск Василий Пршеорский; унтер-офицер корпуса Раморино Иосиф Кржиальский и унтер-офицер бывшего 4-го пехотного полка Антон Ольковский. По другим известиям, банда разделилась на две части (по переходе через Вислу, в деревне Будзиках Стопницкого обвода) и на казаков не пошла, а стала искать каких-то солдат в другой деревне, и тут казаки напали на ее след и перехватывали упомянутых повстанцев.

² Показания захваченных людей этой банды.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

местах войты гмин, по приказанию начальства, так как история Наезда уже разоблачилась¹.

22 апреля н. ст. перешла границу новая партия, в 13 человек, под командой офицера польских войск Лубинского, которая, встретясь с бандой Бялковского в лесу под Юзефовым², соединилась с ней, и вместе предприняли нападение на казачий пост в сказанном местечке. Для этого все силы, 23 человека, где были, между прочим, остатки банды Дзевичского, разделились на четыре части, и каждой части дан особый начальник. Одной такой частью, в 5 человек, командовал молодой энтузиаст, Антон Карчевский, сын официалиста из чьего-то богатого имения, служивший в революцию 1830–1831 годов в корпусе Ружицкого. Он явился первый на площади, махая саблей, – и тут же был захвачен казаками с тремя своими людьми³ и доставлен в Варшаву. Остальная часть банды разбежалась.

Затем явилась из княжества Познанского партия бывших варшавских студентов: Сперчинского, Дуньского и служивших разными чинами в польских войсках: Хелмицкого, Сильвестра Раценского и Феликса Бугайского. Перейдя границу 27 апреля нов. ст. между деревнями Бобровниками и Мелишевкой (Плоцкой губернии), партия эта двинулась к Бенднову на соединение с показавшейся тогда же в этих местах бандой Сулемирского – и сошлась с ней 29 апреля н. ст. в лесу. После различных приключений и опасностей соединенные банды выслежены и атакованы войском 13 мая н. ст. под станцией Яновице, в лесу, когда хотели было перебраться назад, за границу, и тут часть людей захвачена и доставлена в Варшаву.

В Подольскую губернию пробрался какой-то Иосиф Дуцкий, участь которого нам неизвестна. На Литву, в Гродненскую губернию, проник тамошний помещик Михаил Воллович. Как имевший в этих местах множество знакомых и любимый своими крестьянами, он довольно долго укрывался в

---

¹ В брошюре «Artur Zawisza i Michal Wollowicz», кажется пера Леона Зенковича (Pariz, 1859) рассказываются кое-какие подробности о скитаниях Волловича.

² Подробности его походов, начиная с Парижа до Варшавы, мы сочли более удобным рассмотреть отдельно. (Приложение 3.)

³ Это были Давыдович, Якубовский и Пленкевич.

лесах и по хуторам, наконец взят посредством облавы из чужих мужиков¹.

Последней, сколько известно, перешла границу при селении Раздиках Плоцкой губернии в самом конце апреля н. ст. партия Завиши из шести человек, набранная в княжестве Познанском. Позже, в Царстве, при переправе ее через Вислу, пристали к ней оставленные своими людьми Гецольд, Шпек и еще несколько человек из других банд. Испытав те же самые неудачи, как и другие партии, Завиша был атакован в Кросненском лесу гусарами эрц-герцога Фердинанда полка и взят со всеми своими людьми в начале июня 1833 года.

Всех захваченных с оружием в руках постигла участь государственных преступников первого разряда.

Люди из банды Дзевицкого: Иосиф Куржиальский, Антон Ольковский и Василий Пршеорский расстреляны в Варшаве 25 апреля ст. ст. в 5 часов утра; а четвертый, Евстафий Рачинский, по молодости лет, избавлен от смертной казни, прогнан сквозь строй через 500 человек четыре раза, также в Варшаве, 28 апреля ст. ст. в 5 часов утра, и после сослан в каторжную работу.

Люди Лубинского и Вялковского – Карчевский и Давыдович – повешены в Люблине 10 мая ст. ст., а Якубовский и Пленкевич – 11 мая ст. ст., на том месте австрийской границы, где ее перешли, именно близ местечка Борова Яновского уезда Люблинской губернии, с надписью на виселице их имен и почему понесли такую казнь.

Пойманный тогда же шляхтич Иосиф Берини (унтер-офицер корпуса Раморино), в уважение того, что взят просто в деревне, без оружия, избавлен от смертной казни, прогнан сквозь строй через 500 человек четыре раза шпигрутенном и потом сослан в Сибирь в каторжную работу. Воллович повешен в Гродно, в мае или июне 1833 года.

Завиша повешен на лобном месте между Вольской и Иерусалимской заставами 15 ноября ст. ст. 1833 года в 9 часов

---

¹ В брошюре «Artur Zawisza i Michal Wollowicz», кажется пера Леона Зенковича (Париж, 1859), рассказываются кое-какие подробности о скитаниях Волловича.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

утра. Тогда же расстреляны, в том же самом пункте, состоявшие под командой Завиши: унтер-офицер бывших польских войск Эдуард Шпек, помощник экспедитора в бывшем Виленском университете, титулярный советник Степан Гецольд и шляхтич Александр Пальмарт.

Вот какие подробности рассказывали об этой казни. Все преступники были приведены в цепях. Когда стали их снимать, Завиша, одетый в обыкновенный халат, дрожал. Вероятно для того чтобы не подумали, что он дрожал от страха, он сказал окружающим: «Холодно!» (*Zimno*). Потом спросил тоже по-польски: «Нет ли тут кого-нибудь, кому бы я мог передать мою последнюю волю?» (*Czy niema tu kogokolwiek, ktoremu bym mogl odkrys moja ostatniwol?*) Тогда из толпы офицеров отделился капитан Массон¹, адъютант губернатора Витта, и подошел к Завише. «Скажите моей матушке, что я умираю достойным ее сыном!» (*Prosz powiedziec mojej matcezeumieramgodniej!*) проговорил он, так что все близстоявшие слышали. В это время раздалась три залпа: экзекуция с тремя товарищами Завиши кончилась. Он взглянул в ту сторону и сказал: «Отчего я не умираю военной смертью?» (*Dla czego nie umieram wojskowa smierci?*) Стали надевать на него смертную рубашу. Завиша сорвал ее и бросил. Кликнули ксендза и предложили ему успокоить осужденного. Ксендз подошел с крестом и только что произнес слова: «Провидение и справедливость Господня...» (*Opatrzosc i sprawiedliwosc Boska*), – Завиша прервал его и сказал: «Провидение и справедливость! Если б они существовали, этого бы не было!» (*Opatrzosc i sprawiedliwosc! Gdyby one istnialy, tego by nie bylo!*) И затем пошел к эшафоту. Последними его словами были: «Когда бы у меня было сто жизней, все бы их я отдал отчизне!» (*Kiedy bymmialstozyc, wszystkiebymofiarowal mojej ojczyźnie!*) Все время перед казнью он стоял прямо, подняв голову. Товарищи его были несравненно больше смущены, и ни один из них не произнес ни слова.

17 ноября ст. ст. расстреляны в городе Липне (Плоцкой губернии) люди разных банд: шляхтич Павел Войткевич, служивший в польских войсках; рядовой тех же войск Григорий

---

¹ Впоследствии начальник почт в Варшаве.

Зайонц и дезертир, рядовой Симбирского егерского полка, Игнатий Морозов.

18 ноября ст. ст. расстреляны в городе Калише унтер-офицеры бывших польских войск: Антон Винницкий и Иосиф Домбковский.

Сверх того, тогда же рядовой Брестского пехотного полка Максим Гавриленко, рядовой бывших польских войск Петр Левицкий, рядовой Луцкого гренадерского полка Григорий Загребельный и какой-то Ляховский прогнаны сквозь строй: первые два – через 500 человек по три раза, а последние два – через 500 человек по два раза, а затем сосланы в Сибирь в каторжную работу.

Тем временем Заливский с Дмуховским, не находя нужным подвергать себя опасности в Русской Польше и более или менее зная о бедственной участи вторгнувшихся банд, решились воротиться в Галицию и огласили *отсрочку* восстания. Собственно Заливский и все его друзья были убеждены, что *дело кончено*, игра проиграна безвозвратно; но старый герой, которого самолюбие было глубоко уязвлено, над кем все смеялись, кому не было спокойного угла, где бы скрыться, – искал себе какого-нибудь выхода, хоть бы в тюрьму или на эшафот, лишь бы спрятаться скорее от тьмы проницающих его насквозь глаз.

Он твердил всем и каждому, что «роковые и непредвиденные обстоятельства расстроили предприятие, но что летом того же года оно непременно возобновится». В первых числах июня по н. ст. он даже выпустил в свет *Воззвание к Галицианам*, где рисуется весь как в зеркале, со всей его детской недалёковидностью и самым необузданным честолюбием. Все это подложено, однако, тем отчаянием, которое овладело тогда его душой. В самом конце он прямо говорит: «Смерть будет во всяком случае одна, с оружием ли в руках, в тюрьме ли, на эшафоте ли»¹.

Галициане, читая это воззвание, только улыбались. Затея Заливского никогда не имела одобрения во всей массе поляков. В особенности все умеренное вооружалось против него с самого начала, когда еще ничего бедственного не случилось. Но теперь, когда все, поднявшее оружие, было рассеяно или

---

¹ Сочинение Борковского «Wyprawa Partyzancka».

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

погибло; когда в Париже все разнообразные кружки соединились для того, чтобы отслужить панихиду по жертвам Наезда, расстрелянным в Царстве Польском: теперь на Заливского, призывавшего соотечичей к повторению Наезда, смотрели прямо как на помешанного, которого надо схватить и посадить в желтый дом.

Так как, однако же, от его воззваний никто не ожидал никакого результата, то его оставили в покое и свои, и австрийское правительство, которое знало о месте его пребывания. Вдруг случилось происшествие, которое изменило ход дел: кучка отчаянных людей, окружавших Заливского, как и он, не думавших нисколько класть оружие, несмотря на горькие неудачи, на общее негодование и отсутствие всяких средств, будучи недовольна своим вождем, который, в раздражении на весь свет, принял чересчур диктаторский тон с подчиненными, и, кроме того, потеряв в него всякую веру, основала особый *Комитет польских карбонаров*, с намерением действовать заодно с другими подобными обществами всех стран, имея в виду не только освобождение Русской Польши, но и двух других, а потом и целого света...

Это обстоятельство положило предел существованию всей этой партии. Карбонаров и Заливского арестовали, судили во Львове в течение нескольких месяцев, как государственных преступников первого разряда, после чего главные зачинщики, в числе 12 человек¹, посажены в швейцарскую крепость Куфштейн, более или менее на продолжительный срок², в цепях по рукам и по ногам, в 6,5 фунтов каждая. Двое не выдержали заключения и умерли (Забоклицкий и Ролинский), а другие потеряли навсегда здоровье. Заливский, выпущенный в 1848 году, с опухшими руками и ногами, глядел стариком и вскоре умер.

Несмотря на эти бесчисленные жертвы, на несчастье целых семейств, отсюда проистекавшие, работы красной партии все-таки продолжались. Те же самые цели преследовались с

---

¹ Иосиф Заливский, ксендз Викентий Забоклицкий, Леопольд Бялковский, Карл Борковский, Константин Слотвинский, Александр Комарницкий, Генрих Диоховский, Фердинанд Бслинский, Адольф Ролинский и трое чехов, пограничных стражей: Фишер, Бергер, Штих. Первые четверо: Заливский, Забоклицкий, Бялковский и Борковский были осуждены первоначально на смерть через повешение (*Wyprawa Partyzancka*. S. 68).

² Забоклицкий, Бялковский и Борковский – на 15 лет, а Заливский – на 20 лет.

горячностью невероятной; один план сменял другой, новые эмиссары заступали место прежних, погибших, и пробивались сквозь всякие препятствия, можно сказать, с нечеловеческой энергией. Чем долее заживалась эмиграция на чужой почве, тем более терялись в ней понятия о том, что делается дома. Родимый край представлялся скитальцам в самых неясных красках, где все казалось возможным. Страшная тоска по родине еще более усиливала иллюзию.

«Побуждаемые этой тоской и вместе революционной горячкой, эмиссары часто являлись в край без всякого плана, не имея ни полномочий, ни позволения Централизации, даже не давая себе отчета в том, что должно делать», — говорит их же брат, красный повстанец¹.

Большая часть эмиссаров были люди ничтожные, которых имена пропали для потомства и истории. Но были и такие, которым удалось наделать шума и память о которых сохранилась в Польше до сих пор.

Из таких более всего выдвигается после экспедиции Заливского капитан бывших польских войск Симон Конарский, человек замечательный по уму и твердости характера. Будучи той же школы, что и Заливский, также мечтавший перестроить мир посредством ряда революций и также не умевший никому подчиниться и вечно смотревший в начальники всего, в диктаторы, — Конарский искал себе деятельности, искал места, где бы отличиться, стать повиднее².

В то время как Заливский сочинял свой поход в Польшу, составилось в Италии особое революционное общество, под именем *Юной Европы*, потом *Юной Италии*, считавшее своим главой Иосифа Мадзини. Это общество затеяло экспедицию против Савойи, куда вовлечено множество поляков, и всеми войсками командовал тоже поляк, генерал 1830 года Раморино.

---

¹ Wizerunki polityczne dziejow Panstwa Polskiego. T. XXIX Bibliot. Pisarz, Polskich, Lipsk, 1864. S. 154.

² Вот ее программа, оглашенная при первом номере: «Предпринимаемая газета будет посвящена счастью северо-восточных народов. В первых номерах она коснется следующих предметов: Взгляд на общее положение Европы; Назначение Польской эмиграции; О религии; О мешанах Польши.

Конарский, не приискавший еще для себя соответственных занятий, бросился в эту экспедицию. Судьба его известна: Раморино отступил (в феврале 1834 года), войска его разбрелись. Общество, управлявшее всем этим движением, открыто. Члены его подвергнуты арестам, кто не успел бежать; а полякам, пребывавшим в Швейцарии, тамошнее правительство предложило выехать. 30 человек взяли паспорта немедленно; потом выехало еще 50. Остальные, ядро кружка, который назвался *Юной Польшей*, в соответствии *Юной Италии* Мадзини, решили отправиться в виде особых, новых эмиссаров в Русскую Польшу: посмотреть, не оставила ли по себе каких следов экспедиция Заливского, нельзя ли чего сделать, связать разорванные звенья, сплотить разбитые кружки и вести затем дело спасения далее.

В числе пустившихся странствовать по Польше с такими целями был и Конарский.

Побродив по Царству Польскому, Литве и Руси и встречая везде препятствия и равнодушие, весь этот народ вскоре собрался в Кракове, безопасном в то время приюте всяких повстанцев, где, что ни день, творились разные революционные общества, строились планы за планами и один подкапывал другого. Никакой историк не опишет всех кружков, возникших в Кракове от той поры до наших дней; никто не выйдет из этого лабиринта.

Конарский послушал там всяких толков и криков, представлявших в общем совершенный хаос, ничего не мог понять, ничего вынести оттуда, тем не менее пристать к какой-либо партии – и бежал снова во Францию, в Париж, где польские революционные партии все-таки представляли некоторый порядок, партия отделялась от партии, существовала даже революционная литература. Не решившись, вследствие своего независимого характера и воззрений, подчиниться кому-либо, стать под чьи-либо знамена, Конарский, как чистый поляк, начал думать об основании *своего собственного* кружка и для этого принялся издавать газету «Север» (*Pyłnoc*), другими словами, скликать себе воинство.

Но труд этот был ему не по силам: газета, не имевшая ни сотрудников, ни подписчиков, сама собой остановилась. Сидеть, ничего не делая, когда другие все-таки копошились в своих муравейниках, Конарский по своей живой и беспокойной натуре не мог. Ему нужна была хоть какая-либо деятельность. Как это бывает в подобных случаях, когда человек ищет себе усиленно занятий, сочиняет их, если они не сочиняются сами, Конарскому, при разговорах с лицами, прибывающими из Польши, стало казаться, что там после его отъезда многое переменялось, что семена, посеянные им и прочими эмиссарами, дали свой плод, вследствие чего можно кое-что сделать.

Ко всему этому, ко всем фантазиям, которыми были тогда полны головы многих эмигрантов, присоединилась еще и любовь: Конарский оставил на Литве коханку. И вот, переговорив с несколькими кружками и получив благословение *Демократического общества* (которого прямым агентом никогда не был), Конарский снова помчался в Русскую Польшу: готовить ее к новому, неопределенному по времени восстанию, делать что-то такое, чему бы и сам, положив руку на сердце, не приискал настоящего названия.

В ту пору *Демократическое общество* (1835) стало более и более подчинять себе другие красные кружки и выдвигаться в эмиграции вперед, как бы главная, предводительствующая партия. *Общество Польских карбонаров*, *Общество права человека и гражданина* и другие стали мало-помалу меркнуть и сходить с горизонта. Такими успехами Демократическое общество было обязано энергии и ловкости своих вождей, своему, так сказать, коллективному правительству, из пяти членов, которое заменило тогда начальствующие секции Парижа и Пуатье¹, назвавшись Централизацией – слово, которое долго было употребляемо в Европе неточно и действительный смысл которого знали только посвященные.

Эти вожди, эти члены Централизации были люди образованные и бойкие писаки. Они выпустили в свет множество брошюр, которые читались с жадностью и с трепетом сердца всей молодежью эмиграции и края, чуть-чуть не заучивались

---

¹ Но агитирующие секции по городам, равно в Париже и Пуатье, все-таки остались.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

наизусть и с течением времени (в соединении с другими элементами) образовали тот Народный катехизис, который, не будучи писан никаким каноником, имел и донныне имеет силу писаного религиозного устава для значительной массы поляков, жил и действовал долго и еще будет действовать в грядущих поколениях.

Парадоксы, построенные с извращением исторических фактов предводителями сказанного кружка, были парадоксы самого заманчивого, эффектного свойства. Они нравились всем, и своим, и чужим, и в вихре этих красивых и звонких фраз закрутился не один солидный и крепкий ум. Надо отдать справедливость Централизации: она работала сильно и неутомимо. Она, а никакая другая партия, ворочала делами всех заговоров с того времени вплоть до наших дней. Это был враг, как враг, всех трех правительств, разделивших Польшу. Остальные кружки, взятые вместе, не сделали и половины того, что сделало одно Демократическое общество.

Первый, основной парадокс, ставший польским *Credo*, который поляки надеялись навязать целой Европе, был такого свойства:

«Польша, слив воедино десять веков тому назад многие близкие друг к другу по языку, происхождению, нуждам и характеру поколения, развивала, в пределах известных сословий, демократическую идею славянства, подавленную в иных племенах чуждой властью и насилием, и одна защищала европейскую цивилизацию от напора всякой азиатской дичи: татар, турок и москалей».

«Когда же освобожденная человеческая мысль объявила на Западе войну старому порядку вещей, в защиту которого восстал могущественный абсолютизм Севера, Польша, как передовая стража европейской цивилизации, верная своему призванию, вступила в борьбу и в этой борьбе погибла. Абсолютизм окреп и усилился на ее могиле. Спасение Европы было отложено. Отсюда следует, что дело воскресения Польши необходимо для всех, есть дело не одной только Польши, а целого человечества».

Этими мыслями начинался знаменитый *Манифест* Демократического общества 1836 года, переведенный вскоре

на три главных европейских языка: французский, немецкий и английский.

Конечно, тут подразумевалось, что все нации или хоть то в нациях, что стремится к истинной свободе, должны всемерно помогать Польше, думать об ее воскресении, как бы о своем собственном деле, стараться восстановить эту «передовую стражу европейской цивилизации».

Но это только подразумевалось. На самом деле помощи ни у кого не просили. Практические умы вождей очень хорошо понимали, что Европа не протянет им руки, когда вспыхнет революция, что это не в ее интересах, что Польша должна встать своими собственными силами. И потому строился еще такой парадокс:

«Всех поляков 20 миллионов (!). Если поднять всю эту массу, то можно ниспровергнуть коалицию всего света. Но как поднять? Как вдохнуть во всех одну отважную, доблестную душу? Нужно работать усердно, неусыпно, день и ночь, энергично; просвещать темных, все отдать народу и всего достигнуть единственно народными силами; очиститься от всех старых грехов, сделаться достойными великой роли, которую еще должна разыграть Польша перед вселенной – и тогда...»

Вот что главным образом лежало в основании принципов Демократического общества¹. Манифест не трогал некоторых чувствительных струн Европы и захватов. Последующее время наслоило много лишнего. Воображение новых, менее осторожных и церемонных сочинителей полетело гораздо дальше. В Европе новые авторы принципов уже не только не нуждались, но считали ее просто неспособной помочь такому делу, как освобождение Польши с другими, истыми славянами, слабой, одряхлевшей, измученной страшными трудами, которые она понесла для человечества. В русском правительстве усматривался главный враг, с которым никак не могло быть примирения, даже временно-го, лицемерного. Напротив, каждый поляк и каждая полька должны питать к нему постоянное недоверие, презрение и ненависть. «Матери в своих семьях, ксендзы на амвонах и

---

¹ Весь манифест можно видеть в сочинениях Гельтмана (Demokracja Polska па emigracyi. Bibl. Pisarz. Polskich, XXXV. S. 3).

во время исповеди, учителя в школах, все и везде должны научать этому один другого, напоминать один другому об этих не то что чувствах, но священных обязанностях всякого поляка»¹.

Конарский, наслушавшись принципов Демократического общества, вскоре после его отбытия высказанных в *Манифесте*², помня кое-что из преданий *Юной Италии* и *Юной Польши*, наконец, набравшись кое-каких идей в Краковском кружке *Союз польского народа* (*Stowarzyszenie Ludu Polskiego*)³ – пустил все это под собственной своей окраской сперва на Волыни, потом в некоторых частях Литвы. Он работал горячо и страстно, распространяя революционные брошюры, вербовал людей для будущей революции и заставлял их присягать по форме присяги Союза польского народа. В заключение он даже завел типографию, где печатал мелкие воззвания.

Централизация, узнав о таких решительных действиях Конарского и видя, что он чересчур горяч, увлекается ненужными подробностями, забывая о главном, действует иногда, как поэт, даже как ребенок, послала в край особых агентов отыскать счастливого проказника, постараться склонить его на свою сторону и ввести в комбинации, которые тогда замышляла. Но посланные его не нашли, и Конарский до конца руководствовался или советами друзей, или собственными фантазиями, будучи в главном все-таки ратником партии, которая его искала. Отыскать Конарского было нелегко: он укрывался под разными именами и одеждами по хуторам помещиков, по глухим монастырям, и наша полиция не знала об нем до тех

¹ Авейде, I, Юбидалее. Русский архив, 1870. S. 247–251.

² Конарский отправился весной 1835 года. Манифест выдан в начале 1836-го.

³ Приказ Паскевича военному генерал-полицеймейстеру действующей армии о разыскании Конарского носит дату: 5/17 сентября 1835 года № 1171. Но была еще прежде общая бумага, в виде письма, написанного по приказанию фельдмаршала к тому же лицу (генерал-майору Стороженке) от 21 июня (Зиюля) 1835 года, № 801, где перечислены все выехавшие тогда из Франции эмиссары: Луциан Платер, под именем Лоренса (Laugence), Михайло Карский (он же Донский), Наполеон Эгерсдорф, Леон и Адольф Залесские, Михаил Ходзько и Симон Конарский, с обозначением их примет. Приметы Конарского означены так: «Лет 25–30, роста среднего, волосы светло-русые, брови светлые, глаза голубые, нос короткий, рот обыкновенный, усы и гишпанка русые, лицо круглое, здорового цвета; тучен. Псевдоним: Гайпельман или Гагельман».

пор, покамест Паскевич не получил известий из Франции о работах польских эмиссаров в нашей Польше, с прежними ее провинциями, причем сообщались имена и приметы главных, в том числе и Конарского. Само собой разумеется, что сейчас начались розыски. Конарский счел почему-то более удобным перебраться в это время на Литву под именем Януша Немравы (Неловкий), где пропагандировал с такой же смелостью.

В начале 1837 года государь был проездом в Вильне. Когда тамошний генерал-губернатор, князь Долгорукий, стал докладывать его величеству о совершенном спокойствии края, император заметил: «А Конарский?» – и показал депешу, свидетельствовавшую о работах Конарского с его друзьями в Литве.

Поднялась новая скачка всевозможных полицейских агентов. На многих почтовых станциях были посажены особые наблюдатели, которым приказано всматриваться во всех проходящих и проезжающих. Друзья советовали Конарскому скрыться. Один, даже почти насильно, подвез его на своих лошадях к границе; но Конарский находился тогда в положении игрока, которому сильно везет. Он уже верил в свою звезду и не сумел вовремя положить карты. Посмотрев на черту, за которой ожидало его вероятное спасение, он повернул назад, в край, – и очутился на так называемых Свенто-юрских контрактах в Вильне, где едва не попался. Это было весной 1838 года. Какой-то студент Виленской Медикохирургической академии вывез Конарского по Минскому тракту, но на станции Кржижовице оба они были арестованы и отправлены в Вильну, единственно потому, что Конарский, во время перемены лошадей оставшийся на телеге, чересчур прятал свое лицо в воротник шинели¹.

В Вильне очень скоро дознались, *кто это*. Началось следствие, которое обнаружило довольно обширный заговор, обвинявший Литву, юго-западные губернии и Царство Польское и имевший правильную организацию, народную кассу и типографию. Он носил название: *Союз народа польского или Конфедерация блюстителей польской народности* (Stowarzyszenie Narodu Polskiego, czyli Konfederacya strozow Narodowoosci Polskij)².

---

¹ Цитируется брошюра. С. 18. Авейде говорит, что за ними была отправлена погоня. I, 166.

² Присягу этого общества см. в приложениях.

Множество разного народу было привлечено к этому следствию и посажено под арест, строгий в Варшаве и до невероятности снисходительный в Вильне. Сам Конарский содержался в бывшем здании Базильянского монастыря, где содержался, четырнадцать лет перед тем, Мицкевич с товарищами Филаретами и Променистыми¹.

Многие караульные офицеры, поляки и русские, всячески облегчали Конарскому его заточение: брали от него записки и передавали другим арестантам или кому-нибудь в городе. Конарский, незадолго до казни, написал стихи, где в одном месте отказывается от Бога и неба, но кончает четверостишием, смысл которого таков: «В этой келье пережил я страдания всех сердец, отсюда видел Польшу, залитую морем слез... Там не думал о жизни, здесь не думаю о душе... Только Польшу спаси, о Господи!»

Потом написал он письмо к матери, где опять становится верующим и богобоязненным католиком. Как-то случилось, что то и другое дошло до потомства.

В день его казни, 13 февраля ст. ст. 1839 года, огромные толпы народа облегали кругом, с самого раннего утра, лобное место за Троцкой заставой.

Осужденного привезли в санях, в 12-м часу дня. Всю дорогу он бросал народу разные отрывочные фразы, а в одном месте вынул из саней ногу и тряхнул цепями. Раз жандармы, скакавшие около саней, загородили его от народа, и он сказал: «Посторонитесь, братцы, добрые люди хотят меня видеть!» Перед тем как должно было остановиться, Конарский произнес: «Какая толпа! Умираю, точно король!»

Когда стали надевать смертную рубашу, Конарский обратился к распоряжавшемуся экзекуцией офицеру и просил не завязывать ему глаза, но этого не нашли возможности исполнить. Повязка сбила голубую шапочку, бывшую на голове осужденного, – подарок его коханки Эмилии. Он попросил кого-то, чтобы ее надели опять, и это было сделано.

Лишь только труп упал, массы людей, вероятно сговорившись заранее, бросились к столбу, кололи и резали его

---

¹ Об этих и других партиях в Вильне см. *Мохнацкий М. ...*Т. II. Познань, 1863. С. 201.

ножами, чтобы иметь на память куски дерева, к которому был привязан Конарский. Кто-то вырвал из рук квартально-го голубую шапочку и пропал с ней в толпе. Похитили из са-ней верхнюю одежду расстрелянного. После ходили слухи, что труп, зарытый на месте казни, был вырыт; а из цепей дамы поделали себе кольца. Рассказывалось вообще много странно-го и невероятного. Следственные комиссии, сменявшие одна другую, были сбиты с толку. Одна как бы нападала на след нового заговора, другая находила такие открытия излишним увлечением следователей. Тюрьмы то наполнялись арестан-тами в такой степени, что не знали, куда сажать, то пустели снова. Из всего написанного об этом времени (тотчас после казни Конарского) официально и неофициально едва ли из-влекут когда-нибудь настоящую истину.

II

На всем пространстве Польши царствовало внешнее спо-койствие несколько лет сряду; тем не менее подземные силы работали своим чередом под руководством той же Центра-лизации, работы которой, в соединении с Демократическим обществом, тогда образовавшимся, клонились к тому, чтобы подготовить Польшу к той общеевропейской революции, о которой говорилось между всякими революционерами дав-но и которая, по их расчетам, могла вспыхнуть весьма скоро.

В 1839 году агенты общества, управлявшие секциями и округами, получили приказание Централизации переформиро-вать эти секции и окрути из ведущих пропаганду на граждан-скую и военную иерархию. Между 1840 и 1841 годами эта ор-ганизация стала мало-помалу принимать определенный образ. Прежде других устроились: Великое княжество Познанское, Западная Пруссия, Вольный Краковский округ, с воеводством того же имени в Царстве, Галиция по реке Сан и незначи-тельная часть Малороссии. Позже остальная часть Царства, Жмудь, небольшая часть Литвы и Восточной Галиции.

Иосифу Высоцкому, хорошо образованному офицеру быв-ших польских войск, Централизация предложила открыть в Па-риже курс военных наук для молодых поляков, а Мирославского

просила быть ему вроде помощника по той же кафедре. Мирославский, до тех пор воевавший с Централизацией в журналах целых семь лет, со времени ее основания (1834 – 1842), и укоряемый ею и многими другими партиями за то, что променял родной язык на французский, охотно согласился помогать Высоцкому: во-первых, потому что, в сущности, был дитя тех же принципов, а во-вторых, смертельно любил рисоваться перед публикой, ораторствовать, учить. Ему как бы польстили, сделав его профессором молодежи. Он стал бойцом Демократического общества, бойцом Централизации, какого она еще и не видала, бился за нее против всех кружков и в ноябре 1842 года принят в члены Демократического общества, в секцию Парижа¹.

Между кружками, желавшими ускорение взрыва, был опаснее всех кружок так называемых Плебеев (Plebejuszw) под начальством Стефанского, в Тарновском округе Восточной Галиции. Он состоял по преимуществу из ремесленников. Все усилия Централизации подчинить его своей власти, а равно подобный ему кружок в Царстве Польском, ксендза Сцегенного, были тщетны. По крайней мере, еще Стефанский с ремесленниками только шумел и грозил подняться, но не поднимался; а Сцегенный со своими крестьянами, вопреки советам чуть ли не целого Царства и множества друзей в Галиции и Познани, произвел возмущение в Кельцах (1844), кончившееся для него и для его сообщников очень печально: его подвели под виселицу и сослали в каторжную работу, а подчиненных ему крестьян (13 человек) наказали шпицрутеном и тоже сослали в каторжную работу².

Общество (внутреннее, в краю) и его провинциальные секции на некоторое время сблизилась и выказали род повиновения уполномоченным агентам Централизации, между которыми был даже и член ее, Малиновский, человек серьезный, осторожный, враг всего хаотического и бесхарактерного. Он жил тогда в Прусской Польше и видел хорошо, что заговору до надлежащей зрелости еще далеко и о взрыве мечтать может разве какой-нибудь безусый мальчик.

---

¹ Его же показания в Познани 10 октября 1846 года.

² Воззвание Сцегенного, в виде послания папы Григория, см. в приложении 7.

К концу 1844 года, едва полиции трех держав попритихли, кружки нетерпеливого свойства снова начали бурлить и выходить из повиновения Централизации. Кроме Стефанского, опять отделившегося, явился довольно сильный и влиятельный кружок какого-то Мальчевского и хотел забрать все в свои руки. Малиновский, пробившись с ними понапрасну, бросил все и уехал в Версаль – тогдашнее местопребывание Централизации. На заседании, назначенном по поводу его возвращения, был обсуждаем вопрос: «Что же теперь делать? Оставить ли несогласные с Демократическим обществом партии на произвол судьбы и самим продолжать работы в том же духе, то есть готовить материалы к возможно скорой революции, или поискать еще средства к примирению с партиями и удержанию всей массы заговорщиков в зависимости от Централизации?»

Мнение Малиновского было: бросить несогласные партии, исключить их из союза. Но Альциата возразил, что эта мера не годится, потому что приведет к несвоевременному и бестолковому взрыву, который, без сомнения, потрясет и общество, погубив множество преданных людей, и остановит его действие на самое неопределенное время. Он добавил, что увлекаться в негодовании на такой ход дел и терять от этого энергию несправедливо, что иначе заговор идти не может; что это нетерпение иных весьма естественно, но что они все находятся под гнетом наблюдающих за ними правительств, под страхом быть ежеминутно открытыми. Взглянув, стало быть, на отпадение товарищей с этой снисходительной точки зрения, необходимо (полагал Альциата) еще раз воззвать к примирению: обещать скорый взрыв и действительно идти к нему всеми силами, чтобы это было для всех заметно; и, если посчастливится дойти хотя до приблизительного окончания приготовлений, подать знак.

С таким мнением большинство согласилось. На стороне Малиновского оказался только один приятель его Якубовский, такой же осторожный революционер, если только еще не больше. Малиновский подал в отставку, сделавшись, по правилам Демократического общества, обыкновенным его членом. (Выйти совсем из общества он не мог.) На его место

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

был предложен Мирославский – в виде искры, которая должна была воспалить подготовленные мины, оживить затянувшиеся работы¹.

Действительно, если искали такой искры, трудно было найти что-либо соответственное. У Мирославского давно строились в уме планы, как подвинуть дело вперед. Сверх того, он был тех убеждений, «что даже самые ошибки, самые бесплодные революционные предприятия (как, например, Заливского), если только поведены по плану предводительствующей школы, принесут этой школе несравненно более выгод, нежели спокойная десятилетняя пропаганда»².

В Централизации все изменилось. Из тихой и медленной она стала бурной и стремительной. Мирославский как оратор, как человек живой и неуступчивый легко забрал в руки своих спокойных и миролюбивых товарищей. Он сделался чем-то вроде бессменного председателя Централизации. Чтобы удовлетворить начертанному плану, то есть вести заговор к скорейшему взрыву и расположить нетерпеливых в свою пользу, Централизация разослала приказание по главным секциям, чтобы они изменили, как можно поспешнее, свои комитеты на особую военную организацию, правила которой тут же и сообщались. Уполномоченные агенты Централизации³ принялись работать взапуски друг перед другом. Все это были сильно-красные, исключая одного Гельтмана, управлявшего заговором в княжестве Познанском и в некоторой части Русской Польши. Он был довольно умеренный человек, и ему вверена была высшая власть – заведование всеми другими частями. Он один сдерживал кое-как необузданных.

В Русской Польше, вследствие арестов по делу ксендза Сцегенного и усилившихся потом наблюдений за всяким беспокойным народом, военная организация заговорщиков долго не устанавливалась. Литва помнила еще казни Конарского, Волловича и последовавшее затем опустошение в рядах союза и неохотно шла на удочку агентов

¹ Все это из показаний в Познани, 10 октября 1846 года, и из статьи Альциаты: Wyradki w 1846 roku, Biblioteka Pisarzy Polskich, t. XXIX.

² Показания 9 октября 1846 года в Познани.

³ В Галиции действовал Виснёвский, в Малороссии Руфин Петровский.

Версаль. Малороссия никогда не обещала много повстанцам. Только Вольный Краковский округ с некоторой частью Галиции и Познанского княжества завели довольно скоро кое-какую военную организацию и, вообразив, что дошли до конца, обнаруживали сильное нетерпение. Гельтман дал знать товарищам в Версаль, что он еще ладит с прежними кружками, но явилось много новых, которые никого не хотят слушать и рвутся к восстанию; что необходимо поэтому прислать в край военного человека со значением, кто бы мог или задержать движение, или (когда найдет это неудобным) направить все таким образом, как будет лучше в военном отношении.

Централизация отправила в Познань Мирославского, чтобы он осмотрел положение дел с чисто военной точки зрения и решил, отвечают ли средства заговора тому нетерпеливому стремлению, какое вообще выказывается в партиях.

Мирославский прибыл в Познань в начале марта 1845 года, увиделся немедля с Гельтманом и узнал от него следующее. Партия Мальчевского, будучи скомпрометирована, не находила для себя иного выхода, как сблизиться с Демократическим обществом. Ей последовали в княжестве Познанском так называемые *Старые* и *Плебеи*. В Галиции сторонники *жизненной правды* (*prawda zywotna*) и *федерация* тоже изъявили готовность слушаться военного вождя. Из Варшавского комитета пришли довольно благоприятные известия со стороны примирения советов, но организация (писали) там еще все слаба. Малороссия давала знать, что инициативы в деле восстания взять на себя не в состоянии, а готова идти в след за Восточной Галицией во всем, что бы последняя ни предприняла.

Взяв все это во внимание, Мирославский с Гельтманом постановили не начинать ничего до 1846 года, а продолжать дальнейшие приготовления к возможно скорой революции: приобретать сочувственных людей во всех сословиях, собирать деньги и делать другие необходимые восстанию запасы.

Приобретение людей не представляло далеко тех затруднений в Прусской и Австрийской Польше, как в Царстве. Страх имени Паскевича, Варшавской цитадели, Сибири и солдатской

карьеру на Кавказе или в Оренбургских батальонах был тогда таков, что охлаждал горячность самых отчаянных. Командовать будущими фантастическими отрядами повстанцев в Русской Польше охотников было немного. Печальные опыты Завиши, Дзевицкого и других были еще у всех в памяти. В особенности трудно было найти командующего центральными силами Царства, то есть в Варшавской губернии. Об этом Централизация рассуждала не раз еще до Мирославского и потом при Мирославском. Наконец из рапортов Познанской организации было усмотрено, что есть в виду на это место человек с именем, со средствами и кое-каким влиянием в обществе, даже немного военный, только, к сожалению, *белый*, который (как все эти так называемые попросту *панки*) привык вести жизнь совершенно праздную, среди охот, конских скачек, ярмарочных съездов и женщин, не думая ни о каком отечестве, — и еще менее о каких-либо революциях.

Речь была о богатом познанском помещике Брониславе Домбровском, сыне известного генерала наполеоновских времен, «воеводы Царства Польского» Генриха Домбровского, имя которого вошло в народные песни и патриотические куплеты. Этот Домбровский был женат на польке самых храбрых свойств, из дома князей Лонцких, которая, вскоре по выходе замуж (1842), получила от отца в заведование прекрасное имение в Станиславском уезде Варшавской губернии Куфлев¹, что заставило молодую чету переехать на некоторое время в Варшаву, представиться наместнику и сделать другие знакомства. Домбровские были приняты в Замке и во всех русских домах высшего круга самым лучшим образом: поддержка польской аристократии лежала, как известно, в системе управления Паскевича краем. Люди, стоявшие во главе заговора, взяли во внимание такое положение вещей. Связь Домбровских с высшим обществом в Познани и в Варшаве, большие имения там и тут, естественно, позволяли владельцу переезжать границу, когда вздумается, не возбуждая никакого подозрения властей.

---

¹ В Познанском княжестве Домбровский имел деревни: Бронислав и Мончники, с фольварками, и Винную Гору, отданную ему в распоряжение, на известных условиях, матерью.

В то время когда Централизация нашла командующего на самый важный пункт, во всех организациях уже не церемонились не только с белыми, но и ни с кем. Уже в 1843 году начали некоторые знакомые Домбровского в Познани подшучивать над его немецкими симпатиями¹, дружбой с русскими и прусскими офицерами. Потом он получил несколько анонимных писем, исполненных угроз; а в начале 1845 года ему объявили напрямик, что он *должен* делать то же, что делают все, то есть нести свои силы и средства на помощь воскресающей Польше.

В самом деле, около этого времени заговор охватил уже все, что только было польского в Европе. Домбровский слышал на базаре, в баварской гостинице и других публичных местах Познани довольно открытые рассуждения поляков разного цвета о приготовлениях к самому обширному восстанию, имеющему конечной целью освобождение всей Польши и восстановление ее границ 1772 года. Не только демократические кружки, но и вся аристократия сочувствовала

---

¹ По воспитанию Домбровский был более немец, нежели поляк. Когда отец его умер, ему было только два года. Мать его, урожденная Хлаповская, жила до того времени то в Познани, то в Берлине, или в имении Винная Гора, переехала на житье в Варшаву и воспитывала сына у себя дома, нанимая разных учителей. Когда ему было 13 лет, они выехали оба в Эмс, на воды, потом на зиму в Дрезден. В то время вспыхнула в Варшаве революция (1830), и Домбровские уже не воротились в Царство. Мальчик был отдан в Дрездене в частный пансион Блахмана, откуда перешел в Лейпцигский университет (1834) на камеральные науки, но пробыл там всего полгода, потому что, приехав на вакацию, летом 1835-го, в Винную Гору, где жила мать, Домбровский ужаснулся ее своими разбитными, буршевскими манерами; при том ей написали, что он участвовал в каком-то поединке и сидел под арестом. Это заставило ее перевести сына в Берлинский университет, где пробыл он тоже недолго. Его тянуло в военную службу, и весной 1836 года он был записан охотником в гвардейскую артиллерийскую бригаду, стоявшую в Берлине, служил в ней всего до зимы 1837 года и уехал потом хозяйничать и охотиться в имения Бронислав и Мончники, Схродовского обвода, Познанского княжества, завещанные ему отцом. С осени 1838 года Домбровский живет то в Дрездене, то в Берлине, в самом высшем обществе. В том же году он был представлен ко двору и снова приглашен на службу, с назначением подпоручиком в Познанский ландверский батальон. В 1844 году вышел в отставку и вел с тех пор свободную жизнь то в Русской, то в Прусской Польше, устраивая с приятелями охоты, конские скачки и кутежи. (Показание его в Познанской цитадели, 9 и 10 сентября н. ст. 1846 года.)

этому предприятию. Уже все ближайшие родственники Домбровского по жене: Лонцкие, Бнинские стали на сторону заговорщиков. В имении Лонцких, Свинярах и у Бнинского в Самострелах происходили даже революционные съезды, как это бывало всегда – под видом охот. Такие же съезды бывали после в *Джокей-Клубе*, основанном под Шверином Домбровским, в сотовариществе с помещиками: Сулковским, Альфонсом Тачановским, Михаилом Мыцельским и Венсерским. В *Охотничьем клубе*, основанном помещиком Здембинским в Чевуеве, под осень 1845 года, учили молодежь ездить верхом, чем заведовали Курнатовский и частью Домбровский, как известные знатоки этого дела. Происходили и другие упражнения, с целью подготовить людей для военной службы в недалеком будущем.

Домбровский, белый, праздный, лентяй, думавший до того времени только об охотах, лошадях да красивых женщинах, решительно ничего не читавший, никаких газет и журналов не бравший в руки, не заметил, как его подхватила и понесла куда-то революционная волна, и он, сам не зная как, был уже полуреволюционером: говорило с сочувствием о том же, о чем говорили все; мечтал о независимой Польше, о месте, которое в ней будет занимать, читал разные листки, являвшиеся из эмиграции, «Пшонку» и другие газетки. Прочел историю Мохнацкого и Мирославского о революции 1830–1831 годов, твердил патриотические стихи. В мае 1845 года был он в имении своих родственников, в Букском округе, где встретил человека одних с ним лет, то есть около 30, который рекомендовался ему помещиком Ковальским, прибывшим в ту сторону из Парижа по участию в наследственном процессе Опалинских, наделавшем в то время изрядного шума. Они разговаривались. Ковальский очень скоро очаровал Домбровского и даже заинтересовал своей особой. Так как тогда вообще ходили слухи о появлении множества агентов-эмигрантов между поляками всех захватов, то Домбровский решил, что это также агент, прибывший в те места, конечно, не ради процесса Опалинских, а с другими целями. Это было действительно так: Ковальский был не кто иной, как сам Мирославский. Он объезжал различные округа прусского и австрийского

захватов, всматривался в положение их повстанских дел, собирал всевозможные сведения, делал знакомства, приобретал, где было удобно, людей, сочувствующих восстанию, и к осени того же года (1845) воротился в Версаль. Он не находил заговора готовым к восстанию, но тем не менее видел, что все напряжено очень сильно, жертв принесено довольно, довольно также и скомпрометированного или хотя полускомпрометированного народа, то есть разорвавшего прежние связи с немцами и наблюдаемого полицией; взрыв мог случиться сам собой, без разрешения высшей власти – Централизации. А потому он считал необходимым на всякий случай заняться приготовлением плана военных действий и стал над ним работать вместе с другим членом Централизации – генералом Высоцким.

Тогда же решали они другой, не менее важный вопрос – денежный и вопрос о правильной доставке оружия и снарядов.

Уезжая из Прусской Польши, Мирославский сделал распоряжение, чтобы всякий член организации припас себе оружие, какое может, и хотя небольшое количество пороху – на первые действия. Теперь, в Версале, положено было налечь на всех богатых поляков, заставить их, так или иначе, подписать на пользу восстания значительные суммы, часть которых немедленно отправить в Англию и другие благонадежные пункты, где можно заключить контракты на поставку оружия, пороху и всяких военных снарядов, секретным образом, в различные места всех трех захватов. Для ведения всех этих дел послан был в Познань член Централизации – Альциата. Помощником ему указан выехавший туда же немного прежде бывший член Централизации Малиновский.

Оба они были плохие революционеры, к тому же не разделяли нисколько нетерпение товарищей и находили заготовление оружия в особенности несвоевременным. Малиновский, не сделав ничего, воротился в Версаль и описал бывшим товарищам положение заговора в довольно печальных красках. Он утверждал, что приступить теперь к восстанию будет в высшей степени неосторожным шагом. Его мнение поддерживал друг его, член Централизации, Якубовский. Они до того спорили с остальными членами, в особенности с Мирославским, о необходимости ждать еще и, может быть, ждать долго, что

Якубовский в заключение споров сказал, что подает в отставку. Так как близился срок выборов (29 ноября), то не нашли причины удерживать его на службе и назначили на его место Гельтмана, который жил тогда в Познани, по-прежнему управляя тамошней организацией. Ему написали, чтобы он, не медля, ехал в Версаль. В половине декабря (1845) получено было от него письмо, которым он уведомлял Централизацию о крайне критическом положении их дел в прусском и австрийском захватах. «Все революционные кружки, будучи недовольны нерешительностью высшей власти (Централизации), пришли в брожение. Плебеи, стоявшие недавно на стороне порядка, теперь снова отделились и кричат, что Централизация питается туком глупцов, поддающихся ее деспотизму, а кто не так глуп, должен искать себе другого выхода... Централизации-де легко сидеть в Версале и ждать осуществления своих идей, какой-то неслыханной, возведенной в перл создания, революции, – хотя бы тысячу лет сряду; а каково ждать этого массам народу, под чутким оком трех полиций, когда заговор охватил большие пространства и того гляди прорвется, и тогда все пропало, все жертвы и усилия стольких лет!.. Глава кружка Плебеев, Стефанский, счел нужным для успокоения умов назначить общий съезд всех членов в Тарнове и попался в руки полиции. Последовало множество арестов. Опасность грозит всему заговору».

Уведомляя обо всем этом Централизацию, Гельтман находил, что «более ждать нельзя» и приглашал Мирославского уже единственно затем, чтобы он «принял начальство над заговором и вел его к взрыву в самом непродолжительном времени средствами, какие признает за лучшие по прибытии на место, какими хочет, лишь бы вел».

Подобное этому письмо получено было и от Альциаты. И он звал Мирославского на место действий.

Мирославский выехал и прибыл в Познань 31 декабря н. ст. 1845 года, но не застал уже Гельтмана: отыскиваемый полицией, он принужден был скрыться. Сведения, собранные наскоро разными путями, показали Мирославскому, что заговор далеко еще не в таком положении, чтобы можно было начинать дело. Царство Польское и Малороссия находились, относительно организации, в том же

виде, как были в начале года, то есть почти не имели ничего. О Литве прибывший оттуда эmissар Рер объявил будущему военачальнику и, может быть, диктатору, что там «все спит; молодежь глупа и неразвита; что его принимали местами как шпиона. Если можно где начать действия, так разве между Бугом и Щарой»¹.

Мирославский занес это в свою памятную книжку и принялся усиленно работать в пользу восстания: мирил партии, собирал деньги, пополнял пробелы в организациях, писал множество инструкций, посылал курьеров, эmissаров. Местопребывание его, беспрестанно менявшееся, конечно, покрывалось глубочайшей тайной и было известно весьма немногим.

Первые деньги, 2100 талеров, добытые у помещиков и капиталистов польского происхождения разными бесцеремонными средствами, были отправлены с Либельтом и Альциатой во Францию для найма хороших офицеров и отпечатания 1000 экземпляров Военного устава. Познанская организация обещала достать еще 10 тысяч талеров, но и это, если бы было действительно собрано, составило бы, по признанию самого Мирославского², только *третью часть всей суммы, необходимой на открытие первых военных действий*. Между тем и ее не было собрано; хаос в партиях был страшнейший, а восстание все-таки предпринималось.

Разные отчаянные кричали, что «единственный способ привести все противоречие к одному знаменателю – это барабан и пушка!».

Фраза была в духе вождя. Он повторил ее несколько раз сам и уже не слушал никаких возражений, а мчался вперед, закусив удила, как борзый конь, слышавший звук военной трубы.

---

¹ Показания Рёра, который был арестован во вторую свою поездку в Литву, в городе Кнышине Гродненской губернии, 25 февраля 1846 года. Паскевич подтверждал: «Прогнать его сквозь строй через 500 человек два раза и потом сослать в каторжную работу в рудниках на 12 лет». Мы еще с ним встретимся.

² Показания Мирославского в Познанской цитадели, 11 октября н. ст. 1846 года. Также статья: *Sprawa wiozniowPoznanskich 1846–1848*. Т. XXIX. Bibliot. Pisarzy Polskich. S. 207.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В самых первых числах января н. ст. все высшие члены познанской организации были приглашены Мирославским выбрать членов будущего народного правительства, причем со стороны приглашавшего были употреблены все меры, чтобы выбор более или менее отвечал взглядам и настроению Централизации, точнее сказать, самого Мирославского, то есть чтобы выбранные были люди демократических стремлений, а если можно – и происхождения.

Мирославский первый предложил от эмиграции Альциату. Краснее его из влиятельных и известных представителей эмиграции тогда в Познани никого не было. Возражения не последовало, и Альциата был выбран.

Некто Владислав Косинский, человек весьма красных свойств и с большим влиянием в целой Прусской Польше, предложил от Познанской организации доктора Либельта, и этому никто не противился.

Затем выбрали самого Мирославского начальником всех военных операций с обещанием повиноваться всем его распоряжениям, какие только он признает в военном смысле лучшими.

Так как депутатов от Краковского Вольного округа, а равно от Галиции, Царства Польского и прочих провинций Польши 1772 года не прибыло, то присутствующие решили отправиться в Краков и вызвать депутатов туда, как в более безопасное место. Уполномочие Мирославскому и все прочее, состоявшееся в Познани, было написано на небольшом клочке бумаги химическими чернилами и передано Косинскому, с тем чтобы в случае какого-либо возражения Галициан или иных он вызвал написанное и предъявил.

Около 10 января н. ст. Мирославский с Косинским и еще кое-кто прибыли в Краков (Мирославский под именем Маевского) и целую неделю ждали депутатов из Царства и других мест.

Прибывший наконец из Царства депутатом помещик Меховского уезда Радомской губернии Николай Лисовский объявил, что пославшая его организация соглашается наперед со всеми постановлениями Кракова и Познани.

К этому он прибавил, что Царство встанет, лишь бы показали повстанские колонны из Галиции и Пруссии.

Из Западной Галиции приехал бойкий агитатор Иван Тиссовский¹, в то время поверенный в делах графа Кучковского.

От Восточной Галиции ждали Висневского, а от Малороссии — помещика Подольской губернии Торжевского, но они не явились.

18 января н. ст. было приступлено к выборам. Против происшедшего в Познани никто не возражал.

От Галиции был предложен Тиссовским граф Франциск Веселовский и выбран; но после, под влиянием Мирославского, заменен самим Тиссовским, которого Мирославский считал способнее к революционной службе. Притом, по принципам Мирославского, граф, аристократ, не годился в члены народного правительства. Веселовского назначили главным начальником Галицийской организации.

От Краковского округа и Верхней Силезии был выбран бывший адъюнкт-профессор Краковского университета, Людвиг Горшковский, человек очень хитрый и недоверчивый. Перед выборами он ездил с какими-то секретными планами в Познань, но, по-видимому, не достиг там своих целей и, по возвращении в Краков, был несколько задумчив. Мирославскому не хотелось его, но устранить его он не мог. Все же остальное отвечало его мыслям. Поэтому на последнем заседании, которых было всего четыре, Мирославский сказал весело приятелям: «Теперь подобрали аккорд»².

Срок восстанию был назначен тогда же: 21 февраля н. ст., канун последнего карнавального дня, с субботы на воскресенье.

После этого Мирославский с товарищами снова возвратился в Познань, где на сходбище всех влиятельных лиц заговора были назначены военачальники в разные пункты из местных организаций, так как из-за границы никого не прибыло.

Одним из последних назначили Домбровского. Для него нарочно оставили как можно менее дней до конца, чтобы он не успел обдуматься и как-нибудь не изменил.

---

¹ О прошлом его известно только, что он родом из Тарнова. По окончании курса в Львовском университете он бежал от родителей, в 1831 году, в Царство Польское и поступил на службу в артиллерию Дверницкого, по переходе Дверницкого опять ушел в Царство и до конца восстания служил рядовым в корпусе Рыбинского, с которым и перешел через границу.

² Его показания в Познани 12 октября 1846 года.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вызванный, или сам по себе, он прибыл в Познань из Силезии 1 февраля н. ст. 1846 года и немедленно приглашен к Мирославскому Магдзинским, начальником будущих повстанцев на Жмуди.

Мирославский жил на Фридриховой улице, в квартире учителя Лицеевского, куда вход был через Штиллеровскую ресторацию.

Пройдя темную переднюю, Домбровский с Магдзинским очутились в небольшой комнате с двух окон во двор, где сидели: Мирославский, Рер и Дзвонковский, то есть были собраны только те лица из находившихся в Познани, с кем Домбровскому должно было действовать более или менее сообща.

Так как Домбровский был уже приобретен заговором и отказать ни от какой службы не мог, то Мирославский, после кратких приветствий припомнив ему встречу в Букском округе, сказал: «Вы – наследник имени, которое озарено в польской истории неувядаемой славой; вы – человек с влиянием в высшем кругу, с большими средствами; вам нельзя занять какое ни попало место при тех операциях, которые предпринимает воскресающая Польша: я назначил вас начальником военных действий на правом берегу Вислы, в центре Царства Польского. У вас там значительное имение. Оно даст вам все нужное для восстания на первых порах. Съезды у вас других помещиков, принадлежащих заговору, могут быть съездами на охоту. Людям своим вы откроете тайну, когда вам вздумается».

Домбровский решился возразить, что он – точно наследник военного имени, но сам весьма плохой военный, служил всего-навсего года три, участвовал в нескольких маневрах, между прочим, на больших маневрах 5-го и 6-го корпусов в Силезии, в 1841 году, как ординарец генерала Грольмана, но войны никогда не видал; кроме того, решительно не знает, как приобретать к восстанию людей, и это его чрезвычайно бы затруднило.

«Приобретать вам никого не нужно (перебил Мирославский) : люди есть; вам остается только принять над ними начальство».

После этого разложили карту Польши, издание Энгельгардта, состоявшую из нескольких частей. Мирославский,

отделив от нее то, что было нужно для Домбровского (пространство между Вислой, Наревой, Бугом и Вепрем), стал ему объяснять, что желательно было бы овладеть прежде всего крепостью Ивангородом и городом Седльцами. Если же это окажется невозможным то, обойдя их, нужно поддерживать коммуникацию между Литвой и Жмудью, где начальниками назначаются предстоящие здесь Рер и Магдзинский. Они, если можно, возьмут Вильну, Слоним и Брест; если же нельзя, то, обойдя эти пункты, двинутся на соединение с Домбровским. Когда последует это соединение, Домбровский ведет все три отряда в местность между Сандомиром и Варшавой, где должны соединиться корпуса, имеющие прибыть из Галиции и всех земель левого берега Вислы в Царстве Польском; а равно и отряды из княжества Познанского, под начальством Мирославского – и пойдут на Варшаву.

Когда Домбровский возразил, что поддержка коммуникаций его с Литвой и Жмудью едва ли возможна и, по всей вероятности, он долго не будет знать ничего, что там делают Рер и Магдзинский, последние стали его заверять, что «все это уже обдумано и людей, готовых восстать, весьма достаточно в обеих провинциях».

Домбровский более возражать не стал. Кончили беседу тем, чтобы начальник правого берега Вислы старался держать свои силы в постоянных маршах, над границами: Мазовша, Подлясья и Люблина, пока не придут к нему отряды Рера и Магдзинского.

Рер, которому следовало прежде всех пуститься в путь, предполагал побывать в Куфлеве, где хотел дожидаться прибытия Домбровского для соглашения с ним в некоторых подробностях действий, а потому просил дать ему записку в Куфлев к управляющему. Домбровский дал.

Затем все простились друг с другом. Мирославский настаивал, чтобы они все выехали как можно скорее к местам своего назначения, а Домбровскому заметил, что он, вероятно, не потребует никаких денег.

Так легко, в какой-то запечной каморке, раздавались должности вождей, брались города и крепости, улаживались сложные военные операции!

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Еще поразительнее план военных действий. Вот этот план в том виде, как он набросан рукой самого Мирославского на карте Польши 1772 года, найденной прусским правительством в бумагах главных заговорщиков.

«Пользуясь первым замешательством, которое, естественно, произойдет в правительствах всех трех захватов после всеобщего взрыва, в один и тот же час повстанцы собираются в разных пунктах, каковы суть:

- 1) для княжества Познанского: Бук, Плешев и Рогове;
- 2) для Пруссии: Хелмно, Торунь и Гомбин;
- 3) для Верхней Силезии: Тост над Козлим;
- 4) для Кракова и Галиции: Львов, Краков и Новое Место над Вислой;
- 5) для Подола и Волыни: Константинов, Новгород Волынский и Корец;
- 6) для Литвы и Жмуди: Минск, Вильна и Россиены.

Затем соединяются:

- 1) отряды Великого княжества Познанского, Хелма и Торуня – под Колом;
- 2) отряды Верхней Силезии и Царства Польского – под Ченстоховой;
- 3) отряды из-под Кракова и Нового Места – под Мало-гощем;
- 4) отряды из-под Львова, Константинова, Новгорода Волынского и Корца – под Ковелем;
- 5) отряды из-под Гомбина и Россией – под Ковном. Отсюда оба идут к Гродно, для соединения с Виленским отрядом; наконец вся масса направляется в Слоним, на соединение с повстанцами Минска.

Эти различные части войск должны после того идти к Петркову и Ровно и образовать две армии: западную, заключающую в себе отряды из Великой Польши, Кракова и Галиции, и восточную, состоящую из отрядов Малороссии и Литвы.

Обе армии пойдут, действуя наступательно, к Ивангороду для овладения этой еще неоконченной крепостью. Если это не удастся, оба отряда воротятся к границам Галиции, дабы привлечь к себе там новые силы.

Что касается лиц, кои будут командовать сборными силами Царства Польского, Литвы, Жмуди, Западной Пруссии и Познанского княжества, то назначаются на главные пункты следующие.

В Царстве Польском — помещик Бронислав Домбровский.

На Литве — Иван Рер. На Жмуди — Теофил Магдзинский.

В Западной Пруссии — полковник Михаил Бесекирский.

В княжестве Познанском — майор Людвиг Мирославский¹.

Инструкции этим командующим:

Магдзинский собирает все силы из Шавлей, Телып и России на Жмуди, а также все, что окажется в Восточной Пруссии, и идет под Ковно для овладения этим городом. Затем через Августовское воеводство заходит напротив отряда, собранного Домбровским. Если же взять Ковно не удастся, Магдзинский переправляет свой отряд через Нижний Неман для соединения с Домбровским.

Рер стягивает на Литве все силы между реками Щарой и Бутом; соединяется затем, сколь можно поспешнее, с Августовским и Подляским восстанием и идет к Нижнему Бугу, где поступает в распоряжение Домбровского.

Домбровский собирает под Седльцами всех повстанцев, каких только удастся; соединяется затем над рекой Нуржец, недалеко от Буга, с колоннами Жмуди и Литвы и движется с этой восточной армией к Ивангороду. Здесь соединяется с повстанцами левого берега Вислы, то есть с восточной армией.

Бесекирский стягивает все отряды Западной Пруссии над рекой Дрвенцой, переходит ее, идет через Плоцкое воеводство к Висле, переправляется через нее под Добржином и соединяется затем под Колом с войсками, которые придут из Рогова и Плешева. Если бы все это не удалось, Бесекирский начнет в Плоцком воеводстве оборонительную войну.

Сборным пунктом для Великого княжества Познанского, как сказано выше, будут: Бук, Рогово и Плешов.

Что же до западных обводов: Медзыховского, Мендзыржецкого, Волыптынского, Веховского, Косцянского,

---

¹ С этим чином стоит он в наших официальных документах того времени. Где и как он получил его — неизвестно. Выходя за границу при корпусе генерала Рыбинского, Мирославский был только поручиком.

Буковского, Шамотульского и Познанского, – их сборные пункты за озерами Супя и Непрушова, под Бугом. Начальство над ними примет офицер из эмиграции.

Авангард, состоя из жителей Познани и окрестностей, на пространстве от двух до двух с половиной миль в окружности, под начальством Феликса Бялоскурского, Александра Понинского и Альфонса-Климента Бялковского, старается овладеть Познанской цитаделью. С этой целью познанские повстанцы, в четырех отрядах, каждый с особенным вождем, ударят на цитадель, на артиллерийский парк, гусарские казармы и жилища высших чиновников военного и гражданского ведомств.

Если бой на улицах и баррикадах продолжится, тогда повстанцы из окрестностей, собравшись под прикрытием ночи вблизи города, в виде арьергарда вступают в него. Если все это не удастся, то атакующие отходят к Буку и там пристраиваются к различным отрядам. Тогда уже все силы западного округа составят резервный Великопольский корпус, который притянет к себе, в окрестностях Шрема и Оборников, другие части восточного округа. По занятии двух этих городов и укрепившись в них как можно лучше, равно устроив на Варте хорошую переправу, сказанные силы имеют троякое назначение:

1. Препятствовать войскам, идущим на помощь Познани, проникнуть в этот город и стараться разбивать их врознь.

2. Поддерживать связь с действующей армией на правом берегу Варты, через города Оборники и Шрем; равно защищать эти города, из коих первый должен быть резиденцией властей Великого княжества, а из второго главный вождь посылает приказание на оба берега Варты.

3. Резервный корпус старается атаковать Познанский гарнизон, пока не подошли прусские войска из Померании и Силезии; при появлении же таковых атакует их со всей стремительностью. Если же эти атаки не будут иметь успеха, тогда резервный корпус переходит Варту под Шремом или Оборниками для соединения на правом ее берегу с действующей армией.

Если же удалось бы занять Познань и цитадель ее сразу, тогда первый набор западного округа будет относиться к

действующей армии, на усиление которой со стороны Бука и Познани он потянется от Пыздр. Здесь, при слитии рек Просны и Варты, будет разбит укрепленный лагерь.

Другой набор расположится, при сказанном обороте дел, вокруг Познани, укрепится там и будет защищать ту местность от вторжения прусских войск. Если же ему придется уступить превосмогающей силе, тогда он двинется из княжества Познанского к действующему корпусу войск, с которым сольется в одно целое.

Первые наборы, из обводов Плешовского, Одолановского, Остршешовского, Кротошинского и Кробского, собираются под начальством Аполлинария Курнатовского и образуют маршевую колонну. Для прикрытия этой операции будет произведена фальшивая атака на кавалерию, стоящую в Острове; Курнатовский же проникает в Калишское воеводство и старается занять Калиш, а потом — удастся это или не удастся — поворачивает через Пыздры или Турек на Конин, неподалеку от Кола, дабы здесь соединиться с колонной, которая прибывает из Рогова. Если бы русские войска этому воспрепятствовали, то колонны из-под Плешева и Рогова соединяются недалеко от Пыздр, при слитии реки Просны с Вартой.

В Рогове, между озерами у истоков реки Велны, сойдутся отряды под команду Мирославского, из обводов: Иновроцлавского, Быдгощского, Шубинского, Выржиского, Ходзешинского, Чарнковского, Оборницкого, Венгровского, Гнезненского, Сржощкого, Шремского, Бржесневского и Могельвицкого.

Для того чтобы отвлечь внимание неприятеля от передвижения этих отрядов, а частью для их прикрытия и овладения в то же время некоторыми складами оружия, — исполнять где фальшивые, где настоящие атаки будут следующие лица: Станислав Садовский — на Быдгощ; Альбин Мальчевский — на кавалерию, стоящую в Иноврацлаве, Гневкове и Глинках; Адольф Мальчевский — на Гнезно и, наконец, граф Игнатий Бнинский — на Пилу.

Как только повстанцы всех обводов соберутся под Роговом, Мирославский, произведя им в течение четырех или пяти дней учение, вторгнется в Царство Польское».

Таков был общий план. Частные подробности предоставлялось развивать каждому отдельному начальнику согласно средствам и условиям местности, где кто будет действовать. Так, подробности Галицийских операций оставлены на волю тамошним начальникам, которые были: для восточной Галиции майор Фаленцкий и полковник Каминский; для западной – Высоцкий и Бобинский. Военные операции Малороссии зависели от тамошнего начальника Ружицкого. Некоторые подробности в действиях отрядов Царства Польского согласно с Литвой и Жмудью мы видели из беседы Мирославского с Рером, Магдзинским и Домбровским.

Магдзинский и Рер, получив нужные бумаги и снабженные средствами, какими организация могла располагать, отправились к местам своего назначения, но Домбровский медлил. Между тем за ним зорко следили. Дзвонковский (под именем Козловского) пришел к нему раз и спросил, когда же он едет. Домбровский отвечал, что ему нужно съездить сперва в имение свое Винную Гору повидаться с женой, которая не так здорова, а потом уж он поедет в Русскую Польшу. Он точно отправился в Винную Гору для свидания с женой, которой открыл все и условился с ней, чтобы она тоже перебралась в Царство и наблюдала за ходом дел восстания, а в случае нужды подавала бы необходимую весть или помощь.

Дзвонковский явился к Домбровскому и в Винную Гору и объявил, что едет также в Царство, а потому полагал, что им лучше всего выехать вместе. Так они и сделали.

7 числа февраля н. ст. они выбрались из Винной Горы втроем: Дзвонковский (с паспортом на имя Богданского), Домбровский и его поверенный во всех делах, старый повар Краковский, человек безгранично преданный их семейству. Сначала ехали в своем экипаже до прусской пограничной таможни Стршалкова, потом взяли экстра-почту. В городе Коле Дзвонковский расстался с товарищем, вручив ему большой пакет для передачи варшавскому купцу Степану Добричу, у которого (как он говорил) учреждено центральное бюро революционных предприятий Царства; потом клочок бумажки для передачи помещику Тулинскому, тоже в Варшаве; письмо к брату своему Адаму, в деревне Новый Двор

(Варшавской губернии, Станиславского уезда) и, наконец, письмо к помещику Андрею Дескуру.

Все эти письма, как равно и пакет к Добричу, были писаны химическими чернилами и представляли на вид простую белую бумагу. Даже и самые адреса не были видны. Домбровский сделал на пакетах свои особенные отметки, только ему одному понятные, и пустился в дорогу. Вечером 9 февраля н. ст. он прибыл в Варшаву. Тогда же, по условию, пришли к заставе его люди из Винной Горы, с тремя английскими лошадьми, собственно для употребления во время военных действий; при них, для естественности, находилась старая кобыла, пони и жеребец. Фураж для всех этих лошадей везли на особой огромной телеге, запряженной четверкой дюжих коней, на дне которой помещались, под сеном и кулями с овсом, нужные снаряды и порох. Все это Домбровский, знакомый с чиновником на заставе, легко препроводил в город.

На другой день, 10 февраля, в 11 часов Домбровский пошел к Добричу и передал ему пакет, который тут же был вскрыт и прочтен Добричем в особой комнате. В пакете лежали инструкции Мирославского к окружным комиссарам¹ и разные другие важные бумаги. Была также и рекомендация Домбровского как вождя правого берега Вислы.

Добрич в кратких словах объяснил Домбровскому положение их дел, заметив, что организация сильно расстроена недавними арестами², но все-таки люди есть. Он обещал собрать кое-кого завтра же, дабы потолковать сообща, как и что предпринять. И они расстались.

Домбровский отправился к Тулинскому и передал ему относившийся до него клочок бумаги от Дзвонковского; но Тулинский прочесть его не мог и отдал назад Домбровскому, сказав, впрочем, что служить отечеству готов и от других в патриотическом самоотвержении не отстанет.

---

¹ См. приложение 8.

² Эти аресты были произведены по случаю полученных из Пруссии предостережений, что у нас заговор. Кроме того, было открыто, как говорили, особенное покушение против Паскевича и всех русских на балу, который давало незадолго до нового 1846 года Общество благотворительности в так называемых «редутовых», то есть увеселительных залах театра.

Собранные на следующий день Добричем деятели Варшавской организации были: эмиссар Прусской Польши, берлинский студент Карл Рупрехт, прибывший в Царство как бы для свидания с родителями, которые жили в Бяле (Варшавской губернии и уезда); архитекторский аппликант Михаил Мирецкий; обыватель Тулинский и еще человек до десяти разных мелких чиновников. Они относились к Домбровскому, явившемуся около 11 часов, как к своему начальнику и наговорили ему самых необыкновенных вещей, представляя заговор Царства в более или менее блестящих красках. Особенно говорил много и с увлечением горячий студент Рупрехт. Мирецкий обещал набрать людей в Мацевевицах, где у него много родных, которые помогут делу¹. Но когда Домбровский попросил список всех участвующих, собеседники стали поглядывать друг на друга, и никакого списка не явилось².

Говорили между прочим о том, как приобрести крестьян. Домбровский находил, что самое лучшее обещать им свободу и землю; сказать, что восстание предпринимается с целью воскресить Польшу под правлением демократическим, которое уравнивает сословия, что этого достигнуть можно не иначе, как с помощью всего народа: стало быть, они должны соединить свои силы с помещиками, стать в этом деле их друзьями, так как это дело столько же их дело, сколько помещичье или еще больше.

В заключение рассматривали карту Польши и рассуждали, как действовать, кто откуда пойдет, и читали инструкции Мирославского.

Домбровский ушел домой несколько успокоенный. Дома он нашел приглашение от одной старой своей знакомки, Косовской, которую видал шесть лет тому назад в Самострелах (имении графа Бнинского), где она сводила с ума всю молодежь. Это была женщина поразительной красоты и самая

---

¹ Мирецкий говорил, что крепость Ивангород можно взять, имея кучу смелых и отважившихся на все людей: гарнизон сейчас положит оружие, если бросится на него вдруг.

² Так рассказывал Домбровский в показаниях 14 сентября н. ст. 1846 года в Познани, желая, может быть, скрыть участников. Трудно предположить, чтобы Варшавская организация состояла из той кучки людей, которая собралась у Добрича.

пламенная и отчаянная патриотка. Она приехала из Познани в Царство именно затем, чтобы одушевить и поддержать, чем и как может, слабую организацию Варшавы. Не имея надлежащим образом выправленного паспорта, она остановилась у какой-то приятельницы на Козьей улице с намерением перевидать знакомых ей варшавян, а потом ехать в свое Люблинское имение и действовать там в пользу заговора.

Домбровский прибежал к ней ту же минуту. Коссовская обратилась к нему с самыми душевными приветствиями, наговорила кучу любезных вещей. Разговор их принял фантастическое направление, более чем все планы Мирославского. Кончилось тем, что Домбровский, чувствуя себя действительным начальником правого берега Вислы, предводителем выросших из-под земли полчищ, достал из кармана карту с инструкциями Мирославского и стал все это читать и разъяснять прелестной хозяйке, так долго и подробно, что она должна была остановить его красноречие...

Потом на него напало опять раздумье. «Глупо я сделал, — сказал он, — что перебрался для действий сюда. Мне бы лучше оставаться в Познани: там все-таки есть нечто, а здесь ничего».

«Э, полноте, — возразила Коссовская, — это вам так кажется, потому что вы не знаете здешних дел близко. Вглядитесь и увидите, что здесь такая же организация, как и в других пунктах. В Радомской губернии вам помогут много вот эти лица».

Тут она дала ему три письма: одно Ксаверию Ясинскому в селении Бендзинове Сандомирского уезда, другое Роману Цихоцкому в Марушове и третье — помещику Карчевскому в Воле Сенинской¹.

Затем они расстались. Вечером Домбровский хотел опять с ней увидеться, но уже не застал: она уехала в деревню.

12 февраля Домбровский, условясь с разными лицами организации, что они прибудут к нему в Куфлев, в самом непродолжительном времени для окончательных совещаний выехал из Варшавы с Мирецким вечером в 9,5 часа; тогда же тронулись и лошади с фурой и были благополучно переправлены через заставу.

---

¹ Письма к Ясинскому и Цихоцкому в приложении 9.

13-го, в 8 часов утра, Домбровский и Мирецкий прибыли в Куфлев. Управляющий подал записку от Рера, который извещал Домбровского, что «жил у него трое суток и, не имея возможности ждать долее, отправился к месту своего назначения; что, впрочем, ничего особенного не случилось, что бы могло изменить ход вещей и их планы».

На другой день, 14-го, Домбровский и Мирецкий выехали в сторону Ивангородской крепости с целью осмотреть ее верки, о которых говорили, что они еще не кончены. В местечке Новый Двор заехали они к старику Дзвонковскому, где нашли и сына его Адама и вручили ему клочок бумаги от брата Владислава; но Адам, прочтя написанное, не выразил большой готовности служить предприятию чересчур необдуманному¹.

Дальнейшие странствия показали начальнику правого берега Вислы, что организация везде довольно слаба. Миновав Мацеевицы, Мирецкий нашел возможность переслать к Андрею Дескуру химическую записку Дзвонковского, с особым приглашением от себя – явиться для совещаний в Куфлев.

16-го числа осмотрели крепость, не входя, впрочем, внутрь. Домбровский набросал в бумажнике легкий очерк ее верков. Действительно, кое-что не было окончено, и пушки не поставлены на валах. По мнению обоих странников, располагая большой массой на все решившихся повстанцев, можно было сильным и отчаянным натиском врасплох взять эту крепость и обезоружить гарнизон. Только Домбровский полагал, что все-таки при этом нужны пушки, а Мирецкий говорил, что обойдется дело и без них.

17 февраля н. ст., около полудня, они воротились в Куфлев с расстроенным несколько духом, так как оба более или менее убедились, что предводители, пожалуй, кое-какие еще и есть, но предводительствовать, кажется, будет не кем...

Начали, от нечего делать, осматривать и приводить в порядок оружие, как находившееся в доме прежде, так и прибывшее

---

¹ Так, по крайней мере, говорил Домбровский в показаниях своих 14 сентября 1846 года в Познанской цитадели.

вновь с лошадьми из Пруссии. Оказалось всего: три обыкновенные двустволки, восемь одноствольных ружей, несколько пистолетов, два палаша и один кортик.

На следующий день, 18 февраля, явился в Куфлев Рупрехт с молодым помещиком из-под города Седлец, Панталеоном Потоцким, человеком самых отчаянных свойств: для него не существовало никаких преград и сомнений; он был отдан восстанию душой и телом и верил в его успех; повстанцы грезились ему везде не то что десятками и сотнями, а десятками тысяч: одна Варшава с окрестностями должна была дать, по его мнению, до 30 тысяч.

Когда Домбровский объявил ему, что, согласно плану, составленному Мирославским и Высоцким, при помощи многих других стратегиков, решено взять, если можно, прежде всего крепость Ивангород и город Седлец, — Потоцкий недолго думая предложил для нападения на последний пункт самого себя, с людьми, которых легко будет набрать в окрестностях, потому что его имение Цысь лежит всего в 10 верстах от Седльцов, его все там знают за честного патриота, он имеет некоторое влияние... в дальнейшем изложении своих мыслей Потоцкий дошел до того, что обещал помощь саними самому Домбровскому; но Домбровский сказал, что этого добра у него вдвойне: может даже послать, куда потребуется. Потоцкий говорил о занятии Седлец так горячо и с такой уверенностью, что Домбровский чуть-чуть не проговорился, что и он не прочь с ним действовать заодно, так как взятие крепости Ивангорода представлялось ему делом сомнительным; однако не сказал ничего и после был этим доволен.

Стали рассматривать карту и план Мирославского. Домбровский, мысли которого постоянно менялись и никак не могли установиться на одном месте, шел опять на Ивангород самым решительным образом и приглашал туда Потоцкого по взятии Седлец.

Вся ночь прошла в разных толках и соображениях о предстоящем предприятии. Домбровскому то хотелось идти с Потоцким под Седльцы, то он путался этой мысли и шел на Ивангород. Таково было состояние души этого человека: за три дня до назначения действий он, командующий войсками на значительном пространстве, не знал еще, где именно будет действовать.

На заре, 19-го, Потоцкий и Мирецкий отправились к местам своего назначения. Последнему Домбровский не велел предпринимать никаких действий до тех пор, пока не получит известия, что сделано относительно Ивангорода и Седлец и где находятся отряды Домбровского и Потоцкого.

С полудня того же 19-го числа начали прибывать лица, приглашенные отчасти самим хозяином, отчасти Рупрехтом и Мирецким. Прежде всех явился Андрей Дескур, человек вроде Потоцкого: на все готовый, веривший в силы восстания, бравший города и крепости.

Потом пришли из Варшавы пешком: мелкий чиновник губернского правления Адольф Грушецкий, рослый и здоровый парень с большими усами; аппликant прокурорской канцелярии при Варшавском уголовном суде Станислав Коцишевский; аппликant другого какого-то суда Владислав Жарский и, наконец, аппликant мирового суда 4-го Варшавского округа Иван Литынский.

Они остановились в корчме и послали от себя в дом хозяина только одного Грушецкого, но Домбровский приказал звать всех. Представаясь ему, они в ту же минуту заговорили об оружии и пошли в оружейную выбирать, что кому по вкусу, без всякой церемонии, а вечером приступили к литью пуль, которых налито ими штук 200, в четыре формы, при помощи только что нанятого Домбровским охотника Лютынского и повара Краковского. Даже сам Домбровский вылил несколько штук; но, чувствуя от всех денных тревог чрезвычайную боль головы, лег в постель, спал, однако, плохо.

20-е число пролетело незаметно, в толках об одном и том же предмете, куда кто пойдет... Дворовые люди, конечно, смекнули, что такое затевается господами. Поняли то же самое наиболее сметливые из крестьян, но все село оставалось пока в неведении. Домбровский велел собрать разных бобылей и холостеж как бы на охоту, но решил не говорить им до последней минуты, что это за охота. Большого сопротивления он от них не ожидал. Думал только: чем их вооружить? Вилы все с непрочными деревянными ручками, а косы тонки... Потом предоставил это случаю и судьбе.

Наконец наступил роковой день 21 февраля – день, когда, по расчетам заговорщиков, должна подняться вся Польша в границах 1772 года!

Легко понять, с какими чувствами покинули свои постели все лица, собравшиеся в Куфлеве, если только кто-нибудь из них ложился. Первой мыслью Домбровского было пойти в костел и исповедаться. Потом все завтракали вместе, разговаривая о разных подробностях нападения. Грушецкий и Рупрехт попросили оседлать лошадей, чтобы поездить и попрактиковаться, но оказались весьма плохими кавалеристами. Стали снова беседовать, все разом, о своем страшном предприятии. Вдруг отворились двери, и вошел никем не ожидаемый Потоцкий¹. Он был сильно расстроен. Товарищи слышали от него, что взятие Седлец сопряжено с большими затруднениями, каких он не ожидал, потому что не ожидал такого равнодушия со стороны обещавших содействие: все изменили, остался он один, вследствие чего просил ему помочь идти на Седльцы вместе.

Тут для Домбровского определилось окончательно, куда он должен идти; и он отвечал Потоцкому, что теперь уже поздно делать какие-либо перемены в плане; что он идет к Ивангороду и относительно этого отдал уже приказание кому нужно². «Ну, дайте мне хотя офицеров, хотя тех людей, которые тут сидят», – сказал Потоцкий. Домбровский согласился уступить только троих: Литынского, Жарского и Коцишевского; и Потоцкий, забрав их в сани³, поехал в Цысю, только заметил Домбровскому на пороге: «Советую служить нашему делу верой и правдой; иначе знаешь, конечно, что ожидает трусов и изменников»⁴.

По отъезде Потоцкого Домбровский увидел некоторую перемену в обращении с ним его якобы подчиненных. Они

---

¹ Около 11 часов перед полуднем.

² Домбровский сказал, что он с Рупрехтом пойдет к Ивангороду вдоль Вислы; что если предприятие Потоцкого под Седльцом удастся, то могут позже соединиться под Гарволиным и Желеховым.

³ Выехали около первого часу пополудни в санях Потоцкого и других мужицких из Куфлёва, забрав часть пуль, оружие и амуницию (Зонненбург 16 апреля н. ст.). Рупрехт дал ему экземпляр прокламации.

⁴ Показания Домбровского 15 сентября н. ст. 1846 года в Познани.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

глядели какими-то стражами, а не подчиненными, и выражение «Рап jenerab» имело уже в их устах что-то саркастическое. Грушецкий даже сказал, что они намерены следовать неотступно по пятам начальника и не позволят ему уклониться от своих обязанностей.

Незадолго перед обедом прибыли помещики Тулинский и Бембковский, а в 5 часов пришло с нарочным письмо от жены Домбровского, которая извещала его, что «только что приехала в Варшаву, что заговор в Познани открыт полицией, Мирославский со многими высшими членами организации и со всеми планами и бумагами захвачен». В заключение умоляла мужа бросить все и бежать в Пруссию; «что до паспорта – он будет».

Прочтя это письмо, Домбровский впал в совершенное отчаяние и решился объявить обо всем гостям, представив им всю бессмыслицу их одиночного восстания, без помощи из-за границы; но Рупрехт и Грушецкий ничего и слышать не хотели и требовали с угрозами, чтобы он вел их в бой с москалями, говоря, что другого выхода нет, что они скомпрометированы все до единого и должны погибнуть; «лучше же погибнуть в битве со врагом, нежели как-нибудь иначе, на виселице или в каземате».

Делать было нечего. Домбровский написал жене письмо, что возврат уже невозможен, и просил ее думать только о своем спасении. Письмо это повез в легких саночках Краковский, которого мы уже видели занимавшегося литьем пуль. (Его употребляли на все важные поручения.) Он встретил госпожу свою на полудороге: она сама спешила в Куфлев. Бросив свою изнуренную четверню, она пересела в сани Краковского и в них прибыла в Куфлев около 8 часов вечера.

Домбровский передал ей в уединенной беседе свои затруднения относительно подчиненных и вытекающую отсюда необходимость идти в бой. Домбровская решилась выручить мужа: это была, как мы уже сказали, очень храбрая поляка. Она вышла с мужем к гостям и произнесла им краткую речь, в которой высказала всю безрассудность их странных требований и умоляла оставить предприятие, ведущее всех их к несомненной гибели. Грушецкий схватил было пистолет и

грозились положить Домбровского на месте, если он им изменит. Но госпожа Домбровская стала между ним и мужем. Тулинский и Бембковский явились на ее стороне и начали точно так же убеждать товарищей отказаться от предприятия. Кончилось тем, чем кончаются многие житейские дела и что изменяет характер самых несговорчивых и неукротимых: Рупрехту и Грушецкому были предложены некоторая сумма и лошади, готовые везти их, куда прикажут. Они сели и выехали. Тулинский и Бембковский сели в другие сани, а потом уехал и Домбровский и на другой день бежал за границу...¹

А несчастный Потоцкий, ничего не зная и не ведая о случившемся в Познани и о решении его товарищей в Куфлеве², делал у себя последние приготовления. Точно так же как и Домбровский, он приказал собрать мужиков, только не на охоту, а под видом того, чтобы потолковать с ними о предстоящем наборе. Мужики, однако, смекнули *дело* – какой это набор. Особенно же подозрения их усилились, когда Коцишевский и Жарский начали угощать их водкой и совать им в руки деньги, говоря не очень связно, что «дело идет о пользе их отечества и об их собственной пользе... что час пришел освободиться и получить в надел землю... не знать над собой никого, кроме пана бога».

Те, кто был посмышленнее и пил меньше водки, отвечали господам наотрез, что «бунтовать не пойдут», а кто подпил, те, чисто по-мужицки, начали плакать и причитать³. Из них набралось человек с десяток, которые сказали, что «пойдут в огонь и в воду за своим паном, что они также поляки».

Потоцкий отделил их от прочих и произнес к ним речь, где были между прочим слова: «Сегодня встает вся Польша; нам ли отставать от братьев?» А Коцишевский прочел им *прокламацию*, имевшуюся у него от Рупрехта в восьми экземплярах; но никто ничего не понял, потому что сильно были пьяны. Затем заряжены ружья и уложены в трое саней. Близ 12 часов

---

¹ Следовало приехать скорее (от Цыси до Седльцов всего 10 верст), они попали не на ту дорогу (на Зельков), блуждали и наконец, взяв направление к деревне Игоне, выехали на тракт, ведущий к Седльцам.

² До нее от заставы около 400 саженей.

³ «Plakali i lamentowali», – выражение Потоцкого.

поезд тронулся. Потоцкий ехал впереди, верхом, как предводитель. Литынский и Жарский сидели в санях с крестьянами, которых при отправлении оказалось девять человек. Коцишевский ехал верхом сзади, чтобы наблюдать за мужиками, не вздумал бы какой бежать. Но, несмотря на эти предосторожности, лишь только поезд очутился в лесу, двое мужиков тихонько свалились в кусты и давай бог ноги ко дворам.

С остальными семью Потоцкий и трое его приятелей прибыли к Варшавской заставе города Седльцы во втором часу ночи, оставили лошадей под присмотром кучера в поле, а сами пошли по тихим и темным улицам, толкуя о том, как и с чего начать нападение.

План нападения, сочиненный незадолго до отъезда самим Потоцким, был таков: «Прежде всего ударить на гауптвахту, перебить там солдат и ружья их раздать местной организации, которая, без сомнения, не замедлит явиться на выстрелы. Потом, захватив в уездном казначействе и в Провиантской комиссии деньги (которых считали не менее миллиона рублей), идти на собрание, где должен быть бал; перебить там всех русских, между прочим ненавистного всем начальника уезда Гинча, арестовать начальника гарнизона генерала Ладыженского и вынудить у него приказание войскам, какое будет потребно. В собрании, вероятно, еще пристанет несколько народу; тогда идти и освободить арестантов, снабдить их оружием, а далее действовать по усмотрению».

Поспорив немного с Жарским, который находил более выгодным атаковать прежде Собрание, а потом гауптвахту, Потоцкий настоял, чтобы от плана нисколько не отступали, и повел свою команду к гауптвахте¹.

На платформе бродил чуть видимый во мраке часовой, слабо озаряемый близ висевшим фонарем. Потоцкий, подойдя к нему внезапно и уставя в упор ружье, сказал: «Кричи пардон!» Но часовой, вместо всякого ответа, спустил на руку ружье. Тогда Коцишевский, бросившись с другой стороны, ударил его в бок кинжалом: солдат упал, застонав. Потоцкий взял его ружье и отдал одному из мужиков, которые все

---

¹ До нее от заставы около 400 саженьей.

время держались боязливо поодаль. Происшедший на платформе шум и стоны раненого солдата разбудили часть команды; двери отворились, и оттуда выглянуло несколько голов.

Потоцкий закричал: «Клади ружья, клади ружья!», хотя никаких ружей не было и видно, и с этими словами выстрелил в дверь и ранил солдата. Потом кто-то из его людей пустил выстрела два-три в окна, после чего все побежали к казначейству, которое было недалеко. Там вышла точно та же история: ранены часовой и солдат; последний – выстрелом, пущенным в окно. Потоцкий опять кричал: «Клади ружья!» Разумеется, нападающие ожидали помощи, но ее ниоткуда не являлось. Улицы были тихи. Только немного погодя раздался звон каких-то шпор: это шел жандарм, посланный уездным начальником из Собрания узнать, где и кто стреляет. Едва люди Потоцкого его увидели, как грянуло несколько выстрелов, и один сбил жандарма с ног. Сочтя его убитым, Потоцкий с командой пошел поспешно к Собранию¹. Мужики опять держались поодаль.

Бал был в полном разгаре, несмотря на позднее время. Многие из находившихся там поляков поджидали Потоцкого, но только не с семьей человеками его же собственных крестьян...

Вдруг грянули выстрелы. Дамы бросились в задние комнаты. С иными сделалось дурно. Мужчины, подбежав к ним, сказали: «Не бойтесь, это наши!»

Одним выстрелом ранило жандармского унтер-офицера, а другим – служителя при шинелях. Потоцкий кричал: «Кто поляк – к оружию и соединяйся с нами!» Но и здесь никто не шел. Уездный начальник Гинч выскочил на крыльцо посмотреть, что такое делается. Потоцкий, узнав его, подбежал и, уперши пистолет в самую грудь, спустил курок. По счастью, произошла осечка. В дверях стали показываться военные... Видя, что дело плохо, заговорщики бежали врассыпную по Флорианской улице, к Збучинской заставе. Впрочем, Гинч захватил двух мужиков.

Проблуждав целый день, 22 февраля, по лесам, Потоцкий, Жарский и Коцишевский очутились к вечеру в деревне Млынки (21 верста от Седльцов), где наняли фурманку до

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мелехова; но, доехав до деревни Жебрака (от Млынок 4 версты), бросили ее и пошли пешком. В 11 -м часу ночи они добрались до деревни Новаки (от Жебрака 8 верст) и постучались в одну крестьянскую избу, прося пустить их переночевать. Хозяин пустить пустил, но со страху бежал куда-то, а жена его сварила гостям яичницу. Это была первая их пища после того, как они оставили Цысю. Из Новак Жарский и Коцишевский перебрались в деревню Пирог (от Новак 3 версты), принадлежавшую матери Потоцкого, а сам Потоцкий попал на мельницу той же деревни, называвшуюся Деркач (Пирог от Седльцов 1,5 версты, а мельница Деркач саженьях во ста от этой деревни).

Мельник Яворский, узнав барина и догадавшись, что заставило его искать приюта на мельнице в такую пору (слухи о затеях панов давно бродили между разными сословиями сел и деревень), перепугался и дал знать в Цысю, тамошнему солтысу: тот явился с мужиками и арестовал своего помещика. Точно так же взяты Жарский и Коцишевский и доставлены в Седльцы. Литынский и прочие разысканы после – кто в Седльцах, кто в Варшаве¹. Добрич взят в имении своего брата, куда, как мы видели, уехал.

Деятельность следственной комиссии закипела. Менее чем в месяц было рассмотрено и окончено дело всех захваченных лиц. Затем, по составлении приговора военным судом, Паскевич подтверждал: «Потоцкого, Коцишевского и Жарского повесить: первого – в Седльцах, а двух остальных – в Варшаве. Рупрехту и Добричу, исполнив над ними весь обряд повешения, даровать жизнь и потом сослать их в каторжную работу, в рудниках без срока; а Литынского, прогнав сквозь строй через 500 человек один раз, тоже сослать в каторжную работу в рудниках без срока».

---

¹ Сообщаются такие подробности о взятии Жарского и Коцишевского. Они зашли к крестьянину Песеку, который, сочтя их за недобрых людей, собрал 9 человек мужиков, но не решился с ними идти на двоих вооруженных и побежал в ближайшую деревню, к эконому Фридриховичу, за народом. Фридрихович сказал, что у него весь народ пьян, по случаю Масленицы, некого дать. «А ты караул бунтовщиков: я смахаю в город и возьму оттуда казаков!» – сел верхом и, проскакав 16 верст в три четверти часа, явился к уездному начальнику, и тот дал казаков; но когда они прибыли в Пирог, Жарский и Коцишевский были уже связаны тамошними мужиками при помощи трех, пришедших из деревни Котуня.

Государь император утвердил эту конфирмацию, и она была исполнена: в Варшаве 4(16) марта, в 10 часов утра, на гласисе Александровской цитадели; в Седльцах 5(17) марта, в 3 часа пополудни.

С остальными обвиненными поступлено согласно приговору военного суда, а именно: Грушецкий сослан в Сибирь, в каторжную работу в крепостях, на 10 лет. Толинский и Бембовский сосланы просто на поселение. Сопричастные заговору помещики Островский и Боржеславский отданы в солдаты в отдельный Сибирский корпус.

Тем временем Варшава приняла вид военного положения, хотя оно, собственно, и не было объявлено. В разных пунктах поставлены военные посты: у Замка – рота пехоты и сотня казаков; на Старом Месте – рота и эскадрон; у моста через Вислу – взвод пехоты; у банка – рота и взвод; у арсенала – тоже рота и взвод; на Саксонской площади – то же самое; на Александровской и Красинской площадях – то же по роте и по взводу.

Сверх того, к складочному варшавскому магазину, где хранились косы, приставлен сильный караул и приказано свезти все косы Царства Польского, хранившиеся на частных и казенных заводах, в ближайшие крепости и остановиться дальнейшим их производством впредь до особого разрешения.

По всему Царству скакали офицеры, которым приказано проследить, не замечается ли где революционного движения, и в случае, если что будет замечено, – распоряжаться энергично. Говорят, что главную массу этих офицеров взяли, по приказанию Паскевича, с какого-то бала: каждому в руки подорожная, простая и ясная инструкция – и катать!

Все беспокойное, что, может быть, и подымало там и сям головы, спешило снова спрятаться. Скакавшие по Царству офицеры видели кое-где одни подозрительные съезды на охоту, например, под местечком Турек (Плоцкой губернии) съезд в 500 человек, которые, впрочем, тут же и разъехались по домам.

Несколько мелких банд возникло единственно на самом юге Царства, у австрийской границы, именно в Меховском уезде, Радомской губернии, и то с тем, чтобы немедленно скрыться в Галицию. Часть из них сформирована помещиками

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лисовскими, Романом и Иосифом, под влиянием Казимира Хмелевского, которого послал в ту сторону Добрич. О них мы не имеем подробных сведений.

Другие банды возникли под влиянием арендатора деревни Люборжиц (Меховского уезда) Людвиг Мазараки. О них известно следующее. Незадолго до восстания Мазараки и зять его Алоизий Венде, тоже арендатор, распространили по ближайшим к ним гминам, Острову, Ваврженчицам, Иголомии и местечку Бржеску, довольно много возмутительных прокламаций, где говорилось, что «скоро встанут все славянские народы прежней Польши, от моря до моря, и крестьянам будут дарованы земли. Поэтому войты гмин и бургомистры должны вооружать, под страхом смерти, народ подведомственных им мест, от 18 до 45 лет, чем придется: косами, топорами, пиками, а где можно, и огнестрельным оружием, и явиться со своими людьми к Логановской корчме (две версты от местечка Прошовиц) 20 февраля н. ст.¹, в 12 часов ночи, а оттуда вышшими вождями будут направлены в разные пункты для партизанских действий, а именно: нападать на мелкие отряды, казаков, пограничную стражу, забирать у них оружие, лошадей, седла, сбрую и все пригодное для повстанческих войск.

В назначенный срок две банды, одна Франца Сташевского, а другая Сигизмунда Иордана, явились у Логановской корчмы. К ним присоединился и сам Мазараки, с бандой из Люборжиц, и все вместе, прождав понапрасну банду экспедитора почт Подгурского из Гебдова, двинулись к Прошовицам, окружили дом, где стояли три казака; один притом выскочил и был ранен, а другие два спрятались. Банды забрали их лошадей и пошли к Иголомии и Ваврженчица, где отняли у инвалидной команды и стражников оружие и бежали под Краков.

Здесь дела были в самом критическом положении с того времени, как Мирославский, окончив выборы членов будущего народного правительства, уехал в Познань. Ожидаемые с часу на час офицеры из Франции не прибывали, а дни летели быстро, притом самые тревожные, под страхом ежеминутных арестов и разоблачения тайны. Назначенный срок восстания близился.

---

¹ Прошовицы – 12 верст от границы.

Пришлось набрать поспешно предводителей из шляхты вроде тех, какими были Мазараки, Венде, братья Лисовские. Пока они знакомились с бандами, изучали инструкцию и местность, производили возможные учения, – грянул гром: Австрийский отряд внезапно занял Краков (утром в 4 часа 18 февраля н. ст.), где дотоле не было никаких войск; а потом получено известие об аресте Мирославского и отсрочке восстания. Что тут было делать? В квартире Альциаты, незадолго пред тем воротившегося из Франции, сошлись выбранные от Галиции и Кракова члены народного правительства, Тиссовский и Горшковский, и стали обдумывать свое положение. «Чтобы отложить восстание, разослать об этом приказы в разные места, времени было еще довольно: трое суток¹. Но будет ли толк? Послушают ли везде этих приказов люди, которых чувства до такой степени напряжены и которые употребили на приготовление столько хлопот, испытали такие тревожения, принесли довольно существенные жертвы?

Наконец, надо знать и своевольство этого народа в Галиции, этих маленьких диктаторов и вождей, воображающих о себе бог весть что. Иные и внимание не обращали, что есть в Кракове какой-то член Централизации Альциата, члены будущего правительства Тиссовский и Горшковский. Не лучше ли было поэтому встать всем и ударить на Краков, даже хотя бы погибнуть; в такой жертве будет смысл, будет урок следующим поколениям. Но можно и не погибнуть... Если взрыв произойдет сейчас, дружно, всеми силами, то есть еще шансы выиграть дело, разбить австрийцев, занявших город: их не так много... и они что-то суетятся, как бы чем-то встревожены... Только нужно не медлить ни минуты. Иначе к этим робким австрийцам подойдет подкрепление или придут русские, о которых уже носились слухи, что они готовятся к походу. Удачное же, благовременное восстание, всеми существующими силами, может поднять всю Галицию, и тогда пусть приходят русские, пусть приходят австрийцы, пруссаки: будет чем с ними помериться!»

---

¹ Собрание у Альциаты происходило утром 19 февраля н. ст. Альциата, из статьи Wypadki w 1846 roku.

Так, более или менее, рассуждали сошедшиеся у Альциаты вожди Галицийской организации. Тиссовский сказал под конец, что согласился бы на последнее, то есть поднять край и ударить на Краков, если бы только был под рукой человек, способный принять начальство над войсками; но такого человека нет: стало быть, восстание будет без вождя, массы лягут бессмысленной жертвой. На такое восстание Тиссовский не изъявлял согласия. Альциата объявил, что он вполне разделяет его мнение, прибавя, что есть и еще недостатки, известные ему очень хорошо и почти равняющиеся отсутствию вождя; а потому и он готов употребить все, от него зависящее, чтобы восстания не было и бессмысленных жертв не пало. Хитрый и осторожный Горшковский не возражал и вообще вмешивался в эти рассуждения мало. Поэтому было решено послать немедленно по Галиции курьеров с отменой восстания, а там, послушают или не послушают такого приказа, это уж не их дело, не дело правительства: в жертвах, которые падут тогда, они вины на себя не примут. Тиссовский и Горшковский положили выехать во Францию и пошли укладываться. Альциата же стал готовить курьеров, и несколько человек собрались к нему довольно скоро. В то время, как он с ними разговаривал, снабжая их всем необходимым: письмами, знаками, декретами – вдруг отворилась дверь и вошли опять Горшковский и Тиссовский, объявляя, «что они не едут; что, по соображении у себя на дому всех обстоятельств, находят неприличным блуждать по чужим землям, когда своя в таком критическом положении. К тому же они еще не так скомпрометированы, чтобы бежать. А что вот таких-то де не мешало бы отправить за границу, а то им будет плохо».

Альциата отвечал, что эти лица выезжают немедленно и сейчас явятся за инструкциями и бумагами. Они действительно вскоре явились. Произошли трогательные проводы, с известной обстановкой, вроде той, при которой вручалась Заливскому в Париже сабля: правительство, оракулы восстания, попросту сказать, подкупили, и все вдруг настроилось совершенно иначе: у каждого в ушах затрубили трубы, перед глазами мелькнули победоносные орлы. Восстание стало возможным, необходимым. Те отряды, что ближе к Кракову, должны представить

действующий корпус, а те, что далее (иные стояли за семь миль от города), послужат резервом. Ура!.. Альциата, рассказывая об этой сцене, справедливо замечает: «Прискорбно положение народа, на судьбы которого имеют влияние подобные заседания и советы!»

Приготовленные курьеры полетели рассеивать приказание совсем другого свойства, нежели те, за какими их призывали. Из опасения подкреплений австрийцам и прихода русских войск восстание подвинуто вперед целыми сутками, не с 9-го на 10-е, а с 8-го на 9-е, в ночь.

Отряды только этого и ждали. Несколько ближайших к Кракову банд немедленно двинулись в поход и ударили на город около 12 часов ночи, от предместья Звержинец, но были отражены австрийскими войсками, понеся большой урон. Другие, отдаленнейшие, ударили в 4-м часу утра, от предместий: Клепажа, Весолы и Страдомя. Их судьба была та же, что и первых: часть перебита, часть рассеялась, часть захвачена в плен. Раздавшиеся в это время выстрелы из трех домов, из одного на Гродской улице, из другого на углу Флорианской (что зовут «под Арапами») и из третьего, трактира Фохта, обошлись очень дорого жителям этих домов: они были все до одного переколоты разъярившимися австрийскими солдатами; в том числе погибла какая-то красивая молодая девушка, тоже, как говорят, стрелявшая из окна.

К полудню 9 (21) февраля настала в городе необыкновенная тишина. Начальствующий австрийскими войсками генерал Коллин-де-Колштейн объявил военное положение, которым запрещалось жителям спустя два часа по оглашении показываться на улицах, впредь до особого распоряжения. А кто не послушается, в тех грозили стрелять, и действительно стреляли.

Казалось, все кончено... Вдруг, на следующий день, 22 февраля н. ст., в 6-м часу утра, начавший так грозно и так энергично генерал Коллин отступил к предместью Подгурже, имея (кто этому поверит?) 1300 человек пехоты, несколько эскадронов кавалерии и 6 орудий; а потом удалился внутрь страны. Альциата говорит в своих «Записках», что поводом к этому отступлению послужили слухи о некоторых успехах

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

восстания внутри края, о взятии местечка Хршанова, где рассеян австрийский гарнизон, и о движении народных масс на помощь повстанцам, что могло пресечь Коллину отступление к главному отряду.

Вслед затем выехали из города президент сената со своим помощником и полицейские власти.

Город ничего не мог понять, что такое творится и чего испугался генерал Коллин. Более влиятельные лица белой партии собрались в доме графа Иосифа Водзицкого и решили отправить от себя депутацию в Подгурже: спросить у президента сената, действительно ли он и войска удалились из Кракова и назад не воротятся?

Получив утвердительный ответ, собравшиеся у Водзицкого составили *Комитет общественной безопасности* из следующих лиц: графа Иосифа Водзицкого, графа Петра Мошинского, обывателя Иосифа Коссовского, банкира Леона Бохенка и проживавшего у него некоего Антона Гельцеля, людей более или менее в городе известных и пользовавшихся уважением.

Этот комитет, в виде временного правительства, начал свои действия тем, что учредил *городскую стражу*, разделил ее на сотни и назначил сотников, которые разместили свои команды по разным пунктам; между прочим часть была приставлена к тюрьмам и казначейству.

Затем граф Водзицкий написал воззвание *к народу*, где, устраняя от себя всякую власть и объясняя учреждение комитета и стражи единственно необходимостью сохранить в городе какой-либо порядок, по случаю отбытия войск и действительного правительства, просил жителей помочь ему чем кто в состоянии, покамест будет учреждено что-либо прочное или воротятся власти¹.

Между тем улицы наполнялись вооруженным народом, притекавшим со всех концов. Это были остатки нападавших накануне банд, перемешанные с пьяными мужиками и не имевшие никакого предводителя, или такие, кого никто не

---

¹ Из показаний разных лиц, между прочим Гавронского, которому было поручено отправиться с этим воззванием в типографию; но он, придя туда, нашел, что печатается воззвание другого правительства, о коем мы сейчас скажем.

слушал. С Марьявицкой башни кто-то ударил в набат. Везде раздавались крики: «К оружию! к оружию!» Жители в испуге попрятались, а вооруженный сброд начал гулять по рынку и по главным улицам, врываясь в иные дома и лавки, стреляя из ружей и производя разные другие беспорядки. Стражники, приставленные к тюрьмам, бежали; арестанты были выпущены и присоединились к гулявшей толпе.

Водзицкий бросился на площадь и, собрав около себя кучу народу, стал читать им свое скромное *воззвание*, никак не воображая, что в нескольких шагах оттуда готовилось тогда же другое *воззвание*, другого правительства, точнее *манифест*, не так скромный.

В дом Вальтера, почти напротив Марьявицкой башни, через площадь, в квартире, нанятой заблаговременно Рогавским, будущий диктатор Тиссовский (пока член революционного правительства от Галиции), опершись на стол, важно диктовал этот *манифест*, сообщенный ему в общих чертах из Парижа. Продиктованное поспешно уносили в типографию, набирали и печатали (и с этим-то печатанием встретился Гавронский, посланный Водзицким).

Вдруг, во время диктовки, среди шума и движения разных лиц, отчасти близких «правительству», отчасти привлеченных любопытством, в залу вбежала вооруженная толпа, предводимая Горшковским, и объявила Тиссовскому, что в городе существует другое правительство и что глава его, граф Водзицкий, уже читает на рынке воззвание к народу. Вмиг сообразив опасность, Тиссовский крикнул вошедшим по-диктаторски: «Привести их сюда, кто это читает! Если не послушают слов, употребить силу!»

Толпа ринулась, и Водзицкий с товарищами, бледный и перепутанный, явился через минуту перед Тиссовским, который объявил ему, что «народное правительство, в таком-то составе, приняло бразды правления и заботится о приведении города в надлежащий порядок; а потому существование другого правительства, одновременно с действительным, странно и неуместно».

Водзицкий спросил только: «Кто же выбрал это *действительное* народное правительство? Откуда оно имеет власть распоряжаться так, как распоряжается?»

Тиссовский отвечал, что «выбрано оно Познанской организацией, с польскими депутатами из Франции и других мест».

Коротко и ясно. Дальнейшие вопросы не повели бы ни к чему. Тон Тиссовского, зала, набитая наполовину вооруженным сбродом, который слушался только Тиссовского, говорили Комитету общественной безопасности, что не время выказывать власть, а надо повиноваться. Тиссовский, продиктовав последние строки *манифеста*, объявил своим гостям, что вскоре соберутся военные чины для обсуждения разных вопросов, между прочим для выбора командующего войсками; что им уже «дано знать». В самом деле, посланные народным правительством люди спешно рассылали воззвание ко всем отставным и состоявшим на службе военным полякам, чтобы они к 9 часам утра собрались, под страхом смерти, в дом народного правительства, находящийся там-то.

Делать нечего: поднялось с одров разное старичье, достало свои заплесневелые мундиры и потащилось в дом народного правительства. Между ними был один, помнивший даже Костюшку: некто Ржуховский. Он явился, облаченный в белый сюртук с эполетами, и рекомендовался Тиссовскому воином Костюшки.

Это ли обстоятельство или его эполеты на белом, хотя и грязном, сюртуке выдвинули его вперед. Тиссовский, объявля присутствующим, что открывает баллотировку для выбора командующего войсками, повел себя и тут как диктатор: сам читал список баллотируемых офицеров и объяснял достоинства каждого. Ржуховский был выставлен им как более всех других отвечающий званию командующего¹, и его выбрали. Первое, что нужно было сделать: занять чем-нибудь шатающийся по площади вооруженный народ, который продолжал стрелять и дебоширствовать. Ржуховский получил приказание вести людей к мосту, соединявшему город с предместьем Подгурже, и развести его, якобы для того, чтобы австрийцы не могли воротиться.

---

¹ Так, по свидетельству многих из бывших в зале. Тиссовский же говорит, что «какой-то нахал в белом сюртуке сам выбрал себя в командующие, пользуясь хаосом».

Ржуховский отправился, но развести моста не сумел, а только сжег одну его арку, после чего команда его опять вышла из повиновения, воротилась на площадь и принялась за то же, что делала прежде, то есть стрельяние из ружей и разгуливание из угла в угол, без всякого порядка. Назначенный комендантом города офицер бывших польских войск Червинский (человек тоже весьма немолодой) занял некоторую часть бродивших караулов у гауптвахты, находившейся там же, на площади, и дал знать Тиссовскому, чтобы тот принял какие-нибудь меры для окончательного обуздания своевольных масс. Тиссовский сам видел в окошко, что дело усмирения толпы идет плохо, и сам придумывал средства... В это время принесли только что отпечатанный экземпляр *манифеста*. Тиссовский ухватился за него, как за якорь спасения, и, являсь на площадь, прочел громким голосом:

«Манифест Польской республики к народу польскому.

Поляки! Час восстания пробил. Вся разорванная Польша встает и собирает свои части. Встали наши братья в княжестве Познанском и Конгрессовой Польше, на Литве и на Руси и бьются с супостатом за свои святыя права, отнятые у них коварством и насилием. Вы знаете, конечно, что творилось там и творится постоянно. Цвет нашего юношества гниет по тюрьмам; старцы, которые нас поддерживали, преданы поруганию; духовенство лишено всякого значения, — словом, каждый, кто только делом или даже хоть одной мыслью стремился жить и умирать для Польши, уничтожен, либо ждет с часу на час в тюрьме этой участи. Отдались в наших сердцах и растерзали их до крови стоны миллионов, засеченных, замученных по темницам, служащих солдатами в рядах угнетателей; стоны терзаемых всем, что только может человек вынести. Враги отняли у нас нашу славу, запрещают нам говорить по-польски, исповедовать веру отцов, препятствуют улучшениям всяких учреждений, вооружают братьев против братьев, распространяют клеветы о достойнейших сынах отечества. Братья! Еще один миг — и Польши не будет! Не будет ни одного поляка! Внуки наши будут проклинать нашу память за то, что вместо лучшего края земли мы оставили им пустыню и развалины; допустили оковать цепями самый доблестный

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

из народов мира; что они должны исповедовать чужую веру, говорить на чужом языке и быть невольниками похитителей прав своих. Прах отцов наших, мучеников за народное дело, вопиет к нам из могил, чтобы мы отмстили за них; вопиют к нам дети, чтобы мы сохранили им отечество, вверенное нам Господом Богом; вопиют к нам свободные народы всей земли, чтобы мы не дали погибнуть святым основам народности; взывает сам Бог, который потребует от нас отчета в делах жизни нашей.

Нас двадцать миллионов: встанем как один человек, и силы нашей никто не одолеет! Будет у нас свобода, какой еще не видали на земле; дойдем до такого устройства общества, где каждый будет пользоваться доходами с земель по мере заслуг и способностей. Ни о каких привилегиях, под какой бы то ни было формой, не будет и помину. Напротив, каждый поляк найдет обеспечение для себя, жены и детей; каждый, страдающий каким-либо недугом, душевным или телесным, будет призрен, не слыша ни малейшего укора с чьей-либо стороны. А земля, состоящая только в условном владении крестьян, сделается их безусловной собственностью; всякий чинш, панщина и тому подобное уничтожаются; а служба народному делу с оружием в руках будет награждена землей из народных имуществ.

Поляки! Забудем всякую между собой разницу, станем братьями, сынами одной матери-отчизны, одного Отца Бога на небесах! Его призовем на помощь, и Он ниспошлет силу нашему оружию и даст нам победу. Но дабы Он услышал наши молитва, не будем позорить себя пьянством, грабежом, самоволием, убийством безоружных иноверцев и чужеземцев; ибо не с народами, а с притеснителями нашими мы имеем дело. Теперь же в знак единства наденем народные кокарды и произнесем такую присягу: «Клянусь служить моей отчизне, Польше, словом и делом! Клянусь посвятить ей все мои личные интересы, имущество и жизнь. Клянусь исполнять беспрекословно всякие приказания народного правительства, учрежденного в Кракове, 22 сего февраля, в 8 часов пополудни, в доме под Христофорами¹ и слушаться всякой власти, от него поставленной. Господи Боже, помоги мне в этом!»

---

¹ Так в народе называется дом Вальтера, что на рынке.

Манифест сей должен быть напечатан в правительственной газете и разослан по целой Польше в отдельных экземплярах, дабы его оглашали с амвонов по костелам, а в гминах прибивали по стенам, на видных местах»¹.

Чтение покрывалось не один раз оглушительными криками восторга. В манифесте было все, что нужно поляку, чтобы настроить его патриотически. Многие фразы повторялись потом на площади, когда Тиссовский, упоенный эффектом, который произвел на чернь, воротился опять в правительственный дом, даже почти был унесен на руках при громогласных «ура». Он чувствовал силу, власть. Квартира, занимаемая правительством, показалась ему сумрачной и недостаточно обширной. Он решил тут же, для придания правительству большего значения и важности, перебраться немедленно в какой-нибудь дом повиднее. Таким домом представился ему Общественный клуб, носивший в городе название Серого дома. В ту же минуту народное правительство (то есть Тиссовский, Горшковский, Гржегоржевский и Рогавский) отправились в залу клуба, увлекая за собой все, что было в прежнем правительственном доме: кучу военных, дожидавшихся приказаний, и разный любопытный народ. Едва только члены уселись, Тиссовский, снова играя роль председателя, диктатора, первенствующее лицо, спросил: «Что теперь делать, господа? Что вам всего нужнее?» Гржегоржевский и несколько за ним, по преимуществу статских, отвечали, что всего нужнее баррикада!

Такие странные требования возбудили почти всеобщий смех. Особенно смеялись старики военные. Однако Гржегоржевский настаивал и, когда Тиссовский, по соображении всех обстоятельств, отказал в согласии на постройку баррикады, сказав решительным тоном, что «ее не будет, покамест он — член правительства, что такой нелепости, ни с чем не сообразной, допустить нельзя», Гржегоржевский подал в отставку. Тиссовский счел не лишним закрепить свое постановление о баррикаде декретом, который и был напечатан в

---

¹ Подлинник, между прочим, в «Записках» Гельтмана (Biblioleka Pisarzy Polskich. T. XXXV. S. 87). Авейде говорит, что этот манифест написан И. Высоцким (I, 180).

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

правительственной газете. Вслед за тем выдано еще несколько постановлений, между прочим предписано всем вооруженным людям, где бы они ни находились, сосредоточиваться в окрестностях Кракова. Манифест и это предписание, разосланные с особыми курьерами, жадно читаемые и по-своему толкуемые по деревням и местечкам, усилили движение. В самом деле, к Кракову направились толпы народа, вооруженного и невооруженного. Как всегда случается в революциях, это движение масс было чересчур преувеличено в рассказах и толках жителей всех мест. Пантофлева почта (то есть жида) переносила из края в край, что идут десятки тысяч, что восстание с часу на час приобретает силу; что уже тронулись силезцы из Пруссии; что народное правительство снабжает всех, желающих поступить к нему на службу, белыми и синими куртками; что в одном Кракове не менее 10 тысяч повстанских войск; что часть их скоро двинется на Кельцы, а к 1 марта будет поголовное восстание. Про генерала Коллина говорили, что он отрезан от сообщения с внутренней армией.

Эти слухи и кое-какие революционные явления (захват повстанцами разных казенных сумм) до того перепугали некоторых бургомистров и крейс-комиссаров Галиции, что они решились обратиться за помощью к хлопам и возбудить их против помещиков, что всегда так легко. Даже, если верить иным официальным источникам (не говоря уже об общих слухах), крейс-капитаны и старосты округов Тарновского и Бохенского прямо объявили крестьянам, что «за живого предводителя восстания правительство выдает 5 гульденов, а за мертвого – 10»¹.

Хлопство ринулось на ненавистное ему по крови и по преданиям сословие. Произошли сцены, которые тяжело описывать. Конечно, австрийское правительство (на совести которого лежит

---

¹ По другим сведениям, за живого – 6 гульденов, а за мертвого – 12. Военный начальник Радомской губернии, полковник Горлов, известный своей расторопностью, вследствие чего был послан фельдмаршалом на границу наблюдать за движением, в одном из своих донесений, от 1(13) мая 1846 года № 474, выражается так: «Я удостоверился, что тарновский и бохенский старосты и крейс-капитаны, устрасаясь возмущения и желая предупредить всеобщий бунт, объявили награду за каждого доставленного шляхтича, живого или мертвого».

много всяких мрачных деяний) желало бы вычеркнуть из своей истории эти печальные страницы... Помещиков били, увечили, часто ничуть не причастных к заговору. Одного, какого-то Карла Котарского, перепилили пилой¹. А может, и не одного. Считалось необыкновенным счастьем, если, избив до полусмерти, вязали и отправляли в город. Дома и хутора помещиков на пространстве нескольких округов были разграблены, а кое-где даже и сожжены. Скот и хлеб помещичий разделены мужиками между собой. Разумеется, кто успел, бежал куда глаза глядят. Иные явились на нашем берегу Вислы. И долго ни помещиков, ни ксендзов, ни мандатариев², ни экономов, ни войтов гимн не видно было по селам и деревням. Главная резня происходила на Масляной. Всех убитых помещиков насчитывают до 800 семейств, преимущественно в округах: Тарновском, Бохенском, Ржешовском, Ясельском, Саноцком и Сандецком. В одном Тарновском убито 180 человек, из которых только 16 можно было кое-как узнать в лицо³.

Были, впрочем, места, где крестьяне ограничились одной ревизией помещичьих домов: не скрыто ли где оружия, пороку и припасов, – а самих помещиков не трогали. К таким местностям относятся деревни: Кросно, Долгое, Жненцин, Жеальцы, Хорховка, Ворки, Кобыляки, Сулистров⁴.

Народ ходил в праздничных одеждах, ничего не делая, а только бражничая, по крайней мере целую неделю. Кое-где галицийские мужики подходили кучами к нашей границе и кричали мужикам Царства Польского, через Вислу: «Что ж, вы-то скоро ли начнете душить своих панов?» Говорят,

---

¹ Сведения из письма, сообщенного киевским генерал-губернатором Бибиковым Паскевичу. Надо заметить, что тогда юго-западные губернии и Литва были подчинены наместнику Царства Польского высочайшим приказом от 21 февраля 1846 года, почему оба генерал-губернатора обязаны были доносить фельдмаршалу обо всем, что только найдут достойным замечания. Известное побоище в селе Горожане Самборского обвода в 3,5 мили от Львова, описано очевидцем, счастливо спасшимся от смерти, неким В. Чаплицким, и напечатано под заглавием: «*Powiesc o Horozanie, Lw6w*» (1862).

² Мандатарий (*mandatariusz*) – деревенский судья. Также – агент и поверенный по делам.

³ То же письмо с места действия, доставленное Бибиковым Паскевичу.

⁴ То же письмо.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

будто шляхта крикнула в одном пункте с нашего берега галичанам: «Нет, это мы придем к вам на Пасху и наделаем из вашего брата окороков и колбас!»

Вот когда грянуло известное *Письмо польского дворянина к князю Меттерниху* – «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich...»

Вести об этой резне и о приближении русских и прусских войск очень скоро достигли Кракова и сильно встревожили белых, точнее сказать – все умеренное. Конечно, люди, ничего не ожидавшие от детского, необдуманного восстания, стали задавать друг другу вопросы: «Куда идет так названное народное правительство? Что готовит краю? В чью голову распоряжается по-диктаторски Тиссовский? «Недовольных им было много, но ни одного, кто бы решился против него открыто вооружиться. Все только шушукали в тишине, высказывали друг другу неудовольствие, и более ничего. Первый, решившийся объяснить с Тиссовским, иначе сказать, с правительством (которое, по выходе в отставку Гржегоржевского, состояло собственно из двух только членов: Горшковского и Тиссовского), – был Николай Лисовский, присланный, как мы видели выше, организацией Царства Польского для подачи голоса на съезде уполномоченных при выборе членов правительства от Галиции. Он считал себя очень важным лицом, воображал, что за ним следят больше, чем за другими, и в первые минуты взрыва спрятался. Теперь, когда порядок в революционном смысле, по мнению гг. Тиссовских, стал восстанавливаться, то есть прекратилось, более или менее, разгуливание праздного народа, выстрелы и дебоширство, Лисовский явился в старый правительственный дом, куда Тиссовский ушел с Горшковским для домашних совещаний после прений о баррикаде и других предметах в Сером доме.

Прежде всего он сообщил товарищам, что «он жив». Потом стал укорять Тиссовского за некоторые распоряжения, могущие вызвать вмешательство соседних держав, в особенности России, и разрушить их Краковскую республику.

Тиссовский слушал молча. Состояние его духа было в высшей степени тревожно. Он и сам, без всяких Лисовских, знал, что дело идет плохо, был не прочь свалить с себя приличным

образом бремя правления, предоставив другим решать крайне затруднительные вопросы отечества, отвечать перед современниками и потомством. Сверх всего, что носил он в своей груди, сверх той нравственной тяжести, которая его постоянно давила к земле, во все эти дни, он был просто-напросто болен и разбит физически. Он почти не спал трое-четверо суток сряду. Ему нужен был покой, хотя бы на несколько часов. Подумав немного и сообразив все обстоятельства, он сказал Лисовскому: «Хорошо так рассуждать, а ты бы вот попробовал управлять республикой в такие минуты, при такой печальной, безвыходной обстановке, когда нет ниоткуда помощи, когда кругом апатия и безмолвие, а русские штыки нависли и угрожают! Коли хочешь, садись и пиши законы. Вот тебе моя власть, вот тебе и мой шарф!»

С этими словами Тиссовский снял с себя шарф, который носил постоянно, как знак высшей власти, и повязал его Лисовскому. Лисовский был утешен этим, как ребенок. Ему показалось, что он точно может направить реку по тому руслу, по какому ей нужно течь, что именно его-то и недоставало для спасения погибающих. За все это время в нем вращалось очень много всяких мыслей и проектов. Не было только случая пустить их в ход. Теперь этот случай неожиданно представляется... Точно так же утомленный и не спавший, Лисовский как будто выспался, когда Тиссовский украсил его знаком своей власти, как известно, почти диктаторской. Лисовский почувствовал в себе необъятные силы творить, и творить много. Потолковав между собой еще с четверть часа, все четыре лица, составлявшие тогдашнее народное правительство Краковской республики, пошли в Серый дом, где Лисовский и Горшковский тотчас же начали что-то писать, а Тиссовский только смотрел издали, ни во что не вмешиваясь. Сон смыкал ему глаза; наконец, он не выдержал и ушел домой спать.

На другой день (24 февраля н. ст.), часов около семи, Тиссовского разбудили звуки труб, смешанные с каким-то неопределенным шумом и криками: в город вступал довольно стройный кавалерийский отряд Эразма Скаржинского. Отряд этот был невелик: всего 50 всадников, но за ними тянулась страшная масса вооруженных чем попало мужиков, тысяч до пяти.

Слезши с коня, Скаржинский стал спрашивать: «Где народное правительство? Где Тиссовский?», и скоро был препровожден на квартиру последнего, который принял его совсем не так, как отставной член-руководитель правительства. Много значит для человека выспаться. Окинув взглядом из окна «свою армию», Тиссовский почувствовал себя опять диктатором. Вчерашнее происшествие с Лисовским, передача власти и шарфа представились ему странным, неестественным сном, каким-то нелепым кошмаром, который магически рассеяли звуки труб и солнечные лучи, игравшие на саблях улан, правда многочисленных, но все-таки улан! Отчего нельзя превратить в таких же улан и все стоявшее сзади мужицкое воинство, с разным дреколием в руках? Отчего нельзя переменить это дреколие на сабли и пики, а сукманы — на мундиры с народными цветами?.. Тиссовский пошел немедленно в Серый дом, где Лисовский с Горшковским продолжали что-то спешно писать. Взглянув на них иронически, он сказал: «Все это, что вы написали, господа, теперь не нужно. Кто бы что ни думал и ни говорил об этом, — я принимаю диктаторскую власть. А вот и новый командующий войсками, Скаржинский, услуги которого республика, надеюсь, скоро оценит!»

Лисовский с Горшковским возражать не посмели. К тому же они были точно так же утомлены, и глаза их смыкались еще пуще, чем накануне у Тиссовского. Бой был ни с какой стороны не равен. Таким образом Тиссовский сделался диктатором и выпустил в свет следующий приказ.

«Диктатор Иван Тиссовский к народу польскому.

Беспорядки, начавшие вторгаться в коллективное правительство и получаемые отовсюду вести, что крестьяне, не понимая, в чем дело, бросаются на помещиков, заставили меня взять власть в свои руки, о чем, извещая в особенности жителей города Кракова, предостерегаю всех, что часовые, стоящие у моих дверей, получили приказание не впускать ко мне никого, кроме тех, кто является, за известным знаком, с рапортом. А рапортовать могут только те, кто имеет сообщить что-либо существенно важное. С проектами и советами могут являться только те, кого я вызову.

Краков. Февраля 24-го дня 1846 года (подписали) «Иван Тиссовский». «Секретарь Рогавский».

Началось диктаторское правление. Тиссовский с новым командующим (старого вовсе и не уведомили об отставке, на что он ничуть не претендовал и куда-то скрылся) занялись приведением в порядок армии, сортировкой солдат и назначением командующих частями, чего до тех пор не было, кроме назначения одного только коменданта. Старому артиллеристу, Францу Каминскому, старику 52 лет, приказано быть инспектором артиллерии. Он заметил диктатору, что никак не понимает, в чем будет состоять его служба как инспектора артиллерии, *когда артиллерии никакой нет*. Тиссовский отвечал: «Правда, что теперь нет, но скоро будет. Вы же сами выльете пушки на заводах Штейгера. А пока займитесь осмотром пороховых магазинов!»

Эти «пороховые магазины» состояли всего из 20 бочонков пороху, которые Каминский и осмотрел в каком-то сарае. Пушек никаких не выливали, а поставили на колеса одну валявшуюся с давних пор в Замке пушку, фунтового калибра, которой ни разу не удалось даже выстрелить.

Другой подобный воин прежней Польши, старик под 60 лет, Яцентий Кохановский, сделан был инспектором пехоты, и ему велено отправиться немедленно в Замок, где заняться сортировкой войск: отделить стрелков от косинеров, косинеров – от тех, которые имели какое-либо другое холодное оружие, и, наконец, таких – от не имевших оружия вовсе.

Кохановский отправился и нашел в Замке массу людей в самых разнообразных костюмах, где кое-какой сюртук играл роль мундира, а дрянное охотничье ружье было лучшим вооружением. Многие лица смотрели по-разбойничьи.

Это были выпущенные за два дня арестанты. Привести в порядок такое воинство было нелегко. Тиссовский ждал Кохановского с рапортом, наконец не выдержал, сел на лошадь и поехал в Замок сам, сопровождаемый тогда же назначенным начальником своего штаба, Иваном Непршецким, воином времен Наполеона. Они сделали строгий выговор Кохановскому за медлительность и нерасторопность и принялись все втроем производить сортировку. Она кончена была кое-как часа в два. Затем начальство поехало смотреть собранную на рынке городскую стражу, которую разослали

потом по разным пунктам. Заметим, что здесь инспектор артиллерии Каминский явился сотником 9-й гмины: таков был недостаток в офицерах.

Вечером диктатор занят был устройством министерств и разных управлений. Рогавский писал без усталы кучу приказов. Как творились министерства, достаточно рисует рассказ Горшковского о назначении министром внутренних дел седого старика Велегловского (когда-то председателя Краковского сената). В правительственный дом продолжали заглядывать разные любопытные; пришел и Велегловский. Диктатор, заметя его, шепнул Горшковскому, сидевшему подле: «Видишь этого седого мужа? Мне кажется, он бы годился в министры... например, внутренних дел? Не предложить ли?» — «Что ж, можно попробовать», — отвечал Горшковский. Подозвали «седого мужа» и приказали ему быть министром внутренних дел. Каноник Развадовский сделан точно таким же образом министром духовных дел. Некто Сухоржевский назначен организатором кавалерии, Боровский — организатором милиции, Губерт — военным начальником Подгуржа, Свитковский — военным губернатором города Кракова, Экельский — интендантом, Стражевский — директором полиции, Ротарский — президентом комиссии по продовольствию войск.

С духовным министром велись после переговоры о том, нельзя ли в Ченстохове произвести чудо!..

В промежутки от занятий (конечно, очень краткие) диктатор принимал разные депутации и давал аудиенции некоторым лицам, желавшим ему представиться. Между прочим являлся к нему молодой граф Дзялынский, скиталец по белому свету и по всем польским диктаторствам. Начальник банды (человек в 200), действовавшей в Величке, и в то же время галицийский эmissар, Дембовский (уже известный читателям), который поспевал везде и напрашивался на разные предприятия, представил диктатору, 24 февраля н. ст., захваченную им в Величке казенную кассу — в 100 тысяч гульденов. Диктатор, желая умерить его чересчур горячие порывы, определил его в канцелярию холодного и рассудительного Велегловского (министра внутренних дел) секретарем, но тот расстался с ним через несколько часов.

Само собой разумеется, что все сколько-нибудь солидные и серьезные люди Кракова смотрели на эту диктаторскую комедию с сокрушенным сердцем. Появление австрийских войск снова под Краковом не обещало ничего хорошего для повстанцев. Говорили и о русских войсках, шедших на помощь австрийцам. Бывший *Комитет общественной безопасности*, с добавлением кое-каких новых лиц, собрался в ночь с 24 на 25 февраля н. ст., в Сером доме, лишь только диктатор ушел отдыхать к себе на квартиру, и весь город успокоился. Тут были: граф Водзицкий, граф Мошинский, Иван Мирошевский, Иларию Менцишевский, профессор Вишневский и другие влиятельные представители белого Краковского кружка. Стали рассуждать о том, как бы помочь беде. Почти все находили необходимым прежде всего свергнуть диктатора, не стесняясь средствами. Пока обдумывали план, каким образом этого легче достигнуть, Тиссовский узнал о заговоре и прибежал в Серый дом. Раздражение против него было так велико, что его едва пропустили в залу. Он увидел себя во враждебном лагере, где, при малейшей заносчивости, не только мог быть арестован, но даже убит. Необходимо было уступить напору неблагоприятных обстоятельств. Тиссовский, выслушав, почти без возражений, укоры Вишневского и Хршановского в том, что он ничего не делает такого, что могло бы обеспечить спокойствие города на будущее время, опять сложил власть и удалился. Собственно, ему нужно было только безопасно уйти домой. Здесь, окруженный друзьями, он разразился гневом на похитителей власти, представлял их изменниками отечеству и замышлял новое *coup d'etat*. Слухи о появлении казаков у Михаловицкой таможни и общее смятение по этому случаю в городе утром 25 февраля н. ст. как нельзя более пригодились тут отставному диктатору. Военные силы его, между которыми были сверх прежних банд кавалерийский отряд Мазараки и банды двух Иордавов, обратились все-таки к нему же с вопросом: что им делать? Тиссовский послал их на границу для рекогносцировки. Потом, когда рекогносцировка, при небольшой стычке с казаками, кончилась, Тиссовский собрал другой отряд, включив в него всю свою пехоту, и велел ему отправиться против

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

москалей и разбить их, если можно... Словом, он распоряжался опять всем. Он опять, сам не зная как, стал *de facto* диктатором, точно и не был никогда сменяем: партии, работавшей против него, как бы и не существовало. Удвоив вокруг себя стражу и никого не пуская к себе на глаза без подробного осмотра и расспросов, диктатор назначил военный суд над Менцишевским, Вишневым и Мирошевским как главными руководителями заговора. Суд этот¹ приговорил Вишневого к смертной казни, а Мирошевский и Менцишевский были оправданы. Впрочем, и Вишневскому дали уйти.

Чтобы не иметь врагов в бывшем *Комитете общественной безопасности*, Тиссовский учредил постоянный *Городской совет*, в котором заседали: граф Водзицкий, граф Мошинский, Юлиан Завищевский, генерал Вонсович и банкир Иван Бохенек. Военным министром назначен некто Бадени, также из белых.

Кроме того, для успокоения простого народа, двинута в край, через Подгурже, большая духовная процессия, под начальством Эдуарда Дембовского, который все хотел что-нибудь делать, выставляться напоказ, идти на опасности; как только австрийские войска перехватили всех зачинщиков, множество ксендзов было арестовано, а Дембовский куда-то пропал.

Катастрофа, долженствовавшая положить конец всей комедии, близилась.

III

Наместник Царства Польского получил очень скоро довольно подробное описание всего случившегося в Кракове, частью от австрийцев, частью от нашего краковского резидента, д. с. с. барона Унгерн-Штернберга, вследствие чего приказал двинуть в ту сторону ближайшие свои войска: батальон Кременчугского егерского полка и сотню казаков под начальством командира этого полка, полковника барона Менгдена, и

---

¹ Состоял из: нотариуса Севастьяна Корытовского, Эдуарда Дембовского и Юлиана Савичевского. Должность инстингатора при этом исполнял люблинский помещик Карл Бржозовский.

занять Краков к 12 февраля ст. ст. Но этот приказ был тут же отменен по причине распространившихся слухов, что восстание принимает весьма обширные размеры и что австрийские войска (пехота, кавалерия и артиллерия) отступили.

Везде говорили о какой-то *всесветной революции*.

Фельдмаршал сделал распоряжение о сосредоточении около города Кельц большого отряда в 10 батальонов пехоты, 4 эскадрона кавалерии, 13 сотен казаков и горцев, 2 роты саперов, 2 стрелковые роты и 20 орудий. Войска эти должны быть на месте (около Кельца) к 18 февраля ст. ст. Между тем, пока они сходились, отдан приказ начальнику 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Панютину занять Краков теми силами, какими он располагает; а он располагал (16 февраля) 3 батальонами пехоты, 6 сотнями казаков и 4 сотнями горцев, при 12 орудиях. Разумеется, этого было слишком достаточно, чтобы разбить краковских повстанцев со всеми другими повстанскими полчищами Галиции и Познани; но Панютин почему-то медлил с выступлением, вследствие чего Паскевич послал к нему генерал-майора Безака под видом начальника артиллерии, предложив Панютину «относиться к посланному с полным доверием и не иметь от него никаких секретов»¹.

Впрочем, торопя Панютина, фельдмаршал сам смотрел на дело довольно серьезно и предполагал возможность некоторого столкновения, в обыкновенном, «регулярном», так сказать, смысле этого слова. Как человека, понимавшего силу правильно организованных отрядов, его приводило в недоумение более всего бегство из Кракова австрийских войск с артиллерией.

В одном из предписаний командиру 3-го корпуса генерал-адъютанту графу Ридигеру от 15 февраля 1846 года № 687 фельдмаршал так излагает план действий против повстанцев. «Артиллерия должна расстроить неприятеля. Она действует *предпочтительно прежде*, и пехота отнюдь не должна ее заслонять. Если неприятель выдержит картечь,

---

¹ «Идите сейчас с тремя батальонами, артиллерией и казаками, какие у вас уже есть, и отрядом князя Бебутова вперед в Михаловице, а Краков окружите казаками. Бояться нечего, стыдно! Деритесь и держите бунтовщиков в страхе».

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

послать пехоту, которая должна быть в двух линиях, никак не в одной. Потом кавалерию. Мусульман не посылать в атаку на пехоту, ибо они будут только горячиться, а употреблять их в перестрелках и фланкерах против кавалерии, равно во флангах, когда атакуют казаки».

Предполагалось, таким образом, что неприятель выдержит картечь 12 орудий! Можно заметить при этом, что к отряду, отправленному от нас, ожидали еще немедленного присоединения австрийцев из Подгуржа, где было 6 орудий. Да Пруссия должна была двинуть отряд, тоже, конечно, не без артиллерии. Такие силы! А в сущности чересчур было довольно одних наших войск, имя которых вселяло в те времена панический страх и не в повстанцах, собранных на скорую руку.

Безак, по прибытии на место (в Кельцы), тоже не выражал решительного мнения.

Наконец, вследствие предписания фельдмаршала от 16 февраля 1846 года за войска выступили 17 февраля ст. ст. утром, а 19-го были уже под Краковом. Одушевление возросло до невероятной степени. Солдаты не чувствовали усталости, несмотря на то что шли по страшной грязи, в самую дурную погоду и делали огромные переходы.

В город отправлена немедленно такая прокламация:

«Жители города Кракова!

Сильное русское войско идет для восстановления нарушенного спокойствия в вашем городе. Спешите принять его в ваши стены, дабы оно могло защитить невинных. Всякий, кто положит оружие, будет пощажен. Смерть ожидает тех, кто будет взят с оружием; а сверх того и город, если в нем станут защищаться, будет предан без пощады огню и мечу. Объявляю вам это по повелению его светлости наместника Царства Польского, фельдмаршала князя Варшавского.

(Подписал). Начальник войск, назначенных для занятия города Кракова, генерал-лейтенант Панютин».

Почти в то же самое время (несколькими часами раньше) Краковское народное правительство получило известие, что генерал Коллин намерен вступить в переговоры. Тиссовский тотчас отправил в Подгурже двух французов. Одного из них австрийцы задержали, а другого отправили обратно в город

для уведомления жителей, что генерал Коллин требует безусловной сдачи, революционных парламентаров не принимает, а может войти в сношение только с депутатами от города. Тогда отправлены в Подгурже: Вольф, граф Водзицкий, Гельцельи Федорович. Но тутже распространились слухи о приближении русских войск, и в город прибыло воззвание генерала Панютина. Переговоры с австрийцами прекратились; внимание всех сосредоточилось на русских, как бы единственно от них ожидали решения вопроса: быть или не быть вольной Краковской республике.

Само собой разумеется, что в городе никто не думал о сопротивлении. Средства Тиссовского состояли в 1000 человек кое-как вооруженных, 200 всадников и 5000 невооруженных крестьян. Все это войско имело одну пушку фунтового калибра, о которой мы уже сказали.

Все влиятельные лица народного правительства сошлись в Серый дом, и военный министр Бадени предложил Тиссовскому написать отречение и передать власть Комитету общественной безопасности. Другие министры поддерживали предложение Бадени. Тиссовский, после некоторого колебания, написал следующее:

«Диктатор – министрам-товарищам.

Обстоятельства принуждают меня выступить в поход с вооруженной силой, почему передаю власть управления министрам, предписывая им соблюдать в делах существующий порядок и представить мне, по возвращении, отчет в своих действиях».

После этого поднялся шум. Предложено было несколько разных мнений, между прочим – сдать русским войскам. Тиссовский отвечал на это решительным тоном, что «сдаваться пока никому не намерен, а будет донельзя действовать вооруженной рукой. Если выступает из Кракова, так единственно за тем, чтобы узнать о положении дел в крае, что даст возможность решить, куда идти: в Галицию или в Царство».

Затем дано секретное предписание собрать войска к 1-му часу пополудни (со 2 на 3 марта н. ст.) в предместье Клепаж. В 7 часов утра Тиссовский сделал смотр около деревни Бржовицы и потом двинулся к селению Кршешовицам.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

У него было: 900 косинеров, 200 стрелков и 200 кавалеристов. В свите диктатора находились: Эразм Скаржинский, Мазараки, Рогавский, младший Иордан, Венда, Наполеон Экельский, два Калинки, Осип Хладек и другие.

Комитет общественной безопасности тем временем отправил депутатов к генералу Панютину с заверением в самом добром расположении жителей Кракова к русским. После сего наш отряд вступил в город, имея впереди казаков¹. Жители кричали: «Да здравствует русский император!»

По собрании сведений, куда направились повстанцы, послан отряд для их преследования, состоявший из 4 сотен мусульман, с двумя конными орудиями и батальоном Кременчугского егерского полка, под начальством полковника князя Бебутова. Соединенно с ним приказано действовать полковнику князю Барятинскому, имевшему под командой полк донских казаков.

Повстанцы шли форсированными маршами. В Кршешовицах сожгли бумаги и прокламации; деньги, имевшиеся в кассе, раздали войску. Военный совет, собравшийся ночью (кажется, с 3 на 4 марта н. ст.), решил сложить оружие перед пруссаками на прусской границе, что и совершилось близ города Хелмна. Тиссовский сдался простым офицером². Альциата, описывая этот факт, восклицает: «Стоило же вставать против одного врага, чтобы сложить оружие пред другим!»

Через три часа после нас вступили в Краков австрийцы, имея 5 рот пехоты и 2 эскадрона кавалерии. Позже несколькими днями прибыл прусский генерал от инфантерии граф Бранденбург. Прусские же войска в Краков не вступали, а расположились в местечке Хршанове: 2 батальона пехоты, 4 эскадрона кавалерии и пешая артиллерийская батарея, под начальством полковника Гобе.

Союзники учредили немедленно *временное военное управление* под председательством (по примеру прошлых лет)

---

¹ Казаки с Бебутовым вступили раньше пехоты, одни, в самом ограниченном числе, и подвергались опасности; но в городе все уже упало духом. Город был сдан подполковнику Повало-Швейковскому.

² Потом бежал, имея паспорт на имя француза Шевалье Ганри де Тонд (Chevalier Henri de Tonde), но скоро схвачен и посажен в Кёнигштейн.

какого-либо австрийского генерала, кого назначит австрийское правительство. Назначен был на этот раз фельдмаршал-лейтенант граф Кастильони¹.

Дабы кончить с восстанием 1846 года во всех захватах, нам остается сказать еще несколько слов о том, что произошло в это время в Пруссии.

Изготовив *план и инструкции*, Мирославский поспешил разослать приказание к разным высшим чинам Познанской организации, чтобы они в течение недели, от 4 до 11 февраля (н. ст.), съезжались в указанные им места для выслушивания от него и других уполномоченных необходимых объяснений по предмету предстоящих операций, что и было исполнено очень многими начальниками без соблюдения надлежащих предосторожностей со стороны полиции, которая шла, уже довольно давно, след в след за каждым шагом заговора.

Мирославский являлся на сборища почти везде сам, принимал рапорты о сделанных в той или другой местности распоряжениях и давал нужные советы и приказания. Самое многочисленное и (добавим) самое неосторожное сборище было в местечке Серебряная Гора, 8 февраля, где Мирославский, по принятии обычных рапортов от разных лиц, изложил перед всеми ими очень подробно план действий, а комиссарам обводов, не имевшим еще письменных инструкций, вручил таковые, и это было вместе с тем и утверждением их в сказанных должностях (номинациях). 9-го числа съехавшиеся в Серебряной Горе отправились по своим округам; а 11-го утром Мирославский выехал в село Свиныры, для новых совещаний с другими вождями. Тут прусская полиция арестовала Мирославского, Бесекирского, владельца Свиныр Лонцкого и нескольких еще, а потом пошли и дальнейшие аресты.

Так кончились затеи заговорщиков в княжестве Познанском.

В Западной Пруссии дело было немного иначе.

Прежде всего, еще в декабре (24) 1845 года, арестован из более видных деятелей заговора повстанский комиссар Старогродского обвода, академик Трояновский, назначенный на

---

¹ О пребывании наших войск в Кракове см. приложения.

это место главным начальником той части, Севериной Эльжановским.

Старогродский обвод считался важным, потому что с него начинались действия по местному плану, составленному Владиславом Косинским (с которым мы уже встретились) – именно: прежде всего думали взять Старогрод.

Лишь только стало известно, что Трояновский арестован, Эльжановский назначил на его место администратора пробства, ксендза Лободзкого; а этот пригласил к себе в помощники очень бойкого молодого человека Путкаммер-Клещинского, ученика школы сельского хозяйства. Но оба объявили Эльжановскому, что, несмотря на полную готовность служить восстанию из всех сил, они, по своему положению в обществе, наделают немного, если у них не будет кого-либо со значением и опытностью в военном искусстве.

Эльжановский обещал приискать, но пока приискивал, его арестовали. Начальство над краем принял Косинский, распоряжавшийся в то время приготовлениями к действиям около Быдгоща¹, почему должен был очень много ездить и, конечно, обратил на себя внимание полиции. 16 февраля н. ст. его тоже арестовали под Лаусбергом, и эта часть восстания замерла.

Меж тем обещанный Лободзкому соратник прибыл в Старогрод из Крулевца февраля 20-го. Это был тамошний студент-медик Флориан Цейнова, завербованный Магдзинским, и они составили с Лободзким такой план нападения на Старогрод:

«Ночью с 11-го на 12-е ударить на город, уничтожить гарнизон (гусар), взять лошадей с их конюшен и занять арсенал. 2) Перебить на балу, в клубе, всех членов клуба, офицеров и гражданских чиновников, равно и всех тех, кто будет оказывать сопротивление. 3) Забрать публичные кассы. Если все это не удастся, то назначить уездного комиссара, огласить революцию и дать епископу в Пелплине адъютанта, для направления его действий; наконец, учредить революционный трибунал. 5) Послать вслед за тем несколько вооруженных людей в Грудзендз как в центральный пункт для открытия сношений с

---

¹ О пребывании наших войск в Кракове см. приложения.

повстанцами Западной Пруссии, а с оставшимися людьми, созвав ландвер, усилить и распространить местное восстание».

Затем Цейнова и Путткамер-Клещинский с другими лицами начали подымать народ по деревням Сумине, Липну, Быт-тоню, Ривальде, Вонбрезне, Яблове и Кленовке.

Сам начальник округа Лободзкий только писал письма и воззвания, то есть действовал влиянием своего имени и звания. К вечеру 21 февраля н. ст. собралось около ста человек, вооруженных чем попало: вилами, косами, топорами, палками (редко кто имел ружье) – и двинулись к трем сборным пунктам. В рядах Клещинского еще на дороге произошли несогласия. Какой-то каменщик из деревни Кленовки, по имени Куна, просто-напросто ругал старую Польшу, говоря, что «если б не она, не было бы всех этих тревог; и зачем ее восстанавливать?» На месте (в какой-то роще, под самым городом) оказалось недовольных и непослушных еще более.

Напрасно Клещинский махал саблей, произносил речи, вынимал из-за пазухи распятие: ничто не помогало. Подчиненные его говорили, что на город не пойдут, что сделать им ничего нельзя, а лучше разойтись. Пробившись с ними с полчаса или более, Клещинский отправился разыскивать начальников других отрядов, Цейнову и какого-то Мазуркевича; нашел и объявил им о положении своих дел. Но и у них было то же самое: те же крики неудовольствия и непослушания. Поговорив меж собой еще немного, вожди решили распустить своих людей, взяв с них клятву о хранении тайны. Такой имели конец замыслы повстанцев на Старогрод.

Все утихло. Нигде в Прусском захвате не было никакого взрыва. С 21 на 22 февраля вдруг весть о восстании Кракова пробудила опять в повстанских сердцах некоторые надежды, и под влиянием их возник заговор в Познани: поднять какие только можно силы и осадить Познанскую цитадель с 3 на 4 марта н. ст. в ночь и, если нападение удастся, выпустить на волю заключенных в ней Мирославского с товарищами.

В расчете заговорщиков было, что солдаты польского происхождения и часть офицеров сочувствуют восстанию, а потому помогут нападению. План составлен такой:

«Так как главное укрепление лежит подле города и днем имеет с ним сообщение, то часть заговорщиков может легко забраться внутрь и там до известного времени спрятаться.

По знаку, данному из города ракетой, два унтер-офицера из заговорщиков, переодевшись в солдатское платье, пойдут к главным воротам крепости, как бы возвращаясь с караула от цейхгауза, и вдруг бросятся на часового и обезоружат его.

В то же самое время часть забравшихся внутрь людей отворит ворота крепости поддельным ключом (который был сделан в Бреславле по слепку, доставленному начальнику заговора Неголевскому поручиком Мацкевичем) и впустят в крепость народ, обезоружив предварительно внутреннюю при воротах стражу.

Другая часть заговорщиков, находящихся в крепости, врывается в казармы гарнизона, припирает, где нужно, двери и захватывает ружья, стоящие в коридорах, с тем чтобы раздать своим. Конечно, тут помогут сочувствующие из войск.

В городе должны произойти тогда же следующие распоряжения: все заставы и выходы в поле преграждаются вооруженным народом, дабы власти не могли дать знать о штурме расположенным в окрестностях войскам. Равно должны быть окружены: Хвалишевский мост и артиллерийский парк, дабы находящийся в реформатском укреплении гарнизон не мог подать помощи осажденным, а орудие – действовать. Этот пункт поручен лесничему графа Дзялынского, Тромпчинскому».

Сверх всего изложенного было еще в предположении и застрелить коменданта генерал-поручика Штейнакера в 12 часов дня (3 марта) во время смотра войск, на Вильгельмовском плацу; но он в 9 часов уже воротился в крепость, а перед вечером имел от обер-полицеймейстера сведения о заговоре и принял предосторожности.

Увидев, что они открыты, заговорщики изменили час нападения, намереваясь вести приступ не ночью, а в 8:45 вечера. Равно изменили и сборные пункты, но это произвело только путаницу: часть попала на старые места и, не найдя там ни обещанного оружия, ни начальников, пождала-пождала и разошлась. Другие не нашли ничего на новых местах... Таким образом, нападающих оказалось очень немного. Поговорив

между собой и получив известие, что в крепости приняты меры и против новых распоряжений, начальники распустили команду. Оружие было частью брошено в Варту, частью зарыто.

Только у Хвалишевского моста было все исполнено по начертанному плану: смелый и энергичный Тромпчинский собрал до 60 человек народу, как бы на охоту, вооружил их, посадил на 6 больших телег и первый въехал на мост. Когда часовой крикнул: *кто идет?* — с воза выстрелили; на выстрелы отвечали приготовленные в воротах солдаты тоже выстрелами и ранили самого Тромпчинского и двух его товарищей, а третий был убит. Воз, конечно, тут же был забран, и в нем оказалось много оружия.

Другие возы, державшиеся сзади, увидев эту сцену, остановились; народ бежал, и подошедшие войска взяли только телеги с лошадьми и оружием.

В ночь произошли многочисленные аресты.

Так кончилось восстание 1846 года, задуманное, по-видимому, на широкую руку. Маленькая Краковская республика перестала существовать. Однако революционное брожение умов продолжалось в крае еще довольно долго. Поляки не хотели верить, чтобы восстание, в котором принимали участие все высшее сословие и которое располагало хорошими средствами, чтобы оно действительно кончилось, и кончилось как-то странно вдруг, как будто и не начинавшись. Когда взяли Бесекирского (в имении Лонцких, Свинярах, в одно время с Мирославским) и полицейский офицер стал утешать плачущую его жену, она приподнялась и сказала: «Вы думаете, что я плачу по мужу? Я плачу о том, что решение участи Польши отложено еще на шесть месяцев!»

Во многих местах всех трех захватов от марта до мая месяца происходили незначительные вспышки, кончавшиеся арестами двух-трех человек и только. Киевский генерал-губернатор писал к Паскевичу, что замечает даже и у себя некоторое движение молодежи, в пунктах, соприкасающихся с границей, и при рапорте от 23 марта 1846 года прислал *прокламацию*, ходившую там; но, кажется, она была более раннего происхождения.

Австрийцы извещали, что у них, в округе Сандецком, распространено какое-то *письмо с неба*.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

У нас в Томашове (Люблинской губернии Замостьского уезда), в ночь с 11 на 12 апреля ст. ст. подброшен пакет в синагогу, заключающий в себе довольно безграмотное *воззвание к евреям* на еврейском языке.

Было еще несколько подобных фактов в нашей Польше, не стоящих того, чтобы о них говорить подробно.

Мы упомянем только о заговоре варшавских гимназистов против Паскевича.

Повторяя за некоторыми взрослыми, что восстание 1846 года не удалось единственно потому, что тут вмешался «Эриван», школьники бросили между собой жребий, кому его убить, чтобы поправить дела, если не в настоящем, то хоть для будущего. Жребий пал на какого-то неловкого и очень юного гимназиста. Тогда один ученик 7-го класса 1-й Варшавской гимназии, Антон Рудский, вызвался сам, без всякого жребия, убить «Эривана» из ружья, не то из пистолета, будучи хорошим стрелком.

Заговор этот сделался известным правительству по причине хвастливой болтовни ребят. Рудского арестовали. После оказались сопричастными к тому же делу варшавские жители: Генрих Мониковский и Лосевич.

Так же точно медленно приходили в себя разыгравшиеся деревенские элементы Галиции. Мужики не хотели ничего делать, ни вносить податей. Были даже такие, кто пресерьезно требовал от правительства обещанных наград за головы помещиков. «Ведь нам же читали о Пасхе (говорили они) по всем костелам благодарность эрц-герцога за то, что мы порешили помещиков!»

Так поняли они *прокламацию* эрц-герцога Фердинанда, которую действительно читали по костелам и где была выражена благодарность правительства крестьянам за сочувствие и за то, что между ними не открыто заговорщиков.

Весной во многие деревни пришлось послать военные команды, и только при их помощи водворился кое-как прежний порядок, и крестьяне стали работать. В иных, особенно беспокойных деревнях даже были поставлены для устрашения народа виселицы.

Союзные войска стояли в Кракове до июня месяца. Наших было там постоянно: 2 батальона, 2 конных орудия, легкая батарея № 5, сотня донских казаков и сотня мусульман.

Карбонарские клубы, прокляв своих союзников-поляков за излишнюю горячность и неумение вести надлежащим образом заговор, продолжали свои работы и подготовили к 1848 и 1849 годам несколько взрывов. Поляки не преминули пристроиться там, где это оказалось удобно. Восстание Познанского княжества имело для них связь со всеми революционными затеями эмиграции после 1831 года; было одно и то же дело, прерывавшееся вследствие разных обстоятельств.

Вот что говорит об этом Мирославский, начиная свое описание «Познанских происшествий».

«Страдающая местная демократия (*Demokracja krajowa*) и вызывающая демократия эмиграции, долго отыскивая друг друга под двойным гнетом чуждого наезда и своего шляхетского хозяйничанья в стране, наконец встретились в заговорах, начавшихся с 1836 года спорадически во всех трех захватах вдруг и приведенных в 1844 и 1845 годах Централизацией демократического общества к одной общей деятельной конфедерации. Приостановленное (*zawieszone*) в 1846 году восстание ничуть не сложило оружие под виселицей Потоцкого и Висневского¹, под топором Шели², под процессами пруссаков. Запертое в тюрьму в течение 1846–1847 годов³, в 1848-м оно выступило опять на зов европейских потрясений, все то же самое, с тем же самым евангелием, которое не весть когда будет проповедано (*nie przegadana. jewangeljaj*, с той же непреложной верой в святость своих догматов и в достоинство средств, которыми рассчитывало дойти до цели)⁴.

---

¹ Теофил Висневский повешен во Львове, вместе с Капустинским, в июне 1847 года.

² Это был предводитель огромной крестьянской банды, в 1846 году действовавшей под покровительством австрийцев. Сам он был тоже крестьянского звания. Мужики звали его *Krol Chlopow*. Говорят, банда его простиралась до 5 тысяч человек.

³ Мирославский понимает заключенных в крепость и подвергнутых более или менее продолжительному аресту в разных местах, себя и товарищей своих по заговору 1846 года. Из 254 захваченных в то время суд приговорил: восьмерым отрубить голову топором, других заключить на всю жизнь или на известный срок, третьих выслатъ вон и т. д. Конфирмацией короля приговор этот был смягчен: осужденных на смерть посадили в одиночные казематы без срока, до ста на разные сроки, и, наконец, иные совсем освобождены. Имена всех этих лиц можно видеть в *Allgem. Zeit.* 1847, от 3 декабря и в *Biblioteke Piarzy Polskich*, T. XXIX. S. 278.

⁴ *Powstanie Poznanskie w roku 1848*. Paryz, 1860. S. 5–6.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Поляки поднялись в Познани в 1848 году, потому что там поднялось и немецкое население, узнавшее о движении Берлина и требовавшее от правительства того же, чего требовал Берлин. Само собой разумеется, что заговорщики немцы обрадовались лишним революционным рукам и братались с поляками до тех пор, пока поляки были им нужны для их *немецкого дела*. Берлинцы вынесли Мирославского с торжеством из Моавитской тюрьмы, при оглушительных криках «ура», как бы своего собственного вождя, и он, имев несколько бесплодных объяснений с берлинскими заговорщиками, которых учил, «как действовать далее», отправился в Познань и принял начальство над познанскими повстанцами из поляков, которые называли его «*wodzem zmartwychwstalym*», то есть «воскресшим из мертвых вождем».

Но берлинское правительство весьма скоро и ловко окончило все счета со своими немецкими повстанцами, и они, будучи удовлетворены в своих требованиях, успокоились и обратились к мирным занятиям. Поляки остались одни, и тоже, конечно, должны были успокоиться и положить оружие, несмотря на несколько удачных схваток с прусскими войсками, например, под Вржеснею, Соколовым и Милославом. Мирославский снова попался в руки прусского правительства, но на этот раз был помилован и уехал в Париж.

Мы не описываем подробно этого восстания, так как оно не имело с нашей Польшей никакой связи. По крайней мере эта связь нигде и ни в чем ярко не обнаружилась. Любопытствующих знать о нем ближе отсылаем к книге Мирославского, несколько раз нами приведенной. Кроме того, есть и еще описание тех же событий, между прочим, Морачевского.

В следующем за тем 1849 году известный маневр Паскевича предупредил восстание Галиции, а с ней, вероятно, и Познани.

В это время возник в Литве одинокий (если верить Авейде), независимый от Централизации заговор, о котором, кажется, нигде еще не было писано. Он состоял преимущественно из школьной молодежи и ограничивался главнейшим образом литовскими губерниями, с самым незначительным участием Малороссии; но в Царство, по-видимому, не проникал. Вождями этого заговора считаются два брата Далевские, Франц и Александр, к которым пристал позже служивший кем-то в

наших войсках, стоявших в Вильне, Сигизмунд Сераковский, тогда еще молодой человек.

План литовских заговорщиков был таков: или поднять восстание в то время, когда венгерская революция примет счастливый исход и Дембинский или Высоцкий вторгнутся в русские пределы; или восстанием, поднятым в тылу действующей армии, отвлечь русские силы и этим помочь мадьярам. Сераковский был послан переговорить об этом с Дембинским и благополучно перебрался через Польшу и Галицию, но на обратном пути арестован, и тут все узнали.

Далевские были сосланы в Сибирь, в каторжную работу, а Сераковский разжалован в рядовые и отправлен в Оренбургские батальоны. И с ним, и с Далевскими нам еще придется встретиться.

Наконец настал тяжелый для нас 1855 год, с его Крымской кампанией, с Севастополем. Казалось, когда бы лучше встать полякам, как не в это время; между тем они не встали; даже не было нигде к этому видимого поползновения. Авейде говорит: «Люди, не знавшие нашего положения, но вспоминавшие наши до 1850 года конвульсивные революционные порывы, предлагали вопрос: отчего не восстали мы во время Крымской войны, несмотря на всю нашу ненависть к русскому правительству? Мы не восстали, потому что не могли восстать, потому что мы отупели и были слабы, невыразимо слабы»¹.

Впрочем, Иосиф Высоцкий входил от имени *Демократического общества*, точнее от его бранных остатков, в переговоры с английским и турецким правительствами о том, с какой бы стороны поляки могли быть им полезны в действиях против русских в Крыму; но предложения, сделанные ему Англией и Турцией, он нашел для Польши не только невыгодными, но даже оскорбительными, и ничего не предпринял.

IV

В 9 часов утра 20 января 1856 года¹ не стало человека, который без малого 25 лет держал Польшу в руках и при

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

помощи соответственного положения дел в России добился того, что на огромных пространствах начало вырабатываться в значительной массе поляков убеждение, что *иначе, стало быть, нельзя*; что мы и они должны слиться, жить в каком ни на есть согласии; что ссоры ни к чему не ведут, разве только к разорению края; что, как бы поляк ни мало получал от правительства, находясь с ним в ладах, все-таки это малое больше того, что он получит, разрушив добрые отношения с правительством, затеяв восстание, хотя бы даже такое, как в 1830 году.

Само собой разумеется, бывали минуты, вследствие каких-либо движений в Европе или наших собственных ошибок, когда эти же самые *замиренные*, так сказать, *черкесы* Польши, в ком *начало что-то вырабатываться*, думали иначе, поворачивали в другую сторону. Мицкевич, со свойственным ему талантом, очерчивает такое состояние польской души в прелестном сонете *Морская тишь*:

О море! спят в минуту непогоды
Чудовища твоих глубоких вод...
Так и во мне тревожный змей живет:
Он долго спит... Проходят дни и годы...
Но чуть блеснет коварный луч свободы –
Проснется он и кольца разовьет.

Этот змей проснулся, когда на опустелый трон наместника Польши сел дряхлый и ветхий во всех отношениях и князь Михаил Дмитриевич Горчаков, только что разбитый турками и французами. Увы, никакие лавры не осеняли слабой, расстроенной годами и несчастьями головы. После представительной фигуры отошедшего в вечность фельдмаршала непредставительная фигура преемника его «казалась еще непредставительнее». Впрочем, назначение Горчакова правителем

---

¹ Рассказываются такие подробности о похоронах фельдмаршала. Он был фельдмаршалом трех армий: русской, прусской и австрийской. Как прусский, так и австрийский жезлы были сделаны наскоро из дерева и обернуты густым крепом. Настоящий жезл был один только русский, очень дорогой в 7 тысяч рублей, по цене бриллиантов, его украшавших.

в Польшу было самым простым и естественным фактом того необыкновенного времени: на всероссийский престол вступил великодушнейший из государей, по слову которого стихла прежде всего брань на холмах Севастополя, а потом начались громадные преобразования во всей империи, из конца в конец. Развязано печатное слово, приподняты разные шлагбаумы, задумано освобождение 25 миллионов рабов.

Все кипело, шел треск необыкновенный. Русский человек — во всем русский человек... Читатель, конечно, хорошо помнит это необыкновенное, это странное, это страшное время. Враг не дремал. Здание, стоившее таких трудов покойнику, двадцатипятилетних трудов, покачнулось в немного дней. Самые невероятные фантазии, возможные только в голове этого *ребенка-народа*, стали занимать все партии. Польская интрига принялась работать горячо и серьезно. Салоны русских редакций незаметно наполнились поляками. Когда поляк захочет искать, он очень ловок. В этом он опередил, может быть, иные и старшие нации. Искать в русских, в нашей неслыханной доверчивости и, как обыкновенно выражаются, доброте (хотя тут нужно приискать другое слово) не трудно. Особенно было не трудно тогда, когда все хляби разверзлись, в те необыкновенные минуты России, о коих теперь речь. Добрые русские редакторы и вообще русские люди сильно попались. Если б повторить то, что говорилось тогда нашими патриотами о поляках, что бы они теперь сказали!..

Ошибка, ротозейность, объятия и крики увеличивались еще и оттого, что польское наше дело было для нас тогда очень плохо знакомо, было новостью, как бы только что родившейся на свет. То, что теперь знает о Польше всякий гимназист, тогда знали немногие оракулы. Польша и Варшава представлялись нашему воображению чем-то далеким, каким-то заброшенным в неведомом море островом Буяном, где все иначе, и пусть себе иначе! О тамошней жизни мы получали кое-какие баснословные и сбивчивые сведения от заезжих оттуда офицеров, а они больше всего рассказывали о красивых варшавских женщинах и дешевых перчатках... Мы были равнодушны к вопросам, к которым нельзя быть равнодушным, считая

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

себя европейским человеком. Да, признаться сказать, ничего другого и не оставалось, как быть равнодушным. Грозная фигура фельдмаршала (не тем, Бог с ним, будь помянут!) стояла во весь рост не перед одним завоеванным народом, стояла она и перед глазами русских редакторов. Никакая тень корреспонденции из Польши была немыслима. Не было к тому же и железных дорог.

Странно было бы, если б в это время пробудившихся так или иначе симпатий к Польше, в это вообще суеливое, доброе, мягкое, либеральное время, когда теплые «крымские» струи неслись и затопляли пространства, которым нет подобных, странно было бы, если б тогда на упразднившийся трон варшавского наместника стали искать лица, подобного во всех отношениях покойному фельдмаршалу. Все строилось тогда мягко. Разумеется, можно было бы обойти одряхлевшего и неспособного Горчакова; но... за него стояли 25 лет, проведенные им в Польше при Паскевиче в качестве преимущественно начальника его штаба. Польша казалась тиха, так тиха, что ею мог управлять решительно всякий генерал, считавший за собой лет 50 службы.

В самом деле, Паскевич оставил Польшу совершенно спокойной. Тамошние поляки довольно долго держали себя тише, чем их братья в России. Ни о каких подземных работах не было и помину.

Вероятно, иным из читателей случалось слышать, что *военная диктатура* (так звали поляки управление Паскевича) переломала кости Польше, убила в стране все. Эти черные краски занесены из эмиграции, от врага, имевшего свои причины изображать все Паскевичевское с одной только дурной стороны. В действительности, строгая эпоха не парализовала развитие Польши ничуть; напротив, все двинулось там вперед, и сильно вперед, сравнительно с тем, что мы нашли, являясь победителями в конце 1831 года, Цветущие поля и фольварки Царства Польского во дни Паскевича были относительно России тем, чем относительно их кажутся высокообработанные нивы и дышащие жизнью сельские поселения пруссаков. Переезжая польский рубеж, всякий русский чувствовал

себя мгновенно как бы за границей. Что собственно до Варшавы, — она за время управления Паскевича превратилась из грязного городка в опрятную европейскую столицу, снабжена водой, тротуарами, фонарями и прекрасным съездом на Вислу. Ничего этого не было в Варшаве до Паскевича, по крайней мере в надлежащих размерах. Каким образом съезжали к Висле до сороковых годов, всякий может полюбоваться, спустившись по Беднарской улице. Домов в чисто европейском духе, каких до революции 1830 года было крайне мало, явились целые улицы. А как весело жилось в Варшаве Паскевича и немного позже, вам расскажет всякий, кого заносила туда судьба. Эти погасшие теперь, пасмурные палацы аристократов горели огнями, гремели музыкой. По улицам мелькали изящные экипажи, иногда по-польски, цугом на вынос, при звуке медных рогов и хлопанье длинного польского бича. Везде и во всем допускалась эта размашистость национального польского характера. Фельдмаршал умел извлекать политические барыши из медных рогов и других детских побрякушек. Да не подумают, однако, что все тогда было хорошо, что система покойника есть то, на чем можно остановиться. Здесь не место рассуждать об этом подробно; автор — партизан деспотизма только там, где его нечем заменить...

Если взглянуть на карту, подумаешь, что Варшава — большой город. Но если ее взять, какой она представляется всему более образованному населению, ограничить пределами, где вращается все живое, европейское, где решаются наисущественнейшие вопросы города, — эта Варшава невелика: ее можно вместиť в четырехугольник следующих улиц: Нового Света, Краковско-го Предместья (составляющих почти прямую линию — *Невский Проспект* Варшавы), Медовой, Долгой, Римарской, Маршалковской до Иерусалимских аллей и закончить этими аллеями до Нового Света. Здесь, в этом четырехугольнике, все: и лучшие дома, и богатейшие магазины, и гостиницы, и театр, и превосходный публичный сад с каштанами, доживающими другую сотню лет.

Бывают в домах уютные комнаты, где как-то приятнее сидится, читается, беседуется: то же самое можно сказать и о Варшаве между городами, разумея ту ее часть, которую мы только что очеркнули. Это прежде всего уютный город, где

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

жить удобно, где все под руками. Стремление жителей со всех концов к центру и страсть поляков к «спациерованью» делают сказанные улицы чрезвычайно оживленными, даже иногда тесными через меру. В воскресенье или просто в хороший день на этих улицах истинно парижская толкотня. Все суетится, блестит и сияет. Ни поляк, ни полька не выйдут на «спациер», не позаботятся о своих маншетах. В праздники женщины «спациерую» с молитвенниками в руках. Иной раз увидишь с молитвенником и мужчину.

При Паскевиче и немного позже «была пора, боярская пора». Аристократы давили все, были до известной степени соправителями наместника. Чего только не мог тогда сделать в польских судах влиятельный польский аристократ, в особенности при необычайной продажности польских чиновников!

Посредством аристократов Паскевич приводил в действие все другие пружины. Выше было сказано, что он считал этот способ правления не только лучшим, но и неизбежным, вследствие всеобщего положения дел в империи и тогдашних взглядов на вещи.

Во главе этого всемогущего шляхетского мира Польши стоял тогда граф Андрей Замойский, не столько богатый, сколько изящный, благовоспитанный, симпатичный аристократ. Во всей его легкой, высокой, красивой фигуре, во всей физиономии было что-то необыкновенно милое и привлекательное. Его все знали и любили: русские, поляки, жида, высший слой и низший, умеренная половина населения и не довольные ничем «корсиканцы». Все самое несговорчивое и неудобное смирялось и уступало невольно, едва было произнесено это имя, едва взглядывал в их сторону граф Андрей своим мягким, глубоким, тихим взглядом. Не было имени в крае популярнее имени графа Андрея. Фамилию произносили редко. «Граф Андрей» — и кончено, как будто один только граф Андрей и был отпущен на всю Польшу. Некоторые русские звали его *Андрюхой*, что выражало у них и простоту, и задушевность этого лица.

Видный и казистый дом графа Андрея стоял на соединении двух лучших и оживленнейших улиц Варшавы: Нового Света и Краковского Предместья. Кто не знал этого дома!

Молодость графа Андрея протекла, как протекает молодость всех подобных людей, родившихся в особой сорочке. Его учили всему, но хорошо научился он только разным языкам, в особенности французскому, на котором писал и говорил безукоризненно.

До революции 1830 года о нем как-то мало было слышно.

В революцию, именно в первой половине 1831 года, народное правительство отправило изящного графа дипломатическим агентом в Вену; но он, будучи тогда еще молодым человеком, повел себя немного ветрено: встретясь где-то с одной хорошенькой землячкой и не разузнав путем, кто она и что она, влюбился в нее и разболтал ей, в припадке разных любовных излияний, причину своего прибытия в Вену.

Когда мы взяли Варшаву, Паскевич, обладавший секретом поручения¹, которое давалось Замойскому революционным правительством, полусуто пригрозил ему (когда он вернулся в Варшаву, как ни в чем не бывало) расстрелом, но потом протянул дружески руку. Изящный граф сделался нашим верным слугой, разумеется, настолько, насколько может быть нашим слугой поляк-аристократ, *pur sang*, который выше польской аристократии не знает ничего в мире и всякого москаля считает варваром.

Никто аккуратнее его не посещал Замка во дни официальных торжеств; он стал, можно сказать, официальной необходимостью Замка в известные минуты, этот эффектный граф, в жилете и галстукe белее снегов.

Люди, знавшие графа Андрея ближе, упрекали его в некоторой бесхарактерности. Карикатура Фредро, ходившая одно время по Варшаве, изображала графа с руками в одну сторону, с ногами в другую, с волосами в третью. Подпись гласила: *Comte Andre Zamojski, emporte par les tourbillons de l'opinion publique*¹. Все понимали как нельзя лучше, что из этого человека, случись необходимость, вождя не сделаешь. Тем не менее масса людей, считавших себя заодно с аристократами, держалась все-таки графа Андрея, как бы своего вождя.

---

¹ То есть граф Андрей Замойский, увлекаемый вихрями общественного мнения.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Таковы уже были симпатичные свойства этого человека. Настоящего вождя к тому же тогда и не требовалось: ни о каких ратях, ни о каких партиях не было ни слуху ни духу. Если и говорили «аристократическая партия», так это ровно ничего не значило, было пустым звуком.

Вторым влиятельным лицом между аристократами Варшавы был граф Фома Потоцкий, с типом древнего поляка, которому пристали бы очень кунтуш и вылеты; но вследствие ли своих свойств, или нежелания и неумения брататься со всеми (что очень ловко и прилично делал граф Андрей), или просто-напросто потому, что носил фамилию, которую считали чересчур преданной русскому правительству, Потоцкий не пользовался популярностью.

Далее шли: граф Константин Замойский, называвшийся обыкновенно *ординатом*, что означало «владельца ординации», иначе сказать: древнего майората; графы Август и Маврикий Потоцкие, отличавшиеся особенной привязанностью к правительству. Графу Августу принадлежало известное поместье Вилянов, память короля Яна III Собесского, с отличным парком, где все наши государи обыкновенно охотились, когда бывали в Варшаве.

Еще далее выступали: графы Красинские, Браницкие, Островские, Лубинские, Коссаковские, Урусские, Бромирские, князья Любомирские...

Вокруг них, как это всегда бывает, обращалось несколько планет помельче: помещики без графских и княжеских титулов, но влиятельные и образованные: Горский, Венглинский, Луцевский, Ставиский, братья Курцы, Мокроновские, Сементовские.

Все это, вместе взятое, принадлежало, как обыкновенно выражались, к партии Замойского, считая его если не вождем, то хоть смелым защитником их аристократических интересов перед правительством, а эти интересы казались им интересами всего края.

Вдали, на горизонте того же аристократического мира, показывалась иногда, почти без всяких сателлитов, грузная, сумрачная фигура маркиза Александра Велепольского, на которую тогда мало кто обращал внимания.

Этот кружок (эта партия, пожалуй) старалась всячески возвысить сельский быт страны, умножить фабрики и заводы и жертвовала на это капиталы. Граф Андрей, как говорили, рисковал более всех и даже будто бы потряс свое состояние. Здесь новая причина популярности этого лица.

Партия побаивалась, кроме того, усиливающихся кутежей молодежи (хотя и сама тоже кутила, так что сын учил отца, а отец — сына); ей хотелось вообще влиять, править всем, что стояло по рождению или по воспитанию в передовых рядах нации. Но как было править? Для этого нужен был прежде всего какой-либо орган, общество? Легко сказать: орган, общество! Это были в те времена звуки страшные, редко кем-либо произносимые.

Оставалось таким образом, за неимением правильно организованных работ, съезжаться довольно праздно у разных влиятельных лиц и беседовать, за бутылкой доброго дедовского «венгржина», о том о сем, с польской точки зрения. Случалось, что эти беседы уносили пирующих бог знает куда, на крыльях необузданной польской фантазии... Но при этом вдруг подсаживалась к ним тень еще неубитого Банко, в Георгиевской звезде и в лаврах... Беседы кончались ровно ничем. Все расходились совершенно здоровыми, совершенно белыми, тянувшими по-прежнему руку правительству.

Была в Варшаве еще кучка аристократов клерикального направления, которая, соскучась праздными съездами со братьев, решила ради провода своих идей в публику попытать счастья на поприще литературном.

Во главе этого кружка стоял неслыханный ультрамонтанец, граф Генрих Ржевуский, известный автор *«Листопада»* и *«Записок Соплицы»*, человек вполне нам преданный; даже говорили, что он в преданности Москве дошел до роли какого-то шута при Паскевиче. Как разумел его государь Николай Павлович, лучше всего покажет следующий анекдот. Однажды приехал в Варшаву король прусский Фридрих-Вильгельм IV, то есть брат нынешнего, и ему назначили в проводники по городу графа Генриха Ржевуского. Последний, как поэт, до того увлекся в истолковании великого исторического значения иных памятников, что король, воротясь, сказал государю,

тоже находившемуся в Варшаве: «Кого это мне дали в проводники! Если у вас все такие «белые», что же подумать о «красных?» – «Не бойтесь, возразил государь: *il est plus russe que moi et plus royaliste que vous*¹».

Такому лицу, разумеется, было легко выхлопотать позволение издавать газету. Ржевуский, в товариществе с графом Пршездзецким, основал в 1851 году ежедневный листок под названием «*Варшавский Дневник*» (*Dziennik Warszawski*).

Все было употреблено, чтобы новая газета пошла, и она действительно пошла. Хороший и исправно платимый гонорар (иные варшавские газеты ничего не платили тогда сотрудникам) привлек со всех сторон многие ретивые перья. В первый же месяц газета имела уже около двух тысяч подписчиков!.. Ей предсказывали торжество над всеми, как вдруг удивительная статья редактора «*Cywilizacja i Religja*», грянувшая неожиданным громом над Варшавой, испортила все. Газета пала, спустясь в третий месяц с двух тысяч на двести пренумерантов. Неприятеля Ржевуского с красными (таившимися по разным углам) распорядились так, что все кондитерские и другие подобные заведения, где есть газеты, стали гонять от своего порога мальчишек, разносивших опальный листок. Дошло до того, что никто не хотел брать газеты Ржевуского даром. Он передал ее Шимановскому, автору нескольких мелких статей и фельетонов, а тот – Бартошевичу, известному в польской литературе своими историческими исследованиями; но все их усилия не могли уже воротить к павшей газете сочувствие публики. Через год газету перекрестили, назвав *Kronika*, но и это не помогло.

Из всей этой кутерьмы (заметим в скобках) извлекла лишь пользу старейшая между варшавскими газетами *Gazeta Warszawska*. Ловкий ее редактор пустил в ход несколько статей, на которые публика, задохнувшаяся в уль-трамонтантских абсурдах Ржевуского, бросилась с жадностью: ей нужно было поскорее подышать другим воздухом. «*Варшавская Газета*» приобрела до 7 тысяч подписчиков и стала на твердые ноги, так что уже никакие последующие подкопы и невзгоды

---

¹ «...он более русский, нежели я, и более роялист, нежели вы».

(о чем скоро придется нам рассказать подробнее) ничего не могли ей сделать.

Однако варшавские клерикалы не унялись. В начале последней Восточной войны (1853) граф Пршездзецкий вздумал повторить опыты Ржевуского (может статься, и по внушению фельдмаршала): основана новая газета или, точнее сказать, возобновлена приобретенная у Мясковских «Ежедневная Газета» (*Gazeta Codzienna*), куплены новые перья; но, увы, минуты были не такие, чтобы издание белых, да еще клерикалов, пошло. И этот голос, едва раздавшись, умолк. Партии белых, клерикалам и неклерикалам, пришлось опять праздно сходиться в разных домах, где хорошо ужинали, и вздыхать о недостатке органа.

Средний круг, мелкие помещики, чиновники, литераторы, образованные купцы, собирались по домам «своих» влиятельных лиц, не то в Купеческом клубе. Эти лица, равно и самый клуб, скоро выступают на сцену, а потому теперь мы проходим их молчанием.

Между этими *средними* таились и *крайние*, иначе *красные* – кружок тогда не очень слышный и видный; одиночные, вырывавшиеся оттуда время от времени голоса терялись в пространстве.

Все это, как сказано, держалось, при Паскевиче, на своих местах; все чувствовали власть, и никому в голову не приходило с ней заигрывать.

Но едва его не стало, в самое непродолжительное время, может быть, пока князь Горчаков ехал из Бахчисарая в Варшаву, было замечено поляками всех оттенков отсутствие руки, которая ими недавно управляла. Вихры стали понемногу подниматься. Однако долго еще царствовала тишина. Дух Сиды носился над полчищами мавров.

Проезжая Россию, князь Горчаков не мог не заметить резкой перемены в воздухе. Кажется, прошло не бог весть сколько времени с тех пор, как князь проехал то же пространство сверху вниз, но много, очень много утекло воды. Москва и Петербург, где новому наместнику Царства Польского пришлось остановиться на несколько недель, еще более представили перемен, и волей-неволей этот уступчивый человек

зачерпнул на пути теплых струй, захватил в свою дорожную коляску этих ярких, веселых, великодушных лучей, великолепно озарявших тогда все лицо империи, так что оно ничего больше не делало, как только улыбалось; захватил он и этого либерализма, пронесшегося легким вихрем из конца в конец и поднявшего со дна кое-какую муть. Все это захватил с собой новый наместник и привез в знакомую ему Польшу, к старым друзьям, вместе со своей, тоже знакомой этим друзьям, бесхарактерностью.

Они встретили его, разумеется, весьма приветливо. Паскевич, плебей происхождения, ласкал аристократов с известной целью. Покровительство нового наместника тому же сословию было, к сожалению, не системой, а простой слабостью ко всему аристократическому, даже ко всему, что хорошо говорило по-французски. Новый наместник был сам аристократ. Польские аристократы уже чересчур к нему приблизились; их никогда не принимали в Замке так, как принимал их князь Горчаков. Сколько оскорблений вынесли при этом русские! Одних русских можно так оскорблять. И это было первое движение к промахам и неловкостям в новом управлении краем. Правильные отношения власти к одной из партий были потрясены. Свойственные всем славянам неблаговоспитанность, неумение ходить на своих ногах, едва спустились с туго натянутых помочей, сейчас же выступили затем наружу везде, во всех кружках. Зашевелилась и пришибленная, сидевшая где-то под полом «краснина». Буйная фантазия и тех и других, фантазия, по необузданности не знающая себе равной в мире, пошла работать шибко. В имени нового царя, в его добрых чертах, переродившееся, Горчаковское население Варшавы и Царства усматривали бог ведает что: повторение неповторяемого, конституцию 15 года. Спор был только, о том, с войском или без войска.

Под этими странными, невероятными (впрочем, невероятными для тех, кто плохо знает поляков) грезами, при этих пробудившихся к тому же симптомах чего-то для нас недоброго, неопределенно беспокойного, — Варшава стала готовиться к встрече нового императора. Ожидание неслыханных милостей одолевало, однако, все другое. Государь прибыл

10/22 мая (1856), и самое оглушительное «ура» прокатилось от Московской заставы до Лазенок. Едва ли въезжал в свою столицу при более одушевленной обстановке какой-нибудь Ягеллончик.

Были люди, которые думали, что эта встреча устроена аристократами, или вообще интеллигенцией Варшавы, так как Варшава надеялась приветствовать в Александре Втором другого Александра Первого. Если это и так, то устройство подобной встречи ничего им не стоило: все были и без того хорошо настроены. Тем не менее толки о *демонстрации* ходили между русскими. Под влиянием ли их, или по другим каким причинам, его величеству угодно было произнести к собравшимся у него депутатам от дворянства, сената и духовенства следующую речь:

«Я прибыл к вам с забвением прошедшего, одушевленный относительно вас самыми лучшими намерениями. Вам предстоит помочь исполнению моих предначертаний; но прежде всего я должен сказать вам, что наши отношения друг к другу должны уясниться как можно лучше.

Вы близки моему сердцу точно так же, как финляндцы и другие русские подданные; но я желаю, чтобы порядок, установленный моим отцом, не был изменен нисколько. А потому, господа, отбросьте всякие мечтания (*Point de reveries, point de reveries*)! Я сумею остановить порывы тех, кто бы вздумал увлечься мечтами. Я сумею распорядиться так, что эти мечты не перейдут за черту воображения мечтателей. Счастье Польши заключается в полном слитии ее с народами моей Империи. То, что мой отец сделал, хорошо сделано, и я его поддерживаю.

В последнюю Восточную войну ваши бились наравне со всеми другими. Предстоящий здесь князь Горчаков был этого свидетелем и отдает им полную справедливость, что они доблестно пролили кровь, защищая отечество. Финляндия и Польша мне дороги одинаково, как и все другие части моей империи; но необходимо, чтобы вы знали, для блага самих же поляков, что Польша должна быть навсегда связана с великой семьей русских императоров. Верьте, что я имею относительно вас самые лучшие намерения. Вам лишь остается помочь мне в решении задачи, а потому, повторяю еще раз, оставьте всякие мечтания. Что касается до вас, господа

сенаторы, следуйте указаниям моего наместника, князя Горчакова, здесь предстоящего. А вы, господа архипастыри, не теряйте из виду, что основанием всякой доброй нравственности есть религия. Ваша прямая обязанность – внушать постоянно полякам, что их счастье заключается единственно в полном слитии с Россией». Известно впечатление, произведенное этой речью. Все стали повторять *point de reveries*, и эти слова в самое короткое время облетели не только Польшу и Россию, но и весь свет. Факту, самому обыкновенному, которого в другое время и не заметили бы, который задвинулся бы вовсе яркими событиями, долженствовавшими последовать, – этому факту придано особое, роковое освещение, сколько поляками, столько же и нами.

Впрочем, город, потолковав немного о неожиданных для всех словах, сейчас же забыл о них и ничуть не углублялся в рассматривание этого факта. Все были по-прежнему исполнены самого веселого настроения, даже как бы счастья. Всякий славянин любит встречать государей, этот блеск, шум и помпу. Ратуша готовила новому царю бал, обстановка которого заняла все высшие головы варшавской интеллигенции. Особенно хлопотали аристократы – и здесь можно, пожалуй, усмотреть нечто демонстрационное.

Бал грянул 26 мая н. ст. Дамы высшего круга, одетые в белое, встретили государя на лестнице, с венками и гирляндами в руках. Тогда Варшавская Ратуша не имела такой пышной и величественной залы, как теперь. Небольшие комнаты ее придавали торжеству характер чего-то устроенного запросто, домашней вечеринки, на которой поляки, по старине, веселились со своим королем. Уверяют даже, будто бы один седой старик, подойдя к государю с бокалом, сказал в избытке чувств, как говорилось некогда на подобных польских пирушках: «*Kochajmy sie, Cesarzu!*», что значило: «Забудем, государь, все прошлое; к чему нам ссориться; настанут другие дни – *возлюбим друг друга!*» – и слезы, те слезы, которые на земле надо ценить выше всяких перлов, хлынули из глаз старика...

На другой день государь произнес к собравшимся у него депутатам от дворянства такую речь:

«Мне очень приятно, господа, засвидетельствовать вам, что дни, проведенные мною среди вас, доставили мне истинное удовольствие. Вчерашний бал – прекрасный бал. Я никогда о нем не забуду и благодарю вас за него.

Вам переданы, без сомнения, мои слова, сказанные вашим депутатам, которых я принимал пять дней тому назад. Держитесь действительности, составляя одно целое с империей, и оставьте всякие мечтания о независимости, как не могущие осуществиться.

Повторяю вам опять: мое убеждение говорит мне, что счастье Польши и даже ее спасение требуют, чтобы она постоянно состояла в неразрывной связи с славной династией русских императоров; чтобы она была не что иное, как неотъемлемая часть великой семьи Всероссийской империи. Оставляя Польше права и учреждения, дарованные моим отцом, я буду неуклонно заботиться о ее благе и счастье. Я готов гарантировать ей все, что может быть ей полезно, все, что мой отец обещал ей даровать и действительно даровал. Я не изменю в этом отношении ничего. Все, что мой отец сделал, хорошо сделано. Мое царствование будет продолжением его царствования. От вас зависит облегчить решение задачи. Вы должны помочь мне в моем труде. На вас одних падет ответственность, если мои намерения встретят на пути какие-либо химерические препятствия.

Дабы доказать вам мою готовность к облегчению участи всех виновных, скажу вам, что я только что подписал амнистию: я позволяю воротиться в Польшу всем эмигрантам, кто этого пожелает. Они могут быть уверены, что их оставят в покое. Гражданские права будут им возвращены, и их не потребуют ни к какому ответу перед судом.

Я сделал только одно исключение: я не могу простить закоренелых в своей неискоренимости и тех, кто в самые последние годы не переставал составлять против нас заговоры и против нас сражался.

Кто же возвратится, тот может, по прошествии трех лет раскаяния и безукоризненного поведения, даже быть полезным, вступив на государственную службу. Но прежде всего позаботьтесь, чтобы осуществление благих предначертаний

было возможно и чтобы я не счел себя вынужденным обуздывать и наказывать; ибо, если бы это, к несчастью, оказалось необходимым, я найду в себе решимость и силу поступить таким образом. Старайтесь же, чтобы я никогда не был поставлен в эту необходимость». Затем, обратясь к одному из депутатов, Ивану Езерскому, хотевшему что-то сказать, государь продолжал:

«Надеюсь, что вы меня поняли. Мне приятнее, конечно, иметь возможность скорее награждать, чем наказывать. Мне приятнее, как это могу сделать и теперь, выражать удовольствие, подавать надежды и вызывать признательность. Но знайте также и помните постоянно, что, если бы пришлось, я сумею укротить и наказать, даже наказать строго.

Прощайте, господа!»

Амнистия принесла к половине 1857 года из Сибири и из-за границы множество воспитанников прежних и новых революционных теорий, истинных *артистов* революционного дела. Неопределенные, хаотические кружки красных, едва-едва начинавшие дышать, получили вождей и руководителей, что называется, оперились. Кружков этих на первых порах было довольно много. Плотина прорвалась, и ручьи бежали в разных направлениях, и там и тут, пока не образовали двух-трех потоков повиднее и пошире.

Прежде всего выделился кружок *Академиков*, состоявший из всякой школьной молодежи: учеников реальной и других гимназий, художественного училища, Маримонтского земледельческого института и, несколько позже, Медико-хирургической академии, открытой в октябре 1857 года¹.

С этого времени во главе кружка были *Академики*: Ян Куржина-Пелыпевский, Владислав Ясневский, Эдуард

---

¹ Маримонт (Marie-Mont, гора Марии) — небольшой холм, в полуверсте от Варшавы на север, где стоял некогда увеселительный дворец супруги короля Яна III, Марии-Казимиры, обращенный впоследствии в Земледельческий институт.

Реальная гимназия с художественным училищем находилась в так называемом Казимировском палаце, где ныне университет, публичная библиотека и зоологический музей.

Медико-хирургическая академия помещалась в здании, где теперь Первая русская гимназия, у Коперника.

Лисикевич и Лаурисевич, — все до одного бойкие и даровитые ребята, в особенности Куржина. Этот последний обладал, сверх того, самым неустрашимым и твердым характером. Будучи сыном эмигранта, он получил первоначальное воспитание за границей и знал хорошо всевозможные польские «Катехизисы». Некоторые думают, что это был просто-напросто революционный агент, присланный остатками Демократического общества мутить в Варшаве молодежь, едва лишь было замечено, что везде подул другой, благоприятный для этого ветер.

По примеру поляков в русских университетах, *Академики* завели у себя *Общество братской помощи* (Towarzystwo bratniej pomocy), которое имело свой статут, библиотеку и кассу. В библиотеке, конечно, играли главную роль разные эмигрантские сочинения на польском, русском и французском языках. Был, между прочим, и наш Герцен. Все это доставалось тогда в Варшаве без особенных хлопот. Экстракт понятий и верований кружка вертелся около того, что высказывалось в манифесте Демократического общества 1836 года, с последующими добавлениями, главным образом с Катехизисом Правдовского. Все кипело злобой и ненавистью к русскому правительству и не считали возможным даже и самомалейшего с ним сближения.

Затем явилось еще несколько кружков подобного свойства. Их так и звали кружками (kolko). Все это вместе, разумеется, не представляло в ту минуту ничего важного и угрожающего правительству, тем не менее было уже *затеplившейся искрой*, какие необходимо тут же гасить; ибо от таких, а не от других каких-либо искр возжигаются революции. Но об этом и не подумали; даже просто-напросто путем не видали этой искры, и она разгоралась с каждым часом больше и больше, под покровительством разных уступок власти крикам и требованиям, которые неслись со всех сторон, соединяясь в России — с голосами лучших людей России, в Европе — с тем движением, которое началось вследствие несогласия между Францией и Италией, с одной стороны, и Австрией — с другой, и казалось более опасным, нежели было на самом деле. Польская интрига в мутной воде ловила рыбу. В Петербурге,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

в Москве и в других главных городах империи завелись также общества и партии поляков с агентами из эмиграции. Более важным и влиятельным был кружок офицеров польского происхождения в Петербурге, на Офицерской улице, в квартире капитана Ярослава Домбровского, прикрытый приличным и удобным названием *литературных вечеров*. Начало его относят к 1858 году. Позже в этот военный кружок допущено несколько статских поляков, между прочих – известный Иосафат Огрызко. Полиция ничего этого не видела, даже не подозревала. Это была особенная, добродушная полиция тех времен, дремавшая под крымским солнцем, которое на все одинаково светило. Чего-чего нельзя было тогда устроить офицерам, да еще гвардейским!

Отчасти под влиянием польских кружков, отчасти так, мы стали кричать поминутно, что «надо ж дать что-нибудь и Польше, при таком направлении всех русских дел»!

Иные почтенные лица пустили в ход залежавшиеся в их портфелях какие-то секретные записки о польском вопросе, которые очень скоро пришлось им снова забыть и припрятать...

Ожили и забурили везде и *белые* кружки. Варшавский кружок Замоиского стал собираться у вождя или в других пунктах уже не так праздно, как собирался до сих пор. Тень Банко более не являлась среди веселых и тонких ужинов и никого не смущала. Говорилось там почти то же, что и на сборищах *красного* лагеря, на их убогих и невкусных «колляциях», запиваемых венгерским «много-много рубля в полтора». Страшные слова: *общество* и *орган* стали повторяться чаще и чаще. Иной раз слышались замечания, что русское правительство, по-видимому, не намерено дать так ничего существенно важного и полезного для края, а надо *взять, работать; такое настало время!*

Это были искры, залетающие от красных.

Наконец граф Андрей, около которого помещики сомкнулись теперь как-то теснее, был уполномочен замолвить слово перед наместником о позволении открыть *Пароходство по Висле*, а потом основать *Земледельческое общество* с органом.

После самых незначительных колебаний наместник (разумеется, снесясь с Петербургом) все это разрешил¹. Затем разрешены всенародные воскресные школы, ремесленные школы и приюты (*oschrouki*), которые пользовались полной свободой действий.

Варшавский книгопродавец Мержбах получил позволение напечатать Мицкевича, того самого Мицкевича, одно имя которого было еще недавно контрабандой не только в Польше, но и в России: известно, что невиннейшее стихотворение к нему Пушкина носило в заглавии только букву *М*.

Петербургские поляки попросили тоже журнал на польском языке в Петербурге и открытия польской типографии на широкую руку. Им это разрешено². Польская типография, явившаяся в Петербурге под управлением Огрызки, ставшего в то же время редактором польского журнала «Слово» (*Slowo*), выпустила в числе первых своих изданий *Volumina Legum* древней Польши, весьма роскошно отпечатанные. Работа, которой так страстно ждали «корсиканцы» всех стран, пошла настоящим образом, не по-детски. Наши заграничные «друзья» в правительственных сферах не спускали глаз со всего этого движения России и Польши. В числе гостей государя, прибывшего в сентябре 1858 года снова в свою польскую столицу, очутился и принц Наполеон, окруженный своей польской свитой. Он охотился с государем в Вилианове 29 сентября н. ст., а жил в Лазенках, где посещали его довольно часто высшие лица аристократической партии³.

В следующем, 1859 году было почувствовано правительством, хотя и не очень наблюдавшим, что *Земледельческое общество* выходит из черты предписанных ему уставом действий и распоряжается в иных случаях решительно как самостоятельная власть. Приюты, воскресные и ремесленные школы,

---

¹ Открытие Пароходства по Висле происходило 20 июля 1858 года. Был на Сольце, в здании Пароходства, пир горой, с речами и стихами. Директором Пароходства назначен Леон Круликовский, известный всей Варшаве за самого красного, отчаянного поляка. Акции общества искусно подняты со 120 до 300 рублей, но потом скоро пали. Земледельческое общество открыто в ноябре 1857 года.

² Подписная цена в месяц была злот — 15 коп. сер.

³ *Gazeta Warszawska*, 1859, № 4.

разрешенные полякам в смысле подспорья Земледельческому обществу в его работах, занимались тоже не тем, чего от них ожидали русские власти, их разрешившие¹.

Литератор Гиллер, воротившийся из ссылки, впоследствии член «народного правительства», явился в минуту, нами изображаемую, редактором дешевой² народной газеты «*Воскресная Библиотека*», основанной на деньги богатой помещицы Петровой.

В обыкновенных газетах стали тоже поминутно проскакивать статьи с разными политическими намеками. Все двигалось к *чему-то* довольно быстрыми шагами; партии, корпорации, сословия приглашались к единодушию и примирению, во имя любви к общей матери-отчизне.

Статья помощника редактора «*Варшавской Газеты*» Кенига о неудаче концерта Неруды, потому что у нее «нет орлиного носа, смуглого лица, черных волос, потому что она не выговаривает буквы эр (г) горлом, фамилия ее не кончается на *блятт, крапц, штерн*, — словом, нет у нее ничего такого, чтобы пользоваться покровительством котерии, которая осадила всю Европу, особенно поляков, которая действует дружно, единодушно, толкает вперед каждого из своих, будь то банкир, тенор, скрипач или просто спекулянт»³, — эта статья, в другое время едва ли бы замеченная, в начале 1859 года возбуждала крики неудовольствия, дошедшие до того, что Кениг стрелялся из-за оскорбления жидов со своим братом поляком. Кроме того, 12 человек именитых евреев написали к редактору Лешновскому письмо, где угрожали ему палочной расправой. Лешновский жаловался. Этих господ арестовали. После того еврейские капиталисты, в ограждение себя от будущих атак подобного рода, основали свой собственный орган: банкир Кронеберг купил у Невяровского «*Ежедневную Газету*» (*Gazeta Codzienna*), о коей читатель уже знает⁴, и вверил редактирование ее первому тогдашнему светилу литературного мира Польши, Иосифу Крашевскому, которого выписали

---

¹ См. выше.

² Подписная цена в месяц была злот — 15 коп. сер.

³ *Gazeta Warszawska*, 1859, № 4.

⁴ См. выше

из Житомира, где он жил до тех пор очень тихо, производя свои бесконечные романы, повести, скиццы...

Газета пошла недурно благодаря не столько известности Крашевского и его редакторским способностям, сколько хорошему гонорару, какой платился основателями сотрудникам. Вначале она носила прежнее имя, а позже, с 3 апреля н. с. 1861 года, названа *«Польской Газетой»* (Gazeta Polska) и теперь стоит, можно сказать, на одной линии с *«Варшавской»*.

Однако же настоящего братания между жидами и поляками все-таки не было. Были только заявления разных кружков, что «теперь не время расходиться врознь всему тому, что считает себя в польской земле поляками, как бы кто ни назывался».

Евреи, закладчики *«Польской Газеты»*, долго не внимали этим увещаниям. Равно и *«Варшавская Газета»* шла войной против нового опасного соперника. Громовые статьи сыпались за статьями. Евреи нашли возможность при помощи Эноха, обер-прокурора одного из департаментов Варшавского сената¹, начавшего тогда входить в славу, выхлопотать у наместника запрещение цензуре пропускать полемические статьи против еврейского мира. Тогда Лешновский послал одну такую статью в Петербург, к Огрызке, и он напечатал ее в своем *«Слове»*. Евреи пришли в бешенство. Еnoch, бывший тогда в Петербурге с князем Горчаковым (который приехал туда с проектами разных нововведений в Царстве и жил в Зимнем дворце), представил ему вопрос в таком виде, что «никакое управление в Царстве невозможно, если распоряжения наместника будут безнаказанно нарушаться в Петербурге первым коллежским асессором². Князь пошел жаловаться государю. *«Слово»*, получившее незадолго перед тем выговор за помещение письма Лелевеля к Чайковскому, было запрещено, а Огрызку посадили в крепость.

---

¹ Когда Еnoch чрезвычайно приблизился к Горчакову, в Варшаве стали говорить: «Здесь никто не может жить без фактора; вот у наместника свой фактор – Еnoch».

² Эти подробности из статьи г. Пржецлавского «Иосафат Огрызко и его польская газета «Слово», в Русском архиве 1872 года, стр. 1037–1038. Г. Пржецлавский говорит, что Кронеберг плакал при нем, читая статью против евреев.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Известны всем поднявшиеся по этому поводу крики недовольствия в Петербурге и в Москве, а отчасти и в целой России. Тургенев написал письмо... Результатом всего этого было скорое освобождение Огрызки, а Горчакову предложено извиниться перед министром, по ведомству которого произошла никем не ожидавшая кутерьма. Горчаков извинился, однако сказал после этого (как уверяют) в Комитете министров следующие знаменательные слова: «Если вы станете здесь так действовать, то мне придется очень скоро стрелять в Варшаве картечью».

Легко представить торжество поляков. Все кружки покраснели. Князь Горчаков, воротясь в Варшаву, без сомнения, заметил это; но под влиянием неприятностей, испытанных в Петербурге, а частью ввиду событий, разыгравшихся на Юге (образование Итальянского королевства, дозволение полякам основать военную школу в Генуе, связь Гарибальди с Мирославским и другими вождями польского заговора), сделался еще осторожнее, еще уступчивее. Довольно одного следующего факта, чтобы обрисовать тогдашнее настроение мыслей наместника. Когда маленькое русское общество Варшавы обратилось к нему с просьбой (в первой половине 1859) о разрешении открыть «Русский клуб», князь Горчаков разрешить – разрешил, но велел называться этому клубу не Русским клубом, а *Варшавским общественным собранием*.

Члены нынешнего «Русского клуба», встречая иногда на старой своей утвари и белье таинственные буквы В. О. С. никак не могут отгадать, чтобы это такое было. Это *Варшавское общественное собрание*.

А сколько было еще фактов в этом роде! Сколько было пропущено таких вещей, на которые следовало бы устремить весьма зоркий взгляд! Народные школы сделались смелее; намеки газет свободнее и выразительнее; Земледельческое общество распоряжалось в стране, как ему вздумается, хозяйничало помимо настоящих хозяев. Замойский стал рассылать циркуляры и медали. Об этом только говорили в Замке, как о чем-то странном и неудобном для правительства, но мер надлежащих все-таки не принято.

Вожди красных кружков Варшавы почувствовали нерешительность и как бы страх в действиях власти и дали знать, кому следует, в Европу. Мирославский предложил Академикам испытать, посредством какой-либо незначительной демонстрации, общественное настроение, дабы, согласно полученному результату, идти далее тем или другим путем.

Мы имели в Варшаве довольно сносную полицию, тогда еще весьма немного развращенную заговором, только малую числом. Эта полиция узнала, что студенты сочиняют какую-то панихиду подозрительного свойства, и сообщила о том главному директору комиссии духовных дел и просвещения, д. с. с. П. А. Муханову, человеку с большим значением и властью; а он предписал ректору академии д. с. с. Цыцурина разузнать, что это такое за панихида и кто из учеников более всего в ней участвует.

Цыцурин донес, что панихида, сочиняемая школьниками, названа «панихидой за упокой душ Юлия, Адама и Сигизмунда», главные же зачинщики в этом – студенты академии Куржина и Ясневский.

Варшава знала, что это за *Юлий, Адам и Сигизмунд*. Хотя полиция и устранила манифестацию в том виде, в каком хотелось исполнить ее Академикам, но все-таки народ, извещенный какими-то листиками (а иные уверяют, будто бы об этом было опубликовано в газетах), собрался большой кучей к костелу Святого Яна, и это показало красной партии, что сочувствие всему патриотическому в массе есть и что можно, стало быть, идти дальше.

Начальство академии подвинуло вперед подлекарские экзамены 1859 года, с тем чтобы их умышленно затруднить для *некоторых* и избавить академию от этих лиц. Куржина и прочие влиятельные члены кружка, догадавшись, к чему идет дело, подбили товарищей к подаче прошений массой. Подали все, исключая четырех, которых кружок грозился повесить, но, конечно, осталсд только при одних угрозах.

Цыцурин нарядил следствие для открытия виновных в заговоре; указаны были снова Куржина и Ясневский и сосланы, по конфирмации наместника, первый – на жительство в Люблин, а второй – в Плоцк, под надзором полиции.

Надзор был, однако же, такого рода, что оба сосланные бежали за границу: Ясневский – прямо из Плоцка, а Куржина, не достав себе заграничного паспорта в Люблине, приехал в Варшаву и здесь, получив паспорт при помощи отставного офицера Нарциза Янковского, также бежал и вскоре сделался ближайшим человеком к Мирославскому, как обыкновенно говорили – его секретарем. Уезжая из Варшавы, он передал свою «власть» только что поступившему в академию ученику, Карлу Маевскому, тоже замечательных способностей и отличавшемуся не менее твердым характером, как и Куржина.

Маевский ввел в кружок род «организации», с *пятками* и *десятками*, которые уже были в ходу между поляками (именно в Петербурге у Домбровского и в Киевском университете) и назначил в каждый особого начальника.

Потом увеличил библиотеку новыми эмиграционными сочинениями.

Тем временем Янковский собирал свой кружок из горожан всевозможных сословий, куда входили и купцы, и литераторы, и чиновники, и ксендзы, и кое-кто из помещиков.

Оба этих красных кружка, *Янковисты* и *Академики*, имели между собой беспрестанные сношения, толковали, спорили, бранились, как это бывает у поляков, но все-таки шли в одну и ту же сторону. Руководителями обоих были заграничные революционные деятели, более всего Мирославский – герой и страдалец 1846 – 1848 годов, бивший пруссаков, осужденный потом ими на смерть, спасенный чуть не чудом; военный писатель, оратор, наконец, директор Генуэзской школы¹ и друг Гарибальди, этого «ангела революций», как выражались о нем иные поляки. Мирославский, можно сказать, правил тогда всем, что только было красного на пространстве Польши 1772 года. По его приказанию красные Варшавы стали распространять в конце 1859 года

---

¹ Основана под покровительством Гарибальди вскоре по окончании Австро-итальянской войны. Говорили, что Виктор-Эммануил сверх дома для школы и плаца для экзерциций давал Мирославскому по 3 тысячи франков в месяц. Но главные деньги шли из Царства.

народные гимны, песни, портреты Костюшки и Килинского¹ – с целью, как говорили тогда, «поднять дух в народе».

Сведения из показаний самого Маевского и из «Записок» Авейде.

Близ того же времени стала выступать наружу особая партия, не то чтобы красная, но и не белая, а скорее средне-пропорциональная, тоже из разных горожан, под руководством весьма умного и образованного чиновника комиссии внутренних дел Эдуарда Юргенса. Маевский уверяет, что и она появилась в виде небольшого, неопределенного кружка, тотчас после Крымской войны.

Полужидок, полуполяк происхождением, Юргенс соединял в себе свойства обеих наций: был отважен и дерзок, м как его предки славянского корня; был осторожен, хитер, стоек и глубоко сосредоточен, – как другая отрасль, участвовавшая в его рождении. В конце концов, был отъявленным польским патриотом, готовым положить за Польшу свою душу, что после и сделал. Таких типов довольно теперь между поляками. Они носят иногда чисто польские фамилии. Весь нынешний средний класс Польши далеко не тот по крови, что средний класс прежних времен. Чистая польская кровь осталась только вверху и внизу, между аристократами и самым низменным слоем населения; но и туда начинает пробираться настойчивая, энергическая котерия, в самом деле (как сказано в статье Кенига), «осадившая Европу, в особенности поляков». Эти волны довольно опасны.

Вот где, между прочим, надо искать объяснение кое-каких явлений последнего Польского восстания, к которому мы приближаемся, этих как бы *неславянских* выходов, этой как бы *неславянской* энергии, неуступчивости, неумолимости, что «не дает себя погладить по голове».

---

¹ Известный предводитель ремесленников в восстание 1794 года, сам тоже ремесленник, именно сапожник. Костюшко наименовал его «полковником народных войск». По окончании войны перевезен в Петербург, но после смерти государыни Екатерины II ему дозволено воротиться в Варшаву, где он и умер, на улице Дунай, в доме № 145, 28 января н. ст. 1819 года, имея от роду 59 лет, и похоронен на Повонзках. При жизни получал пенсион по чину полковника, перешедший и на вдову его, которая получала этот пенсион до конца 1831 (Poznan 1860).

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Партия Юргенса считала невозможным дойти до каких-либо результатов путем красных, точно так же не видала спасения и в медленных, вялых работах белого лагеря. Она создала свои особые принципы, которые Авейде излагает так:

«Польша не погибла, и всякому поляку необходимо желать ее восстановления посредством революции; но эта революция должна быть венцом долгих трудов и работ, веденных осторожно и благоразумно. Стремление к революции какой-нибудь, состряпанной на скорую руку, – преступно... Единственный путь, который может быть избран рассудительными заговорщиками, есть путь разнообразных льгот и уступок, какие только удастся иному ловкому патриоту завоевать у правительства в благоприятную минуту, и затем – помощь или хотя бы влияние Европы. Ссориться с правительством, а равно и питать к нему чувства слепой ненависти и отвращения, отнюдь не следует; а, напротив, стараться быть с ним в возможно лучших отношениях, смотреть на него, как на силу, соединенную с судьбами народа, с которой идти в открытый бой нельзя, но эксплуатировать которую всегда можно... От предлагаемых должностей не только не отказываться, как это делают нередко белые, но всемерно искать их, добиваться, хватать обеими руками. Ничуть не задерживать и не парализовать полезных нововведений, а всячески облегчать им ход. Работая таким образом, постоянно помнить о революции и считать ее заключительным и даже неизбежным финалом всего, последним актом драмы... а потому – готовить материальные средства, как и кому придет в голову, и внимательно следить за событиями в Европе».

Но *проповедь, принципы и дело* – совсем не одно и то же. Как ни безумны, по-видимому, ни порывисты, ни молоды были *Академики* Маевского, но все-таки в них было больше *революционного дела* на всякий опытный взгляд, больше, нежели в ком-нибудь из тогдашних партий Варшавы. Если б *Юргенчиков* (как звали этот кружок те, кто о нем знал) оставить на произвол судьбы и не подталкивать, из них образовался бы, без сомнения, тот же невинный, способный на одни праздные сходки, кружок чисто белых «будователей» (как их прозвал один русский писатель), «миллинеров» (как их называл

Мирославский), то есть таких заговорщиков, которые растягивают революционные работы на тысячу лет.

Это могло случиться даже, пожалуй, и с кружком Янковского, так как его «краснина» – были люди более или менее степенные, с известным, определенным положением в обществе, – люди, кому было что терять, не молокососы, не *smarkate* Маевского, готовые когда угодно в огонь и в воду, именно потому, что они *smarkate*.

Это понимал лучше всех сам Янковский. Его бесило одинаково и праздное разглагольствование *Юргенчиков*, и недостаточная отвага своих, и бестолковое метание из стороны в сторону ребят Маевского, очень плохо знавших, как *делаются эти дела*, а только настораживавших уши по направлению к Западу: что прилетит оттуда; и если что прилетало, ребята бросались со всех ног исполнять, не зная, хорошо это или дурно, идет или не идет к минуте. Необходимо было для пользы общей стакнуться, слиться всему, что живо и горячо. Янковский сделал прежде всего движение к кружку Юргенса; но, по внимательном рассмотрении, увидел в нем просто-напросто белых, как все белые, миллинеров Мирославского. А Юргенс увидел в Янковистах необузданную «краснину». Янковский требовал действий, между прочим посылки в разные пункты агентов; Юргенс находил всякие действия пока невозможными и рекомендовал выжидание более благоприятных минут, которые, по его мнению, должны были скоро наступить.

Янковский, после нескольких сходов депутатов обеих партий, прекратил переговоры с *Юргенчиками* и обратился к *смаркатым*.

Положено бы также «выбрать депутатов». Местом сходбища назначена квартира Маевского, на Хмельной улице, в доме № 1531. Академики выставили следующих представителей своего кружка (приобретшего за последние дни несколько ратников вне своих школьных стен): собственно от академии – братьев Франковских, Станислава, Ивана и Льва (тогда только что поступивших в академию), от художественной школы – Карла Новаковского, от города: архитектора Рафаила Краевского; литераторов: Ивана Банземера (берлинского студента) и Левенгардта (краковского студента).

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С Янковским явились: сотрудник «Польской Газеты» Болеслав Денель, товарищ Мирославского по восстанию 1848 года, и молодые помещики: Станислав Кршеминский и Юлиан Верецинский.

После шумных и довольно беспорядочных толков депутаты кружков постановили: образовать *комитет* – и он образован большинством голосов из следующих лиц: Янковского, Денеля, Кршеминского и Верецинского, с одной стороны; с другой – взят только один Маевский, в должности казначея.

Это был прародитель известного *Центрального комитета*. Заседания открылись (в квартире Янковского, на Маршалковской) с того же дня, который определить в точности трудно; вообще – в конце 1859 года.

Члены разделили между собой занятия, каждый соответственно своему положению и связям. Денель, бывший соратник Мирославского, взял на себя переписку с ним и с Куржиной; Верецинский, бывший студент Киевского университета – сношение с Русью (то есть с губерниями Киевской, Волынской и Подольской); Левенгардт с Краковом и с Галицией; Банземер – с Берлином; Кршеминский сделан библиотекарем.

Прибывший вскоре после этого в Варшаву студент Бреславского университета Адам Прот Асник был также принят в лоно соединившихся кружков Маевского и Янковского (которые в строгом смысле никогда вполне не сливались) и стал переписываться с Познанским княжеством.

В чем состояли сношения новорожденного комитета с Европой, мы не знаем. Но, во всяком случае, это был шаг красной партии вперед. *Юргенчики* побледнели, отодвинулись назад; часть их даже перебежала под крыло красного комитета. Наступала пора детей и безумцев, как их поминутно честили в противоположном лагере, «этих слабых, младших политиков сердца», как зовет их Авейде, к ним же принадлежавший.

Настроение Европы в следующем 1860 году сильно помогло развитию революционных идей Польши. «Познанцы начинали парламентскую борьбу со своим правительством и с немецким элементом. Краковская молодежь требовала преподавания наук в Ягеллонском университете на польском языке. Затем императорско-австрийские патенты о провинциальных

сеймах и вообще перемена политики в Австрии. Депутация Смолки в Вену, депутация силезцев и совещание провинциальных сеймов, борьба избирательная и сеймовая между партиями аристократической и демократической, с одной стороны, и между народностями польской и русинской – с другой».

Эмиграционная литература, вследствие забот о ней разных вождей заграничных польских партий, закипела большей деятельностью. Из выходивших тогда за границей польских газет и листков можно упомянуть о следующих: *Wiadomosci Polskie*¹, *Demokrata Londynski*², *Dziennik Poznanski*, *Nadwislanin*, *Czas*, *Przegląd Powszechny*, *Dziennik literacki*.

Солиднейшим, как кажется, был *Czas*, что значит *Время*, – *Times* поляков.

Возникшие в России русские либеральные кружки, с их подземной литературой, как ни были, в сущности, ничтожны, – все-таки породили в красной половине Варшавы и Польши кое-какие лишние надежды. Офицерский кружок Домбровского представлялся этим мечтателям чуть не заговором целой русской армии.

Еще больше шуму и надежд произвела в красных поляках высадка Гарибальди в Марсале (в начале мая по н. ст. 1860). Став диктатором Неаполя, *ангел революций* обещал будто бы сформировать какой-то *международный легион* (*legion internationale*), командование которым хотел поручить Мирославскому. Об этом говорили в Варшаве с утра до ночи все кружки. Сборы у Янковского сделались так шумны и часты, что возбудили внимание полиции. Янковский счел за лучшее скрыться за границу. Авейде говорит, что этот побег главного вождя красных имел целью переговоры с Мирославским относительно «Гарибальдийского легиона» и о подробностях по соглашению этого проекта с действиями революционеров в крае. Другие же называют побег Янковского простым побегом со страху.

Как бы то ни было, с Янковским утрачивалась некоторая степенность кружка. Янковский вел, правда, дело красно; а

---

¹ Орган умеренных демократов, по замечанию Авейде.

² По его же замечанию, бездарное наследие Централизации демократического общества.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

все-таки умерял порывы иных чересчур нетерпеливых, которые были готовы идти в бой хоть завтра. Он не пускал таких заседать в комитете при обсуждении важных вопросов, когда число членов комитета как-то постоянно увеличивалось. Без него же – ворота открылись, и члены комитета увидели своими бессменными товарищами господ Франковских, Новаковских, Целецких... у кого на уме и на языке только и было что «манифестации, желание выразить чем-нибудь неудовольствие Москве», и это считали они шагом вперед, а всякое выжидание – самоубийством.

Напрасно умеренная часть партии: Денель, Банземер, Мавевский и некоторые другие представляли не то что комитету, а уж чуть ли не целой академии, что «это еще рано», что «нет надлежащей подготовки умов в городе» – ребята думали другое и только ждали случая открыть свои действия.

Когда нетерпеливо ждут случая, он является. На ловца, как говорят, зверь бежит. 10 июля ст. ст. того же 1860 года умерла вдова генерала Совинского, который при штурме Варшавы нашими войсками в 1831 году защищал предместье Волю и пал, пробитый несколькими пулями, у алтаря маленькой церкви, доньине стоящей за Вольской заставой.

Академики и художественная школа собрали на эти похороны значительную толпу. Когда гроб был вынесен, «предводители» бросились и оборвали шлейф (ogon), который выставляется вон из гроба на похоронах богатых и значительных лиц женского пола. Этот шлейф был разорван на мелкие клочки: потом оборваны даже и самые позументы, и все это роздано на память народу, как бы некие реликвии. После того раздавались народу какие-то ветви. Гроб отнесен на кладбище на руках студентов. Когда пастор (Совинская была евангелическо-реформатского исповедания), говоря надгробное слово, назвал покойницу «вдовой полковника», толпа крикнула: «Генерала!»

Эту манифестацию считают обыкновенно первой манифестацией описываемого нами восстания. Наместник

---

¹ Совинский для русского правительства был действительно только полковником, а в генералы произведен революцией 1830 года.

приказал отнестись к ней как к детской шалости, а потому ни арестов, ни преследований не было¹.

Это, конечно, поощрило *Академиков* к дальнейшим опытам в том же роде.

Перед съездом союзных монархов в Варшаву, осенью того же года, распространен по городу такой плакат:

«Вскоре Варшава увидит в своих стенах трех воронов, которые растерзали наше отечество. Братья! Это важная минута в истории наших несчастий. Съезд их, вероятно, не останется без влияния на нашу горькую судьбу, и мы увидим, может быть, новую программу действий, которые под личиной спасительных реформ устремятся к совершенному уничтожению нашей народности. Съезд их, кроме того, имеет еще и другую цель, не ведущую, конечно, ни к чему великому. Эти драконы поклялись взаимно идти против всего справедливого. Поляки! Понимаете ли вы злобные намерения наших врагов? Пришла минута, когда прежняя столица Великой Речи Посполитой, должна выказать все презрение и ненависть, какими проникнуто сердце каждого поляка в отношении к этим святотатцам, которые посягнули на права Божьи, на свободу и независимость нашего отечества. Поляки! Не упускайте из виду этого случая: да уподобится наш город, во время пребывания их в нем, черному гробу, обитому черным сукном; да напоминает он им на всяком шагу их преступления; да оденется всякое веселие саваном смерти. Поляки! К нам взывают о том дух прошедшего величия нашего и тысячи братьев наших, павших при обороне отчизны!»

По съезде монархов более красная часть академического кружка позволила себе несколько самых неприличных манифестаций.

Например, при закладке государем нового моста через Вислу, 9/21 октября, так называемые лобузы (уличные ребяташки разного возраста), научаемые манифестаторами, резали дамские платья ножницами и обливали купоросом.

---

¹ Незадолго до этого погребения было прислано в край воззвание Мирославского, на тонкой веленовой бумаге, с подписями: Jeneral Liidwik Mieroslawski, sekretarz Jan Kurzyna. Кончалось словами: «Niech zyje Polska! Smierc lub zwyciestwo!» Эту брошюру продавали перед похоронами Совинской по рублю за экземпляр.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А вечером того же дня, при появлении монархов в театре, на представлении нового балета «*Маднярки, или Парижский карнавал*» (шедшего в первый раз), спущены были из райка какие-то пузырьки с вонючей жидкостью, которая наполнила воздух таким отвратительным запахом, что публика должна была выйти вон¹.

Потом на всех иллюминациях, устраиваемых городом в честь высоких гостей, лобузерия гасила плошки. Платья гуляющих страдали от купорося и ножниц.

Полиция, в которую начинал уже проникать разврат, смотрела на подобные зрелища большей частью сквозь пальцы, очень редко кого-либо арестуя. Следствие, наряженное по поводу вонючих пузырьков, не открыло ничего. Между самими белыми проявились охотники и охотницы делать маленькие манифестации. В театрах любителей артисты, лица высшего круга, позволяли себе разные вставки с намеками на ошибки и дурные стороны правительства.

На одном маскараде в театральных залах, называемых в Варшаве *редутовыми* (то есть залами для увеселений), помещик Залусковский явился *невольником в цепях* и взят под стражу.

Потом произошло еще несколько арестов. Ребятня была испугана. Комитет (точнее предводительствующая кучка) распался на две части: белых и красных. Белые требовали совершенного прекращения манифестаций; красные говорили, что это значит «обрезать нити, которые уже не надвяжешь». Кончилось тем, что белые с Масвским во главе пристали к партии Юргенса, а Кршеминский и Верещинский даже бежали из Варшавы, первый – в Гейдельберг, один из тогдашних притонов польской и всякой революционной молодежи; другой – в Киев.

Денель дал знать об этом происшествии Мирославскому, и тот прислал немедля в Варшаву расторопного агента Франциска Годлевского «восстановить порядок в красном лагере»².

---

¹ Авейде, II, 3.

² Из сочинения А. Гуттри «*Pap Ludwik Mieroslawski, jego dzieła i działania*» (1870) видно, что в то время шли какие-то работы в чисто-белой партии Царства Польского, не желавшей отнюдь допускать Мирославского в главные вожди восстания, если б таковое возникло. Мирославский, по словам Гуттри, сильно упал во мнении всех солидных поляков после событий 1846 года. 1848 год несколько поправил его репутацию, но потом он снова упал. В 1860 году Мирославский, по уверению Гуттри, сам навязал себя в начальники и руководители движения. Прибытие от него агентов в край Гуттри называет *самовольством, породившим анархию*.

Годлевский составил при содействии Денеля и Ивана Франковского *Новый комитет* красных под названием *Комитет Янковского*, как первоначального их председателя, которого они надеялись вскоре увидеть опять в стенах Варшавы. Действительно, немного позже (в декабре 1860-го) он отправился в Польшу, но был арестован, по какому-то подозрению, австрийцами, содержался несколько времени в Кракове и после был передан в руки русских властей.

Отпавшая перед тем часть красных и некоторые *Юргенчики*, а также и сам Юргенс, смотря на возникающий вновь «Содом и Гомор» заговора, боялись, чтобы не произошло из этого чего-либо вредного их общему делу, вредного безвозвратно; а потому решили искать сближения с Денелем и Годлевским. Эти тоже были не прочь сойтись с прежними товарищами, тем более, что через это выигрывал Маевский, имевший много приятелей в городе, готовых на все. Да и вообще он был некоторой силой. Предложены взаимные условия, на каких могло последовать примирение. Умеренные красные с *Юргенчиками*, державшими их руку, требовали, чтобы *Комитет Янковского*, несмотря на вражду, которую питает ко всему шляхетскому, помогал, чем случится, *Земледельческому обществу* в его патриотических работах, какими бы они кому ни казались.

А красные, то есть Денель с товарищами, желали, чтобы манифестации отнюдь не прекращались, ибо это был (по мнению большинства обеих половин) *единственный путь, которым можно до чего-либо дойти*.

Условия эти приняты, и стороны сошлись. Впрочем, фактически они не расходились совсем никогда, как это вообще бывает с польскими партиями. Их шумные сборища у того или другого влиятельного лица представляли не раз точно такое же слитие, представляли те сцены, какие нами уже очеркнуты при описании первоначальных политических кружков эмиграции тотчас после 1831 года. Отсюда проистекает иногда небольшая разница в изложении этого предмета очевидцами: одним кажется, что партии тогда-то сходились; другим, что только вместе кутили по праздникам.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Каким образом *Комитет Янковского*¹ помогал Земледельческому обществу, если только помогал (как это требовалось условиями соединившихся партий), мы не знаем. Но действия другой, манифестационной половины выступили на вид очень ярко. Лобузерия, по команде *Академиков*, поминутно колотила стекла в домах лиц, где давались какие-либо официальные вечера. Главными распорядителями по этой части были воспитанники разных варшавских гимназий: Козубский, Ячевский и Снегоцкий. Полиция к этому времени уже так развратилась, что ни один из этих командиров лобузери *ни разу не* попал под арест. Они взяты гораздо позже, в 1863 году, при графе Берге, когда пошла общая переборка.

Русские вывески были безнаказанно срываемы с магазинов среди бела дня. Если хозяин начинал звать полицию, к нему врывалась толпа лобузов и производила разные дебоширства.

Городская почта сделалась орудием пересылки ругательных писем обывателям, которые почему-либо не нравились красной партии.

Отчего (спросят иные очень естественно) дремала в это время до такой степени высшая власть и не отдавала решительных приказаний войскам, патрулям – устранять замечаемые на улицах беспорядки; почему позволялось полиции быть такой, какой она была? Все это вопросы, на которые отвечать теперь трудно. Их разрешит только будущее.

Во всяком случае, это были минуты весьма важные для заговора, собственно говоря, еще не имевшего права носить такое имя. Действительного заговора все еще не было. Все еще только баловались мальчишки разных возрастов, и унять их тогда правительству ничего не стоило. К сожалению, этого не сделано, и шалости перешли к серьезному.

В памятный для Польши день восстания 1830 года, 17/29 ноября, *Академики* решили учредить небольшую манифестацию в виде опыта, чтобы узнать, как отнесется к этому правительство.

---

¹ Состоял в то время, как кажется, из следующих лиц: Денеля, Годлевского, Маевского, Банземера и Левенгардта.

Местом для этой пробной манифестации был избран один из отдаленных костелов, именно Кармелитов на Лешне, где наблюдение полиции не так сильно: в конце улицы даже почти не видно так называемых *стойковых*.

В 12-м часу утра, в сказанный день, собралось туда множество *Академиков*, ремесленников и всякого праздного народа, помоложе и покраснее, кто начал уже революционно просвещаться – всякими толками, патриотическими песнями, стихами, портретами давних героев Польши, что распространялось красным кружком поминутно, в литографированных экземплярах, по всему городу, не встречая особенного препятствия со стороны полиции. Очень много портретов Костюшки и Килинского было роздано и тут. Затейники подбивали было ксендза произнести патриотическую, соответствующую минуте проповедь, но он не согласился. Все же остальное: раздача портретов, особые одушевленные молитвы – сошло с рук совершенно благополучно. Весь тот день, однако, манифестаторы поглядывали вопросительно на русских: «Что они думают? Знают они или не знают о том, что произошло на Лешне и кто этим распорядился?»

Русские *ничего не знали*. Когда партия в этом убедилась, решено было повторить манифестацию вечером того же дня, сделать ее как следует, открыто, без всякой церемонии с полицией, чтобы видел уличный народ и выразил сочувствие или несочувствие.

Более всего на этом настаивал неукротимый, чистоначисто безумный фанатик, Карл Новаковский, пользовавшийся некоторым влиянием в кружке и довольно известный в городе по своему патриотизму и готовности на все в любую минуту. Урезонивать его, когда он начинал говорить о необыкновенном значении манифестаций, было очень трудно, да, может, и некому в то время. Большинство под влиянием утренней манифестации хотело повторения таких сцен, забывши всякое благоразумие, забывши, что недавно говорилось, по-видимому, очень серьезно, на заседаниях комитета в противность манифестациям. Утренняя шалость была для этого горячего народа рюмкой водки перед обедом, раздражившей аппетит и требовавшей обеда. Новаковский взялся

его подать, выступил полным хозяином этого дела. По его команде, часов в 7 вечера, собралась огромная толпа народа перед статуей Богоматери на той же улице Лешне; принесен стол, зажжены лампы, и, когда молящиеся пали на колени, Новаковский, детина высокого роста с голосом как труба, «дернул» (да позволит нам читатель это слово) «*Boze cos Polsky*» старый, забытый всеми гимн двадцатых годов, написанный Алоизием Фелинским, автором нескольких подобных стихотворений¹. Впечатление было необычайное: у всех присутствующих полились слезы...

Это было первое «*Boze cos Polsky*» этого восстания². Затем пропеты: «*Z dymem pozarow*» «*Boze ojczyzno, Twoje dzieci*» и некоторые другие, а в заключение раздалось, по уверению иных: «*Jeszcze Polska nie zginela*».

При этом снова разбросано множество портретов Килиньского и Костюшки и печатных тетрадей с народными гимнами и песнями.

И эта манифестация сошла с рук благополучно. «Полиция совершенно равнодушно на все это смотрела», — пишет Авейде³.

---

¹ Вначале существовало только четыре куплета, которые при государе Александре Павловиче пели везде открыто. Позже добавлено, неизвестно кем, еще несколько куплетов. Брошюра «*Ruch Polski*» (1861) говорила, что был куплет с именем Мирославского. Вероятно, те куплеты, которые распространены в Вильне перед 17/29 ноября 1861 года. (Цылов Н. Сигизмунд Сераковский и его казнь, с предшествующими манифестациями в Вильне в 1861–1863 годах. Вильна, 1867. С. 20–21).

«*Boze cos Polsk?*» (Боже, который Польшу...) Далее следуют слова: «...окидал в течение стольких веков блеском могущества и славы!» Вольный стихотворный перевод гимнов: «*Boze cos Polsk?*» и «*Z dymem pozarow*» помещен в Библиотеке для чтения, 1864 (Февральская книжка, с. 19–21).

Музыка для «*Jeszcze Polska nie zginela*» написана Войтехом Совинским в Варшаве. Незадолго до взятия Варшавы, в августе 1831-го, дан был концерт в пользу поляков, принесший 20 тысяч франков. Оркестром управлял Рабенек, и тут Совинский в первый раз исполнил арию «*Jeszcze Polska nie zginela*».

² В Вильне пропеты «*Boze cos Polsk*» в первый раз в кафедральном костеле во время литургии, которую совершал Виленский епископ Кра-синский, — 8 мая 1861 года, в День святого Станислава.

³ Подробности манифестации Новаковского взяты нами из Записок Авейде. Далее — сколько по его словам, столько же и по свидетельству Маевского, с добавлением сведений от знакомых автору поляков и полек.

Манифестаторы решились подвинуться к центру города.

Через неделю с небольшим толпа учеников реальной гимназии младшего возраста собралась в костеле Бернардинов на Краковском предместье и отслужила панихиду по убиенным полякам 1830–1831 годов, причем пропето несколько патристических гимнов.

Это, собственно, была только проба, *balon d'essai* красной партии: нарочно пущены ребятишки и, как действительные ребятишки, не привлекли ничьего внимания. Арестов не последовало. Но когда манифестация была повторена старшим возрастом, с прибавлением городского элемента, под командой Асныка, у святого Креста (тоже на Краковском предместье), – произошли аресты. Аснык и многие из его приятелей посажены в цитадель¹.

Весь город заговорил о манифестациях. Благоразумнейшие из граждан, можно сказать, все белое города, требовали от вождей красной партии (которые более или менее были известны всем *патриотам*), чтобы они прекратили беспорядки, угрожавшие «солидным работам» заговора, который шел вообще недурно. Красная партия, вследствие таких заискиваний отсюда, откуда к ней не доносилось ничего, кроме явного пренебрежения и ругательства, почувствовала род какой-то силы и сейчас же сбилась с толку совершенно по-детски. Ответ ее белым был таков, что она «положит немедленно предел манифестациям, если только Земледельческое общество решится на подачу всеподданнейшего адреса, не спрашивая наместника. В адресе этом высказать если не жалобы на бесхарактерное управление Польшей, то хоть заявление о необходимости в ту минуту самых существенных реформ, отвечающих духу времени и задуманным в империи чрезвычайным преобразованием. Если же этого не последует, вожди не станут удерживать молодежь, и манифестации пойдут за манифестациями, вследствие чего все, может быть, станет вверх ногами; но кто будет в этом виноват, решить трудно. Вожди красных заранее умывают руки».

---

¹ Аснык вскоре освобожден и бежал со страху за границу, откуда уже не возвращался.

Часть белой партии покраснев, словом, такие же сбившиеся с толку ребята, забывшие, что их сила есть сила чисто отрицательная, заключавшаяся в слабости правительства, что выйди правительство хоть чуть из роли, которую, к общему удивлению, играло, и эта сила сейчас бы обратилась в нуль, — часть такой белой партии готова была согласиться на требование красных: написать что-нибудь грозное в Петербург; попросить, например, введения *Органического статута*; но другая половина белых, посолиднее, пока еще не сбившаяся с толку, нашла необходимым отказать красным напрямик, и в случае, если б они выступили против братьев и их работ враждебно, выдать их правительству с головой.

Таково было решение белых в первую минуту; но, обсудив дело подробнее, всмотревшись как следует в то, что сидело тогда в Варшаве на месте правительства, — белый лагерь передал красным, что Земледельческое общество подвергнет предложенные ему вопросы обсуждению на общем съезде всех членов, на *вольном*, так сказать, *сейме*, в январе 1861 года.

Это значило, для красных, откладывать дело в долгий ящик, дело, не терпящее отлагательства ни минуты; а потому положено идти прежней дорогой, куда бы она ни привела: *не прекращать манифестаций*. Вследствие испытанного уже настроения публики к подобным зрелищам предвиделась возможность устроить манифестацию на широкую руку, в таких размерах, что полиция помешать ей будет не в состоянии, если б и захотела; но она, по всей вероятности, и не захочет. Столкновения же с войсками бояться нечего; оно, напротив, желательно: тогда Петербург догадается, без всяких адресов, что надо делать.

Необходимо заметить, что близ этого времени в партии Годлевского и Юргенса очутилось несколько человек, о которых весьма недавно нельзя было сказать, кто они такие, какой именно масти. Это была влиятельная часть бюргерии, люди живого темперамента, люди довольно красные, но по своему положению в обществе и частью по летам (многие из них были отцы семейств, с сильной проседью в волосах) не могли действовать как мальчишки и долго осматривались, куда им двинуться, к кому пристать при этом всеобщем

кипении, когда что-то такое творилось, к чему ни один поляк не имел права относиться безучастно. Белая партия их решительно не удовлетворяла. Они находили возможным только по-приятельски с ней ужинать и тогда говорили в ее тоне, хотя мысли их были где-то далеко. Партия противоположная казалась этим людям чем-то чересчур незрелым, заносчивым, делающим вовсе не то, что делают «солидные красные». Время между тем бежало, бежало быстро, как никогда, и бюргерия увидела себя вдруг лицом к лицу с явлениями, которые отзывались уже не шуткой. А белые были все те же белые, переступали шаг за шагом, также осторожно и лениво. Настала минута для выжидателей, когда уже нельзя было выжидать, а надо было действовать *там* или *здесь*, и они, может статься, сильно скрепя сердце, очутились на стороне молодежи. Этим партия красная приобрела недостававший для нее солидный городской элемент, брала уже верх над своими соперниками; руки ее развязывались, горизонт делался шире.

Едва ли эти вновь приставшие желали продолжения манифестаций, но и возражали против этого также очень мало. Партия принялась самым серьезным образом обдумывать манифестацию весьма крупных размеров, которая была бы словом, произнесенным поляками Варшавы вслух и необинуясь перед правительством, была бы вызовом правительству стать лицом к лицу с народом.

Предводители рассуждали так: «Юргенс с друзьями поставит на любую площадь две тысячи человек. Остальное влиятельное кружка выведет не менее того. Вот уже четыре тысячи. К этому прибавит что-нибудь город. Такой толпы легко не арестуешь. Это не Аснык с гимназистами у святого Креста»¹.

Когда все было обдумано как следует, старшие кружка, — может быть, главнейшим образом вновь приставшая к нему бюргерия, — немного трухнули. Ясно было, что готовится просто-напросто бой с войсками. Чтобы отклонить от себя, сколь возможно более, ответственность за последствия, эти старшие предложили еще раз попытать счастья в переговорах с белыми: не обойдется ли как-нибудь без всяких крайних мер, без

---

¹ Авейде.

жертв и пролития крови? Отправлена новая депутация к Земледельческому обществу с подробным изложением всего: что «манифестация-де готова, сидит на цепи как зверь, стоит только спустить; притом манифестация не детская. Ее не будет, если Общество отправит в Петербург известный адрес с просьбой о введении Органического статута. Сверх того должно еще просить радикальной перемены в системе воспитания и преобразования академии в университет».

Земледельческое общество на этот раз отвечало, что все эти вопросы очень скоро будут предложены на обсуждение общего собрания членов и, если оно найдет малейшую возможность удовлетворить красных, они будут удовлетворены.

Получив такой ответ, красная партия решила подождать сказанного общего собрания.

Пришел январь (1861) и прошел. Помещики съезжались один за другим... Между тем земля колыхалась под ногами у всех. В воздухе носились какие-то особые, раздражающие миазмы; было что-то лишнее. Все ждали чего-то – не сегодня-завтра¹.

Козубский с лобузерией продолжал бить стекла. Накануне нового года разбиты стекла у предводителя дворянства, графа Урусского, за данный им бал. Потом разбиты стекла у госпожи Кучинской, вдовы прежнего предводителя дворянства, тоже по причине данного ею бала.

Как ни слабо наблюдало правительство за работами всех партий, однако ж не могло не видеть, что творится нечто недоброе и копаются подземные мины. Полиции приказано открыть, во что бы то ни стало, главных руководителей. Указаны были, на первых порах, Маевский и Денель. Маевского арестовали 8 февраля н. ст. Вскоре затем арестовали и Денеля. Это потрясло кружок в основаниях. Ядро манифестаторов, потеряв вождя,

---

¹ Маевский говорит, что в это время хаоса, не поддающегося описанию, возникал какой-то *триумвират*, «который не был официально признанным высшим учреждением организации, а только частным совокуплением лиц, состоявших во главе различных партий. Целью его было – доведение народа различными путями до оппозиции правительству, выражением коей должны быть явные манифестации, а последствием – составленный потом общий народный заговор».

Авейде отвергает существование *триумвирата*.

не хотело и слышать увещаний комитета. Господа Новаковские кричали, что «если б белая зараза не проникла в их партию, не пропало б столько времени в напрасных ожиданиях неизвестно чего. Манифестация, koncert nad koncertami, давно бы грянула; манифестация, какой еще и не видано. Правительство бы дало, что нужно, и Маевский был бы с ними!»

Юргенс с немногими ему верными увидели себя оставленными массой кружка. Манифестация стояла перед ними во весь рост, неотразимая и, без сомнения, такая, которая должна была вызвать столкновение народа с войсками.

Поняли это и белые, то есть Земледельческое общество, и, не дождавшись полного съезда членов, открыли обещанное *общее заседание* 9/21 февраля. Но ничего в пользу заявлений красной партии там не было сделано. Впрочем, удовлетворить в ту минуту большинство красных было крайне трудно. Юргенс, с оставленными партией, смотрел на все это, смотрел – и наконец пристал к манифестаторам. Таким образом, весь прежний красный кружок стал работать заодно.

Сначала придумали было отслужить панихиду на Гроховом поле, в день известной битвы, 13/25 февраля.

Начальник 3-го жандармского округа Елшин сообщил князю Горчакову, что «готовится что-то к 25 февраля». Тот призвал начальника тайной полиции, маркиза Паулуччи, и спросил: что это? Паулуччи объявил, что ничего нет и не будет. Горчаков рассердился на Елшина и наговорил ему неприятностей. Елшин чуть не подал в отставку.

Об этом стали говорить в городе недели за две. Уверяют, что Горчаков спросил Петербург: что делать? Отвечали будто: «Пусть молятся за своих, а мы помолимся за наших». Об этом толковали в юном Русском клубе. Как же это будет устроено? Эти два молебствия?.. За три дня пошел лед, этим воспользовались и разобрали мост. Тогда Юргенс перенес действие на *Старое Место*, это, так сказать, традиционное «сердце варшавян», по выражению Авейде.

Есть что-то почтенное в целом варшавского Старого Места, то есть «старого города». Здесь – *начало Варшавы, древняя Варшава*. Любитель старины проведет там, без сомнения, несколько приятных минут, и взоры его прикуются невольно к этим

узким-преузким домам глубокой древности; к этим странным окнам, с украшениями бог весть каких дней; к этим завитушкам на фронтонах и под крышами и к самим крышам необыкновенного фасона. Все это смотрело на всякие чудеса невозвратно минувших, славных лет Польши; а потому каждый поляк, белый он или не белый, иногда, по-видимому, совсем обрусевший, попав на Старое Место, невольно становится опять поляком, опять патриотом, видит бог знает какие сны – и слеза виснет на его реснице...

Русские могут припомнить на Старом Месте, пожалуй, то, что здесь раздалось знаменитое в нашей литературе *слышу* Тараса Бульбы...

Теперь Старое Место есть не что иное, как оживленный рынок, полный особыми, воздушными жидовскими лавочками, с разной пригородью, столами, скамейками и скамеечками, на которых раскладывается и развешивается всякий немудрый товар новейших мардохеев. Крики их и их грязных сожительниц заглушают там все. Там вечное движение. Жизнь кипит с утра до ночи. Посередине площади возвышается знаменательная статуя *Сирены с саблей*, герб Варшавы, украшающий все городские колодцы и фонтаны. Статуя Сирены на Старом Месте – тоже украшение фонтана.

Варшавяне очень любят свое Старое Место. Те, кто там живет, свыклись со своими квартирами и редко покидают их. У Святой, около святого Яна и около святого Михаила, совершается обыкновенно передвижение жителей с квартиры на квартиру, везде замечается передвижение, не трогается только одно Старое Место.

Понятно теперь, почему такой человек, как Юргенс, после встречи-препятствия вести людей на Грохово поле, обратился сейчас к Старому Месту.

Необходимо заметить, что к числу руководителей манифестаций присоединился под конец и Маевский, выпущенный из цитадели 20 февраля н. ст. Это придало манифестационным работам более живой характер.

Вся Варшава узнала о готовящейся манифестации. О ней говорили, как о бале, который кто-либо дает в городе. Всюду ходило по рукам следующее печатное воззвание:

«Взываем к вам, братия, чтобы вы, как можно в большем числе, собрались, 25-го сего февраля, в понедельник, в половине шестого вечером, на рынке Старого Места для торжественного обхода¹ тридцатой годовщины победы поляков под Гроховом».

Этот плакат не только раздавали проходящим, но и наклеивали по стенам домов так усердно и неосторожно, что один наклеиватель, ученик художественной школы Бальцер, был пойман в минуту самого наклеивания и при нем найдены баночка с клейстером и кисть.

Казалось, правительству ничего не стоит предупредить манифестацию: все было известно — *где, как* и что. В руках полиции находилось не одно, а целые десятки, если не сотни воззваний. Но князь Горчаков, вследствие неизвестных покамест истории соображений, не приказал делать никаких розысков.

Полиция, видя такие непонятные послабления шалунам, и притом уже сильно развращенная, позволила посланным от Юргенса и Маевского людям за несколько часов до манифестации убрать с рынка всю жидовскую утварь: лавочки, столы и скамейки. К вечеру повалил туда со всех концов народ и когда наполнил собою всю площадь, *тогда только* явилась полиция и стала просить собравшихся разойтись. Но никто и не думал слушаться. Отрепанные лобузы вступали с полициантами в оригинальные диспуты. Когда спрашивали у иного: «Что ты тут стоишь? — он задавал точно такой же вопрос обратившемуся к нему полицианту: — А ты что тут стоишь?» — «Пройди, не велено!» — говорили ему. «Чего не велено? На улице стоять? — возражал лобуз. — Где это написано?»

Подобные сцены происходили во многих пунктах вдруг. Иные полицианты, входя в роль, какую приглашали их играть агитаторы, развязно и весело шутили с толпой, будучи довольны тем, что устраивается что-то «па zlosc Moskali», как тогда вообще говорилось.

Впрочем, и то сказать, что при условиях, в каких находилась полиция к собравшемуся на рынке народу, она не могла бы восстановить порядка никоим образом, если б этого и

---

¹ Торжество с участием процессии и вообще торжество. Мы оставляем это слово, как не имеющее соответственного выражения в русском языке.

захотела вполне искренно; на толпу в несколько тысяч человек едва ли было на площади около сотни полициантов. Они просто терялись в массе.

Тем временем шли в Замке совещания: «Что делать»? Обер-полицеймейстер, полковник Трепов, полагал послать на рынок войска¹, занявшие Замковую площадь, от Свенто-Янской улицы до Съезда. Но князь Горчаков велел ему прежде побывать на рынке лично и осведомиться, «что такое именно там затевают, стоит ли это серьезных мер, нельзя ли обойтись без войск и без оружия».

Трепов поехал в коляске. С ним что-то случилось... По возвращении в Замок, он получил позволение наместника взять полуэскадрон жандармов и с ними разогнать толпу холодным оружием.

В это время главные распорядители манифестации: Годлевский, братья Франковские, Целецкий, Шаховский, Новаковский, Василевский, с добавлением огромной кучи ремесленников и всяких горожан красного закала, выйдя из Паулинского костела (что на углу улиц Фрета и Долгой) со знаменем, которое нес сапожник Парадовский, и с небольшими значками народных цветов, а иные и с факелами, явились на рынке среди волнуемой толпы. Пение национальных гимнов и невиданный дотоле на манифестациях Польский орел вызвали неистовые крики восторга. Все ринулось к знамени. Полицианты, тоже ставши поляками, бросили ссоры с лобузами и слились чувствами, а где и криками, с народом, который тихо двигался к Свенто-Янской улице и в самом ее начале, у Запецка, встречен был жандармами Трепова. Произошло кровавое столкновение. Отнятое у Парадовского знамя подхвачено студентом Пршесмыцким, потом снова отнято, и порядок восстановился. На площади остались валяющиеся там и сям значки и факелы. У восьми арестованных (между которыми не было ни одного сколько-нибудь важного) найдены в карманах прокламации Мирославского и портрет Килинского с надписью:

«Ян Килинский, сапожник и полковник времен Костюшки».

---

¹ Батальон пехоты, сотню казаков и жандармский полуэскадрон.

«Братьям ремесленникам и братьям мужичкам (braciom chlopkom) на память торжественного обхода 30-й годовщины победы, одержанной их отцами над москалями под Гроховом».

Неудача предприятия ничуть не смутила манифестаторов. Они решили повторить спектакль через день, 15/27 февраля, с небольшими вариациями.

Меж тем везде кричали *о варварстве москалей, о нападении войск на безоружных*; взъерошили, в подражание венграм 1848 года, шляпы для обозначения траура. Чтобы повторение манифестации имело вернейший успех, учредители придумали сообщить ей характер религиозной процессии с обыкновенными хоругвями (так по крайней мере начать), а когда народу наберется много, повернуть дело, как будет лучше.

Старое Место, как пункт уже сильно наблюдаемый, было на этот раз оставлено. Решили двинуться с Лешна, из того отдаленного костела Кармелитов, где так удачно устроены две манифестации в ноябре 1860 года. Прокламаций не печатать и никаких объявлений нигде не наклеивать, а просто известить, кого следует, под рукой.

Полиция, однако, узнала, что готовится что-то такое на Лешне, у Кармелитов. Поставлены наблюдатели, и как только народ начал стекаться, — обер-полицеймейстер, осведомясь об этом лично, поехал в Замок для получения инструкций — *как действовать?*

Ему приказано «взять взвод солдат с небольшим отрядом полициантов и поставить у костела Кармелитов, на Лешне. Если окажется, что служат обыкновенную панихиду, хотя бы с пением гимнов, то не мешать и никого не трогать. Если же двинется процессия, то следовать за ней и все-таки никого не трогать».

Тогда же пришла к наместнику просьба от комитета Земледельческого общества прислать солдат в наместниковский палац¹, где оно должно было заседать. (Кажется, это заседание было экстренное, вызванное обстоятельствами дня.)

---

¹ Бывший палац князя Радзивилла, на Краковском предместье. Называется наместниковским потому, что в нем жил первый наместник Зайончик. В Замке же тогда был сенат.

Наместник приказал тому же Трепову удовлетворить просьбу Общества средствами, какие найдутся под рукой.

Трепов послал к наместниковскому палацу батальон солдат и несколько жандармов с двора ордонансгауза¹, а на Лешно отправил назначенную команду и поехал сам.

Он нашел костел Кармелитов уже наполненным народом: студентами академии, воспитанниками разных школ, ремесленниками и молодыми помещиками – в трауре. Они служили панихиду по убиенным братьям в кампанию 1830–1831 годов. Ничего особенно возмутительного не было. Только без ксендза начата суппликация², и пропет какой-то новый гимн Матери Божьей, после чего несколько голосов воскликнуло: «Виват вам и спасибо, горожане и сельские обыватели!»³ Но кто-то сейчас сказал: «Шт! тут костел!»

Больше ничего не случилось. Народных гимнов вовсе не пели. По окончании же службы толпа вышла (близ одиннадцати часов) процессией, с церковными хоругвями, и направилась через Пршеязд по Долгой улице. Предводители (не самые главные) кричали проходившим: «На середину, господа, на середину! И все, кто это слышал, переходили с тротуаров на улицу. Ехавшим в экипажах тоже предлагали выходить и следовать за процессией, и многие это делали. Таким образом движущаяся толпа постоянно увеличивалась. На Лешне было народу, может быть, человек тысяча, а когда подошли к Долгой, стало около трех. Иные же говорят, что уже на Лешне было тысячи три, а на Долгой стало шесть.

Во все время движения процессии по сказанным улицам сзади следовал, согласно известному читателям распоряжению наместника, взвод солдат с полициантами.

Пройдя Долгую, процессия поворотила по Голембей и тут, на углу, у костела Паулинов, остановилась и запела: «Святый Боже, святой крепкий». Все сняли шапки. То же сделали и сопровождавшие процессию солдаты.

---

¹ Полтораэта шагов от наместниковского палаца.

² Святый Боже, святой крепкий:

³ «Vivat obywatele miejscy i wiejscy, dziekujemy wam».

Потом все пошли к Старому Месту, где, поравнявшись с одним домом, приняли из окна большой образ Божией Матери, поданный какой-то женщиной.

При движении толпы далее по Свенто-Янской улице посыпались из окон мелкие крестики и образки в бумажках, что, вероятно, было сделано по предварительному условию коноводов манифестации с жителями домов: это задерживало толпу и увеличивало ее массу; кроме того, действовало на воображение простых людей, которых в процессии было довольно.

Подаваемые образки и крестики студенты и прочая молодежь прицепляли к палкам и несли на плечах.

В Замке, разумеется, знали о приближающейся толпе манифестаторов, вследствие чего выстроены на Замковой площади войска в том же порядке, как за два дня (13/25 февраля): батальон пехоты – перед главными воротами и сотня кубанских казаков есаула Заварова – от вторых ворот к будке, что на съезде.

Едва только процессия показалась со Свенто-Янской улицы и повернула к колонне Зигмунда, как взвод казаков с есаулом получил приказание преградить дорогу толпе и просить ее разойтись. Если же не послушают, то принять в нагайки.

Заваров заскакал и вступил в переговоры с передними рядами, на польском языке, как умел. Его не хотели слушать и рвались вперед. Уже манифестация изменила характер: процессия исчезла; шли просто толпой в направлении к наместниковскому палацу, дабы спросить у заседавшего там Земледельческого общества, точно ли оно потребовало солдат у москалей, якобы испугавшись нападения своих братьев.

Тогда Заваров, видя, что увещания не помогают, командовал казакам: «Ударить в нагайки!» Но толпа была так велика и густа, что казацкие атаки не сделали ничего равно. Народ отступил лишь немного назад и стоял без движения. Впереди, шагов на десять, рисовались какие-то трое с образами, из которых один был поданный из окошка на Старом Месте. Заваров приказал казакам отнять эти образа. Казаки бросились. При свалке, которая произошла, один образ упал на мостовую и разбился в куски, а два другие скрылись в толпе; и снова она стояла без движения, а казаки, отъехав

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

на несколько шагов, стали напротив и так стояли и смотрели на толпу, а толпа на них в совершенной тишине.

Каких-нибудь через четверть часа отделилась с той стороны небольшая кучка молодых людей, по-видимому, помещиков, подошли к Заварову и стали его просить пропустить их на Краковское предместье для заседания в Земледельческом обществе, которого они будто бы были членами. Заваров пропустил. Тогда же проскочило еще несколько, без всякого позволения; потом проскочили еще в разных пунктах, и все это соединилось с массами, скопившимися у Бернардинского костела и запело «*Boze cos Polske*».

Чтобы прекратить этот беспорядок, Заваров послал (по предварительному объяснению с полковником Треиовым) к Бернардинам первый взвод своей сотни под начальством урядника Черноброва. Этих казаков тамошняя толпа встретила камнями и комками грязи, при криках «ура!»

Надо знать, что в это время строили *Городской клуб* (*Ratursa Obywatelska*), что сейчас за бывшей гауптвахтой¹, где четыре каштана, и тут лежал в кучах камень и кирпич: им-то и воспользовалась толпа для своей защиты от казацких атак. Кидали даже женщины. По словам Черноброва, кто-то пустил бутылкой, поданной из костела.

Произведя в этом пункте до семи атак, казаки увидели, что силы их недостаточны для успешного действия против таких масс, какие скопились у костела и все прибывали частью с Сенаторской, через проходной дом Резлера, частью по тротуару, мимо Зигмунта, где не существовало никакой преграды. Да и сквозь цепь Заварова проскакивание до того усилилось, что трудно было совладать с ним небольшой оставшейся там кучке казаков.

Тогда Чернобров отправил к Заварову казака просить подкрепления, которое и было тотчас послано: новый взвод с урядником Реутовым.

На ту пору случились в Бернардинском костеле похороны чиновника Лемпицкого. Перед главным входом, на улице, стояли, как водится, дроги в ожидании гроба. Когда его

---

¹ Упразднена в начале 1867 года.

вынесли и поставили на дроги, а неизбежные при этом дзяд и ксендз с большими деревянными распятиями поместились впереди, чтобы открыть шествие так называемого *каравана*, коноводы беспорядка присоединились тут же в виде небольшой процессии и запели какой-то гимн.

Казаки Черноброва и Реутова, которым внушалось прежде всего, *чтобы отнюдь не пропускать процессий*, заскакали вперед каравана и преградили ему дорогу. При этом несколько досталось ксендзу и дзяду, несшим кресты. «Аргисты» манифестации сейчас же воспользовались этим обстоятельством и начали кричать: «Кресты у нас ломают! Ругаются над святыней!» Эти слова мгновенно облетели всю улицу. Потом пошли дальше, а «сломанный крест» явился на медалях, брошюрах, гимнах и плакатах!¹ Наместнику было донесено о положении войск у Бернардинского костела. Он послал туда еще один казачий взвод, под начальством штабс-капитана Долгиева; а потом, когда донесли, что все три взвода ничего не могут сделать, велел командиру Муромского полка, полковнику Гартонгу, пройти с батальоном по всей улице и очистить ее от народа. Это могло быть часу во втором дня. Гартонг, взяв из Замка 11-ю и 12-ю роты упомянутого полка, повел их, одну за другой, по Краковскому предместью, таким образом, что одна держалась преимущественно правого тротуара, а другая – левого.

Едва роты поравнялись с Бернардинским костелом, как в них полетели камни – сперва из-за железной решетки, что между колокольной и храмом, а потом из толпы, собравшейся гуще всего около гауптвахты. Более досталось 11-й роте, шедшей левой стороной улицы. Но все-таки солдаты Гартонга, несмотря ни на что, очистили улицу вплоть до узкого Краковского предместья (которое начиналось там, где теперь начинается сквер), так что дроги с гробом могли тронуться в путь, и (вслед за ротами Гартонга, к которым вскоре присоединилась рота полковника Феныпау, также посланная из Замка) добрались до статуи Богоматери, стоявшей в то время

---

¹ Поставленного, судя по надписям, в память победы Собесского над гугами.

несколько правее, если идти от колонны Зигмунта к скверу. Двадцать шагов дальше стоял тогда большой трехэтажный дом Оргельбрандта, бывший Мальча, больше известный под этим именем¹, а-за ним целый ряд домов, до самого костела Кармелитов, где кончается сквер; и они-то с противоположной частью улицы (где аптека Гакебейля, Саксонская гостиница и кондитерская Клотена) образовывали то знаменитое узкое Краковское предместье, которое было свидетелем падения еще более знаменитых *пяти жертв* – эпизод, к которому мы приближаемся.

Здесь нам должно остановиться и рассказать, что случилось в те самые минуты в Земледельческом обществе, которое, как уже известно читателям, открыло свое заседание почти одновременно с началом манифестации.

Первым предметом рассуждений было, естественно, критическое положение города вследствие неожиданных и непонятных послаблений правительства шалунам, иначе сказать красной партии. Предвиделась катастрофа, может быть, торжество ребят... Власть и значение белых в крае колебались. Что было делать?

Более живая половина объявила, что если они и теперь примутся, по обычаю, рассуждать без конца, а не приступят к каким-либо энергичным действиям сейчас же, не выходя из этой комнаты, то будет плохо: разогнанный казаками сегодня народ соберется по призыву манифестаторов завтра; манифестации пойдут за манифестациями до тех пор, пока весь город, а потом и весь край не станет в серьезно-враждебные отношения к правительству, падут многие бессмысленные жертвы, и дело, веденное довольно успешно, отодвинется назад; нужно будет начинать работу сызнова, или – пристать к красным. Все это необходимо, во что бы то ни стало, предупредить, например, хоть депутацией в Замок с изложением того, о чем просили красные.

Председатель, граф Андрей Замойский, стал возражать...

Вдруг открылись двери, и среди залы явился помещик Наржимский, известный всей Варшаве кутила самых красных

---

¹ Изображение этого дома можно видеть в календаре Яворского (Kalendarz Polski Ilustrowany) за 1867 год на с. 72.

свойств, но человек не без дарований и не без влияния в городе. Он присутствовал на всех манифестациях, явился и на последней и был помят немного казаками у колонны Зигмунта. Приятели-«артисты» уложили его, охающего и стонущего, в дружку и привезли в Земледельческое общество.

Здесь он был усажен в кресла, весь перепачканный кровью, и начались новые стоны попеременно с объяснением дела теми, кто привез Наржимского.

Недолго надо было глядеть на всю эту сцену, чтобы увидеть, *что это такое*, какую носит подкладку. Покопался на актеров изящный и благовоспитанный граф Замойский и грустно спросил (когда история окровавленного героя была изложена с достаточными подробностями): «Чего же вы хотите, господа?»

«Мы хотим, – отвечали окружающие жертву, – чтобы в Замок была отправлена депутация, которая бы представила наместнику в надлежащем свете положение наших дел: нападение войск на безоружных, поругание святыни, изувечение многих ни в чем не повинных прохожих – и требовала бы защиты от такой напасти».

Граф отвечал тем же грустно-мрачным тоном, что Земледельческое общество не имеет права вмешиваться в управление городом, что для разбора подобного рода происшествий существуют особые учреждения, например Ратуша¹, куда бы и следовало отвезти раненого, а никак не в Земледельческое общество.

«Да ведь он помещик, закричало несколько голосов: наш брат, даже член нашего общества. Как же нам за него не вступиться?»

«Если он помещик и наш член, – возразил граф, – то ему следовало бы заседать с нами, а не лезть, зауряд с мальчишками, в свалку против войск. Был бы здесь, остался бы цел».

Такие официальные, холодные возражения отдались в сердцах большинства членов неприятно. Поднялся шум.

---

¹ Так запросто зовут в Варшаве управление обер-полицеймейстера, вследствие того что оно помещается в здании Ратуши.

«Отвести в Ратушу, взяли в Ратушу» (odstawift do Ratusza, wziefi do Ratusza) – значит в Варшаве то же, что у нас «отправить в часть, посадить в часть».

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

До графа донеслись очень ясные намеки на то, что дружба и связи с московским правительством должны иметь для каждого порядочного поляка свой предел и что есть для польских патриотов обязанности, которые выше боязни быть скомпрометированным перед кем бы то ни было; что бывает время, когда требуются жертвы ото всех, кто бы к какому лагерю ни принадлежал...

Граф, давши умолкнуть этому «патриотическому» ропоту, объявил решительно, что ничуть не опасение себя скомпрометировать перед русскими властями, а простое приличие заставляет его отказать этим господам; что он готов ехать в Замок один, если б этого потребовали обстоятельства, но депутации не отправит; а что до его патриотизма – в нем ничуть не сомневаются те, кто его действительно знает. Говорят, у него вырвалось будто бы выражение при этом: «Chcacie, zebym ja przewodniczyl burdzie¹ – никогда!»

Поднялся шум пуще прежнего. Кто стоял за графа, кто был против, находя, что нужно непременно послать в Замок депутацию, что без этого дело кончится какой-нибудь катастрофой, после которой всякие депутации будут уже нехоти и странны.

Граф хотел что-то сказать и приглашал к порядку звонком, но не мог унять крикунов и, объявля заседание закрытым, вышел с частью народа налево из ворот, к своему дому, а другая часть пошла направо, посмотреть, что такое в самом деле творится у Бернардинов.

В этой части главным лицом, около которого сгруппировались помещики красноватого оттенка, был Маркел Карчевский, человек довольно пожилой, но в нем бурлили самые неугомонные страсти.

Кучка пошла, может быть, без всякого намерения принять участие в беспорядках; но, увидев на улице необычайное движение, казаков и солдат, перемешанных с толпой, услышав крики о поругании святыни, многие помещики, в том числе и Карчевский, увлеклись и стали помогать манифестаторам кто во что горазд. О Карчевском говорили после, что он устроил против почты род баррикады из дружек.

---

¹ Хотите, чтобы я стал во главе беспорядка.

Когда все это происходило, из Замка вышло историческое лицо того дня: дежурный генерал главного штаба Заболоцкий.

Он направился к Примасовскому палацу (на Сенаторской улице), где стояла у него, на случай надобности, рота солдат, именно 7-я, Низовского пехотного полка.

Описанные нами беспорядки перед Замком и у Бернардинов, Краковское предместье, наполненное волнуемым народом, тревожные лица встречаемых по дороге офицеров, носящиеся там и сям казаки, вообще какая-то небывалая сумятица и неестественное движение в улицах настроили генерала таким образом, что он после некоторых соображений счел нужным принять личное участие в восстановлении спокойствия теми средствами, какие у него были под руками: именно, вверенной ему ротой Низовского полка, которую, недолго думая, он взял из манежа палаца (где она обыкновенно стояла) и вывел задними воротами на Козью улицу, а потом на Краковское предместье.

Это было сделано быстро под тем роковым течением мыслей, в каком бывает иногда всякий взволнованный человек.

Выведя роту к почте, генерал тут же заметил, что делать ему в этом пункте без особенных инструкций нечего: стояли кучи народа, разъезжали казаки; в опасности никто не находился.

Но так как рота была уже выведена, то нужно же было придумать ей какое-нибудь занятие. Когда генерал был в Замке, говорили, что манифестаторы добираются до Земледельческого общества вследствие того, что оно потребовало у правительства войск в защиту от этого народа. Вспомнив об этом и заметив в стороне наместниковского палаца¹ как бы усиленное движение (что могло просто-напросто показаться), генерал направился с ротой туда, но увидел, что и там он вовсе не нужен: за решеткой стоял целый батальон, и нападать на этот пункт никто и не думал.

Заболоцкий пошел назад и, чтобы собраться с мыслями, остановил роту против Чистой улицы, где простоял около полчаса.

---

¹ Находится от почты, где стоял Заболоцкий, в полтора-два шагах и хорошо оттуда виден.

Все это показывает ясно, что генерал не имел перед собой никакой определенной цели, что он действовал как человек, несколько потерявшийся, не в нормальном состоянии духа.

Тут подошли какие-то офицеры и рассказали о свалке народа с казаками у гауптвахты.

Генерал мог задать себе вопрос, не нужен ли он там, и машинально двинулся с солдатами налево, может быть, даже в намерении увести их опять домой, в Примасовский палац. Но страшный шум на улице продолжался и остановил внимание генерала. До солдат долетали ругательства. Какой-то казак подъехал и сказал генералу, что «поляки разбивают гауптвахту». То же самое подтвердил еще один денщик в форменной одежде. Это заставило генерала двинуть роту к гауптвахте по узкому Краковскому предместью. Но тут столпилось столько народу, что идти обыкновенным строем было нельзя. К тому же, немного погодя выехал из Беднарской улицы воз кирпичу и брошен. За возом сплелись, по-видимому умышленно, несколько дружек, что составило род баррикады. (Про эту-то баррикаду и говорили, будто ее устроил Карчевский, именно в то время явившийся тут с кучкой помещиков, которые пошли направо из наместниковского дворца.)

Генерал приказал солдатам пробираться в одну линию по левому тротуару. Но едва они тронулись, как в них со всех сторон полетели камни. А народ кричал, обращаясь к генералу: «Кресты у нас рубят! Веру поносят!»¹

Выйдя на широкое Краковское предместье, Заболоцкий увидел впереди себя, довольно в близком расстоянии, колонну солдат и тихо двигавшийся за ними гроб². Идти было некуда; поэтому генерал выстроил роту вдоль того же левого тротуара, по которому шел, от аптеки Гакебейля до пункта, где был когда-то проход на Козью улицу. Камни продолжали сыпаться, преимущественно из второго (нашего третьего) этажа дома Мальча, где в одном окне сидели две дамы, а за ними стояли мужчины, и они-то пускали камни³. Также летели камни и из толпы, образовавшей подле дома Мальча сплошную

---

¹ Krzyże nam rabia, wiara hauba.

² Навстречу Низовской роте.

³ Показания офицеров 7-й роты Низовского пехотного полка.

стену. Несколько солдат было ранено. Сам Заболоцкий получил сильный удар большим камнем в спину.

Это была минута, когда роты Гартонга и Феныпау, а за ними и дроги с гробом, явились у самого узкого Краковского предместья. Улица требовала очищения. Заболоцкий приказал бывшим при нем двум казакам разогнать дружки, но казаки не могли ничего сделать, будучи оттесняемы толпой и осыпаемы камнями, причем один был значительно ранен. Тогда генерал крикнул на солдат, чтобы они очистили улицу штыками, но и это не удалось. Толпа делалась все смелее и смелее, кричала бог знает что... Генерал объявил, что *будет стрелять*. «Не смеешь! – возразили ему из толпы. – Наполеон запретил!»

После этого Заболоцкий велел зарядить ружья, но не надевать капсулей, и снова повторил угрозу, что *будет стрелять*, если не очистят улицы. Послышались те же ответы, и полетели новые залпы камней. Кто-то из солдат вдруг крикнул: «Стреляют! стреляют!»

Этого выстрела никто определенным образом не видал, и кажется, его не было; тем не менее крики «стреляют! стреляют!» (действительно раздавшиеся в роте) решили дело. Генерал скомандовал: «Пли!». Капсули наложились сами собой, и выстрелы загревели, частью в дом Мальча, частью вдоль улицы.

Стрелял один взвод, заведенный левым плечом против угла дома Мальча. Выстрелы в дом были следствием простой мести за кидание камней, но убитых при этом не случилось. Даже очень немногие пули попали в окошки: из 23 выстрелов, направленных в дом, только пять разбили стекла. Это показывает, до какой степени стрельба была рассеянна и беспорядочна. Солдаты тоже были взволнованы... Но на улице, против почты и немного далее, пало пять человек и около того было ранено.

Улица вмиг очистилась от народа. Это был, по словам очевидцев, истинный Фокус Пинетти. Кто бросился во двор, кто в магазин, а иные пустились бежать по боковым улицам, Козьей и Трембацкой. Дружки тоже ударили по лошадям, и баррикада исчезла.

Тогда батальон Гартонга и рота Феныпау прошли вперед свободно и, дойдя до Чистой, воротились в Замок. Дроги с покойником также успели проскользнуть и направились по Трембацкой, как выражался один из несших кресты: *nadzwyszajnym redem*. На Белянской соединились с ними забежавшие вперед ксендзы.

В Замке слышали раздавшиеся у дома Мальча выстрелы. «Кто это стреляет и где?» – спросил наместник, выйдя в приемную, где с раннего утра до поздней ночи толпилось в эти дни множество высших военных чинов на случай каких-либо приказаний от князя. Кто-то отвечал, по сведениям, полученным неизвестно как и откуда, что это «повстанцы стреляют из дома Мальча по войскам». Тогда наместник, подождав генерал-квартирмейстера Семеку, велел ему взять роту и арестовать всех в доме Мальча, если слухи о выстрелах оттуда справедливы. Семека, взяв роту со двора Замка, отправился, но, не доходя костела Бернардинов, встретил Заболоцкого впереди роты, с обнаженной, опущенной вниз саблей, который, узнав, зачем послан Семека, сказал: «Успокойтесь, это не из дома Мальча, это я стрелял». После чего они оба вернулись в Замок; рота же Заболоцкого пошла к колонне Зигмунта и потом, по Сенаторской, в Примасовский палац, где тотчас сосчитали выпущенные патроны: их оказалось 55.

Толпа военных в приемной князя, когда пришли туда Семека с Заболоцким, выражала довольно громко негодование на бездействие власти, на отсутствие всяких распоряжений. Директор, действительный статский советник Казачковский, находившийся там же, говорил, что «следовало бы давно занять все главные пункты войсками и объявить военное положение; что это, несомненно, прекратило бы все беспорядки».

Оба генерала прошли во вторую приемную и там столкнулись с наместником. Семека дал говорить Заболоцкому, который изложил перед князем все, как было, и заключил словами, что *он стрелял*. «*Parfaitement fait!*» – пробормотал Горчаков и ушел в кабинет. А Заболоцкий воротился в первую приемную, где снова рассказал всю историю выстрелов, жалуясь на боль в спине. Ему советовали отправиться домой и принять медицинские средства. Он отправился, беспечный

и спокойный, ничуть не думая о том, что значит иногда у князя Горчакова *parfaitement fait...*

Меж тем кучи народа стали снова скопляться около почты. Иные бросились подбирать убитых и раненых. Первым подняли Карчевского, на углу Беднарской улицы, еще живого, положили на дружку и повезли в Смоленскую гостиницу¹, где он жил, но там его не приняли. Кому-то пришлось в голову отвезти его в дом Мальча, в квартиру сестер Кунке, державших модный магазин и притом известных патриоток. Тут Карчевский и умер, несмотря на быстро поданную помощь из аптеки Гакебейля.

Туда же отвезли еще два трупа: помещика Рутковского и работника с какой-то железной фабрики, Бренделя. Четвертый, ученик реальной гимназии, Арцыхевич, отвезен в квартиру родителей, живших в доме графа Андрея Замоиского. Пятый труп не был никем узнан в течение всего того дня. После оказалось, что это рабочий с нового моста, строившегося на Висле, Адамкевич. Его повезли было в Замок показать наместнику и пожаловаться на возмутительное поведение солдат; но казаки, находившиеся на Краковском предместье еще в значительном числе, заворотили дружку с трупом назад (близ колонны Зигмунта), и она направилась к тем же патриоткам Кунке, которые, однако ж, увидя четвертый труп, сказали: «Нет, уж с нас и тех трех довольно!» И отказались принять. Тогда возившие труп после небольших совещаний отправились в Европейскую гостиницу, сопровождаемые уже изрядной толпой народа. В улицах подымался крик о *жертвах*. Имя Заболоцкого предавалось проклятиям.

В Европейской гостинице (которая становилась с каждым часом более и более любимым, модным пунктом помещичьих сборищ) был тогда управляющим немец Кноль. Он хотел было воспрепятствовать принятию трупа: куда! Его никто и не слушал. Мертвеца тащили по коридорам, требуя ему удобного помещения. Один из владельцев гостиницы, Вамбах, случившийся на ту пору дома, приказал отвести во

---

¹ Находится в той части Беднарской улицы, которая сохранилась до сих пор.

втором этаже 64-й номер¹, который назначался для концертов и потому большей частью был пуст. Здесь положен Адамкевич (по другим Брендель) на матрасе и чистой простыне, часу в четвертом дня. Потом, в разные часы, подвезли туда же и других, исключая Арцыхевича, который оставался до конца у родителей, в доме ЗамоЙского. Европейская гостиница поступала в число исторических домов Варшавы.

С этой минуты начало твориться в городе нечто совершенно необычайное.

Прежде всего номер, где были сложены тела, обили, по распоряжению каких-то таинственных властей, черным сукном; а в доме ЗамоЙского, по уверению некоторых, обили черным сукном даже ворота изнутри двора, и хозяин должен был это позволить.

Вход в номер, где лежали трупы, охранялся поочередно воспитанниками медико-хирургической академии, которые пропускали военных не иначе как после довольно долгих переговоров.

Куда делось русское правительство, полиция? Как случилось, что тела убитых в свалке народа с войсками оставлены в распоряжении толпы? Чего мы испугались? Все это опять вопросы, на которые пусть уж отвечает будущее...

Но как бы то ни было, странный испуг властей был сейчас же замечен всеми в городе, почувствован каждым поляком и каждой полькой. Все поняли, что это такие мгновения, которыми надо пользоваться, ковать железо, пока горячо, высказать требование смело и громко. В этих чувствах, в этих бурных порывах заявить правительству о своих нуждах и обидах, наговорить ему побольше всякой всячины, за прошлое и за будущее, — слились теперь все жители Варшавы. А недавние безумцы и *молокососы* (*warjaty i smarkate*), против которых старшие за несколько часов перед тем просили у наместника войск, кого в крайнем случае вся благоразумная часть населения была не прочь выдать правительству с головой, эти безумцы попали вдруг в

---

¹ В нашем третьем. Приходится как раз над кондитерской Люрса (тогда Конти) через этаж.

герои, мало этого – в вожди и начальники всего города. Невероятный факт успеха их манифестации, непостижимый триумф над властью как бы заверяли, что они знают, что делают, что их надо слушать и никого более. «Как гусей, спасших Рим (замечает Авейде), их носили торжественно на руках по всему городу и трубили в трубы».

Разумеется, такой финал последовал единственно потому, что почва, на которой все это творилось, была несерьезна; потому что подкладкой всякого поляка, как бы он по-видимому благовоспитан и умерен ни был, есть все-таки безумие и фантазия, не знающая границ. Опять забыли, что правительству стоит только дунуть на призрак, и его не станет; что из римских гусей завтра же может быть приготовлено самое обыкновенное русское жаркое. Все покраснели, все сбились, от мала до велика, весь город. Утром того дня в нем еще были головы, рассуждавшие, как надо; к вечеру не стало ни одной: все свихнулось.

Есть в Варшаве, вблизи Римарской площади, неказистый серый домик в два этажа, стоящий в глубине двора и почти невидимый за другими строениями. Домик тихий и уединенный. Житейские волны катятся от него далеко, на расстоянии длинного двора. Направо и налево, точно крылья, так называемые *оффицины*; в середине, в углублении, *корпус*. Так строились все прежние польские «палацы»¹.

Описываемый нами палац, или дом, есть скромная *купеческая ресурса* Варшавы, иначе клуб, куда сходились по вечерам провести время «по-клубному» горожане средней руки, все живое, рассуждающее, деятельное из городского населения. Никакого другого польского клуба в Варшаве тогда еще не было; «обывательский» только строили.

А еще прежде, до революции 1830 года, сюда хаживали и военные. Серый домик, тихий только снаружи, издали, был внутри вовсе не тих и видал и слышал больше, чем иной яркий палац, выставленный на вид, во всей красе и громко о себе кричащий.

---

¹ Изображение можно видеть в № 151 Tygodnika Illustr. за 1870, с. 245.

Здесь, между прочим, полковник Кицкий был озадачен неестественным выражением в лицах подхорунжих, явившихся на бал, за два дня перед страшной ночью 29 ноября 1830 года¹.

Что подумал бы полковник Кицкий, если б он, точно так же как тогда, сидел в знакомой ему ресурсе вечером 27 февраля 1861 года? Сколько бы неестественного, странного и неразгаданного заметил он в физиономиях лиц, мелькавших там уже не кучками, какая вошла 27 ноября 1830 года с Набедяком, а целыми массами, словно ресурса давала вечер всей Варшаве.

Двери настежь. Народ входил и выходил. Лица сияли. Шум и говор невероятный. Откупщик вина и табаку, банкир Кронеберг, велел принести всевозможных напитков и сигар для угощения публики даром.

В одном углу старой, закопченной, сумрачной залы, довольно давно не знавшей никаких реставраций, собралось обсудить вопросы, не терпевшие отлагательства, все, что в красной партии считало себя более влиятельным и старшим. Здесь была и вся бюргерия, приставшая к Юргенсу и Денелю в самое последнее время; присоединились кое-какие и лишние, не принадлежащие никуда. Всем хотелось разыгрывать историческую роль, явиться на публичной арене в минуту... великую. Всем казалось, что пришла такая минута.

После неизбежного при подобных сходбищах, неопределенного, хаотического крика было решено послать в Замок депутатов, которые бы изложили перед наместником в надлежащем виде грустный факт нападения войск на безоружных и просили нарядить следствие для рассмотрения поступка генерала Заболоцкого, после чего была составлена депутация, или (как обыкновенно говорят по-польски) *делегация* из следующих лиц: от духовного сословия – ксендзы-каноники Иосиф Вышинский и Иосиф Стецкий; от помещиков – Яков Петровский и Теофил Петровский; от кружка литераторов – Иосиф Крашевский и Иосиф Кениг; от военного сословия – бывший полковник польских войск (произведенный революцией 1830 года в генералы) Иосиф Левинский; банкиры – Леопольд Кронеберг и Матвей Розен; доктор Тит

---

¹ Mochnacki: Powstanie Narodu Polskiego 1830–31. Posnan. 1865. II,

Халубинский; купеческий голова Ксаверий Шленкер; фотограф Карл Байер; адвокат Август Тршетршевинский; старшина сапожничьего цеха Станислав Гишпанский и главный еврейский раввин Майзельс.

Но прежде чем эта делегация была составлена, в Замке успело перебывать несколько самых почетных лиц города, между прочим: архиепископ Фиалковский, граф Андрей Замойский и Фома Потоцкий.

Все они наговорили наместнику таких вещей, каких Замок еще не слыхивал. В особенности странно вел себя Потоцкий. Мы уже сказали, что в эту пору, с вечера 27 февраля, не осталось в городе ни одного истинно благоразумного и благовоспитанного поляка. Все забылись перед властью и стали с ней неприлично и неосторожно шутить.

Если б *одно такое слово*, каких десятки наговорил тогда Горчакову Потоцкий, раздалось в Замке в присутствии покойного фельдмаршала; если б одно только такое слово... Но боже мой! При покойном фельдмаршале ничего бы этого не было, никакой манифестации; стрелять было бы не по ком, и делегации бы не сочинилось.

Надо знать, что в Замке, после того как мы его оставили, много воды утекло и многое переменялось. Сверх напавшего на всех непостижимого страха и смущения самые понятия о вещах были совсем не те, что утром.

И здесь все сбилось с толку, со своего надлежащего, русского, правительственного толку. Все стало до невероятности легковверным. Всякий вздор, приносившийся с улицы, например о каком-то поголовном восстании, готовом ежеминутно вспыхнуть, принимали как нечто серьезное. Заболоцкий являлся в глазах лиц, окружавших наместника, преступником, достойным страшной кары, нарушителем общественного спокойствия, человеком, безобразно превысившим свою власть. Словом, что говорилось о нем в бурной купеческой ресурсе угорелыми поляками, хватившими дарового венгерского, — то же самое повторялось и в Замке ничуть не угорелыми русскими, не пившими в этот день ни капли. И все это главнейшим образом оттого, что в голове наместника произошел переворот мыслей совсем в другую сторону. Так мало у каждого из

нас своего собственного, так мало гражданского чувства – выступить вперед и оппонировать. Тут-то все такие лица, кто действительно понимает вещи, как они есть, сейчас куда-то спрячутся. Спрятались они и в Замке, а князь Горчаков бежал, сконфуженный и потерявшийся, как никогда, и, казалось, искал человека, или хоть взора, на котором бы мог опереться или прочитать в нем что-либо спасительное. Но таких взоров не было... О! это были самые тяжкие минуты в жизни князя Горчакова! Он страдал, жестоко страдал, потеряв на Черной речке девять тысяч удивительных храбрецов, жаждавших боя как праздника; он сам рвался вперед, может быть, затем, чтоб быть убитым... он страдал еще больше, сдав неприятелю Севастополь; слезы не раз показывались на его старых ресницах... Но там он имел хоть то извинительное утешение, что он уступил превосходящей силе четырех держав. Что ж теперь? Кому сделана уступка? Кому сдан неосажденный Севастополь? Какие бы горькие слезы потекли у него из глаз, когда бы он сообразил, как глубоко пала русская власть в Замке и Варшаве в ту минуту! Но он ничего тогда не соображал; его только носило по комнатам...

После депутации первых почетных лиц (принятых в большой зале, направо, как поднимаешься на лестницу, где стоят часовые) стали прибывать, одна за другой, разные городские депутации, с которыми наместник был то строг, то чересчур приветлив. Один из его адъютантов удержал в памяти следующие слова какого-то высокого ростом депутата, с выразительной физиономией: «*La corporation des bouchers est prete a marcher contre vos canons, et demain, si les corps des sainles victi mes ne seront pas rendues a la ville, pour etre ensevelies solennelement, vous marcherez dans noire sang jusgu'aux genoux!*»

Наконец уже довольно поздно, часу в одиннадцатом ночи, прибыла депутация купеческой ресурсы и была принята, как и все последние, во второй приемной комнате перед кабинетом наместника. Налево у окна, близ дверей, стал Шленкер. Рядом с ним, направо, Кронеберг; потом ксендзы Вышинский и Стецкий. За ними сгруппировалось все прочее. Сапожник Гишпанский поместился сзади всех, у входных дверей.

Князь Горчаков вышел, имея по левую руку Муханова, и проговорил довольно строгим голосом: «*Malheur est arrive!*» – «*Grand malheur !*»¹ – повторил Шленкер, возвыся голос. Это как бы смутило князя; он изменил тон и предложил высказаться. Несколько делегатов стали говорить один за другим. Сущность этих речей заключалась в кратком изложении случившегося утром на Краковском предместье, после чего сказано о крайнем раздражении города, оскорбленного войсками, о необходимости принять самые быстрые, энергические меры, во избежание печальных последствий...

Затем начались обыкновенные, можно сказать, дружеские беседы. Муханов старался быть с делегатами как можно любезнее; говорил почти со всеми самым приветливым образом...

При такой обстановке неудивительно, если спятил с ума человек низменный, плохо образованный, хозяин сапожничей артели (как бывают хозяева артелей), если сбился Гишпанский, увидав перед собой власть совсем не такой, как она ему снилась за его убогой колодкой. Он был, конечно, всех правее, и, может быть, говоря смело и фамильярно с наместником, не сказал, в сущности, ничего особенного.

Предание приписывает ему следующие слова.

Когда князь Горчаков, откланиваясь депутации, заметил, что «все произошло от ошибки, от не так понятого приказа, и что особая комиссия разберет, кто прав и кто виноват» – Гишпанский будто бы сказал:

«Вот я, ваше сиятельство, сапожник, и у меня артель рабочих: если из моей мастерской выйдут плохие сапоги, вы не станете спрашивать, где неловкий хлопец, который испортил товар, а крикните: «*Подавай мне сюда хозяина Гишпанского!*»

«Стало быть, по-твоему, виноват я?» – спросил будто бы наместник, улыбаясь.

«Стало быть!»

Эта ли выходка, или другое что, сказанное тут, не то позже, действительно обратили на Гишпанского внимание разных высших лиц Замка. Имя его стало повторяться, все желали иметь его фотографическую карточку. Даже до самого

---

¹ «Несчастье случилось!» – «Великое несчастье!»

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1863 года висел на Краковском предместье огромный фотографический портрет его, когда он сам успел побывать в Вятке. Князь Горчаков, как говорят, звал его «маленьким Кавуром».

Что старина, то и деянье...

В заключение различных объяснений делегация ресурсы подала наместнику просьбу, состоявшую из таких пунктов:

1) дозволить похоронить убитых с подобающим торжеством;

2) войска и полицию во время похорон устранить;

3) утвердить избранную городом делегацию до окончания похорон;

4) назначить обер-полицеймейстером, вместо полковника Трепова, генерал-майора Паулуччи;

5) освободить всех арестованных в тот день (15/27 февраля);

6) разрешить особым депутатам отправиться в Петербург для подачи адреса государю императору.

Все эти пункты были приняты немедленно, исключая 4-й и 6-й, и Горчаков простился с делегатами, обещав им «при первом скопище на улице явиться лично и выслушать недовольных»¹.

Не все ли это было равно, что пригласить народ снова к Замку?

Ресурса, ожидавшая делегатов с нетерпением, приветствовала их кликами восторга. Все лица засияли еще более, если только это было возможно. Никто и не воображал о таком благополучном исходе посольства.

А Горчаков с несколькими высшими лицами администрации рассуждал в Замке об остальных двух пунктах просьбы, поданной делегатами, и нашел возможным сделать еще уступку: разрешить 4-й пункт, то есть сменить обер-полицеймейстера; только преемником Трепову назначил не просимого городом генерала Паулуччи, а полковника Демонкаля.

---

¹ Отдан в ту же ночь. См. № 56 «Gazety Warszawskiej», 1861. Там же и о назначении Паулуччи, который носил по-польски такой титул: *Zawjadujacy naczelnik policya Warszawska*.

Извещенный об этом президент города, д. с. с. Андро послал немедленно (часу в первом ночи) за несколькими делегатами и объявил им волю наместника.

Но дети, потерявшие всякую меру в своих требованиях, стали еще настойчивее просить назначения обер-полицеймейстером генерала Паулуччи, говоря, что Демонкаль – человек в Варшаве новый, которого никто хорошо не знает, а Паулуччи всем известен. «Воротись, поклонись рыбке...» Нечего делать: Андро отправился в Замок – и кто поверит? Князь уступил и этой просьбе; но так как приказ о Демонкале уже состоялся и изменять его было неудобно, то придумали для Паулуччи особый титул «главного начальника полиции» с подчинением ему обер-полицеймейстера.

Иные поляки после говорили: «Помилуйте, как же нам было не сбиться, когда вы сбились – правительственная сила! Ведь мы же все-таки поляки; нельзя же нам идти против себя? Смотрим: дают, дают, валится откуда-то; мы и стали хватать».

Последний, 6-й пункт просьбы делегатов был тоже до известной степени принят: наместник согласился на отправление адреса к государю императору, только не с особыми депутатами, а просто по почте.

И адрес этот стали спешно писать. Но об этом после. Пора спустить завесу ночи на этот бурный, невероятный день. Впрочем, в сущности, никто не спал. Ресурса готовила курьеров для возвещения краю о победах, одержанных Варшавой над правительством, и о том, чтобы разные сословия в возможно большем числе съезжались на торжественные похороны *пяти жертв*. Эти должности взяли на себя с удовольствием студенты академии и другие старшие воспитанники. В особенности в курьеры рвались два младших брата Франковские: Иван и Лев.

Партии белых тоже нужно было кое-что обсудить.

И Замок имел свою ночную работу.

Сильно шумела купеческая ресурса после падения пяти жертв, но едва ли менее было шуму на другой день в Земледельческом обществе, на экстренном заседании всех находившихся в Варшаве его членов (как полагают, около двух тысяч).

Обдумывался вопрос: что им делать, — им, белым? Если они устранят себя от движения и передадут «книги в руки» младшим, хотя бы эти младшие выступили под предводительством делегатов, утвержденных наместником, дело будет немедля проиграно. Делегация, этот новый, невероятный Народный сенат, на который обращены теперь все очи и от которого страна ожидает каких-то чудес, конечно, в красном духе; делегация, несмотря на почтенные лета, седину и лысину иных ее членов, в сущности, тот же красный лагерь, как и безумные мечтатели и крикуны академии. Большая половина делегатов, если только не все, знакомы и дружны с Юргенсом, Годлевским и прочими главами красных. Белым, настоящим белым, овладеть, во что бы то ни стало, *всем движением*, забрать в руки и Новаковских, которые кричали, что если им дадут волю, то они сейчас же возьмут Цитадель и Замок; и делегатов, которые покамест еще ничего особенно дикого не кричали, но... как бы собираются крикнуть, да совестно. Все нужно забрать; но для этого следовало предварительно обратиться хоть немного глаза толпы в другую сторону, хоть немного измениться в глазах Варшавы и Польши. Варшава и Польша смотрели на белых недружелюбно, отчасти как на людей, соединенных так или иначе с правительством, зачастую помогавших правительству тормозить заговоры, парализовать действие всего того, что считалось в крае живым и спасительным; отчасти как на людей, думавших только о своих интересах и привилегиях и не хотевших делиться этим добром с низшей братией, делать уступки, приносить жертвы, тем менее становиться в рядах защитников отечества в критическую минуту. Варшава и Польша знали хорошо, кого белые суют обыкновенно в такие опасные ряды, запрягают в черную работу; а сами, когда дело кончится благополучно, норовят только захватить власть и командовать, но командуют всегда очень плохо.

Понятно теперь, почему Варшава в минуту, нами изображаемую, устремила свои глаза вовсе не туда, где стоял грандиозный наместниковский палац¹, огромный трехэтажный домина, с двумя по обеим сторонам его, не менее огромными, флигелями, — этот когда-то пышный дворец Радзивилла, с комнатами, где подписана была конституция 1815 года и где позже диктовался Круковецкий. Не туда смотрела Варшава после событий 27 февраля, а на серый, неказистый домик близ Римарской улицы, уже известный читателям, — домик, где устроилась Делегация.

Про белых, про Земледельческое общество тогда никто и не думал, как будто они вовсе не существовали в Польше. Их превращение в красных к вечеру 27 февраля никто не заметил, как не заметили и их торжественного поезда в Замок и не слышали заносчивых патриотических криков графа Фомы Потоцкого перед наместником; тогда как про выходку сапожника Гишпанского говорили все и его карточки покупали на расхват, так что Байер едва успевал их стряпать. Белые совершенно понапрасну вдруг поглупели и перешли в младший возраст. Выстрел пропал даром.

Как же было теперь поправить дело? Где скрывались такие силы, которые могли бы заставить Варшаву снова вспомнить о Земледельческом обществе, об его заслугах краю, о несомненных патриотических завоеваниях? Как было сделать, чтобы голоса белых стали хоть немного слышны среди этой невероятной сумятицы и хаоса?

Часть членов заявила, что только *«немедленное постановление о наделе крестьян землей и скорейшее приведение этого в исполнение»* могло бы вновь разогреть охлаждение массы к Обществу, отозвалось бы в городе благоприятно. В пользу этой меры были все не так богатые, но не в их власти было решение. Решал комитет, состоявший, само собой разумеется, из крупных землевладельцев, которым было неудобно расставаться с вековыми привилегиями своего сословия, самим занести на них руку. Как ни опасна была минута, но барская закоснелость, шляхетство одержали верх над всеми другими

---

¹ Место заседаний Земледельческого общества.

соображениями. Комитет Земледельческого общества нашел, что надел хлопа землей потребовал бы в скором времени совершенного освобождения его от рабства, но к этому еще не сделано надлежащих подготовлений; а потому вместо надела учредить пока *наследственные аренды* (*systemo wieczystych dzierzaw*) на образец английский, что и было принято.

Когда город узнал о таком решении Земледельческим обществом вопроса, всех тогда, естественно, занимавшего, – все поднялось против комитета Общества, против его вождей. Положение белых стало еще хуже. До этой минуты о них не говорили просто ничего; теперь же называли их отсталыми, мертвецами, дикими людьми, неспособными ни на какую патриотическую жертву.

Комитет растерялся и не нашел другого выхода, как слиться с ресурсой и помогать ей искренно во всем, что бы такое она ни затеяла.

Ресурса писала *адрес*: белые предложили тут не только свои соображения, но даже и перья, не отказываясь потом и подписать то, что будет составлено и одобрено общими силами. Это, конечно, для противоположной стороны было делом очень важным. Она соединилась от всего сердца в этих работах со своими антагонистами. Вся Варшава представила на ту пору истинно едино тело, един дух. Даже – кто поверит? – нелюбимый никем, антипатичный маркиз Велепольский суетился тут же и вначале, правда несколько мгновений, не нарушал гармонии. Белые вообще так хлопотали, что за ними даже осталось поле действий, как будто бы они одни, без красных, сочиняли адрес.

Авейде говорит, что партии писавших разделились на два главных лагеря: «Одни, более всего маркиз Велепольский, рекомендовали проект *адреса определенного* (*adresu okreslonego*), то есть адреса, который бы ясно обнимал желание народа относительно возвращения Конституции 1815 года, с соответственными, конечно, настоящему времени изменениями и с той, как кажется, разницей, чтобы о своем польском войске не упоминать вовсе».

«Другие, во главе которых стоял всеми уважаемый помещик Ставиский, предлагали проект *адреса с неопределенными*

условиями (adresu nieokreslonego), то есть следовало только сказать, что нам-де не хорошо; что нами управляют несогласно с нашими потребностями, а потому мы желаем, дабы в будущем все наши дела пользовались большим покровительством законов, нежели это было до сих пор»¹.

Этот последний адрес восторжествовал; иные думают, отчасти потому что на другой стороне стояла неприятная для всех фигура Велепольского. Спрячясь Велепольский тогда за другие плечи, дело, может быть, пошло бы иначе.

Ставиский, при помощи нескольких других белых и небелых, написал следующее:

«Горестные события, недавно случившиеся в Варшаве, раздражение, предшествовавшее им и последовавшая за ними глубокая скорбь, которая проникла все сердца, побудили нас повергнуть настоящее прошение к стопам вашего величества, от имени всей страны, в надежде, что ваше благородное сердце, государь, не отвергнет глас несчастного народа.

Эти события, которых горькие сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями каких-либо отдельных классов населения; напротив того, они составляют единодушное и красноречивое выражение чувств отвергнутых и нужд непризнанных. Более полувека страданий, претерпеваемых всем народом, управлявшимся в течение веков учреждениями либеральными, народом, у

---

¹Авейде II, 16. — Он добавляет к этому еще следующее: «Мне говорили, что в этом адресе (то есть неопределенном) принимаемы были во внимание два совершенно противоречащих одно другому соображения и цели; во-первых, чтобы, не зная еще вполне настроения монарха, не восстановить его как-нибудь против нас и не оскорбить заявлением определенных желаний. Во-вторых, чтобы определенным адресом не связать себя перед правительством никакими, так сказать, условиями и иметь через то на будущее время в резерве открытую дорогу просить о чем-либо более важном, нежели Конституция 1815 года без войска, например, хоть об этом войске и о присоединении к Польше Литвы и Руси. Кроме того, в неопределенном адресе не говорилось, чем именно мы будем окончательно довольны, но молчаливо, однако для всех вразумительно, допускалась всегдашняя возможность обратиться к желаниям о восстановлении самобытной Польши в прежних ее границах, а следовательно и к мысли о революции. Адресом же с точно определенными условиями, утвержденным нашими подписями, мы сами закрывали дорогу всем своим планам и стремлениям к самобытной Польше. Так, по крайней мере, в то время рассуждали, разрешая вопрос об адресе».

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

которого отняты были даже законные пути для принесения монарху жалоб и для выражения общественных нужд: все это поставило его в такое положение, что он не может иначе подать свой голос, как только стоном жертв, а потому и не перестает приносить эти жертвы.

В глубине души каждого жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной национальности, отличной от национальностей других народов Европы. Это чувство не сокрушено ни временем, ни событиями. Несчастья не только не ослабили, напротив еще более укрепили его. Все, что его оскорбляет или неосторожно относится к нему, — волнует умы. Край видит с грустью, что если эти нужды останутся неудовлетворенными, это подорвет всякое доверие между правителями и управляемыми. Доверие не может возродиться, пока будут употребляемы насильственные, принудительные меры, не ведущие ни к чему. Страна, некогда стоявшая вровень по образованию со своими соседями в Европе, не в состоянии развиваться ни морально, ни материально, доколе ее церковь, законодательство, публичное воспитание и вся общественная организация будут лишены своей национальности и своих исторических преданий.

Желания нашего народа тем сильнее, что в огромной европейской семье он один в настоящее время лишен необходимых условий к существованию, без которых никакое общество не может следовать путем развития до целей, указанных ему провидением.

Повергая к стопам трона выражение нашей скорби и наших пламенных желаний и веря в высокую справедливость и правосудие вашего императорского величества, мы осмеливаемся, государь, взывать к вашему великодушию.

Вашего императорского величества верноподданные. Варшава, 27 февраля 1861 года».

Адрес этот, переведенный на французский язык графом Андреем Замойским, был подписан прежде всего архиепископом Фиалковским и затем 180-ю лицами первых дворянских фамилий Царства Польского, представлен наместнику и послан им немедленно в Петербург.

Потом подписи продолжали собираться по всему городу разными способами и в разных пунктах, между прочим в кондитерской Конти (что ныне Люрса, на углу Европейской гостиницы), куда народ сзывали с улицы неопределенными кучками в 20, 30, 40 и более человек. Чтец становился на мраморные ступени, которыми поднимаются в бильярдную, и читал адрес собравшимся, после чего их заставляли подписываться, выпускали на улицу и кликали новую кучку.

Дня в два набралось, таким образом, 18 тысяч подписей. Затем наместник приказал прекратить подписывание!

А странный и упрямый Велепольский носился в это время со своим адресом и собирал для него подписи!.. Конечно, на него никто не смотрел и никто его не слушал. Массы помещиков толклись, вместе со всяким другим народом, кто только считал себя вправе подавать голос, – то в Купеческом клубе, то в Европейской гостинице, и обдумывали теперь вопрос погребения убитых. А некоторые из них, в том числе чиновник Варшавско-Венской железной дороги Лейя с помещиком Петровским, выставив в окно шляпы, собирали всякие пожертвования. Народ, толпившийся напротив, на площадке, что между Европейской гостиницей и Ордонанс-гаузом, долго стоял в раздумье: давать или не давать; но когда кто-то опустил в шляпу первую монету, деньги и ценные вещи посыпались довольно щедро.

Можно было делать что угодно. Варшава представляла тогда вид исключительный: города без полиции и войск; даже... почти без правительства.

Около 10 часов дня (28 февраля н. ст.) явился в залу Европейской гостиницы генерал Паулуччи и, как уверяют, спросил у присутствующих, желают ли они иметь его в звании главного начальника полиции. Все прокричали: «ура!» Кое-где раздалось: «И Гарибальди итальянец, и это итальянец! Да здравствуют итальянцы! Да здравствует Гарибальди! Да здравствует Паулуччи!»

Как это именно было – добраться трудно. Несомненно только, что Паулуччи являлся к помещикам в Европейскую гостиницу и выслушал от них разные приветственные крики. Что-то действительно кричали о Гарибальди и об итальянцах.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Подобные же крики раздались тогда и у входа в гостиницу, где толпилась вечно куча народу.

Побеседовав любезно с помещиками в зале, маркиз Пауллуччи отправился в 64-й номер, для присутствования при форменном осмотре тел вторым отделением Варшавского полицейского суда, прибывшим в узаконенном комплекте с реентом и 12-ю помещиками, в качестве свидетелей.

Кроме того, набилось туда же много всякого любопытного народу, успел побывать и фотограф Байер¹ с фотографическим аппаратом для снятия убитых во всей красе, с отверстыми в сторону зрителей ранами; и скоро эти карточки полетели по всей Польше.

Второе отделение полицейского суда, сообразив потогдашнему все обстоятельства дела, составило такой протокол:

«Так как по имеющимся сведениям оказывается несомненным, что смерть лиц, подлежащих ныне судебно-медицинскому исследованию, произошла от ран, нанесенных воинскими чинами из огнестрельного оружия, за что виновные могут впоследствии подвергнуться законной ответственности, то необходимо для присутствования при таком исследовании потребовать военного депутата».

Он потребован и явился в 64-й номер того же числа, в 2 часа пополудни.

Началось вскрытие тел, и составлен новый протокол, названный «Следственным делом о разыскании причины смерти господ: Рутковского, Карчевского, Бренделя и Адамкевича».

Дело об Арцыхевиче, лежавшем в доме Замойских, составлено особо тем же вторым отделением Варшавского суда.

Оба эти дела очень любопытны и хорошо рисуют минуточку. Мало того, что пресерьезно описано положение тел на матрасах, в номере гостиницы, после того как они объехали несколько улиц, были кидаемы и перекидываемы и наконец уложены в фотографических позах, – в протокол поместили даже следы нечистот на ягодицах одной жертвы, не совсем переваренный картофель в желудке другого трупа и наиточнейшее описание пули, найденной в третьей жертве.

---

¹ И, кажется, Вильнёв, имевший фотографию в самой гостинице.

Словом, делалось не дело, а шалили непристойным образом дети, спущенные не вовремя с помочей; и эту шалость, эту иронию над властями должен был, нисколько не шутя, подписать русский военный депутат!

Естественно, что в русских кружках Варшавы, особенно между военными, которым было приказано как можно меньше показываться на улицах, поднялся ропот. Иные говорили прямо, что «князь Горчаков сдал полякам Варшаву»...

По окончании медицинско-судебного исследования тела были сложены в приготовленные заранее особые черные гробы, сбитые белыми гвоздями, и снесены ночью в верхний храм Свенто-Кршиского костела в виде исключения по торжественности случая (обыкновенно же покойников ставят в нижнем храме, в так называемых *катакомбах*).

Вокруг гробов, поставленных так, что один приходился в середине, а четыре по углам, появилось к утру 1 марта н. ст. множество цветов и деревьев из лучших оранжерей города. Весь храм обит изнутри черным сукном, пожертвованным разными суконными фабрикантами. Особые народные констебли из учащейся и другой городской молодежи, каждый с белой перевязью на левой руке, заботились о сохранении порядка при входе и выходе, впуская народ дверями каплицы, что подле аптеки, а выпуская в главные двери, где статуя Спасителя. Давка была невероятная. Все знатное и незнатное, всех возрастов, от преклонных стариков и старух до детей десяти — двенадцати лет или немного старше, протискивалось к гробам, помолиться, потрепетать и поплакать, призывая на москалей всевозможные перуны. Все, разумеется, было в глубочайшем трауре.

Тут, в этих черных, траурных волнах двигавшегося взад и вперед народа, заметны были более всего легкие, юркие, одушевленные существа, которых во всякое время довольно в Варшаве, но тогда их как будто еще откуда-то прибыло чуть не вдвое. Эти легкие, прелестные существа играют важную роль в жизни поляков вообще и особенно ревностно, можно сказать храбро и отчаянно, служат восстаниям.

Не много стран на свете, где бы этот элемент выдвигался настолько вперед, столько значил для своего народа, как в

Польше. В мужском населении Польши происходят разные перемены, смотря по тому, каков политический воздух, каковы правители; мужское население может иногда попятиться назад, уступить, перекраситься в другой цвет, просто-напросто утомиться в борьбе и впасть в апатию, даже не конспирировать (хотя Мохнацкий и говорит, что конспирация вечно живет в польском народе). Женское население Польши никогда не изменяется: на нем лежит постоянно одна и та же окраска. Женщина в Польше – вечная, неутомонная, неизлечимая повстанка. Мужчина-поляк может быть белый, красный, коричневый, мало ли каких цветов и оттенков: полька может быть только красная. Все польки – красные. Все они кипят и клокочут. Это маленькие, движущиеся вулканчики. Чуть притронулся – уж и полетели искры! Воображение их нельзя сдерживать ничем: оно летит бог знает куда. Польская женщина вся – воображение, пламень и молитва. В иные минуты, правда, на нее действует немного ксендз, вооруженный распятием, отпущением грехов и пеклом. Другого начальства она не признает; напротив, у нее самой есть постоянное стремление подобрать к своим рукам, к своим хорошеньким ручкам, решительно все, и она подбирает. Она характерна, она молодец, эта польская женщина, нечего сказать; в ней есть что-то мужественное, удалое. Рассматривая ее внимательно, вы вспомните Зарему Бахчисарая, разных венецианок, испанок: юг, а не север. Типический герб Варшавы недаром представляет *сирену с саблей*. Это верно как нельзя больше, верно исторически. Мы бы для полноты картины вложили в другую руку Сирены молитвенник, *Oltarzyk Zloty*, который точно так же ее никогда не оставляет. Она тот же инок-рыцарь, что, по словам Мицкевича,

Oczy utkwivszy w nieprzyjaciol szaniec, 5 Nabija strzelb? i liczy rozaniec.

И вот этот-то кипучий элемент выступил теперь на сцену, тараторил, помогал мужчинам проникать туда, куда, казалось, никак нельзя проникнуть; молился и плакал и шил все траурное, что было нужно для торжественных похорон жертв.

Таков характер польской женщины вообще. Все они бегут навстречу всякому бурному движению, все исполнены одним

и тем же духом. Но более всего служит и полезен восстаниям средний класс женского населения Польши, даже и не средний: эти дочери управляющих домами, не то «принципалов» разных ремесленных заведений, не то мелких чиновников; наконец дочери бог их знает чьи, эти 3 барышни, не барышни, горничные, не горничные, гризетки, не гризетки, которых выгоняют из их немудрых жилищ, с третьего и четвертого этажа, на варшавские тротуары утренние лучи, особенно в ясный, хороший день – и они бегут, рассыпаются в разные стороны, сами подобные ярким, игривым лучам, и стреляют в вас и в магазины своими быстрыми газельими глазками.

Они всегда одеты очень мило, иной раз хоть куда. Но не судите по этому блеску обо всем остальном. Вы не можете представить, по каким лестницам, мимо каких кадок пролетают эти обворожительные ножки, обутые в изящнейший башмачок, всегда как бы сейчас только что сшитый; вы не можете представить, на какой комод кладутся эти иногда довольно дорогие серьги и кольца, в какой шкаф запираются эти пышные пальто и бурнусы и какие, в заключение всего, супы и жаркое проглатывает храбрый, повстанский желудок проголодавшихся сирен

Вечером многие из сирен в театре, но никогда не платят за это денег. Как и откуда являются у них билеты на всякие удовольствия – разъяснение этого вопроса завлекло бы нас далеко в сторону... Сирены смертельно любят театр, маскарады, танцы, в особенности танцы. За лишний час танцев, маскарад иная сирена поставит на карту всю жизнь, будущее спасение души. В этом она совершенная женщина, слабое, бесильное существо. Скажите ей в иную минуту, что, если еще один тур вальса, – и все кончено, грянут громы, земля разверзнется под ее ногами: она пропустит все это мимо ушей и помчится вальсировать с отчаянием, С упоением, какого мы с вами, скромный мой читатель, ни от чего не знаем.

И вот этот-то кипучий элемент выступил теперь на сцену и был виден везде. Сирены пробивались сквозь все преграды в храм Святого Креста, с оттоптаннами ножками, измятые, розовые, дышащие пламенем, со слезами на глазах; они жужжали, точно черные мухи, как бы стараясь показать, что

и они члены огромной патриотической семьи, верные дочери пробудившейся отчизны, не менее кого иного способные приносить жертвы. И в самом деле, не одна пара последних, заветных серег опустилась в шляпу Лейи, выставленную в окно Европейской гостиницы, передано секретно в руку ксендза или другого кого, собиравшего «складки» на дело отчизны.

Дома на третьих и четвертых этажах проворные ручки сирен шили в это время траурные платья для бедных людей, готовили черные ковры с белыми крестами и каймами на балконы более видных домов. Кто бы другой нашёл тогда всякого траура на всю Варшаву, если б не такая масса усердных, даровых патриотических ручек! На этот раз сирены подчинились странному начальству из молодежи, обыкновенно покорной, падающей сиренам до ног; начальству из академиков, которых сирены не удостаивают даже называть полным именем, а дают им, на своем сиреньем жаргоне, только отрывок их имени: *мики* вместо *академики*.

Ко 2 марта все было готово. Умы значительно успокоены. Труднее всего было уговорить Новаковского с братией, который заявлял очень громко в ресурсе и везде, где только мог быть услышан хоть немного его голос, что ему мешают завершить патриотические подвиги его товарищей взятием Цитадели, или хоть Замка, посредством огромной манифестации, где бы участвовал весь город; что лучшего момента для этого нет и не будет.

Вследствие таких криков Новаковского и его единомышленников распространились по городу слухи, что во время похорон вспыхнет революция и что вся торжественная обстановка погребального обряда клонится единственно к тому, чтобы собрать поболее народа. Для этого резники Сольца и других захолустных мест Варшавы хотели явиться на похороны с топорами и с ножами. Князь Горчаков до того серьезно отнесся ко всем этим угрозам и до того боялся за свой Замок, что призвал к себе одного офицера и вручил ему две шкатулки для передачи командиру Цитадели на хранение впредь до востребования; при этом сказал офицеру, что именно заключается в шкатулках. Начальник штаба тоже что-то передал тому же лицу. А генерал-губернатор Панютин

еще прежде послал на хранение в Читатель два больших сундука. Кроме того, около 20 человек высших чинов отправили туда же разные вещи¹. Валы Цитадели приказано было одно время уставить солдатами и зарядить орудие².

Делегаты говорили русским властям, что отвечают за спокойствие города; между тем сами побаивались своих шалуннов, и один делегат, пользовавшийся значительным влиянием во всех слоях населения, ходил пресерьезно уговаривать мясников оставить свои затеи. Кроме того, в разных газетах явились два таких воззвания:

«В субботу, 2 марта, в 10 часов утра произойдет погребение жертв, погибших 27 февраля. Во имя любви к отечеству, во имя самых священных и дорогих для каждого из нас обязанностей, закликаем жителей города, чтобы честь, отдаваемая жертвам в минуту погребения их тел, сопровождалась возможно большим порядком и спокойствием. Жители Варшавы, послушайте братьев ваших!» (Следуют подписи делегатов.) Второе воззвание, от 1 марта, было таково: «Мы, нижеподписавшиеся, делегаты города Варшавы, объявляем, что если кто-либо из жителей будет замечен завтра с *оружием* в руках, того сочтут изменником отечеству».

Наступило 2 марта. С раннего утра Варшава облеклась в глубокий траур, исполняясь необычайной тишиной и торжественностью, как будто бы дело шло о погребении нескольких королей, умерших разом.

Из окон улиц, по которым должно было тянуться шествие, и с балконов некоторых домов, как, например, Европейской гостиницы, свешано черное сукно, с белой каймой по краям и такими же крестами посередине. Везде расставлены народные констебли с особенным знаком на шляпе и белой перевязью на руке. Нашей полиции не было и тени. Даже все военные вообще, офицеры и солдаты, вследствие секретного, строжайшего предписания не смели выглянуть на улицу. Только небольшая кучка солдат забралась на крышу Ратуши и Арсенала и глядела оттуда на запретный спектакль. Народ показывал

---

¹ Сообщено автору тем самым офицером, который принял от князя Горчакова шкатулки.

² Сообщено разными офицерами-очевидцами.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

на них пальцами и смеялся. Погода вполне благоприятствовала торжеству. В 10-м часу, после того как ученики музыкального института под дирекцией А. Контского исполнили «*Requiem*» сочинения И. Стефани, причем партии solo исполнялись лучшими артистами Польской оперы¹, – процессия тронулась из храма Святого Креста по Краковскому предместью, налево.

Вместо войск, в виде как бы необходимого воинского украшения, ехало впереди несколько человек любимой городом пожарной команды с брандмейстером во главе.

Потом ехал, верхом же, начальник полиции генерал Паулуччи в полной парадной форме; иные говорили, даже не снявши каску.

Далее шли сироты и старцы Варшавского благотворительного общества, воспитанники разных учебных заведений, всевозможные цехи, со своими знаменами, убранными в траурные ленты. Тут же было, как уверяют иные, знамя с гербом Литвы и Польши. Затем: католическое духовенство, тела убитых, несомые на руках почетнейшими гражданами; еврейское духовенство, в своем национальном платье и, согласно требованию их обряда, с покрытыми головами.

В заключение шли так называемые *друцяжи*, в своих оборванных гунях и со своими широкими шляпами в руках.

Словом, не было забыто ни одно сословие Варшавы. Комитет Земледельческого общества рисовался у всех на виду, подле гробов. О графе Андрее Замойском говорили, что он шел *под руку с крестьянином*. Современный литографический листок, изображающий похороны, представляет Замойского *рядом с крестьянином* и как бы разговаривающего с ним. У крестьянина *подвязанная рука*: значит, это один из раненых в свалке 25 или 27 февраля.

Многие дамы просили позволения возложить на плечи хотя один гроб, но им поручили нести большой терновый венец, «*символ торжества и невинности*» – *godło zwycistwa i niewinnosci*, как выразилась потом одна газета².

¹ «Gazeta Warszawska», 1861, № 60.

² «Kurjer Warszawskis 1861, № 58.

Вся масса участвовавших в погребении простиралась, по газетам, до ста тысяч человек. Иные считают до ста шестидесяти.

Дойдя до Европейской гостиницы, процессия поворотила налево, через Саксонскую площадь, а затем следовала обыкновенным путем по Вержбовой, Белянской и Пршеядзу – на Повонзки¹.

На Повонзках гробы жертв опущены в могилу один подле другого, и над каждым возведена особая насыпь. Все эти насыпи тотчас покрылись венками и цветами, а потом обозначены крестиками².

Ксендзы на кладбище произносили патриотические речи, а студенты раздавали присутствующим фотографии убитых, части терновых венков, лежавших на гробах, и по пяти клочков полотна, омоченного в неповинной крови³.

Артисты оперы с учениками музыкального института, при участии сверх того нескольких сотен человек из публики, спели марш Нидецкого⁴.

По возвращении толпы в город замеченные на Вержбовой улице театральные афиши были сорваны. То же самое последовало и на другой день⁵. Начинался траур, воздержание от всех удовольствий. По городу ходил *циркуляр* (*okolnik*) будто бы архиепископа Фиалковского, которым предписывалось всем жителям Польши, названной *присносущей* (*odwieczna Polska*), наложить на себя траур и носить его в течение неопределенного срока. Женщинам позволялось иметь белое платье только в день свадьбы⁶.

Все послушались этого циркуляра.

---

¹ Главное Варшавское кладбище.

² В таком виде эти насыпи оставались до 1866 года, если только не позже. Но теперь их уже нет.

³ Записка полковника Добродеева.

⁴ «Gazeta Warszawska». 1861, № 60.

⁵ Представление в день похорон было отменено. На другой день, 3 марта н. с., шли пьесы: в Большом театре – два акта «Сомнамбулы» и два акта «Эсмеральды»; в Малом: «Klara i Dzivadla, czyli odrodzony». Были только русские.

⁶ Любопытные могут видеть этот циркуляр в брошюре: *Wiadomosci z kraju z lat 1860–1861*, Lipsk, 1863, s. 5. В русском переводе – в Библиотеке для чтения, 1864, январь. S. 27.

Теперь, с погребением убитых, должно бы, казалось, окончиться все необычайное и наступить прежняя, обыкновенная жизнь города. Желанный спектакль сыгран; публика удовлетворена; предмет, раздражавший более или менее умы, убран прочь, лежит в могиле. Что мешало выступившей из берегов реке войти в обычное русло? Энергичные люди советовали наместнику разрубить узел, связавшийся как-то так, роковым сцеплением обстоятельств, отчасти как бы минувя все то, что можно назвать собственными нашими промахами и потворством либеральному движению.

Советовали в ту же минуту огласить военное положение, которое было уже написано, закрыть Делегацию, ввести в Купеческий клуб войска (как это сделано позже с Малым театром, при несравненно меньшей опасности), пустить по городу патрули и под впечатлением всего этого решать вопрос о том, что делать далее. Нет сомнения, что все бы присмирело и явилось скорее на стороне силы, чем тогда, когда сила перестала быть силой. Даже красный повстанец Авейде говорит об этом в своих *Записках* нечто подобное: «Правительство обязано было уничтожить Делегацию, клуб и делегационную полицию тотчас после погребения пяти жертв. Не сделав этого, оно неизбежно должно разделить с поляками ответственность за последствие сорокадневного безначалия... Народ, избалованный таким положением вещей, привык к беспорядочной жизни и начал считать ее нормальной и естественной».

Но мало ли что хорошего советуется правителям в иные трудные минуты: мало ли что еще лучше пишется и выводится после задним числом, когда факт уже совершился, гром грянул и, что называется попросту, «из боку уже не вынешь»; когда всякий прапорщик становится опытнее и умнее фельдмаршала. Увы! История ломит своим неотразимым путем; в ней есть что-то неоспоримо роковое; даже, как выразился кто-то, своя ирония. В ее скрижалях никак ничего не подчистишь, подобно тому, как подчищаются бумаги в разных канцеляриях.

Так и тут: роковые волны накатились на вас. Слабость ли и нерешительность властей, или уж такие миазмы, носившиеся в воздухе и парализовавшие обычный ход дел, — что бы там ни было, только разрубить узел Александра Македонского

в тогдашней Варшаве никого не нашлось. Узлу предоставили развязываться медленно, мало-помалу, как он захочет сам. Нашло на всех какое-то затмение; отнято понимание самых простых вещей. Кажется, Заболоцкий достаточно ясно показал описанным выше «фокусом Пинетти», что такое эти якобы опасные уличные массы; а все-таки их продолжали как бы бояться. Вообще, боялись неизвестно чего, какого-то сочиненного призрака. Таким образом, энергичный голоса раздались в пространстве напрасно. Военное положение убрано под сукно; бараки для войск, начавшие было строиться на разных площадях, сняты; Народный сенат купеческой ресурсы оставлен заниматься *своими* делами.

Конечно, никто не явился помогать слабости и испугу, какими ознаменовала себя в то время власть. Напротив, каждый поляк только и думал, как бы побольше выиграть из такого неожиданного и невероятного оборота вещей. Все белые и не белые точно стакнулись между собой – успокаивать правительство фразами, а под шумок вести патриотические подкобы. Куда правительство ни обращалось, везде встречало оппозицию, если не явную, то тайную; совершенное отсутствие готовности идти с ним об руку, как это весьма недавно делали многие из белых, почти все делегаты, от которых мы прежде всего могли ожидать успокоительных мер, кому для этого и были вручены бразды правления.

Делегаты выпустили после погребения пяти жертв такое *воззвание*:

«Вчера совершилось погребение жертв, павших в Середу. Вчера народ доказал, что понимает значение обязанностей в отношении к отечеству. Все без изъятия, соединенные одним и тем же чувством, мы прощались с и погибшими. Братья! Пусть это чувство обязанности правит нами и впредь во всякую минуту!»

Кажется, ничего особенного не написано, но в то напряженное время, когда у каждого поляка были совсем и особые «уши слышати», в этих строках было сказано очень довольно. Слова: *соединенные одним и тем же чувством* стали типической фразой многих подобных публикаций. Чтобы не отстать от ресурсы, Земледельческое общество выпустило

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

в свет такой же *одобрительный плакат*, относившийся собственно к учащейся молодежи:

«Именем всех членов Земледельческого общества комитет оного благодарит вас, благородное юношество академии и школ, за оказанную вами помощь к сохранению порядка в минуту столь печального и вместе торжественного обряда погребения жертв, павших 27 февраля, между коими было также несколько членов Земледельческого общества.

Примерным поведением своим вы дали доказательство того, что обладаете всеми качествами, кои в будущем сделают из вас достойных и полезных сынов отечества, которое мы вместе с вами всем сердцем любим и которому служить есть священная обязанность каждого».

Затем первым делом Делегации было учредить особый «Комитет для поставления памятника павшим 27 февраля, также и для оказания помощи оставшимся после них семействам, равно и вспомоществование раненым 25 и 27 февраля». Кратко называли его: «Памятничко-вспомогательным комитетом». Он заседал в той же купеческой ресурсе, где и Делегация. Сверх того там же заседала «Дирекция блюстителей безопасности и общественного спокойствия» под председательством купца Осипа Квятковского.

Одного такого факта, как учреждение Комитета для постановления памятника жертвам, о которых надо было поскорее забыть, достаточно, чтобы показать, *по какой дороге* пошла Делегация. *Несколько недель* комитет печатал свои воззвания и отчеты во всех газетах Варшавы и собирал приношения. Допустившее такие чудеса правительство все смотрело и как бы ждало поворота дел в другую сторону.

Но делегаты шли дальше. В числе вопросов, требовавших немедленного разрешения, стоял прежде всего вопрос еврейский. Мы видели выше, что еще в 1859 году была почувствована польским обществом Варшавы необходимость сблизиться с евреями. Читатели помнят историю Кенига. Но тогда дело кончилось ничем. Евреи могли еще оставаться для поляков «народом в народе» и даже, пожалуй, ласкаться к правительству и считать свои еврейские интересы чем-то другим от интересов края. Теперь настали иные минуты.

Особенно нельзя было шутить с евреями, которых в одной Варшаве, на двести тысяч населения, почти половина и которые поставили христианскую половину (во всех городах Польши) в такую от себя зависимость, что, когда они запирают в субботний шабаш свои лавки, христианам это весьма чувствительно. А исчезни они совсем, христиане просто бы растерялись и не знали, что делать. Теперь необходимо было знать, куда именно тянет еврей и его капиталы? Симпатизирует он или нет польскому движению? Словом: як бида, то до жида, как говорит пословица.

Никто, конечно, не сомневался, что польский еврей, особенно образованный, – в душе поляк, а не русский, что он не променяет Польши ни на какую страну в мире; что он, так же как и поляк, считает москаля варваром и притеснителем. Но тем не менее было что-то такое, разъединявшее тех и других; лежал постоянно между теми и другими какой-то непереступаемый порог. Еврей-поляк все-таки назывался у поляков проклятым именем жида и никогда не играл между настоящими поляками роли поляка, как бывают поляки вообще, русое славянское племя, с русым молодецким усом, которого жиду не отрастить, как он ни бейся. Мало того, что жида с жидовскими фамилиями не шли в гармонию с поляками: народ помнил даже фамилии жидов, перешедших в католичество еще при Якубе Франке – фамилии, по звуку совершенно польские. Всякий мальчик, всякая девочка пересчитают вам эти фамилии по пальцам. Даже когда речь пойдет о Волковском или Маевском, иной поляк Равно их нельзя было выбирать в судьи Коммерческого трибунала и в некоторые другие должности.

Это было указано прежде всего, и по инициативе делегата Шленкера, состоявшего главой Варшавских купцов, Варшавское купеческое общество приняло купцов-евреев в свое лоно, и один банкир еврейского происхождения сделан их старшиной.

Когда таким образом решили вопрос о евреях, вопрос мехесов решался сам собой. Один из мехесов, человек уважаемый всем городом, был назначен председателем дирекции кредитного общества Варшавской губернии.

Правительство утвердило и то и другое назначение. А евреи, в благодарность за внимание к ним польского общества, выдали вскоре *циркуляр евреев города Варшавы к евреям всего края*, исполненный дружеских чувств к полякам и приглашавший всех евреев Польши помогать, чем и как случится, христианам-католикам. Все несчастья при этом сваливались, разумеется, на правительство. Одно высшее лицо, весьма близкое к наместнику, названо в этом циркуляре *сатанинским врагом* – *Szatanskim wrogiem*¹.

Более ничего неизвестно о занятиях делегатов между 1 и 6 марта н. ст. Мы слышали, что все свои протоколы за это время они отправляли в Познань, к Владиславу Неголевскому, и однажды, вместе с протоколом, отослали какую-то бумагу, полученную от наместника. Так как Горчаков любил все свои бумаги переделывать по нескольку раз, он потребовал и эту, для пересмотра и переделки. Отвечали, что она «затеряна»; а чего затеряна: она мчалась к Неголевскому!

6 марта н. ст. заседания делегатов перенесены, по распоряжению наместника, в Ратушу, и к ним приставлен наблюдатель, генерал Паулуччи, в звании председателя. Помощником ему назначен генерал бывших польских войск Левинский. Что до числа членов, делегатам предоставлено выбрать хоть еще столько же. Предел службы их в Ратуше обуславливался временем получения ответа на поданный адрес.

Сущность дела, по крайней мере на первых порах, вследствие оставления всего прочего на прежних местах, нисколько не изменилась. Делегаты, окончив заседание в Ратуше с генералом, отправлялись в ресурсу и там имели новое заседание, где досказывалось то, что было скрыто в Ратуше, писался новый протокол и летел по железной к Неголевскому. А те протоколы, которые составлялись в Ратуше, были секретно литографируемы в значительном числе экземпляров и разлетались по городу в виде как бы отчетов, подаваемых Делегацией всему обществу и народу о том, что такое она делает в Ратуше, как хлопочет изо всех сил, отстаивая то или другое в отечественных интересах. При этом факты

---

¹ Авейде, II, 39.

нередко сильно искажались, так что присутствовавший на заседании генерал не узнавал иной раз этого заседания в прочитанном им печатном протоколе.

На это печатание правительство смотрело сквозь пальцы, как и на многое другое, как и на все, что делалось кругом поляками. Делегату Байеру с несколькими другими фотографами дозволялось распространять в публике тысячи, десятки тысяч карточек пяти жертв в разных форматах. Говорят, что учебные заведения края выписывали эти карточки из Варшавы по числу учащихся, с уступкой против варшавской цены нескольких процентов: именно по 30 коп. вместо 50. В это-то время, как уверяют весьма многие, закладывался фундамент одного четырехэтажного дома на Краковском предместье...

Одновременно с фотографиями были распространяемы, с ведома делегатов, особенные медали с изображением на одной стороне Богоматери, а на другой – сломанного креста, вокруг которого была надпись: *Спаси Господи* (Ratuj Oicze!) и стояли цифры 25 и 27.

Те же цифры писались и вырезывались ножом на деревянных скамьях Саксонского, Красинского и Ботанических садов, даже на иных деревьях, стоявших на видных местах. Нет сомнения, что кое-где сохранились они и до сих пор.

Внутри края, по дорогам, воздвигались большие деревянные кресты, подобные тем, какие вообще рассеяны по Польше и Малороссии, и на них выставлялись те же знаменательные цифры 25 и 27, иной раз сопровождаемые объясняющими дело надписями. Так стояли они по крайней мере до 1866 года, а местами, верно, стоят и до ныне.

Легко понять, что все это сильно действовало на воображение массы, подымало дух народа, как тогда выражались руководители движения; подготавливало тот воздух, который потребен настоящему заговору.

Во многих городах Царства Польского образовались самовольно провинциальные делегации, наподобие Варшавской, с той же обстановкой народной стражи и сборщиков пожертвований; но так как это не было утверждено правительством и даже местами преследовалось, то провинциальные

делегации не имели большой силы, и стража их вовсе не пошла в ход. Что же до варшавской городской стражи, – она ходила по улицам как законный правительственный патруль, производила аресты, вмешивалась в порядок на базарах и где случится. Само собой разумеется, что при этом происходили весьма комические сцены...

Правительство, допустив эти патрули, хотело, по-видимому, дать какую-нибудь работу горячим головам, занять детей игрушками на то время, покамест вопрос решится так или иначе, – и тогда снова усадить за школьные лавки. Узел и тут развязывался медленно. Между тем ребята, бродя по улицам и денно и ночью целый месяц или около того, конечно, приобрели заговору кое-какие сподручные материалы. Авейде выражается об этом так: «Манифестаторы, усмирявшие манифестаторов, дети, сделавшиеся преждевременно совершеннолетними, сближались с народом, становились оракулами толпы и командовали ею не по приказу тех, от кого получили власть, а по приказу особых революционных вождей».

О самой Делегации, постоянно внушавшей правительству, что только одними мягкими мерами можно дойти до лучшего и прочнейшего разрешения вопроса, Авейде говорит так: «Несмотря на достойный уважения характер ее членов, на их рассудительность и житейскую опытность, Делегация, в отношении сердца, не различалась ничем от самых юных манифестаторов. Она, как и все мы, терялась в облаках неопределенных чувств; как и все, прельщалась этим приливом религиозно-патриотических восторгов; не только боялась успокаивать взволнованные умы, не только не заботилась об этом и за это не принималась; напротив того, продолжение волнения ей, очевидно, нравилось, и она его поддерживала... вполне одобряла хаотические собрания разного рода политиков в купеческой ресурсе; являлась в эти собрания с рапортами, кокетничала с народом... А ведь было ясно как день, что клуб представлял в то время пристанище и центр агитации, мастерскую будущих манифестаций и заговоров».

«Я не допускаю, – говорит он далее, – чтоб мысль о заговоре могла родиться в умах консервативных членов Делегации. Они действовали в отношении правительства с

добрыми намерениями, но ничуть не хуже, если только не лучше, хорошо устроенного и сознательно идущего к своей цели заговора».

Разрешенная правительством *октава* по убитым, конечно, приобрела новых ратников революционному движению. Это была тоже манифестация, точнее: несколько манифестаций вдруг. По разным костелам служились торжественные панихиды. У Святого Креста был исполнен новый «Requiem», под управлением А. Контского. Дамы высшего круга собирали квесту. Начала княгиня Любомирская, урожденная графиня Замойская. Собрано кроме денег много разных ценных вещей: серег, колец, браслетов, брошек... Одушевление доходило до последней степени. Женщины плакали навзрыд.

У реформатов, при такой же торжественной обстановке панихиды, управлял хорами оперный композитор Монюшко. В числе певцов находился первый тенор Варшавской оперы Добровский, который спел под конец особый патриотический гимн.

Правительство знало все подробности этих манифестаций, имело в руках списки всех гимнов и речей. Оно, как уже было замечено, решилось идти до конца мягкой, терпеливой дорогой всевозможных уступок: оно нарядило *Комиссию* для исследования дела о выстрелах. 11 марта н. ст. комиссия эта, состоявшая из варшавского коменданта генерал-майора Мельникова, председателя уголовного суда Вечорковского и юрисконсульты комиссии финансов, «защитника» 9-го и 10-го департаментов правительствующего сената, Коисевича, под председательством командира 2-го пехотного корпуса, генерала от инфантерии Липранди, открыла свои заседания в наместниковском дворце.

Подобные комиссии служат полным отголоском того, что думают о разбираемом происшествии высшие власти. Так и настоящая комиссия взглянула на дело глазами князя Горчакова и кое-кого из вторивших ему лиц в Замке, — лиц крупного чина, и трудно сказать, что было бы с несчастным генералом Заболоцким, если б следователи обратились в судей. Заметим читателям, что двое из членов были к тому же поляки.

Комиссия видела перед собой только *букву происшествия*: что Заболоцкий «не имел никакого приказанія вывести роту»,

в чем он и не запырлся; напротив, выразился в рапорте командиру 2-го корпуса, от 26 февраля ст. ст. 1861 года, за № 18, с прямою и смелостью солдата так: «Чтоб взять 7-ю роту Низовского пехотного полка из манежа примасовского дома, я не имел ничьего приказа». Комиссия видела эту букву происхождения, но не видела его *сокровенного смысла*. О снисхождении к человеку, растерявшемуся в те роковые минуты, точно так же как растерялись все, раненому, а потому взволнованному, главное же, *уверенному, что он действует правильно*, не могло быть и помину. Для исследователей не существовал общеевропейский закон, говорящий, что бывают заблуждения, которые способны изменить все, представить событие в обратном виде. Довольно, что наместник и Варшава были убеждены, что Заболоцкий виноват: стало быть, он и был виноват. Зачем тут рассуждать и призывать на помощь мудреные и таинственные процессы человеческой души!

Из такого предвзятого взгляда на предмет вытекли и ответственные приемы в исследовании. Комиссия не доверяла самым простым объяснениям генерала и прикосновенных к делу лиц. Когда, например, Заболоцкий и старшие адъютанты главного дежурства 1-й армии, подполковник Гришин и капитан Роткирх, заметили в один голос, что «около почты подъезжал к роте какой-то кубанский казак, который сказал то-то и то-то»: *sancta simplicitas*, храбрый казачина Заваров, «из перерусских русский», приглашенный комиссией в свидетели, возразил (будучи, сам не зная как, проникнут тем же модным и общим в то время преследованием Заболоцкого), что «никакого казака генерал не мог встретить у почты, потому что все казаки «были у Бернардинского костела и на Замковой площади, а в другие пункты он, Заваров, казаков не посылал». Это показалось комиссии до такой степени важным, что она предложила Заварову выстроить на Замковой площади всех казаков, а Заболоцкого, старого седого генерал-лейтенанта, просила пройти по их рядам и отыскать казака, которого он видел у почты. Генерал прошелся и, на беду свою, *не отыскал казака*! Заваров торжествовал, не видя вместе со всеми другими, какой страшный соблазн производит в городе эта сцена в ущерб нашему делу и успокоению края.

В числе странных приемов, допущенных комиссией, было, между прочим, совершенно невероятное «свидетельствование Ветеринарным факультетом казацких лошадей, раненных в свалке 27 февраля чем-то острым, вроде ножа». Составлены акты на нескольких листах, где величина раны (*через две недели после происшествия!*) описывается не только в дюймах, но даже в линиях. Описание раны одного коня занимает половину листа.

Таким усердием к делу пылали члены Комиссии с месяц; потом охладели. Заседания их из наместниковского дворца перенесли на квартиру председателя и приняли небрежный, халатный характер. Может статься, было почувствовано и то, что к делу подошли не с той стороны...¹

14 (26) мая, за четыре дня до смерти князя Горчакова, когда он уже нисколько не управлял Варшавой, комиссия, неизвестно по чьему приказанию, закрыта, и все велено предать забвению. Однако исписано 329 листов.

Между тем как узел развязывался таким образом, меж тем как «мастерская манифестаций» хаотически рассуждала о своих польских делах, причем Новаковский с приятелями постоянно вызывался взять Цитадель и Замок, лишь бы только ему не мешали; меж тем как народные констебли пресерьезно маршировали по улицам, воображая, что несут важную службу отечеству, и делалось еще много странного, невероятного в разных пунктах Варшавы: в это время Замок придумывал выход из такого положения вещей, ожидая вместе с тем и поворота кое-кого из консерваторов на прежнюю дорогу; ожидая и от Делегации, что она, пококетничав с ребятами и заняв их какими-нибудь пустяками, обратится к правительству и подаст ему искренно и честно руку помощи. Но не тут-то было. Никто не шел. Напротив, казалось, что все краснеет с каждым часом больше и больше; пламень разливается шире и шире. Надо было забежать вперед и преградить ему дорогу; надо было образовать как можно скорее консервативную среду из поляков же; *отыскать, во что бы то ни стало*, лицо, около которого, по весу и

---

¹ Иные смотрят на дело так: комиссия якобы и не прочь была оправдать Заболоцкого, отыскав какую-либо точку опоры, например, если б было фактически доказано стрелание повстанцев; но солдаты, показавшие это, под присягу, однако, не пошли.

влиянию его в обществе, собралась бы масса людей, способная направить ход всей машины, пожалуй, хоть и по-польски, но только не радикально во вред русским правительственным интересам. Но среди того волнения, в какое было приведено все в крае и в Варшаве, среди волнения, которое поддерживалось самим правительством, когда самые спокойные и умеренные имели положительное право сбиться с толку, трудно, очень трудно было найти поляка, который бы отважился надеть на себя русский мундир и принять град стрел. Никто из влиятельных поляков, сколько-нибудь дороживших своим общественным положением, не подумал бы идти в такую службу, садиться на такое шаткое, опасное кресло. Даже и старые здания расшатывались и грозили падением. Главный директор комиссии финансов (по-нашему – министр) Ленский подал в отставку. Директор комиссии юстиции Воловский тоже собирался в отставку, а потом и подал... Было что-то уже вроде заговора. Взять русского, он бы, казалось, не сладил. О русском не было тогда и речи. Внимание правительства сосредоточилось на одном польском аристократе из самых крупных, поставленном разными обстоятельствами отдельно от всех и уже довольно давно искавшем в русских. Это был маркиз Александр Велепольский.

Этому лицу, до сих пор не совсем выясненным событиями, о коем судят вкривь и вкось и как придется, выпала на долю видная и серьезная роль в польском восстании; потому мы считаем нелишним обрисовать его читателю со всех сторон, какие только нам известны, коснувшись несколько и его родословной.

В половине XVI столетия был полоцким, а позже краковским епископом некто Петр Мышковский, князь Северский, известный по своему высокому уму и любви к наукам и искусствам, который оставил племянникам, Сигизмунду и Петру Мышковским, огромное наследство, заключавшееся в капиталах на сумму, тогда весьма большую, 8 миллионов золотых и в имениях: Хробеж, Пинчов, Ксенж и Мирон – в Краковском воеводстве; Орышов и Шиманов – в Мазовецком; Вепрж – в Силезии – и еще кое-каких мелких деревнях в разных пунктах Польши.

Через пять лет по смерти дяди (1596) Сигизмунд Мышковский получил от папы Климента VIII марграфское достоинство, а князь Мантуанский, Викентий Гонзага, передал ему свой герб и титул.

Новый маркграф, иначе маркиз, основал совокупно с братом своим Петром в 1601 году одну из шести польских ординаций, известную под именем «ординации Мышковских»¹.

В конце XVII века один из Мышковских оставил дочь (которая вышла замуж за некоего Иордана) и внучку по сыну, которого пережил. Эта внучка была выдана за Велепольского.

Иордан и Велепольский затеяли процесс из-за Мышковской ординации. После многих схваток в судах и в поле (тогда уже входили в моду так называемые наезды, вроде того, что описан Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш») Велепольский, чуть ли не пращур нашего, одержал верх: Мышковская ординация с титулом маркиза перешла в эту фамилию.

Во дни Станислава-Августа маркиз Иосиф Велепольский, женатый на сестре великого маршала Белинского, выхлопотал себе при помощи последнего позволение у австрийского правительства продать часть маркграфства. Король Саксонский, герцог Варшавский Фридрих Август, позже подтвердил это. Таким образом ординация Мышковских распалась на две половины: одну из них, оцененную в 20 миллионов злотых, приобрел некто Иоанн Ольрих, меценас Варшавского суда, за 8 миллионов злотых, из коих 6 пошло на уплату долгов, а 2 назначено в приданое маркграфине Христине, единственной дочери вышеупомянутого Иосифа Велепольского, вышедшей замуж за некоего Бонтани.

Из оставшейся части, ценимой в 12 миллион злотых, образована новая ординация на Мышкове, которая досталась в

---

¹ Остальные пять ординаций бывшего Польского королевства суть следующие: 1) ординация Замойских на Замостье и Шебржешине (1589); 2) князей Радзивиллов – на Ольке и Несвиже (1589); 3) Острогских на Остроге (1609); 4) Сулковских на Радзыне (1775) и 5) Клецкая и Давид-гродская – князя Льва Радзивилла. Земли этих ординаций составили бы ныне, если б существовали в первоначальном виде (говорит Крыжановский, автор сочинения *Dawna Polska*), почти половину теперешнего Царства Польского. В настоящее время в Польше находятся только три ординации: Замойских, Красинских и Радзивилловская. Русских майоратов в Царстве около 200.

наследство двоюродному брату Иосифа Велепольского, также Иосифу.

Это был отец маркиза Александра. Родители не щадили ничего, чтобы дать сыну, единственному в роду, сколь возможно полнейшее классическое образование. Его учили всему: разным языкам, древним и о новым; истории, географии, в самом обширном смысле и, как уверяют иные, даже юридическим наукам, якобы с тем, чтобы он, достигнув зрелого возраста, сумел восстановить свой Мышковский майорат в том виде, как он был устроен знаменитым предком его, Сигизмундом Мышковским, великим коронным маршалом короля Сигизмунда III.

Об этом цельном майорате стал действительно очень рано слышать молодой маркиз. Очень рано снилась ему возможность сделаться обладателем всех тех земель, где пышно маркграфствовали его предки. Громкие имена этих предков, как по мужескому, так и по женскому колену, *ro młeczu i ro kadzieli*, стали тоже ему очень рано знакомы, пуще «Отче наш» и «Верую», особенно имя Петра на Мирове Мышковского, который гремел по всей Польше еще в XVI веке, в счастливые дни Сигизмунда Августа и Стефана Ватория, как ученый и высоких талантов муж, чья слава достигла и до чужих краев, о ком упоминает в своих бессмертных песнях сам князь польских певцов Кохановский.

Затвердил он не менее того, что местечко Пинчов, где жили Велепольские, называлось, еще при Олесницких, Польскими Афинами. Все это он затвердил и воображал, что в Польше нет других таких магнатов, как они и их род. Такие понятия, пышная, истинно аристократическая обстановка жизни, эти княжеские приемы, звонки, швейцары, доклады, гербы, куда ни сунься; это мелкое шляхетство, а иногда и не очень мелкое, падавшее до ног на огромном пространстве вокруг; баловство и нежность родителей, не чаявших, что называется, в сыне и души, родителей гордых и важных: все это имело сильное влияние на молодого Велепольского. Он вырос надменным, холодным аристократом с ухватками феодальных времен. Его высокомерие не знало границ. Он только и думал о том, как бы выставиться ярче, грандиознее, забрать

в свои руки все, решительно все, везде и во всем первенствовать. По образованию, которое было окончено в Берлинском университете, ему действительно не представлялось соперников в гуляющей, кутящей с юных лет аристократии Польши. Но по значению, по богатству был соперник, и не один. Прежде всего стояли поперек горла Замоийские, с их необъятными имениями. Один Замоийский, как уже известно читателям, был владелец ординации, самой древней в Польше, ординации, не знавшей потрясений и захватывавшей чуть не целый уезд. Было чему позавидовать! Предок этого Замоийского даже пустил в ход самое слово «ординация», начав им свое «завещание» относительно земель, полученных их родом от короля Владислава Локетка.

Бог ведает, с каких пор столкнулись между собой эти два туза Польши, Замоийские и Велепольские, и образовалось две партии, питавшие друг к другу родовое, наследственное нерасположение. Мы употребляем самое мягкое слово. А что собственно кипело и клокотало в груди тех и других, при их взаимных встречах, этого не выскажешь никаким словом. Это становится понятно без всяких слов только тогда, когда немного поживешь в Польше и взглядишься в быт поляков, в эти соприкосновения партий.

Конечно, значительные средства играют важную роль в жизни. Ставши как следует на ноги, маркиз Александр Велепольский бросился восстанавливать свой разрушенный разными историческими обстоятельствами майорат; бросился ретиво, горячо. Сил было очень много — самых свежих, необыкновенных сил. Надо было куда-нибудь их девать, тратить; а другой деятельности не представлялось.

Права свои на целость майората маркиз основывал на том, что продажа половины была совершена незаконно, при помощи кривых путей и интриг.

Другая сторона, владевшая отошедшей частью ординации Мышковских, утверждала, что продажа совершилась правильно: ибо в то время действовал в стране кодекс Наполеона, не допускающий ординаций или майоратов.

Марк Александр проиграл первый процесс в уездном городе Кельцах. Это было в двадцатых годах текущего столетия. Но так

как маркиз принадлежал к личностям, которые не смущаются от встречаемых препятствий, напротив, приобретают новую энергию и силу, подобно тому, как ядро, катившееся тихо, ударясь о камень, подпрыгивает и опять летит, и ревет, и разрушает все по дороге: маркиз перенес процесс в Варшавский кассационный суд.

Странное дело: уже в это время образовалось в массе какое-то раздражение против маркиза, кажется, ничего особенного не сделавшего никому, даже мало известного. Но существуют люди, которых не любят с пелен; так точно, как существуют другие, которых все любят, так вот, ни с того ни с сего, а любят. Маркиза не любили. И он не только не думал о том, как бы исправить это, установить лучшие отношения к обществу, — он, что ни дальше, облакался пущей броней необщительности и презрения ко всему окружающему, пуще морозил взглядом и приемами всех, кто хотя мало приближался к этим арктическим странам, где, кроме вьюг и вековых льдов, никогда ничего не видали.

Уже его называли сутягой и крючком, и где же? — в земле сутяг, где всякая муха знает-перезнает, каким образом заводится тяжба и что такое за чин реент; где всякий, разговаривая с вами, так и смотрит, чтоб вы его как-нибудь не спроцессовали. Не два-три процесса, даже и не двадцать и не тридцать, веденные маркизом с разными лицами, а что-то другое не прощали ему его соотечественники, и это другое лежало для него непереступаемым порогом во всю «его жизнь, куда бы он ни шел, что бы ни предпринимал и как бы чист пред всеми, по-видимому, ни был... А нас это другое избавило от многих бед. Зала Варшавского кассационного суда в последнее, заключительное заседание, когда дело тяжущихся сторон должно было решиться так или иначе, оделась (по свидетельству бывших там) каким-то гробовым сумраком; все притихли как в могиле, лишь только стал говорить маркиз, и показалось, что он выиграет. Ни звука, ни взгляда сочувствия! Напротив, когда повел речь его противник, приходившийся ему каким-то родственником, старик довольно преклонных лет, все оживились. Каждое обыкновенное слово производило выгодное для говорившего впечатление. Под конец старик,

может быть, просто от слабости нервов, заплакал: это обстоятельство было его победой. Судьи и публика были потрясены неимоверно. Велепольский опять проиграл и хотел было перенести дело в Сенат, но что-то воспрепятствовало: кажется, беспокойное состояние края, минута, в которую более или менее было почувствовано всеми и каждым, что теперь надо отложить частные ссоры и процессы и начать процесс общий, крупный, такого рода, где все поляки должны представить одну тяжущуюся единицу, а правительство – другую. Маркиз Александр никогда не был прочь от таких процессов.

Грянул 1830 год. Когда альфа аристократического круга Польши, граф Андрей Замойский, был отправлен революционным правительством с известным уже читателю дипломатическим поручением в Вену, – омега того же кружка, противоположный полюс, маркиз Александр Велепольский поехал с таким же поручением в Лондон. Это случилось несколько поздно. Поручение не имело успеха по той простой причине, что мы – взяли Варшаву¹.

Не столько неосторожный, как его соперник, явившийся сейчас же после революции, как ни в чем не бывало, в варшавских салонах, – Велепольский перебрался из Лондона сперва в Дрезден, а потом в свое Радомское имение, где в тишине предался наукам. Говорили даже, будто бы он употребил все меры, чтоб уничтожить следы ноты, поданной им Лондонскому кабинету. В самом деле, эта нота стала теперь очень редким экземпляром².

Тяжелая пышность приемов, совершенно городские порядки сельского палаца Велепольских и сорокаградусный мороз, окружавший особу хозяина, не слишком располагали соседей к посещениям. В палаце было очень тихо, работать никто не мешал.

В числе избранников, без страха переступавших высокие пороги маркиза, был один его сосед, Константин Свидзинский, человек редкого ума и образования, посвятивший

---

¹ В Париж отправлен был Валевский, который там и остался (тот самый, что впоследствии играл известную роль при Наполеоне III).

² Biblioteka Ordynacyi Myszkowskiuj, 1859, w Krakowie, s. 29.

всю свою жизнь на соби́рание отечественных древностей всякого рода. Велепольский называл его даже другом. Насколько это было искренно, бог знает. По крайней мере, немногие слыхали от Велепольского и так произносимое имя друга, как оно произносилось для Свидзинского.

На берегу Ниды, в виду бывших Польских Афин, друзья прислушивались со стесненным сердцем, как военная диктатура ломала кости недавним либеральным учреждениям края. Факт падения республики, располагавшей превосходной сто-тысячной армией и большими капиталами, владевшей всеми крепостями, был очень ярок и не мог не говорить умным лю-дям, хотя и горячим, но белой, консервативной закваски, не мог не говорить им самым красноречивым образом о тщете всех будущих вооруженных сопротивлений. Если проигран такой бой, такой момент, какого уже не будет, — что же все другие, с мизерными армиями из косарей, сшитыми на жи-вую нитку? Спокойное благоразумие требовало иных прие-мов от польского патриота, ведение иного заговора, где всякая мысль о столкновении в ратном поле должна быть отвергнута как утопическая, безумная. Что такое выработалось из бесед друзей на берегу Ниды и выработалось ли что, этого мы не знаем. Все, что может быть видно глазам историка сквозь ту-ман минувшего, это усиленное соби́рание друзьями всего за-мечательного по части отечественных древностей, что могло влиять на воспитание народа и поддержку его духа в гря-дущем. Больше ничего нельзя было тогда делать и замыш-лять. Грозная фигура, в Георгиевской звезде, шагала и по тихим берегам Ниды, заглядывая во все ущелья...

Собранное друзьями и их отцами они рассчитывали сло-жить в каком-нибудь безопасном пункте, куда бы ученые всей Польши могли впоследствии съезжаться для разных ра-бот и бесед.

Бог весть какие разветвления принимала иногда эта мысль о «безопасном пункте для съездов и бесед ученых со всей Польши» — в головах друзей, разгоряченных подчас *струей*, как *жир густой*, и в чьих ушах еще рокотали трубы легионов...

Свидзинский, как «хозяин дела», ибо на его долю выпал лучший и богатейший сбор древностей, полагал основать

такой приют наук в Кракове, тогда еще вольном городе. Галицийское восстание 1846 года перевернуло планы друзей. Да и вообще пятнадцать лет, прожитых после революции, влияли более или менее на ход мыслей обоих отшельников. Детские приемы восстания, диктаторская комедия, разыгранная Тисовским в Кракове, резня Шели, а с другой стороны – неослабно идущий к своей цели фельдмаршал и победоносное, без всякой битвы, вступление наших войск в древнюю столицу Ягеллонов, когда австрийцы куда-то попрятались: все это вместе произвело род революции в душе маркиза, а может быть и его друга Свидзинского. Маркиз стал в ряды русских и написал известную брошюру: *Lettred'un gentilhomme polonais au prince de Metternich*, в которой расстается с австрийским правительством навсегда. Мысль устроить пункт, где бы собирались ученые, переделывается у друзей в «восстановление маркграфства Велепольских, в виде центра Старопольшизны, где и соединить собранные сокровища». Таким образом опять оказался на сцене забытый было и задвинутый разными событиями цельный майорат.

В 1848 и 1849 годах маркиз Александр – в русском о военном стане. Он что-то советует графу Ридигиру... а в 1853 году, при открытии военных действий на Дунае, отдает старшего сына Сигизмунда в Смоленский уланский полк, правда, переполненный поляками, но все-таки отдает. Родня Велепольского, следуя примеру патрона, сделала то же: несколько Потоцких и Островских очутилось в разных, высоких канцеляриях Варшавы.

Шумные годы, 1854-й и 1855-й, пронесли для Польши без особенных результатов. Между поляками и русскими (как уже не раз было замечено) выработались в это время довольно приличные отношения, род слития, какое только возможно. Роковая необходимость зависимости, необходимость принимать молча то, что дают, что выхлопывается с помощью разных сил и ловкости, – чувствовалась как никогда каждым благоразумным поляком; и таких благоразумных поляков было тогда как-то более всего. Маркиз Александр еще придвинулся к России. Его голову, как и многие другие умеренные головы в Польше, занимал вопрос: каким

образом, примирясь с этим слитием двух как бы не сливаемых элементов, повести дела так, чтобы в конечном, хотя бы и довольно отдаленном, результате все-таки спасти родную землю. Может статься, именно тут возникла у иных белых поляков мысль о Славянской федерации под управлением России, где последней на первых порах предоставлялась главная роль, роль полного хозяина; а потом разными искусными интригами хозяин спустился бы на степень гостя, как это бывает иногда на общих съездах поляков с русскими, обедах, пирушках и тому подобном¹, – и Россия очутилась бы только стражем обширных границ нового политического тела. Ей поручили бы черную, штыковую работу; а белая работа, направление нравственных сил федерации, науки, искусства, – все высшее лежало бы на ответственности самой образованной из всех славянских земель, к тому же прошедшей через горнило бедствий – Польши. В конце концов выдилось всеобщее ополчение. Польша была бы спасена.

Такая мысль в нескольких белых той эпохи была, однако, не совсем оригинальной мыслью. Она была отражением известной стороны учения Демократического общества.

Еще в тридцатых годах демократы, между прочим, учили: «Как некогда призванием славян было защищать христианскую цивилизацию от всеунижающего прилива азиатского варварства, так и теперь те же самые славяне призваны: с одной стороны, привить приобретенную цивилизацию Запада, облагороженную силой и качествами их духа, к тому же варварскому Востоку, платя ему, таким образом, самым большим добром за самое большое зло; с другой стороны, славяне призваны возродить и оживить сказанными качествами своего духа старую, гниющую, обомлевшую и доведенную до крайней слабости вековыми своими трудами Западную Европу. Одним словом: славянскому племени суждено иметь историческую инициативу и руководить судьбами света в будущей жизни человечества. Натуральной, исторической главой этого нового, спасительного мира, по духу прошедшей, настоящей и будущей, своей миссии, есть Польша»¹.

---

¹ Один такой обед описан был в «Московских Ведомостях» 1855 года.

Насколько Велепольский усвоил себе такие взгляды и усвоил ли, — это неизвестно. Известно только, что нечто подобное заключалось, между прочим, в принципах партии, к которой он принадлежал.

В конце 1855 года умер Свидзинский, оставя своему другу по духовному завещанию все благоприобретенное имущество: капиталы, книги, древности и даже самую ту деревню, где хранилась библиотека, с предоставлением ему права поместить все это для общего пользования публики, где за благорассудит².

Велепольский, по разным соображениям, держал библиотеку Свидзинского и все к ней принадлежащее покамест в имении. Нерасположение к нему общества сейчас нашло возможным обвинить маркиза в нарушении духовного завещания, которого близко никто не видал. Кричали, что Свидзинский передал библиотеку Велепольскому с тем, чтобы она непременно была помещена в Варшаве. На беду, явились еще, как бы с того света, из эмиграции (в силу амнистии 1856 года) всеми забытые два брата Свидзинского и предъявили право на Сульгостов. Они опирались на так называемую в юридическом мире субституцию духовного завещания, на выражение «и потомкам его», которое по силе одной статьи Наполеонова кодекса лишало, в глазах крючков, духовное завещание всего его значения. Эти крючки, при помощи раздражения общества против

---

¹ Авейде. См. сверх того основные мысли манифеста Демократического общества, 1836 года.

² «§ 3. Вышеупомянутую сумму 36 100 рублей серебром, а равно и библиотеку, нумизматический кабинет, картины, рисунки, резные вещи, древние документы, рукописи и прочие библиографические и археологические редкости, оцененные мною выше в 30 000 рублей серебром, без малейшего исключения; также: имение мое в Царстве Польском Ключ Сульгостовский, состоящий ныне за мною в актуальном владении и оцененный по совести в 45 000 рублей серебром, отказываю и на вечные времена дарю (zapisuj? i wieczyscie daruj?) Александру сыну Иосифа, маркизу Мышковскому, графу Велепольскому и потомкам его в полное неограниченное владение; причем желанием моим есть и о том легатария моего убедительно прошу, чтобы он купил или построил соответствующий для помещения библиотеки и принадлежащих к ней редкостей дом, не то в завещанном ему от меня имении Сульгостове, не то в Варшаве, или где найдет удобнее и лучше для достижения моих целей».

(Выписка из духовного завещания Свидзинского.)

маркиза, раздражения, которое росло с каждым часом, — повели процесс в Радоме так искусно, что маркиз проиграл, но, перенеся его тотчас в Варшаву, без всякого труда выиграл, так как дело было очень просто и чисто. Мы нарочно привели текст 3-го параграфа завещания в самом точном переводе, дабы читатель мог убедиться, как иногда бывают праздны и лицеприятны крики массы.

Выигрыш процесса породил новые обвинения против маркиза, дошедшие позже до того, что русские власти, желавшие Велепольскому успеха между поляками, чисто в русских правительственных интересах, присоветовали ему расстаться с библиотекой Свидзинского, передав ее какому-нибудь надежному по средствам магнату. Велепольский передал все графу Красинскому, в доме которого, в Варшаве, и помещаются теперь все редкости, собранные Свидзинским. Но и тут нашлись люди, говорившие, что маркиз лучшую часть все-таки оттягал у публики, оставя в своем имении, Пинчове...

Мы подошли таким образом к эпохе, с которой начали главу.

Велепольский стоял отдельно. Говорят, когда Земледельческое общество баллотировало его в члены, — он был буд-то забаллотирован; так говорят: нам не случилось проверить этого факта. Быть может, он при точном исследовании, окажется тем же, что и крики толпы по поводу процесса маркиза с братьями Свидзинскими. Но имеют несомненную, историческую силу и такие крики и говор. Они иной раз историчнее самой истории. И доньше Велепольский рисуется в воображении поляков и русских вовсе не тем, каким вывели бы его разные документы и бумаги; он рисуется, каким его нарисовала роковая кисть общественного мнения, вследствие таких обстоятельств и условий, которые не находятся в документах. Таким он выступил и действовал. Таким он нам нужен.

В деле подачи адреса он опять умел стать отдельно, да еще как отдельно!

Когда в минуту неслыханной сумятицы и замешательства, среди которых не то что князя Горчакова, но и многих весьма характерных и неслабых русских людей — просто-напросто

всю Россию – обошел какой-то леший (ужасный, исторический леший, который давно странствует по свету и накуролесил на свой пай немало), когда в это непостижимое время пришла кому-то из высших правительственных лиц мысль поручить приведение хаоса в порядок польскому влиятельному магнату, – маркиз Велепольский, сам собой, с почти без всяких указаний бросился в глаза, остановил на себе внимание наместника и лиц, к нему близких. Говорили, пожалуй, будто бы на него указала князю какая-то с дама, соседка маркиза по имению. Запишем и этот анекдот в pendant ко всему остальному, что делалось тогда не по-мужски, а по-дамски...

Всем показалось, что ничего лучше, спасительнее и быть не может, как сделать соправителем наместнику этого гордого магната, забаллотированного, нелюбимого своими соотечественниками, стало быть, естественно желающего отмстить и уже, конечно, неспособного никоим образом допустить торжество Замойского с его Земледельческим обществом. Припомнили движение маркиза к русскому правительству в 1849 и 1853 годах. Юридическое образование его, иначе сказать, знание гражданской части управления, не подлежало никакому сомнению. Анекдотическая цифра: 70 процессов, будто бы веденных Велепольским, из которых он большую половину выиграл, – чего-нибудь да стоила. Необыкновенный ум маркиза, его начитанность, образованность были тоже всем известны. Что до его фигуры, и она говорила за себя немало: будущий соправитель наместника смотрелся бастионом, полным самыми солидными орудиями. Вся посадка была твердая, неподатливая, надежная. Когда он шел, нельзя было не посторониться. Из не очень больших глаз его, осененных густыми бровями, вроде навеса над крыльцом, не то (поэтичнее) черных, надвинувшихся туч, – сверкали молнии Зевеса; да и весь он, когда переставал походить на медведя, походил на Юпитера. Фотограф Байер (мы можем сказать: исторический фотограф Байер) несколько позже уловил именно такую, Юпитеровскую мину, сняв Велепольского уже как начальника гражданского управления Польши, – в креслах, с орлом на спинке, хоть и

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

не Олимпийским... Руке министра, стиснувшей крепко, характерно, ручку кресел, недостает пучка перунов.

Во время, нами изображаемое, в начале 1861 года, Байер (заметим в скобках) ни за что на свете не стал бы делать его портрета. Куда бы он годился, этот тылический, популярный делегат, пустив тогда в ход такие запрещенные публичной черты!

Так, мы снова заносили руку на собственные интересы. Мы забывали прошедшее; повторяли то, чему никак бы, казалось, не должно повторяться. Мы забывали еще раз, что нет такого поляка, как бы он обставлен ни был, в каких бы условиях ни действовал, – нет такого поляка, который бы разрешил нам польский вопрос по-русски. Мы сами еще раз отточили на себя меч – и подали его новому Адаму Чарторыскому!

Минута была страшная, кто сумеет в нее взглядеться. По счастью, гений, хранящий Россию, те невидимые силы, которые как-то удивительно исправляют, потом всякие наши ошибки, наш сон, простодушие и прочее – эти силы не дремали.

Маркиз Велепольский, нося в себе яд, который мог действительно отравить надолго наше существование, носил в себе и кучу противоядий. Какие именно, мы увидим.

Нет ничего мудреного, если Горчаков, поговорив с Велепольским, – что называется, как бы меду напился. Маркиз давил в беседах, как мух, и не таких людей. Французский язык его был безукоризнен и блестящ, – если не безукоризненнее, то огнистее во сто раз языка Замоиского.

Маркиза, для большого удобства совещаний с наместником, а частью и для личной его безопасности, поместили в Замке, где он, как говорят, довел простоту отношений к наместнику очень скоро до того, что принимал его в халате и туфлях. Может быть, и это анекдот...

Русские генералы, кто знал секрет, пока еще не оглашенный, встречаясь с другими, не знавшими секрета, говорили: «Слава богу, согласился! но сказал, что не отступит ни на волос от своих убеждений, то есть что Польше должна быть дарована полная автономия».

После непродолжительных переговоров с наместником и другими высшими правительственными лицами края, причем рассматривались проекты первых насущных преобразований (учреждение муниципальных советов по выборам, учреждение Государственного совета из лиц польского происхождения, радикальная реформа школ), грозная фигура маркиза перенеслась в Петербург и произвела там очень выгодное для себя впечатление. Его разглядывали в разных высших салонах не без любопытства. Не мало было толков о том, что, являсь на выход ко двору, маркиз стал с дипломатическим корпусом, как бы чей посол или делегат. Ходил еще полубаснословный рассказ, будто бы маркиз на том же или другом выходе позволил себе сесть, и когда ему заметили, что «тут сидеть нельзя», он отвечал: «Это вам нельзя, потому что вы здесь у вашего императора, а я — у своего короля».

Вообще маркиз вел себя в Петербурге развязно и с достоинством. Относительно взглядов своих на польский вопрос он был довольно прям и бесцеремонен. Один из дипломатов спросил его: «А что вы думаете о Литве?» — «Я думаю, — отвечал Велепольский, — что это вопрос времени».

Вопрос о Литве не был для него, как для нас, вопросом давно и окончательно решенным: он был для него вопросом будущего!

Такой, по-видимому, знаменательный ответ, где для настоящего знатока дела этот человек обрисовывался весь с головы до ног и нечего было прибавить, «какой у тебя нос или губы», такой ответ и еще несколько подобных были пропущены мимо ушей, без всякого внимания. Никто не призадумался ни на минуту. Роковой исторический факт совершался тихо. Общество глядело во все глаза и ничего не видало. Нелыханная апатия, убийственное равнодушие ко всему лежало тогда на всех наших пространствах. «Московские Ведомости» так обрисовывают это время: «Не было никакой гласности, ничего похожего на печать, в европейском смысле этого слова; ни тени общественного мнения... Нигде не обнаруживалось никакого участия в делах, по вопросам, имеющим самое жизненное для России значение; никто ни о чем не ведал, никто ни о чем не имел определенного понятия и серьезного суждения» (№22. 1867 года).

Так и тут: взоры скользили по массивной фигуре (и то весьма немногие), а «определенного понятия и серьезного суждения о ней никто не имел». Москва почти ничего не знала о том, что делал Петербург. Когда несколько позже явился в *заграничных иллюстрациях* и портрет маркиза, русская публика, можно сказать, все до единого, кто только просматривает, если не читает журналы, взглянула на этот портрет совершенно равнодушно и легко перевернула страницу, как перевернула ее потом, увидя физиономию малабарского короля и китайский город Пейхо... А стояла бы и очень стояла эта фигура (похожая на тяжелое артиллерийское орудие, готовое вскатиться на пригорок, чтобы стрелять), очень стояла эта фигура, чтобы мы к ней пригляделись внимательнее. Мы рекомендуем читателям отыскать в хламе недосмотренного ими прошедшего этот листок и взглянуть: нет сомнения, что они найдут указанное нами сходство.

Свою ли точно мысль художник обнажил, когда он таким его изобразил, или невольное то было вдохновенье; но... Байер дал ему такое выражение.

Чтобы обрисовать тогдашнее состояние Варшавы и Петербурга, как все были чем-то ошеломлены и до какой степени висело над всем роковое облако, достаточно будет рассказать следующий случай. Незадолго перед тем временем, о котором повествуется, приехал из Петербурга в Варшаву один полковник, флигель-адъютант: его поразило состояние города, эта непрерывная манифестация, куда ни погляди; эти странные народные сенаторы; фотографии убитых, продаваемые открыто по всему краю тысячами; неслыханные, чисто революционные сборища в Купеческом клубе... Встретясь кое с кем из своих военных друзей, он сказал: «У вас, господа, революция, а вы не видите! В Петербурге не имеют ни малейшего понятия о том, что здесь творится». Друзья, услышавшие это, или молчали, по принятому тогда обыкновению, или улыбались.

Посмотрев еще на разные разности, полковник не счел возможным оставаться долее праздным зрителем таких беспорядков, грозивших потрясти обычный ход дел, — воротился в Петербург и доложил обо всем, что видел и что узнал. Одно высшее военное лицо призвало его и, сделав

строгий выговор, велело отправиться вновь в Варшаву и сидеть смиренно...

Видимо было, что правительство, отыскав Велепольского, думало, что вопрос решен довольно хорошо; что вот еще неделя, другая – и все пойдет как следует. Кто бы что ни говорил и ни замечал, всем был один ответ: «Погодите немного, все это скоро кончится: Делегации и хаосу ресурсы дни сочтены; все это, так сказать, дышит на ладан».

13 марта н. ст. наместник пригласил к себе архиепископа Фиалковского, графов Андрея Замойского и Владислава Малаховского; делегатов Кронеберга и Шленкера – и прочел им письмо государя императора, в котором говорилось о преобразованиях, ожидающих край. Наместник надеялся произвести на приглашенных самое выгодное впечатление. Не тут-то было. Эти белые были уже не белые. Замойский, не тот Замойский, который несколько месяцев тому назад в белом жилете и галстук изображал в Замке надежнейшего консерватора, не тот Замойский, который утром 27 февраля требовал у правительства войск против своих же соотечественников, а Замойский, уже значительно протянувший руку движению, у кого бывали кое-какие сборища, к кому заглядывала подчас и молодежь всякого свойства; этот Замойский сказал, что «для них, для партии умеренной, это все, что нужно, что они и того не ждали; но что противоположная сторона этим не удовлетворится».

На другой день, 14-го, получен был ответ государя императора на адрес, тоже в виде письма к наместнику и также сообщен нескольким влиятельным полякам.

«Я прочитал просьбу, которую вы мне прислали. Должен бы счесть ее за несуществующую, так как несколько человек, пользуясь беспорядками в улицах, взяли на себя самовольное право пренебрегать всеми распоряжениями правительства; но я не вижу в этом покамест ничего, кроме увлечения.

Я устремляю все мои мысли к изготовлению реформ, каких требуют время и развитие нужд государства. Подданные мои в Царстве составляют также предмет моих попечений. Все, что может упрочить их благосостояние, не находит и не найдет меня никогда равнодушным.

Я уже дал им доказательство того, что желаю сделать их соучастниками в предпринимаемых улучшениях и преобразованиях государства. Остаюсь ныне все в тех же намерениях и чувствах. Имею право рассчитывать на то, что таковые чувства встретят с их стороны полный ответ и не будут задержаны на пути желаниями чего-либо несвоевременного и неумеренного, чего бы я не мог им дать, не нанеся ущерба интересам моих подданных в империи. Исполню все мои обязанности. Ни в каком случае потакать беспорядкам не буду. На таком грунте строить ничего нельзя. Требования, которые захотели бы на них опереться, сами бы себя тем самым подкопали, уничтожили бы всякую доверенность и встретили бы с моей стороны суровый отпор, как нечто такое, что может совратить государство с правильного пути, коему я хочу неуклонно следовать».

Напечатано в русских газетах, между прочим в «Московских Ведомостях», 1861, № 51, в особом прибавлении.

С прибытием этого ответа Делегация оканчивала свое существование. Это стояло в условиях ее учреждения. Само собой разумеется, белой партии и тем из красных, которые смотрели на дело умеренными глазами, хотелось, насколько возможно, продлить ее существование. В ее спорах, в ее торгах и переторжках с правительством, какими бы они кому ни казались, был все-таки толк и некоторая польза. Делегаты, так ли, не так ли, были действительным проводником многих мыслей общества в Замок, обыкновенно не очень доступный. Они заявляли о разных нуждах и потребностях города и края, и голос их бывал не раз услышан. Они освободили даже несколько арестантов, которым бы сидеть, может статься, долго в Цитадели и неизвестно куда выйти. Делегаты решительно сослужили отечеству службу, и не видеть этого мог лишь такой поляк, у которого на глазах была красная повязка, кто ничего не видел, чьи фантазии рвались за все границы. И потому все умеренное старалось охранить Делегацию от предстоящей опасности, представлять за нее у наместника, насколько хватит сил; просить оставить это учреждение и на будущее время, хотя бы в измененной форме, в виде обыкновенных членов магистрата, пока дела придут в окончательный порядок.

Другая сторона, чисто красная, революционная, шумевшая по домам и в ресурсе, ничего не видала в Делегации, кроме чиновников, посаженных правительством, и требовала от них невозможного: учреждения манифестаций, постоянной борьбы с правительством, заявлений самых неслыханных и неестественных. Слышались нередко вопросы: «Кем делегация выбрана? Почему она величает себя народной? Если имеется в виду восстание, — зачем эти странные торги с правительством, констебли, которые иногда помогают правительству хватать агитаторов, иначе сказать, истинных слуг делу и отчизне?»

Были ораторы, которые вскакивали на столы, чтобы лучше быть услышанными; но их тут же зачастую стаскивали за ноги при общем хохоте всей залы.

Крики недовольных Делегацией в ресурсе доходили иногда до того, что делегаты высылали из среды своей кого-нибудь объясняться с публикой. Этот высылаемый большей частью лгал без всякой совести, чтобы только успокоить крикунов — хоть на тот вечер. Например, говорили, что часть членов Делегации находится на секретном совещании у наместника, обсуждая вместе с ним наиважнейшие вопросы: о результате узнают завтра. В другой раз говорили, что все идет как надо, беспокоиться нечего, заведены сношения с европейскими деятелями, средства готовятся...¹

По городу для успокоения красных был пущен, между прочим, слух, что «конституция уже пишется, что этим занят адвокат Август Тршетршевинский».

Так хитрили делегаты перед своим правительством, чтобы только держаться день за день; так неверно было их положение.

Крайние безумцы, вроде шайки агитаторов Художественной школы, с Новаковским и Шаховским во главе, устав воевать с делегатами на словах, вознамерились было распорядиться с ними по-старопольски, как дельвал блаженной памяти Володкович² с членами трибуналов: разогнать палками.

---

¹ Показания Ляндовского, Янчевского и других, а также частные рассказы знакомых автору поляков, бывших тогда в купеческой ресурсе.

² Исторический бунт последних дней самостоятельной Польши, друг Радзивилла — Пане-Коханку. Шалости его и неповиновение властям достигли такой степени, что он был схвачен в Минске и расстрелян. Мицкевич вспоминает об нем в поэме «Пан Тадеуш» под именем Диндолета.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Так как ресурса была одно время предоставлена в полное ведение поляков, и они делали там что хотели, то, разумеется, всякое насилие с делегатами было возможно. Шаховский с кучей разного отчаянного народа, вооруженного палками, ворвался однажды туда и приступил к делегатам с угрозами, называя их прямо «изменниками» – *zdrajcamі kraju*, – слово, которое легко срывается с языка всех поляков, чуть дойдет до патриотических объяснений. Делегаты были в опасности, но какой-то оратор довольно резкого свойства спас их, поведя дело круто и тоже назвав нападающих изменниками.

После этой истории Делегация придумала *билеты* для входа в ресурсу и поставила у дверей несколько стражей из умеренных школьников, которые вели себя как следует и без билета никого не пропускали.

Тогда красные устроили ряд мелких манифестаций: разбитие стекол, кошачьи музыки, пение гимнов. Наместник, уже готовившийся покончить со всей этой комедией, выпустил 16 марта н. ст. такой приказ:

«С целью положить предел подстреканиям злоумышленников, собирающих партии для устройства манифестаций, в каком бы то ни было виде, так как манифестации сии неуместны и наносят вред общественному порядку: возбраняются отныне всякие сборища на площадях и на улицах, имеющие предметом устройство каких-либо манифестаций, а равно запрещаются и процессии, не установленные обрядами католической церкви.

Жители Варшавы! Послушайтесь моего предостережения; не принуждайте меня употребить прискорбные меры для водворения порядка вооруженной силой.

Вместе с сим полицейские власти обязуются сообщить таковое предостережение всем жителям города, дабы никто не мог отговариваться незнанием».

Делегаты, прочитав это, изумились и сочли себя оскорбленными в том смысле, что правительство огласило такой приказ, не войдя с ними в соглашение, не посоветовавшись.

На другой день, 17 марта н. ст., встретясь с генералом Паулуччи в ресурсе (куда он ходил иногда по приказанию

наместника), они спросили его: что значит вчерашний приказ о сборищах, которых, собственно, нет и которые правительство силится вызвать провокационными мерами?

Сверх того было предложено еще несколько вопросов; в особенности делегаты выражали неудовольствие, что им не было дано никаких объяснений на замечания, изложенные в протоколе от 7 марта.

Генерал объяснил, что не может дать на это никакого ответа в ресурсе¹, а просить господ делегатов пожаловать завтра в Ратушу, где будет сообщен устный или, пожалуй, письменный ответ.

Вечером того же дня вице-председатель Левинский получил от генерала Паулуччи такую записку. «Любезный генерал!

Что касается вчерашнего приказа, честь имею уведомить вас, что его сиятельство наместник нашел нужным огласить оный, потому что до него дошли слухи о существовании в городе революционных агентов, которые стараются тревожить народ и правительство посредством манифестаций. Кроме того, многие из призванных к ответу после грустных событий 25 и 27 февраля уверяли князя, что им вовсе не известно о запрещении подобных манифестаций. Касательно же муниципальных учреждений его сиятельство выразился, что это дело уже совсем окончено».

Левинский прочел эту записку делегатам, собравшимся в Ратушу. Паулуччи был тут же. Они спросили у него: «Неужели тут все, что им хотят ответить на вопрос о приказе и на другие вопросы, ими предложенные еще 7 марта?»

Паулуччи отвечал, что *тут все*, что касается приказа от 16 марта; а завтра они получают объяснение по вопросу о судах над политическими преступниками.

В самом деле, 19 марта н. ст. им было сообщено что-то по этому поводу, но в какой форме, неизвестно: протокол этого заседания представляет дело явно искаженным, — в том виде, как делегатам хотелось показать его читающей публике.

---

¹ Делегаты, с получения наместником второго письма от государя, не ходили на заседания в Ратушу.

В заключение заседания делегаты просили вновь сообщить наместнику протокол их от 13 марта, где высказаны замечания об управлении городом. Генерал обещал.

Между тем мелкие манифестации продолжались; кое-кто из жителей получил анонимные письма, исполненные ругательств, и кроме того был распространен повсюду печатный список подозрительных лиц, которым народные власти советовали уезжать подобра-поздорову за границу.

Наместник приказал спросить у делегатов: кто это шалит? Они, конечно, знали кто; но отвечали, как и надо было и предвидеть, что не знают, что принимали меры к отысканию виновных, но никого не найдено.

Более других умеренный редактор «Варшавского Курьера» Куч, имя которого несколько времени стояло в списке делегатов, боясь, чтобы все эти шалости не вызвали какого-либо сурового распоряжения со стороны правительства в минуту, когда оно действительно готовило реформы, решил поместить на своих столбцах увещательную статью, но возбудил ею почти всеобщее против себя негодование и насилию поправил потом свою репутацию. *(Эту статью называли в публике artykuł z krzyżem (статья с крестом), потому что она имела в начале изображение креста.)*

Из всех этих фактов, из городских манифестаций, из поведения делегатов ясно было настроение массы. Надеяться ни на кого было нельзя. Ввиду катастрофы, могущей быть при появлении на политической сцене маркиза Велепольского (прибывшего в Варшаву около 20 марта), из Петербурга вызван генерал с известным боевым именем. Варшава разделена на четыре военных отдела, с особым военным начальником в каждом.

1-м отделом (цыркула: 1-й, 2-й – до эспланады Цитадели и 11-й до Трембацкой и Беднарской улиц со включением Примасовского палаца, Театральной площади и Ратуши) – назначен заведовать генерал-лейтенант Хрулев.

2-м отделом (цыркула: 3-й, 4-й, 5-й и 6-й, со включением зданий и площади Банка, из 7-го цыркула) – генерал-лейтенант Веселицкий.

3-м отделом (цыркула: 7-й, 10-й и 11-й, за исключением из 7-го и 11-го того, что отходило к 1-му и 2-му отделам) – генерал-лейтенант Мельников.

4-м отделом (цыркула: 8-й и 9-й) – генерал-адъютант Мерхелевич.

Сверх того, по распоряжению главного директора Комиссии внутренних дел разосланы ко всем гражданским губернаторам особые циркуляры о принятии чрезвычайных мер, как административных, так и полицейских.

Генерал-майор князь Бебутов, бывший командир Мусульманского полка, отправлен внутрь края, закрывать возникшие в разных пунктах провинциальные делегации.

Нечего говорить, что делегаты города Варшавы встревожились всем этим еще больше, нежели приказом наместника от 16 марта. Они высказали на заседаниях 20 и 21 марта н. ст. много разных замечаний своему председателю, но он их уже плохо слушал.

А 22-го наместник, пригласив к себе господ Левинского, Кронеберга, Шленкера и Розена, отблагодарил, в лице их, Делегацию за службу и объявил, что она, в том виде, как существовала до сих пор, существовать уже не будет, а заменится временным учреждением особого *отдела делегатов из восьми членов*, которые будут заседать при городском магистрате с теми самыми атрибутами, какими пользовалась Делегация из 24 членов.

Выслушав это, приглашенные отправились в ресурсу объявить товарищам волю наместника, а затем всем составом собрались в Ратуше, где написали проект, каким образом следует управлять в стране, которую они знают лучше, нежели русские. Это была как бы диктовка удаляющегося со сцены народного правительства новому правительству с Велепольским во главе: как оно должно себя вести, за какие порядки прежде всего ухватиться. Это был последний вздох умирающей Делегации. Имя Велепольского уже раздавалось всюду.

На другой день, 23 марта н. ст., Варшава прочла в разных газетах, что Делегация упраздняется, а на месте председательствующего директора будет Велепольский, маркиз Гонзага Мышковский.

Роль, взятая на себя Велепольским, была, конечно, из самых трудных, какие только разыгрывались когда-либо в свете. Он сам не мог сообразить на первых порах всей трудности своего нового положения. Самолюбию и честолюбию дано было столько пищи и торжества, что ничему другому не было, так сказать, уже и места.

В самом деле, превратиться в один миг из не служивших нигде помещиков в министры¹, в помощники наместника Царства Польского, и вместе с тем видеть вдали карьеру спасителя отечества в критическую минуту: какая голова при этом не закружится?

К тому же и некогда было думать, обдумывать и задумываться. Надо было сказать только: беру или не беру. Велепольский сказал первое, будучи ошеломлен предложением и вместе надеясь на свои силы. Подумай он немного, осмотришь, — ответ, может быть, вышел бы иной. Но думать и осматриваться не давали; было просто-напросто некогда.

Картина нарисовалась как следует только тогда, когда министр уселся надлежащим образом в кресла и начал работать. Тут он увидел и невероятную глупость своих, и допотопные бюрократические приемы Петербурга, плохое знание Польши, лень и беспечность, писанье без конца — и чрезвычайно мало дела. Реформы, обещанные Польше, состояли в следующем: «Независимое от центральных властей империи управление края, под ближайшим ведением монарха; учреждение Государственного совета, как законодательного собрания, из высших духовных и гражданских сановников, заседающих в нем по должности и из членов по назначению государя императора; муниципальное управление Варшавы и главнейших городов Царства; губернские и уездные советы из выборных членов, с председателем, назначаемым из среды их от правительства; преобразование школ высших и низших». С этим прибыл Велепольский

¹ Мы употребляем иногда это выражение для краткости, вместо длинного «главный директор, председательствующий в такой-то комиссии»: это лицо для Польши совершенно то же, что у нас министр.

из Петербурга совершенным русским чиновником, только с приемами польского аристократа, с той выдержкой и достоинством, которыми он обращал на себя внимание в нашей северной столице, как редкий, невиданный зверь.

27 марта н. ст., в среду на Страстной, вступил он в должность и принимал в зале заседаний Варшавского учебного округа чиновников своего ведомства, которым сказал следующую речь, держа в руках, по своему обычаю, маленькую бумажку с конспектом того, что произносил:

«Господа!

Приветствую в лице вашем сотрудников, приветствую чиновников не Варшавского учебного округа, а воссозданной Комиссии исповеданий и народного просвещения. Эта перемена означает еще более глубокую и существенную перемену вещей. Сим монарх возвращает нашему отечеству самое важнейшее для народа достояние: достояние веры и просвещения. Настоящее собрание наше, как товарищей, есть первое осуществление реформ, милостиво нам гарантированных¹; а затем в нас и нами долженствующая совершиться перемена да будет основанием других спасительных улучшений: ибо к чему бы все это послужило, если б мы не старались образовывать из молодого поколения людей, способных принять участие в таких серьезных преобразованиях?

Труд наш тяжел и велик. Полнейшая реорганизация школ, восполнение отделов Главной школы, в течение столь долгого времени праздных, — это задача немалая. Чтобы содействовать успеху всего этого, подадим друг другу руки!» Так умеренно и, можно сказать, ласково отнесся новый министр к представленным ему тотчас после его инсталляции² чиновникам. Он знал, конечно, кое-что за некоторыми из них, но начать дела намеками на это, вероятно, не хотел.

Совсем не так встретил он другую часть своего ведомства: польское духовенство, которого ждал к себе целую неделю и все это время кипел и обтачивал разные фразы.

---

¹ «Laskawie nam zapewnionych».

² Инсталляция — введение чиновника в должность, что происходит обыкновенно в какой-либо присутственной зале, перед портретом государя императора и зеркалом или распятием, заменяющим зеркало. Высшему лицу предместник представляет при этом его подчиненных.

Известно, что духовенство в Польше – весьма значительная сила. Приняв участие в манифестациях, оно помогало распространению в воздухе тех элементов, которые более всего мешали благополучному разрешению задачи, заданной министру правительством. Никким образом нельзя было отнестись равнодушно к этой симпатии и связям духовных с красной партией. Министр решил показать им сразу, что все видит и все знает. Только что прошедшая Страстная и начавшаяся Святая неделя были полны мелкими манифестациями, где намеки на тяжкие страдания, завершившиеся воскресением в позор и поношение врагам, играли главную роль, повторялись беспрестанно в речах ксендзов, печатались в газетах. Иные «артисты» по этой части нашли дерзкую возможность применить пять ран Господних к пяти недавним жертвам. Слово это печаталось курсивом. Велепольский мог все это видеть.

Выйдя с такой же бумажкой в руках к собравшемуся у него¹ 2 апреля н. ст. в той же самой зале духовенству, министр произнес:

«Достойный ксендз-епископ! Уважаемые прелаты и отцы!

В предстоящем здесь римско-католическом и униатском духовенстве приветствую ныне вестников мира!

Отверстую в народе пред нашими глазами пропасть всемогущая десница провидения начинает замыкать, и после дней скорби настает отрадная тишина, Бог даст и радость!

И кому же теперь, в самом деле, менее поводов роптать, как не духовенству? Вы чувствуете вместе с нами, а после долгих испытаний и лучше нас, как много облагодетельствовал вас монарх, установив в крае особую власть для дел духовных и повелев сзывать отовсюду пастырей, по старому обычаю, в Совет Царства.

Римско-католической церкви надлежит все мое внимание. Памятовать мне об этом тем естественнее, что вера католическая есть моя и отцов моих вера. Но сие мое расположение я сумею пока обуздать и остановить. Так, достойный ксендз-епископ, уважаемые прелаты и отцы! Я, представитель

---

¹ Были: епископ-суффраган Варшавской архиепархии Декерт, Капитула, Духовная академия и настоятели варшавских монастырей.

власти, заведующей исповеданиями соединенно с просвещением; я буду следовать только действительной и разумной терпимости, одного из величайших достояний нашего века.

Будучи членом правительства всемилостивейшего нашего монарха, я нигде, насколько могу, тем более в моем ведомстве, не допущу правительств в правительстве; от установленных правил уклоняться не позволю и готов охотно выслушать всякую жалобу на стеснение. Если она окажется справедливой, удовлетворю ей насколько имею власть, или представлю оную на высочайшее благоусмотрение.

Нужды костелов и духовных особ буду иметь в виду.

Полагаюсь на ваше благоразумие и умеренность; а вы, уважаемые господа, положитесь также и на мои добрые вам пожелания!»

Выслушавшие эту речь ксендзы были ею сильны озадачены. Они никак не ожидали такой встречи от своего нового начальника. Они думали, что он побоится выступить резко против силы, которую они изображают в крае. С той же самой минуты они начали помышлять о мести.

К вечеру все цирюльники, портные и сапожники Варшавы уже рассуждали, по разным огрудкам и бавариям, о речи Велепольского к духовенству, перебирали ее со всех сторон, снабжая теми комментариями, какие пришли от учителей.

Чаще всего слышалось: «Видишь, какая гордость! Он потому только помнит о католической вере, что она его и его отцов вера! А когда бы она не была его и его отцов вера?...» И это повторялось несколько лет кряду, даже повторяется иногда теперь.

Тогда же вышла в свет фотографическая карточка, где Велепольский изображен сидящим в креслах, с кулаком на столе, с грозно нахмуренными бровями и страшным гневом в очах. Посадка, взгляд были схвачены типически...

Через два дня, 4 апреля н. ст., представлялось министру еврейское духовенство варшавских округов, комитет Главной синагоги и депутация евреев местечка Пинчова.

Знал он кое-что и об этих, но потому ли, что считал их менее опасными, или по другим каким соображениям (может быть, просто в пику своему духовенству) отнесся к ним

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

самым милостивым образом, причем даже подал руку старшему раввину Майзельсу, популярному и ретивому представителю еврейско-польских интересов в городской Делегации после 27 февраля.

Выйдя к ним с такой же бумажкой, министр сказал:

«Господа!

Благодарю вас за оказанное мне доверие, которого новое лестное для меня свидетельство видел я вчера в газетах.

Искренно желаю, чтобы ваши стремления – устранить (само собой разумеется, путем строго легальным) различные касающиеся вас исключения – увенчались успехом; желаю этого, как начальник исповеданий, допускающий принцип здоровой терпимости, и как юрист.

Вам известно, что я ревнитель гражданских законов, которые в течение полувека служат звеном соединения между вашей народностью и европейской цивилизацией. Духу этого кодекса¹ чужды исключительные постановления и всякая исключительность пред правом гражданским. А потому не думайте, чтобы я разделял новорожденные теории тех, которые вам подадут там разные советы, ставя условием, чтобы вы перестали быть тем, чем вы, главнейшим образом, есть, то есть свернули бы с торгово-промышленного пути и, бросив соединенные с ним занятия, впряглись в плуг. Почтенно звание земледельца, и мне бы желалось, чтоб вы также приняли в нем некоторое участие. Я сам по ремеслу земледелец; но земледельцев, господа, было у нас всегда очень много, а недоставало нам постоянно так называемого третьего, или среднего сословия, которого зародыш вложен в вас самим провидением и если не подвигается вперед, так это потому что не признан.

Приложим общие старания, чтобы этот зародыш ожил и развился.

В этом – общественное ваше достоинство.

Это будет зависеть в значительной степени от вашей находчивости и проницательности; дай Бог, чтобы эти свойства, искони вас отличающие, стали нашим общим уделом!»

---

¹ Кодекс Наполеона, принятый в Польше в 1806 году.

Речь эта, столь различная от речи министра его родному духовенству, взорвала окончательно красных ксендзов. Весьма скоро после этого, в куче всяких ругательных анонимов, приходивших ежедневно, Велепольский получил письмо, якобы от «всего католического духовенства Польши», от 4 апреля н. с. Вот что в нем писали:

«Господин директор!

Речь ваша к представлявшемуся вам 2 сего апреля католическому духовенству повергла всех в недоумение и наполнила сердца горестью. Все католические капланы Польши находят в ней угрозу, неизвестно чем вызванную, неуважение к званию, ничем не заслуженное, и считают непременной и священной обязанностью протестовать против всего, что в ней оскорбительно для нашей совести и унизительно для нашего достоинства.

Прежде всего на этой речи лежит отпечаток необыкновенной суровости, чего-то резкого и повелительного, к чему мы не привыкли и чего несколько не заслужили, чего в объяснениях директора с представителями других исповеданий не замечается вовсе. Далее слышались обвинения в нарушении нами установленных церковью правил, намеки на какие-то распри и столкновения с властью, которая предшествовала господину директору. Все это в речи громится страшно, и, может быть, это и так, господин директор; но эти нарушения установленных правил, это были горькие и тяжкие попытки устранить бедственные последствия тех правительственных распоряжений, коих целью была решительная деморализация и развращение нашего народа, в чем господин директор может убедиться, немного порывшись в архивах. А эти распри и столкновения — это была тридцатилетняя кровавая борьба с насилием, которое стремилось к тому, чтобы подавить в крае святую нашу веру и народность и слить нас с народом, чуждым для нас по религии, чувствам и просвещению. Такая борьба питает нашу гордость, приносит нам честь и вместе с тем укрепляет нас в твердости и выдержке до конца. Мы сомневаемся, чтобы господин директор, как поляк и как католик, ссылающийся на предков, тоже поляков и католиков, имел право порицать нас за такие действия, за такое нарушение правил и бросать в нас камнем.

Что же до того места речи, где господин директор не признает правительства в правительстве, мы его хорошо не понимаем. Значит ли это, что господин директор объявляет себя врагом тех народных самостоятельных заявлений, которые стремятся спасти нас от совершенного разложения, которые одни только ставят нас в возможность поднять и вести борьбу против всяких покушений на религию и народность нашу? Значит ли это, что господин директор, отвечая видам правительства, хотел бы преобразовать высшие духовные власти в чиновников своей канцелярии и нас в слепые орудия, покорные всемогущей воле правительства, в каком бы то ни было случае? Господин директор! Человек, бывший на вашем месте, имел касательно нас точно такие же намерения, но у него не достало смелости высказать это в лицо целому краю, в лицо всему образованному миру. Вы, господин директор, восполняете его в этом отношении и, как поляк-католик, ввиду воскресающей отчизны, ввиду невысохших еще слез, текущей крови и незакрывшихся ран, после тридцатилетней борьбы за то, что нам дороже всего на свете, — грозите нам именем правительства все милостивейшего государя исполнить то, чего предшественник ваш не мог. Такое поведение, конечно, согласно с видами правительства, но противно священнейшим интересам нашей отчизны, а равно и старым традициям нашего исторического развития, чего неестественно господину директору не чувствовать в глубине своей души.

На этом пути господин директор встретит такое же самое сопротивление и такую же готовность нарушать установленные правила, как и его предместник. С одной стороны, выступит господин директор как потомок древней польской фамилии, как католик и поляк, защищая правительственные стремления к централизации, дающей такие благие плоды в соседнем государстве; с другой — выступит польское духовенство, с именем Божиим — и начнется стародавняя борьба, которая не прекращалась, несмотря на неравенство сил, борьба за веру, совесть, права и свободу нашего народа. Победа в руке Божией. На его милосердие смиренно уповаем».

Это было, разумеется, произведение красных; но теми же красными пущен всюду слух для придания факту большей

силы, будто бы это написал Декерт с несколькими духовными высших чинов, действуя от лица всего духовенства. За границей следили за всем, что делалось в нашей Польше, и когда нужно было, подхватывали иное происшествие, сообщали ему приличное освещение, трубили и шумели, как только было можно больше и дольше. Так нашла себе ретивых комментаторов и эта история с письмом духовенства к своему новому начальнику: львовская газета *«Голос»* (Glos), № 93, не долго думая, напечатала прямо, что это письмо сочинил Декерт.

Когда прочли это в Варшаве, Велепольский приказал спросить Декерта официально, что значат все эти слухи и статья *«Голоса»*? Декерт отвечал, что он ничего не знает и автором письма никогда не был. Его пригласили отречься печатно; он отрекся¹. Это, конечно, послужило только к еще большему усилению всяких праздных толков.

Среди такого шума начал свою административно-политическую деятельность Велепольский. Мы далеки от того, чтобы строго судить о том или другом тогдашнем шаге нового министра, обвинять его в излишней поспешности, раздражительности или бестактности относительно того или другого лица, не то котерии. Он был, пожалуй, и раздражителен, был и бестактен вообще; но виноват ли он во всех частных своих движениях за то бурное, кипучее время, которое мы описываем, — бог знает. Если б только могли себе представить с достаточной ясностью, как все тогда неслось, кипело и хлопотало, как события рябили и пестрели перед глазами, как громоздились они друг на друга, как много совершалось в каждый миг, как много нужно было ежеминутно обдумывать всяких противоречивых вопросов! Вспомним при этом условия, в каких находился тогда новый деятель, искавший чуть не квадратуры круга: этот ливень анонимных писем, исполненных угроз и ругательств², косые взгляды русских и поляков, общее недоверие, борьба ежедневная, ежечасная. Надо быть нечеловеком, чтобы оставаться во все это время совершенно спокойным и не делать никаких ошибок.

---

¹ «Варшавский Курьер», № 114, 1861 год.

² По поводу усилившихся злоупотреблений городской почтой, она была закрыта спустя несколько дней, именно 11 апреля н. ст.

Министр обдумывал с разными правительственными лицами Варшавы очень важный шаг: закрытие Земледельческого общества.

Еще прежде было замечено, что это общество выходит из круга предписанной ему деятельности и решает много таких вопросов, которые до него ничуть не относятся. Комитет общества играл уже давно роль отдельной, самостоятельной власти, *status in statu* – больше, чем духовные, которым намекнул на это в речи своей Велепольский. Президент общества, Замойский, раздавал уже какие-то медали, как маленький наместник. С развитием революционного движения в крае развилась и самостоятельность Земледельческого общества; особенно оно шагнуло вперед на этом пути после событий 27 февраля и подачи адреса государю императору. Немного оставалось, чтобы общество перешло в настоящую революционную организацию. Само собой разумеется, что при таких условиях не скоро бы мы дождались себе помощников, которые главнейшим образом должны были выделиться из этого же Земледельческого общества. Реформы, подготовленные правительством, имели значение для страны только в нормальном ее состоянии. А теперь все выступило из берегов, и поляки всех оттенков понимали очень хорошо, что даруемые учреждения, как бы они либеральны ни были, какая бы ни произошла подтасовка при выборах в разные советы, никак не будут сейчас же тем, чем уже есть Земледельческое общество, может, не совсем любимое иными кружками, тем не менее очень сильное, главная сила. Нужно время да и время, чтобы переделать все вновь полученное так, как следует тому быть; да и переделаешь ли – еще бог весть; может быть, только даром пропадет труд и правительство выиграет. Стало быть, для достижения нашей правительственной цели необходимо было устранить одно, чтобы явилось другое. Но тут опять возникал вопрос: образуется ли через это желаемая нормальная атмосфера? Устранятся ли все препятствия? Не прибавится ли их еще более? Не дальше ли еще станут от нас массы? И без того Велепольский стоял один, на юру, и никто не протягивал ему руки на помощь; если ж общество будет закрыто – этот факт все припишут интригам

министра, его личной мести. «Общество его забаллотировало, – забаллотировал же его и он! И еще как ловко!» Вот что скажут. Но, что бы ни сказали, что бы ни случилось, дела в том положении, как были, оставаться не могли. Нужно было на что-либо решиться, рискнуть. Велепольский с наместником рискнули.

6 апреля н. ст., в субботу на Святой, изумленная Варшава читала во всех газетах:

«По указу его императорско-царского величества и пр. и пр. Совет управления Царства.

Так как Земледельческое общество, учрежденное в Царстве Польском единственно для поддержки развития земледелия, в последнее время, уклонившись от своего устава, взяло не соответственное настоящим обстоятельствам направление: посему, опираясь на полномочия, дарованные его императорско-царским величеством, Совет управления постановил:

1) Земледельческое общество, учрежденное указом от 12 (24) ноября 1857 года, ныне упраздняется;

2) Правительственная комиссия внутренних дел представит на высочайшее утверждение проект касательно устройства, в разных пунктах Царства, земледельческих собраний;

3) остаток сумм Земледельческого общества должен быть перенесен в Польский банк, как депозит, для возвращения тем, кому что принадлежит.

Исполнение сего постановления, имеющего войти в Дневник законов, возлагается на Правительственную комиссию внутренних дел.

Подписали: Наместник, генерал-адъютант князь Горчаков; Испр. должность главного директора, председательствующего в Комиссии внутренних дел, генерал-майор Гецевич; Статс-секретарь в Совете управления И. Карницкий».

По прочтении этого город пришел в волнение.

Нельзя сказать, чтобы Земледельческое общество пользовалось большой популярностью и симпатией в крае. Всем было известно, как крупные землевладельцы, которых часть составляла комитет общества, глядят на самый важный вопрос, занимавший тогда все умы в империи, на освобождение крестьян,

и как ими управляют. Было известно также, как большинство баричей проводит время, куда идут деньги, добываемые тяжким трудом селянина. Один граф Андрей был несколько популярен, вследствие простоты и любезности его обхождения со всяким человеком, большим и маленьким, и еще вследствие некоторых патриотических его предприятий и жертв. Но и о нем говорили, что мужиками своими правит он чересчур по-старому и считает их не чем иным, как *быдлом*, не имеющим покамест прав на свободу и лучшее обращение. Известные читателю переговоры красных с Земледельческим обществом, незадолго до событий 27 февраля, и постановление комитета общества относительно освобождения крестьян и надела их землей вскоре после этого дня еще более охладили к помещикам город, и без того уже соединившийся в чувствах своих с красными, то есть с противоположным элементом. Повредило им также в мнении толпы требование войск у правительства утром 27 февраля. Сколько ни хлопотал потом граф Андрей, граф Фома Потоцкий и прочие той же масти люди, чтобы восстановить свою популярность в массе, сколько ни делали глупостей и ребячеств, никто их не замечал, или замечал очень немного: павшая тень продолжала лежать и лежала вплоть до закрытия Земледельческого общества.

Тут вдруг об нем заговорили все до единого, как бы о павшем герое, полном сил и надежд, которого унесла за Коцит какая-нибудь проклятая бомба. Все заговорили о Земледельческом обществе. Граф Андрей стал опять популярен.

Красные не дремали. Еще бы они упустили такую драгоценную минуту для манифестации! На что же у них Новиковские, Шаховские, Франковские! Куда бы они годились, все эти забубенные ребята, если б не сумели чего-нибудь устроить, «для поднятия народного духа», по поводу такого крупного факта!

В ту же ночь, с 6 на 7 апреля н. ст, обдуманы «артистами» главные подробности манифестации, которой мотивом, заглавием, должны быть «поминки по умершему Земледельческому обществу и поднесение председателю оногo, графу Андрею Замоискому, столько в нем подвизавшемуся на пользу общую, колоссального венка бессмертия».

Хотя никаких объявлений об этой манифестации не было, но об ней так много говорили везде, что полиции ничего не значило получить самые точные обо всем сведения и предотвратить беспорядок. Однако ж этого не сделано. Что касается до новых начальников отделов — из них никто и не пошевелился принять какие-либо меры, хотя бы просто-напросто переговорить с князем Горчаковым и убедить его отдать нужные приказы. Все знали все и приготовились смотреть на спектакль.

Манифестация состоялась в таком виде. Утром 7 апреля н. ст. вышли две процессии из костелов: Капуцинского, что на Медовой, и Бернардинского, на Краковском предместье. Бернардинской процессией управлял Новаковский, неся в руках крест, о котором говорили в народе, что это «тот самый, *сломанный 27 февраля*». Обе процессии потянулись на Повонзки, где незадолго перед тем красная партия собрала довольно много народу у могилы пяти жертв. Могилу эту украсили цветами и различными эмблемами с Польским орлом, пели народные — гимны и потом, всей массой, отправились обратно, в город, неся в руках цветы и ветви.

Близ 4-го часа вся эта масса, увеличенная приставшими к ней в городе толпами, очутилась перед домом Кредитного общества на Ериванской улице, где было бюро Земледельческого общества (в наместниковском палаце оно только заседало). Всего народу сначала было, может статься, тысяч десять, но вскоре набралось еще столько же из разных улиц, преимущественно, как говорили, из Маршалковской. Эти новые принесли с собой также цветы и ветви и, кроме того, огромный венок с надписью: *Земледельческому обществу*. Дом Кредитного общества покрылся в некоторых местах цветами и гирляндами. Нашего орла занавесили черным крепом, а рядом с ним торжественно воздвигли белого Польского орла и образ Ченстоховской Божьей Матери, при громких криках «ура! виват!» и т. п., и пении гимна. В заключение грянула: *«Jeszcze Polska nie zginęła!»*

Словом, опять стали твориться чудеса, вроде февральских, и правительство, нисколько не научившись тогдашним горьким опытом, действовало опять точно так же, как в те минуты: массам не только дали свободно собраться и возрасти тысяч до

двадцати с лишком, но и допустили их делать несколько часов кряду, что им угодно.

Князь Горчаков послал на место сборища генерал-губернатора Панютина уже тогда, когда массы народа покрывали решительно всю площадь перед домом Кредитного общества, часть Ериванской, Мазовецкой и Королевской улиц¹.

Панютин пользовался большой симпатией в городе: Горчакову вообразилось, что вследствие этого толпа его послушает и разойдется.

Панютин прибыл на место с казаком и легко пробрался к самому дому Кредитного общества; но казака его не пустили, говоря, что «пану генералу не нужен эскорт, потому что его все любят и ничего ему не сделают: да здравствует генерал!»

Такое начало, шуточный, фамильярный прием не предвещали ничего доброго. Можно было заранее предсказать власти, с которой так обходилась толпа, неизбежное фиаско в переговорах.

Очутившись перед домом Кредитного общества, где творились главные чудеса и где были все коноводы затеи, Панютин спросил мягким голосом: «Что вы тут делаете, дети мои?»

«Творим поминки по умершему Земледельческому обществу», — отвечали ему. «А эти гирлянды?»

«Это заупокойный дар на могилу, по обычаю отцов, от провинций: Мазовша, Волыни, Украины, Подола и Литвы». «А этот орел?»

«Это Польский орел: пришли поляки творить поминки по умершему польскому обществу; стало, тут и нужен наш Замок доложить князю о результатах своих переговоров с народом.

В передних рядах, стоявших у самого балкона, был виден тот громадный венок, о котором сказано выше. Замойский был дома; но, несмотря на сильное удовольствие, которое он чувствовал при оглушительных криках толпы, наполнявшей скромный дворик скромного его палаца², не решился выйти на балкон, а послал секретаря своего Гарбинского³ поблагодарить прибывших за

---

¹ Все это пространство заключает в себя приблизительно до четырех тысяч квадратных сажень.

² Прибыл в Варшаву 3 апреля н. ст. 1861 года.

внимание и принять венок. Но толпа продолжала вызывать самого хозяина. Он вышел...

Когда это происходило, в Замке отдано приказание выдвинуть на площадь войска, приблизительно в том порядке и количестве, как это было 27 февраля.

В Замке со времени начавшихся беспорядков стоял всегда какой-нибудь батальон. Офицеры помещались в тронной зале, где и обедали. Две роты солдат занимали библиотеку и залу над ней¹. Рота располагалась в оранжерее и, наконец, четвертая – по разным комнатам, где случится. Одно время солдаты занимали даже и залу с колоннами, где, как и во всех других, имели для спанья солому.

Такую службу в марте и апреле 1861 года несли поочередно первый и третий батальоны Костромского пехотного полка и один Симбирского.

Когда отдано было приказание занять площадь войсками, генерал Хрулев, в ведении которого состоял первый отдел города с Замком, построил развернутым фронтом, от угла Бернардинского костела к третьим воротам Замка, две роты бывшего тогда на очереди в покоях Замка первого батальона Костромского полка. Роту послал он по Сенаторской улице вследствие слухов, будто бы там начали скопляться массы; но она скоро воротилась; ничего не могли сделать: массы действительно стояли сплошной стеной. Четвертую роту генерал повел лично, Краковским предместьем, к дому Кредитного общества, где манифестация, как говорили, продолжается; но, придя к месту, Хрулев не нашел никого: белый орел был снят. Бродившие кругом небольшие кучи народу сказали генералу, что толпа двинулась к дому графа Замойского, для поднесения ему венка; Хрулев туда, но и там уже никого не было²: массы прошли к Замку и стали против войск. Между простыми обывателями, во всяких

---

¹ Библиотека помещалась в зале между танцевальной с колоннами и церковью.

² Толпа разошлась с Хрулевым таким образом: он шел по Краковскому предместью и потом по Саксонской площади; толпа же в то самое время двигалась по Мазовецкой и Свенто-Кршиской, и были друг другу не видны. К дому Замойского Хрулев прошел тем же путем, как и толпа, то есть улицами Мазовецкой и Свенто-Кршиской.

незатейливых костюмах, виднелось много хорошо одетых. Кое-где мелькали даже и дамы.

Князь Горчаков, давший, как известно, делегатам слово явиться на площади при первом скопище народа, действительно пробрался в толпу, сквозь войска, около Съезда, в пальто и с хлыстиком в руках, и повторил несколько раз: «Rozchodzcie si?! Rozchodzcie si?!» («Расходитесь, расходитесь»). Но ему отвечали из толпы: «Niech ksie idzie do domu, my jestesmy w domu!» («Ступайте вы, князь, домой, мы дома!») Слышались фразы менее церемонные: «Wy o rozchodzcie si?, kapusniaki! Jdz, stary, do domu, bo zimno: kataru dostanesz!», то есть: «Вы расходитесь, капусняки! Шел бы, старый, домой, холодно: насморк схватишь!»

Услыхав такие приветствия, наместник скрылся опять за рядами войск и послал к толпе своего начальника штаба, генерала Коцебу. Он въехал в массу верхом, сопровождаемый еще несколькими генералами и другими военными чинами.

Каждый из них по-своему стал убеждать народ разойтись, но никто не двигался. Местами раздавались восклицания шутливым тоном: «Niech zyje jeneral!» («Да здравствует генерал!») Местами отпускались приветствия вроде тех, какие выслушал князь Горчаков. Иные молодые люди в рядах, ближайших к войскам, стоя от них на расстоянии какого-нибудь шага, а где и вплоть, вступали в разговоры с офицерами, в таком духе: «Скажите на милость, зачем вы тут стоите?» – «Кажется, нам бы следовало спросить у вас об этом, – отвечали офицеры. – Мы бы не пришли, когда бы вас не ждали от Кредитного общества, где вы делали бог знает что». «Да вы уходите, и мы уйдем!» – говорили опять из толпы. «Этого нельзя!» – возражали офицеры. «Ну, и нам нельзя!»

Были шалуны, предлагавшие солдатам сигар, и когда те отказывались брать, говоря, что им запрещено в строю курить, предлагавшие обращались к офицеру: «Ваше благородие! Позвольте бедному солдату покурить!» ...

Зрелище становилось час от часу невыносимее. Нужно было войскам все терпение русского человека и привычку повиноваться власти, чтоб выдержать эти сцены героически спокойно, не ринуться на дерзких и не наказать их. Но, несмотря

на то что солдаты стояли как вкопанные, по их лицам и стиснутым зубам можно было легко угадать, что в них происходило и что вышло бы, если б дать им волю, какие бы клочки полетели к небу от этих угощателей сигарами! И то кое-где слышался глухой, сдержанный ропот вроде начинающей разыгрываться бури.

Несколько белых, находившихся тут же на площади, предвидя печальный исход шутки, пробовали всячески увещевать братьев, чтоб они разошлись. Куда! Толпа поднимала их на смех! Явились более влиятельные делегаты, и они ничего не сделали. Массы стояли не трогаясь ничуть. Насмешки над войском и дерзости продолжались.

Необходимо было положить этому какой-нибудь конец.

Уверяют, что разные высшие чины убеждали князя Горчакова, сидевшего у окна с биноклем в руках, послать Хрулеву приказание: «Действовать оружием, а если нужно, то и стрелять!», и князь отправил с таким приказанием адъютанта своего Мейендорфа, но Хрулев сказал будто бы Мейендорфу: «Я и так справлюсь!» — и, въехав в толпу верхом, он начал с ней переговоры. Толпа будто бы объявила генералу, что «не двинется с места, пока не будут уведены с площади войска». «Ну, хорошо, — сказал Хрулев, — я поворочу налево кругом, смотрите ж, и вы поворачивайте!» Это было обещано, но лишь только войска тронулись, как в толпе раздались хохот и браво. Войскам приказано занять прежние места.

Между тем совершенно стемнело. Задние ряды отведены к Замку и, когда замечено, что толпа тоже стала редеть, уведены и остальные. На площади виднелись только казаки и небольшие кучи разного молодого народу, более всего так называемых лобузов, которые кричали, что не уйдут до тех пор, пока и казаки не будут уведены в Замок. Казаков увели. Тогда кричавшие, построясь в ряды, замаршировали в направлении к Саксонскому саду и всю дорогу распевали:

«Wygrana, wygrana!» («Победа, победа!») Потом бродили по саду, по разным улицам, сбивали с прохожих цилиндрические шляпы (с этих пор началось неистовое преследование цилиндрических шляп). Всю ночь во многих пунктах города слышались восклицания: «Wygrana! wygrana!»

Замок, конечно, не спал. Говорят, наместник сделал выговор Хрулеву за неисполнение его приказа: «Стрелять, или вообще употребить силу оружия». Хрулев будто бы извинял себя особыми инструкциями, полученными им при отъезде из Петербурга: ему казалось необходимым испробовать всевозможные меры переговоров, и они испробованы; толпа, так ли, не так ли, удалась. Конечно, никто не мог поручиться, что она не соберется завтра. А потому большинство находившихся в Замке высших военных чинов советовало наместнику сделать все нужные приготовления к более решительным объяснениям с ней, чем то, что было доселе. Хрулев же и некоторые другие настаивали на том, чтобы выдать назавтра самое точное постановление, *когда* начальствующий войсками может стрелять, или вообще действовать оружием, дабы не оставалось с этой стороны ни малейших недоразумений и никто не мог подвергнуться потом ответственности понапрасну.

Вследствие таких настояний составлены тогда же, ночью, следующие правила, в форме постановления Совета управления:

«По указу его императорско-царского величества и пр. и пр.

Совет управления Царства, взяв во внимание, что повторяющиеся многочисленные сборища нарушают общественное спокойствие и препятствуют свободному развитию учреждений, всемилостивейше Царству дарованных, постановил:

1) всякого рода сборища и какие бы то ни было недозволенные правительством сходки, на улице или общественных путях, воспрещаются;

2) если же произойдет сборище или какая-либо недозволенная правительством сходка, на улице или общественном пути, президент, бургомистр, тминный войт, или правящие их должности, полицейский комиссар, либо иной чиновник, отправляется на место сборища.

Удар в барабан возвещает прибытие чиновника. Чиновник приглашает собравшихся разойтись. Если воззвание это осталось без последствия, чиновник повторяет оное еще два раза, приказывая перед каждым разом ударить в барабан.

Если сбирище не разоидетсѧ и после третѣго воззванїѧ, то должнѧ быть употреблена вооруженная сила¹.

Вооруженная сила может быть употреблена также и после первого или второго воззванїѧ к народу, если б следующее затем воззванїе оказалось почему-либо неудобоисполнимым;

3) каждый, кто, несмотря на сделанное воззванїе, не удалится, будет арестован и послан в одну из крепостей, а потом отдан под суд;

4) кто не удалится после первого воззванїѧ, подвергается аресту от восьми до двадцати дней; кто не удалится после второго барабана, подвергается аресту в исправительном доме от трех до шести месяцев; кто не удалится после третѣго барабана, подвергается аресту от шести месяцев до двух лет.

Если же кто-либо при сем окажет сопротивление вооруженной силе, будет заключен в одну из крепостей Царства от 3 до 5 лет;

5) кто станет подговаривать других к неповиновению или сопротивлению, подвергается вдвое строжайшему наказанїю против того, кто не подговаривал;

6) всякое возбужденїе к сбирищам, воспрещаемым первой статьѣй, устное или посредством письменных либо печатных воззванїй, наклеенных или раздаваемых, наказывается арестом в исправительном доме, от 6 месяцев до 2 лет. Такому же аресту подвергается автор письменного воззванїѧ, литографїи или печатного листка. Разносящїй, а равно и приклеивающїй таковыя воззванїѧ подвергается аресту от 8 до 20 дней;

7) если бы во время скопищ были учинены какїе-либо преступленїѧ, таковыя будут судимы по законам отдельно;

8) в случае часто повторяющихся сбирищ или других беспорядков в какой-либо мѣстности виновные в таковых будут заключаемы в крепость для произведенїѧ над ними надлежащих судебных следствїй;

---

¹ Хрулев, как говорят, советовал поставить в этом мѣсте слова «будут стрѣлять», но Горчаков и некоторые из ближайших к нему лиц были за первую фразу, и она осталась без измененїѧ. Несколько позже, именно 29 іюня ст. ст. 1861 года, Хрулев подал новому намѣстнику Сухозанету записку о том же, но ее тоже не приняли.

9) исполнение настоящего постановления, имеющего войти в Дневник законов, поручается главным директорам, председательствующим в Комиссиях внутренних дел и юстиции»¹.

Кроме того, написано краткое воззвание к народу и передано полицейскому офицеру Ойжинскому, состоявшему на службе при Замке более 30 лет. Генерал Хрулев, который жил тогда в Замке, около гауптвахты, призвал к себе Ойжинского в ту же ночь, с 7 на 8 апреля н. ст., и дал ему устные инструкции, как вести себя завтра, если толпы соберутся, как выйти из Замка, на каком расстоянии стать от народа, что говорить².

С самого раннего утра, 8 апреля, полиция спешила распространить постановление Совета управления о сборищах. Его наклеивали на всех видных местах города и раздавали прохожим в руки, но мало кто обращал на него внимание. Город, можно сказать, был пьян от вчерашней победы. У всех в уме и на языке были гирлянды, Польский орел и поворачивающиеся налево кругом войска.

Остаток ночных ватаг бродил по улицам прежде, чем какое-либо оглашение стало известно. Дабы эти кучи как-нибудь не разошлись, коноводы манифестационной партии, собиравшиеся во что бы то ни стало устроить повторение вчерашнего спектакля, направили их на Повонзки с погребальной процессией: в тот день хоронили воротившегося из Сибири помещика Ксаверия Стобницкого³. При беспорядочном и праздном настроении города к этой процессии пристало сейчас множество всякого народа, бросившего обыкновенные свои занятия и неопределенно шатавшегося по улицам. Когда погребение окончилось, вся толпа зашла, как водится, на могилу пяти жертв.

В то же самое время еврейская молодежь, руководимая своими наставниками, находившимися в постоянных сношениях с вождями польской красной партии, отправилась в значительном числе на свое кладбище, так называемый *керкут*, почтить память бывшего директора школы раввинов Эйзенбаума, который проповедовал соединение всех племен и

¹ Wiadomości r kraju, z lat 1861 – 1862. Lipsk, 1863. S. 9.

² АвейдеП, 39–40.

³ Wiadomości r kraju, z lat 1861 – 1862. Lipsk, 1863. S. 9.

предсказал евреям *слитие с поляками, запечатленное кровью*. Иные евреи считают его пророком.

Керкут находится недалеко от Повонзков: толпы молившихся там и там увидали друг друга, и произошло соединение при слезах и клятвах в братской любви и готовности на всякие жертвы .

После того вся масса жидов и поляков двинулась в город и стала слоняться по улицам, однако манифестации никакой не выходило.

Так прошло утро. Новаковский с приятелями, видя, что дело как бы разлаживается, толпы начинают явно скучать бессмысленным блужданием по городу и мало-помалу редеют, полиция их не трогает, стало не раздражает и не располагает к сопротивлению, – придумали собрать все, что еще не разошлось, у статуи Богоматери на Краковском предместье и начать молиться. Не выйдет ли чего из этого? Не пошлет ли им польский бог чего-либо вдруг на выручку?

Когда подошедшие к статуе ратники Новаковского (конечно, поляки, без жидов) пали на колени и запели, что в подобных случаях тогда певалось, показала от почты (которая оттуда в полутораэта с небольшим шагах) почтовая карета, ехавшая в Люблин. Польские почтари, правящие лошадьми, обыкновенно, трогаясь с места, играют что-нибудь на своем медном рожке, какой-нибудь краковяк, мазурку. Почтарь упомянутой кареты, по своему или чужому вдохновению, вздумал дернуть: «Jeszcze Polska nie zginela!»

Едва карета поравнялась с молящимися у статуи, как все, что там было, ринулось к ней, крича «ура!», и проводило ее до Съезда, где с утра стояли в том же порядке войска: эскадрон жандармов, сотня кубанских казаков, 1-я и 2-я стрелковые роты Симбирского, 10-я, 11-я, 12-я линейные Костромского полков.

Толпы, дойдя до войска, остановились в некотором расстоянии, как накануне, и не трогались с места. К ним стал присоединяться народ из разных ближайших улиц. К 5,5 часам масса собравшихся таким образом людей заняла всю Замковую площадь, но стояла в совершенном безмолвии. Хорошо одетых было не так много. Местами замечались мрачные личности в нетрезвом виде. Дам было очень мало.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Полицейский офицер Ойжинский получил приказание выйти к толпе с двумя барабанщиками и одним офицером какого-то из полков, стоявших в Замке. Приблизясь на такое расстояние, чтобы стоявшие перед ним могли хорошо слышать его слова, он велел ударить в барабан...

Толпа отвечала на это смехом, свистками и ругательствами. Многие грозились палками. Одна баба дошла до такого бесстыдства, что обернулась к войскам задом и подняла подол. Это было повторено ею три раза, при громком смехе и одобрительных жестах народа¹.

Через десять минут ударил второй барабан, и Ойжинский снова повторил толпе вышеприведенные слова. Результат был тот же: смех, свистки и угрожающее махание палками. Наконец ударил третий барабан, и Ойжинский в третий раз приглашал толпу разойтись, но также без всяких последствий.

Тогда он был отозван в Замок, и приказано полуэскадрону жандармов двинуться вперед рысью, действуя на толпу натиском лошадей.

Толпа частью отхлынула к тротуарам, частью вошла в улицы: Подвальную и Сенаторскую.

Жандармы остановились, разделенные от народа водосточными канавами. Иные из стоявших на тротуарах молодых людей махали перед глазами лошадей палками: лошади пугались, пятились, подымались на дыбы. Были и такие смельчаки, которые схватывали лошадей за поводья и, сильно рванув вниз, осаживали на колени, что возбуждало хохот и насмешки окружающих. Так прошло около получаса. Толпы между тем, видимо, прибывали со всех сторон. Скоро Краковское предместье, Подвальная, Сенаторская и Свенто-Янская улицы зачернели колышущимися массами. В Подвальной улице начали строить баррикаду из дружек.

Конечно, нельзя было оставлять дела в таком положении. Генерал Хрулев приказал жандармам обнажить сабли и атаковать народ, стараясь, однако, наносить удары плашмя.

Первый жандармский взвод, стоявший перед Сенаторской и Подвальной улицами, произвел четыре атаки,

---

¹ Рассказано в официальных документах; ходили и частные слухи.

а второй, стоявший вдоль тротуара, от Зигмунтовой колонны до Резлерова дома, на Краковском предместье, — две атаки, но почти без всякой пользы. Народ, разбежавшийся в начале атак, совокупился после них в улицах опять и стал бросать в жандармов и войска вырытыми из мостовой камнями, причем сильно ушиблено два офицера и девять рядовых. Немного позже ранено еще около 36 рядовых.

Тогда генерал Хрулев отвел жандармов в резерв, а на место их выдвинул вперед 10-ю линейную роту Костромского полка и 1-ю стрелковую Симбирского и приказал им зарядить ружья. Когда это было исполнено, офицеры подошли к толпе и еще раз пробовали убедить ее разойтись, говоря, что «с ней не шутят, что ружья заряжены боевыми патронами»; но все увещания их были напрасны.

Приказано испытать действие прикладами: толпы двинулись и кое-где даже очистили улицы совсем; но едва солдаты воротились на свои места, народ снова показался на прежних пунктах с теми же нахальными криками и бросанием камней.

После этого Хрулев подъехал к окну, у которого сидел наместник, и сказал: «Я велю стрелять!»

Горчаков кивнул головой...

Тогда были выведены вперед головные полувзводы от 1-й стрелковой роты Симбирского полка — против Подвальной улицы и от 10-й линейной Костромского — против Краковского предместья и дали по залпу.

Толпы бросились в боковые переулки и по дворам домов, но потом явились опять, осыпая войска ругательствами и спеша подобрать убитых и раненых.

Приказано выдвинуть вперед 12-ю роту Костромского полка — против Сенаторской улицы и 11-ю того же полка — против Пивной и Сvento-Янской.

Едва только они стали на места и зарядили ружья, как со стороны Бернардинского костела послышалось пение и показалась особая густая толпа, в виде процессии, предводительствуемая рослым человеком с крестом в руке: это был Новиковский. Наступила всеобщая тишина. Пение разливалось в воздухе очень явственно. «Сущие гугеноты!» — сказал кто-то подле Горчакова. Он отвечал: «Да!»

Гугеноты эти двигались в направлении к Замку, ближе и ближе. Новаковский выводил торжественно: «Святой Боже, святой крепкий...» Хрулев смотрел-смотрел на эту сцену и приказал солдатам схватить человека с крестом и препроводить в Замок.

Несколько солдат отделилось от передних рядов в ту же минуту. Новаковский, сообразив опасность, стал отчаянно защищаться крестом и весь его обломал об ружья¹; наконец взят пятерыми солдатами и отнесен на руках в Замок², так как идти не хотел, откуда отправлен в Новогеоргиевскую крепость. Во все время, когда его несли солдаты, он сильно барахтался, мотал головой и пел: «Святой Боже, святой крепкий».

Процессия, потеряв вождя, остановилась. Часть народу смешалась с толпами, находившимися прежде на Краковском предместье, а часть перебралась через проходной дом Резлера на Сенаторскую и Подвальную и там запела гимны, пав на колени.

Испытав против всех этих сборищ всякие меры увещаний на словах, генерал Хрулев приказал войскам вторично открыть огонь.

Головные полувзводы 1-й стрелковой роты Симбирского и 10-й линейной Костромского полка дали каждый по два залпа вдоль Краковского предместья и Подвальной улицы; а полувзвод выдвинутой позже 12-й линейной Костромского полка дал, последовательно через каждые четверть часа, пять залпов вдоль Сенаторской улицы.

Потом пущено несколько выстрелов 2-й стрелковой ротой Симбирского полка по улице Мариенштату, что направо от Съезда, где собралась куча жидов и страшно шумела.

---

¹ Можно заметить, что на этот раз, когда крест был действительно сломан, ничего из этого не сочинили, может быть, потому что это было бы излишним повторением или минута была не такая.

² Рассказывают, будто бы Новаковский, сдаваясь, передал крест какому-то молодому человеку, который держал его над головой до тех пор, пока не был пронзен казацкой пикой. Для большего эффекта прибавляется, что этот молодой человек был еврей (Авейде, II, 39). Но о действии казаков пиками не говорится ничего в наших официальных документах.

Наконец 11-я рота Костромского полка дала залп по Пивной улице. Это были последние выстрелы. По Свенто-Янской не стреляли вовсе¹.

Генерал Хрулев, по приблизительном соображении числа убитых (двести человек с лишком), которых тут же собрали и снесли на замковый двор солдаты, явился к наместнику от-дать отчет в своих действиях и когда доложил ему, что «зарядов выпущено такими-то ротами столько-то, пало столько-то», князь Горчаков, по свойственному ему обыкновению уклоняться в решительные минуты от всего, что может вызвать неприятные последствия, пробормотал своим неразборчивым способом объясняться: «А разве стреляли не холостыми зарядами – кто приказал?»

Хрулев, вспыхнув, сказал резко: «Нет, ваше сиятельство, теперь вам отказываться и вилить поздно. Я могу сослаться на многих, здесь присутствующих... Притом стрелять в такие минуты холостыми зарядами могут разве только дети!»

Горчаков не отвечал ни слова.

Эта сцена необыкновенно хорошо его рисует. Таков он был во всем: приказывающий и отменяющий, приказывающий и забывающий приказание, умышленно или неумышленно, бог его ведает...

Спустя несколько минут Хрулев сказал все еще тем же взволнованным голосом: «Надо бы подать сигнал к тревоге: это бы окончательно успокоило город».

Едва ли бы слышать варшавянам эту тревогу, если б о ней напомнили Горчакову при другой обстановке. А тут он был разбит и сконфужен. Из глаз Хрулева летели искры, и губы его тряслись, когда он говорил. Плохо разглядывавший все на свете, князь Горчаков разглядел на тот раз душевное состояние Хрулева как следует. Знал он притом, по Севастополю, с кем имеет дело.

«Что ж, велите подать сигнал!» – проговорил он робко.

---

¹ Вот сколько всего выпущено в тот день пуль:

1-я стрелковая рота Симбирского полка – 93 (два залпа); 2-я стрелковая рота Симбирского полка – 18 (один залп); 10-я линейная Костромского полка – 188 (два залпа); 11-я линейная Костромского полка – 35 (один залп); 12-я линейная Костромского полка – 150 (пять залпов). Итого: 484 пули.

(«Дела начальника 1-го военного отдела города Варшавы с марта по август 1861 года».)

Шесть пушечных выстрелов грянули с Владимирского форта Цитадели, и звук их потряс замерший и как бы притаившийся в глубокой тишине город. Потом взвилось над Замком 12 ракет, и заурчало, и зашипело в воздухе.

Это был знак, по которому войска должны были занять заранее указанные им пункты.

Все эти дни войска находились в постоянной готовности, смотрели на Замок, прислушивались и ждали, точно какого спасения, этих шести выстрелов и двенадцати ракет.

Едва только определилось для них, что прогремевшие выстрелы – давно ожидаемая тревога, все понеслось как ураган.

Жандармский эскадрон, стоявший в Лазенках (4 версты от Замка) явился на Замковую площадь через четверть часа после первой ракеты.

Батальон Олонецкого пехотного полка, находившийся в наместниковском дворце, стал на Саксонскую площадь прежде, чем кончились сигналы.

С той же невероятной быстротой явились на указанные им места и другие части войск, нигде не спутавшись.

Кто-то распорядился при этом осветить улицы усиленными огнями, пустив газовые рожки так, как еще никогда не пускали. Эффект несущейся во весь опор кавалерии, при блеске этих волшебных, невиданных огней, был самый необыкновенный. По замечанию очевидцев, многие из прохожих дрожали дрожкой. Все замерло в городе, как в гробу.

Ту же минуту отделены от собравшихся на разные пункты войск патрули и разосланы по улицам. Сверх того наряжены особые команды для разыскивания по домам, лавкам и монастырям раненых и убитых. Эти команды нашли в доме графа Андрея Замойского пять трупов, краментак, в кондитерской Белли, в доме Резлера и других. Жители выдавали их не споря. Везде виден был страх и готовность к повиновению.

Забавна и плачевна была в тот день роль Велепольского. Он явился на Замковой площади в карете с намерением, как говорили, пробраться в Замок и просить наместника о прекращении стрельбы; но толпа, увидя его, подняла такие угрожающие крики, что он, во избежание опасности, попал под защиту русских штыков. Карета министра, не доехавшая до

Замка, была, по чьему-то распоряжению, окружена ротой Костромского полка до самой глубокой ночи, покамест город не пришел в совершенное спокойствие.

Этот факт ярко показывал будущему защитнику отечественных интересов, что если ему угодно их защищать при тех условиях, в каких все находилось, то он будет защищать их не иначе, как под охраной русских штыков.

И нам таинственный перст показывал этим самым фактом нашу ошибку. Но мы тогда ровно ничего не видели.

Войска, разложив костры, бивакировали на занятых ими пунктах, именно: на Замковой, Саксонской, Красинской и Александровской площадях; на площади в Наливках и у банка, где позже разбили палатки.

Кроме того, две роты расположены в саду наместниковского дворца, где жил с 28 марта н. ст. Велепольский; одна – во дворе Брюлевского дворца и две – в театре¹.

Первая ночь прошла, однако, для войск, занявших площади, в тревоге: красные агитаторы старались распространять по городу разные фальшивые слухи. Вдруг прибежал к иному отрядному начальнику солдат: «Ваше высокоблагородие! Поляки строят на Старом Месте баррикаду!.. Ваше высокоблагородие! Открыт склад оружия... пороху!..»

Начальники посылали справляться: нигде ничего не оказывалось.

Наконец утро, которое, как известно, мудренее вечера, озарило тихие улицы совсем другой Варшавы, чем она была накануне, – и все грезы, может быть, и тревожившие немного иных храбрых воинов, не слишком знакомых с Польшей и вообще с славянскими массами, разлетелись.

Минута была хорошая: можно было, действуя последовательно и энергично, мерами, а не полумерами, в самое короткое время окончательно восстановить порядок. Обстоятельства

---

¹ Эти две последние роты поставлены в театре немного раньше, после того как лобузы Козубского и Ячевского дали кошачий концерт директору театра Абрамовичу, когда-то обер-полицеймейстеру Варшавы, которого никто в городе не любил. О нем сохранился, между прочим, такой анекдот – призвав провинившегося, он будто бы начинал свои беседы с ним так: «Знаешь азбуку: А – Abramowicz; В – baty (розги); С – Cytadela; стало – запирайтесь нечего». Войска заняли только Малый театр (Rosmaitosci).

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

нам, видимо, помогали. Вызывая против себя решительные распоряжения правительства, столкновение войск с «безоружными» гражданами, манифестаторы надеялись умножить число наших врагов между жителями, между различными партиями; но вышло не то: чувство страха, сознание правительственной силы образумило очень многих, переделало кучи красных в белых, показало городу, что ребята идут не туда, куда следует, что держаться их опасно и бестолково, помогать им – еще более; это значило накликать на всех новую грозу. Многие из влиятельных коноводов красной и средней партий, как, например, Маевский и Юргенс, просто-напросто потеряли почву. Им не хотелось оставить своих, кому они, собственно, принадлежали душой и телом; но не хотелось также и делить с ними опасные дурачества, и вот они перебегали из лагеря в лагерь, не зная, где и на чем остановиться, где то дело, которое надо делать. Будь в это время у правительства в руках знамя; изменись хотя немного тот же Велепольский, уступи свои старошляхетские предрассудки, стань само правительство несколько не тем, чем оно было, перестань писать, а начни делать – победа явилась бы на нашей стороне очень скоро.

Но знамени для сбора нужных нам дружин под руками варшавских властей тогда не случилось; Велепольский измениться не умел и не мог; правительство только писало, а потому в самом непродолжительном времени все очутилось на прежних местах. Лошади, тронувшие было дружно и как следует варшавский правительственный экипаж, опять заступили в построения. Город увидел, что бояться нечего, что войска и пушки точно стоят на площадях, но все прочее осталось, как было. Опущенные головы красных приподнялись, и усы закрутились.

Велепольский принялся решать заданную ему задачу, что значило в ту минуту, при известных читателю условиях, толочь воду.

Власть его случайно усилилась. Подписавший незадолго перед тем ночное постановление Совета управления, главный директор Комиссии юстиции Воловский, возмущившись стрельбой, подал в отставку¹. Место его предложено занять Велепольскому.

---

¹ Вскоре затем он был уличен в политической переписке с братом, находившимся в Париже, сослан на жительство в Россию и там умер. Он был собственно обер-прокурором IX департамента Правительства Сената, правил должность главного директора Комиссии юстиции всего пять дней, по увольнении г. Држевецкого. (См. «Варшавский Курьер». 1861. С. 88.)

10 апреля н. ст. к нему явились чиновники Комиссии юстиции.

Выйдя к ним с обыкновенной бумажкой в руках, Велепольский произнес: «Господа!

Спасенный, к сожалению, в кровавой схватке и покрытый броней новых учреждений, общественный порядок хочу я ныне передать в ваши руки. Вашим делом будет уже позаботиться о сбережении в невозмутимой тишине и спокойствии этого сокровища, для всех нас равно драгоценного. Общественный порядок не выпрашивается со дня на день как милостыня: он должен опираться на себя сам, стоять неколебимо, быть во всякую минуту силен самим собой.

Если же порядок живет из милости на хлебах у самоволия, легкомыслия и крамол, тогда все гибнет в народе, иссякает источник энергии в гражданах, исчезает независимость мнений, умирает свобода мысли.

Вследствие высочайше даруемых нам учреждений нас ожидают важные труды: по причине упразднения Кодификационной комиссии, мы, а никто другой, должны заняться преобразованием и улучшением законодательства. В особенности предстоит много изменений в кодексе уголовном. Новые постановления о сборищах заключают в себе уже то улучшение, что присуждаемые ими наказания приводятся в исполнение здесь, в Польше, а не в ином каком-либо месте.

Трудов этих, во всем их объеме, я не могу разделять с вами до конца: меня призывают к себе обязанности по другой части, для которой звеном соединения с вашей есть общее стремление образовать юридический факультет. Может быть, однако ж, я буду в силах во время нашего товарищества рассмотреть проекты и все приготовленное к улучшению законодательства и оное пополнить. Рассчитываю при этом на вашу помощь и опытность судей, прокуроров и адвокатов, которых знание и способности я имел уже случай заметить. Все же дело будет закончено моим прочным преемником, который, надеюсь, между вами.

Жизнь моя в руке божией. Но если б я при вашей помощи достиг хоть только того, чтобы, опираясь на преобразованные законы и права, укрепил бы и обеспечил общественный

порядок, это первое условие всякого народного преуспевания на законодательном пути, я бы, смею думать, оставил по себе моим детям добрую память».

Затем Велепольский стал требовать у правительства сколь возможно скорейшего осуществления всех этих беспрестанно повторяемых обещаний, хоть чего-нибудь в подтверждение слов, им и другими то и дело произносимых. Но ничего не являлось. Прошел апрель, наступил май (по н. ст.) – реформ все не было. О них по-прежнему только говорили. В особенности странны были препирательства об этом варшавских властей с Часом и другими заграничными польскими органами¹. Наместник постоянно твердил о предстоящих выборах в городские и прочие советы и ждал от этой меры чудес, но выборы эти были еще далеко.

Конечно, в массе частных тогдашних распоряжений князь Горчаков виноват больше, чем кто-нибудь. Он прямо не годился для того места, которое занимал. Но в общем он и его помощники имеют несомненную долю извинения в той нерешительности и бесхарактерности, с какими велось тогда польское дело в Петербурге, откуда подавали Варшаве камертон.

Таким образом, все белое и часть красных, готовых нам служить, видя непонятную мешкотность высших властей, как бы род недоверия к тому, что сами же они избрали и считали тогда за лучшее, – опять отшатнулись назад и стали строиться в новые ряды: сочинять каких-то мужей доверия (zaufania) с целью положить этим начало народной организации. Это, однако же, у них не клеилось по причине отсутствия действительной энергии. Господа Маевские, стоя одной ногой здесь, а другой там, мало им помогали. Велепольский мог бы все это окончательно разбить и расстроить, даже тот Велепольский, каким он был в то время (обещающий и пока еще ничего не осуществивший из обещанного), сойдись он только искренно с Замойским и его сторонниками. Но тут-то и воздвигались непереступаемым порогом, истинной Китайской стеной, те вековые польские предрассудки, та шляхетская гордыня и склонность иметь непременно свою партию, чего было так много

---

¹ «Варшавский Курьер». 1861. № 121.

у того и у этого. На другой, не польский, лад перестроиться в этом отношении, хотя на миг, хотя бы временно, оба они не могли – не хватало сил.

Велепольский сидел у себя в наместниковском дворце, а потом с весны в Бельведерском и ждал визита от Замойского, считая себя такой силой, которой рано или поздно должно уступить и поклониться все. Говорят, будто бы он даже сказал об эту пору, полушутя-полусерьезно: «Я слишком толст, чтобы броситься в объятие к Замойскому: он потоньше!»

Замойский же, со своей стороны, чувствовал в жилах страшный холод, и вся внутренность его содрогалась при мысли, что он делает к Велепольскому первый шаг без всякого решительного движения оттуда. Сверх врожденных, так сказать, понятий о своем противнике и обо всем роде Велепольских, понятий, всосанных с материнским молоком; сверх природного нерасположения, которого не в силах был одолеть; сверх глубочайшего убеждения, что он как аристократ выше и значительнее, граф Андрей считал себя хозяином в Варшаве, а может, и в целом крае, тогда как тот был гость, недавно к ним прибывший и мало кому хорошо известный¹. Стало быть, оставляя все прочее (если только можно было это оставить), Велепольскому уже как гостю предстоял первый визит по всем человеческим правилам.

И граф ждал этого визита. И загорись тогда вселенная, если б ему сказали: «Тронься только первый к Велепольскому, и пожар потухнет!», – еще бог весть, встал ли бы он со своих покойных кресел и потушил ли бы пожар таким образом; скорее нашли бы его пепел на тех креслах, в которых он так крепко и упрямо сидел, дожидаясь визита противника.

Таково было положение вещей в двух белых лагерях: в маленьком лагере Велепольского (который, разумеется, имел несколько сторонников) и в большем лагере Замойского, когда правительство ожидало, что они вот-вот, не сегодня-завтра, соединятся.

В первой половине мая по н. ст. случилось незначительное происшествие, которое еще прибавило препятствий.

---

¹ Рассказ полицейского офицера, который командовал тогда кучкой полицейантов, посланных унять шалунов.

Велепольский, приезжая из Бельведерского дворца работать в Казимировский, в ту квартиру, которую занимает теперь попечитель Варшавского учебного округа, вздумал отгородить для своих прогулок часть сада, находящегося при этой квартире и других зданиях, рядом стоящих. Этим садом располагали до тех пор вполне воспитанники Главной школы, Реальной гимназии и Художественного класса, заведений, которые помещались в разных корпусах Казимировского дворца.

Как только ребята заметили какие-то работы в своих владениях, сейчас же собрались в кучу и давай кричать: «Что это! Вторгаться насильственно в наш сад!..» И с этими словами бросились на рабочих, разогнали их, а заготовленные материалы: кирпич, известку и прочее – опрокинули под гору в пруд и подушили там рыбу.

Полиция, призванная восстановить порядок, вела себя двусмысленно: ссылаясь на недостаток сил, залегла просто-напросто в траве и спокойно смотрела на картину побоища.

Велепольский повел против мальчиков процесс. Испуганные родители поспешили поставить решетку, которая и стоит до сих пор. Но Велепольский уже не заглядывал более в Казимировский дворец, живя то в Бельведерском, то в наместниковском палаце. С 18 мая н. ст. он окончательно поселился в последнем.

Толкам и шуму об этой истории с решеткой не было конца. Само собой разумеется, что враждебных министру элементов через это прибавилось еще. Родители студентов, а за ними их знакомые и друзья, возмущались тем, что он думает будто бы упечь детей в Сибирь (такие были крики и опасения). Чиновники жаловались, что главный директор юстиции будто бы призывает их поминутно и деспотически внушает им, как должно смотреть на вверенное им дело. Иные до сей поры не могут говорить спокойно о своих беседах с министром по этому поводу. Что до студентов – эти просто кипели как котел.

Чтоб успокоить немного умы и сделать что-нибудь приятное для низших слоев населения, не забывая, однако же, и о высшем слое, правительство огласило 22 мая н. ст. указ «Об уничтожении барщины (панщины)», но только не сейчас, а с

1 октября, то есть по уборке хлебов еще на том же крепостном положении, на каком они посеяны.

Такая мера, которой хотели задобрить два противоположных сословия вдруг, поймать одной собакой двух зайцев — не поймала ни одного. Выданное тогда же постановление об увеличении чинша, дабы вознаградить чем-либо помещиков, терявших даровые крестьянские силы, было той же ловлей двух зайцев одной собакой и еще более усиливало затруднения.

Разумеется, в другое время все бы это уладилось и ввелось очень спокойно, все неясное разъяснилось бы само собой, и никакого чрезмерного ропоту бы не было; но тогда все струны были чересчур натянуты и надлежало ударять по клавишам осторожно и верно.

Не дремавшая красная партия ту же минуту отправила внутрь края расторопных агентов, чтобы они объяснили крестьянам коварство и фальшивые свойства русских властей, и а помещиков убедили уступить хлопку излишек изобретенного их общим врагом чинша, ограничься пока, для пользы начатых дел, старым размером экономического оброка, освященного временем.

Агенты эти работали сильно и не без успеха. Многие помещики отказались от нового чинша. Для восстановления возможного порядка с этой стороны наместник счел необходимым издать отдельное истолкование указа 22 мая, а равно и нового постановления о чинше «и отправил с этим во все губернии особых чиновников, которым поручено разъяснить крестьянам все возникшие недоразумения.

Но эти чиновники, принадлежа уже к той революционной организации, которая мало-помалу строилась в Варшаве и крае, вели себя так, как будто бы были посланы не правительством, а заговорщиками: они нисколько не успокоили народ, а вооружали его против нас еще более, толкуя, что «все кончится увеличенным чиншем, а свободы не будет никакой; что паны к октябрю все это переделают».

Мы уже начинали иметь дело с заговором. По Варшаве между тем была пущена картинка, изображавшая Фарисея, который показывает Христу чиншевую монету. Картинка

эта, отпечатанная в литографии Дзвонковского, продавалась во всех эстампных магазинах открыто, по два злота за штуку.

Кроме того, ходили по городу стихи Сырокомли «на закрытие Земледельческого общества». В тогдашнем хаосе и колебании партий и этот поэт, демократ по крови и убеждениям, становился вдруг ратником тех, к кому никогда не лежала его душа; а в заключение пьесы, озаглавленной его талантом, потому легко и жадно читавшейся, уже намекал на близость решительных встреч с оружием в руках. Он говорил, что, разогнав земледельцев, правительство как бы само напоминало полякам, что пришло время «перековать железные сохи и плуги на мечи».

Вследствие нового предписания обер-полицеймейстера «не ходить по улицам после 10 часов вечера без зажженного фонаря», явились фонари-монстры, на длинных шестах, с разными карикатурными изображениями. Это повело к такому множеству арестов, что не знали, куда девать арестованных.

А Велепольский повторял и повторял: «Дайте мне только в руки реформы, откройте выборы, и все это безобразие прекратится. Те, кто не идет к нам теперь, тогда бросятся стремглав. Немного погода дадите больше!»

Князь Горчаков, без того слабый здоровьем, смотря теперь на все, вокруг него происходившее, на разгоравшийся пожар, которого как бы умышленно не давали ему тушить, — занемог не на шутку, сделался до крайности подозрителен, недоверчив, так что не было никакой возможности говорить с ним о самых обыкновенных, нисколько не раздражающих предметах: он сейчас выходил из себя. Между тем разыгрывал роль здорового, всячески бодрился и не хотел слышать ни о каком успокоении.

Один из близких к нему генералов (если не сказать, самый близкий), с кем он провел душа в душу последние 7–8 лет; человек, имевший к нему доступ во всякое время дня и ночи, может быть, единственный из плебеев, которого князь не смел третировать аристократически свысока; человек, без которого наместник еще недавно не решал ни одного важного вопроса, — видя упadaющие с минуты на минуту силы бывшего своего друга и понимая хорошо, что край не может оставаться

с таким правителем, счел своей гражданской обязанностью написать обо всем в Петербург, выразив мысль, что «все-де у них в Варшаве старо и ветхо, и люди, и система управления: все требует смены; события надвигаются тучей и грозят катастрофой».

Но дабы это письмо не походило на донос, написавший заблагорассудил показать его перед отправлением Горчакову. Горчаков прочел, по-видимому, совершенно спокойно, даже поправил одну ошибку против языка (письмо было по-русски) и сказал: «Пошлите, я ничего не имею против этого».

На самом деле было не так: он относился к этому факту не настолько спокойно, как хотел показать. Тот же курьер повез от него к тому же самому лицу письмо, где стояла между прочим такая фраза: «Видите, посреди каких интриг я должен действовать!»

Так письмо, написанное бывшим другом князя, может быть, в самых чистых намерениях, принято за интригу, которой исходной целью было будто бы, устранив Горчакова, сесть на его место. Так это утвердилось в умах очень многих людей; так говорили и до сих пор говорят в Варшаве.

История кончилась тем, что лицу, написавшему письмо, прислан одиннадцатимесячный отпуск в Россию и за границу, что равнялось, конечно, увольнению от службы, а князю Горчакову – совет: поправить свое здоровье поездкой на воды; даже, говорят, он получил формальный трехмесячный отпуск и стал собираться в Эмс, но все-таки твердил, что «едет только на месяц, а через месяц будет назад и откроет выборы».

Вдруг болезнь уложила его в постель, и он уже не вставал. 27 мая н. ст. ему стало так дурно, что из Петербурга пришло предписание старшему по нем генералу Мерхелевичу принять на себя исправление обязанностей главноуправляющего гражданскими делами в Царстве Польском.

Генерал Мерхелевич, вступив в эту должность, выдал на другой день, 28 мая н. ст., такое воззвание к народу.

«Жители Варшавы!

По воле монарха я призван к управлению гражданской частью в Царстве Польском, на время болезни его сиятельства князя-наместника.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Извещая об этом жителей Варшавы, надеюсь, что сохранением спокойствия и повиновением властям они дадут мне возможность думать только об их благе.

В случае же возобновления беспорядков и соборищ я исполню с добросовестностью солдата постановления Совета управления от 27 марта (8 апреля), кои при сем оглашаю вновь.

Генерал-адъютант Мерхелевич».

Это воззвание и упомянутые в нем постановления наклеены были в разных местах, по стенам и тогда же кем-то сорваны. Полиция наклеила новые листы, и их скоро сорвали. Более уже не наклеивали, и никто не обращал внимания на этот беспорядок: всех занимала болезнь князя Горчакова, готовившегося перейти в вечность.

Грустно умирал старик, под конец всеми оставленный, при общих криках, будто бы он всему виной, хотя это было не совсем так...

29 мая н. ст., в полдень, потухли последние искры... Тело в течение десяти дней стояло в церкви Лазенковского дворца, а потом, вследствие не раз выраженного покойным желания лежать вместе со своими сподвижниками в Севастополе, отправлено туда с разрешения государя императора.

В 11 часов дня, 8 июня н. ст., катафалк в шесть лошадей, с гербами всех губерний Царства, двинулся к дебаркадеру Варшавско-Венской железной дороги¹.

Жители города спустили в это время в окна шторы. Чиновники, прибывшие на похороны по наряду, шли за гробом только до Нового Света, а потом рассеялись по улицам. Многие из них, следуя в процессии, курили сигары, но было, впрочем, несколько решившихся проводить гроб до конца. Уличная ребятежь освистала их, когда они стали возвращаться домой².

До границы за гробом ехало 40 человек 3-й роты Костромского полка и 6 линейных кубанских казаков. Последние проводили тело до самого Севастополя. Везде по станциям железной дороги находился почетный караул со знаменем.

---

¹ Большие подробности о похоронах князя Горчакова в № 136 «Варшавского Курьера» за 1861 год.

² Дело Л. А. № 1.

Народу собиралось довольно, но без выражения какого-либо чувства, в совершенном безмолвии.

На границе гроб принят австрийским караулом. При следовании тела через Вену назначен был там особый печальный церемониал, на котором присутствовал сам император. Затем гроб свезли на пароход. Похороны в Севастополе происходили 19 июня н. ст.

VII

В тот же самый день (28 мая н. ст. 1861), когда генерал Мерхелевич назначен был главноуправляющим гражданской частью в Царстве Польском (то есть еще при жизни князя Горчакова), назначен и преемник последнему: военный министр Николай Онуфриевич Сухозанет в звании исправляющего должность наместника.

Теперь еще не время описывать подробно обстоятельства, при которых последовало это назначение. Довольно сказать, что оно было весьма временное. Тогда же высматривали на это место человека более соответственных лет, образования и способностей. Так как охотников на шаткий трон правителя Польши между самыми высшими лицами империи было немного или, точнее сказать, не было вовсе, то следовало искать слоем ниже: между молодыми генералами, в известных административных условиях, еще строившими свою карьеру или как-нибудь забытыми.

Внимание государя остановлено было на одном молодом генерале, жившем за границей, графе Карле Карловиче Ламберте.

Фамилия Ламбертов принадлежит к старой французской аристократии. Дед нашего *marechal du camp* Людовика XVI командовал национальной гвардией Парижа. В революцию (1790) он должен был эмигрировать. Дети его, Карл и Иосиф, попали в Россию. Первый вступил в военную службу и был одним из храбрых генералов «вечной памяти двенадцатого года». Умирая в 1843 году, он оставил двоих сыновей, тоже Иосифа и Карла. Оба они пошли по следам отца: стали военными.

Граф Карл был ловкий, умный, с утонченными светскими манерами офицер. Особенной практической стороной его характера было то, что он умел всегда сохранять дружеские отношения со своими школьными товарищами, из которых иные пошли далеко и могли так или иначе влиять на его служебную карьеру.

Говорят, будто первоначальному возвышению графа Карла несколько способствовало следующее обстоятельство.

На всех смотрах войск, за разными отдельными частями: ротой, эскадроном, батальоном и полком – следуют обыкновенно, в церемониальном марше и других эволюциях, унтер-офицеры и офицеры, всегда видный и храбрый народ, – в кавалерии на лучших конях, которые идут в лансадах. Так по крайней мере было в то время. Это по-военному называется: идти, или ехать *в замке*, то есть замыкая известную часть, колонну. На одном из смотров гвардии, такая доля «проехать в Замке» своего полка (лейб-гвардии конного) выпала графу К. К. Ламберту. Он проехал как следует и был вскоре назначен флигель-адъютантом к его величеству (что было тогда уже карьерой). Так, по крайней мере, рассказывают.

В начале пятидесятых годов, будучи генерал-майором свиты его величества, граф Ламберт получил в командование полк, за которым так удачно проехал когда-то в Замке. Полк этот стоял тогда в местечке Мендзыржец Люблинской губернии – отсюда первое знакомство с Польшей.

В 1856 году конно-гвардейцы были потребованы в Москву на время коронации государя императора. Командир их произведен в генерал-лейтенанты, а потом вскоре назначен генерал-адъютантом и переведен в Петербург. Годом позже ему поручили заведование делами комиссии по упразднению южных военных поселений, по окончании занятий которой граф вернулся опять в Северную столицу.

Неловкое падение с дрожжек на Большой Миллионной в 1860 году заставило графа Карла отправиться за границу для поправления своего здоровья. Он жил в Париже и следил без любопытства за беспорядками в крае, несколько ему знакомом. Конечно, ему и во сне не снилось, что он вскоре будет

призван укрощать эти беспорядки как главный начальник. Ему не снилось – его поискала судьба.

Один из школьных друзей графа, стоявший в то время очень высоко, вспомнил о старом товарище, когда стали перебирать имена генералов, более или менее способных занять почти упразднившееся место правителя Польши. Молодость, ум, происхождение, чрезвычайная мягкость и изящество приемов, наконец – некоторое знание Польши были выставлены на вид перед государем. Даже взято во внимание католическое вероисповедание графа: в этом усматривали путь к лучшему сближению с духовенством.

Время летело необыкновенно быстро, события сменялись событиями; из-за польских, маскарадных, детских орлов выглядывали уже другие орлы, совсем не детские и не маскарадные; долго останавливаться над решением столь важного вопроса, как назначение наместника в Польшу, было нельзя. Лучше и соответственнее Ламберта на этот пост, по высшим взглядам, на ту пору никого не было. Его вызвали из Парижа как бы на место генерал-губернатора Варшавы; но в сущности, как думают многие, он был уже тогда наместник; только это хранилось в глубокой тайне.

По особенной игре случая граф Ламберт прибыл из Парижа в Варшаву, на пути в Петербург, в тот самый день (1 июня н. ст.), когда прибыл туда исправляющий должность наместника, военный министр Сухозанет. Судьбе, роковым силам истории угодно было, чтобы временный наместник сейчас же увидел в Варшаве лицо, которым хотели его заменить. Его временность, непродолжительность почувствовались ему еще ярче и резче, что заставило его более обдумывать каждый шаг, быть через меру осторожным и уступчивым, дабы не оставить за короткое время своего управления дурной памяти в крае, тяжелых, – сохрани Господи, – кровавых следов.

Между тем Ламберт в краткое свое пребывание в Варшаве (где прожил только пять дней) старался, насколько позволили обстоятельства, собрать поболее всяких сведений о положении дел в Царстве Польском, причем успел показать кое-кому из высших лиц телеграмму, которой был вызван на место генерал-губернатора; поклонился праху

князя Горчакова, стоявшему в церкви Лазенковского дворца, и тут же сам принял два-три поклона неопределенного свойства (особенно низко поклонился, говорят, хитрый армянин Бебутов); наконец, испросивши себе телеграфической депешей позволение у государя императора, находившегося тогда в Москве, приехать прямо туда, — уехал.

С этой минуты он действует уже сколько через друзей, столько же, или еще и более, сам, пустив в ход все свои дипломитическо-служебные способности, всю светскую ловкость, так что некоторые говорили после, может быть и несправедливо, что он «сделал себя наместником сам, сообразив хорошо положение вещей¹».

Сухозанет стал править Польшей, смотря постоянно на двери, в которые должен был войти его прочный преемник. Вероятно поэтому он избегал подписи: исправляющий должность наместника и подписывался постоянно, по-прежнему: военный министр; иногда присоединял к этому: временно главнокомандующий 1-й армией.

Она начал с того, что приказал убрать со всех площадей палатки и увести войска в казармы.

Читатели видели выше, что еще в последние дни правления князя Горчакова красные, заметив новые колебания волн, двигавшихся как древние пилигримы, три шага вперед, а два назад, а иногда и четыре, позволили себе кое-какие беспорядки. В день смерти князя Горчакова, совпавший с первым днем праздника Пречистого Тела Господня (Bozego Ciala), лобузерия, под предводительством Козубских и Снегоцких, произвела смятение в процессии, шедшей из Свенто-Янского костела на Старое Место, к алтарям, какие обыкновенно строятся при этом на разных пунктах. Смятение было так велико, что многие духовные лица и сам архиепископ были сбиты с ног. Находившийся недалеко обер-полицеймейстер предложил для восстановления порядка воздвигнуть монстранцию (золотой сосуд в лучах, заключающий в себе Святые Дары). Это было исполнено; все пали на колени, воцарилась тишина, и шествие могло потом направиться далее.

---

¹ Ходили также слухи, что будто бы граф Ламберт принял наместничество неохотно.

Впрочем, это был частный беспорядок, шалость манифестаторов низшего разряда. Высшие красные чины сидели тогда спокойно. Уборка с площадей войск подняла на ноги и их. Вся красная партия целиком, от мала до велика в повстанской иерархии, стала по-прежнему думать только о манифестациях, ища повода, к чему бы придраться, чтоб их возобновить.

Повод найти было нетрудно: почти в один день с Горчаковым (29 мая н. ст.) умер в Париже старый вождь демократической партии польских эмигрантов, историк Иоахим ° Лелевель, имя которого известно каждому поляку и польке с малых лет. 1 июня н. ст. происходили в Париже его торжественные похороны; потом весть об этом принеслась в Варшаву. Варшава принялась в ту же минуту обдумывать ряд манифестационных панихид.

Первая панихида, в виде *balon d'essai*, была отслужена 7 июня н. ст. в костеле реформатов без всякой пышности, без особенных речей. Вторую, настоящую, панихиду город намеревался отслужить на другой день, 8 июня, у святого Креста; но, узнав, что в этот день будет вывоз тела князя Горчакова, отложил ее на 10 июня. А 8 июня отслужена все-таки панихида евреями в главной их синагоге на Даниловичевской улице, с участием многих поляков. Известный еврейский проповедник Ястров сказал речь на польском языке, в которой коснулся бессмертных заслуг покойного историка, как ученого мужа и вождя партии на чужбине, уподобив его Моисею в Египте и поставив в пример твердости и терпения. Настоящее время проповедник называл *мраком*, после коего должна возблистать *заря*.

Затем все стали готовиться к торжественной, от всего города, панихиде. Была собрана значительная сумма, причем даже ученики гимназии давали по два злота с человека. Места на хорах (у Креста) были распроданы аристократическим фамилиям по 10 рублей за каждое.

Когда началась панихида, перед катафалком явился бюст Лелевеля, который среди богослужения увенчали венком бессмертия профессора М. Х. Академии Яниковский и Пражмовский. Разные дамы собирали квесту на «дело отчизны». Собрано, как говорят, около 30 тысяч злотых.

В тот же день отслужена панихида по Лелевелю в Доминиканском костеле артелью рабочих с железного завода Эванса, которые собрали на это между собой 45 рублей¹. Наконец, тогда же отслужена панихида у Капуцинов, на Медовой улице, с участием епископа Декерта. В числе присутствовавших на этой панихиде замечен был народом 80-летний старец Горлинский, помещик из Плоцка, приехавший посмотреть, что такое творится в Варшаве. Он был одет в жупан и кунтуш, в руках имел белую костюшковскую конфедератку. Артисты манифестаций, по окончании панихиды, вывели старца под руки и после водили долго по Саксонскому саду в сопровождении огромной толпы зевак.

На всех перечисленных панихидах раздавались народу цинкографированные листы с кратким описанием жизни Лелевеля, где выставлены были все его заслуги отечеству и свободе, а в заключение сказано: «Тело его покрыла чужая земля, но дух его живет и будет жить посреди соотечичей, которые, сливаясь между собой общей любовью к отчизне, трудами, стремлением к единению, братскими чувствами, словом и доблестями, какими озарялся каждый шаг в жизни Иоахима, воздадут высшую почесть бессмертным его заслугам. А презрение излишеств и простота жизни, какими покойный отличался, да будут внешним знаком принятия его правил, кои в сердцах поляков освежит сегодняшний печальный обряд».

17 июня н. ст. отслужены панихиды по Лелевелю в трех еврейских синагогах вдруг: на Даниловичевской улице, в Наливках и на Праге. В Наливках сказана похвальная речь покойному и пропет 79-й псалом Давида: «Пасый Израиля, вонми... Воздвигни силу Твою и прииди, во еже спасти нас. Боже, обрати ны и просвети лице Твое, и спасемся! Господи, Боже сил, доколе гневаешия на молитву раб Твоих? Напитавши нас хлебом слезным и напоиши нас слезами в меру. Положил еси нас в пререkanie соседом нашим, и врази наши подразниша ны. Господи, Боже сил, обрати ны, просвети лице Твое, и спасемся!»

---

¹ Все это — официальные сведения.

Слова: «Напитавши нас хлебом слезным» и, в особенности, троекратное (в полном тексте псалма) воззвание к Богу: «Господи, Боже сил, обрати ны и просвети лице Твое, и спасемся!» производили необыкновенное, потрясающее впечатление. Иные плакали навзрыд¹.

Кроме того, в те самые дни устраивались патриотические молебствия у разных статуй: на Сенаторской, перед реформатской церковью, где статуя Богоматери; на углу улиц Узкого и Широкого Дуная, где статуя святого Иоанна; на Краковском предместье, у дома Мальча, где также статуя Богоматери, и в других пунктах.

Везде пелись беспрепятственно: «*Boze cos Polsk?*», «*Zdumet rozayuw*» и прочие того времени гимны, которые вскоре затем были отпечатаны и продавались на улицах открыто.

Явился даже, в подражание «*Boze cos Polsk?*», подобный гимн якобы от русских под названием «*Modlitwa Moskali*», смысл которого состоял в том, что «в то время, когда поляки вознесены к славе и просвещению, русские остались во тьме невежества». Поэтому заключительное двустиие каждой строфы взывало: «О просвети нас, Господи!»

К продаже тетрадей с гимнами вскоре присоединилась продажа картинок, действующих на воображение народа, например, «Дружари, выпрягающие коней из дружек, чтобы запрячь их под пушку», или: «святой Иосафат, зарубленный москалями»².

Сначала мальчики, пущенные по улицам с этими картинками, навязывали их только одним статским, но потом стали приставать и к военным: «*Moze pan polkownik pozwoli switego Jozafata, gasczъapedo Moskalami... albo dorozkarze, wyprzъfgajсе koni?*»

И многие у них покупали, не замечая, что служат таким образом повстанской пропаганде.

---

¹ Официальные источники.

² Иосафат Кунцевич, Витебский епископ, убитый мешанами Витебска 12 ноября н. ст. 1623 года за то, что всякими непозволительными мерами заставлял народ принимать унию. Поляки возвели его в мученики за истинную веру.

Более всего были тогда в ходу мелкие манифестации: кошачьи концерты и битье стекол в домах некоторых лиц. Дошло до того, что явился даже *директор*, иначе сказать, *капельмейстер кошачьих концертов*, который брался за известную плату устроить кошачью музыку, где и кому угодно. Концерт с выбитием стекол стоил 15 рублей, без выбития – 10. Иногда обстоятельства требовали уступки; равно были случаи, когда концерт и выбитие устраивались бесплатно, по распоряжению тайных властей.

После рассказывали, что директор кошачьих концертов снял с себя фотографическую карточку, со всеми своими атрибутами, дабы его легче было отыскать, и через это попал в Цитадель.

В садах Саксонском и Красинском и на больших дворах иных домов устраивались игры в польского и русского короля, причем дружины последнего непременно побивались, и самому королю приходилось плохо. На него бросалась подчас и собственная его дружина.

Такие игры служили в публичных садах предметом развлечения для всей гуляющей публики. Побиваемого короля выручали только в крайнем случае; но если он не подвергался опасности быть избитым до полусмерти или вовсе убитым, зрители только хохотали, а иной раз и аплодировали воинам своего.

Как-то однажды, в Саксонском саду, в такую игру вмешался полициант и стал разгонять ребятишек: на него сейчас накинулись старшие, и он принужден был удалиться под гулом свистков.

В уединенном и никем не наблюдаемом саду Казимировского палаца (где ныне университет) разная городская молодежь обучалась фехтованию на палках. Потом основаны настоящие фехтовальные залы в некоторых домах, куда не заглядывала полиция по уважению к особе хозяйина. У студента Фохта обучались его приятели ружейным приемам.

В конце июня по н. ст. показались в Варшаве печатные плакаты: «*Воззвание к помещикам*», которых тайные власти приглашали «устроить быт крестьян, не дожидаясь распоряжения

правительства, отложившего действительное освобождение до 1 октября».

Другой плакат назывался: «*Послание ко всем полякам на земле Польской*», где исчислялись претерпенные поляками угнетения от правительств русского, прусского и австрийского, подавалась надежда на скорое освобождение, а под конец рекомендовалась всевозможная бережливость и умеренность в жизни.

Тогда же в разных галантерейных магазинах появились в продаже образки с начертанием изломанного креста и с надписью *27 февраля* и *8 апреля*. Уличные ребятишки, продававшие гимны и картинки, стали скоро продавать и эти образки по улицам и в Саксонском саду.

Словом, революционное дело пошло на всех парусах по прежней своей дорожке, и никто этому не мешал. Если иногда полиция, патруль или разъезд делали какое-нибудь распоряжение в пользу порядка, тут же являлся приказ или замечание высшей власти края, парализовавшие такое распоряжение и сбивавшие всех с толку. На бумаге было одно, на деле – другое.

Для патрулей и разъездов существовало множество сбивчивых правил, одно другому противоречивших; требовалась такая точность донесений обо всяком незначительном происшествии, обо всяком распоряжении начальников частей, что весьма немногие из них решались заводить дело с уличными шалунами, чтоб не быть как-нибудь потом в ответе за неисполнение того или другого пункта.

Достаточно привести один факт того времени, чтобы показать, каких хлопот стоил иногда патрулю самый ничтожный случай, сколько переспрашивалось об этом народу, сколько бумаги исписывалось; не говорим уже о том, сколько могло выходить из всего этого соблазнительных сцен и праздных толков в массе. В роту Симбирского полка, шедшую патрулем в один июньский вечер по Медовой улице, мимо Капуцинского монастыря, был пущен из калитки¹ этого монастыря камень.

---

¹ Та самая, подле которой изображен слева на стене большой крест барельефом – «Капунинский», собственно: «по-Капупинский». Тоже самое надо разуместь и о других монастырях: Бернардинский, Паулинский – по-Бернардинский, по-Паулинский и т. д.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Боясь быть неточным в описании этого происшествия, майор Фельшпер, командовавший ротой, в рапорте своем начальнику 1-го городского отдела так изобразил полет камня: «Камень пролетел позади меня, около подпоручика Шах-Назарова и вдоль 1-й шеренги 1-го отделения 2-го полувзвода означенной роты и ударился в двери дома, находящегося на противоположной стороне улицы». Затем прилагался длинный список чинов 8-й роты Симбирского полка, мимо которых пролетел камень¹.

Более всего военные возмущались «приказом, отданным по войскам 21 июня ст. ст., где «в крайнем случае» разрешалось «стрелять», но в конце сказано, что «если во время следования караула, команды или патруля по улицам из какого-либо дома будут сделаны выстрелы или брошены камни, то не отвечать пальбой, а только заметить дом, откуда последовал выстрел». Военные спрашивали: «Какого ж еще нужно крайнего случая, если выстрелы по войскам – не крайний случай, который бы мог разрешить крайние меры?»

Этот приказ, собственно, не был новостью: он явился в первый раз еще при князе Горчакове, 21 марта ст. ст. 1861 года, но тогда не был замечен и не вызвал особенного ропота, может быть, потому что тогда вдруг последовало множество разительных распоряжений, и никто не знал, что из этого выйдет.

Теперь же, когда стало ясно, что дальнейшее продолжение уступок и противоречивые действия правительства только запутывают наши дела в Польше и вызывают новые затруднения; когда военные получали поминутно выговоры неизвестно за что, когда в войсках вообще был ропот: этот приказ возбудил чрезвычайный шум и толки, которые можно было слышать несколько лет кряду. Еще в 1863 году и позже иные военные повторяли, как о чем-то невероятном, о приказе 21 июня и сочинение его приписывали Сухозанету, а не Горчакову.

Что касается тогдашних арестов, случавшихся нередко, – с этой стороны происходило более хаоса и путаницы, нежели где-нибудь: один начальник арестовывал, другой освобождал или ходатайствовал об освобождении у наместника; а потому иное лицо, три раза на неделе попавши под арест, три раза

---

¹ «Дела начальника 1-го военного отдела города Варшавы с 21 марта по 13 августа 1861 года».

от него освобождалось разными хитростями, и в результате выходило то, что ареста решительно никто не боялся. Кроме того, и самый присмотр за арестантами был таков, что они могли переписываться из казематов с городом.

Манифестации пошли, конечно, от этого дальше и шире. Люди, недавно умеренные и спокойные, стали в ряды буйных шалунов. Почтенные старики обратились опять в мальчиков.

15 июля н. ст. умер в Париже другой столп польской эмиграции, другой свидетель и участник революции 1830 года, — *re in petto*, князь Адам Чарторыский. Похороны его в Париже отличались, конечно, еще большей торжественностью, чем похороны другого демократического полюса эмиграции, Лелевеля. Там недоставало аристократической пышности и блеску, здесь было этого довольно. Даже, говорят, за гробом, покрытым королевской мантией, несли корону.

Само собой разумеется, в Варшаве назначен ряд панихид.

На этот раз не было никаких *balons d'essai*: прямо огласили во всех газетах торжественную панихиду на 22 июля н. ст. в соборе Святого Яна. Ее служил сам архиепископ. Участие белой партии придало обстановке богослужения особенный эффект. Масса молившихся за упокой души человека, который, несмотря на разные ошибки (в польском смысле), все-таки поработал, на свой пай, для интересов отечества и был вообще замечательным человеком блестящей Наполеоновско-Александровской эпохи, который унес на челе своем отражение каких-то особых лучей, при звуке имени которого столько шевелилось, припоминалось, вставало в каждой польской душе: масса молившихся за такого человека могла, конечно, настроиться вполне патриотически. У многих полились слезы. Все были искренно убеждены, что хоронят если не короля, так что-то такое, чего... не будет! Сам архиепископ, личный свидетель того, что припоминалось иными, заливаясь слезами, не почувствовал, как из уст его вылетело и понеслось к небу: «*Boze cos Polsk?...*» Храм дрогнул; все пали на колени и запели дальше: «*...otaczal blaskiem potgi i chwaly*» и громом небесным разлеглись под

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

темными вековыми сводами заключительные слова строфы: «Przed Twe oltarze zanosim blaganie: Ojczyzne, Wolnosc racz nam wrocic, Panie!»¹

По окончании службы все было так настроено, что когда архиепископ сел в экипаж, кучи народу бросились, выпрягли лошадей и довели его на своих плечах до дому.

Затем бурная волна панихид за Чарторыского хлынула с такой силой, что и снисходительнейший из правителей Польши нашел нужным их остановить.

Манифестации и всякого рода враждебные заявления против правительства от этого, разумеется, ничуть не прекратились.

В газете «Times» усмотрена была, близ этого времени, статья, возбуждавшая в поляках разные надежды². Варшавские агитаторы собрали сейчас толпу народа перед домом английского консула, которого вызвали и подали ему такой адрес:

«Я, мать, облитая мученической кровью моих детей, вдова в траурном одеянии, невольница с оковами на руках; я, живьем зарытая в могилу, посылаю тебе, народ английский, слово благодарности. Речь депутата твоего в парламенте, голос кипящих деятельностью городов твоих срывает печати с гроба, в который насилие и равнодушие ввергли Польшу. Кровь моя и слезы мои вопиют к богу, и он отвечает мне устами твоего народа. Честь ему и благодарность тебе, Англия! Всем, что осталось во мне живого и бессмертного, после долгого мученичества, благословляю твоих старцев, мужей, сынов и дочерей на вечную свободу и счастье! Да предстательствуют за тебя присно и во веки пред богом

---

¹ «Перед Твои алтари возносим моление: отчизну, свободу благоволи возвратить нам, Господи!»

² В этой статье находились между прочим такие строки: «Нам нужно всеми руками взяться за работу, чтобы окончить заседание (в нижнем парламенте), а мы тут вынимаем из карманов платки и давай хныкать над судьбами Польши. Неужели больше нечего делать? Мы, великая нация, государство первого разряда, выдаем ежегодно 15 миллионов фунтов на сухопутное войско и столько же на флот, а для Польши не хотим палец о палец ударить. Отчего бы Англии не предпринять ради ее крестового похода?.. По совету одного из покойных государственных мужей, послать бы нам флот под Варшаву, а если бы это оказалось неудобным, то и под Петербург».

твои святые патроны, подобно тому, как ты, досточтимая и благоденствующая Англия, предстательствуешь ныне за отринутую, растерзанную, распятую Польшу!»

Английский консул отправил этот адрес в Лондон, со множеством визитных карточек от варшавских поляков разного звания. Заказы на карточки были так велики, что литографы едва справились.

Весь воздух наполнился повстанским электричеством; нетерпеливым казалось, что восстание уже очень недалеко. Эмиссары Мирославского, появившиеся вдруг в значительном числе для снятия на план кое-каких местностей Царства Польского, усиливали между кружками всяких оттенков вредные для самих же поляков толки. Поэтому партия опытных руководителей массы, так называемых сибиряков (*sybirakow*) то есть вернувшихся из Сибири по манифесту о политических преступниках, затеяла издавать газету, дабы, сколь возможно, действовать на умы и остерегать неосторожных.

6 августа н. ст. вышел первый номер этой первой подпольной газеты последнего восстания, носившей имя «Стражница» (*Straznica*), что значит наблюдательный пункт, сторожевая башня. Это был небольшой листок бумаги с текстом на одной только стороне, напечатанным очень плохо, по всей вероятности, ручным станком¹. Листок этот приглашал всех поляков «быть готовыми каждую минуту, но выждать спокойно и терпеливо».

Все бросились читать эту ничтожнейшую из газет, но ее советы не привели ровно ни к чему: нетерпение и несбыточные надежды красных нисколько не ослабели. Манифестаторы продолжали свое дело с той же детской неосторожностью.

8 августа н. ст. (через два дня по выходе «Стражницы»), в день рождения государыни императрицы, устроена в соборе Святого Яна такая манифестация, которая превзошла своей дерзостью и неприличием все, что делалось в том же духе до этого времени.

---

¹ Авейде говорит, что печатание первых плакатов и газет представляло для них неимоверные затруднения. Станки сначала выписывали из-за границы, но потом их стали делать в Варшаве. Когда народное правительство вошло в силу, печатание газет и прочего производилось в обыкновенных типографиях.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Началось с того, что архиепископ Фиалковский, незадолго перед тем отслуживший с таким пафосом панихиду по своему фантастическому королю, на этот раз присутствовал в храме как частный зритель. Богослужение совершалось прелатом Бялобржеским. Из чиновников разных ведомств прибыло только восьмеро: председатель Комиссии финансов Ласский, вице-президент Банка Шемиот и шестеро мелких. Лишь только было возглаголено: «За здоровье и благоденствие императорской фамилии» и орган заиграл: «Боже, царя храни!», как человек пятьдесят различной молодежи подошли к решетке главного алтаря и запели «Boze cos Polsky». Весь народ, бывший в костеле, подхватил это и заглушил своим пением орган и клир. Вечером того дня уличные мальчишки гасили иллюминацию и били стекла в домах. Между прочим, разбиты стекла у генералов Шепелева и Кузьмина, на Медовой улице.

Никакого преследования этих беспорядков не было.

Затем приближающаяся годовщина Польско-Литовской унии дала мысль агитаторам устроить манифестацию на границе обеих земель, Литвы и Польши, что должно было показать степень взаимного их сочувствия друг другу и степень развития организации.

Красные и белые (собственно, живая, энергичная часть белых, кого Авейде называет молодой шляхтой) действовали тогда в иных случаях заодно. Задержки реформ, отчасти даже фактическое устранение Велепольского от дел (хотя он и носил все прежние титулы) благоприятствовали сближению противоположных стихий в массе. Манифестация в память Унии Литвы и Польши была обдумана главами разных кружков в Варшаве, и выбран пункт для торжества, не очень наблюдаемый: именно мост на Немане против посада Алексоты, Марьямпольского уезда Августовской губернии, у города Ковна, где население обоих берегов без того «поминутно братается друг с другом. Сочиненный в Варшаве план передан для пополнения разными подробностями помещикам Августовской и Ковенской губерний. Он состоял в том, чтобы двинуть, в день годовщины Унии, две духовные процессии вдруг: одну из посада Алексоты, а другую из города Ковна, таким образом, чтобы они сошлись на мосту и следовали вместе в село Годлево (в Царстве Польском, недалеко от

Алексоты), где должен быть составлен акт в память этого события и произойти соответственное братское пиршество.

Для Варшавы и других городов придуманы свои местные торжества на этот день. Между тем пущен повсюду такой печатный плакат:

«Братья земляки! 12 августа 1569 года король Сигизмунд Август торжественно закрыл сейм Унии в Люблине, и это окончательное соединение Литвы с Польшей заключил свободной речью, в которой завещал обоим народам вековую братскую любовь. А потому, братья земляки, почтим празднеством сей день, ознаменованный соединением наших предков: соберемся в костелы и вознесем сообща горячие молитвы к богу, дабы он слил по-прежнему в одно целое наш народ, разорванный на части, и связал нераздельно наши души. 12 августа сего 1861 года докажем публично, вместе с капланами, что мы – братья одной и той же семьи Белого Орла и Всадника. Празднество этого единения народов должно быть торжественно спокойно и обнимать собой все пространство стародавней Польши. Траур на сей день снимается».

Так как правительство нигде не принимало решительных мер к воспрепятствованию всем этим затеям, то празднества в годовщину Унии везде удались. В Варшаве жители явились в этот день в самых ярких платьях. Разряженные дамы катались по улицам в блестящих экипажах. Вечером город был иллюминирован. Более всего горело огнями Старое Место¹. В Люблине устроилось гулянье около памятника Унии, что против губернаторского дома. Многие дамы были одеты в изысканные сельские платья. Между ними в особенности отличалась известная Пустовойтова. Кроме сельской одежды она имела и сельский убор головы: длинные косы, в которые были вплетены трехцветные ленты. Проходя мимо памятника, дамы бросали к его подножию цветы и венки. Вечером город был иллюминирован. В некоторых окнах показались разные эмблематические транспаранты: гербы литовский и польский, портрет Костюшки и т. п.

Манифестация на границе Литвы и Польши произошла при следующих подробностях. Когда ковенская полиция узнала о

---

¹ Авейде, II, 81. – Красная партия хотела устроить особую торжественную процессию на Повонзки; но умеренные отклонили это, пустив по городу остерегающие плакаты.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

съездах помещиков и приготовлениях к торжеству в день годовщины Унии, что делалось довольно открыто, губернатор выехал в Петербург, может быть, впрочем, совершенно случайно. Оставшийся править его должность вице-губернатор донес главному начальнику края, генерал-адъютанту Назимову, об ожидаемой на 12 августа манифестации и испрашивал приказаний: «Что делать, если манифестация состоится?» Говорят, ответ по телеграфу был таков: «Поступайте благоразумно, а мост развести»¹.

Вице-губернатор не принял никаких мер и моста не развел, а потому обе процессии собрались и выступили утром 12 августа из Ковна и Алексоты при огромном стечении народа. Тогда только вице-губернатор дал приказание одному капитану путей сообщения, родом поляку, развести как можно скорее мост. Капитан сказался больным. Заменивший его поручик, русского происхождения, успел кое-как выхватить только один плашкот, вследствие чего процессии, взойдя на мост с обеих сторон, могли свободно перекликаться друг с другом и разговаривать. В это время какой-то смельчак, перебравшись на отделенный плашкот (который по неосмотрительности или недостатку времени не был отведен от моста) нашел возможность перебросить оттуда народу канат: плашкот подтянули, и соединение процессий совершилось при оглушительных криках «ура» на обоих берегах и пении «*Boze cos Polsky*».

Войска, присланные начальником дивизии, расположенной в тех местах, генералом Бургардтом, смотрели на все это спокойно и, когда началось пение, машинально сняли шапки

¹ «*Wiadowosci z kraju*». Часть по-русски: Библиотека для чтения. 1864. С. 33.

² Этот ропот доходил одно время (в июле 1861) до того, что Сухозанет счел нужным послать командиру 2-го корпуса особое предписание, от 23 июля (4 августа) 1861 года, за № 71, где находились, между прочим, такие строки: «Вижу, что оскорбления, наносимые иногда жителями войску, возбудили между господами офицерами сильное раздражение, начинающее выражаться громким ропотом. Обстоятельство это, усиливая затруднения правительства, показывает, что господа офицеры не с надлежащей точки зрения смотрят на свое положение здесь и неясно понимают свой долг». «Оскорбления, коих виновники рассчитывают всегда на возможность укрыться от ответственности по законам, не составляют никакого бесчестия для тех, которые бывают случайными их жертвами». «Надеюсь, что господа офицеры, обдумав это, поймут, что в таких обстоятельствах хладнокровно переносить неизбежные неприятности есть долг истинного мужества».

и стали креститься². Соединенные процессии, согласно плану, двинулись через Алексоту в Годлево и там оставались до вечера. Конечно, лились вино и слезы, а в заключение всего составлен акт в память события, скрепленный многими подписями. Через несколько дней полетели по Литве и Польше тысячи фотографических карточек с изображением встречи процессий на разорванном мосту.

15 августа н. ст. разные партии Варшавы хотели устроить манифестацию в честь императора Наполеона, но всё умеренное в этих партиях восстало против этого, и никакой манифестации не случилось. Плакаты, наклеенные на нескольких костелах, приглашали жителей почтить этот день обыкновенным молебствием Богородице, что и было иными исполнено.

Близ того же времени красная половина варшавского духовенства, соединенно с крайними всех партий, сочинила и пустила в ход «Воззвание к братьям и товарищам во всей Польше» самого возмутительного содержания, и вышел второй номер «Стражницы».

Этот непрерывный ряд манифестаций, плакаты, гимны, картинки, образки, подпольная газета, соединение партий в явных приготовлениях к чему-то, ссоры наместника с Велепольским, наконец, страшный ропот военных: все это ускорило прибытие в Варшаву прочного начальника края, снабженного разными полномочиями. Реформы были дописаны и могли осуществиться.

Еще с июля месяца стали говорить в Петербурге, что наместником Царства Польского будет граф Ламберт. С 20-го числа этого месяца по ст. ст. началось необыкновенно быстрое возвышение его по службе: высочайшим приказом от этого числа граф назначен управляющим делами императорской главной квартиры и собственного его величества конвоя; высочайшим же приказом от 6 августа ст. ст. произведен в генералы от кавалерии и назначен исправляющим должность наместника в Царстве Польском и командующим 1-й армией.

Оставалось назначить ему помощника в лице военного генерал-губернатора города Варшавы, в обязанности которого, сверх управления Варшавой во всех частях, входило заведование паспортами во всем Царстве. Конечно, найти мгновенно лицо, отвечавшее вполне такому месту, было нелегко.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Критическое положение Варшавы, с таившимся в недрах ее заговором или хоть его начатками, требовало от генерал-губернатора самых необыкновенных способностей, молодости, энергии, знания людей, служебной опытности и даже прочного здоровья

В числе молодых генералов нашей Северной столицы наиболее отвечал такому посту дежурный генерал Главного штаба его величества генерал-адъютант Герштенцвейг.

Это был человек с редкими достоинствами, умный, изысканный, солидно образованный, писака и притом с чрезвычайно твердым характером. Его ссоры и споры с некоторыми высшими лицами нажили ему врагов в той сфере, которая наиболее влияет на благополучный исход всяких карьер. На него косились и не прочь были, при случае, «спустить» его куда-нибудь, как шедшего вразрез... со всеми, так сказать, против рожна.

Но он сидел крепко, занимаемую им должность правил с честью, был любим и уважаем подчиненными. Заговаривать с ним о том, чтобы он ехал ломать себе голову в Польшу, под начальством Ламберта, было очень странно. Нашли возможным устроить так, что Герштенцвейг должен был уступить и стал собираться в путь с стесненным сердцем. Точно что говорило ему о печальном конце нового его поприща...

Граф Ламберт, с которым Герштенцвейг по разным встречам в свете был довольно близок, даже на «ты», постоянно уверял приятеля, что действительным наместником в Царстве будет он, а никто другой: все будет предоставлено его опытности и соображениям; что их старая дружба не допустит, конечно, и тени столкновения...

Словом, как это бывает часто: говорилось много всяких хороших вещей, пока оба приятеля стояли друг от друга вдалеке; пока Ламберт был для Герштенцвейга только Ламберт и больше ничего. Но едва состоялся высочайший приказ о назначении одного наместником, а другого генерал-губернатором в один и тот же пункт, как все сейчас же изменилось. Ламберт уже в Петербурге принял тон начальника и стал смотреть, бог ведает с чего, на будущего своего помощника несколько подозрительно. Ему стали мерещиться разные призраки. Ему

казалось, что если такой умный, хитрый и осторожный человек решился променять верное на неверное, не попробовал подать в отставку при напоре чрезвычайных сил, а рискнул ехать в край, поставленный вверх ногами, то не иначе как с каким-либо тонким макиавельским расчетом. На беду, молва одно время возводила Терштенцевейга в наместники, а того спускала в генерал-губернаторы: значит, червь непременно грызет его; он может таить месть и, пожалуй, отомстит при первой возможности, подставив приятелю ногу...

Добрые люди, которые всегда в таких обстоятельствах откуда-то являются с советами, утешениями и объяснениями всего неясного, как сверчки в новом доме прежде хозяев, мгновенно явились и тут и только подливали масла в огонь.

В таких отношениях приятели очутились в Польше, волновавшейся, как мы видели, из конца в конец, в Польше, которой оставался только один шаг до настоящего заговора.

Новый наместник въехал в Варшаву 23 августа 1861 года н. ст., не имея при себе никакого конвоя. Даже прислуга его, одетая в статское платье, держалась вдали. Это было довольно резко после разъездов его предместника, за которым постоянно скакало человек 50 кубанцев. Заметив на Съезде бедняка, граф подал ему щедро.

Затем пошло новое управление страной, которое было тщательно обдуманно со всех сторон разными опытными людьми и могло бы, как мы полагаем, восстановить порядок, сойдись только искренно и пойми друг друга два главных лица, отыщи только в себе Ламберт больше доверия к Герштенцевейгу и имей более самоотвержения вообще, в разные серьезные моменты, или (что еще лучше) переменись каким-нибудь волшебством обе роли: стань генерал-губернатор наместником, а наместник генерал-губернатором, как пророчила когда-то молва, представляя на тот раз истинный *vox populi – vox Dei*.

Бедра случилась именно оттого, что оба лица, у кого в руках находились судьбы края и кто должен был идти рядом, нога в ногу, решительно во всем, во всем сливаться и действовать гармонически, никак не сливались, и один, высший, носил в себе постоянно незаконные и несправедливые

подозрения против другого, низшего. Вот что привело их обоих к гибели.

Взгляд наместника на умиротворение края был таков: «Открыв выборы при помощи умеренных, правительство решило уже половину задачи. Красные, а с ними и все то, что было подготовлено к будущему восстанию, немедленно теряли значение, сходили со сцены. Конечно, выборы, произведенные при таких смутных обстоятельствах, в каких находился край, представят из себя нечто хаотическое, будут похожи на древние сеймики; выбранные чиновники будут в первые минуты не чем иным, как слугами заговора, повстанской организацией, которая пополнит собой то, что сделано уже по этой части молодой шляхтой. Пусть! На все это вначале закрыть глаза. Второй половиной задачи будет превратить, насколько можно скорее, этих сеймиковых, повстанских чиновников в чиновников обыкновенных, какие нам нужны. Больших, неодолимых затруднений тут не предвидится вследствие несостоятельных свойств племени, с которым мы имеем дело. Но если б и произошла борьба, во всяком случае, она потребует меньших жертв, будет менее опасна, чем открытое столкновение с партиями разных оттенков при введении реформ под влиянием штыков».

Герштенцвейг был других убеждений относительно того же вопроса; он находил, что «время каких бы то ни было уступок повстанцам окончательно миновало, и шалости ребят, соединившихся в иных действиях со взрослыми, перешли уже ту черту, когда на них можно смотреть как на шалости. А потому он считал необходимым: порешить с этими шалостями, не медля ни минуты, добраться до гнезда агитирующих кружков, во что бы то ни стало, хотя бы резкими мерами, напугать этим все партии, заставив их признать за правительством присущую ему силу, в которую они давно перестали верить, и под влиянием всего этого сажать чиновников на новые места, чиновников, какие были нужны, а не повстанских, дабы ничего или очень немного оставалось для последующих доделок и переделок».

Словом, он думал и говорил то же самое, что говорили многие практические люди тотчас после выстрелов Хрулева;

но, опытный в жизни и службе, он не нашел удобным спорить с наместником на первых порах, а предоставил ему идти избранным путем, в той надежде, что друг его, по всем вероятностям, наткнувшись вскоре на разные рожны, вернется и сам туда, куда звали его поломавшие поболее голову над польским вопросом; или, что еще скорее, заснет, и тогда, конечно, все очутится в руках генерал-губернатора.

Наместник пошел по избранному им пути очень быстро. С первых же дней по приезде он стал сближаться с разными влиятельными лицами среднего круга, с той бюргерией, которая недавно изображала из себя народный сенат и без которой, в сущности, не могла быть сильна ни одна партия. Куда клали свои шары эти господа (бойкие чиновники, капиталисты, способные рисковать, литераторы, артисты, помещики, которые не слишком много теряют в революции), там только и оказывалась прочная победа.

До сих пор этот довольно широкий и неопределенный кружок стоял в стороне, сам по себе, очень мало участвуя в революционных затеях разных партий, не протягивая решительным образом руки никому: ни аристократии, ни красным крикунам, ни правительству. Как люди самые умные и практические, бюргеры видели, что еще нет ничего серьезного нигде; но тем не менее имели всюду агентов и зорко всматривались во все.

Ламберт знал это.

Очень скоро часть бывших народных сенаторов ресурсы проникла в Замок и стала беседовать с наместником, попросту, без затей, за чашкой чаю. К таким принадлежали, между прочим: Кронеберг, Шленкер, Халубинский, Вышинский и Стецкий.

Мало-помалу в Замке явилась точно такая же делегация, какая в мартовские дни 1861 года заседала в ресурсе, только не имела на этот раз никакого определенного титула и ограничивалась меньшим числом членов. Ее составило ядро тогдашней Делегации, люди наиболее ворочавшие в марте всякими делами.

Роль этой новой, маленькой Делегации была совершенно та же, что и большой в марте. Она так же служила проводником

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

иных мыслей умеренной городской партии в Замок; так же торговалась с правительством, так же «заговаривала ему зубы», объясняя всякий уличный беспорядок в возможно лучшую сторону, успокаивая русские власти и подавая им надежды, что все в самом непродолжительном времени пойдет прежним путем, тихо и мирно, лишь бы правительство выслушивало советы сторонников порядка и не предпринимало ничего резкого.

Главнейшим предметом бесед были выборы и вообще реформы, которые правительство намеревалось ввести в край. Наместник старался подготовить себе для этого в городе надлежащую, сочувственную почву, дабы не встретить затруднений в оппозиции некоторых кружков, стоявших от нас далеко. Гости его довольно долгое время не высказывались определенно, видя в предстоящих реформах род западни, расставляемой правительством всяким революционным попыткам, всему тому, что, так или иначе, не без борьбы и тяжких жертв, было завоевано краем.

Но, с другой стороны, умеренную часть населения, которой гости Замка были представителями, страшили также и успехи красных, начинавших овладевать движением. При малейшем промахе, излишнем послаблении их шалостям край мог очутиться в руках необузданного, дикого заговора, под начальством Мирославского, и еще скорее потерять все приобретенное, надолго оборвать все нити патриотических работ.

Таким образом, умеренные видели себя между двух огней и не умели покамест определить, где менее опасности, куда пристать, в чем спасение: в манифестациях ли, рука об руку с красными, в открытой ли и дерзкой борьбе с правительством, или в наружном сближении с ним и в тайной, подземной интриге, в дипломатических, тонких, почти невозможных изворотах?

Время, однако, требовало ответа. Маевский, изменивший своим окончательно, находил нужным устроить по этому поводу съезд в Варшаве, вальный сейм; ибо сеймики (как он называл съезды помещиков по разным городам и местечкам) не могли привести никак к желанной цели – разрешить вопрос «что делать?»

Но белые были везде и во всем белые, тяжелые на подъем, не способные ни к чему без сильного толчка извне. Они собирались съехаться и не съезжались. Повторилось то же самое, что было с Земледельческим обществом в начале 1861 года.

Мирославский следил за ходом революционных дел в нашей Польше. От него не укрылось настроение умов умеренной партии, готовой протянуть руку правительству и тем, разумеется, погубить восстание; не укрылись также и побег некоторых агитаторов из красного лагеря в белый. Более всего жаль ему было Маевского, этого отчаянного парня, не боявшегося ничего на свете, неутомимого, исполненного самоотвержения, которого не охлаждали ни стены казематов, ни страх Сибири и виселицы. Чтобы воротить его и других на «путь истинный» и вместе дать заговору надлежащее направление, Мирославский тоже затеял съезд в Гамбурге Гессенском и звал туда недавнего друга и приятеля.

Этот съезд состоялся в самом начале сентября (10 или 11 по н. ст.). Отяжелевший от лет¹ и высокого чина, который носил в эмиграции с сороковых годов, Мирославский лично не поехал в Гамбург, а послал своего секретаря, Куржину, снабдив его всякими уполномочиями. Равно и Маевский, поставивший себя в фальшивое положение относительно старых друзей, также не решился отправиться на съезд, а послал туда вместо себя молодых помещиков: Иосифа Калачковского и Станислава Карского, людей особой белой партии, о которой будет сказано ниже. В ту минуту оба эти лица и поехавший с ними какой-то Семинский сливались в работах с «молодой шляхтой» и много думали о затеянной ими «организации», которую обыкновенно называли народной².

Они сообщили Куржине все, что знали о ходе повстанских работ в крае, и уверяли, что эти работы скоро придут к окончанию — «народная организация» охватит своей сетью всю Польшу 1772 года, и тогда правительство попалося.

---

¹ Познанский агитатор Александр Гуттри в книге «Pap Ludwik Miroslawski» (Drezno, 1870) говорит, что эта ocizakose была свойственна Мирославскому еще в 1846 году и чуть не погубила его.

² Все это и несколько ниже — преимущественно по Запискам Маевского и Авейде.

Затем они просили оставить инициативу действий за краем, а не за эмиграцией. Но Куржина хотел другого, а потому прибывшие на съезд в соглашение между собой войти никак не могли. Переговоры их кончились ничем. Куржина отправился обратно в Париж, а Кадачковский и прочие – в Варшаву.

Мирославский дал знать красной партии, чтобы она билась до последнего издыхания и не выпускала из рук хотя того, что приобретено, тревожа край время от времени манифестациями и напоминая этим о себе как белым, так и правительству; равно мешая, по возможности, осуществлению реформ.

Красные и без того не расставались с манифестациями. Маевский и другие, утраченные красным кружком, были кое-как заменены. Из новых агитаторов смотрел отчаяннее прочих Аполлон Корженевский, оратор и писатель, незадолго перед тем явившийся из Волыни. Он был человек не первой молодости, любил ходить в простонародном платье, в длинном белом охабне и высокой бараньей шапке.

Сначала Корженевский сошелся было с Маевским и был его усердным поклонником, но потом, увидя, что тот сближается с белыми и бывает на их сходках, бросил его и принял команду над осиротевшим кружком Новаковского, где преимущественно сочинялись самые грандиозные манифестации. Корженевский показал в этом необыкновенную изобретательность. Помощниками его были Шаховский, Сикорский, Шанявский, Целецкий, братья Франковские и тому подобные ребята, не признававшие над собой никакой власти и считавшие красный комитет вовсе не красным, а скорее белым.

Этот кружок, сам по себе, без всякого приглашения с чьей-либо стороны, счел нужным усилить манифестации тотчас по прибытии нового наместника с реформами, дать ряд таких спектаклей, которые выбили бы сразу из головы новоприезжих всякую мысль об успокоении края чем-нибудь таким, как выборы в разные советы.

Решено было возобновить *молебствия за благоденствие отчизны* (*nabozenshwa za pomyslnosc ojczyzny*), удачно изобретенные кем-то еще в июне месяце, при Сухозанете¹, и они возобновились.

---

¹ Авейде, II, 196.

Начали механики по устройству мельниц и работники паровой мельницы на Лешне. Их приглашение «помолиться за благоденствие отчизны 5 сентября н. ст. там-то» было снабжено рисунком, изображавшим мельника, который бросает предметы своих занятий, надел конфедератку и вооружился косой. Сверху – герб Литвы и Польши, осененный терновым венком и двумя перекрещенными пальмами.

На другой день, 6 сентября н. ст., в новый 5622 год евреев, совершены ими (по внушению того же кружка) торжественные молебствия за благоденствие отчизны во всех синагогах, а в главной, Даниловичевской, пропето еврейское «*Boze cos Polsky*» на польском языке.

Затем последовал небольшой промежуток¹. 16 сентября н. ст. явился скромный, без всяких рисунков, плакат *обойных фабрикантов*, приглашавший варшавян «помолиться за благоденствие отчизны в Свенто-Кришский костел».

В тот же день совершенно подобное молебствие у Пиаров, на Свенто-Янской улице, *цехом фортепьянных мастеров*.

Так как в этих молебствиях не было ничего особенно возмутительного, то высшие власти смотрели на них сквозь пальцы², как на последние конвульсии умирающего заговора, если он только был. Белые, бюргерия, видимо, стали подаваться на сторону правительства и обещали ему свою помощь в деле реформ. Город сильно заговорил об этом, разделясь на две резкие половины. Одна стояла за реформы, и за допущение выборов, находя их «лучшим оружием для борьбы, для завоевания новых уступок, подготовительным деятелем революции, дающим ей силы и средства».

---

¹ «Записки» Маевского, ГУ, 28.

² При всех подобных беспорядках на улицу посылали обыкновенно офицера с ротой солдат, всегда одного и того же, с приказанием «взглянуть что делается и в точности о том донести». Этот офицер получал за всякую экспедицию до трех рублей, а потому в высшей степени аккуратно являлся с ротой на место, где слышался какой-либо шум. Большей частью, уводя солдат по окончании происшествия, он выслушивал от народа свистки. «Что, – говорили ему товарищи, когда он возвращался, – освистали тебя опять?» – «Мне свищи, не свищи, – отвечал он, – а мы пошли себе по три рублика получать!» (Рассказ одного генерала, находившегося тогда в Варшаве.)

Другая половина видела в реформах одну только гибель всему, что было приобретено, реакцию, возврат к бессменной военной диктатуре.

Вальный сейм, к которому давно приглашал умеренных Маевский, стал теперь совершенно необходим. Надо было потолковать о том, как принять реформы, как устроить выборы, какие меры взять против городской оппозиции, иначе: против красных.

Значительное число помещиков съехалось наконец в Варшаву и на первом же, весьма бурном заседании (в первой половине сентября по н. ст., близ того времени, когда происходил Гамбургский съезд) выбрало «делегацию» из следующих лиц: Эдуарда Юргенса, Леопольда Кронеберга, Александра Куртца, Адама Гольца, Фадея Эйдзятовича и Карла Маевского.

Маевский, принятый в этот кружок на случай надобности иметь дело с ремесленниками и другими низменными слоями, где его любили и считали оракулом, был до того красен между белыми (хотя и старался всячески побелеть), до того выражался обо всем по-своему, что большая часть новых делегатов сильно на него косились и не совсем ему доверяли, считая его скорее агентом красных, нежели своим товарищем. Особенно не терпел его Кронеберг и после первого заседания объявил, что выйдет в отставку, если не устранят этого грубого крикуна. Маевский сам понял, что стесняет своим присутствием остальных членов и, мелькнув на двух-трех заседаниях, перестал ходить.

Одновременно с вальным сеймом белых красные устроили свой вальный сейм, на котором также выбрали делегацию, или комитет, где из членов известны: Аполлон Корженевский, Витольд Марчевский и Владимир Рольский.

Обе делегации шли, конечно, друг против друга войной. Белая старалась расположить умы к принятию реформ, иначе сказать, к открытию выборов, подготовить массы к этому так, чтобы не вышло никакого скандала, и правительство могло бы обойтись без резких мер. Красные кричали, что выборам не быть, что они в крайнем случае разгонят их палками. Шаховский, заметив некоторое колебание между своими, говорил, что он один наделает кутерьмы, а уж никак не позволит

торжествовать противникам. Какой-то Игнатий Квятковский написал стихи «Чертово варенье» (czarne powidla), которым грозил вымазать всех, кто станет за выборы.

Видя, однако, свою слабость, видя, что белые час от часу выигрывают больше и больше поля, что выборы так или иначе состоялись, команда Корженевского и Шаховского решилась на крайность: раздражить чем-нибудь правительство, вызвать новую стрельбу и этим если не уничтожить начинающееся соглашение города с Замком, то хоть расстроить на время... а там кто знает, что будет?

18 сентября н. ст. кондитер Ведель, на Медовой, отказался внести три рубля «на дело отчизны». Красные, в раздражении своем против белых, сочли такой отказ достаточной причиной собрать народ и разбить кондитерскую. То же самое сделано с перчаточным магазином Островского, на Новом Свете, и с булочной Бартца на Маршалковской.

В последнем пункте стеклись такие массы, что наместник послал туда войска и артиллерию под начальством Севастопольского генерала Шейдемана, который очень сильно шумел, что ничего не может предпринять¹. Войска оставались на месте до тех пор, пока толпы не разошлись.

Наместник дал знать белой партии, что наступила минута открыть выборы. Если город не откроет их сам, то они будут открыты правительством при оглашении военного положения. Белые отвечали, что выборы непременно начнутся завтра же, 19 сентября.

Так как «избирательные списки» были уже составлены особой делегацией, где более всего хлопотал купец Осип Квятковский, то осталось только напечатать и разослать разным лицам билетки, кого на какие места выбирать, дабы не произошло ошибки². Это сделано быстро, в ту же ночь, и утром, 19-го, выборы действительно начались с 10-го, центрального цыркула Варшавы, где дом графа Андрея Замойского.

---

¹ Стецкий ходил весь тот день перед Ратушей, где должны были состояться выборы, и уговаривал направлявшихся туда красных не делать беспорядков.

² В собрании плакатов, виденных автором, находились и эти билетки. Они напечатаны на плохой серой бумаге, величиной с визитный билет малого формата. На каждом выставлен цыкул и имя.

Избиратели, в том числе и сам граф Андрей, сошлись для предварительных совещаний в доме М. Х. Академии, где теперь Первая гимназия (у Коперника).

Корженевский и Шаховский, с несколькими лицами той же масти, намереваясь биться до конца, не уступать, пока будет в руках хотя какое-либо оружие, собрали кучу всякого народу перед академией и вызвали к себе графа Замойского «для объяснений». Он вышел, сопровождаемый ксендзом Вышинским, и спросил у желавших его видеть, что им нужно. Корженевский подал ему печатное Заявление народа к избирателям (*Mandat Ludu do Wyborcow*), прося пустить это в ход перед выборами; но граф отвечал, что никаких заявлений ни от кого принять теперь не может, что все, что следует, сделано и предмет осмотрен со всех сторон: изменить направление предстоящих выборов или устранить их ничто уже не сильно.

Тогда Корженевский и Шаховский принялись поспешно излагать содержание заявления, объявив, что народ этим «напоминает господам избирателям, чтобы они, созидая теперь муниципальный и прочие советы, внушали всячески чинам, которые займут в этих учреждениях различные места, что они поступают на службу Царству Польскому нераздельно с его провинциями, Литвой и Русью; что только таким образом Царство Польское может принять участие в новых учреждениях; всякое же другое понятие об этом противно святым интересам отчизны».

Когда они говорили, в толпе раздавались временами восклицания: «Хорошо, дельно говорит!» Но когда стал говорить Замойский, несравненно более известный городу, чем оба оратора и их партия, раздались крики громче, кончившиеся общим гулом: «Да здравствует граф Андрей!» (*Niech żyje hrabia Andrzej!*) Это могло быть даже и подстроено особыми агентами белой партии. Корженевский с приятелями ушел, разбитый в пух, впрочем, по свойству своему, ничуть не унывая. В их головах городились уже новые планы...

Избиратели, после переговоров в академии, перебрались в Ратушу, и выборы по 10-му циркулу совершились благополучно.

Замечательно, что первым выбран в председатели Комитета владеющих заставными листами, большинством 1598 голосов против 2-х, некто Войчицкий, незадолго перед тем лишенный Велепольским места директора Публичной библиотеки.

До такой степени не любили в то время Велепольского, что стоило ему объявить себя против какого-нибудь лица, и это лицо сейчас же попадало под протекцию всего города. Еще до выборов Войчицкий получил место библиотекаря при Вилляновской библиотеке Потоцких с жалованьем в пять тысяч злотых. Граф Людвиг Красинский (сын известного поэта) назначил его также библиотекарем при своей Варшавской библиотеке с жалованьем в 3200 злотых. Кроме того, обещали ему место при театре, в 2000 злотых; а литераторы выдали в пользу его сборник разных статей.

На другой день и после выборы продолжались без всякой помехи. Выбирались, конечно, те лица, которых город хотел видеть на том или другом месте. Красные, тоже проникавшие в залу выборов, подавали голоса за Гарибальди, Высоцкого, Мирославского, Клапку...¹; но это, возбуждая легкие взрывы смеха, не прерывало занятий.

Делать нечего: Корженевский бросился в манифестации. Хлынул целый поток молебствий за благоденствие отчизны.

20 сентября н. ст. явился плакат друцзяжей, приглашавший к молебствию в костеле Бернардинов и снабженный разными изображениями: по одну сторону от текста стоял друцж в бедной своей гуне, сняв шляпу и опершись на палку; под ногами его лежали пальмовая и терновая ветви; за стеной виделся змей, обвивающий разное повстанское оружие – косы, сабли, пики. По другую сторону текста красовался герб Литвы и Польши; за ним развевались четыре знамени, из-за которых выглядывал герб Киева: Михаил Архангел (Русь). Внизу опять оружие: косы, ружья и дубовая ветвь.

И как странен был подле всех этих хитрых воинских атрибутов бедный друцж, снявший шляпу, как бы прося

---

¹ Авейде, II, 193.

извинения у публики, что он тут ни при чем и ничего не понимает!

После того, что ни день, было несколько молебствий. Решительно все городские сословия, учреждения, цехи, артели и общества служили по молебствию. Даже сочинялись общества и артели, каких не существовало¹... Город до того любил еще манифестации, что здесь партии опять перемешались, и красные нашли себе усердных помощников в кружках, с которыми сражались по делу выборов.

Наместник не обращал никакого внимания на эти шалости, казавшиеся ему ничтожными, как вдруг красная партия затеяла огромную манифестацию внутри края, с тем чтобы поднять там массы и расстроить выборы, которые шли довольно хорошо.

---

¹ Стоит закрепить печатью эти повстанские изобретения того времени, едва ли виданные другими революциями. Вот какие общества и артели служили молебствие за благоденствие отчизны, в разных костелах с 25 сентября н. ст. по день объявления военного положения, то есть 14 октября н. ст. 1861 года: Садовники города и окрестностей Варшавы; Содержатели дружек; Девицы, занимающиеся шитьем женских платьев; Музыканты и артисты; Артель столярных мастеров; Камердинеры; Крестьяне из окрестностей Варшавы; Польские матери; Ювелиры, золотильщики и граверы на металлах; Гребенщики; Девицы, занимающиеся полированием золотых вещей; Воспитанницы высшего женского пансиона; Резчики на дереве, камне и металлах; Фурманщики, пивовары и извозчики, занимающиеся развозом по городу крепких напитков; Артель учеников с мыловаренных заводов Варшавы; Инженеры, архитекторы, литераторы, живописцы и драматические артисты; Экипажных дел мастера; Артель перевозчиков по Висле; Мастера, делающие зонтики; Мастера гипсовых фигур; Рыбаки; Чиновники всех ведомств; Польские девицы и бедные вдовы; Ребята, разносящие плакаты; Парикмахеры с их подмастерьями и учениками; Артель рабочих с фабрики накладного серебра; Бабы, торгующие крупой; Один из занимающихся гонкой водки; Варшавские аптекари; Крестьяне из деревни Чернякова; Воспитанницы высших и низших женских пансионов; Фабриканты золоченых рам; Польская молодежь Моисеева закона; Торговки овощами за Железной Брамой (воротами); Артель ремесленников и работников газового освещения; Молодежь учащаяся в учебных заведениях и в домах родительских; Сапожных дел мастера; Братство Провидения Господня. Можно заметить, что духовенство при этом отнюдь себя не забывало и ни разу не служило даром, напротив, старалось взять побольше. Когда приказано было служить молебствие фортепьянным мастерам, таршина их Сталь собрал около полутора ста рублей, причем иные подмастерья давали по три рубля, и отправился торговаться с ксендзами-миссионерами ко святому Кресту. Они запросили за обыкновенное богослужение 100 рублей, а с хоральным пением семинаристов — 150 рублей. Стало показаться это дорого; он обратился к Пиарам; они и отслужили ему молебствие за 60 рублей. (Официальные источники.)

За неделю или немного раньше до годовщины Городельского съезда (торжества, установленного королем Сигизмундом Августом II в память соединения Литвы с Польшей) стало ходить повсюду следующее курьезное воззвание, сочиненное, как кажется, Корженевским:

«Братья поляки, русины и литвины! Важным народным торжеством было некогда празднование годовщины соединения Литвы с Польшей, учрежденное королем Сигизмундом Августом II в Люблине. Самый акт соединения был только одной формальностью и как бы закреплением действительного и добровольного слияния народов под скипетром короля Владислава Ягелло.

Оставить подобный факт без внимания и не дать ему надлежащей оценки в настоящую минуту, не ознаменовать его народным торжеством значило бы отказаться перед лицом Европы, народов и собственной совести от своего прошедшего и будущего в одно и то же время. А потому взываем ныне ко всем трем соединенным народам, дабы они откликнулись нашему зову тем же сердцем, каким их предки откликались на съезд Городельский, и надеемся, что наш голос будет услышан всяким, кто только любит отчизну и свободу.

Празднество сие должно совершиться в городе Городло Надбужном, что в воеводстве Любельском, земле Хелмской, 10 октября сего 1861 года, которое соответствует 2-му числу того же месяца по старому календарю, день «обхода» Городельской унии по летописям.

Для придания съезду надлежащего значения, какого он заслуживает, взываем прежде всего к высокопочтенному духовенству католическо-славянского и латинского исповеданий, чтобы оно, сколько во уважение к общим нашим страданиям и надеждам, сколько же и для интересов церкви, тесно связанных с интересами Польши вообще, благоволило принять самое искреннее и торжественное участие в празднестве, отрядив от себя епископов и депутации капитул разных монашеских орденов и всяких духовных корпораций ото всех епархий прежней Польши.

Взываем к обществу ученых и литераторов, к университетам, редакциям польских и русинских журналов, ко всем

обществам и кружкам промышленным, к городам и корпорациям поляков Моисеева закона и вообще ко всякого рода общественным учреждениям, имеющим какую бы то ни было организацию: чтобы благоволили принять участие в Городельском съезде, послав от себя депутатов.

Только таким образом учрежденный съезд может придать торжеству общественное и народное значение. С целью оживить наши традиции, а равно и для сообщения торжеству исторического и политического характера, приглашаем жителей всех княжеств, воеводств и земель прежней Польши прибыть также в Городло в виде представителей от своих мест. Депутаты от корпораций, земель и вообще представляющие собой какое-либо сословие или круг имеют уведомить о своем прибытии в Городло, 10 октября, в 9 часов утра, дабы каждый мог занять соответственное назначение по программе.

Княжества, воеводства и земли, долженствующие принять участие в торжестве, суть следующие. Воеводства: Познанское, Калишское, Серадзское, земля Добржинская. Воеводства: Илоцкое, Мазовецкое, земля Равская. Воеводства: Хелминское, Мальборгское, Поморское, Прусское, Краковское, земля Освецимская, Заторская. Воеводства: Сандомирское, княжество Сенавское. Воеводства: Куявское, Русское, земли: Жидачевская, Пршемысская, Галицкая, Хелмская. Воеводства: Волынское, Любельское, Белзское, Подляское, Брацлавское, Черниховское, Виленское, Троцкое. Княжества: Смоленское, Новгородское, Полоцкое, Витебское, Брест-Литовское, Мстиславское, Минское, Инфлянское. Княжество Курляндское.

Траур на сей день снимается».

Такая затея: собрать в одно место представителей всех земель бывшей Польши, манифестация, какой по размерам еще не было, потрясла все нервы. Не только все красное, очутившееся между белыми во время борьбы партий по делу выборов, но и часть белых, как белые есть, забыв все на свете, понеслись в Городло. Никого так легко не поднять на какое-нибудь безумство, на праздное шатанье с приключениями, опасностями и кутежами, как поляка. Ему дорого тут не столько дело, ради которого собираются, сколько процесс самих сборов и прибытие на место, театральная обстановка, эффектные тревоги, шум прежде

и после. Немца так легко не подыметь с его логова: будь это купец, писатель, ничего не делающий помещик или хоть даже революционер, он все-таки задаст себе предварительно кое-какие вопросы, осмотрит предмет с разных сторон. А тут, что называется, «из этого просто»: закладывай таратайку, а не то и пешком марш! Хоть на выстрелы!

В числе поскакавших в Городло был, между прочим, и Юргенс, недавно так горячо и усердно хлопотавший о выборах. Может быть, иным пришло на мысль, что народная организация «попалась», протянув руку правительству; а потому они и вздумали «бежать». Маевский не поехал. Он просто уже боялся прежних своих приятелей.

В Варшаве очень скоро узнали, что в Городле и окрестностях собралось множество всякого народу с целью устроить манифестацию на 10 октября, и делаются разные к тому приготовления.

Этой «шалости» нельзя было оставить без внимания. Начальник главного штаба, по приказанию наместника, послал к начальнику Люблинского военного отдела, генерал-лейтенанту Хрущову, такое предписание от 14 (26) сентября 1861 года за № 1441:

«Здесь распространился слух, что в местечке Городло начинают строить триумфальные арки... Если это действительно так, то его сиятельству угодно, чтобы все подобные сооружения были немедленно разрушены до основания. Командующий войсками¹ поручает вашему превосходительству лично прибыть в Городло к 28 сентября и даже раньше, если найдете присутствие ваше там необходимым. Весьма желательно было бы рассеять толпы одними уговорами и увещаниями, но если это окажется невозможным, в таком случае разрешает прибегнуть к силе оружия». Генерал Хрущов, получив эту бумагу, собрал в Городле и близлежащих местечках следующие войска:

- 1) в местечке Городле – 6 рот Могилевского пехотного полка, 4 орудия Донской № 6 батареи и 2 эскадрона драгун;
- 2) в Грубешове – бывший прежде отряд: эскадрон драгун и 4 орудия Донской № 6 батареи. Прибавлено 2 роты Могилевского пехотного полка;

---

¹ Граф Ламберт.

3) в деревне Лушкове – эскадрон драгун, наблюдать за переправой;

4) для наблюдения за местечком Дубенкой и переправами вдоль Буга – 30 казаков;

5) для формирования резерва приказано прибыть форсированным маршем из Красностава двум эскадронам Харьковского уланского полка и сотне казаков из Хелма¹.

Готовились как бы на войну: пушки, резерв, форсированный марш, тогда как нужно было (в самом начале) всего на все пару расторопных будочников. От этих войск были посылаемы в разные стороны кавалерийские разъезды для разведывания: не предпринимается ли где чего жителями?

Местная повстанская организация (белой партии) устроила свои разъезды из молодых помещиков на бойких конях. Кучки таких хватов, человек в 10–12, привлекли внимание одного драгуна, в болотистой местности, около деревни Гребенне, верстах в шести от Городла, ночью с 21-го на 22 сентября ст. ст., может быть, с тем, чтобы утопить его в трясине. Драгун, желая отвязаться от них, погрозился пистолетом, который нечаянно выстрелил. Повстанцы ускакали, и тем бы все должно и кончиться; но как-то случилось, что драгунский выстрел, ночью, в болотах, под деревней Гребенне, громко отдался в Варшавском Замке².

Наместник испугался первоначального своего предписания о мерах против Городельского съезда: чтобы излишнее усердие тамошних властей не испортило как-нибудь хода машины, которую так долго и с таким трудом устанавливали три наместника, не расстроило выборов, обещавших окончиться благополучно. Опасения его были усилены еще делегацией, гостями Замка из средних слоев варшавского населения, особенно черными диоскурами, которые в эти минуты не дремали и которых польское сердце билось наравне со всеми другими при слухах о затеваемой краем удивительной манифестации на память

¹ Рапорт генерала Хрущова начальнику главного штаба, от 26 сентября 1861 года, № 1380.

² Узнали из донесения Хрущова от 23 сентября ст. ст. 1861.

векам, где к тому же будут неизбежными участниками их близкие друзья и соратники по духовному оружию.

Наместник велел своему начальнику штаба отправить к Хрущову другое предписание, и оно отправлено, от 24 сентября 1861, № 1506. Там между прочим говорилось: «По докладу отзыва вашего превосходительства от 23 сентября, его сиятельство изволил приказать, чтобы ваше превосходительство обратили особенное внимание на войска, собранные ныне в Городельском отряде, и на то, что все они, как пехота, так и драгуны, только что прибыли из России, а потому могут, не понимая еще отношений наших к местным жителям, начать действовать оружием, тогда как этого следовало бы избегать... Если, невзирая на все предупредительные меры, как вышеизложенные, так и другие, которые ваше превосходительство предпримите, соображаясь на месте с обстоятельствами, процессия совершится, то разогнать ее кавалерией, действуя с флангов и тыла процессии и избегать при этом столкновения с ксендзами и женщинами. Упорных забирать под арест и отправлять в Замость до решения их участи наместником».

Этим предписанием сильно парализовалось первое, если только не уничтожалось вовсе: там разрешали оружие вообще, стало и огнестрельное; здесь дозволяли действовать одной кавалерией, причем упорных забирать под арест, «избегая столкновения с ксендзами и женщинами», тогда как ксендзы в подобных процессиях составляют главное. Хрущов, получив такую бумагу, естественно, растерялся. Можно было, конечно, развязать узел тем, что не допустить никакого сближения: перехватывать зачинщиков прежде, нежели что-либо устроится. Ребята были точно в чаду среди своих приготовлений; не думали ни о каких предосторожностях и сами давались в руки; их видел всякий, кто только хотел видеть; их можно было задержать еще в Варшаве...

Но этого не сделано. Съехавшиеся со всех сторон к Городлу коноводы затеи расположились в ближайших к нему местечках и деревнях: Грубешове, Степанковицах, Дубенке, Душкове, Голубкове и других, где имели несколько совещаний. Наконец все обдумано на общем собрании в Степанковицах, большом селении в 20 верстах от Городла.

Хотя стоящие повсюду войска представляли серьезное препятствие, но, помня, что подобное препятствие ничуть не помешало такому же торжеству между Алексотой и Ковном, съехавшиеся положили двинуть две процессии в Городло: одну из Степанковиц с окрестными деревнями и местечками; другую (от Руси) из Устилуга, тоже с разными околицами. Обеим процессиям сойтись, если можно, в Горолле, отслужить молебствие и составить в память события акт, который закрепить подписями участников.

По этому плану, в 5 часов утра, 10 октября н. ст., Степанковицкая процессия, отслужив напутственное молебствие в местном парафиальном костеле (причем Люблинский капуцин, ксендз Фиделис, сказал речь, исповедал братию и отпустил всем грехи), тронулась с хоругвями, крестами и народными знаменами в направлении к Городлу. На половине дороги присоединились к ней партии из Грубешова и других местечек, отчего произошла небольшая остановка, и пробош из Красностава, ксендз Боярский, сказал речь, которой старался успокоить и одушевить собравшихся. Затем процессия, заключавшая в себе приблизительно тысяч до десяти народу¹, двинулась далее.

Не доходя пяти верст до Городла, манифестаторы встретили первый драгунский пикет, который отъехал галопом к стоявшим вдали войскам. То же сделали встреченные потом второй и третий пикеты. Когда осталось до линии войск около версты, генерал Хрущов подъехал со штабом к голове процессии и сказал громко, что «получил предписание наместника не позволять собираться толпам в Городле, а если они пойдут, то будет употреблена вооруженная сила».

В толпе поднялся страшный шум; но духовенство, успокоив крикунов, отделило от себя несколько депутатов для объяснения с генералом, которые, приблизясь к нему, объявили, что «находящиеся в процессии люди пришли в город помолиться и более ничего; что молиться не запрещено».

---

¹ Мы берем среднюю цифру между показаниями частных лиц и донесением Хрущова наместнику.

Хрущов отвечал им, что «правительство допускает только установленные церковью духовные процессии, не имеющие притом политического, демонстрационного характера, а настоящая процессия выходит из этих условий, вследствие чего он никоим образом в город ее не пропустит».

Тогда ксендз Боярский, бывший между депутатами, спросил у генерала, может ли он дать им честное слово, что действительно получил приказание, не пропускать в город процессии. Хрущов дал. После этого ксендзы стали просить позволения отслужить молебствие в поле. Генерал разрешил это и даже позволил одному из ксендзов съездить, в сопровождении казаков, в город за алтарем и церковной утварью. Привезенный алтарь был поставлен на холме, между дорогами, ведущими в Городло из Степанковиц и Дубенки, в версте от войск. Народ расположился вокруг алтаря, воткнув в землю хоругви и знамена, которых было 54; а далее стали в виде ограды экипажи, числом около тысячи. Богослужение совершено ксендзом Аницетом, капуцином из Люблина, и униатский ксендз из Хелма, Лаврисевич, сказал проповедь, в которой объяснил собравшимся политическое значение съезда, важность минуты и чего она требует от поляков. После него говорили речи в том же духе: Люблинский помещик Грегорович и обыватель Ченстохова, Эдуард Ставецкий. По окончании всего (около двух часов пополудни) на месте молебствия водружен огромный дубовый крест из деревьев, срубленных в соседнем лесу, и освящен вместе со знаменами. Потом подписан акт или протест, составленный еще в Степанковицах четырьмя лицами: Грегоровичем, литератором Вржозовским, воспитанником Художественной школы Шаховским и учеником Реальной гимназии Сикорским.

Протест этот был таков: «Мы, нижеподписавшиеся, делегаты земель и поветов Польши, в том ее составе, какой она имела до разделения, собравшись в Городле 10 октября 1861 года в 448-ю годовщину соединения Литвы с Польшей, объявляем сим актом и утверждаем собственноручными подписями, что Уния, соединившая все Польские земли, возобновляется ныне, на основании признания прав всех народов

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

и исповеданий, образуя теснейший союз, который имеет целью освобождение отчизны и приобретение для нее полной независимости. Права наши поручаем совести народов и благоусмотрению конституционных правительств».

Ко всему этому можно прибавить, что в разных пунктах на совещаниях манифестаторов происходили между партиями горячие схватки, и одна из них, между сторонниками Корженевского¹ и Юргенса, едва не кончилась кровавым побоищем. Общее примирение последовало на обеде в Люблинском городском клубе 12 октября н. ст., где все (числом, как говорят, до тысячи человек) перепились и стали обниматься и проливать слезы. Иные произносили речи, смысл которых заключался в том, чтобы «всем как можно скорее организовать революционно и слиться с хлопами».

Расставаясь, они давали друг другу *slowo honogu* собраться точно так же и в будущем 1862 году.

13 октября н. ст. была отслужена в Люблинском доминиканском костеле обедня, после которой собирались подписи на Городельском протесте от крестьян и мещан. Три экземпляра протеста, с 8 тысячами подписей на каждом, отправлены в Париж, Лондон и Геную.

Другая процессия, собравшаяся в Устилуге и окрестностях, подойдя к Бугу и встретив там охранявшие переправу войска, воротилась назад, отслужила молебствие в часовне на кладбище и составила свой особый протест в следующем виде:

«Протест.

Учинен сей на границе Городла Надбужного, что в воеводстве Любельском, земле Хелмской, октября 10 дня 1861 года. Земли, составлявшие во время Городельского съезда, в 1418 году, Польшу, Литву и Русь, каковой съезд Польшу, Литву и Русь воедино неразрывными узами связал, а именно: воеводства Познанское, Калишское Серадзское, земля Добржинская и т. д., быв ныне вызваны своими делегатами, собрались в лице представителей от всех духовных корпораций, а равно депутатий от разных литературных

---

¹ Кажется, Корженевского подозревали в сношениях с правительством. Он вел себя в иных случаях действительно очень странно.

обществ, университетов и других высших учебных заведений, Медико-хирургической академии, редакций польских и русинских журналов; депутатий всевозможных цехов и разного рода кружков, имеющих какую-либо организацию, вместе с несколькими тысячами народа всех исповеданий, собравшись же, двинулись, под знаменем Христа Спасителя и соответственных религиозных инсигний, торжественным, процессиональным ходом, по направлению к Городлу, дабы в 448-ю годовщину нашего соединения возблагодарить Всевышнего, что он сохранил всех нас в той же любви и братстве, несмотря на губительное влияние трех неприязненных держав, и у подножия его алтаря молить о всеобщем нашем воскресении; но, встреченные войсками, не можем перебраться на ту сторону реки и следовать в Городло. На границе приснопамятного соединения тех народов возобновляем Городельский акт во всей его силе и обширности. Протестуем против насилия и утеснения наших прав, против жестоких мер правительства, против самовольного разделения Польши и желаем возвращения ее независимости. Так как сей акт не может быть при настоящем положении дел препровожден куда следует, яко составленный в краю, управляемом деспотически и не имеющем народного представительства, то он явится во всех заграничных изданиях, да ведают о нем алчные правительства, по милости которых раздаются вопли угнетенного народа».

В это же самое время, как бы нарочно для придания силы красным, для выручки погибавшего заговора, произошло в Варшаве событие, которое вызвало ряд манифестаций и перевернуло весь ход дел.

5 октября н. ст. умер архиепископ Фиалковский. Это был человек без всяких способностей и притом чрезвычайно слабохарактерный. До 1861 года мало кто им занимался. События 1861 года, к которым он отнесся сочувственно, отдав себя в полное распоряжение нескольких бойких каноников (более всего Дзяшковского и Секлюцкого), изменили взгляд поляков на слабого архиепископа. Читатели припомнят, что он первым подписал адрес к государю. После этого его именем делалось очень многое, о чем он иногда и не знал: рассылались

циркуляры, налагался и снимался траур; разрешалось пение патриотических гимнов в костелах; ему приписывали и разные патриотические заявления, слова, фразы, которых он или не произносил вовсе, или произносил в другом смысле. Впрочем, бывали минуты, когда он и сам, воображая, что призван разыграть чрезвычайную роль, вдавался в непростительные ошибки и увлекался по-детски. Естественно, что смерть такого лица была для красной партии истинным ударом. Прежде чем обдумывать вопрос, какие принять меры, чтобы это несчастье было наименьше чувствительно для заговора, все, что осталось в Варшаве красного, по отбытии многих агитаторов под Городло, нашло необходимым извлечь некоторую пользу из самого факта смерти: сочинить манифестацию, или даже целый ряд манифестаций, поярче и покрупнее, насколько удастся, и этим помочь Городлу затормозить хотя на время выборы, развлечь белых и правительство.

Сначала пущено в ход во множестве печатных экземпляров краткое описание жизни покойного архиепископа в повстанско-панегирическом духе. Потом рассеяны по городу и наклеены на самых видных местах траурные объявления о смерти, называемые у поляков клапсидрами, где сообщалось, со всеми подробностями, в какие часы и в каком месте будут служить панихиды с понедельника до четверга. Наконец разосланы в разные города и местечки приглашения к жителям всех чинов и сословий прибыть в Варшаву, к такому-то числу, для присутствования на торжественных похоронах «достойного вечной памяти и вечных слез архиепископа, который в настоящую минуту замешательств и борьбы с правительством изображает для края особу почившего примаса, а примас в такое время, то есть в междуцарствие, заменяет короля; стало, и похороны его будут соответствовать пышностью и значением похоронам королевским»¹.

Случайно или не случайно днем этих похорон назначено то же самое число 10 октября – годовщина Городельского съезда.

---

¹ Авейде, II, 145, примечание.

Нечего и говорить, что отовсюду повалил народ. По Варшавско-Венской железной дороге прибыло накануне погребения около 700 человек разного звания из Ченстохова, Кутна, Скерневиц, Шлешина, Сломников. Потом прибыли представители всевозможных сословий из Пулав, Черска, Грубешова, Вомбков, Лодзи, Езерков, Компина, Медзижина, Пясечна и Виллянова. Каждая партия имела во главе ксендза. Вилляновская партия вступила в город со знаменем, распевая патриотические гимны¹. Наплыв таких гостей в Варшаву был до того велик, что многие едва находили себе помещение.

Генерал-губернатор, предвидя манифестацию, хотел было сам составить программу похорон и принять меры, чтобы она была исполнена во всей точности, буква в букву. Но духовенство через известных читателю агентов своих в Замке упросило наместника предоставить составление программы похорон городу, заверяя всеми святыми, что ничего неприличного и противозаконного при этом не произойдет. Наместник, разрешая это, выразил, однако ж, желание, чтобы составленный городом церемониал был предварительно сообщен генерал-губернатору для просмотра и подписи.

Сейчас, как водится, явился по этому поводу особый комитет из светских и духовных лиц, в котором очень видную роль играл купец Осип Квятковский. Принялись разрешать трудную задачу: составлять церемониал такого свойства, чтобы им удовлетворить по возможности и себя, и правительство. Само собой разумеется, что воображение составителей при всяком пункте рвалось дальше, чем позволяли обстоятельства и рисовало разные соблазнительные добавления, что иными и высказывалось тут же вслух, возбуждая общие приятные улыбки. Но в конце концов все беспокойные порывы укрощены: церемониал составлен довольно приличный. Герштенцвейг прочел его и подписал. Разные игривые добавления составители предоставляли судьбе,

---

¹ Деревня Видлянов, принадлежащая ныне графине Августовой Потоцкой, находится всего в 10 верстах от Варшавы. Замечательна дворцом короля Яна III Собесского, садом и парком, где некоторые тополя посажены рукой этого короля.

случаю, чьему-либо сверхштатному распоряжению, которое, вероятно, не заставит себя долго ждать.

И точно: несколькими часами позже собрался другой комитет, где именно было рассуждается о том, что такое прибавить к правительственному церемониалу и как распорядиться, чтобы этому никто не воспрепятствовал; и очень может быть, что некоторые лица, незадолго перед тем заседавшие в том комитете, предложили и здесь кое-какие соображения, уже позволив воображению своему разыгаться вполне. Что было придумано, мы увидим ниже.

Четыре дня кряду совершались торжественные панихиды на дому архипастыря, в архиепископском палаце, на Медовой. Стечение народа было огромное.

Наступило наконец 10 октября. С самого раннего утра народные констебли, кем-то мгновенно сочиненные без спросу у правительства под командой Осипа Квятковского, Фомы Лебрюна и других более или менее известных обывателей, бегали по улицам и приказывали купцам запираť лавки, а хозяевам разных ремесленных заведений – распускать рабочих. Кто не слушался, того заставляли силой. На Огородовой улице эти констебли разбили винный погреб купца Кноля, который отказался повиноваться их приказаниям. На рынке за Железной Брамой, вследствие такого же упорства и неповиновения, разбросана и переломана констеблями деревянная посуда одного бондаря. На Сольной улице, где что-то строилось, констебли раскидали известку и мазали ею рабочих, которые не хотели разойтись по домам¹.

К трем часам пополудни все было в том виде, какой требовался для предстоящей церемонии.

Процессия тронулась из архиепископского палаца налево, улицами: Долгой, Пршеяздом, Велянской, Тлумацкой, Лешном, Римарской, Сенаторской, Вержбовой, Саксонской площадью, Краковским предместьем, мимо Замка, в Фару².

Впереди шли, как и при погребении пяти жертв, сироты и старцы Варшавского благотворительного общества со всеми членами этого общества. Затем следовали учебные

---

¹ Дело А. В. № 7.

² Обыкновенное, народное название Свенто-Янского костела.

заведения обоего пола. Реальная гимназия несла прикрепленную к палке таблицу с гербом Литвы и Польши¹. Студенты Медико-хирургической академии несли знамя с Польским орлом и трехцветными лентами. За ними шла Художественная школа, Земледельческое училище с Маримонта; Варшавская консерватория с ее директором; разные артисты и литераторы, штат городских врачей, цехи со знаменами, которые тоже были украшены Польскими орлами и увиты трехцветными и траурными лентами братства. Члены литературной архиконфратерны. Делегация погребального комитета. Орден сестер фелицианок. Орден Варшавских сестер милосердия. Черное духовенство. Белое духовенство. Профессора Духовной академии. Капитула. Духовное лицо, исполняющее обряд погребения. Крест архиепископа, несомый одним из митрополитальных каноников. Гроб на плечах; для порядка при нем часть погребальной делегации. Терновые венцы на подушках. Две короны, польская и литовская, также на подушках; при них как бы объяснение, гербы литовский и польский, тоже на подушках. За гробом шло семейство покойного, правительственные лица и народ. Тут же следовал и катафалк.

На Банковой площади встретило процессию еврейское духовенство, имевшее также таблицу с гербом Литвы и Польши, и двинулось, согласно своим постановлениям, непосредственно за гробом. В Фару оно, конечно, не входило².

Граф Ламберт хотел лично присутствовать на церемонии со своим штабом и уже надел было мундир; на дворе Замка приготовлено было до пятнадцати верховых лошадей, как вдруг ему донесли об изменении программы похорон: граф снял с себя мундир, надел сюртук и сел под окошко. У других окон разместились, вооружась биноклями, Герштенцвейг, Крыжановский, Велепольский, Потапов, прибывший незадолго перед тем для преобразования варшавской полиции, и еще несколько высших военных чинов. Все окна были заняты зрителями. Когда процессия

---

¹ Начинаются «добавления».

² Большие подробности погребения можно видеть в «Варшавской Газете» 1861 года, № 242 и 243.

поравнялась с Замком, некоторые из упомянутых лиц молча переглянулись...

На другой день, 11 октября, отслужена торжественная панихида епископом Декертом, занявшая 3 часа времени – от 7 до 10 утра. Затем последовала «великая обедня-сумма» и заключительное молебствие, называемое «Kondukt Castrum Doloris», что заняло 2,5 часа. В половине первого пополудни совершилось положение тела в склепах митрополитальных.

В промежутке этих богослужений произнесено две проповеди: одна – епископом Платером, а другая – каноником Ржевуским, с различными патриотическими намеками и заявлениями.

Все время шел сбор денег «на дело отчизны», а разная молодежь, бродя по костелу, напоминала народу о предстоящих близких торжествах: годовщине Костюшки, 15 октября, и годовщине Понятовского, 19-го того же месяца.

В два часа пополудни помещики отправились с приехавшими крестьянами в Европейскую гостиницу, где ждал их великолепный обед на 200 кувертов. В числе угощавших суетился более всех помещик Ловичского уезда Варшавской губернии Август Завиша, брат Артура Завиши, павшего жертвой патриотического увлечения в 1833 году.

Среди обеда один почтенный крестьянин встал и сказал: «Теперь точно вы с нами в ладах, господа; но когда дойдет до чего, как бы не случилось, что в 1831 году; подбить вы нас подбьете, а потом и бросите на съедение москалям!»

Кроме этого обеда дана была в той же гостинице студентами Медико-хирургической академии и старшими учениками Реальной гимназии особая закуска вишняковским поселанам, причем известный читателям сапожник Гишпанский произнес речь, в которой убеждал присутствующих «жить с помещиками как можно согласнее и не пренебрегать обществом евреев».

В пятом часу крестьяне, разумеется сильно подгулявшие, вышли из гостиницы и, крича: «Да здравствует Варшава!», уселись в приготовленные заранее три омнибуса и несколько дрожек и отправились: часть на станцию Варшавско-Венской железной дороги, а другая (вишняковские) к Мокотовской

заставе. На козлах передового омнибуса сидел крестьянин с белым знаменем, которое получили угощаемые от помещиков за обедом. Вишняковские имели свое знамя, то самое, с которым они вошли в Варшаву, как было рассказано выше. Официальный повстанческий фотограф того времени, Байер, снял весь этот поезд.

Так кончились невероятные дни 10 и 11 октября. Город опять потерял голову, как в феврале, после манифестации похорон пяти жертв. Опять партии смешались, и строго отделить, где красные и где белые, было тогда очень трудно. Выборы, конечно, были забыты. Шаховский с товарищами потирали руки. Вся масса варшавян, за самыми незначительными исключениями, думала только о том, как бы продолжить манифестации. Везде ходили по рукам печатные и письменные объявления, возвещавшие о панихиде по Костюшке на 15 октября и о каком-то стихотворении в честь этого героя, отпечатанном в типографии Польского банка. В особенности показалось много таких плакатов 13 октября.

Наместник решил положить предел беспорядкам. Он приказал вечером 13 октября н. ст. директору своей канцелярии, д. с. с. Казачковскому, изготовить все, что нужно, для объявления военного положения на другой день утром, 14 октября, и объявить его, разослав на рассвете печатные экземпляры во все дома.

Написанное еще в марте того года, военное положение было теперь немного изменено и отпечатано к утру 14-го в стольких экземплярах, сколько в Варшаве домов, кроме экземпляров для плакардирования по стенам. Каждый домохозяин получил отдельный лист и на нем расписался – мера, принятая затем, чтобы после никто из домохозяев не мог отговариваться неведением¹.

---

¹ Сообщено автору самим Казачковским. Некоторые подробности распоряжений по введению военного положения можно также видеть в приказе варшавского обер-полицмейстера от 1 (13) октября 1861 года, напечатанном во всех варшавских газетах. Казачковский подал наместнику еще прежде записку о необходимости военного положения, составленную под его редакцией разными чиновниками канцелярии наместника и генерал-губернатора. Эта записка напечатана в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1869. IV, 157.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Военным положением запрещались всякие сборища, пение возмутительных гимнов, денежные сборы, распространение плакатов и т. п. Военным начальникам предоставлялось право принимать все полицейские меры, какие они признают в данном случае нужными для водворения спокойствия. Они могли запереть, когда вздумается, лавки, кофейни и прочие публичные заведения; воспрепятствовать собраниям в частных и публичных домах, производить во всякое время у жителей обыски, всех подозрительных и празднопроживающих подвергать аресту; в случае сопротивления власти – прибегать к оружию.

Сверх того, отдельным приказом полиции объявлены все шинки, баварии, сады Саксонский и Красинский закрытыми впредь до особого распоряжения. Извозчикам предписывалось останавливаться мгновенно по требованию полицейских чинов, кого бы они ни везли. Студентам запрещалось без особенной надобности выходить на улицу. Более трех человек не должны были нигде сходиться и разговаривать.

Когда все это оглашалось, войска занимали означенные в особом приказе по армии пункты, и Варшава приняла в другой раз вид осажденного города. Жители смотрели на это и как бы не верили глазам, но трусили все. День прошел мирно.

В течение его красные совещались. «Что делать? Идти дальше тем же путем или приостановиться? Шутит или не шутит правительство?» Поблажек было оказано столько, что представлялось невозможным, чтобы те же самые власти, которые были так долго терпеливы и снисходительны, вдруг за одну ночь изменились совершенно. Между тем манифестация на годовщину Костюшки так хорошо уложилась во всех головах, так дразнила разными подробностями повстанское воображение...

По обсуждении вопроса со всех сторон решили попробовать устроить, что можно, что дастся, и с этой целью отправили часу в 9-м утра в костелы Свенто-Янский, Бернардинский и Свенто-Кришский кучу ребятишек и женщин, которым велели запеть в известный момент гимны. Но юные и неопытные менеры не могли сделать ничего: никакого пения у них не выходило. Тогда старшие не выдержали: вошли в костелы массой, увлекая туда же бродивший уныло по улицам народ,

где были люди всякого звания, и гимны около 11 часов дня раздались во всех костелах с подобающей торжественностью. В соборе Святого Яна на месте портрета покойного архиепископа, при 8-м катафалке (которого нарочно не убирали) явился портрет Костюшки. Наместник и генерал-губернатор были немедленно обо всем этом уведомлены. Ими приказано: «В точности следовать постановлению, выданному особо на случай сборищ в костелах, то есть окружить костелы (где поются гимны) войском и, «когда служба кончится и народ станет выходить, арестовать всех взрослых мужчин, не трогая женщин и детей»¹. Так и сделали: ко всем сказанным костелам приведены войска, и им отдано надлежащее приказание. В то же время коноводы манифестации отдали народу свое приказание: «Не выходить, не выдавать!»

Служба кончилась, но из костелов никто не показывался. Так прошел день и наступила ночь. Солдаты поставили ружья в козлы и разложили по улицам, против окруженных костелов, огни. В городе была мертвая тишина, но никто не спал.

Замок, где собрались все высшие военные и гражданские чины из русских, не без страха прислушивался к этой роковой тишине, которую нарушали изредка разве звон чьей-нибудь сабли о мостовую, или бряканье ружья о ружье, не то глухой говор солдат.

Рассуждали о том, что делать с запертыми массами. Большинство считало за лучшее «строго держаться постановления, ждать, когда выйдут и тогда арестовать»; а что когда-нибудь да выйдут, в этом, разумеется, не было сомнения. Уже стало известно, что к окнам Свенто-Янского костела народ приносил булки и швырял их внутрь, где это было удобно.

Герштенцвейг стоял на стороне большинства, то есть находил неуместным нарушать только что изданное постановление. Чувствуя близ полуночи чрезмерную усталость, он, не спавший к тому же двое суток сряду, отправился домой, в Брюлевский дворец, и оставил Ламберта на жертву его бесхарактерности.

---

¹ Сообщено адъютантом Терштенцвейга; ниже некоторые подробности от него же.

Отъезд генерал-губернатора из Замка был замечен в городе, и к нему ту же минуту явился епископ Декерт с просьбою «выпустить народ из костелов и никого не арестовывать». Ему было объявлено через адъютанта, что «пусть выходят: препятствие к этому нет; что же до арестов, это дело правительства, и рассуждать теперь об этом не время».

Когда Декерт принес этот ответ в свой духовно-революционный кружок, ксендзы красного оттенка заявили, что необходимо устроить ночную процессию, с хоругвями, крестами и выручить осажденных.

Бывшие в кружке светские агитаторы предлагали свое содействие и находили возможным при всеобщем чрезвычайном раздражении масс поднять весь город.

Смутные сведения об этих затеях достигли, с разными прикрасами и дополнениями, до некоторых начальников войск. Рассказывалось между прочим, что где-то уже собраны огромные толпы народа и только ждут приказания вождей, чтобы ринуться. Духовенство пойдет в полном облачении, с разными религиозными инсигниями, понесут святые дары. Генерал Хрулев, наслушавшись всего этого на улице, явился в Замок в первом часу ночи и, передав наместнику и окружавшим его генералам все слышанное, заметил, что «считает минуту весьма опасной; что взрыв возможен; конечно, жители войск не одолеют, но все-таки произойдет побоище страшное, и падут многие жертвы, может быть более, чем 8 апреля; особенно невыгодно для правительства перебить кучу попов, которые непременно явятся во главе толпы».

В предупреждение катастрофы Хрулев находил уместным изменить особым постановлением 10-й параграф распоряжения об арестах в костелах: «Послать в окруженные войсками костелы офицеров с невооруженными командами солдат, которые предложат народу выйти; если этого не последует, – ввести вооруженные команды и всех арестовать».

Многие из бывших тогда в Замке высших чинов одобрили эту меру. После небольшого раздумья с ней согласился и наместник и уполномочил генерала Хрулева распорядиться в том духе, как им было предложено.

Хрулев вышел и отдал соответственные приказания, вследствие чего во все три храма были отряжены невооруженные команды под начальством офицеров.

Когда одна из таких команд вступила в Свенто-Кршиский костел, там никого не оказалось. Одни говорят, будто бы народ ушел через сакристию в сад, прилегающий к костелу, и оттуда перебрался частью на Сверто-Кршискую, частью на Мазовецкую улицу. По другим рассказам, народ ушел через подземелье, существовавшее между костелом и домом графа Андрея Замойского.

Другая команда немного спустя отправилась в Бернардинский костел. Едва только солдаты показались на пороге, как народ, схватив скамейки, шандалы и что попало под руку, бросился на них и заставил отступить. В храм были введены вооруженные команды, которые после небольшой свалки арестовали всех мужчин и отвели в Замок.

Аресты в Свенто-Янском костеле произошли в присутствии генералов Герштенцвейга и Потапова, которые прибыли туда со своими адъютантами часу в четвертом ночи. Все они были в мундирах, только с накинутыми сверху шинелями, так как было довольно холодно.

Когда эти лица переступили через порог, им представилась следующая картина. Храм горел огнями. В середине – великолепный катафалк с серебряным балдахином, усеянным траурными слезами; священнослужители в светлых, сияющих ризах, и народ, павший на колени, лицом к алтарю, в совершенном безмолвии.

Один из генералов произнес по-польски: «Господа, выходите, а не то приказано будет вас арестовать».

Никто не отозвался ни одним словом. Темная масса, как один человек, затаив дыхание, точно оцепеневшая или сраженная внезапной смертью, стояла по-прежнему на коленях. Серебряный катафалк горел и переливался огнями. Весь храм дышал светом и молитвой.

Трудно было начать в такую минуту и при такой обстановке аресты; но делать нечего, приказ был отдан. Солдаты вошли и стали брать людей по очереди, небольшими кучками, и отводить в Замок. Один ксендз, в белой ризе, с крестом в руках, шел

всю дорогу, читая молитвы, и сейчас же по прибытии на замковую гауптвахту заснул. Иные отдавались в руки безмолвно, не сопротивляясь нисколько; другие вступали с солдатами в борьбу, доходившую местами до серьезных схваток.

Как только начались аресты, на колокольне собора ударил колокол и заунывно разливался в пространстве над тихим городом. Сперва за суматохой его не слышали, но потом эти звуки стали раздражать многих из распоряжавшихся арестами. Герштенцвейг первый не выдержал и воскликнул: «Да снимите мне этого звонаря с колокольни!»¹

Но до него не так легко было добраться: лестница и сени 5-й колокольни были битком набиты народом. Пришлось арестовывать в такой тесноте по одиночке, а колокол гудел себе да гудел. Близ пяти часов утра аресты кончились, и арестованные переведены из Замка в Цитадель. «Сколько их? « – спросил Герштенцвейг. «Тысячи две-три», – отвечали ему. «Что мы будем с ними делать?..»

Когда совсем ободняло, город представил кипящий котел. Можно было думать, что вот-вот вспыхнет восстание. Большие кучи народа бродили по улицам с угрожающими криками. Взрыв точно был возможен: все зависело от появления энергичного вождя, от искры, а порох был в достаточном количестве. Но искры на ту пору не случилось; может статься, такой искры вовсе не было в тогдашней Варшаве, или она сидела в Цитадели. Сотни две-три казаков, пущенные по улицам, угомонили крикунов нагайками. К полудню кипучие волны совершенно улеглись, как будто ничего и не было. Хирурги, заготовленные на случай в Замке, разошлись по домам. Настала тишина. Среди этой тишины все, что только не было арестовано из вождей и влиятельных лиц разных кружков, собралось вместе с влиятельным духовенством в зале консистории, на Медовой улице. Тут были между прочим два епископа: Сандомирской епархии Юшинский и Келецко-Краковской – Маерчак; каноники Секлюцкий, Дзяшковский, Ржевуский; несколько ксендзов и новоизбранный капитулярный викарий, иначе администратор Бялобржеский, заступивший место архиепископа.

---

¹ Сведения от его адъютанта, стоявшего тогда подле генерала.

В первые минуты все это собрание метало громы и молнии. Высказывались упреки населению, всему вялому и бесхарактерному славянству: такой удивительный момент к поголовному восстанию – и не восстать!

Когда крики успокоились, собравшиеся начали рассуждать о положении своих братьев в Цитадели. «Сегодня все это здесь, дома, а завтра, в силу военного положения или просто по распоряжению высшей власти, может очутиться на пути в Сибирь, наполнить казематы разных крепостей, быть приговорено к смерти!..» Между арестованными находились дети первых магнатов; эти магнаты, которых часть могла заседать тут же ¹, в консистории, готовы были пожертвовать всем, отдать восстанию последнюю копейку, лишь бы увидеть своих детей сейчас свободными. «Что же делать? Какие придумать средства к скорейшему освобождению всего, что заперто в Цитадели и терпит там бог знает какую участь? Что делать вообще в такую страшную минуту, когда жизнь остановилась: город занят войсками, публичные сады заперты, общественные места тоже; не всякому можно выйти, когда он хочет, на улицу?.. Стеснительнее, ужаснее этого Варшава ничего не помнит!»

Среди таких вопросов, восклицаний, упреков друг другу за неумение вести дело как следует, по-европейски, какой-то ксендз сказал: «Нечего тратить понапрасну слов и времени, а надо действовать; прежде всего запереть оскверненные храмы: духовенство имеет на это право, постановление пап!»

Эта мысль поразила всех. Все ее одобрили, и тут же, не справляясь ни с какими законоположениями (часть которых была решительно на стороне правительства), собравшиеся составили такое воззвание консистории к варшавскому духовенству.

«Варшава, октября 16-го дня 1861 года.

Генеральная консистория архиепархии Варшавской к достойным настоятелям парафиальных костелов и духовных братств в Варшаве.

---

¹ Не подлежит сомнению, что на этом заседании было довольно много светских лиц разного звания, но имена их остались неизвестными, несмотря ни на какие расследования.

«По причине осквернения нынешней ночью варшавских костелов: митрополитального Святого Яна и Вернардинского, оба эти костела, по приказанию его высокопреосвященства, администратора архиепархии, с сего дня запираются и, пока не произойдет открытие оных, никакое богослужение в них не может иметь места. Сверх того, из опасения, чтоб и другие храмы Господни не подверглись таковым же вторжениям и осквернению, его высокопреосвященство, администратор, приказал запереть с завтрашнего числа все парафиальные и другие костелы и каплицы, впредь до особого распоряжения, то есть пока не получится ручательства в том, что сказанные храмы будут обеспечены от поругания, и верный народ не увидит себя в возможности возсылать в оных с совершенной безопасностью свои молитвы к Богу.

Подписали: Судья-суррогат митрополитальный, варшавский каноник, ксендз Август Секлюцкий. Секретарь ксендз Цеслевский».

Это воззвание быстро облетело Варшаву. Все кружки и словесия читали его с восторгом и называли попов «молодцами, выручателями». Наместник также скоро узнал об этом воззвании и потребовал к себе администратора, с которым имел весьма горячее объяснение по этому предмету часу в 9-м утра того же 16 октября. Вялобржеский, попавший в руки тех же самых людей¹, которые управляли покойным архиепископом, человек, к тому же не менее слабохарактерный, говорил наместнику то, что ему было внушено разными помощниками и руководителями перед отбытием его в Замок. Представив потрясающие сцены арестов, «крайне поспешных и неосмотрительных», администратор в заключение сказал, что «распоряжение о закрытии храмов, еще не приведенное в исполнение, может быть отменено только в том случае, когда арестованные будут немедленно освобождены все до единого и духовенство получит ручательство, что подобные сцены впредь не повторятся».

Расстроенный, больной наместник, почти не смыкавший глаз целых трое суток кряду, не счит удобным препираться и

---

¹ Сведения от Левшина. Он добавляет, что, когда он пошел к дверям, наместник будто бы воротил его с порога и сказал: «Не стесняйтесь!»

спорить с администратором о предмете, которого, как светский человек, хорошо не понимал; равно не хотел, вследствие разных соображений, поставить вопрос в такие условия, чтобы духовенство перестало воображать, что оно в самом деле сила, с которой нельзя бороться. Он сказал администратору, что сделает со своей стороны все, что может, к успокоению умов, надеясь, что точно так же поступит и духовенство, и они расстались.

Призванный в ту же минуту председатель следственной комиссии полковник Левшин получил приказание «отправиться в Цитадель и, произведя там, вместе с комендантом ее, генерал-майором Ермоловым, возможно скорую сортировку арестованных, освободить тех, кто покажется им менее опасным и виновным, причем обращать внимание на возраст» .

Сортировка была произведена очень быстро, и значительная часть арестованных освобождена к одиннадцати часам дня.

Генерал-губернатор ничего не знал об этом, по крайней мере до полудня. Принимая в девять часов, по заведенному порядку, рапорт от коменданта города, генерал-майора князя Бебутова и услышав от него, что он едет в Цитадель, он приказал взглянуть на арестантов и позаботиться, чтобы у них было все необходимое: хорошая пища, для спанья тюфяки и солома¹, и отправился в Замок, где узнал все и имел с наместником, глаз на глаз, то крупное объяснение, о котором было столько различных предположений и толков, но которое до сих пор остается тайной. Иные думают, что Герштенцвейг высказал наместнику неудовольствие на крайнюю бесхарактерность его распоряжений: «Нарушив собственное свое постановление, на том основании, что аресты были признаны делом неизбежным и неотвратимым, заставив его, Герштенцвейга, распорядиться этим

---

¹ Сведения от князя Бебутова. Въезжая в исходе десятого часа в Цитадель, он встретил, к немалому своему изумлению, две большие партии арестантов, человек приблизительно 500, шедших по Константиновскому мосту в город. Потом, во дворе Цитадели, попалась ему еще партия. Пробыв в Цитадели около часу, в течение которого сортировка и освобождение непрерывно продолжались, и убедясь, что о тюфяках и о прочем заботиться особенно нечего, князь поехал опять в Брюлевский палац доложить обо всем виденном генерал-губернатору, но его уже не было дома: он был в Замке.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

в соборе, — через несколько часов отдать приказ об освобождении арестованных! К чему же была вся эта ночная, печальная комедия, свалка народа с войсками при звоне набатного колокола; к чему был соблазн нарушения собственного приказа?»

Тут же вылилось, вероятно, и все то, что затаено было в груди довольно давно, что накопилось в течение нескольких месяцев, привезено из Петербурга...

Как бы то ни было, наместник и Герштенцвейг вызвали друг друга, по мнению, большинства, на дуэль, которую, во избежание скандала, решили привести в исполнение особым, так называемым американским способом; брошен был жребий: кому выпадет «пистолет», тот должен застрелиться. Пистолет выпал Герштенцвейгу...

Так рассказывали в Варшаве и рассказывают до сих пор. Верно известно только то, что Герштенцвейг уехал из Замка часу в пятом дня, чрезвычайно расстроенный. В пять он обедал у себя дома с директором своей канцелярии Честилиным и одним из своих адъютантов Поленовым. Говорили мало. Всем было, что называется, не по себе.

Пообедав, Герштенцвейг лег в своем кабинете отдохнуть, не раздеваясь, в шюртуке, как был, и не велел никого принимать. Так пролежал он, почти без движения, весь тот вечер¹.

На другой день, 17 октября н. ст., встав с постели часов в 7 утра, он зарядил револьвер и, подойдя к одному из окон кабинета, выстрелил себе в лоб два раза. Первая пуля, скользя по черепу, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрел произвел в черепе одиннадцать трещин, и пуля, пробив лоб и скользя по внутренности черепа, остановилась в затылке. Несмотря на это, несчастный страдалец был не только жив, но и сохранял все чувства. Дойдя снова до постели, стоявшей в другом покое, он лег и позвонил².

---

¹ Сведения от князя Бебутова. Он подходил к двери кабинета несколько раз, приотворял ее тихо и видел Герштенцвейга в одном и том же положении, на ближайшей софе, которая и теперь стоит на том же месте, влево от двери.

² Сведения от одного из адъютантов Герштенцвейга. Он сказывал между прочим, что после того, как было замечено сильное расстройство в генерале, кто-то умышленно испортил его револьвер или по крайней мере старался испортить.

Выстрелов в доме никто не слышал. Вошедший по звонку человек, увидев генерала окровавленным, бросился вон к дежурному адъютанту. Когда тот вбежал, – «Imaginez-vous, – сказал ему спокойно Герштенцвейг, – deux coups, et je ne suis pas encore mort!»¹

Дальнейший их разговор неизвестен...

В девятом часу приехал Ламберт и, желая говорить с больным наедине, дал знак адъютанту, чтобы он вышел; но тот объяснил, что без приказа своего генерала сделать этого не может. «Прикажите!» – сказал Ламберт. Герштенцвейг, по-видимому неохотно, дал знак...

Между тем в городе пошли таинственные восточные шушуканья, причем всякий, рассказав кому-либо историю, прибавлял: «Только, пожалуйста, никому!», хотя все давно знали.

Страшно сказать: несчастный умирал 19 дней! Смерть последовала, когда попробовали вынуть пулю – 24 октября ст. ст.

Дело о храмах продолжалось. Несмотря на освобождение арестантов, которых к вечеру 16 октября н. ст. осталось в Цитадели, из числа захваченных в храмах, только десятая часть, духовенство в стачке с заговором, получившим при этих замешательствах и беспорядках новый толчок, оживление и силы, склонило администратора отдать приказание о закрытии костелов Свенто-Янского и Бернардинского с приложением печатей, что и было исполнено перед вечером 17 октября благочинным Витманом, а в остальных прекращено богослужение².

Узнав об этом, наместник приказал директору Комиссии духовных дел (Велепольскому) потребовать от Капитулы объяснения ее поступка и вместе с тем передать администратору, что «возлагает на него ответственность, по всей строгости военного положения, за все последствия, какие от того произойти могут».

Велепольский дал знать об этом Капитуле и через час или через два получил ответ администратора на полутора листах. Вот из него выборки:

---

¹ Вообразите: два выстрела, и я еще жив!

² Сведения от каноника Секлюцкого. Свенто-Янский костел заперт в 5 часов, а Бернардинский – в 6 часов пополудни.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«...После того, как я (пишет администратор) по поводу происшедших событий и могущих случиться еще ужаснейших последствий, выразил перед его сиятельством, графом Ламбертом скорбь всей церкви, всего духовенства и народа христианского, наместник дал мне слово, что подобного рода неслыханные действия будут прекращены и более не повторятся...

Тогда и я, со своей стороны, объявил, что распоряжение духовных властей относительно закрытия костелов также будет уничтожено...

Ныне наместник и директор Комиссии вероисповеданий требуют от меня письменного объяснения по сему предмету. Повторяю, как уже сказал на словах, что я готов уничтожить означенное распоряжение, и оно будет уничтожено: костелы отворены быть могут: но кто поручится, чтобы народ, раздраженный и выведенный из себя последними событиями, не запел там опять религиозно-патриотических гимнов? Дабы достигнуть более спокойного настроения умов, потребно много времени и некоторая свобода, по крайней мере духовная; а со стороны правительства не сделано к тому покамест ни одного шага, и нет официального заверения, что такие ужасающие сцены и поругание храмов не повторятся... Напротив, в полицейском приказе от 14 октября упомянуто, что во все костелы будут назначаемы полицейские солдаты, которые, в случае пения запрещенных гимнов, обязаны доносить о том ближайшему военному начальству, чтобы оно прислало войско...

Таковым распоряжением молитва, духовенство и народ преданы во власть полиции и войск, и можно думать, что правительство имеет в виду еще более ужасные меры, которые поставят религию и церковь в еще опаснейшее положение...

Массы невинных жертв захвачены в храмах, сих единственных убежищах христиан для передачи их молитв богу, убежищах, казалось, достаточно огражденных от всяких насилий 213-м параграфом свода уголовных и исправительных наказаний, и покамест хотя одно лицо из числа этих несчастных и ни в чем не повинных узников, а равно и других жертв, беспрестанно хватаемых и подвергающихся всяким оскорблениям на улицах, останется под арестом, до тех пор никакое успокоение

умов не возможно, и влияние духовенства не сильно привести к желаемым результатам...

А потому, приняв все сие во внимание, я не могу никоим образом отменить так скоро приказание, только что вчера данное относительно закрытия костелов, и они должны еще оставаться некоторое время запертыми...

Высокое же правительство тем временем найдет, со своей стороны, возможность обдумать способы к возвращению народного доверия и освободить всех арестованных в костелах и на улицах, а кроме того, привести жителей к убеждению, что подобные горестные события не повторятся...»

Велепольский в ту же минуту сообщил эту бумагу наместнику, который, прочтя ее, потерял всякое терпение и, как это бывает всегда с бесхарактерными людьми, перешел вдруг от слабости к крайним строгостям. По его приказанию начали хватать по улицам и где попало всех мало-мальски подозрительных. 19 октября н. ст. арестовали даже недавних его друзей, Вышинского и Стецкого. Тогда же арестованы сапожник Гишпанский и литератор Вольский в алтаре Свенто-Кршиского костела, где они укрывались. Затем взяты целые десятки менее известных агитаторов. Цитадель снова наполнилась.

Комиссар 10-го цыркула, Держановский, вследствие подозрения, что он содействовал уходу толпы из храма Святого Креста, утром 15 октября, приговорен к расстрелу и если остался цел, то этим обязан заступничеству генерала Хрулева. С купцов, которые заперли лавки в день годовщины Костюшки, взыскано по 100 рублей штрафа с каждого.

Через неделю после этого (26 октября н. ст.) граф Ламберт, едва живой, харкавший кровью, более похожий на тень, чем на человека, вдруг скрылся из Варшавы, ни с кем не простясь. В газетах было написано только, что «наместник Царства Польского отправляется, с высочайшего соизволения, за границу на несколько недель для поправления здоровья».

Он жил с тех пор безвыездно на острове Мадере. Разговор о Польше его времени был постоянно для него больным местом,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

к которому посещавшие его знакомые и друзья из России и других земель считали не деликатным дотрагиваться. Один старый его приятель из Петербурга, прожив на Мадере около полугода и видясь с Ламбертом чуть не всякий день, воротился в Россию, не разъяснивши нисколько ни для себя, ни для других роковую тайну.

Часть 3. Мятеж 1863–1864 гг.

В 1861 году во всей Российской империи, включая Белую Русь, было ликвидировано крепостное право. Но решение одних болезненных проблем российского общества немедленно порождало новые.

После вступления на престол императора Александра II режим военной диктатуры, установленный в Царстве Польском после событий 1830–1831 гг., был ослаблен. По амнистии на родину вернулось 9 тыс. бывших участников восстания 1830–1831 гг. Цензура выпустила в свет сочинения А. Мицкевича и других ранее запрещенных писателей, разрешила выпуск неправительственных изданий. Католическая церковь получила самостоятельные права – вступил в силу конкордат, заключенный Россией с Ватиканом в 1847 г.

Получила свободу и оппозиция. Так, в 1857 г. власти утвердили устав Общества землевладельцев во главе с графом А. Замоиским – сторонником мирного обретения независимости. В польских школах и учебниках истории говорилось о блестящем прошлом Речи Посполитой, о ее благородных панах и благочестивых ксендзах. Польские деятели требовали восстановить конституцию, дарованную Александром I в 1815 г., передать Царству земли Речи Посполитой до Днепра и Западной Двины и вернуть полную независимость.

Проводником этих настроений стало польское духовенство. Монастыри превращались в штабы, а позднее – в оружейные склады повстанцев. С 1860 г. в Варшаве и других городах проходили националистические манифестации с оскорбительными куплетами, бранью и угрозами в адрес русских, чинились надругательства над православными кладбищами. Во время приезда императора Александра II в Варшаву осенью 1860 г. царскую ложу в опере залили серной кислотой. «Лучшие намерения» русских властей в Польше не встретили ожидаемого отклика.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Либеральный курс Александра II в отношении Польши привел к прежнему результату. В Царстве Польском (включавшем чисто польские области) была создана польская администрация и в значительной степени восстановлена автономия Польши. Но польские лидеры немедленно стали претендовать на «Забранный край» (т.е. территории нынешних Беларуси и Украины).

19 февраля 1861 г. было отменено крепостное право, а уже 25 февраля в Варшаве начались манифестации под польскими знаменами и гербами всех провинций прежней Речи Посполитой.

В феврале 1861 г. в Варшаве заседал съезд Общества землевладельцев. Престарелый наместник князь М.Д. Горчаков милостиво предоставил ему залы своего дворца. На улицы Варшавы вышло 80 тыс. человек, между манифестантами и полицией завязались драки.

Брошенные на подмогу войска были забросаны камнями и открыли огонь. Появились первые убитые – 5 человек. Польша облачилась в траур. «Почетные лица» Варшавы представили наместнику М. Д. Горчакову адрес на имя царя с требованием дать Польше автономию.

Наместнику пришлось освободить арестованных демонстрантов. Он приказал хоронить убитых с почестями, убрал войска и полицию с улиц и заменил русского оберполицеймейстера Варшавы поляком. Управление Варшавой перешло в руки польской Делегации.

В отношении русских, проживающих в Польше, установилась атмосфера морального террора. Общеимперские власти фактически самоустранились от управления краем. Манифестанты демонстративно нарушали административные границы между Царством Польским и губерниями Северо-Западного края.

Александр II настоял на роспуске самозванной Делегации, но продолжил политику примирения и уступок. В марте 1861 г. появился указ, даровавший Царству Польскому автономию. Создавался Государственный совет Царства – высший совещательный и контрольный орган. Формировалась польская гражданская администрация и выборное местное самоуправление – губернские, уездные и городские советы.

Однако кровавые беспорядки в Варшаве продолжались. В мае 1861 г. умер князь М. Д. Горчаков. Временный наместник Н. О. Сухозанет вернул «старые добрые» порядки. Но в августе новый наместник генерал-адъютант К. К. Ламберт, француз и католик, призвал поляков к «спокойствию» и взаимной «любви», обещая развивать «государственные учреждения» Польши. Антирусские манифестации прокатились по всему Царству. Поляки надевали траур, скорбя о потерянной свободе.

Осенью «патриоты» победили на выборах в советы. В Варшаве на подавление недовольства были брошены войска. Варшавский генерал-губернатор А. Герштенцвейг, поссорившись с наместником, покончил с собой. Ламберт умолял об отставке: «Ради Бога, пришлите кого-нибудь на наши места». Сменившие его генералы Н. О. Сухозанет и А. Н. Лидерс суровыми мерами навели порядок.

В 1861 г. в Польше оформились две руководящие силы революции. Белые – националистическая шляхта – добивались возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г. Их поддерживала влиятельная в Европе парижская эмиграция. Красные – выходцы из самых разных слоев, в отличие от белых, мечтали не только о независимости, но и о социальной революции. Они в Варшаве образовали собственный правящий орган – Центральный национальный комитет (ЦНК), первым главой которого стал разорившийся шляхтич И. Хмеленский.

Весной 1862 г. правительство выработало программу развития польской автономии. Ее исполнение было возложено на великого князя Константина Николаевича, назначенного наместником в Царстве Польском 27 мая 1862 г. Начальником гражданского управления стал богатейший польский аристократ маркиз А. Велепольский.

20 июня 1862 г. Варшава встретила нового наместника криками «да здравствует король!» Но красные во главе с И. Хмеленским решили уничтожить «сына Николая I».

Вечером 21 июня, когда наместник вышел из театра и сел в коляску, в него из пистолета в упор стрелял юный портной Л. Ярошинский. Пуля ранила наместника в плечо. Убийца был схвачен. Вскоре состоялись два неудачных покушения двух литографов на маркиза Велепольского. Террористы

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

были арестованы, предстали перед судом, который приговорил их к смертной казни.

Вскоре новый наместник приступил к реформам управления краем. Он отделил военную власть от гражданской, оставив за собой лишь общий надзор за польскими учреждениями. Широкие права были предоставлены маркизу Велепольскому.

Наместник призывал поляков отмежеваться от «партии преступления». Его программа предусматривала полную автономию Царства Польского, открытие выборных советов в городах, уездах и губерниях, перевод крестьян с барщины на оброк, дарование прав евреям.

В ответ 300 польских дворян съехались в Варшаву и затеяли с властями политический торг. Они потребовали создания чисто польского правительства, возвращения конституции 1815 г. и передачи Царству бывших владений Речи Посполитой. Соответствующий адрес был подписан 200 шляхтичами. Его должен был представить наместнику глава оппозиции граф А. Замойский. Однако графа препроводили в Петербург, а затем выслали за границу.

Между тем Велепольский назначал на все ключевые посты в крае только «природных поляков». Русских чиновников «этапами» выселяли из Польши. Открывались выборные уездные советы. 19 сентября наместник открыл сессию Государственного совета Царства и произнес по-польски речь о «благих намерениях» властей «в видах благоденствия края». Но действия властей не привели к успокоению.

В городах не прекращались манифестации. ЦНК вынашивал планы восстания и вооруженного переворота в Варшаве. Подпольное «правительство» ввело первый налог – обязательный для всех поляков сбор на «повстанье». Революционные жандармы-кинжальщики убивали своих противников и заподозренных в измене.

В таких беспорядках прошли весь 1861 и 1862 гг. А затем вновь спор вновь стал решаться силой оружия. (С конца 1862 г. католическое духовенство приводило поляков к революционной присяге, эмиссары ЦНК доставили из-за границы большое количество оружия.)

9 (22) января 1863 г. началось восстание в Польше и Северо-Западном крае (так назывались территории нынешних Беларуси и Литвы). Этот мятеж поставил Российскую империю на грань распада. Дело заключалось вовсе не в мощи мятежа (общее количество инсургентов не превышало 20 тыс., поляки не взяли ни один город и не имели ни одной военной победы в прямом боевом столкновении).

Главной особенностью была почти всеобщая поддержка мятежников русским «передовым» обществом. Революционные радикалы оказывали полякам прямую помощь, в том числе личным участием в боях против соотечественников (как погибший в бою русский офицер А. Потебня), пытались поднять восстание в Поволжье. А. И. Герцен на страницах «Колокола» открыто поддерживал польские требования.

На январь 1863 г. в Польше был назначен рекрутский набор. Было решено набирать молодых горожан, попавших в «черный список» участников беспорядков. Но власть угодила в собственную западню. Военные доложили наместнику об отсутствии сил для подавления восстания, если оно перекинется на провинцию.

В Царстве размещалось 90 тыс. солдат, из которых 25 тыс. составляли варшавский гарнизон, остальные были разбросаны по всей территории края. Набор начался в ночь со 2 на 3 января 1863 г. Вскоре появились сведения о первых шайках мятежников из числа беглых рекрутов. ЦНК объявил себя Национальным правительством и призвал поляков к восстанию.

19 февраля в Москве и Петербурге появились прокламации с призывом к солдатам поддержать польских мятежников, повернув оружие против офицеров.

Для русских «нигилистов» польское восстание служило орудием борьбы с «проклятым царизмом». Но и поляки рассматривали поддержку русских революционеров лишь как инструмент ослабления России изнутри. М. А. Бакунин снарядил морскую экспедицию революционеров, которая в марте 1863 г. вышла из Соутгемптона (Англия) на пароходе «Уод Джексон» и направилась в Балтийское море.

Пароход вез оружие и амуницию для польских повстанцев. На борту находилось более 200 волонтеров из разных стран,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

комиссар «народного правительства» О. Демонтович и сам Бакунин. Революционный десант должен был высадиться в Литве. В апреле экспедиция прибыла в шведский порт Мальме.

Однако по настоянию России груз был арестован. Отряд из нескольких десятков волонтеров добрался на лодках до литовского берега, но при высадке у Полангена был уничтожен. Бакунин и его спутники с позором вернулись в Англию.

Фактически солидаризировались с поляками и русские либералы. В петербургских ресторанах поднимали тосты за успехи «польских братьев», либеральная пресса рассуждала об исторической несправедливости в отношении Польши и о том, что вслед за освобождением крестьян надо бы освободить и польский народ.

Либеральные шатания испытывал и наместник в Царстве Польском великий князь Константин Николаевич. В Польше и западных губерниях уже шли бои, но не было введено чрезвычайное положение, войска не были приведены в боевую готовность, националистические польские газеты выходили совершенно легально, полиция не имела права проводить обыски в костелах, хотя именно в них находились типографии, склады оружия и пр. Из соображений гуманности немедленно освобождались несовершеннолетние пленные повстанцы.

Командующим польскими войсками стал генерал Л. Мейерславский. Силы мятежников в начале 1863 г. составили более 30 отрядов, 6 тыс. человек. ЦНК располагал единой системой управления, состоящей из округов и провинций. Боевая подготовка проводилась сотнями опытных специалистов – иностранными волонтерами, эмигрантами, бывшими офицерами русской армии.

Вскоре русские войска подверглись нападению по всему Царству, кроме Варшавы, и понесли большие потери. Телеграфная связь была нарушена, мятежники разрушали железные дороги и мосты. Власти объявили военное положение, но к марту мятеж вышел за пределы Царства, охватив Литву и Белоруссию. Общая численность повстанцев достигла 50 тыс. человек.

Сами мятежники при этом не испытывали никаких сентиментальных чувств. Нападения проводились на спящих

в казармах солдат, офицеров приглашали в гости к местным помещикам и вероломно убивали. Погибли многие гражданские русские, проживающие на охваченных мятежом территориях. Для XIX столетия, когда еще сохранились традиции рыцарственного отношения к противнику, такие вещи, особенно от имеющего репутацию аристократического народа – поляков, были внове.

Однако польские крестьяне неохотно вступали в ряды повстанцев и отдавали им провиант только под угрозой расправы. Нередко они открыто сотрудничали с русскими войсками. Уже в самом начале войны крестьяне одного из сел привели к генералу А. П. Хрущову 20 мятежников во главе с собственным ксендзом. Позднее они сотнями вылавливали вооруженных лесных жителей.

В свою очередь банды мятежников чинили страшные расправы над враждебным им населением, вырезая крестьян целыми семьями. И если бы в этот момент власть смогла бы обрести опору в крестьянстве, то, вполне возможно, мятеж и не получил бы столь сильного распространения. Но по настоянию Велепольского наместник великий князь Константин Николаевич распорядился «сдерживать крестьянское население».

Русская армия в Польше действовала успешно. Военные экспедиции всегда заканчивались разгромом повстанских отрядов. Военная инициатива была в руках русского командования. Летучие отряды всюду преследовали мятежников. Успехи русской армии внесли разлад в руководство мятежом.

Генерал Мерославский пытался установить свою власть над северо-западными районами Царства Польского, близ прусской границы, но в феврале был наголову разбит в двух сражениях и бежал за границу. Вслед за тем другой польский предводитель – молодой генерал М. Лянгевич объявил себя «диктатором», низложив ЦНК, но уже через 9 дней с остатками разбитого отряда ушел в Галицию и сдался австрийским властям.

В феврале, когда влияние красных было поколеблено военными поражениями, белые примкнули к мятежу. После краха Лянгевича ЦНК вернул себе власть, но в апреле белые стали во главе комитета. Они отказались от проведения аграрной

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

реформы в пользу крестьянства, о которой красные заявляли в начале восстания, и перестали вооружать народ, надеясь на военное вмешательство Франции и Англии.

Антикрестьянская политика польских белых привела к скорому поражению восстания в западных губерниях России, где мятежная шляхта натолкнулась на всеобщую ненависть крестьян, чуждых им по крови и вере. Только в Литве и на самом западе Белоруссии мятежникам удалось получить некоторую поддержку.

Мятеж вызвал международный кризис. Уже 17 апреля 1863 г. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя и Папа Римский предъявили России дипломатическую ноту, более похожую на ультиматум, с требованием изменить политику в польском вопросе. Западные страны предлагали решить судьбу Польши (подразумевая ее в границах Речи Посполитой 1772 г.) на международном конгрессе под своим руководством.

В противном случае западные страны угрожали войной. Активизировалась подрывная деятельность на рубежах Российской империи. Летом на черноморском побережье Кавказа, где еще продолжалась война с черкесами, на пароходе «Чезапик» высадился вооруженный отряд («легион») польских эмигрантов под командованием французских офицеров во главе с полковником Пржевлотским. Задачей легионеров было открыть «второй фронт» против России на Кавказе.

При этом сами поляки были лишь пушечным мясом, а организаторами высадки легиона были западные страны. Так, непосредственно организацией посылки «Чезапика» занимался капитан французской армии Маньян. Одновременно отряд полковника З.Ф.Милковского, сформированный из польских эмигрантов в Турции, попытался пробиться из Румынии на юг России. Правда, румынские власти разоружили отряд, не дав пройти ему к границам России.

Хотя легионеры Пржевлотского были быстро перебиты, но высадки новых легионов продолжались. Это было весьма опасно, учитывая тот факт, что после Крымской войны Россия не имела военного флота на Черном море. Одновременно британский флот начал крейсировать возле российских берегов на Тихом океане.

Начались набеги кокандцев и подданных других среднеазиатских ханств на российские владения на территории нынешнего Казахстана. Казалось, повторяется ситуация 1854 г., когда Россия в одиночку противостоит всей Европе на несравненно более худших, чем тогда, геополитических позициях.

Однако самая главная проблема, вызванная мятежом, заключалась в том, что инсургенты сражались не за свободу польского народа, а за восстановление Речи Посполитой в границах, далеко выходящих за этнографические границы польской народности. На картах, отпечатанных поляками на западе, была изображена Польша «от моря до моря» с такими «польскими» городами, как Киев, Рига, Смоленск, Одесса, и пр. Требование «исторических границ» прежней Речи Посполитой было присуще совершенно всем польским повстанческим организациям.

Еще до восстания, 11 сентября 1862 г., вскоре после покушения на наместника в Польше великого князя Константина Николаевича, в ответ на Манифест наместника к населению Польши, открывавшегося словами «Поляки! Верьте мне, как я верю вам!», он получил послание от графа ЗамоЙского, одного из влиятельнейших польских деятелей.

Выразив дежурную радость по поводу спасения жизни наместника, ЗамоЙский писал: «Мы можем поддерживать правительство только тогда, когда оно будет польским и когда все провинции, составляющие наше отечество, будут соединены вместе, получают конституцию и либеральные учреждения. Если мы любим отечество, то любим его в границах, начертанных Богом и освященных историей».

Весной 1863 г., под влиянием первых успехов, не столько военных, сколько дипломатических, мятежники перестали стесняться. В апреле сначала последовал универсал подпольного правительства Польши о свободе совести, а уже две недели спустя появилась прокламация о восстановлении униатской церкви и о том, что для православных «наступила минута расплаты за их преступления».

В такой накаленной атмосфере, когда к пропольским настроениям «передового» общества добавился паралич власти,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

вызванный неспособностью великого князя Константина Николаевича управлять Польшей, и страхом официального Петербурга перед коалицией европейских государств (что и привело к поразительной апатии в применении военной силы в Польше), в России все же нашлись люди, которые показали свою самостоятельность и государственное мышление. Первым в этом списке можно назвать известного публициста Михаила Каткова.

М. Н. Катков с 1 января 1863 г. стал редактировать ежедневную газету «Московские Ведомости», оставаясь редактором «Русского Вестника». С первых же дней мятежа, когда русские газеты ограничивались перепечаткой официальной хроники, Катков выступил с требованием решительного

М. Н. Катков (1818–1887)

подавления мятежа. Он сразу нанес удар по самому главному, но и самому уязвимому лозунгу борьбы за независимость Польши. «Польское восстание вовсе не народное восстание; восстал не народ, а шляхта и духовенство. Это не борьба за свободу, а борьба за власть».

Польские претензии распространялись на Литву, Белоруссию и Правобережную Украину, которые поляки называли «забранным краем» и без владения которым польское государство не имело в тех условиях никаких шансов на существование. Но вместе с территорией «забранного края», хотя там поляки и составляли привилегированное меньшинство, Речь Посполитая могла претендовать на роль серьезной европейской державы.

М. Н. Катков отмечал: «Но кто же сказал, что польские притязания ограничиваются одним Царством Польским? Всякий здравомыслящий польский патриот, понимающий истинные интересы своей народности, знает, что для Царства Польского в его теперешних размерах, несравненно лучше оставаться в связи с Россией, нежели оторваться от нее и быть особым государством, ничтожным по объему, окруженным со всех сторон могущественными державами и лишенным всякой возможности приобрести европейское значение. Отделение Польши никогда не значило для поляка только отделения нынешнего Царства Польского. Нет, при одной мысли об отделении воскресают притязания переделать историю и поставить Польшу на место России. Вот источник всех страданий, понесенных польской народностью, вот корень всех ее зол!».

Силу претензиям поляков на западные губернии России придавало то обстоятельство, что значительная часть тогдашнего русского общества вне зависимости от своих политических взглядов совершенно не знала ни истории, ни этнографии этого края. Кроме того, что это были земли прежней Речи Посполитой и что здесь властвует богатое и влиятельное польское дворянство, петербургская и московская интеллигенция ничего не знала. Удивляться этому не приходится, ведь местное православное крестьянство было угнетено и забито как нигде в империи и голоса своего не имело. О масштабах панской эксплуатации белорусских крестьян лучше всего говорят данные статистики.

Так, в Витебской и Могилевской губерниях за период с 1804 по 1849 г., то есть за 45 лет, смертность превышала рождаемость в течение 15 лет. В 40-х гг. XIX века население Белоруссии не росло в целом! Ревизия 1851 г. показала, что в Белоруссии население осталось таким же по численности, как и в 1838 г.

Впрочем, даже образованные люди многое не знали, ведь в учебнике географии Арсеньева, по которому учились несколько поколений гимназистов, Белоруссия и Правобережная Украина назывались польскими губерниями, а их жители – поляками. До 1840 г. язык делопроизводства в местных канцеляриях был польский, да и после официального введения здесь русского языка из-за нехватки кадров вплоть до 1863 г. позиции польского языка как административного оказывались незыблемыми.

Также до 1840 г. в Западном крае действовал местный свод законов (Литовский статут), но и после его отмены и распространения на Белоруссию, Литву и Правобережную Украину общеимперского законодательства традиции местного управления сохранялись и к моменту мятежа. Не случайно многие путешественники из Петербурга или русской глубинки чувствовали себя в Белоруссии и на правом берегу Днепра как за рубежом.

Наконец, особую силу польским претензиям придавало то обстоятельство, что чуть ли не все выдающиеся деятели польской политики и культуры родились именно в западном крае. Т. Костюшко, А. Мицкевич, Ц. К. Норвид, В. Сыромкомля, С. Монюшко, М. Огинский и другие родились далеко за пределами этнографической Польши и были литвинами. Именно в Западном крае находились земельные владения значительной части польской аристократии. Родовые «гнезда» Потоцких, Чарторыйских, Сангушко, Тышкевичей, Ржевуских, Радзивиллов и прочих магнатов, играющих огромную роль в польском движении и при этом тесно связанных с российской и европейской аристократией, так же находились восточнее Буга.

Историк и этнограф, немец по происхождению, родившийся в Варшаве, Александр Гильфердинг писал: «Польский народ

входил всем своим организмом в состав западноевропейского мира. Религиозные начала католицизма, общественные начала рыцарства, городская жизнь, целиком перенесенная из Германии, просвещение, основанное на преданиях римского классицизма, — словом, все было принято и органически усвоено с Запада.

Польша, оставаясь славянской, сделалась вполне членом латино-германской семьи народов, единственной славянской страной, вступившей в эту семью всецело и свободно, не в силу материального завоевания, а добровольным принятием западноевропейской стихии в основу собственной славянской жизни».

О причинах польской русофобии А. Ф. Гильфердинг отмечал, что в основном она вызвана культурным и политическим влиянием шляхетства на нацию. По его мнению: «Малый и слабый народ подвластен большому и сильному. Но этот малый и слабый народ заключает в себе непомерно многочисленный высший класс, с аристократическим духом, с притязаниями на звание и право людей благородных... Немец в глазах поляка далеко не то, что москаль; это такой же господин, как и поляк, а не плебей, господин другой породы, а не младший, недавно казавшийся бесталанным и ничтожным, брат в родной семье».

Об отношении польского дворянства к крестьянскому самоуправлению, что было одним из этапов крестьянской реформы, также напомнил А. Ф. Гильфердинг. Он привел адрес польского дворянства Западного края от 24 марта 1860 г. на Высочайшее имя: «...мы с трудом можем вообразить нынешнее крепостное народонаселение России, распределенное на десять тысяч каких-то республик, с избранным от сохи начальством, которое вступает в отправление должностей по воле народа, не нуждаясь ни в чем утверждении... Мы опасаемся, что... устранение консервативного элемента частной собственности и соединенного с нею умственного развития введет в русскую жизнь такой крайний демократический принцип, который несовместим с сильной правительственной властью».

Реформа 1861 г. в западных губерниях саботировалась польским дворянством. В Литве и Белоруссии сохранялся оброк и

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

все другие повинности, все мировые посредники были из числа местных помещиков. Многие крестьяне только в 1863 г. от русских солдат узнали, что царь освободил их еще два года тому назад. Гильфердинг не без оснований уподобил польский мятеж восстанию американского рабовладельческого юга, проходившего в это же время в США.

К слову – правительство Соединенных Штатов расценило мятеж как попытку аристократов восстановить крепостное право и полностью поддержало российского императора (в то время как Европа и особенно Франция, симпатизировала мятежникам).

Впрочем, основная масса мятежников вовсе не была пусть и промотавшейся, но верхушкой местного общества. Большинство шляхтичей были бедны, как церковные крысы. Единственное, что выделяло их из массы крестьян-белорусов, – только чувство избранности шляхтича, обладавшего личной свободой среди крепостных.

Как когда-то в Речи Посполитой самый бедный шляхтич утешал себя тем, что он обладает такими же правами на Сейме, как и самые богатые магнаты, и теоретически может стать королем, то в российской Белоруссии шляхтич считал себя господином по отношению даже к не принадлежащим ему белорусским крепостным.

Католическая религия и польский язык только усиливали чувство принадлежности к некоему кругу избранных. Но отмена крепостного права и возможность введения в Белоруссии земского самоуправления окончательно грозило ликвидировать шляхетство. И шляхтичи взялись за оружие.

Однако все же главным для консервативной прессы были не исторические изыски, а актуальные проблемы. В частности, М. Н. Катков обращал внимание на пассивность великого князя Константина Николаевича в условиях восстания. Весной 1863 г. Катков прямо обвинил брата царя в измене! Это было неслыханной дерзостью – никто до этого не мог обвинять в чем-либо особу императорской фамилии!

Однако двусмысленная политика наместника в Польше действительно только провоцировало мятеж, и в этих условиях Катков не побоялся выступить против брата императора, зная,

что в любой момент он может угодить под арест. Всего лишь несколько месяцев назад был арестован Н. Г. Чернышевский. Хотя его обвинили в изготовлении революционных прокламаций, однако все же поводом для ареста редактора «Современника» послужили пропущенные цензурой статьи. Катков вполне мог отправиться в Сибирь вслед за Чернышевским.

Однако Катков сумел свести свою кампанию против великого князя в рамки кампании верноподданных адресов, посланий и воззваний. В результате Каткову удалось добиться успеха: наместник ухал за границу «на лечение», а по предложению Каткова командующим в Северо-Западном крае с диктаторскими полномочиями был назначен генерал М. Н. Муравьев.

Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев (вешатель)

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Среди множества русских генералов Муравьев выделялся своим прошлым – в молодости он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и был участником декабристских организаций. Впрочем, главным было не декабристское прошлое генерала (хотя это тоже было умелым пропагандистским шагом Каткова), а его опыт руководства землями края.

Еще накануне мятежа 1830 г. Муравьев, занимавший пост могилевского губернатора, подал записку Николаю I под названием «О нравственном положении Могилевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей», а в 1831 г. свой проект «Об учреждении приличного гражданского управления в губерниях, от Польши возвращенных, и уничтожении начал, наиболее служивших к отчуждению оных от России».

В этих записках Муравьев обращал внимание на то, что в Северо-Западном крае мало что изменилось со времен Речи Посполитой. В частности, полным хозяином края было польское дворянство, враждебно настроенное к России. Все образование и интеллектуальная жизнь находилась под контролем католической церкви. Большинство городского населения составляли евреи, несравненно более лояльные, чем поляки, самодержавному устройству империи, но все же не внушающие доверия.

В этих условиях Муравьев предлагал царю уничтожить униатскую церковь и вернуть белорусов в православие, ликвидировать польские учебные заведения в крае, начиная с виленского университета, и выдвинуть на руководящие посты местных православных белорусов. В период восстания 1830–1831 гг., когда Муравьев был могилевским губернатором, он отчасти реализовал эту программу во вверенной ему губернии.

Три десятилетия спустя Катков предложил сделать Муравьева диктатором известного ему края. Под давлением общественного мнения, умело направляемым Катковым, Александр II назначил Муравьева Наместником Северо-Западного края, включающего в себя 7 губерний (Могилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Августовскую, Гродненскую).

В момент назначения Муравьева восстание было на подъеме, отношения с западными державами были обострены до предела. Не случайно, что императрица Мария Александровна сказала Муравьеву при отъезде в Вильну: «Хотя бы Литву, по крайней мере, мы могли бы сохранить». Собственно Польшу в Петербурге считали уже потерянной.

Однако Муравьев действовал решительно и жестко. 1 мая 1863 г. он был назначен генерал-губернатором, 26 мая прибыл в Вильну в качестве наместника, а уже 8 августа принял депутацию виленского шляхетства с изъявлением покаяния и покорности.

К весне 1864 г. восстание было окончательно подавлено. Муравьев при усмирении мятежа применял весьма решительные меры.

По приговорам военно-полевых судов 127 мятежников были публично повешены, сослано на каторжные работы 972 человека, на поселение в Сибирь – 1427, отдано в солдаты – 345, в арестантские роты – 864, выслано во внутренние губернии – 4096 и еще 1260 человек уволено с должности административным порядком, в боях было убито около 10 тыс. мятежников. Кроме того, причастных к мятежу, но помилованных и освобожденных было 9229 человек (впрочем, и поныне существует миф о сотнях тысяч казненных и сосланных поляков).

Усмирение мятежа далось малой кровью: погибло 826 солдат и 348 умерло от ран, болезней или пропало без вести. Погибло также несколько тысяч полицейских, сельских стражников, чиновников, гражданского населения.

В Царстве Польском дела обстояли хуже. Успехи войск сводились на нет отсутствием полиции, почти все чиновники-поляки помогали «революции». После разгрома Мерославского и Лянгевича в Польше настало короткое затишье. Но католическая пропаганда и соблазнительная вера в скорую европейскую интервенцию увлекали поляков на сторону мятежа.

Над Россией нависла угроза новой войны с западными державами. Англия поставила под сомнение верность России международному праву. Симпатии к полякам высказывала Франция – империя Наполеона III. Среди волонтеров,

сражавшихся на стороне польских мятежников, было много французов.

Великий князь Константин предлагал отдать власть в руки поляков, правящих «на основании своих польских, а не русских законов», и сохранить в Польше минимальное число русских чиновников – ради принципа равноправия наций. Но администрация Велепольского распадалась. «Высшие классы» перестали скрывать враждебность к России.

Многие члены Государственного совета демонстративно уходили в отставку. Деятели местного самоуправления бежали со своих мест. Провинциальные чиновники и полицейские совершали различные диверсии и уходили к мятежникам. Финансы Царства также перешли в их распоряжение.

В конце мая 1863 г. из Главного казначейства было похищено 3,5 млн руб. «Покражу» совершил сам главный казначей и его сотрудники, все успели бежать. Еще через три недели Жонд получил по квитанции на варшавском почтамте 46 тыс. руб. заграничного займа, выданного России банкиром Френкелем.

Александр II весьма резко оценивал итоги правления брата-наместника в крае: «К сожалению, подле законной власти существует революционное правление, которому все повинуются, которого страшатся более чем законного правительства. Вот грустный результат опыта примирения и благодушия».

С марта 1863 г. помощником наместника «по военной части» являлся граф Ф. Ф. Берг – бывший генерал-губернатор Финляндии, которого официальный Петербург готовил на смену царского брата.

В начале августа 1863 г. царь вызвал наместника на совещание в столицу. На совещании великий князь Константин выступил единственным оппонентом будущей «военной диктатуры». Остальные министры – участники совещания – одобрили основы новой политики в Польше, внесенные военным министром Д. А. Милютиным. Они предполагали переход к «самой строгой военной диктатуре» по «опыту Литвы».

Великому князю Константину пришлось покинуть Польшу: его отъезд из Варшавы состоялся 27 августа 1863 г., а официальное увольнение – 19 октября 1863 г. В рескрипте царя говорилось о его «достойном самоотвержении». Виновником

смуты был объявлен польский народ, не захотевший «понять и оценить» добрые намерения.

Новый наместник Берг заменил польскую администрацию русской и установил военную диктатуру. Белая шляхта, не дождавшись интервенции, покидала ряды мятежников.

Осенью 1863 г. красные вновь возглавили революцию и избрали диктатором Р. Траугутта – бывшего подполковника русской армии. Траугутт пытался привлечь на свою сторону крестьян и противопоставить русским войскам всенародное ополчение, но не успел.

29 марта 1864 г. Траугутт и трое других главарей мятежа были арестованы и через несколько месяцев казнены, остальные бежали за границу.

Последние очаги мятежа были подавлены на юге Царства. В декабре 1863 г. в Люблинской губернии был разбит польский генерал Крук, а в марте 1864 г. – генерал Босак под Сандомиром.

Русская военная полиция навела внешний порядок в городах. В темное время суток запрещалось ходить по улицам без фонарей. За демонстрационное ношение траура взымался штраф. Женщины надели цветные наряды.

На Варшаву и весь землевладельческий класс Польши была наложена контрибуция. Розыском повстанческой организации занимались следственные комиссии, которым удалось раскрыть состав Жонда.

Военная кампания закончилась 1 мая 1864 г., мелкие стычки продолжались до начала 1865 г.

Из 50 тыс. повстанцев погибло около 20 тыс., сдалось в плен 15 тыс., бежало за границу около 7 тыс., казнено менее 400 человек.

В 1864–1866 гг. в Польше была проведена аграрная реформа. Аграрные законы Польши, подготовленные Н. А. Милутиным, Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкасским, были утверждены Александром II ровно через 3 года после начала «Великой реформы» – 19 февраля 1864 г.

Земля, находившаяся в пользовании крестьян, стала их полной собственностью без выкупа, с помещиками расплачивалось

государство. Крестьянам передавалась также земля, конфискованная у мятежной шляхты (1660 имений).

Проведение аграрной реформы положило конец мятежу.

Из материала С. Куняева: «В одном из номеров журнала «Новая Польша» опубликована дискуссия польских историков, которая проливает свет на то, почему на протяжении всей своей истории польские восстания заканчивались крахом. Вот что сказал профессор истории Януш Тазбир:

«А январское восстание 1863 года? Это же было просто безумие... мы пошли в бой без оружия. Между прочим, манифест повстанческого правительства 1863 года был написан вовсе не кем-то из политиков, а поэтессой Ильницкой, которая верила, что одного только энтузиазма достаточно, чтобы враг был разгромлен. Друцкий-Любецкий, который был величайшим польским финансовым гением, в момент, когда вспыхнуло восстание 1830 года, был абсолютно убежден, что где-то есть командующий со штабом, который всем этим руководит, но он так ловко законспирирован, что русские его не могут схватить. А когда он узнал, что нет никакого командующего и никакого штаба, то велел собрать дорожные сундуки и уехал в Петербург, ибо считал, что все это не имеет никакого смысла... Восстание не имело ни малейших шансов на успех...»

Оно не имело шансов на успех еще по одной причине, о которой умалчивает историк. Когда в 1863 г. одна из лондонских журналисток встретила Тютчевым, тот порекомендовал ей напечатать в Англии статью выдающегося русского фольклориста и славянофила Александра Гильфердинга, в свое время жившего в Польше и хорошо знавшего шляхту, поднявшую восстание. Оно, по мысли Гильфердинга, было «восстанием сверху». Удельный вес дворянства в Польше был уродливо несоразмерен с числом холопов. В России лишь каждый двухсотый житель ее европейской части был дворянином, а в Польше шляхтичем считался каждый десятый. Ну где было польскому простонародью прокормить такое количество знати? Потому шляхетское сословие все время жаждало получить под свое господство украинское и белорусское быдло». А тут еще русский «царь-освободитель»

собрался дать волю холопам в Польше! Да еще с землей и с самоуправлением! И шляхта восстала. Но поздно. Через год после начала восстания, 19 февраля 1864 г. земля, находившаяся в пользовании польских крестьян, стала их собственностью без всякого выкупа (не то что в России); у мятежной шляхты российская власть изъяла 1600 имений, и эта земля также были передана крестьянству. Разбитые и убежавшие в очередной раз в эмиграцию шляхтичи-повстанцы обвинили Александра II в насаждении в Польше «коммунистических принципов»¹.

---

¹ При подготовке вступления к главе использована фактология источников: Великий князь Константин Павлович к графу Бенкендорфу. Письма 1829–1831 годов. // РА. 1885. №1. С.29; Воронин В. Е. Польское восстание 1830–1831 гг. // www.portal-slovo.ru; Лебедев С., Стельмашук Г. Белорусский феномен // rusk.ru; Щеглов Э. 1863-й. Забытые страницы. – Минск, 2005; Куняев С. Шляхта и мы // Наш современник. № 5. 2002.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОВЕЛЕНИЕ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ (1861)

По высочайшему его императорско-царского величества повелению Царство Польское объявляется на военном положении.

На основании сего положения все жители Царства, за преступление ниже сего поименованные, подлежат военному следствию и суду, по силе 739 и 753 статей книги 2-й Военно-уголовного устава.

Городские и земские полиции подчиняются вполне военным начальникам, и чины сих полиций, за неисполнение своих обязанностей, подлежат ответственности наравне с воинскими чинами.

Все без изъятия лица, обвиняемые в измене, бунте, возмущении, в явном неповиновении воинским и полицейским начальствам и сокрытии оружия, произнесении публично возмутительных речей, составлении и распространении возмутительных воззваний и другого рода сочинений, склонении других к прописанным преступлениям, хотя бы от этого и не произошло возмущения, равно в насилии какого бы то ни было рода, убийстве, разбое, грабеже или зажигательстве, подлежат военному следствию и суду, который приговаривает виновных к наказанию на основании полевых военно-уголовных законов.

Примечание. Ежели военное начальство признает, что неповиновение, насилие, убийство, разбой, грабеж или зажигательство, по свойству сопровождавших сии деяния обстоятельств, не составляют преступлений, имеющих характер политический, дела об оных оставляются в ведомстве обыкновенных судов.

С объявлением военного положения воспрещается:

Всякого рода на улицах и площадях сборища и сходки, даже из небольшого числа людей. В случае неповиновения полиции, толпа немедленно рассеивается силой оружия и виновные арестуются.

Всякого рода политические манифестации и демонстрации, равно крестные ходы и процессии, не получившие особого письменного от местной военной власти разрешения, церковные служения, совершаемые по поводу смерти политических преступников, или убитых и раненных во время возмущения, или же в воспоминание какого-либо исторического события. Когда употребляются при том какие-либо возмутительные эмблемы, то ответственность усиливается.

Пение, как в церквах, так и вне оных, возмутительных песен, гимнов или других молитв, не утвержденных церковью. Разыгрывание лотерей и сбор, как в церквах, так и не оных, денег и вещей, если на то не получено от местной военной власти разрешения; выставление или продажа объявлений, воззваний, плакатов, брошюр или газет, не разрешенных надлежащей властью.

Все преступления и проступки подлежат военному следствию и разбирательству военного суда, который определит меру наказания, применяясь к 599-й статье, книги 1-й Военноуголовного устава.

Последствия военного положения:

В случае сопротивления, воинская сила и полиция, вынужденные употребить оружие, не подвергаются ответственности за последствия.

Военным начальникам предоставляется принимать все те полицейские меры, какие они признают нужными для водворения и сохранения спокойствия.

Военный начальник обязан содержать жителей в совершенном повиновении, препятствовать вредным подстрекательствам или изъявлению неуважения к правительству, властям и к войску.

Он может воспрещать всякие собрания в публичных и даже в частных домах, которые будут им признаны вредными.

Лавки, кофейни, шинки и другие подобного рода заведения должны быть запираемы в определенное военным

начальством время; в случае же усмотренной им необходимости, могут быть и совершенно закрыты.

Он вправе приказать производить обыски у местных жителей во всякое время. Всех празднопроживающих или подозрительных людей, обнаруживших беспокойный характер или же прежде замеченных в беспорядках, может подвергать аресту до решения их участи наместником.

Иностранцев, не имеющих узаконенных видов, а равно празднопроживающих или замеченных в предосудительном поведении, высылать за границу.

По невозможности исчислить все последствия, к которым ведет военное положение, жители предвеляются, что всякий беспорядок должен неминуемо вызвать чрезвычайные меры.

Варшава, 2/14 октября 1861 года. Командующий 1-й армией и исправляющий должность наместника в Царстве Польском, генерал-адъютант граф Ламберт 1-й.

СЕКРЕТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ В ВАРШАВЕ ОТ ГЛАВНОГО РЕВОЛЮЦ. КОМИТЕТА В ЛОНДОНЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СПОСОБОВ ВЕДЕНИЯ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ.

Временное Правительство обязано тотчас переслать во все провинции прокламации к крестьянам на местных наречиях:

1. О полном освобождении их с землею без выкупа.
2. О прекращении платежа податей в казну.
3. Из каждой семьи должен быть один охотник на 10 изб, 1 лошадь и телега. Фураж и провиант на 5 человек от 3 до 7 дней.
4. Прокламации к раскольникам: чтобы они воспользовались восстанием Польши для восстановления древней религии.

Эмиссары, получившие назначение возмутить раскольников, должны войти в сношение с (волостными) писарями, попами в скитах и, вообще, с начальниками староверческих селений. Костюм эмиссаров не должен отличаться от крестьянского. Они должны быть средних лет, с бородами и знать хорошо язык и местность. Для развития этого плана необходимо разослать воззвания к русской молодежи по

всем учебным заведениям. Выразив святость дела, необходимо раскрыть и все средства и пути, которыми молодежь может достигнуть цели. От хорошего изложения будет зависеть успех. Для большего действия, прокламации могут иметь подписи Герцена, Бакунина и т. п.

Прокламации к войскам крайне необходимы, в особенности к офицерам.

Распускать слухи:

что Константин Павлович жив, что революция желает возвратить ему похищенный престол, что Франция, Англия и Швеция идут войной, что Государь обещал помещикам снова закрепить крестьян и не отдавать им никогда земли;

что всех разноречцев будут силой приводить к православию или ссылать на Кавказ, что в Петербурге делают приготовления для бегства Царской Фамилии и все богатства отправляются за границу, что в гвардии созрел заговор и пр. Употреблять всевозможные средства для возмущения крестьян и раскольников.

Все Донские и Уральские казаки – раскольники, поэтому среди них бросить первые семена ненависти к православию. На всем пространстве изгонять попов и жечь русские церкви, сохраняя молельни.

В русских округах вызвать убийства помещиков и чиновников земской полиции.

Действовать в местах фабричных, разбивать гарнизоны, тюрьмы – уничтожать архивы, судебные места и все признаки власти.

Стараться образовать конные отряды, в партизанке – это крайне необходимо для передвижений.

Провиант возить в мешках, избегая городов, держаться в деревнях. Не иметь обозов, при следовании вагенбурга трудно делать отступления.

Отступая, портить дорогу, срывать мосты, опрокидывать деревья. При следовании артиллерии подпиливать сваи мостов, делать ямы. Днем и ночью утомлять врага фальшивыми тревогами, для этого иметь два отряда: дневной и ночной. Во время отдыха первого, действует второй.

Все нападения должны быть врасплох и по преимуществу ночью, чтобы врагам не были известны наши силы.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Патрули и пикеты должны бодрствовать во время отдыхов.

В Беловежских лесах устроить центр действующей армии (партизанов). Изобилующие в тех лесах зубры могут служить пищей. Всех поляков, и офицеров, и солдат, служащих в русской армии, призывать к революции, под опасением проклятия и отчуждения: Заставлять родителей вызывать своих детей со службы. Во всех городах учредить тайную полицию.

В деревнях способных людей, равно и детей помещиков, брать в отряд силою. Отряд, обученный и приобретший опытность, разделяется на малые банды от 50 до 100 человек и отправляется в разные пункты, каждая банда, забирая в свою очередь способных людей, может таким образом увеличиваться.

Сигналы давать свистками. В партизанской войне главное знать силы врага, скрывая собственные.

Сражения принимать при выгодной позиции. Избегать решительных битв, уничтожать малые отряды, задерживать транспорт, почту и курьеров. Колодцы в полях прикрывать досками и засыпать песком или дерном, чтобы в них проваливались.

Во время летней жары дорогу, по которой следует неприятельский отряд, посыпать ядовитыми веществами (список этих веществ сообщен комитету), поднятая пыль проникает в глаза и дыхательные органы, причиняет опасные болезни. Водку, разведенную кислотой, иметь не только в отрядах, но и в имениях, чтобы во время грабежа ею отравлялись. Недурно применить это и к съестным припасам.

Отнятые орудия за недостатком упряжи заколачивать и бросать в болото или реку.

На почтовых дорогах во время преследования кавалерии протягивать с дерева на дерево веревки или проволоку с телеграфных линий, но выше лошадиной головы, чтобы сбрасывать ездоков.

Обратить все усилия к завлечению евреев в революцию. Все дворовые люди обязаны стать в ряды инсургентов.

Деревни, в которых крестьяне замечены в измене, предавать пламени.

На станции железных дорог нападать, уничтожив сперва телеграф.

Шайки, действующие вблизи городов, должны иметь между собой постоянную связь, дабы, в случае надобности, концентрировать силы в дальнем пункте.

В случае нападения русских, надо иметь скрытый отряд: пока одна половина сражается, другая, сделав обход, нападет сзади, дабы поставить неприятеля между двух огней.

В случае близкой атаки на штыки, стрелять дробью, рубленным оловом, в крайнем случае, даже мелкими камнями.

В городах битые стекла, бутылки по улицам и доски в виде щепки, вооруженной гвоздями, по дорогам затрудняют преследование кавалерии.

В каждом уездном городе должно быть устроено отделение Центрального Комитета, из самых преданных лиц. Полиция и другие власти должны быть в полном его распоряжении. Обязанности отделения следующие:

1. Сбор денежной контрибуции с города и уезда.
2. Вербование охотников, экипировка их, равно заготовление оружия и провианта.
3. Полицейский надзор, донесение о состоянии войска и о передвижениях.
4. Уничтожение шпионов и полиции.
5. Предание огню судебных мест.
6. Издание письменных или печатных прокламаций.
7. Сношение с инсургентами и надзор за ранеными и больными.

Для устройства особых телеграфов между горожанами и инсургентами могут быть придуманы сигналы, которые будут понятны им и неизвестны русским. Например: во время благовеста к литургии условленные удары в колокол; трубочисты на высоких зданиях; освещение известных окон или совершенный мрак; бумажный змей и т. п.

Цит. по: Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края... Ч. 2. Вильно, 1915. С. 430–432.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГИМН (1863)

Боже, Который Польшу столь многие века
Озарял блеском могущества и славы,
И охранял щитом Своего покрова
От несчастий, угрожавших ей гибелью!

Припев:

Пред Твои алтари возносим моления:
Возврати свободу и отечество,
Освободи от цепей москальских ,
И поспеши подать помощь нашим предприятиям!

Ты, Который впоследствии, будучи тронут ее падением,
Содействовал могущественно ее святому делу,
И желая иметь весь свет свидетелем ее могущества,
Самыми несчастиями увеличил ее славу,

Припев:

Ты, Который наконец новыми чудесами
Воскресил ее, и два геройские народа,
Славные дотоле своею взаимною враждою,
Соединил под одним скипетром Ангела мира.

Припев:

Возврати новой Польше древнюю славу
И да будут в ней счастливы,
Да процветают два слившиеся народа
И да благословляют царствование наших соплеменников.

Припев.

Цит. по: Цылов Н. Сигизмунд Сераповский и его казнь, с предшествовавшими польскими манифестациями в Вильно в 1861–1863 гг. Вильно, 1867. С. 2–3 .

ПРИСЯГА ПОВСТАНЦЕВ (1863)

Присягаем во имя Пресвятой Троицы и клянемся на ранах Христа, что нашей родине Польше будем служить верно и исполнять, во имя того же отечества Польши, все приказания, предписанные нам начальниками, распоряжений же грабительского Московского правительства слушать не будем и, насколько возможности и сил хватит, мы обязуемся помогать польскому войску и повстанцам. Так нам да поможет Бог, в Пресвятой Троице Единый, Матерь Божия и все Святые.

Аминь.

Цит. по: Архивные материалы ... Ч. 1. С. 349.

20 ЯНВАРЯ (1 ФЕВРАЛЯ) 1863 г. МАНИФЕСТ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (польский вариант)¹

Перевод с польского

Временное провинциальное правительство в Литве и Белоруссии, от имени Польского народного правительства, объявляет нижеследующее:

1. С нынешнего дня все крестьяне и прочие жители всякого происхождения и вероисповедания делаются свободными, как старопольская шляхта.

2. Польское народное правительство отдает всем оседлым крестьянам, помещичьим и казенным, на вечные времена в полную собственность, без чиншей и выкупов, ту землю, которая находилась у них, а все распоряжения московского правительства уничтожает, ибо это земля польская, а не московская.

3. За это крестьяне должны, как шляхта, защищать польский край, обывателями которого они делаются с нынешнего дня.

4. Батраки же, отставные солдаты и все неоседлые, которые пойдут защищать польский край от москалей, получают в награду сами или же их родственники надел земли не менее трех моргов.

5. Польское правительство вознаградит обывателей за понесенные ими жертвы из народных фундушей.

6. Кто явится послушником этого манифеста, будет ли то помещик, или крестьянин, чиновник или кто-либо иной, будет наказан по польскому военному закону.

Боже, спаси Польшу!

Издан в Вильно 1 февраля 1863 г.

Цит. по: Архивные материалы... Ч. 1 С. 276–277.

---

¹ Во время восстания распространялись литовский и польский тексты этого документа.

**20 ЯНВАРЯ (1 ФЕВРАЛЯ) 1863 г.
МАНИФЕСТ ПОЛЬСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВРЕМЕННОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ
О НАДЕЛЕНИИ КРЕСТЬЯН ЗЕМЛЕЙ
(литовский вариант)**

Перевод с литовского

Польское правительство провозглашает следующие права литовцам, белорусам, жемайтійцам и жителям других областей, занятых русскими:

С сего дня все крестьяне и другие жители любой веры свободны, как потомственная шляхта.

Польское правительство передает помещичьим и государственным крестьянам навечно без выкупа и платежей землю, которой они до сих пор владели, а все законы русского правительства отменяет, ибо эта земля польская, а не русская.

Теперь крестьяне, ставшие хозяевами этой земли, должны защищать ее от русских.

Кутники, батраки, отставные солдаты и все, кто выступит на защиту родины от русских, или их семьи, получат за это не менее трех моргов земли.

Польское правительство возместит впоследствии тем помещикам, которые теперь понесут убытки.

Если кто-либо не подчинится этому манифесту, будь то пан, крестьянин, чиновник или кто-либо другой, он будет за это предан военному суду.

Боже, спаси родину.

Дано в Вильно 1 февраля 1863 г.

Восстание в Литве и Белоруссии, 1863–1864 гг. М.: Наука, 1965. С. 3.

ПРЫКАЗ [КАЛІНОЎСКАГА]

Ронд [Жонд – *прим. сост.*]. Польскі, паставіўшы мяне над вамі, вымагае, каб я глядзеў справядлівай вольнасці і праўды і каб вы адно рабілі так, як вам ад Ронду Польскага будуць прыказываць.

Прыняўшы гэта на сябе, глядзеці буду як патрэба – над людзмі добрымі буду справядлівы, а над ліхімі ніякага ў мяне змілавання не будзе. Хто будзе за Рондам Польскім, той дастане зямлю на вечнасць і, калі захоча, вернецца на сваю даўнішню Уніяцкую веру, а хто проціў Ронду Польскага, таму агонь і шыбеніца.

Маскаль, не маючы ўжо войска колькі яму трэба і не могучы ўзяці рэкрута, пускаецца на хітрасць – хоча з вас узяці міліцыю, а посьле заўсім на маскалёў перарабіці. Каб не дапусціць да гэтага, ад Імені Ронду Польскага прыказываю вам:

Калі прыйдзе да вас шмат войска маскоўскага, то вы перад імі, як грабы, маўчыце, а, калі іх мала застанеца, каб з вас рабілі міліцыю, то вы зараз давайце знаць да паўстанцаў, а яны маскалёў, як пацукоў, выдушаць.

Гэты прыказ мае быць чытаны ў кожнай вёсцы для сьвядомасці ўсіх.

«Прыказ» К. Каліноўскага // *Полымя*. 1993. № 6. С. 225.

1863 г. ЯНВАРЯ 27.
РАПОРТ ВОЕННОГО НАЧАЛЬНИКА
г. БЕЛОСТОКА И БЕЛОСТОКСКОГО у.
ГРОДНЕНСКОЙ губ.
ГРОДНЕНСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
С ИЗЛОЖЕНИЕМ ПОКАЗАНИЙ РЯДОВОГО
ОРЛОВА АЛЕКСЕЯ,
БЫВШЕГО В ПЛЕНУ ПОВСТАНЧЕСКОГО
ОТРЯДА КАМИНСКОГО

Января 1863 г.

РАПОРТ

Белостокской команды внутренней Стражи рядовой Алексей Орлов был командирован городской почтою с эстафетом в г. Гродно, а из Гродно в местечко Дрогичин Бельскаго уезда, и по прибытии туда оказалось, что этот эстафет был адресован в м. Дрогичин Кобринскаго уезда, на имя Командира 3-го баталиона Ревельскаго пехотнаго полка, а по случаю неправильнаго направления оказаннаго эстафета, возвращен с направлением в Кобринский уезд. Но лишь только рядовой Орлов успел отъехать из Дрогичина версты четыре, то его задержал разъезд мятежников, состоящий из пяти человек конных вооруженных двухствольными ружьями и пиками, на коих были флюгера цвета голубого с малиновым и возвратили его обратно на почтовую станцию, отобрав от него в присутствии смотрителя сумки почтовую и эстафетную, тесак и портупеею, и хотели его взять в плен с тем чтобы он поступил к ним на службу, а как он объявил, что он русский и присягу изменить не может, то сначала угрожали его убить, обрезать нос, уши, но бывший один из них за старшего, коего называли Каминский, приказал его освободить без всякаго вреда, между тем он узнал, что главная сила мятежников находится в местечке

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Семятычах того же уезда. Означенный рядовой 24 января прибыл в команду в 5 часов утра.

Полковник Сурков

Слева на полях помета карандашом: «Донести г[-ну] Ген. Губернатору] г.[– ну] Мин.[истру] в деле».

Ф. 1. Оп. 34. Д. 174. Л. 216. Подлинник. Рукопись.

19 ФЕВРАЛЯ 1863 г.
О БЕСПОРЯДКАХ В ПИНСКОМ УЕЗДЕ
МИНСКОЙ губ.
(Из газеты «Виленский вестник»¹)

По последним известиям, полученным от начальника Минской губернии, толпа мятежников, вооруженных одноствольными ружьями, револьверами, ножами и саблями, появилась 8 февраля в окрестностях Пинска²; встретив в имении Невель пятисотского Бересневича, мятежники повесили его на дереве, потом, сняв полумертвого, посадили на льду и сделали в него 4 выстрела; оттуда, соединившись еще с несколькими вооруженными инсургентами, шайка эта отправилась 9 февраля в имение Стаховичи к помещику Розинскому и, потребовав от него продовольствия, взяла насильно с собою его сына Эдуарда и двух слугителей. В тот же день мятежники, остановив пароконную эстафету, убили ямщика, ранили в шею станционного смотрителя Кильберга, сопровождавшего эстафету, сожгли бумаги; затем, дождавшись почты, следовавшей из Пинска, ранили ямщика и разграбили почту, причем взяты ими 4000 р., высланных из Пинского уездного казначейства, и 5 серий, всего на сумму 5546 р. 58/4 коп. Наконец, сжегши подъемный мост на р. Ясельде, мятежники отправились в м. Погост-Загородский, где забрали пару лошадей и, узнав о преследовании их, направились поспешно в Мозырский уезд.

По распоряжению свиты Его Императорского Величества генерал-майора графа Ностица, для преследования этой

---

¹ «Виленский вестник» — официальный печатный орган Виленского генерал-губернаторства. В 1841–1865 гг. газета печаталась на русском и польском языках.

² Речь идет об отряде под командованием Романа Рогинского (1840–1915), который в январе 1863 г. прибыл из Царства Польского в Гродненскую губернию. Повстанцы под его командованием совершили переход к Пружанам и Пинску, где в конце февраля были окружены и разбиты. Р. Рогинского взяли в плен и выдали властям местные крестьяне.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

шайки отправлен из Кобрина на подводах отряд, состоящий из трех рот Ревельского пехотного полка и одной сотни казаков. Независимо от того, начальник Минской губернии сообщил командиру 4-го резервного батальона Витебского пехотного полка, прибывшего на днях в Мозырь, о немедленном принятии мер к пресечению пути злоумышленников.

Виленский вестник. 1863.19 февр. (№ 17).

**1863 г. МАРТА 31 (АПРЕЛЯ 12)
МАНИФЕСТ АЛЕКСАНДРА II
О ПРОЩЕНИИ МЯТЕЖНИКОВ,
СЛОЖИВШИХ ОРУЖИЕ
И ЯВИВШИХСЯ С ПОВИННОЙ**

**Марта 31 (апреля 12) Высочайший манифест
О Всемиловитивейшем даровании полного
и совершенного прощения тем
из вовлеченных в мятеж в Царстве Польском,
которые, не подлежа ответственности за иным
уголовный или по службе в рядах войск
преступления, сложат оружие и возвратятся
к долгу повиновения до 1/13 Мая 1863 года**

**Божиею Милостию МЫ,
АЛЕКСАНДР ВТОРЫЙ Император
и Самодержец Всероссийский, Царь Польский,
Великий Князь Финляндский, и прочая,
и прочая, и прочая**

Объявляем всем верным подданным Нашим в Царстве Польском:

При первом известии о вспыхнувшем в Царстве Польском мятеже, Мы, по движению Нашего сердца, провозгласили, что не виним Польский народ за волнения, для него самого наиболее пагубныя. Мы относили их единственно к возбуждениям, издавна подготовленным вне Царства, несколькими лицами, в которых многолетняя скитальческая жизнь утвердила привычку к беспорядкам, насилию, тайным замыслам и крамолам, погасила самые возвышенныя чувства любви к человечеству и возбудила даже решимость запятнать народную честь преступлением.

Все эти проявления другого времени, над которым история уже давно произнесла свой приговор, не соответствуют более нашей эпохе. Настоящее поколение должно иметь целью не потоками крови, но путем мирного развития доставить благоденствие стране. Эту же цель и Мы Себе предназначали, когда, в уповании на покровительство Божие, дали обет перед Всемогущим и перед собственной совестью посвятить Нашу жизнь благу наших народов.

Но к полному и всестороннему осуществлению сего обета, для нас всегда священного, нам нужна помощь всех людей благомыслящих, искренно-преданных своей родине и понимающих эту преданность не в своекорыстных и преступных порывах, а в охранении общественного спокойствия, законами утвержденного.

В наших заботах о будущем края, мы готовы все происшедшие смуты покрыть забвением, и, вслед того, в горячем желании положить предел кровопролитию, столь же безцельному для одних, сколько тягостному для других, даруем полное и совершенное прощение тем из числа вовлеченных в мятеж подданных наших в Царстве Польском, которые не подлежат ответственности за какие либо иные уголовные или по службе в рядах наших войск преступления, сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1/13 будущего мая.

На нас лежит священная обязанность охранять край от возобновления волнений и беспорядков и открыть новую эру в политической его жизни, которая может начаться только посредством разумного устройства местного самоуправления, как основы всего общественного здания. Мы и положили эту основу в дарованных нами Царству установлениях; но, к искреннему нашему прискорбю, успех их не мог еще быть изведен на опыте, вследствие превратных внушений, поставивших мечтательные увлечения на место того порядка, без которого немислимо никакое преобразование.

Сохраняя и ныне эти установления во всей их силе, мы предоставляем себе, когда они будут испытаны на самом деле приступить к дальнейшему их развитию, соответственно нуждам времени и страны. Только доверием к этим намерениям нашим можно будет Царству Польскому изгладить следы минувших

бедствий и надежно идти к цели, предназначаемой Нашею о нем попечительностью. Мы же с Нашей стороны испрашиваем помощи от Бога на довершение всего, что постоянно считали Нашим в семь деле призванием.

Дан в С.-Петербурге, тридцать первого Марта (двенадцатого Апреля), в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят третье, Царствования же Нашего в девятое.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ» II

ПСЗ.Т.38.4.1.С.290–291. Печатный экз.

26 АПРЕЛЯ 1863 г.
ДОНЕСЕНИЕ
Б. К. РЕЙХАРТА В. А. ДОЛГОРУКОВУ
О ДЕЙСТВИЯХ ПОЛЬСКИХ
ПОВСТАНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ
В МИНСКОЙ губ. И НЕДОСТАТКЕ ВОЙСК

Секретно

После донесения моего, отправленного 22 апреля за № 74, получены следующие сведения:

Мятежнические шайки по Минской губ. день от дня усиливаются. В Слуцком у. образовались 4 партии числом до 500 человек, одна из них под предводительством мирового посредника Вендорфа. Посланный против одной шайки подполковник Дрогопуло 21 апреля разбил их при дер. Озеричи¹. Ранено и убито 14, в плен взято 24, с нашей стороны убит 1 казак и ранен горнист. Вышедшие из Минска и уезда его, а также уездов Борисовского и Игуменского концентрируются в Игуменском у. противу их действует войсковой старшина Титов с ротою пехоты и 60 казаками. Мятежники нападают на крестьян и православных священников; того же числа мятежники Игуменского у. в дер. Новоселках убили 3 и ранили 8 крестьян. Шайки состоят из помещиков, мелкой шляхты, чиновников, гимназистов, дворовой челяди и других разночинцев. Крестьяне везде оказывают к мятежникам ненависть; для защиты м. Тимкович Слуцкого у. они собрались до 1000 человек, захватив у тамошнего ксендза 7 человек инсургентов. Из числа гимназистов и ремесленников, вышедших из Минска, некоторые, отставшие от своих партий, взяты и доставлены в город; захваченный из шайки в Борисовском у. сын помещика Густав Валицкий показал, что шайкою, в которой он был, командует офицер русских войск; начальник этот, отпустив его как болезненного чахоткой, дал ему свою

---

¹ По другим документам — при деревне Озерцы или Озерицы.

форменную шапку, на шапке пуговицы с Гренадою и черный околышек — должно полагать, принадлежность одного из четырех полков дивизий Гренадерского корпуса.

Притом оказывается недостаток в войске; по случаю появляющихся всюду мятежников преследовать их всех нечем, да и самый гор. Минск, где находится батарея артиллерии, оставить без прикрытия неудобно; а между тем начальник резервной дивизии еще требует по телеграфу отправить из Борисова квартирующий там резервный батальон в Могилевскую губ., где показались значительные шайки; требование это не могло быть исполнено потому, что и Борисовский у. наполнен мятежниками, которых преследует этот батальон.

Все это мятежникам очень хорошо известно, во всех присутственных местах и канцеляриях они имеют своих агентов между служащими, которые большею частью поляки, а главное — неудобством при теперешних обстоятельствах оказывается то, что полиция городская и земская без малого изъятия состоит из католиков, впрочем, и некоторые туземные православные (бывшие униаты) не лучше их, особенно у которых жены католички, — тому служит доказательством то, что на- шлись между ними охотники присоединиться к повстанцам.

Телеграфное и почтовое сообщение было прервано, и хотя теперь восстановлено, но немудрено, что мятежники снова снимут со станций лошадей и повредят телеграфу.

Полковник Рейхарт. Помета В. А. Долгорукова: Доложено 1 мая.

*Восстание в Литве и Белоруссии, 1863–1864 гг.
С. 420–421.*

5 МАЯ 1863 г.
РАПОРТ ПОЛКОВНИКА А. Д. СОКОЛОВА
КНЯЗЮ В. А. ДОЛГОРУКОВУ
О ПОЛОЖЕНИИ В МОГИЛЕВСКОЙ губ.
ПОСЛЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО МАНИФЕСТА
ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ

Многие помещики-поляки Могилевской губ. участвуют в мятеже против правительства, и многие из них хотя не участвуют явно, но сочувствуют восстанию, крестьяне же, напротив, где только можно, выказывают свою преданность государю императору и, сколько от них зависит, способствуют к подавлению мятежа; в одно могилевское уездное полицейское управление ими доставлено до 80 ч[ел.] разного звания людей, пойманных в лесах и на дорогах, из числа которых хотя и не все, но многие находились в шайках мятежников и впоследствии отстали или отделились, крестьянами также представлено более 30 ч[ел.] помещиков, которые, как они утверждают, доставляли продовольствие шайкам или внушали крестьянам не повиноваться русскому правительству признать над собою владычество Польши и по другим обстоятельствам навлекли на себя их подозрение.

По распоряжению начальника губернии назначены особые чиновники при уездном полицейском управлении для отобрания показаний от доносителей, а также ответов от обвиняемых и затем по резолюции е. превосходительства эти лица или освобождаются от всякой ответственности, или назначаются под надзор полиции, а некоторые передаются суждению военно-судной комиссии.

Преследование крестьянами помещиков-поляков, можно определительно сказать, составляет поголовное движение крестьян, кроме чувства преданности правительству, в настоящем случае действует и месть за прежнее крепостное право, которое во зло употребляло большинство помещиков,

полевые отработки для помещиков теперь почти оставлены, требовать строгого исполнения их в настоящее время, когда крестьяне заняты перевозкою иногда на подводах войск, караулами по дорогам, мостам, от поджогов и охранением собственных домов, решительно невозможно. В настоящее время бывшие посредники-поляки почти все заменены другими, по назначению начальника губернии, причем он им в данной инструкции поставляет в обязанность внушать крестьянам, дабы они не удалялись от своих селений, обрабатывали свои поля, а также и помещичьи где, на издельной повинности, как долг их за владеемую помещичью землю, но, какой эти внушения будут иметь успех, неизвестно, строгие же и крутые меры с крестьянами в этом случае и невозможны, и несвоевременны; нет сомнения, что местное начальство впоследствии, по мере возможности, будет стараться привести их к законному повиновению и порядку. Городское население как г. Могилева, так и всех уездных городов Могилевской губ. остается покойным, при своих занятиях и изъявляют во всем преданность правительству, учредив по возможности от себя охранные для городов стражи в помощь военным командирам.

О чем долгом считаю довести до сведения в. сиятельства.
Полковник Соколов 7-й.

Хрестоматия по истории Белоруссии. С. 288–289.

10 МАРТА 1864 г.
ДОНЕСЕНИЕ ШТАБС-КАПИТАНА КНЯЗЮ
В. А. ДОЛГОРУКОВУ О КАЗНИ
К. КАЛИНОВСКОГО

Сего числа в 10 ч утра на торговой площади в Вильне при многочисленном стечении народа казнен смертию повешанием дворянин Гродненской губ. кандидат С.-Петербургского университета Викентий Константин Калиновский, проживающий в Вильне под разными именами, а последнее время под именем Игнатия Виторженца.

Калиновский, один из главных деятелей тайной польской организации на Литве, был сначала комиссаром Гродненского воеводства, потом секретарем при главном комиссаре Литвы Несторе Дюлоране и, наконец, после бегства последнего в августе минувшего года, приняв на себя обязанность главного руководителя мятежа в крае, издавал от имени польского жонда революционные воззвания и распоряжения, выдавал номинации начальникам шаек, снабжал их деньгами и был в постоянных сношениях с революционным правлением в Париже и Варшаве.

О чем почтительнейше имею честь донести в. с. За отсутствием штаб-офицера начальника виленской жандармской команды штабс-капитан [подпись].

Хрестоматия по истории Белоруссии. С. 291.

11 ИЮНЯ 1863 г.
ПРИКАЗ-ВОЗЗВАНИЕ ВИЛЕНСКОГО
ПОВСТАНЧЕСКОГО ЦЕНТРА К НАРОДАМ
ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ

Перевод с польского

Приказ от польского правительства над всем краем литовским и белорусским к народу земли литовской и белорусской

Вы, верно, слышали, что теперь установлено польское правительство, что это польское правительство отдает вам безо всякого выкупа и чиншей ту землю, на которой сидели ваши отцы и деды, что это польское правительство дает вам настоящую свободу, как у французов, где никто не смеет обижать простого человека, что это польское правительство возвратит еще вашу давнишнюю справедливую веру дедов и прадедов?!

Морочит вам голову москаль, толкуя, что это паны поднялись, чтоб возвратить снова барщину, — он хочет воду замутировать, чтобы в мутной воде по-старому рыбу ловить. Но дело наше — не дело панское, а справедливой свободы, которой ваши деды и отцы издавна ждали и которую москаль с кровопийцами вашими задержать хочет! Дело наше — это дело такой свободы, которую сам бог, придя на этот свет, хотел установить и за которую пролил свою кровь святую и терпел крестные муки!

Но миновала уже барщина, миновала ваша обида, и никакая сила ее не вернет — ни московская, ни дьявольская! Теперь настало такое время, что каждому будет отмерено так, как он сам себе отмерит. Пан будет плохой — пана повесим, как собаку! Мужик будет нехороший — и мужика повесим, а усадьбы их и села обратятся в дым, и будет справедливая свобода, потому что этого сам бог уже хочет и пресвятая богородица!

За вашу долю кровь проливают справедливые люди, а вы, как те Каины и Иуды Искаротские, добрых братьев продавали врагам вашим!

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Но польское правительство спрашивает вас, по какому вы праву смели помогать москалю в нечистом деле?! Где у вас был разум, где у вас была правда? Разве вспомнили вы о страшном суде божьем? Вы скажете, что делали это поневоле, но мы люди вольные, нет у нас неволи, а кто хочет неволи московской – тому мы дадим виселицу на суку.

Однако справедливое польское правительство на Литве и Беларуси, принимая во внимание:

что москаль, господствуя над вами и грабя вас сам да позволяя каждому грабить, не учил вас ни читать, ни писать;

что вы сегодня глупые, как овцы;

что над вами нет еще милосердия божьего, потому что вы отступились от его истинной веры, –

поэтому справедливое польское правительство, прощая вам людские обиды, приказывает только вам:

не помогать уже больше москалю ни в чем, потому что он, должно быть, уже не силен, если просит вашей помощи. А если где москаль был глуп и дал вам ружья, то вы, заколов ночью солдат московских, в лес убегайте, потому что это будет лучше всего.

Милиции и караулов по селам чтоб никаких нигде не было, потому что если поймают кого в карауле или в милиции, то раньше или позже без лишних слов повесят.

Чиншей, оброков и податей в казну московскую, а также панам никаких больше не платить, потому что эта земля уже ваша, а вы подчиняетесь польскому правительству и подати должны платить только в польскую казну.

Этот приказ должен быть прочитан в каждой церкви и в каждом костеле, по всем деревням и имениям для сведения всего народа. А кто этому приказу сопротивляться будет, поп ли это или ксендз, мужик или пан – о любом сообщать польскому правительству, чтоб можно было его потом повесить, или, создав сельский сход и свершив справедливый суд, без лишних слов вести на виселицу! Потому что кто хочет обиды людской, тот пускай лучше сам ни за грош пропадает!

Дан в гор. Вильно, в день св. Варфоломея лета господня 1863.

Восстание в Литве и Белоруссии, 1863–1864 гг. С. 29–31.

КОНЕЦ НОЯБРЯ – НАЧАЛО ДЕКАБРЯ 1863 г. ПИСЬМО К. КАЛИНОВСКОГО Б. Ф. ДЛУСКОМУ¹

Дорогой Болеслав!

Не знаю, благополучно ли доехала твоя сестра, я очень беспокоюсь. Поручено было ей по дороге в Ковно отдать очень компрометирующие бумаги. В это время в Ковно произошли страшные аресты, поэтому не знаю, что с нашими бумагами. Если можешь сообщить нам об этом, постарайся это сделать сразу по получении этого письма.

С расходами будь очень расчетлив, потому что Жировицы и Острая брама² официально заявили, что только в том случае все пожертвуют, если ты со ста тысячами французов, а Итальянец [Итальянец – сподвижник К. Калиновского – Ахиллес Бонольди – прим.] со ста тысячами своих побратимов заглянете к ним в гости.

Др. и Эдмунд³ отправились к сибирским снегам на 8 лет искать золото и серебро, может, они оттуда захотят пополнить нашу убогую кассу. Тебя третьего там не хватает, а Москва очень хотела объединить вас узлом братского союза.

Деньги наши из кассы вооружения забирай и тут же обменивай на винтовки.

Предатель, который выдавал в Ковне, – поневежский помещик Кушелевский, мне кажется, твой поветовый начальник.

Всех интриганов и склочников присылай сюда к нам, потому что здесь будут иметь основательное поле, для того чтоб показать себя не только в интригах, но смогут даже драться с врагом.

---

¹ Документ впервые опубликован в журнале «Неман» (1975, № 4) Я. Киселевой в переводе с польского языка. Болеслав Длуский – соратник К. Калиновского по Литовскому провинциальному комитету. В это время был военным представителем повстанцев за границей и находился в Париже.

² Жировицы и Острая брама – центры католической церкви.

³ Эдмунд – сподвижник К. Калиновского – Эдмунд Вериге. В 1863 г. он был арестован и приговорен к 8 годам каторги.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Посербский деморализовал отряд, бросил его, а сам драпанул.

Полк[овник] Духинский (назначенный Высоцким) выехал, хотя и с позволения Отдела, однако своим отъездом не Отдел ему, а он Отделу, а особенно Гродненскому воеводству, сделал большую милость.

Звездовский¹ после неудачи на Могилевщине с большей легкостью попал за границу, чем в отряд, например в Минском, Гродненском воеводствах или на Жмуди.

Сообщаю тебе об этом, с тем чтобы знал, если понадобится, кого как использовать.

Царские власти точат зубы на меня. Под разными фамилиями ищут меня в Вильне. Только ради потехи Итальянца должен прибавить, а именно: Chamet напишите какое-нибудь письмо из Парижа с настоящей моей подписью и отошлите *poste restante* на какое-нибудь имя, может, это отвлечет их усиленное внимание. Не смотрю ни на что, то через окно на крышу, то другими способами всегда счастливо ускользаю из их рук. Бог мне покровительствует, а коль придется повиснуть, то пусть это будет на радость всем литовским панам и пресветлой Москве.

Ваш Ха/мович].

К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия. Минск: Беларусь, 1988. С. 75–76.

---

¹ Людвиг Звездовский с апреля 1863 г. был военным начальником Могилевского воеводства и руководил действиями повстанческого отряда в Горках.

ИЮНЬ 1863 г. «МУЖИЦКАЯ ПРАВДА». № 7

(Текст публикуется на языке оригинала).

Dziaciuki!

Douho mouczau ja, niekazau warn niczoho, bo chociu rozhledziecsa do-bre da rozobrac, szto heto dziejecsia na swieci, szto uze spowiecic was po sprawiedliwosci da skazac jak nakazuje Boh da sumlenje, szto nam ciepier treba robici. Zdac mouczki bolsz uze nie zmoha! Pomirkujmo tolki szto dumajuc ciepier zrabic z nami. Obiecau nam car ziemlu, – czynouniki, popy da moskali, usi u odzin hotos duryli nas, szto car nam szczyro dumaje, da dasc wolu, Sprawiedli-wuju Wolu. I stuchali my cara. Kazau jon nam jeszcze dwa hody stuzyc pansz-czynu i panszczynu my adbywali. Nakazau car niekruta dali my jemu i niekruta, a sami mouczki hledzieli, jak naszych synkou da bratou na kraj swieta pahnali. Nakinuu nam podusznoho – ptacili my podusznie za zywych i umiertych, za dzieciej da za starcou nieduzych, placili my ziemsku powinnośc, da usielakije zbory, ptacili na pasiarednika, na praulenje, starszymam, pisaram okruznym, ase-soram – da Boh wiedaje kamu nie ptacili – da usio niepytalis kudy jduc naszy hroszy. Usi nas kryudzili da usi obdzirali i biu nas silniejszyj, kryudziu bohat-szyj – a na toje nidze niebyto sprawiedliwosci. My usio mouczali, da stuchali, usim ktanialis, za usio ptacili, usio cierpieli zduczy kanca, bo spodziejalis spra-wiedliwoj wolności, spodziejalis, szto daduc wolnuju ziemielku da u podusznom sprawiedliwy pobor budzie. Zamiast toho szto oddac naszu ziemielku, da jakujus ziemlu?! hetu szto z dziedou pradziedou, krounoju pracej dziesiac raz uze jeje zarabili da zaptacili. Za hetu ziemlu car nakazuje nam czynszy ptacic u kazna-czejstwo. Da jakijez czynszy? Jakije uzdumajecca postanowic czynounikam, da sudowym krowopijcam, da jeszcze z koznym hodom usio bolszyje da bolszyje. Tak woli nam uze i nie budzie: wiek cety ptaci, da na wiek niesi astatki, szto odptacicsa Palatam da Prawwleniam. Padmanuu ze nas car, a jeho stuzki popy, czynouniki da moskali podwieli nas jak czort dobru duszu.

Mato toho: bieruczy niekruta na wiesni kazau car, szto bolsz brae nie budzie:– my jak taja dziecina i powieryli, szto nie budzie, a ciepier bacz! i znou car nakazuje z kaznoje wotosci postanowic po sto chtopcou szto pojduc u moskali po achwocie, a jak achotnikou nie budzie tak hramada prysudzic komu jsci u niekruty. Skrucusia chiba! szto to chto jszou u moskali po achwocie. Tak os uze u drugie podmanuu nas car z niekrutom. Uziau piacioch z tysiaczy, a ciepier dawaj sto z wotosci, a u osieni jeszcze moze dwiesci abo trysta zachocze, bo car so swoimi moskalami nie poduzaje muzykou szto podnialisia u Polszczy i nie podoleje prancuza, szto za Polszczu ustupiusia. U Polszczy muzyki tak samo jak i my spodziewalis na cara, da zdali woli od niego, – da jak pobaczyli, szto car tolki lostoczkami duszu wyjmaje, a nowymi podatkami, niekrutom da czynszami ostatniu soroczku z nich zdzierci chce, – ot usi ra-zom z witami da z kosami pojszli dobiwacca ziemi da praudy, a inszy i swiatoj unijackoj wiery. Ot i dobilis. Wyjszou uze Polski Manichwest. Ziemia wolno dajecca usim muzykam; bo heto ichnia ziemia z dziedou prazdiedou, za hetu ziemlu nichto nie maje odroblac panszczyzny i czynszou nijakich nikomu placic; poduszhnoho bolsz nie budzie, a tolki podymne, jak kolis placili; niekruta bolsz nie budzie, a usi muzyki i pany i mieszczenie, usiak odstuzyc 3 hody u swojej ziemi i znou sobie wolnyj. Unijackije koscioty, szto moskali zabrali, addajucca nazad unijatam i chto chce, maje prawo chrescic dziecej po unijacku da do unijackich ksiendzou isci do spowiedzi i po staromu Bohu molicca, jak jeszcze backi naszy molilis.

No ciepier sami razbirajcie: dzie bolsz prauda, ci u polskom manichwesci, ci u carskom? Car obiecau dac wolnosc – da niedau. Obiecau nie brae niekruta, a ciepier uze druhocho nakazuje. Polski Manichwest dau ziemlu, nie biere niekruta, skinuu poduszhnie, powiernuu uniju. No, skazycie, bratki! chto nam lepsz dumaje? Pomoh by prancuz i nam, jak pomohaje muzykam u Polszczy, – dyk sztoz – car adkazuje szto u nas muzyki usim dowolny, inszoje woli niechoczuc, szto jeny lubiac cara da duszy, szto szluc jemu listy, da znosiac podatki, da achwotno ptociac czynszy, a niekruta postanowiac kolki caru za-uhodno, a unii nichto nie chce. I tut nas car podmanywaje, skrywic chce praudu, szto nas sousim

pohubic. A prancuz na nas tolki zdzie: da komuz jon pomohac stanie, kali u nas budzie cicho. A my choc nam carskije stuzki zniewierylis nadto, robim usio szto jeny nam niskazuc. Takim sposobom nie zaznac nam woli, da sprawiedliwosci. Nie tak dumali muzyki u Polszczy. Stuzyli jeny jemu wierno, jak i my, da pobaczyusy, szto nie wystuzac niczoho, stali dobiwacca i dobilis woli. A ich carskije sluzki duryli, jak nas ciepier durac – podmoulali szto stac listy do cara piereproszajuczcy, da po staromu niesci podatki, da dawac niekruta, – uczyli ich jak donosic odzin na odnoho, jak iowic da moskalam odstanoulac, da mato znojsztosia takich, szto to niebajuczys Boha ni soromu ludzkoho sluzyc moskalam, bo uze spoznali muzyki carskiju dumku. A takich, szto za hroszy nie pobjalis sluzyc woroham naszym, szto nie chacieli muzykam ziemi, da praudy na swieci, da spreczny byli nowoj wolnosc, da nowomu polskomu manichwestu, hetakich wieszajuc, jak podlych sobak, sieliszczu ich opuscieli, poszli z dymom ich chaty, propala marno chudoba.

Podumajcie dobre, da pomoliuszysia Bohu stanmo druzno razem za naszuju wolnosc! Nas car uze nie podmanie – nie podwieduc moskali! nie-ma dla nich u naszych siolach ni wody, ni chleba – dla nich my gluchi i nie-my _ niczoha – nie baczyli i nie czuli. A pokul jeszcze pora, treba naszym chtopcam spieszyc z witami da z kosami tarn, dzie dobiwajucca woli da praudy – a my ich backi da zonki naszy, scierehci budziem da uwiedomlac odkul na nich ciahnie nieczysta maskouska sita da od duszy pomohac usie-lakimi sposobami dzieciukam naszym, szto za nas pojduc bicsa. A budzie u nas wolnosc jakoj nie byto naszym dziedam da backam.

Jasko hospodar z pod Wilni.

Kasztuje hroszy 5.

*К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия.
Вкл. С. 128–129. Ил. «Мужичья правда» № 7.*

Перевод

Ребята!

Долго молчал я, не говорил вам ничего, потому что хотел рассмотреть хорошенько да разобраться, что это делается на

свете, чтобы уже оповестить вас по справедливости да сказать, как наказует Бог и совесть, что нам теперь нужно делать. Ждать молча больше уже не вмогуту! Поразмислим только, что думают теперь сделать с нами. Обещал нам царь землю, чиновники, попы и москали все в один голос морочили нам голову, будто царь чистосердечно к нам относится и даст свободу, Справедливую Свободу. И слушались мы царя. Велел он нам еще два года служить барщину, и барщину мы отбывали. Потребовал царь рекрута – дали мы ему и рекрута, а сами молча смотрели, как наших сыночков да братьев на край света погнали. Накинул нам подушного – платили мы подушное за живых и мертвых, за детей и старцев немощных, платили мы земскую повинность да всевозможные сборы, платили на посредника, на правление, старшинам, писарям, окружным, ассессорам – Бог знает кому только ни платили, да все не спрашивали, куда идут наши деньги. Все нас обижали да все грабили, бил нас кто сильнее, обижал кто побогаче, и на то нигде не было справедливости. Мы все молчали да слушали, всем кланялись, за все платили, все терпели, ожидая конца, потому что надеялись на справедливую свободу, надеялись, что дадут вольную земельку, да в подушном справедливый побор будет. Вместо того чтобы отдать нашу земельку, да какую же землю! – ту, которую от дедов-прадедов кровным трудом десять раз уже заработали и оплатили. За эту землю царь велит нам чинши платить в казначейство. Да какие же чинши? Какие вздумается установить чиновникам да судейским кровопийцам, да еще с каждым годом все больше и больше. Так свободы нам уже и не будет: век целый плати и век неси остатки, чтобы заплатить Палатам и Правлениям. Обманул же нас царь, а его слуги – попы, чиновники и москали – подвели нас, как черт добрую душу.

Мало того: когда весной брал рекрута, говорил царь, что больше брать не будет. Мы, как дети, и поверили, что не будет, а теперь – смотри! Снова царь велит с каждой волости выставить по сто хлопцев, которые добровольно пойдут в солдаты, а если добровольцев не будет, то общество присудит, кому идти в рекруты. Что он, белены объелся! Чтоб кто-нибудь шел в солдаты добровольно! Так вот уже и второй раз обманул нас

царь с рекрутом. Взял пятерых с тысячи, а теперь давай сто с волости, а осенью еще, может, двести или триста пожелает, потому что царь со своими солдатами не осилит мужиков, поднявшихся в Польше, и не одолеет французов, которые за Польшу вступились. В Польше мужики так же, как и мы, надеялись на царя и ждали свободы от него, да как увидели, что царь только посулами душу выматывает, а новыми податями, рекрутством, чиншами последнюю рубаху снять хочет – вот все разом с вилами и косами пошли добиваться земли и правды, а кое-кто и святой униатской веры. Вот и добились. Вышел уже Польский Манифест. Земля свободно отдается всем мужикам, потому что это их земля от дедов-прадедов, за эту землю никто не должен отрабатывать барщину и чиншей никому никаких платить; подушного больше не будет, а только подымное, как когда-то платили; рекрутства больше не будет, а все мужики, и паны, и мещане – каждый отслужит 3 года в своем краю и снова вольный человек. Униатские костелы, отобранные москалями, отдаются назад униатам, и кто хочет, имеет право крестить детей по-униатски, к униатским ксендзам идти на исповедь и по-старому Богу молиться, как еще отцы наши молились.

Вот теперь сами разбирайтесь: где большая правда – в польском манифесте или в царском. Царь обещал дать свободу – и не дал. Обещал не брать рекрута, а теперь уже второго требует. Польский манифест дал землю, не требует рекрута, отменил подушное, возвратил унию. Ну скажите, братья, кто больше о нас заботится? Помогли бы французы и нам, как помогают мужикам в Польше, только что ж, царь отвечает, что у нас мужики всем довольны, другой свободы не желают, что они любят царя всем сердцем, что шлют ему письма, вносят подати и охотно платят чинши и рекрутов выставят, сколько царю угодно будет, и унии никто не желает. И тут нас царь обманывает, исказить хочет правду, чтобы нас совсем погубить. А французы нас только ждут, но кому же они помогать станут, если у нас будет тихо. А мы, хоть совершенно разуверились в царских слугах, делаем все, что они нам ни скажут. Таким путем не дожидаться нам свободы и справедливости. Не так думали мужики в Польше. Служили они

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

царю так же верно, как и мы, да увидев, что не выслужат ничего, стали добиваться и добились свободы. А ведь и их царские слуги морочили, как нас теперь морочат, подговаривали, чтоб письма царю посылать о прощении да по-старому вносить подати и давать рекрутов. Учили и их, как доносить друг на друга, как хватать да москалям представлять, только мало нашлось таких, которые, не боясь ни Бога, ни стыда человеческого, служили б москалям, потому что разгадали мужики царскую думку. А таких, которые за деньги не побоялись служить врагам нашим, не хотели, чтоб у мужиков земля была да правда на свете, и противились новой свободе, — по новому польскому манифесту таких вешают, как подлых собак, селения их опустели, дымом пошли их избы, пропало ни за грош добро.

Подумайте хорошенько, и, помолившись Богу, встанем дружно разом за нашу свободу! Нас царь уже не обманет, не подведут москали! Нет для них в наших селах ни воды, ни хлеба, для них мы глухие и немые — ничего не видели и не слышали. А пока еще есть время, нужно нашим хлопцам спешить с вилами и косами туда, где добиваются воли и правды, а мы, их отцы, и жены наши оберегать будем и сообщать, откуда на них прет темная московская сила, да от чистого сердца всеми способами помогать ребятам нашим, которые за нас пойдут биться. И будет у нас свобода, какой не было у наших дедов и отцов.

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Цена 5 грошей.

Восстание в Литве и Белоруссии, 1863–1864 гг. С. 25–26.

**СОБРАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ СТАТЕЙ
М. Н. КАТКОВА
ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ 1863–1864 гг.
ПО ПОВОДУ ВЫСОЧАЙШЕГО
МАНИФЕСТА ЦАРСТВУ ПОЛЬСКОМУ
И УКАЗА СЕНАТУ ОТНОСИТЕЛЬНО
СМЕЖНЫХ С ЦАРСТВОМ ПОЛЬСКИМ
ГУБЕРНИЙ, № 71, Москва, 3 апреля**

В день Светлого Воскресения – самый торжественный и самый народный праздник у нас на Руси – даны и обнародованы два важных акта по поводу польских смут: Высочайший манифест к Царству Польскому и указ Правительствующему Сенату, относящийся к смежным с Царством Польским губерниям. Оба акта запечатлены одним и тем же духом, постоянно характеризующим действия нынешнего царствования, – духом кротости, терпимости и прощения. Ожесточенные противники наши в Европе будут ли удовлетворены этим словом милости и всепрощения, которое раздалось в ответ на буйные крики и бесчинные требования? Это кроткое слово должно смутить их совесть – но обезоружит ли оно их, образумит ли, отрезвит ли их желания и требования? Все, что Монарх великой державы мог сделать в чувстве снисхождения и примирения, сделано им: он прощает мятежников, предаёт забвению совершенные ими кровавые дела, убеждает их возвратиться к долгу повиновения и доверию и побуждает их к тому собственными пользами несчастного края, периодически терзаемого своими патриотами.

Да, когда над этим краем тяготела строгая и крепкая рука, он был спокоен; стесненный во всех отправлениях своей общественной жизни, в своем языке, в своих национальных обычаях, управляемый вооруженной силой, без всяких видов на национальную самостоятельность, он был спокоен;

его выходцы сидели в бессильной праздности по всем углам Европы и мало-помалу примирялись с безнадежностью своих замыслов; европейские доброжелатели Польши хранили молчание и полнейшее равнодушие к судьбам этой страны; только в парламентах из года в год раздавался, ради курьежа, какой-нибудь один и тот же голос, напоминавший в одних и тех же выражениях о Польше, и был постоянно встречаем общим смехом палаты. Но вот изменился старый порядок; все более и более отпускала крепкая рука; польское национальное чувство получило возможность дышать свободно, и открылись виды на будущее; политические преступники возвращены из ссылки и из изгнания; понадобилось в школах учить по-польски — стали учить по-польски; понадобился университет — дан университет; управлению края предоставлена полная автономия с видами на дальнейшее развитие в будущем; административные должности поручены полякам, и люди русского происхождения, служившие в Царстве Польском, уволены в угоду национальной щекотливости; во главу гражданского управления поставлен человек, чье имя всего более ручалось за национальный характер управления, маркиз Велепольский, всегда принадлежавший к ревностнейшим польским патриотам, один из значительнейших деятелей в восстании 1831 года, человек с твердой волей, искусный политик, наученный опытом и, по признанию зрелых людей из поляков, несравненно более способный оказать услуги польскому делу, чем все прочие пылкие ревнители, взятые вкупе. Дела, стало быть, шли очень хорошо в польском смысле — чего же еще могла желать Польша? Она уже начинала пользоваться желаемой самостоятельностью, на какую потеряла уже и надежду; она находилась в обладании всеми условиями продолжать успешным образом свое национальное развитие; ни на что не было наложено окончательно запрета, ни в чем не было решительного отказа; много было дано, и много было еще впереди. Однако к чему послужили все эти облегчения и условия, которыми обеспечивались надежды на спокойное развитие? К тому, чтобы вдруг все заходило и заколебалось, и то, что долженствовало успокоить все умы и согласить все интересы, произвело только полнейший разлад,

волнения, смуты и, наконец, вооруженное восстание. Что должно было послужить к утверждению спокойствия, то, напротив, возмутило его самым жестоким образом. Везде остановился мирный труд; помещик и крестьянин разорены; промышленность терпит невознаградимый ущерб; материальное благосостояние края подверглось тяжким ударам, которые заставляют мирных жителей жалеть о прежнем суровом и крепком управлении, когда национальным стремлениям не было хода.

Отчего же все это произошло? Отчего при строгом правлении Польша была спокойна, а при льготном, открывавшем ей все надежды на будущее, она пришла в волнение, которое возрастало и ожесточалось по мере того, как становилось льготнее и слабее? Почему именно в эту пору вдруг возымела силу польская эмиграция со всем арсеналом своих фантазий и замыслов, которые нигде в мире не могли бы иметь приложения? Зачем вдруг в Царстве Польском начали действовать какие-то тайные судилища, страхом тайного убийства вербовавшие себе приверженцев, принуждавшие мирных жителей к повиновению и двигавшие городскими массами по своим замыслам? К чему эти бесстыдные комедии, которые разыгрывались на варшавских улицах? Откуда взялись эти мученики, сами подставлявшие грудь свою под штыки и под пули? Зрелища, которые давались Европе на улицах варшавских, действительно были очень эффектны, и европейская публика рукоплескала им с энтузиазмом. В самом деле, толпы безоружного народа, в том числе женщины и дети, бестрепетно собирались перед рядами войск, готовые на смерть и призывая ее удары. Какие сокровища энтузиазма, самоотвержения и вольного мученичества! Однако где же были эти сокровища в ту пору, когда у солдат наших и ружья стреляли, и штыки работали не шутя? Где тогда скрывался неудержимый восторженный пыл запечатлеть собственной кровью свои верования? Где был он в ту пору, когда мог найти себе надлежащее удовлетворение? Пусть бы тогда эти кандидаты в мученики прошли процессией по улицам, пусть бы тогда поплевали они на вооруженных солдат и похохотали по нотам перед домом наместника, пусть бы тогда... В то время была полная и

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

верная надежда принять мученический венец и совершить перед лицом целого мира великую жертву. Нет, тогда варшавские улицы были совершенно спокойны. Пыл жертвовать собою явился в то время, когда не оказывалось жрецов; мученики лезли на ружья, когда пули в ружьях были заговорены, и оплеванный солдат должен был молча утираться, глотая оскорбление военной чести. И какой гвалт поднимался на целый мир, когда после неслыханных поруганий, которым подвергались войска, они теряли терпение и брались за оружие!

Чудеса *пассивного сопротивления* не замедлили уступить место очень *активным* проявлениям. Какой-то значительный польский патриот, сказывают, выразил эффектную мысль, что польское восстание обойдется на этот раз без оружия, одной силою самопожертвования. Значительный патриот слишком поторопился похвалбою. Начались гнусные покушения исподтишка, начались тайные убийства, и множество русских солдат, изменнически застигнутых врасплох, были варварски зарезаны поодиночке. Святые мученики затеяли Варфоломеевскую ночь и сицилийские вечера посреди девятнадцатого столетия, en pleine Europe, при всеобщем каждении *гуманитарным* и *филантропическим* идеям, под управлением самым уступчивым и мягким, каким когда-либо пользовался польский край. Наконец, как известно, в Варшаве оказалось два правительства: одно открытое, другое тайное, и под руководством этого тайного правительства, заседающего и по сие время в Варшаве, вешающего и расстреливающего послушников и рассылающего свои декреты по всей стране, даже в глубь России к польским людям, разыгралось восстание. Сколько темных дел совершено, сколько крови пролито, сколько бедствий постигло мирные народонаселения! А между тем пришла в движение Европа, и вдруг возрос до громадных размеров польский вопрос, еще так недавно бывший всеобщим посмешищем. Что же случилось и чего вдруг потребовалось? Польше дана была полная автономия, и ее национальность обеспечивалась льготами, о которых она не мечтает ни в Пруссии, ни в Австрии: вот что случилось. А что потребовалось? Потребовалась полная самостоятельность Польши с Конституцией 1815 года и с пол-Россией

в придачу; потребовалось отнять у России не только значение великой державы, но и всякое политическое значение, так чтобы годовщина ее тысячелетнего существования превратилась для нее в похоронную тризну. Мы слышали эти требования, которые с наивным нахальством произносились во всеуслышание, и только русская, уже чересчур богатырская, натура могла не тотчас вспыхнуть и разразиться грозой оскорбленного народного чувства... Боже мой, что заговорило бы в каждом французе, англичанине и немце, если бы хотя что-нибудь подобное слышалось у них! Только теперь наконец пошевелился наш Селянинович со своей *тягой земною* — теперь, когда кровавая драма приходит к концу, когда русский солдат, покинутый на свое собственное патриотическое чувство, показал наконец мятежникам, что не все же шутки...

Недаром говорит пословица, что русский человек задним умом крепок: теперь и наше образованное общество, наши дворяне и других сословий люди почувствовали и поняли, что дело не шутка. Патриотическое чувство всколыхнулось наконец и в нашей громадной России. Но и теперь еще услышите вы порой странные суждения от людей несомненно честных и крепко принимающих к сердцу благо своего Отечества. У нас при каждом случае как-то очень туго и медленно пробуждается политическая чуткость. Мы готовы, пожалуй, сказать: «О, мы не уступим ни одной пяди из русских владений, хотя бы пошла на нас вся Европа! Мы скорее все погибнем, чем согласимся на позорную сделку! Зато мы можем спокойнее и равнодушнее смотреть на польские притязания там, где они ограничиваются чисто польской почвой. Пусть все польские элементы соберутся вместе, пусть настоящая польская земля получит возможно полную государственную самостоятельность: от этого не произойдет для нас никакого ущерба, а польский вопрос мог бы разрешиться мирным и удовлетворительным образом. Нынешнее Царство Польское, или бывшее герцогство Варшавское, с Познанью и Галицией могли бы собраться и составить одно политическое целое, чем польская национальность была бы удовлетворена, а Россия была бы счастлива тем, что с нею граничило бы славянское государство, с которым она всегда

находилась бы в братском согласии и единении». Рассуждающие так забывают только о том, что Познанское княжество наполовину онемечено и что немцы не так великодушны, как мы, а Галиция наполовину населена коренным русским людом, который, несмотря на всевозможные притеснения со стороны поляков, несмотря на унию, коварно изобретенную для уловления русских людей, остается верен своей народности и ненавидит польскую. Они забывают, что польского народа нет в действительности, что есть только польская шляхта, что польская национальность ищет не свободы, а преобладания и владычества, что польское государство не может довольствоваться теми размерами и тем значением, какие было бы нам угодно дать ему, что всякая уступка в этом смысле была бы не разрешением вопроса, а новым затруднением и осложнением его, что всякая уступка в этом смысле сопровождалась бы соответственным ущербом для России и не удаляла бы, а, напротив, приближала бы европейскую войну. Европейские державы, поколебав наше значение на Востоке, были бы не прочь довершить начатое и восстановлением Польши низвести нас со степени великой державы. Нет, не западные наши губернии должны мы отстаивать, о них и речи быть не должно, — мы должны энергично отстаивать свои права относительно Царства Польского. *Hie Rhodus, hie salta* (здесь Родос, здесь прыгай).

Высочайший манифест, обращенный к Царству Польскому, при кротком и примирительном тоне отличается твердостью. Даруя прощение мятежникам и удерживая в полной силе все дарованные Польше льготы, манифест не обещает ничего более, кроме правильного развития предустановленного плана. Восстание и борьба не произвели никакого заметного действия на Верховную руку, держащую судьбы этого края; она не дрогнула, и как было дело до начала восстания, таким осталось и теперь, когда предусматривается конец его. Все остается так, как бы ничего не было: реакции нет, но нет и унижительных и пагубных для России уступок. Польские патриоты приглашаются к повиновению и к мирному пользованию прежде дарованными льготами. Манифест обещает только продолжение начатого; излишнего в нем не сказано. Для Польши открыта новая политическая эра, но не в тех обстоятельствах, в каких

в 1815 году, под влиянием Чарторижского, открывалась политическая эра для Польши. Та же самая эра открыта и для всей Российской империи. Польша, оставаясь в соединении с Россией, будет следовать наравне с ней одному и тому же ритму политического развития. И там и тут в основу угла полагается сходственно задуманное местное самоуправление; и там и тут политическое развитие должно идти из одинаковых элементов и одинаковым путем. Указ дополняет сказанное в манифесте, и оба акта вместе обнаруживают общий план, который в своем развитии должен не разъединить обе страны, а, напротив, связать их самыми надежными прочными узами общего интереса, при соблюдении национальной автономии во всем, что может быть разумно предоставлено ей, не подвергая опасности того общего интереса, которым обе страны должны быть между собой тесно связаны.

Что же предстоит теперь делать нам по прочтении Высочайшего манифеста? Должны ли мы считать дело конченным, успокоить наше патриотическое чувство и уснуть сном людей, много потрудившихся и много наделавших дела? Нет! Теперь должно громко заговорить наше русское чувство. Теперь, теперь должны мы дать ему полный ход и полную силу его выражению.

На нас лежит долг показать Европе, в каком единственном смысле русское чувство понимает этот манифест, и предупредить иные толкования.

САМОДЕРЖАВИЕ ЦАРЯ И ЕДИНСТВО Руси, № 79, Москва, 12 апреля

10 апреля открылась наконец новоустроенная городская Дума в Москве. Отчет об этом торжестве читатели прочтут ниже, равно как и слово, сказанное по этому поводу иереем Богословским-Платоновым. Событие это важно само по себе: Москва получила наконец городское учреждение, в котором на одно общее и всем близкое дело соединены все сословия, доселе совершенно разрозненные.

Вслед за Москвой и другие города не замедлят получить то же учреждение. А вместе с городами то же начало единения сословий в общественном деле распространят по всему лицу Русской земли земские учреждения, уже приготовляемые законодательным порядком. Нет сомнения, что из этих начатков сама собой разовьется новая общественная организация вместо доселе господствовавшей у нас. Сословия еще остаются, но они сближаются между собой и соединяются в совокупной деятельности. Из этого сближения существующих сословий не преминет выработаться сам собой новый тип общественной организации.

Но об этих и подобных предметах можно говорить всегда. Как ни важны эти предметы, они должны уступить теперь место другому, всепоглощающему интересу. Открытие Московской Думы гораздо важнее потому, что первым действием ее первого собрания было единодушное и единогласное принятие всеподданнейшего адреса по поводу смут, происходящих в Польше, и угроз и оскорблений, которые сыплются теперь со всех сторон на наше Отечество.

Никогда общественное заявление не было так единодушно и не отличалось такой искренностью, как в этом случае. Давно уже наша Москва не испытывала такого общего одушевления, которое бы так могущественно сливало людей в одно чувство. Ничего искусственного не было в этом порыве, побудившем гласных новой Думы выразить перед престолом чувства, одушевляющие всех и каждого. Всякий может

засвидетельствовать это; всякий более или менее испытал потрясающую силу и живительное действие общего великого чувства, охватившего всех без различия. Никогда, может быть, Московской Думе, да и какому бы то ни было собранию, не придется с большим правом считать себя органом общественного настроения, как в этом случае. Наша Дума послужила в этом случае полным выражением чувства, проникающего все классы общества и, как великая волна, проходящего теперь по всему пространству нашего Отечества.

Да, мы переживаем теперь великие минуты, и каждый должен испытать и очистить себя, чтобы стать их достойным. Все мелкие и искусственные понятия, все пустоцветы нашего так называемого образования должны уступить место тем основным, тем могущественным, тем вечным силам, на которых зиждется всенародная жизнь. Мы воочию видим теперь, как воплощаются в нас эти силы, как бледнеет и исчезает перед ними все фальшивое, все налганное и пустословное, бродившее в наших мыслях. Все исчезает, как ржавчина и плесень в глубокой всколыхнувшейся воде.

То, что в обычной суете наших мыслей и толков было так чуждо нам, так мало действовало на нас, так слабо говорило в нашей душе, вдруг проснулось и заговорило громко, заговорило неумолчным набатом. Всякий знал себя за русского, называл себя русским, но всякому ли случалось в жизни почувствовать это с потрясающим могуществом страсти? И вот все, от мала до велика, становятся живыми органами этого чувства; во всех становится кровной силой то, что так недавно было для всех отвлеченным понятием: единство Русской земли, общего Отечества. Где она, наша Русь? Еще так недавно мы взглянули бы при этом на географическую карту с разноцветными границами; но теперь всякий живой человек чувствует нашу Русь в самом себе, чувствует ее как свое сердце, как свою жизнь.

Мы называем себя верноподданными. Мы воздаем должный почет Царю как верховному лицу, от которого все зависит и все исходит. Но не в эти ли минуты понимаем мы все значение Царя в народной жизни? Не чувствуем ли мы теперь с полным убеждением и ясностью зиждительную силу

этого начала, не чувствуем ли, в какой глубине оно коренится и как им держится, как замыкается им вся сила народного единства? Кому не ясно теперь, как дорого это начало для всякого гражданина, любящего свое Отечество? В ком живо сказалось единство Отечества, в том с равной живостью и силой сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила.

Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свой обычай; есть целые страны со своим особенным характером и преданиями. Но все эти разнородные племена, все эти разнородные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти — в Царе, в живом всеповершающем олицетворении этого единства. В России есть господствующая Церковь, но в ней же есть множество всяких исключających друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной Верховной власти. Все разнородное в общем составе России, все, что, может быть, исключает друг друга и враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли. Никакие изменения в нашем политическом быте не могут умалить или ослабить значение этой идеи. Все преобразования, какие совершаются и будут совершаться у нас, могут послужить только к ее возвышению и усилению.

В разных умах и разных кружках могут быть разные мнения и толки об общественной свободе. Но в действительности общественная свобода есть самое охранительное в мире начало. Особенно для нас, русских, должно быть это ясно. Мы знаем из нашей истории, что общественные силы были

всегда у нас силами хранения и упора и что, напротив, сила движения исходила от государственной власти. В общем ходе нашей истории государство было постоянно силой разлагающей, движущей, *перестанавливающей* *обычай*; народ и общественные силы действовали всегда оборонительно и упирались, чтобы жизнь не потеряла своих основ, без которых не имеет смысла никакое движение. Силы движения и упора никогда не были у нас в равновесии, и всегда они действовали порознь. Оттого-то наши преобразования были так малоплодотворны, наши общественные силы были так малопродуктивны.

В настоящее время особенно чувствуется потребность ввести в нашу государственную организацию участие живых общественных сил, чтобы восстановить равновесие между движением, которое может стать бесплодным и даже разрушительным, и самоохранительными инстинктами жизни. Пора канцелярских преобразований и кабинетного прогресса сменяется новой, когда живые силы общества должны развить свое действие в устройстве нашего быта, наших хозяйственных отношений, в системе нашего просвещения, которому иначе грозит конечная гибель, в настроении общественного мнения, которое теперь не имеет никакой внутренней силы и отдано на произвол случайных влияний. Общественная свобода должна послужить нам на утверждение всего того, чем скрепляется наше единство. Тогда только коренные начала народной жизни займут в наших понятиях то самое место, какое имеют они поистине в самой действительности...

**СЛАБЫ НЕ СИЛЫ НАШИ,
А СЛАБЫ НАШИ МНЕНИЯ.
НЕОБХОДИМО ПОДАВИТЬ ВОССТАНИЕ,
№ 83, Москва, 18 апреля**

...Да, были тяжкие времена для нашего Отечества; были мгновения, когда все казалось погибшим, когда ни изнутри, ни извне нельзя было, по-видимому, ожидать никакого спасения. Вспомним 1612 год, вспомним то, что было ровно через двести лет после того, в 1812 году, и что еще остается на памяти людей, живущих в наше время. Мы упомянули о 1612 годе: но какая бесконечная разница между русским государством того времени и нынешним! Междоусобия раздирали страну, самозванцы являлись один за другим; чужеземные властители уже держали в своих руках венец Мономаха; поляки владели Московским Кремлем, этим жизненным средоточием Русской земли, и дружины их жгли и грабили ее, гуляя по всему ее простору и проникая далеко на север; с другой стороны надвигались на нас шведы. Рознь, смуты, измена, враги внутренние и внешние; нигде никакой силы, никакой опоры, никакого средоточия; все рушилось, все падало, все гибло... И однако же ничего не погибло; все было спасено. Русская земля в этой переделке только закалила свое единство. Русский народ из этой бездны вынес новые небывалые в нем силы для великого исторического существования. Тут только впервые выразилось с полной силой его единство; тут только впервые обозначился его облик. И произошло это великое дело без эффектных героев и подвигов, произошло как бы само собой, внутренней мощью народа, которому суждено историческое дело.

Двести лет спустя Русская земля представляла уже значительное европейское государство; и вот она снова подверглась великому испытанию. Завоеватель, перед которым пала вся Европа, обратился против нас все ее силы. Польша открыла ему путь внутрь нашей земли, билась с нами под его орлами и

вместе с ним присутствовала при Московском пожаре. Положение нашего государства было тогда самое критическое. Финансы наши были в совершенном расстройстве, о каком мы теперь и понятия не имеем. Паника овладевала умами и распространялась повсюду. Ни в чем очевидном не выражалась народная сила; нигде не сосредоточивалась народная вера. Мы знаем, как окончилось это испытание; мы знаем, чем вышел из него русский народ; мы знаем, что с этой эпохи пробудились и пришли в действие внутренние силы нашей народности, что именно с этой эпохи начинаются наше народное самосознание и плодотворная деятельность во всех сферах нашей общественной жизни.

А каково в настоящее время положение нашего Отечества? Менее ли оно способно, чем прежде, выдержать великое испытание?

Как бы ни казалось далеко наше современное положение от разных идеалов, которые могут представляться каждому, нынешняя Россия со своим наступающим будущим сама представляет собой идеал, который мог казаться недостижимым с точки зрения прошедших эпох. Наше народное и государственное единство никогда не было так упрочено, как теперь. Великая и тяжкая работа тысячелетия оканчивается преобразованиями, которые, как сказано в московском городском адресе, «новыми теснейшими узами соединяют Русского Царя с Русской землей и дадут новую крепость Его державе». Как еще ни скудно развитие нашей общественной деятельности, нашей торговли, нашей промышленности, никогда прежде не было оно ни так обширно, ни так обильно. Вместе с умножением народонаселения возросло против прежнего и народное благосостояние; везде пробуждается новая жизнь; все чувствует новые силы и призвание к будущему; везде возникают новые интересы всякого рода, скрепляющие новыми узами все части русского народонаселения, все области Русской империи. Явилась новая, великая сила — общественное мнение, всеобъемлющий интерес общего дела. Общественные понятия группируются и зреют. Зиждательные силы нашей народности живут уже не в одних темных инстинктах, но и в сознании. Старые искусственные порядки со своими

злоупотреблениями исчезают и уступают место системе лучших отношений, в основу которых полагается самое плодотворное и самое надежное начало – начало самоуправления. Как бы смиренно ни смотрели мы на самих себя, как бы ни были скромны наши мнения о наших силах, мы можем с полным убеждением повторить сказанное во всеподданнейшем адресе дворянства Московской губернии: «Во главе освобождаемой Вами России Вы могущественны, Государь. Вы могущественнее Ваших предшественников». Теперь менее, чем когда-нибудь за все продолжение нашего исторического существования, можем мы опасаться войны за народное дело. Не внутренние условия нашего существования, не действительные силы нашей народности слабы, а разве еще не совсем доспели до них наши общественные понятия. Слабы не силы наши, а слабы еще наши не совсем установившиеся, не совсем созревшие мнения, которыми мы измеряем и оцениваем свое положение.

Предотвратить войну можем мы только сознанием наших сил, только полной верой в исторические судьбы нашего народа; предотвратить войну можем мы только энергичной решимостью не уклоняться ни от какого вызова. Да, война не должна устрашать нас, какие бы ни приняла она размеры. Если она неизбежна, то сопряженные с нею бедствия мы можем предотвратить только энергичной готовностью к ней и крепкою уверенностью, что последнее испытание, которому подвергнется наше народное единство, будет окончательным торжеством его.

Миролюбие совершило все возможное для обезоружения наших врагов и для успокоения польского мятежа. Далее идти оно не может, и если его последние усилия останутся безуспешны, если враги наши будут видеть в нем признак нашей слабости, нам нельзя уже сделать ни одного шага в этом направлении, не теряя достоинства и не подвергая себя страшным бедствиям. Срок, постановленный всемилостивейшим манифестом, истекает, но восстание не прекращается. Амнистия побуждает двигателей мятежа только к новым и более напряженным усилиям. Центральный революционный комитет продолжает заседать в Варшаве и издавать свои декреты.

Не все, конечно, в Европе посвящены в тайны этого темного движения, не все отдают себе отчет в том, как оно возникло, чем оно поддерживается и к чему, собственно, направлено; но все с изумлением смотрят на ход и обстоятельства этого дела; всем оно представляется как что-то небывалое и беспримерное; все хотят видеть в нем только свидетельство нашей слабости и внутреннего упадка.

Отныне должны мы обнаружить ту твердость, которая, по выражению адреса Московской городской Думы, «прощая виновных, смирит непокорных».

Теперь мы должны действовать с полной решимостью. Наши действия должны быть направлены не к тому, чтоб угодить той или другой державе, задобрить тот или другой отенок общественного мнения Европы, возбужденного против нас искусственными агитациями, или смягчить тон той или другой закупленной против нас французской газеты, а к подавлению мятежа во что бы то ни стало.

Отныне для прекращения мятежа нужно не столько истребление шаяк, сколько крепкая и надежная администрация края. Не все в Польше радуются восстанию. Напротив, большинство народонаселения страдает от мятежа и, без сомнения, желает, чтобы приняты были все нужные меры для ограждения собственности и жизни людей от терроризма революции. Невыгодное впечатление, производимое нами на Европу, имеет своей главной причиной именно это обстоятельство. Энергия наша должна состоять не в том, чтобы поражать и рассеивать шайки, сгоняемые терроризмом, а в том, чтоб оградить мирных людей от этого терроризма. В Европе нам ставят в упрек именно то, что в Варшаве, где сосредоточено управление целого края, в Варшаве, занятой войсками и состоящей на военном положении, до сих пор продолжает заседать революционный комитет и распоряжения его для поддержания мятежа действуют успешнее, чем все меры законного правительства, принимаемые для прекращения мятежа.

В предпоследнем номере нашей газеты заимствовали мы из «*Journal de St.-Petersbourg*» изложение всех тех льгот, которые были вводимы в Царстве Польском за последние годы. В числе этих льгот поставляется то, что все русские чиновники были

выведены из Царства Польского и что весь административный персонал состоит там из поляков. Только восемь сколько-нибудь значительных административных мест заняты русскими. Мы не можем судить, в какой мере было необходимо выводить из Царства Польского должностных лиц русского происхождения, между тем как в Российской империи и военная, и гражданская службы наполнены людьми польского происхождения. Но спрашивается: возможно ли ожидать, чтобы в стране, находящейся в полном восстании, служащей фокусом всех интриг и возбуждений озлобленной против нас политики разных держав, — чтобы в этой стране, где поднято знамя национального движения, где не только все должно находиться на военном положении, но где уже свирепствует война, — чтобы в этой стране, даже и по истощении всех примирительных мер, административный персонал состоял исключительно и систематически из поляков?

Мы охотно допускаем, что все должностные лица в Царстве Польском или, по крайней мере, большинство их — люди добросовестные. Но нельзя не согласиться, что при нынешних обстоятельствах положение административного лица из поляков в Царстве Польском есть положение очень неприятное. При всей добросовестности может ли чиновник из поляков совершенно оградить себя от всяких возбуждений национального чувства, которые производятся теперь в Польше с такими отчаянными усилиями, в таких громадных размерах и так систематически? Может ли он уберечься от этих влияний, когда вся Европа толкует теперь о восстановлении польской национальности? Он связан долгом присяги с правительством — но можно ли ожидать, чтобы он был совершенно уверен в прочности существующего порядка? К тому же в его совести возникает невольно чувство другого долга — долга перед своей национальностью. К этому призывает его открыто ксендз в костеле; об этом напоминает ему каждая весть, долетающая до него из-за границы, каждый бюллетень о побоищах в лесах, каждое лицо, встречаемое на улице. Представим себе самого твердого, самого честного человека в этом положении: чем он добросовестнее, тем нестерпимее пытка, которой он подвергается. Но большинство людей нигде и никогда не отличается героическими доблестями.

Обыкновенные смертные легко подчиняются возбуждениям, которые действуют ближе и сильнее.

Хотим ли мы удовлетворить нынешним притязаниям польского патриотизма и пожертвовать ему существованием России? В таком случае надобно нам выводить из Царства Польского войска, отступать все далее и далее к Уральскому хребту и готовиться к мирной кончине. Если же этого мы не хотим, если всякая мысль о чем-либо подобном кажется нам нелепостью и приводит нас в негодование, то никто, ни даже сами поляки, не вправе были бы сетовать на правительство, если оно сочло нужным принять более решительные меры, для того чтобы избавить Польшу от бесплодного и изнурительного раздражения, а Россию — от лишней траты крови и сил в борьбе, которая может превратиться в европейскую войну. В настоящее время всякое наружное угождение национальному чувству в Царстве Польском станет гибелью и для Польши, и для России. Война так война; военное положение так военное положение. При теперешнем ходе дел правительство имеет полное основание сосредоточить все власти в Царстве Польском в руках людей, недоступных обольщениям польского патриотизма и революционным устрашениям. До тех пор пока не прекратится восстание, пока порядок в Царстве Польском не будет восстановлен, всякая уступка национальному чувству будет не примирять нас с поляками и Европой, а, напротив, только усиливать вражду, распаляя, с одной стороны, требования, а с другой — заставляя прибегать к все более и более жестоким мерам для их отражения.

Быть или не быть войне — это зависит от того, будет или не будет в скором времени прекращен мятеж в Царстве Польском. Все усилия враждебной нам политики направлены к тому, чтобы питать и длить восстание в этом крае; какие бы льготы ни стали мы давать возмущившемуся краю в настоящее время, все окажется безуспешным, и европейские державы будут все сильнее настаивать на том, чтобы мы принимали меры к успокоению страны. В самом деле, наступает пора принять серьезные меры для успокоения взволнованной страны, такие меры, какие всякая держава, либеральных и нелиберальных свойств, приняла бы в

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

подобном положении. Результатом такой решимости было бы прекращение всякого вмешательства со стороны других держав. Во всяком случае, мы находились бы в несравненно более выгодных условиях для того, чтобы принять вызов, если бы он оказался неизбежным.

Если же дело обойдется благополучно и страна освободится от революционных элементов, Россия не забудет своего долга и немедленно приступит к окончательному и искреннему замирению Польши во всех ее законных требованиях.

ЛОЖНЫЕ ПОНЯТИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ ПОЧЕРПАЮТСЯ ИЗ НАШЕЙ ЖУРНАЛИСТИКИ, № 86, Москва, 22 апреля

Нельзя сказать, чтобы Россия до сих пор поступала слишком стремительно и слишком увлекалась патриотическим пылом своих обитателей. Никак нельзя сказать, чтобы до сих пор наша печать обнаружила чрезмерную раздражительность народного чувства под влиянием тех угроз и оскорблений, которые сыпались на наше отечество со всех сторон, в то время когда оно менее чем когда-либо заслуживало подобного обращения. Увы! напротив, наше равнодушие, наше молчание, наше непоколебимое спокойствие удивили иностранцев и послужили для них признаком (к счастью, обманчивым) нашего полного нравственного упадка.

И в печати, и в законодательных собраниях одним из самых сильных аргументов против нас было то, что Россия будто бы находится теперь в совершенном разложении, что целые классы народонаселения исполнены революционных элементов, что внутри Империи готово вспыхнуть повсеместное восстание, что целые области ежеминутно готовы отложиться и что при малейшем толчке все это громадное тело рассыплется в прах.

К стыду нашему, иностранцы на этот раз не из ничего сочиняли свои взгляды на Россию: кроме обильного материала, доставлявшегося им польскими агитаторами, иностранцы могли черпать данные для своих заключений и в *русских* источниках. Никогда, нигде умственный разврат не доходил до такого безобразия, как в некоторых явлениях русского происхождения. Для иностранцев довольно было иметь хотя поверхностное понятие о том, что печаталось по-русски, например в Лондоне, и знать при том, что весь этот отвратительный сумбур, невозможный ни в какой литературе, пользовался в России большим кредитом, что русские люди разных сословий пилигримствовали к этим вольноотпущенным сумасшедшего дома,

питались их мудростью и возлагали на них надежды в деле обновления своего Отечества. До иностранцев доходили слухи о не менее диких явлениях во внутренней русской литературе, развивающейся под благословением цензуры, о состоянии наших учебных заведений, об удивительных проектах перестройки всех существующих отношений, о процветании всевозможных бредней, какие когда-либо и где-либо приходили в голову эксцентрическим и больным умам, и о том, что все эти нелепости не встречали себе сильного противодействия в общественной среде, — и иностранцы заключали, что в этой среде нет ни духа, ни силы, что наш народ вырождается, что он лишен всякой будущности. Стоило любому иностранному наблюдателю — а таких не могло не быть в канцеляриях разных европейских посольств — немного прислушаться к тому, что серьезно говорилось в Петербурге, присмотреться к тому, что там делалось вокруг, чтобы вынести полное убеждение в совершенном разложении нашего общественного организма. Мог ли иностранный наблюдатель подозревать, что атмосфера, в которой он производил свои наблюдения, есть атмосфера фальшивая? Мог ли он думать, что все это не более как кошмар, сон дурной ночи, причиненный неумеренным употреблением гашиша? Прежде Россия была для иностранного наблюдателя страной загадок — и действительно, ни об одной стране не было столько мифических сказаний, как о России. Но в последнее время наблюдатель считал себя вправе думать, что слово загадки найдено и что таинственная страна стала ему ясна во всей своей безнадежности. Иностранный наблюдатель крепко уверился, что Россия есть призрак и должна исчезнуть как призрак. Если же в нем оставалось какое-нибудь сомнение в этом, то оно должно было уступить заявлениям *русских агитаторов*. Наши агитаторы сначала выставляли себя только ожесточенными противниками правительства и пламенными друзьями народа, обещали ему фантастические благополучия, подобно революционерам всех стран и народов. Иностранный наблюдатель видел в этом явление более или менее ему знакомое и, не объясняя себе причин, удивлялся только тому, что весь этот вздор в русской цивилизации пользуется кредитом. Но вот теперь

дело становится ему яснее и убедительнее. Наши революционеры обнажили перед ним все красоты свои, и он отступает перед этой картиной со стыдом и омерзением. Он видит перед собой нечто небывалое и неслыханное. В иностранных газетах приводятся избранные красоты из русско-лондонских изданий, в которых еще так недавно, к стыду нашему, многие русские люди слышали призывный голос обновляющейся России, и иностранные публицисты вчуже приходят в негодование, цитируя места из «Колокола», и вчуже до некоторой степени отстаивают если не нынешнее, то по крайней мере прошлое значение русского народа от нареканий со стороны его собственных выроdkов. Мало того, что эти выроdkи перешли открыто в лагерь врагов России, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому восстанию и осыпают циническими ругательствами русских, выразивших за границей робкое сочувствие русскому делу подпиской в пользу раненых русских воинов, — они ругаются над русским народом вообще и объявляют Россию не чем иным, как *глупой выдумкой*, которая должна бесследно исчезнуть с лица земли.

Посреди этих явлений, заставляющих иностранца видеть в нас народ разлагающийся и гниющий, раздалось несколько голосов изнутри России, в которых слышалось русское чувство и которых было бы гораздо больше, если бы наша печать и вообще все отправления нашей общественной жизни находились под другими условиями, — и вот русский патриотизм упрекают в кровожадности, упрекают не французские или немецкие газеты, а «Санкт-Петербургские ведомости» — газета российская. В чем же выразилась до сих пор кровожадность русского патриотизма? Бедный русский патриотизм осмелился против польских притязаний, которые заявляла против нас вся Европа, увлекаемая разными враждебными нам побуждениями, выставить на вид исторические права русской народности и в ответ на ругательства сказать несколько слов в защиту своего народа — в защиту, предоставляемую даже тяжким преступникам. Русский патриотизм позволил себе заявить, что русский народ будет стоять крепко за достоинство своего политического существования. В этом петербургская газета видит кровожадность и свирепство.

До сей минуты все в России скорее готовы были сожалеть о поляках и желать им добра, чем сводить с ними счеты. Даже в то время, когда проливалась русская кровь, когда Европа своим вмешательством оскорбляла нашу народную честь и достоинство наше как великой державы, русское патриотическое чувство, там, где оно высказывалось, не теряло меры, не дышало мстостью и относилось к польским притязаниям точно так, как относятся к ним все беспристрастные люди в самой Европе. Русское патриотическое чувство не говорило сильнее того, что было, например, сказано г-ном де Ларошжакеленом во французском сенате; оно не говорило ничего сильнее того, что, например, прочли мы сию минуту в английском журнале «The Quarterly Review* (апрельская книжка), в статье под заглавием «Paland»: «Полякам их прошедшее не дает никакого права на симпатии Европы, – сказано, между прочим, в этой статье. – Поляки могут, если хотят, биться до горького конца, увлекаемые своей закоренелой национальной враждой. Если им угодно, они могут жертвовать своей кровью в последней отчаянной попытке восстановить старую Польшу. Россия имела право употребить все свои усилия для восстановления своих древних владений; мы не будем порицать и поляков за то, что они рискуют всем для осуществления своей мечты о возобновлении величия Ягеллонов. Но в этих попытках своих пусть поляки не рассчитывают на симпатии Европы... Польские магнаты для восстановления своей независимости или, лучше сказать, для перенесения своего подданства от России к Франции стали союзниками Наполеона в его усилиях поработить все народности Европы. Если бы эта отчаянная попытка удалась, Польша, вероятно, приобрела бы от России все, на что она предъявляет свои притязания, и Россия была бы откинута назад, в пределы полуазиатского владения, а Польша под покровительством Франции стала бы обширнейшим государством Восточной Европы... Но этим грезам наяву не дано было осуществиться. Судьба битв, к которой обратились поляки, решила дело не в их пользу. 1812 год, принесший жизнь и свободу многим народам, был смертным ударом для надежд Польши. Россия, подвергшаяся нападению без малейшего повода со своей

стороны и спасенная преданностью, которой ничего подобного не представляет история, овладела страной, готовившей ей пагубу, овладела на основании самого чистого права, какое когда-либо предъявлялось завоевателем... Самое лучшее, чего в настоящее время может ожидать Польша, есть благоустроенное положение под русскою державой». Никогда ничего русский патриотизм не говорил сильнее этих слов, прочтенных нами сию минуту в иностранном журнале. Что же тут кровавадного? А что касается до благоустройства Польши, то был ли хоть один русский патриот, который не желал бы Польше благоустройства наравне с Россией?

Россия до конца не изменяла своему терпению; она истощила все средства миролюбия. В самый разгар восстания возмутившимся дарована была амнистия; перед лицом Европы, наступавшей на нас с угрозами и высокомерными советами, дан был торжественный обет открыть для Польши новую политическую эру. Россия коснулась последнего предела миролюбия; ступить еще один шаг вперед значило бы без войны погубить себя или вызвать самую ожесточенную народную войну. Никто, кроме врагов России, не мог бы пожелать такого шага. Никто из русских, в ком есть хоть искра стыда и чести, не может не сочувствовать горячим изъявлениям русского патриотизма, который с такой силой отзывается теперь во всех концах Русского Царства. Не из гнилой апатии, не из равнодушия к судьбам Отечества может возникнуть что-нибудь великое в гражданской жизни, а из возвышенного народного чувства.

Впрочем, мы сожалеем, что, хотя и мимоходом, коснулись «Санкт-Петербургских ведомостей». Нам приятнее заключить нашу статью выражением сочувствия другой петербургской газете, «Голосу», где по поводу изъятий народного патриотизма, раздающихся теперь со всех сторон, сказано то, что нам всегда казалось справедливым, — именно то, что чем более было бы патриотического чувства в высших классах общества, тем менее было бы опасности народной войны, тем менее было бы необходимости трогаться с места стихийным силам народа. Прибавим к этому, что

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

враждебная нам агитация общественного мнения в Европе никогда не достигла бы тех размеров и не зашла бы так далеко, если бы она не была обманута признаками на поверхности нашего общества, и особенно состоянием нашей литературы, которую иностранцы ошибочно сочли за действительное выражение духа нашего народа.

ИСТИННЫЙ И РАЗУМНЫЙ ПАТРИОТИЗМ, № 103, Москва, 12 мая

Что лучше – открытая и честная война или другого рода война, которая ведется подземными кознями, революциями и мятежом, а сверху имеет благовидную наружность дипломатических переговоров и международных конференций? Мы не решаем, что лучше; но едва ли народное чувство не отдаст предпочтения первого рода войне перед второй, исполненной всякой нечистоты и гораздо более изнурительной и опасной.

Чувство постоянного унижения, в котором мы теперь находимся, состоя под судом и следствием, нестерпимо для народа, не лишенного чувства чести и уважения к себе, и совершенно невозможно для великой державы. С чем можно сравнить, например, эти наглые требования, которые заявляются иностранной печатью, чтобы наше правительство заключило перемирие с революцией на время конференций или даже на целый год? Да и вообще самый факт дипломатических объяснений по возникшим у нас затруднениям (независимо даже от того презрительного тона, с каким ведутся эти объяснения, независимо от придирок, грубости и недобросовестности, с которыми к нам обращаются, не затрудняясь даже приисканием благовидных предлогов), самый факт этих объяснений есть для России невыносимая обида, особенно когда он как бы узаконяется и длится неопределенное время. Весь этот факт есть надругательство над нами, есть оскорбительное изобличение нас в несостоятельности; этим фактом вынуждаемся и сами мы чувствовать себя бессильным и униженным народом. Такое чувство, а *la longue*, либо подорвет силу народного духа, либо доведет его до крайнего раздражения.

В самом деле, только к слабому и презрительному можно обращаться так, как обращаются к нам теперь европейские державы. Вначале Европа, может быть, и действительно была уверена, что мы лишены всякой силы отпора, что мы оторопеем и будем согласны на всякие требования. Теперь Европа этого не думает; она уверилась, что русский

народ не есть бездушная масса, с которой можно поступить как угодно; она уверилась, что Русская земля есть цельное живое единство, которое сильно отзовется во всех своих частях при всяком на него покушении. Однако переговоры продолжаются; факт, оскорбляющий наше народное чувство, остается во всей силе; нам грозят еще конференциями; нас хотят совсем взять в опеку. Значит, для заявления силы недостаточно одних слов, как бы они ни были искренни и как бы ни мало было сомнения в их способности и готовности перейти в дело. Слова все-таки не более как слова; они разносятся ветром и забываются. Слов недостаточно для того, чтобы заявить серьезную готовность народа отстаивать свою честь и свое достоинство. Верное и несомненное правило: для того чтобы предупредить войну, надобно показать серьезную к ней готовность, *para bellum, si vis pacem* (готовься к войне, если хочешь мира). Вооруженный и готовый к защите менее подвергается опасности нападения, нежели невооруженный и беззащитный. Придираются только к слабым, а не к сильным. Между Англией и Францией давно бы вспыхнула война, если бы обе державы давно не вели ее между собою непрерывными вооружениями: на каждый новый французский корабль Англия отвечала двумя или тремя; на каждое новое усиление наступательных средств одной державы другая держава отвечала еще большим развитием своих оборонительных средств, сооружением береговых укреплений, двумя сотнями тысяч волонтеров. В Англии начали составляться дружины волонтеров, когда еще никакой серьезной опасности вторжения не было, но когда тем не менее и в палатах, и на митингах, и в журналах все то и дело толковали о грозящей опасности вторжения и о необходимости неотлагательно принимать самые решительные меры для защиты. Напрасно с другого берега Канала упрекали английских патриотов в излишней пугливости, смеялись над их опасениями и представляли факты против их основательности — в Англии набатный колокол не умолкал, и сэр Чарльз Непир при всяком удобном и неудобном случае вставал и плакался на бедственное положение Англии, на ее беспомощность; по-видимому, все вопросы, все другие интересы были подчинены и пожертвованы

одной господствующей, всепоглощающей потребности усилить оборонительные средства, хотя они и без того были достаточно сильны. Теперь ни о вторжении, ни о необходимости вооружаться нет более речи; давным-давно прекратилась эта агитация, которую в Англии называли в шутку *the invasion panic* (вторжение паники); теперь Англия не только обеспечила себя от всякого вторжения (она и прежде была достаточно обеспечена в этом отношении), но даже всякую мысль о вторжении она превратила в нелепость и сумасбродство. Собственно говоря, Англия нуждалась в усилении своих оборонительных средств не с той целью, чтоб охранить свои берега от завоевательных покушений, но чтобы этим развитием своей национальной обороны получить новую силу в Европе и превозмочь возрастающую силу Франции. Энергичным развитием системы национальной обороны Англия не только сделала невозможным оскорбить или унижить ее даже мыслью о каком-нибудь покушении на ее берега, но и приобрела новое громадное влияние в решении европейских дел, чего, собственно, ей и требовалось.

Возможно ли было бы обращаться к Англии по поводу Ионических островов, которые постоянно были недовольны своим положением, — возможно ли было бы обращаться к Англии даже с самыми вежливыми запросами об этих островах, даже с самыми учтивыми советами, как устроить их, хотя Венский трактат давал другим державам большее право на это, чем на вмешательство в польские дела? Наконец, принимали ли относительно нас западные державы в 1830 году этот оскорбительный и настойчивый тон, который сочли они возможным принять теперь?

Вся беда в том, что европейские державы находят нас недостаточно склонными или способными к поддержанию нашей чести и наших прав. Они знают, что в случае крайней необходимости русский народ будет готов на всевозможные жертвы. Но в том-то и беда, что нашим недругам представляется возможность привести нас в несчастное и отчаянное положение жертвы; в том-то и беда, что мы должны всем животом нашим обеспечивать свое достоинство, тогда как наши противники обращаются к нам как люди, которым ничего не

стоит поступить так или иначе, которые могут свободно располагать своими средствами, которые могут говорить и действовать из полноты сил, без напряжения, без усилий, без всякой мысли о каких-нибудь тяжких и крайних жертвах. Европа знает, что мы способны оказать крайнее сопротивление, когда придут к нам непрощенные гости; но в том-то и беда, что она не считает нас достаточно сильными для того, чтобы предупредить возможность подобной крайности. Нехорошо то, что мы позволяем нашим врагам поднимать вопрос о нашей жизни и смерти; нехорошо то, что мы на каждом шагу должны напоминать им о нашей готовности пролить всю нашу кровь и лечь всеми нашими костями за свое политическое существование. Нельзя назвать хорошо обеспеченным положение того человека, который должен ежеминутно заявлять свою готовность жертвовать жизнью в защиту каждого из своих прав и каждого из своих интересов. Достоинство европейской нации не может считаться обеспеченным, если она не кажется достаточно могущественной для того, чтобы без особенных напряжений и усилий отразить все покушения на ее права. Нация могущественна только тогда, когда никому не представляется возможность серьезно поставить вопрос о ее жизни и смерти. Всякому известно, что все живущее одарено инстинктом самосохранения; всякому известно, что все живущее будет до упаду сил отбиваться от смертной опасности. Но почетно ли, выгодно ли для народа такое положение, в котором он должен беспрерывно прибегать к последнему аргументу всего живущего – к чувству и силе самосохранения?

Итак, в том нет еще признаков уважительного европейского могущества, что мы готовы до последней капли крови и до последнего издыхания биться *pro aris et focis* (за алтари и очаги). Того-то, может быть, и хотят наши недруги, чтобы, унизив, оскорбив и оборвав нас, потом толкнуть нас в ту последнюю борьбу, где дело будет идти не о чести или достоинстве нашем, а о самом нашем существовании.

Русский человек не пуглив и не нервен: это его хорошее качество. Он не любит хвастаться ни прежде, ни после дела; эффектных демонстраций он не любит; он не будет обещать того, чего не исполнит, и в деле он всегда будет благонадежен. Это

знают и наши недруги, знают все те, которые видали, с каким спокойствием и хладнокровием умеют солдаты наши стоять и падать рядами под ожесточенным огнем батарей. Бесстрашие и стойкость русского простого человека вошли в пословицу, и Фридрих Великий говаривал, что легче убить русского солдата, чем свалить его с ног. Но есть и другие пословицы, представляющие то же свойство нашего народа в свете менее выгодном. «Гром не грянет – мужик не перекрестится», – говорит пословица. «Русак задним умом крепок», – говорит другая. Не надобно ждать опасности для того, чтобы готовиться встретить ее; надо поставить себя так, чтобы дело по возможности и не доходило до опасности. Всякий, кто наблюдал теперь настроение духа во всех слоях нашего народа, знает, каким сильным патриотизмом оживлены у нас все сословия и как дружно сливаются они в этом чувстве. В патриотических заявлениях, которые от всех сословий и со всех концов России раздаются теперь перед престолом, везде говорится (и конечно, не для украшения слога) о полной готовности жертвовать всем для спасения Отечества. Но обещания жертвовать всем недостаточны для того, чтобы поправить наши дела и восстановить наше национальное достоинство; они недостаточны именно по своей крайности и чрезмерности. Общество проснулось, подняло голову и громко, тысячами голосов, провозгласило, что оно встанет и будет крепко защищаться, когда придут грабить его дом и резать его детей. Достаточно ли это? Может ли это внушить к нам уважение? Может ли это восстановить нашу честь, особенно когда после этих провозглашений мы снова завернемся и заснем? Наконец, согласно ли с достоинством великой державы допускать мысль о такой опасности, которая потребует от нас крайних жертв, особенно в деле, где мы совершенно правы и где должны быть несомненно могущественны?

К сожалению, наше общество не привыкло к самостоятельности и русские люди не вдруг обнаруживают энергию и находчивость в общественном деле. Однако и нам пора уже выходить из нашей обычной апатии; пора и нам, между изъяснениями нашей готовности к крайним жертвам и действительным принесением этих жертв, поставить что-нибудь на полпути, что-нибудь

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

посередине, что было бы посильнее слова и еще было бы далеко от кровавых и тяжких жертв и что, напротив, могло бы избавить наш народ от необходимости приносить их. Мы должны теперь же принимать меры для обороны, теперь, когда еще опасность не висит на носу. Только энергичным принятием таких предупредительных мер можем мы сохранить нетронутым наш резерв тяжких и кровавых жертв, которые мы готовы принести. Мудрость и сила человеческих дел заключается в предусмотрительности. Это пуще всего должны зарубить себе на уме наши патриоты.

Теперь, когда у всех на языке вопрос о войне, вы беспрерывно будете слышать проекты о том, как будем мы формировать народное ополчение, для того чтобы встретить врагов; сколько, например, батальонов выставит Москва и как в две недели мы обучим их стрельбе и всякой военной хитрости. Мы слышали подобные речи от людей серьезных и патриотов, и, признаемся, слышали не без грусти. Вот так-то мы всегда действуем, а потом жалуемся на нашу горькую участь! Успокоившись чувством своего патриотизма и своей готовностью на всякие жертвы в минуту опасности, мы ничего и не делаем для ее предотвращения, между тем как истинный и разумный патриотизм состоит в том, чтобы заблаговременно ограждать Отечество от опасности и тем всего вернее предотвращать ее. Какая радость жертвовать всеми нашими средствами, благосостоянием целых классов общества и вести на бойню дружины наших мужичков, которые, конечно, не задумаются, как курская дружина в Крыму, броситься с топорами на огнедышащие батареи? Чувствуют ли эти патриоты, как расточителен их патриотизм, сколько в нем апатии и как он мало согласуется с истинным гражданским мужеством, с истинной любовью к Отечеству, с истинной преданностью к своему народу? Нет, истинный патриотизм постарается сделать ненужными подобные крайние и часто так бесплодные жертвы. Нет, истинный патриотизм состоит в решимости подвергнуть себя заблаговременно некоторым тягостям и лишениям, чтобы поддержать честь и права своего народа и тем избавить его от страшного расточения крови и сил. Из 230 000 английских волонтеров ни одному не

пришлось пролить в битве свою кровь, а между тем благодаря им Англия одержала много блистательных побед, которые при других обстоятельствах пришлось бы покупать тяжкими и кровавыми усилиями.

Но, скажут, мы находимся в иных обстоятельствах; что легко в Англии, то у нас трудно и даже невозможно. Начать с того, что мы не так богаты, что мы не можем тратить таких громадных сумм в предупреждение еще не наступившей опасности (как будто, впрочем, приятнее и выгоднее тратить громадные суммы перед лицом уже наступившей опасности!). Но отнюдь и не требуется делать то, что делала у себя Англия. У нас есть свои условия, свои обстоятельства, свои потребности, свои удобства; но мы не имеем ни малейшего основания уступать другим народам привилегию на предусмотрительность, благоразумие и просвещенный патриотизм, который держит в резерве крайние жертвы, а не выдвигает их вперед, и старается действовать так, чтобы на них не рассчитывать.

Дело известное: в регулярных битвах лучше всего регулярные войска. Каким бы отличным духом ни были исполнены дружины народного ополчения, как бы успешно ни удалось нам дисциплинировать и обучить их военному делу в самое короткое время, как бы ни были хорошо они вооружены — все-таки для войны гораздо пригоднее настоящие войска и гораздо лучше обойтись ими одними, без пролития лишней крови. Армия наша очень велика и находится в лучшем состоянии, чем когда-либо прежде. Мы можем выставить достаточное число штыков, чтобы достойно встретить какую угодно грозную армию, которая вторглась бы в наши пределы. Мы слишком привыкли считать себя слабыми и сами не ценим наших сил по достоинству, точно так же как в прежнее время мы страдали другой крайностью, считая себя непомерно сильными и находя излишним заботиться даже об улучшении нашего оружия или о заведении более рациональных порядков в нашем военном устройстве. Итак, армии у нас достаточно; она лучше вооружена, чем когда-либо прежде, и стоит только взглянуть на лица наших солдат, когда они строем проходят мимо вас, чтоб успокоиться духом и убедиться, как благотворно прошли для них годы нынешнего

царствования, несмотря на то что оно началось после тяжелой и неудачной войны. Но наши войска разбросаны на громадном пространстве; на них падает не только охранение границ, а также охранение внутренней безопасности. Ни одно государство не может обходиться без вооруженной силы для охранения спокойствия и порядка внутри своих владений. Но если бы наше правительство теперь же имело в своих руках очевидную для всех возможность употребить всю массу своих наличных военных сил на отражение внешних врагов, если бы Европа теперь же видела и осязала эту возможность, то наше европейское положение немедленно изменилось бы к лучшему. Семьсот тысяч штыков, которые могли бы быть употреблены при первой надобности против неприятеля, — семьсоттысячная армия, состоящая из опытных солдат, готовая и даже не нуждающаяся в укомплектовании посредством нового рекрутского набора, — сила очень уважительная, сила очень почтенная, которая сразу заставила бы Европу говорить с нами иным языком.

Но как бы мы ни уверяли Европу, что легко можем выставить огромную военную силу против неприятельского нашествия, мы не убедим ее. Люди убеждаются только в том, что является перед ними с грубым красноречием факта. Европа очень хорошо знает численность наших военных сил, но она также знает, что такая громадная страна, как Россия, не может оставаться внутри без достаточной вооруженной силы. Кроме того, Европа имеет некоторое основание думать, что внутри Россия теперь менее безопасна, чем в другое время; она знает, что, кроме великих держав, с которыми нам приходится теперь иметь дело, мы имеем дело еще с особой державой, у которой нет территории, но которая, как воронье, является везде, где только есть или где только готовится падаль. Государственные люди в Европе знают, что против России напрягает теперь свои усилия вся организованная европейская революция, — да и как им не знать этого, когда они сами не прочь подсобить ей и направить ее, куда им нужно? Она уже разыгралась в Польше, она уже разбрасывается по всему пространству наших западных губерний, и она, конечно, воспользуется всяким удобным случаем, чтобы прорваться там или тут на

громадном протяжении России, пользуясь организацией польских революционных комитетов и теми пороховыми дорожками, которые они не затруднятся проложить в разных направлениях между центральными пунктами России. Россия есть страна самая антиреволюционная в целом мире, Европа все более и более убеждается в этом; в этом же все более и более убеждается и организованная европейская революция, которую она насылает на нас. В твердыне нашего народа, в сословиях русской земли нет и тени того, что называется революционным элементом. Расчет поднять наши народонаселения какими-нибудь революционными призывами оказался невозможным, и расчет этот брошен. Но если оказалось невозможным произвести в России настоящую революцию, то, может быть, еще не потеряна надежда произвести революцию фальшивую, к которой представляет все удобства организованное восстание в Польше? Для целей революции, равно как и в интересе враждебных нам держав, достаточно произвести у нас всякого рода замешательства и смуты в каком бы то ни было направлении и смысле. На это, несомненно, рассчитывают наши враги; это положительно имеется в виду европейскими правительствами. Вот почему преимущественно считают они нас теперь слабыми, вот почему, несмотря на все симпатические признаки новой жизни, открывающейся для России, несмотря на все реформы, которым еще так недавно рукоплескала вся Европа, она обращается с нами так дурно и так презрительно, как никогда прежде. Если мы хотим выйти из этого тягостного и оскорбительного положения, то мы должны немедленно доказать всю ошибочность расчета на поживу для иноземной революции в нашем Отечестве и на слабость нашего сопротивления для отпора внешних врагов. Всякая комбинация, которая представит в совершенной очевидности способность страны в одно и то же время и встретить внешних врагов и предупредить всякие замешательства внутри, подавить легко какое бы то ни было покушение на общественную безопасность, — всякая такая комбинация тотчас же даст нам возможность говорить с Европой языком великой державы. Нечего заявлять, что мы сделаем то-то и то-то в будущем; надобно немедленно сделать что-нибудь в настоящем.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мы должны теперь же показать, что можем вполне удовлетворительно организовать и нашу внешнюю, и нашу внутреннюю защиту; мы должны теперь же на деле показать, что для охранения внутренней безопасности потребуется лишь незначительное количество военных команд и что вся сила нашей армии может двинуться наступательно и оборонительно против внешних врагов. Словами и обещаниями никого мы в этом не уверим, но мы заставим серьезно об этом подумать всякого, если покажем на деле хоть какие-нибудь начатки подобной организации в нашем обществе.

Вот почему мы с особым сочувствием встречаем мысль, которая возникла в разных слоях московского городского общества и которую намерены поднять многие из членов нашей общей городской Думы в первое же за сим заседание ее, — мысль об организации местной стражи, которая в случае надобности могла бы заменить или усилить военный гарнизон города. Стража эта должна состоять из местных обывателей и вообще городских собственников, находиться под контролем Думы, но под управлением военного начальника, при некотором небольшом количестве военной команды, которая послужила бы для нее кадрами, между тем как остальные войска были бы в готовности двинуться при первой надобности. Все практическое значение этой мысли состоит в том, чтобы немедленно же приступить к ее исполнению, а не откладывать ее до тех пор, пока войска действительно куда-нибудь потребуются. Главная цель этой организации и состоит именно в том, чтобы войска никуда не потребовались, а между тем ежеминутно готовы были бы двинуться без всякого замешательства, затруднений и лишних жертв.

Желаем полного успеха этому предположению, которое свидетельствует, как серьезно нашим обществом принимается современное положение дел и как мало походит пробудившийся в нем патриотический дух на ту гнилую апатию, которая не хочет шевельнуть пальцем, пока не грянет гром, и которая только в том и полагает патриотизм, чтобы с варварской расточительностью обещать страшные жертвы, которых можно было бы избежать благовременной энергией и которые действительно придется приносить благодаря этой

апатии, неспособной ничего предусмотреть, ничего сообразить и ничего сделать без тукманки по лбу.

Предполагаемая организация местной городской стражи, предпринятая вовремя, обойдется без отягощения и без жертвований для жителей. Войска наши еще, слава Богу, на месте, и нет надобности обременять местную стражу всеми теми обязанностями, которые лежат на войсках. В настоящее время достаточно было бы только самого факта организации, а служебные тягости были бы еще впереди, в возможности еще довольно отдаленной. Достаточно было бы этим стражам только приучаться к отправлению обязанностей, которые теперь лежат на военном гарнизоне, достаточно было бы собираться в определенные дни и часы для выправки, привыкать к точности и дисциплине, по очереди ходить патрулями и т. п. Всякий без отягощения, весело и бодро, нес бы эту повинность, которая, сверх своей важной практической цели, внесла бы некоторое разнообразие в нашу монотонную городскую жизнь и связала бы обывателей новым общим интересом. Эта организация послужила бы поддержкой и добрым употреблением для возбужденного народного чувства. Пробудившийся патриотизм есть чистое золото, и грешно было бы не воспользоваться им. Такими минутами возбужденного народного чувства надобно дорожить, не давать ему испаряться, а постараться кристаллизировать его в каком-нибудь положительном деле. Возбужденное чувство не может долгое время оставаться без пищи, без занятия, без дела. Предполагаемая организация может дать ему эту пищу, может дать ему это дело. Она сосредоточит его, она даст ему простую, но выразительную формулу, простой, но прекрасный символ. Пример Москвы заразителен и обязателен. Он отзовется в целой России, и это новое выражение народного патриотизма более, чем что-либо, в настоящее время может улучшить наше положение в Европе, которая увидит перед собой великую страну, не только спокойную, но и вполне обеспеченную от всяких сюрпризов, свободную в распоряжении своими силами и вполне готовую к обороне.

НАШИ ПОНЯТИЯ, НАШИ ВОЗЗРЕНИЯ – ЗЛЕЙШИЕ ВРАГИ НАШИ, № 117, Москва, 30 мая

Редко в жизни русского народа бывают такие критические мгновения, как теперешнее, – такие мгновения, когда один чуть заметный шаг в ту или другую сторону мог стать виной великого блага или великого зла. К несчастью, мы уже вышли из эпохи бессознательного творчества истории, но еще не достигли полного света во всех отправлениях общественной жизни нашей и находимся в колеблющемся полусвете, в сумерках, которые путают нас в неустановившихся понятиях. Что в прежние времена совершалось инстинктивно, силой вещей, то осложняется теперь сознанием, недостаточным для того, чтоб освещать дело, но достаточным для того, чтоб осложнить и запутать его, привести в колебание и исполнить всяких недоразумений. Наше общественное сознание, наше разумение, наши идеи не вытекли прямо из жизни, а сложились особо из разнородных элементов, собравшихся отовсюду, – и все это носится над нашей жизнью, для того чтобы сбивать ее с пути, затруднять ее ход и помрачать тот внутренний свет, который инстинктивно управляет ее движениями. Наши понятия, наши воззрения – злейшие враги наши; они пуще всего сбивают нас с толку, заводят не туда, куда показывают, и дают не то, что обещают. Они коварно подставляют нам один предмет вместо другого, и мы в полной уверенности, что поступаем разумно, можем совершить дела крайнего неразумия, можем сделать то, чего не хотим сделать, и попасть туда, куда не хотим попасть, можем готовить себе пагубу, утешая себя мыслью, что спасаемся от всех бед в тихом пристанище. Мы заносим руку на врага; не тяжело ли подумать, что вместо врага мы поразим самих себя, а враг останется в стороне – и злобно насмеется над нами? В самом деле, не случается ли сплошь и рядом видеть, как люди, сами того не подозревая, совершают над собой дело своих

врагов? Да избавит нас Бог от подобной смуты, да избавит Он наше Отечество от бедствий, которые могут постигнуть его, от вольной или невольной, сознательной или бессознательной ошибки!

История представляет нам множество примеров того рокового ослепления, которое делает не то, что хочет сделать, а именно то, чего не хочет. Из многого приходит нам на мысль не очень давний случай, которого последствия обнаруживаются теперь в полной ясности и чувствуются всеми. Назад тому лет пятнадцать или четырнадцать, когда в Европе происходили смуты, рушились престолы и колебались царства, у нас произошла странная реакция относительно движений, совершенно нам чуждых и не находивших никакого отзыва в нашей жизни. Мы подумали, и подумали справедливо, что главная доля зла в общественной жизни происходит от ложного просвещения; мы вознамерились предохранить наши школы от всякого легкомыслия, колебания и шатания. Школы наши действительно были плохи, однако дело шло понемногу, и шло не к худшему, а к лучшему. С целями охранительными мы задумали перестроить наши школы, изгнать из них то, в чем мог скрываться зародыш дурных последствий, и внести в них то, что могло бы сообщить нашему просвещению желаемую крепость и зрелость. И что же? Мы изгнали из наших школ то, в чем единственно, по общему опыту всех цивилизованных народов, заключаются истинные условия твердости и зрелости высшего умственного образования, и внесли в них то, что было чревато всеми теми последствиями, которых мы хотели избежать и которые теперь развиваются во всей красе. Для предохранения наших школ от духа легкомыслия и шатания мы изгнали из них начало классического образования и внесли в них элементы самого бессмысленного брожения. Наша охранительная рука поразила насмерть только что начинавшее приниматься в наших школах изучение классических языков и вместо того наделило их пародией на естественные науки и законоведение. Вместо того чтоб усилить древние языки в наших школах и сообщить изучению их недостававшую ему полноту и серьезность, мы разрушили слабые завязи основательного обучения, которое начинало понемногу оказываться

у нас, и предали наших детей духу легкомыслия, поверхностного и лживого знания, надмевающих фраз и слов без мысли. Идя все далее и далее на этом пути, мы довели дело до того, что многие русские люди, искренние патриоты, принуждены ехать за границу, чтоб уйти от того *прекрасного воспитания*, которое ожидало их детей в России.

Вот еще другой пример, из времени тоже не очень давнего: о делах более близких нам мы остерегаемся говорить, чтобы самим нам не вызвать чувств, противоположных тем, которые мы желаем вызвать. Было время, когда воспитание в Западном крае было отдано в руки Чарторыйских и Чацких. Что тогда делалось в школах Западного края, то, по крайней мере, соответствовало принятой системе и, достигая цели, было одобрительно если не с русской, то, по крайней мере, с польской точки зрения. Но затем наступила другая пора. Вследствие новых требований этой поры школы Западного края значительно понизились в своем уровне. Учение стало слабее, поверхностнее: это была жертва, в оправдание которой указывалось на политическую необходимость противодействовать ополячению края.

Но что же было сделано для достижения этой политической цели? Мы теперь ясно видим, что было сделано и к чему привело сделанное. В белорусских губерниях, где русский элемент уже начинал брать верх над польским и мелкая шляхта говорила местным русским наречием, главным средством для поддержки польского духа и распространения польского языка сделались так называемые дворянские уездные училища, заведенные на русские казенные деньги в самых охранительных видах. Русский народ – разночинцы, мещане, крестьяне – не имели доступа в эти училища; молодые шляхтичи, искусственно выделенные из окружающей их русской среды, входили в среду, где господствовал польский элемент, и ассимилировались этим элементом. Науки преподавались (правда, по-русски) в этих училищах, но влияние товарищей и в особенности влияние ксендза было сильнее школьного официального языка. Те молодые люди, которые вступали в эти училища, вовсе не зная по-польски и не слышав ничего об обязанности ненавидеть москалей, выходили

из училищ ярыми польскими патриотами, одушевленными всей ревностью неофитов... Им трудно было возвращаться в свои семейства; училище не давало им ничего пригодного в том быту, к которому они принадлежали по рождению. Им не оставалось ничего более, как вступать в услужение к богатым польским панам или искать писарских мест в разных присутственных местах края. Таким образом, заведенные в охранительных видах дворянские уездные училища, ополячивая местную шляхту, ополячивали и присутственные места Белорусского края; они служили той цели, которую именно имелось в виду устранить.

Вот два примера того, как вследствие сбивчивости наших понятий мы нередко достигаем совсем не того, чего хотим достигнуть, и как, ища избавления от опасности, мы иногда идем ей прямо навстречу. В то время когда делались эти шаги, оказавшиеся теперь столь фальшивыми, общество не заявляло гласно своих опасений. Но если бы кто указал тогда на вредные последствия, к которым они должны были подать повод, то, по всему вероятно, такого мнительного человека все сочли бы или за радикала, не сочувствующего консервативному направлению правительства, или за алармиста, пугающегося созданий своего расстроенного воображения.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ К ПАПЕ И ЕГО ПРИТЯЗАНИЯХ В ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ, № 127, Москва, 11 июня

Мы говорили о притязаниях папистов иметь в Санкт-Петербурге свой аванпост в виде папской миссии. Они намереваются прислать к нам главнокомандующего для борьбы с Православием и имеют наивность думать, что мы окружим этого главнокомандующего тем почетом, которым мы окружаем представителей дружественных держав. С папой, как государем небольшой области, еще не успевшей присоединиться к Итальянскому королевству, мы могли бы быть в отношениях искренно дружественных. Но папа – государь только в силу того, что он римский епископ, а неужели мы не знаем, что римский епископ может питать дружественные чувства к нам только в том случае, если будет видеть нас на дороге к унии? Верность Православию и сближение с римским епископом – вещи несовместимые. Не из веротерпимости, а из равнодушия к вере могли бы проистекать наши уступки католицизму.

Каждое католическое притязание несет яд в своем корне. Оно отравлено стремлением к господству, желанием первенства. Католическое духовенство вовсе не претерпевает у нас гонения, и если оно недовольно своим положением, то причина тому именно в его притязаниях на господство. Мы должны только жалеть, что эти притязания встречали у нас иногда недостаточно сильный отпор и до некоторой степени удовлетворялись. Не можем не указать на недавнее учреждение епископской кафедры для малочисленной католической колонии в Саратове. Епископу этой новой кафедры положено содержание от 7 до 8 тысяч рублей серебром, тогда как православные епископы получают жалованье еще по штату Петра. В Саратове же заведена католическая семинария, и на каждого ученика ее положено около 200 рублей казенных денег, тогда как на ученика православных семинарий расходуется

менее 40 рублей. Католикам тут, стало быть, жаловаться не на что; а разве мы, русские, можем сетовать на оказываемое им предпочтение, разве мы русские, можем упрекать себя в том, что поступили слишком угодливо удовлетворением притязаний, враждебных нашей Церкви?

Возьмем еще одно из тех желаний папы, об исполнении которых он постоянно ходатайствует. Это желание состоит в том, чтобы дети смешанных браков воспитывались непременно в римско-католическом исповедании. Веруя, что вне католического исповедания нет спасения, папа всеми силами стремится к осуществлению этого желания. Он не допускает равенства исповеданий. Равным образом и ни один католический священник не может благословить брак католика с православной или православного с католичкой, если сочетающиеся не дадут обещания воспитывать детей в католическом исповедании. Недавно одно лицо, принадлежащее к царствующим фамилиям, не нашло во всей Европе католического священника, который согласился бы обвенчать его с католичкой, не полагая условием, чтобы дети их были католики. Если бы, при такой настойчивости, мы отменили относительно католиков наш закон, требующий, чтобы дети смешанных браков воспитывались в Православии, мы фактически допустили бы перевес католицизма над Православием.

Наша Церковь, при полном убеждении в своей истине, совершенно в то же время свободна от духа слепой и ревнивой исключительности, которым одержимо римское католичество. В том-то и заключается великое достоинство нашей Церкви, дающее ей преимущество перед другими вероисповеданиями, что она, свято сохраняя чистоту Православия и отвергая односторонности и уклонения, не относится, однако, фанатически к другим христианским вероисповеданиям и, скорбя о разъединении, скорбя о заблуждениях, затмевающих истину, не простирает своей ревности до того, чтобы в чувстве разногласия и отчуждения терять чувство общей истины и единства. Можно скорбеть о заблуждении, но можно и должно уважать то, чем человек или общество соединяется с истиной, и допускать возможность преобладания истины

над заблуждением даже в самом заблуждении. Католический фанатизм готов проклясть самое Евангелие там, где оно является в неуказанной форме латинского текста; Православие чтит и в иноверце христианскую веру и христианскую мысль. В этом-то и состоит высокое преимущество Православия над латинством, и это одно уже ясно указывает, которой из двух Церквей принадлежит будущность.

Если бы папа желал только, чтобы в России, стране Православия, оказывалась терпимость относительно латинства, то такое желание давно уже исполнено. В России римско-католический обряд проживает свободно, без всякого притеснения. В России и закон, и народ, и господствующая Церковь оказывают полную терпимость как к латинству, так и к другим признанным христианским вероисповеданиям. В наших городах свободно воздвигаются католические храмы, католики признаются христианами, а не считаются язычниками или проклятыми, как считаются православные и протестанты в странах, где господствует римское католичество на всей своей воле. Православная Церковь не препятствует смешанным бракам между православными и католиками, и русский священник благословит подобный брак, не связывая заранее совесть родителей и не грозя им всеми карами ада, если они воспитают своих детей в римско-католическом законе. Так ли поступает римско-католический священник? Он уверен, что вне пределов папской власти нет спасения для христианской души, и он благословляет смешанный брак только на том условии, чтобы иноверец по крайней мере в детях своих отступился от своей веры и предался папе, да и то требуется еще особая *диспенсия*.

Если в России закон постановляет, чтобы дети от смешанных браков непременно воспитывались в Православии, то этот закон не есть догмат Церкви. Это закон государства. Если папа считает такой закон стеснительным, если римско-католический первосвященник действительно ищет религиозной свободы, то пусть он явит пример ее в своих собственных владениях. Он соединяет в своей особе и государя и первосвященника: пусть же провозгласит он у себя ту долю религиозной свободы, которую ему желательно видеть в России; пусть освободит он совесть

людей в Римской области, пусть допустит он свободу смешанных браков без лживых диспепсий, в которых изощряется изобретательная фантазия римской консистории; пусть католический священник благословляет смешанный брак, не ставя обязательных условий относительно детей; пусть католики в Риме свободно переходят в Православие; пусть все это папа сделает у себя и затем уже обратится к нашему правительству с ходатайством, чтоб и оно поступило таким образом и отменило законы, стесняющие религиозную свободу. Наша Церковь от этих отмен не пострадает, истина ее не умалится, она останется тем, чем она была, и, может быть, еще яснее обозначится ее истинная сущность. А что случилось бы с римско-католической Церковью, если бы такие перемены вдруг произошли в ее недрах и в ее владениях? Что произошло бы с римско-католической Церковью, если бы папа в ее собственных недрах провозгласил ту религиозную свободу, которой он требует от нас? С католической Церковью произошло бы странное обстоятельство: она утратила бы свой отличный характер; она перестала бы быть тем, что она есть, она перестала бы быть римско-католической Церковью. Пусть папа сложит с себя титул наместника Христова, пусть главенство над Церковью предоставит он незримому Христу, пусть папа превратится в то, чем он должен быть и чем он был сначала, до разделения Церквей; пусть он станет архиереем без всяких других притязаний, пусть затем исчезнет государственная организация церковного общества, а с тем вместе изуверство, дух лжи и властолюбия, не разбирающего средств и делающего Церковь христианскую орудием гнусных преступлений, колеблющим и разрушающим нравственные основы человеческого существования. Когда все это исчезнет, тогда исчезнет и латинская ересь, тогда, может быть, восстановится древнее единство Церкви и папе, епископу православному, не будет надобности хлопотать о каком-нибудь конкордате с нашим правительством. А так как этого нет и, по всему вероятно, это будет нескоро, то какой же смысл могут иметь претензии папы на русское правительство, какой смысл могут иметь его требования, чтобы русское правительство допустило у себя то начало религиозной свободы, которое он сам отвергает и проклиная в своих владениях?

**ИСТИННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ, МЕРЫ,
ПРИНИМАЕМЫЕ ВЛАСТЯМИ В ЦАРСТВЕ
ПОЛЬСКОМ, И СТАРООБРЯДЦЫ
В ЗАПАДНОМ КРАЕ,
№ 128, Москва, 12 июня**

Критические минуты государственной жизни, неся с собой опасности и грозя пагубой, имеют, несомненно, подобно всякому испытанию, ту полезную сторону, что выставляют с поразительной ясностью все слабости, заблуждения и ошибки прежних действий и прежних взглядов. Народ, имеющий будущность, должен выйти сильнее прежнего из посетившего его испытания. Общественная и государственная жизнь его должны очиститься. Самосознание его должно стать глубже. Если мы находимся теперь в затруднении, значит, мы должны исправить свои дела и понятия, значит, мы думали неверно и действовали не так, как велел нам долг. Все эти погрешности теперь обнаруживаются и свидетельствуют против нас; их последствия стоят перед нами во всей наготе своей, и мы должны благодарить судьбу, что она дает нам теперь случай проверить себя, увидеть свои ошибки, уразуметь их серьезность и освободиться от них, если можно, в самом их корне.

Нас упрекают в жестокости; мы скорее должны упрекать себя в том, что мы слишком уступчивы, слишком расположены к угодливости, слишком мало склонны ценить свое по достоинству. Имея за собой несомненное право, мы как бы конфузимся своего права и, будучи чисты совестью, нередко действуем так, как действуют люди, у которых нечиста совесть. Вместо того чтобы открыто и твердо исполнить то, что велит долг, мы стараемся в ущерб делу, на нас возложенному, показаться любезными и гуманными, и когда возвращаемся к исполнению своего долга, то, естественно, подпадаем упреку в двуличности и иезуитизме. Мы не говорим о Царстве Польском, где все чиновники — поляки, но и наши дела в Западном крае не дошли бы до теперешнего положения, если

бы между тамошними русскими было меньше людей, уверявших себя, что, действуя по закону и совести, они навлекут на себя такие неудовольствия и даже оскорбления, которые принудят их отказаться от всякой мысли о самостоятельности в законном исполнении долга. Сохраняя верность России и доброжелательство краю, эти люди полагали, что единственное средство быть полезным не только России, но и самому краю заключается в двуличности. Таким образом, из правых они сами делали себя неправыми. Имея перед собой энергичного врага и компрометируя себя перед ним, русская распущенность довела дело до того, что всякое поползновение русского человека не обнаруживать бездействия власти, не допускать отступлений от закона и не потворствовать нарушителям его считалось если не преступлением, то поступком очень предосудительным и признаком придиричivosti, не соответствующей тому порядку управления, который должен быть основан на доверии и снисходительности. Словом, русских совсем запугали; и они уже не того совестились, что не исполняют своего долга, а того, что исполняют его. Как ни мало похож этот образ действий на приписываемую русским варварскую жестокость и грубость, однако же нельзя не видеть, что он вовсе не служит нашей чести. Он имеет свой корень вовсе не в либерализме или гуманности, а в недостатке уважения к закону — в том недостатке, которым страдаем все мы, русские, от Немана до Камчатки.

Мы нападаем на взяточников, которые нарушают закон, имея в виду разные материальные выгоды; но чем лучше взяточников те, кто нарушает закон для снискания популярности? Одному платят деньгами за поправки; другому платят за них похвалами и величаниями. Средства подкупа различны, но подкуп все равно подкуп, и, что бы ни совершило человека с пути долга, результат один и тот же: попрание закона и принесение его в жертву личному произволу. Истинный либерализм должен состоять не в поправках, которые всегда бывают уступкой не тем, кто прав, а тем, кто притязателен; истинный либерализм должен состоять в умении подчинить свою волю закону и этим уважить свободу других. Мы можем уважить чужую свободу только тем, что

поставляем закон выше своего произвола. Строгая, нелюбимая законность, не подчиняющаяся ничьему произволу, ничьим притязаниям, – вот первое условие либерализма. Несокрушимая твердость воли – главный признак его. Угодливость притязаниям есть слабость, никогда ничего не излечивающая, а, напротив, поощряющая нахальство, которое, видя в ней только робость, возвышает свои требования и насмехается над законом. В общественных делах уступчивость одним всегда заключает в себе несправедливость к другим. Чьи-нибудь интересы всегда приносятся в жертву, а никто не имеет права жертвовать ничьими, кроме своих, интересами. Популяризировать на чужой счет нечестно. Вот почему уступчивость и угодливость в общественных делах несовместна не только с либерализмом, но даже и с честностью. Угождайте, если угодно, за свой счет, а не за счет общества, не за счет Отечества.

Боже нас сохрани обвинять лица. Многое в действиях того или другого должностного лица объясняется у нас новостью нашего положения. Прежняя система действовала патриархально. Она не разбирала средств при достижении своей цели. Ее цель была законная – поддержание государственного порядка, но средства, которые она употребляла, были случайны и произвольны. Когда эта прежняя система начала сменяться новой системой, мы не отдали себе ясного отчета в том, что, собственно, подлежит отмене. Нам показалось, что тяжба идет не между произволом и законностью, а между суровостью и мягкостью. Мы стали всего более остерегаться суровости и считали себя правыми, когда нарушали закон в видах мягкости. Мы упустили из виду, что непозволительно нарушать закон ни в ту, ни в другую сторону. Мы как будто забыли о том, что символ государства есть меч и что государство поставлено в необходимость прибегать в случае надобности к строгим и даже суровым мерам. Самую законность мы стали понимать внешним, формальным, лжелиберальным образом. У нас вышло совсем из памяти, что ни одно из самых свободных государств не отказывалось от своего несомненного права законным образом принимать в исключительных обстоятельствах исключительные меры. В Англии в случае

надобности может быть отменен акт, обеспечивающий личную безопасность, — «Habeas Corpus. В Риме в минуты опасности сенат постановлял свое знаменитое *videant consules*¹ — и консулы были облакаемы диктаторской властью. Эти меры, стесняющие личную безопасность в интересах безопасности общественной, необходимы везде. Они законным образом отменяют законы, издаваемые для мирного времени. Принимаемые при исключительных обстоятельствах, они делают на время этих обстоятельств законным то, что в мирное время не допускается законом. Можно жалеть о том, что в человеческих обществах время от времени наступают такие обстоятельства, но коль скоро они наступают, государство не может бороться против них теми средствами, которые считаются достаточными в спокойное время. Напротив, чем долее государство медлит в подобных случаях принятием исключительных мер, тем круче должны быть впоследствии эти меры и тем продолжительнее должно быть их применение, несомненно тягостное не только для виновных, но и для невиновных.

Мы сочли уместным высказать эти мысли ввиду известий об энергичных мерах, принимаемых теперь законными властями в Западном крае и Царстве Польском. Военное положение переходит в действительность не только в Литве, но и в Польше, где управление краем начинает сосредоточиваться в руках военных начальников уездов, а некоторым генералам даровано право подтверждать на месте приговоры полевого военного суда. В Варшаве было несколько политических казней. Над вождем инсургентов Леоном Франковским, о котором иностранные газеты распустили слух, будто он бежал из цитадели, исполнен приговор военного суда, несмотря на то что, как нам пишут из Варшавы, мать Франковского обращалась с просьбой о помиловании к Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине. Из Вильны нас извещают, что 8 июня прибыла туда комиссия из нескольких инженеров путей сообщения, которая собирала сведения о состоянии железной дороги и о служащих на ней. Фактами доказано

---

¹ Пусть консулы смотрят (лат.). Формула чрезвычайного сенатского постановления, означавшая введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий.

участие некоторых начальников станций и других служащих на Варшавской железной дороге в возмущении. Только этим участием можно объяснить, что через два часа после прохода пассажирского поезда экстренный поезд с войском нашел дорогу с одной стороны подрывтой, вследствие чего паровоз опрокинулся с трехсаженной высоты, первые два вагона разбились вдребезги и следующие восемь также попадали с кручи. Теперь выписывают из Петербурга и Динабурга несколько сот рабочих, которым придется сторожить дорогу и работать на ней. Прекратится также даровая перевозка мятежников по запискам начальников станций, производившаяся, говорят, в широком размере. Сверх того, приступлено к рубке леса, облегающего дорогу во многих местах между Вильной и Варшавой. Дело дошло до того, что из леса стреляли в поезд и с трудом можно было находить кондукторов для отправления службы на пространстве от Вильны до Варшавы. Теперь эти леса на 150 сажен в обе стороны от дороги начинают падать под ударами топоров. В Виленском генерал-губернаторстве уже принята эта мера, а в Царстве предполагается приступить к ней, когда будет произведена оценка лесов. Что касается до крестьян Царства, то, к сожалению, в первые месяцы восстания законные власти оставляли их без поддержки. Теперь в Варшаву стекаются толпы крестьян, преимущественно из колонистов, и просят переселить их в Россию. Они готовы даже за свой счет бежать из Царства – до того бедственно их положение вследствие того, что по деревням свободно распоряжается национальное правительство. В Литве население, преданное России и не сочувствующее восстанию, начинает ободряться. В Витебской губернии даже католики обнаруживают расположение в пользу России. Там крестьяне выставили ополчение в две недели, и в него вошли не только старообрядцы, но и латыши-католики. В одной волости государственных имуществ Динабургского уезда вместо 60 ополченцев вышло 800 охотников, и их разрешено менять через известный срок. Генерал Муравьев, очевидно, заботится о том, чтобы поддержать этот добрый дух в крестьянах вверенного ему края. Читатели обратят в этом отношении внимание на воззвание его к сельским жителям.

Не можем не упомянуть здесь кстати о старообрядцах. В Западном крае есть местности, населенные исключительно или старообрядцами, или католиками. В этих местностях коренную, прочную подпору русской народности составляют старообрядцы, а между тем старообрядцы не допускались там к занятию должностей. Их даже не позволяли избирать в волостные старшины, и, *mirabile dictu!* (странно сказать!), старшинами в старообрядческих волостях были католики, которые, само собой разумеется, находились под влиянием ксендзов. Тем не менее старообрядцы первые отозвались на весть об учреждении ополчения и наводят теперь спасительный для края страх на мятежных людей между помещиками Витебской губернии. Благодаря старообрядцам можно быть уверенным, что серьезных беспокойств в этой губернии не будет. Дело с графом Платором и последствия этого дела убедили мятежных панов, что подговорить крестьян к восстанию невозможно и что подобные попытки ведут, напротив, к самым ужасным для панов результатам. Есть основание предполагать, что при вновь назначенных выборах сельских властей в литовских и белорусских губерниях гражданские права старообрядцев не будут стеснены. Старообрядцы ждут с нетерпением этой справедливости. Они восторженно преданы своему благодушному государю и с гордостью указывают на то, что сам Русский Царь называет их теперь не раскольниками, а старообрядцами, как один из них заметил нашему корреспонденту. Во всяком случае, предпочтение, которое оказывалось в том краю католикам перед старообрядцами, было немалым промахом с нашей стороны и немалым подспорьем для революционной пропаганды.

СОВПАДЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ УКРАИНОФИЛОВ С ПОЛЬСКИМИ ИНТЕРЕСАМИ, № 136, Москва, 21 июня

Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!

Еще задолго до вооруженного восстания в Польше эта интрига начала свои действия. Все, что в нашем обществе, до сих пор еще не признанном как следует и существующем как будто втайне, — все, что завелось в нем нечистого, гнилого, сумасбродного, она сумела прибрать к рукам и организовать для своих целей. Наши жалкие революционеры сознательно или бессознательно стали ее орудиями. Наш нелепый материализм, атеизм, всякого рода эмансипации, и смешные и возмутительные, нашли в ней деятельную себе поддержку. Она с радостью покровительствовала всему этому разврату и распространяла его всеми способами. Она умела вызывать некоторые выгодные ей административные распоряжения; она отлично умела пользоваться крайней анархией в системе нашего народного просвещения; она садилась на школьную скамью, она влезала на учительскую кафедру, и, без сомнения, нередко случалось, что иной либерал-наставник, еще менее зрелый умом, чем его двенадцатилетний воспитанник, проповедуя космополитизм, или безверие, служил чрез десятки руки органом иезуитской интриги и очень определенной национальности, рывшейся под землей и во мраке подкапывавшейся под все корни русской общественной жизни.

Эта интрига, разумеется, не упустила воспользоваться и украинофильскими тенденциями, на которые наше общественное мнение еще не обратило должного внимания, потому что общественного мнения у нас не существовало, потому что общественное мнение было у нас случайным сбродом всяких элементов, преданных на жертву всякому влиянию и всякой интриге.

Дело вот в чем.

Русская народность несравненно менее, чем какая-либо другая великая народность в Европе, заключает в себе резких оттенков. В Германии, в Италии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию этой последней страны, – везде есть резкие особенности и местные наречия, до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров. Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же трудно было бы понимать неаполитанца, как и испанца или даже как своих вечных врагов – тедесков. В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности и резкие местные наречия, которые гораздо более разнятся между собой, чем даже языки русский и польский. В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь, и менее чем где-нибудь рознь эта значительна. Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий. Наиболее резкую особенность встретите вы в малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав его государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселения России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизм. Но монголы и литва разрознили на некоторое время русские народонаселения, и

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью. И хотя она отстояла себя, но тем не менее время разъединения с Россией внесло в южнорусскую речь несколько польских элементов и вообще несколько обособило ее, более, чем разнятся между собой другие местные говоры в России.

Как есть везде, так, естественно, были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкой под малороссийский говор, но делались без всякой цели, ради курьеза или для местного колорита, и в видах чисто литературных, подобно тому как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому как немецкий поэт Гебель писал свои идиллии на аллеманском наречии. У писавших не было и тени замысла создать из местного наречия особый язык и возвести его в символ особенной народности. Если же и встречались некоторые позывы сепаратизма, если и зарождалась иногда темная мысль о разъединении единой и нераздельной народности, то эта мысль оставалась безвредной по своей несостоятельности; она не могла действовать в жизни и была только фальшивым литературным направлением. Положительно вредной она могла стать только как примесь к чему-нибудь другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое орудие для какой-нибудь более серьезной пропаганды.

Года два или три тому назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса. Польские публицисты с бесстыдной наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что Юго-Западная Русь не имеет ничего общего с остальным народом русским и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории наша

литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка! И вот мало-помалу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербуя себе приверженцев в нашей незащитной молодежи. Истощались все прельщения, чтобы связать с этой новой неожиданной пропагандой разные великодушные порывы, разные смутно понимаемые тенденции, разные сердечные чувствования. Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и заводить малороссийские школы, в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных «просветителей». Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек.

Мы далеки от мысли бросать тень подозрения на намерения наших украинофилов. Мы вполне понимаем, что большинство этих людей не отдают себе отчета в своих стремлениях. Мы отдаем должную дань и легковерию, и легкомыслию, и умственной незрелости, и бесхарактерности. Но не пора ли, по крайней мере в настоящую минуту, подумать о том, что мы делаем? Не пора ли этим украинофилам понять, что они делают нечистое дело, что они служат орудием самой враждебной и темной интриги, что их обманывают, что их дурачат? Из разных мест Малороссии получаем мы вопиющие письма об этом зловредном явлении, которое тревожит и возмущает там мыслящих и серьезных людей. Нити интриги обнаруживаются все яснее и яснее, и нет никакого сомнения,

что украинофилы находятся в руках интриганов; нет никакого сомнения, что украинофилы служат покорным орудием заклятых врагов своей Украины. Нашим украинофилам пора одуматься и понять, в какую бездну хотят их ввергнуть. Мы знаем, что самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, что они радуются этому движению и поддерживают его всеми способами — разумеется, прикрывая себя разными масками.

В самом деле, ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики, как не разложения в собственных недрах русского народа? Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украинофилами; имея на мысли великий идеал в лице Конрада Вилленрода, они великодушно отрекутся от собственной народности в пользу украинской, и отрекутся тем охотнее, что украинской народности не существует, а существует только возможность произвести в русском народе брожение, которое всего действительнее может послужить целям врагов России, поднимающим вопрос о самом существовании ее.

Польские повстанцы, которые дерутся и гибнут в лесах, знают, по крайней мере, чего они хотят. Польская народность жила когда-то особым государством и имела самостоятельное историческое существование; польский язык есть язык существующий, язык обработанный, имеющий литературу. Польские повстанцы знают, чего они хотят, и желания их, при всей своей безнадежности, имеют смысл, и с ними можно считаться. Но чего хотят наши украинофилы? Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем, что он есть. Несчастные исторические обстоятельства, оторвав Украину от русского корня, насильственно соединили ее на время с Польшей; но Украина не хотела и не могла быть частью Польши, и из временного соединения с ней вместе с полонизмом своей местной молвы вынесла вечную, неугасимую национальную ненависть к польскому имени. Нигде в России,

даже теперь, поляки не возбуждают против себя собственно национальной ненависти; а в Украине кипит непримиримая национальная ненависть к полякам. Малороссийского языка никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует. Во множестве особенных говоров Юго-Западного края есть общие оттенки, из которых искусственным образом можно, конечно, сочинить особый язык, как можно сочинить особый язык, пожалуй, даже из костромского или рязанского говора. Но, спрашивается, из каких побуждений может возникнуть желание сочинить такой особый язык, как будто недостаточно уже существующего русского языка, принадлежащего не какой-либо отдельной местности, но целому народу, нераздельному и единому, при всех местных особенностях и местных наречиях, впрочем, несравненно менее резких, чем во всякой другой европейской стране? Откуда у нас в России могло бы взяться такое побуждение устраивать школы для преподавания на местном наречии и для возбуждения антагонизма между им и общепринятым государственным и литературным языком? Кто, кроме мономанов, мог бы прийти к такой мысли во Франции, Германии и Англии и какое общество допустило бы эту мысль до осуществления в размерах сколько-нибудь значительных? Общепринятый русский язык не есть какой-нибудь местный, или, как говорят, великороссийский, язык. Можно с полной очевидностью доказать, что это язык не племенной, а исторический и что в его образовании столько же участвовала Северная Русь, сколько и Южная, и последняя даже более. Всякое усилие поднять и развить местное наречие в ущерб существующему общенародному историческому языку не может иметь другой логической цели, кроме расторжения народного единства.

В письмах, которые мы получаем с Украины, нам сообщают о решительном противодействии крестьян всем этим попыткам. В живом народе крепко сказывается инстинкт самосохранения. Но интриганы прибегают к разным хитростям. Дерзость свою они простирают до того, что выдают себя за агентов правительства, отправленных будто бы с целью расшевеливать крестьян и допытываться, не пожелают ли они,

чтобы детей их в школах учили малороссийской грамоте. Сельский люд Малороссии отличается особенным доверием к правительству, и, не разобрав, в чем дело, крестьяне могут попадаться на эту удочку и заявлять такие желания, которых они не имеют и которые противоречат их действительным желаниям и самым существенным интересам.

В деле народности и языка само общество должно быть на страже. Все, что есть серьезного, зрелого, мыслящего на Украине, особенно духовенство, должно энергично противодействовать интриге и изобличать интриганов. Мыслящие люди должны ограждать сельский люд от происков, объяснять ему, в чем заключается их смысл и куда они клонятся, раскрывать обман и растолковывать ему, что правительство никак не может заводить школы для развития местного наречия в ущерб государственному языку; не может употреблять народные деньги на такое дело, которое явно клонится к ослаблению и расторжению народного единства. Всякий сколько-нибудь мыслящий человек, всякий способный принять к сердцу общее дело и серьезно подумать об интересах Отечества должен понять, что нет ничего пагубнее, как систематическими усилиями поднимать местное наречие на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу, что никакая другая рознь не может произвести таких пагубных последствий и что одна и та же интрига, которая старалась ополячить народ в Белоруссии, старается создать призрак особой народности на Украине, и последнее еще горше первого.

В Галиции, несмотря на давнее отделение этого края от родной России, писали языком, подходящим к типу общепринятого русского языка, и только в последнее время, благодаря усилиям наших украинофилов и настойчивым требованиям поляков, Львовская газета «Слово» начала отдаляться от этого типа; она представляет теперь самый уродливый маккаронизм. Но в Угорской Руси (в Венгрии), куда польское влияние не простирается, сохраняется и блюдетсЯ в возможной чистоте русский язык, так что все, что там писалось, и все, что оттуда пишется в львовском «Слове», кроме некоторых неловкостей в оборотах речи, почти не разнится от обыкновенного

русского языка. Зато теперь австрийское правительство запретило журнал, выходивший в Угорской Руси; оно требовало, чтобы наши родичи отказались от настоящего русского языка и писали той же уродливой речью, какой пишут львовские литераторы, под фирмой русского языка; но угорские русины объявили, что они другого русского языка не знают, кроме существующего, и предпочли замолкнуть.

Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское направление? Грустная судьба постигает эти украинофильские стремления! Они точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства.

Неужели наши украинофилы, бессознательно завлеченные в интригу, будут работать на нее даже и теперь, когда народ на Украине так энергично доказал свою преданность общему отечеству и когда по селам Русского Царства у всех в устах и на сердце имя Киева, златоверхого Киева, – имя, производящее могущественное действие на всякого русского человека, какой бы он ни был уроженец, имя, в котором, быть может, еще более единящей силы, чем в имени самой Москвы? Наши украинофилы должны пристальнее взглянуть в лицо софизмам, которыми их обольщают. Если Русская земля должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков – это очевиднее, чем дважды два четыре. А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу и устроить дело так, чтобы уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского и чтобы они должны были прибегать к посредству чужого языка, для того чтобы объясняться между собой? Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознивать их силы, между тем как только из взаимодействия их сил может развиваться жизнь целого, благотворная для всех его частей?

Давно уже замечали мы признаки этого фальшивого направления в нашей литературе и неоднократно изъявляли сожаление о том, что люди тратят свои силы на дело, от которого ни в каком

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

случае добра ожидать не должно. Мы в «Русском вестнике» и «Современной летописи» обращались к здравому смыслу господ, подвизавшихся на этом поприще, но не могли удержаться от негодования, когда некоторые из этих господ вздумали было действовать посредством литературного застрашивания, которое было у нас в большом ходу в последнее время и которое состояло в том, чтобы забрасывать грязью всякого, кто решался поднять независимый голос. Мы были очень рады, когда спустя некоторое время несколько киевских украинофилов прислали для напечатания свою исповедь, в которой свидетельствовали о своем патриотизме и чистоте своих намерений. Мы напечатали их исповедь; нам приятно было верить чистоте их намерений, и мы не сочли нужным пускаться с ними в толки о бесплодии их украинофильских стремлений, тем более что в это время начинали уже разыгрываться польские смуты. Но за это посыпались на нас сильные укоры из Малороссии и нас обвиняли в послаблении. Каемся в грехе и постараемся загладить его.

Кстати, мы считаем своим долгом объявить г-ну Костомарову, чтобы он не трудился присылать в редакцию нашей газеты объявления о пожертвованиях, собираемых им в пользу издания малороссийских книг. Таких объявлений мы печатать не будем и каемся, что в начале этого года по случайной оплошности эти объявления раза два появлялись в «Московских ведомостях». Мы искренно сожалеем, что г-н Костомаров ссудил свое имя на это дело, и позволяем себе надеяться, что он оценит наши побуждения и, размыслив, быть может, и сам согласится с нами. Мы думаем, что общественный сбор на такой предмет по своим последствиям, если не по намерениям производящих его лиц, гораздо хуже, чем сбор на Руси dobroхотных подаяний в пользу польского мятежа. Взамен того мы охотно вызываемся печатать объявления г-на Костомарова, если он будет собирать пожертвования на развитие провансальского жаргона во Франции или нортмберландского в Англии. Или пусть эти суммы передает он в кассу немецкого национального фрейна на постройку германского флота. Лучше бросить эти деньги... Бог с ними! Они жгутся.

О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ, № 168, Москва, 1 августа

Свобода совести и религиозная свобода – слова хорошие, но они хороши только с умом, а без ума что может быть хорошего! Свобода – как религиозная, так и всякая другая – не значит давать оружие нашему врагу; свобода не значит отказываться от власти в пользу чужого деспотизма. Религиозная свобода не значит простираť терпимость до того, чтобы водворять у себя чужую нетерпимость. Мы можем желать и желаем религиозной свободы; но не можем и не должны желать никакой поблажки властолюбивым притязаниям чуждой Церкви, которая захотела бы пользоваться у нас правами господствующей Церкви, и даже большими. Мы не можем желать, чтобы в России был допущен папский нунций, который в качестве представителя чуждой власти стоял бы посредником между русской короной и ее католическими подданными. Этого мы не можем желать, но это вовсе не относится к религиозной свободе, хотя этого требует от нас его святейшество папа во имя религиозной свободы. Пусть прежде потребовал бы он, например, от испанского правительства, для которого голос его имеет непререкаемый авторитет, чтобы в Испании люди других христианских вероисповеданий могли жить и умирать по-христиански, а не считались язычниками и собаками. У нас католикам нет ни малейшего стеснения; они имеют свою церковь, свою иерархию, и духовенство их во многих отношениях чуть ли не лучше поставлено, чем духовенство господствующей у нас Церкви. Католические подданные русской державы ничем не унижены перед православными; они могут быть и военачальниками, и градоначальниками. Стало быть, ни папа, ни католические подданные русской державы не имеют права жаловаться на нетерпимость к ним русского закона.

В чем же может состоять у нас расширение религиозной свободы и с какой стороны могут быть заявлены подобные желания? Как католическая, так и другие признанные христианские Церкви пользуются у нас всеми правами и льготами, каких только могут они разумно желать. Вопрос о религиозной свободе совести отнюдь не должен быть поставлен как вопрос расширения прав той или другой иноверческой секты, но как вопрос, касающийся прав и льгот, принадлежащих русским людям.

Русский народ не может изменить Православной Церкви; в ней душа его, в ней святыня его народности. В ней он возрос, в ней он воспитан, ею утверждена его самостоятельность, и в ней вся его будущность. Православная Церковь есть наша народная Церковь, и такой она должна остаться. Государство должно ограждать ее, оберегать ее и от разбойника, и от татя, усиливать и улучшать положение ее служителей, чтоб они могли успешно и крепко пасти свою паству, не допускать соращения малолетних. Но едва ли обязанности государства могут простираться на совесть людей взрослых и самостоятельных; едва ли может оно полагать свой меч между совестью человека и Богом. Мы можем скорбеть об отпадении человека, но можем уважить свободу его совести. Лучше ли, чтобы он лицемерил и сквернил Церковь ложным единением с ней? Если мы можем находиться во всякого рода общении с немцами и французами, если мы допускаем смешанные браки, то нет основания отвергать русского католика или протестанта, тем более что мы, между своими же согражданами, считаем много людей, совершенно преданных нашему Отечеству, людей хотя бы и с иностранными именами, но русских по рождению, по языку, по образу мыслей, не принадлежащих, однако, к Православной Церкви.

В настоящее время с особенной силой возникает вопрос о сближении разнородных элементов, входящих в состав русского государства. Должны ли мы желать, чтобы между этими элементами господствовала религиозная напряженность и чтобы она усиливалась и поддерживалась вмешательством государства в дела совести и религиозного убеждения? Русские подданные католического вероисповедания, составляющие большинство

высших классов в наших западных губерниях, могут ли считать себя вполне русскими людьми (а они должны считать себя такими), когда им беспрестанно напоминают, что русский человек отнюдь не может быть католиком? С другой стороны, можем ли мы ожидать, чтобы католическое духовенство, признаваемое и содержимое нашим правительством, было искренно предано интересам России, когда оно принуждено считать себя органом и символом враждебных России, недозволенных в ней национальных польских притязаний? Не значит ли это, с одной стороны, отчуждать постоянно польскую национальность от России элементом религиозным, а с другой стороны — делать католическое духовенство органом враждебных России национальных притязаний?

В настоящее время особенно чувствуется необходимость разобщить эти два элемента — национально-польский и религиозно-католический, которые вовсе не совпадают между собой, но которые у нас, благодаря стечению обстоятельств, по необходимости совпадают и в совокупности образуют самый вредный в нашем государственном составе элемент. Нет никакого сомнения, что из русских людей немногие изменили бы Православной Церкви, даже при самой полной религиозной свободе. О простом народе нечего и говорить, лишь бы только мы сами не вздумали отдать его в чужие руки. Отщепенцы могли бы оказаться только в образованных классах. Но в так называемых образованных классах мы, к сожалению, встречаем более признаков безверия или равнодушия к вере, нежели склонности к обращению в какое-либо другое вероисповедание. Мы должны усилить наше религиозное воспитание в домашнем быту и школах; мы должны поставить наше духовенство в лучшие условия, для того чтобы оно могло с успехом поддерживать религиозное чувство в обществе, с успехом исполнять свое назначение в религиозном воспитании и как народа вообще, так и образованных классов его. Более всего следует желать, чтобы оно предохраняло растущие поколения от легкомыслия и безверия. Нет сомнения, что с религиозной точки зрения лучше, чтобы человек исповедовал какую-нибудь веру, чем оставался без всякой веры или, как наши нигилисты, полагал свою религию в духе отрицания

и с бессмысленным фанатизмом служил этому божеству. Уж если необходимо сделать выбор, то лучше предпочесть прозелитизм католический, чем прозелитизм безверия и отрицания. Но наше духовенство, будучи поставлено в благоприятные условия для религиозного воспитания общества, спасая и ограждая религиозное чувство, тем самым будет вернее всяких других способов привязывать людей к Православной Церкви и предотвращать всякую иноверческую пропаганду.

Обращаясь к теперешним нашим затруднениям, спросим себя: не лучше ли было бы, если бы католическая иерархия в России не состояла преимущественно и почти исключительно из национальных польских элементов? Римско-католическое вероисповедание в России становится *de facto* польским национальным учреждением, а это, как замечено выше, приводит в ложное положение как римско-католическую Церковь у нас, так и польскую народность. Всем известно, какое участие принимали и принимают польские ксендзы в нынешних волнениях и смутах. Трудно оградить даже солдат наших польского происхождения от влияния духовных бесед с ксендзом, в которых религиозное слово озлобляется духом национальной пропаганды, а национальная пропаганда фальшиво усиливается примесью религиозного авторитета. Мы с негодованием слышим о подвигах польско-латинских ксендзов, об ужасах, совершаемых ими, о темных делах, которых они являются главными виновниками и которые несовместимы с духом какой бы то ни было христианской Церкви. А римско-католическая Церковь есть Церковь христианская. Несмотря на ее заблуждения, мы не можем не признать за ней этот характер христианской Церкви. Не везде же католическое духовенство действует так, как в настоящее время действует польское. Католические духовные лица, свободные от фальшивой национальной или политической примеси и не находящиеся под терроризацией революционных комитетов, действовали бы, несомненно, иначе. Но откуда могли бы мы взять других католических иерархов и священников? Откуда? Есть целые славянские страны, исповедующие католическую веру; укажем преимущественно на чехов, которым ничего не стоит в самом скором времени знать как нельзя лучше и

русский, и польский язык. Приглашаемые нашим правительством в Россию для католических жителей Империи, преимущественно для находящихся на службе, они могли бы вернее и надежнее пасти свое духовное стадо, чем польские ксендзы; по крайней мере, дело католической религии не было бы монополией в руках польских ксендзов, которые под видом религии внушают и воспитанникам, и вообще духовным детям своим безумную ненависть к России и дух революции.

Все зависит от тона, от главного направления, от принятого начала. Как только дело религии перестанет быть монополией какой бы то ни было национальности, коль скоро в католическую иерархию будут приняты в значительном количестве и другие элементы, кроме польского, так тотчас церковное дело более или менее явственно отделится от политического и те же самые ксендзы во многом, и очень скоро, изменят свой характер. Они невольно почувствуют свое истинное назначение — быть служителями алтаря, а не орудиями революции, политических заговоров и интриг. Начало религиозной свободы, понятое в своем истинном и разумном смысле, довершило бы победу над злом. Есть несколько русских людей, перешедших в католицизм, утративших свои гражданские права в России, живущих на чужбине и поступивших в духовенство.

Мы припоминаем теперь одно имя, одного русского человека, который назад тому с лишком двадцать лет покинул свое Отечество, принял католицизм и живет теперь священником в Дублине. Это человек с замечательными способностями и редким образованием. Мы говорим о Печерине. Он был профессором в здешнем университете, но недолго, всего шесть месяцев. Отправившись ненадолго за границу, он остался там навсегда. С ним был случай, который глубоко потряс его и навеки решил его участь. Это было в католическом городе Брюсселе. Молодой человек, не получивший твердого религиозного воспитания и легкомысленно относившийся к предметам веры, он зашел в церковь, чтобы посмеяться и покошунствовать; он легкомысленно вызвался на богословские споры, чтобы дать в них волю своему остроумию; но крепкий боец, с которым он схватился, поверг его

во прах; монах-редемпторист сумел найти доступ в его душу и тронул в ней никогда дотоле не звучавшую струну религиозного чувства. Впервые молодой вольнодумец почувствовал силу религиозного убеждения, впервые обрел он в себе способность молиться и обращаться ко Христу. Восприимчивый и пылкий, он весь предался новому могущественному чувству. Бросим ли мы в него камень? Укорим ли его за отпадение от Православной Церкви, которой он почти не знал и к которой принадлежал только по имени? Он стал католиком, но он стал христианином. Убеждение его было искренне и чисто; все знающие Печерина свидетельствуют о том. Образованный и развитый ум спас его от изуверства, в которое нередко впадают новообращенные. Он тихо исповедует свою веру, молится, служит при больнице, утешая страждущих и напутствуя отходящих в вечность. Но, преданный делу своего церковного служения, он, может быть, не без грусти вспоминает о своем далеком Отечестве.

Неужели какой-нибудь ксендз Мацкевич, предводительствовавший шайками мятежников в Литве, имеет более право жить и священствовать в России, нежели, например, Печерин? Неужели непременно нужно, чтобы духовник наших солдат-католиков был поляк и говорил не иначе как по-польски? Неужели непременно требуется усиленно отчуждать наших католических сограждан в Западном крае от русского языка и заставлять их исповедоваться, слушать проповедь и учиться Закону Божию на языке польском? Неужели непременно нужно, чтобы люди, которые и для своего и для нашего спокойствия должны чувствовать и знать себя русскими – какой бы ни были они религии, – неужели непременно нужно, чтобы эти люди не иначе мыслили и говорили о предметах своей веры, как по-польски? Неужели непременно нужно, чтобы самый священный предмет, самая глубокая основа человеческой жизни соединялась неразрывно с языком, который служит символом притязаний, столь же враждебных для России, сколько несбыточных, изнурительных и пагубных для тех людей, в которых они искусственно поддерживаются? Если русский язык есть язык, господствующий в Западном крае, столько же как и в Восточном; если на этом языке отправляется суд; если на

этом языке преподаются все предметы в школах, то почему же на этом языке не может быть преподаваемо и Слово Божие по римско-католическому догмату? Неужели боятся, что, допустив на русском языке католическую проповедь и вероучение, мы этим совратим русский народ и повредим нашей Православной Церкви? Да если бы десятки и сотни русских людей и стали католиками, то был ли бы какой-нибудь ущерб от того для Православной Церкви? Не лучше ли ей освободиться от элементов неверных, которые никогда существенно не принадлежали ей и, быть может, не только были внутренне чужды ей, но не имели никакой религии? Отпадение таких элементов может не ослабить, а разве усилить нашу Церковь.

Государство не должно поощрять отпадений от Православной Церкви; а поощрения могут быть не только прямые, но и косвенные, действующие издали и такими путями, которые по видимости клонятся в противную сторону. Все, что ведет к расслаблению духа в Церкви, все, что роняет или унижает положение ее служителей, все, что умаляет его участие в народном воспитании и образовании; а с другой стороны, всякого рода преимущества, нравственные или материальные, сознательно или бессознательно предоставляемые другим вероисповеданиям, — все это может очень сильно поощрять к отпадениям. Государство должно высоко держать знамя Церкви, блюсти ее честь и величие повсюду, но оно должно не ослаблять ее духа посторонними подпорками и помочами. Такая опека и заботливость о ней, в сущности, гораздо для нее вреднее, чем ожесточенный напор враждебных сил. Мы должны верить в ее внутреннюю, святую силу, а искусственные подпорки могут выразить только недостаток нашей веры в эту силу и непременно отзовутся всякими злоупотреблениями, всяким вредом и упадком. Времена меняются, и каждое время несет свою заботу. Что было возможно или даже необходимо в былые эпохи, то становится обильным источником зла в наше время. Дух отрицания в соединении с умственной грубостью и невежеством зародился и развивается в воспитательных заведениях самого духовенства. Только мощная, живая, внутренняя сила в духовенстве может избавить его и нас от этой язвы.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Надобно безотлагательно улучшить положение нашего духовенства, надобно уважить его, надобно устранить все, что препятствует ему занять надлежащее место в воспитании народа; надобно глубже и серьезнее вникнуть во все условия его быта, пересмотреть учреждения, пресечь злоупотребления и с тем вместе устранить все, что усыпляет в Церкви дух жизни и действия.

В целом мире должны мы охранять честь, достоинство и величие нашей Церкви. Она по преимуществу вверена нашему народу. Мы должны защищать ее интересы пуще всего. Тут ни о какой уступке, ни о каком послаблении не должно быть речи. Везде, где страдают интересы нашей Церкви, мы же, держава великая, не рассуждая и не колеблясь, должны спешить на защиту ее. Чего бы эта защита ни стоила, мы не должны ни минуты колебаться. Ни в чем не должны мы уступать ни католическим державам, ни папе; им ни в чем не должны уступать мы ни на Западе, ни на Востоке. Папского нунция мы не должны принимать. Подобными уступками мы ничего не выиграем, а, напротив, проиграем. Чем принимать папского нунция, лучше не изгонять русских людей, ставших членами хотя и чуждой нам, но признаваемой нами Церкви.

Франция – страна католическая; она считает своим долгом защищать католические интересы на всем земном шаре. Напрасно мы думаем, что мы можем иметь ее своей доброй союзницей на Востоке, где Православие и католицизм находятся в постоянной и глубокой борьбе между собой: нет, именно на Востоке Франция – самая главная противница и соперница наша. Но римско-католический характер этой державы не препятствует французу переходить в другую Церковь. Православная Церковь не пользуется никакими особенными льготами во Франции, но француз-католик может без всякого препятствия присоединиться к Православию. Недавно из рук отца Васильева, нашего священника в Париже, причастился Святых Тайн католический аббат француз Гетте, который пожелал присоединиться к нашей Церкви. Став православным, г-н Гетте не потерял гражданских прав; он не изгнан из Франции! В Англии католическая Церковь не только не пользуется никаким почетом, но самое существование ее

едва признано законом. Англиканская Церковь есть в Англии национальная церковь, как у нас православная, и закон там бодрствует о соблюдении всех интересов национальной церкви; но англичанин может свободно стать и католиком, и православным, может свободно вместо учрежденной церкви ходить для молитвы в диссидентскую часовню.

Вот в каком направлении должны мы сделать шаг вперед, если только мы хотим сделать шаг вперед. Вот чего можем мы требовать от себя и чего могут ожидать от нас другие в смысле взаимности. И только что-либо в этом смысле — что-либо соответствующее нашим собственным интересам, что-либо усиливающее нас, возвышающее наше достоинство, — только что-либо такое может приобрести нам всеобщее уважение и возвысить наше всемирное значение.

СПЛОШНОЕ ПОЛЬСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И МЕЛКАЯ ШЛЯХТА КАК ГЛАВНАЯ ЯЗВА ЗАПАДНОГО и ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ, № 193, Москва, 5 сентября

Говорят, Россию бережет Бог. Доверимся же Его святой охране! Никогда, быть может, не была эта охрана так нужна нам, как в настоящее время. Необозримая страна, громадное государство, которое создавалось так долго и так трудно, переживает теперь одну из самых критических эпох своего существования.

Что такое разум, что такое мудрость, что такое сила человеческая? Значит ли это смотреть и не видеть? Значит ли это не соображать средства с целью, начало с концом? Значит ли это довольствоваться грубыми наружными очертаниями вещей, не входя в их основания и подробности, не разбирая их смысла, не проникая в их душу, не соображая, что к чему относится, что из чего следует и что к чему пригодно? Действовать – значит ли поступать без системы, твердой и неизменной в своих основаниях, гибкой и тонкой в своих применениях? Или, напротив, мудрость и сила человеческая значит быть зорким и чутким ко всем изменениям в тоне и цвете явлений, уметь находиться в самых сложных и запутанных сплетениях, уметь во всякой мелочи открыть существенное значение и связь его с целым, поспевать за ходом событий, быть неистощимым в разнообразии своих способов и применений и быть незыблемым в единстве своих планов и целей? Мудрость – великое дело, сила характера тоже великое дело; они нужны везде, они всего более нужны в делах великого народа, переживающего трудные минуты своего существования, когда все у него преобразуется и приходит в движение.

Всем известно, что значил в былые времена осмотр казенного заведения важным начальствующим лицом. Все в исправности, все чисто и гладко, все причесано и подтянуто, все хорошо, все обстоит благополучно – all right! Но какой дух

таится под этой прилизанной наружностью, что за этим парадом происходит в действительности, как идет ежедневная жизнь заведения, что в нем вырабатывается, хорошо или дурно оно исполняет свое истинное назначение – это отдавалось на волю случая, если не призрит Сам Бог. Что за беда, если воспитанники учебного заведения ничему серьезно не учатся и никак не воспитываются? Какая надобность, если вместо воспитания и образования они коренным образом портятся умственно и нравственно! Была бы только декорация, был бы внешний порядок, была бы наружная тишина и спокойствие, Замазать, прикрыть, навести лоск и отвлечь внимание от докучного зрелища действительности с ее заботами и нуждами и успокоить взор и чувство на декорации – это тоже своего рода система; но всякий знает, чего стоит эта система и чего можно ожидать от нее.

Нам не страшны ни восстания, ни войны; все открытое и явное, хотя бы самое опасное и самое злое, нам не страшно. Нам страшно наружное спокойствие; нам всего опаснее тишина, нам всего опаснее опасности, скрытые под декорацией спокойствия и примирения. Пусть полный свет открывает картину каких угодно зол: лучше самое неприятное зрелище, нежели наиприятнейший обман.

Зачем нам обманывать себя мыслью, что все опасности миновали, что спокойствие восстановлено, что суровая вражда бросает меч и бежит перед лицом весело грядущего, спокойного, ясного, доброго гения мира? Зачем нам обманывать себя? И можем ли мы, сказав себе: «Ну, слава Богу, теперь все кончено», – разбрестись по домам, чтобы предаться у своих очагов трудам и занятиям невинным?

Мы убеждены, что всего опаснее для нашего общества уснуть в настоящую минуту. Нет! Общественные силы должны теперь бодрствовать более чем когда-нибудь и не доверяться обманчивой наружности и успокоительным повествованиям. Мы должны быть внимательны, чутки и неусыпны – и тем более, чем спокойнее по видимости все становится вокруг; мы теперь менее чем когда-либо должны щеголять нашею примирительностью и благодушием; мы не должны успокаиваться и предоставлять действовать

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

нашим врагам. Чем все по видимости спокойнее, тем более мы должны бодрствовать, тем настойчивее действовать. Мы должны действовать по твердому и ясному плану, не забывая ничего и не оставляя ничего без внимания, пользуясь каждым благоприятным условием, не упуская из виду никакой неблагоприятной возможности.

Раз навсегда мы должны твердо и решительно сказать себе, что в России ничего не должно быть признано, ничего не может быть допущено не только враждебного ей, но и ничего такого, что не хочет быть русским. Мы не должны успокаиваться, пока остается на нашей почве хоть один такой элемент; не только мириться и дружиться с подобным элементом – мы не можем допустить самого существования его в нашей среде. Не уступками можем мы примирить с собою то, что коренным образом враждебно нам, что втайне и въяве злоумышляет против нас; мы должны не мириться с враждой, а усмирять ее. Враждебное усмирится, когда мы покажем ему нашу непреклонную решимость, нашу твердую волю не мириться с ним, когда оно убедится, что мы понимаем его, что мы знаем все его входы и выходы, что мы держим его в своих руках.

Возможно ли думать о примирении с враждебной нам стихией там, где она не покидает своих надежд, не ослабляет своих притязаний? В этом самом номере нашей газеты помещаем мы интересный документ, появившийся в «Дне». Читателям нашим известно, что в конце июля близ Житомира был захвачен польский революционный агент, у которого оказались очень важные бумаги. В вышеупомянутом документе содержатся сведения об открытых при этом планах польской партии в наших юго-западных областях. Если эти господа могут строить подобные планы после энергичного и быстрого подавления мятежа самим народом, если после всего доселе происходившего эти господа еще не уверились, что все, что есть в России живого и русского, знает хорошо ее государственную область и готово всей своей силой отстаивать ее, – если эти господа и теперь еще как ни в чем не бывало продолжают питать свои замыслы, то, значит, они в самом деле на что-нибудь надеются, значит, они действительно рассчитывают на какие-нибудь сильные симпатии их делу,

ускользающие от внимания русского народа; значит, они уверены в скором успокоении русского общества и в возобновлении примирительной политики. Положим, что их планы относительно восстания обратятся на их же головы; положим, что их жандармы-вешатели будут сами перевешаны, что их свинец и порох, которые австрийские таможенные чиновники не пропускают к нашим мятежникам через галицкую границу, но которые наши мятежники надеются получать через Одессу, рассчитывая на более гуманные и примирительные свойства русской администрации, – положим, что эти боевые припасы много бед не наделают и будут захвачены; но сила не в этом. Сила в том, что эти господа все еще не теряют своих надежд. Если эти надежды не исчезли, то они могли стать только глубже и ядовитее. Значит, эти надежды убедились в своей основательности. Если неудачи не убили этих надежд, то, значит, они их усилили и возвысили; значит, есть очень сильная поддержка духу, враждебному России, если он не исчез даже и теперь, когда чувство и мнение русского народа стали известны целому миру как никогда прежде. Открытым восстанием и вооруженной борьбой враги не могут повредить нам; напротив, их попытки действовать таким образом обнаружат только неразумие наших врагов, и тех из них, которые надеются на успех подобного действия, мы можем, пожалуй, считать своими пособниками. Но не все наши враги отличаются такими выгодными для нас свойствами; есть из них и благоразумные, хорошо понимающие, как надобно действовать в известных обстоятельствах, чтобы добиться успеха.

Что же может успокоить русских людей по прекращении видимых признаков мятежа, когда остается нетронутым самый корень зла? Какие обеспечения может иметь русское общество в том, что все это множество людей польского происхождения, живущих в его среде (и не просто живущих, но действующих, занимающих государственные должности, участвующих в управлении страной), какие обеспечения, что все эти люди не враги России, что они не будут пользоваться всеми потаенными способами вредить русскому народу, держась правил известного польского катехизиса? Как отличить между ними врага от не врага, добросовестного от недобросовестного,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

благонадежного от неблагонадежного? В общественных делах невозможно основываться на личном чувстве. Политическая благонадежность не может основываться на словесных изъяснениях; требуются несомненные вещественные обеспечения. Какие же обеспечения могут успокоить русское общество, содержащее в недрах своих людей враждебной ему национальности? Только те, которые отнимут у этой национальности враждебные свойства. Но ее враждебные свойства заключаются в ее притязаниях, а притязания питаются надеждами, а надежды рождаются из каких-либо существующих условий. Чтобы освободить польскую национальность от свойств враждебных, которые отравляют ее и делают ее отравой, чтобы людей этой национальности вывести из фальшивого положения и действительно примирить их с русским обществом, чтобы дать русскому обществу верное обеспечение в их благонадежности, надобно пресечь всякую возможность питать несбыточные надежды в Западном и Юго-Западном крае. Но прекратится эта возможность не от примирительных и не от карательных мер, не от послабления и не от диктатуры, а только вследствие мер, более или менее изменяющих самое положение вещей, из которого рождаются фальшивые притязания и несбыточные надежды. Эти меры должны преимущественно относиться к нашему Западному и Юго-Западному краю. Здесь вся сила польского вопроса, которая так губит поляков и так вредит России. Мы с особенной настойчивостью указываем на необходимость изменить существенным образом условия землевладения в этом крае по горячим следам недавнего мятежа. Польская национальность будет терять свои вредные и для поляков, и для России свойства лишь по мере того, как будет исчезать в этом краю всякая возможность здраво-мысленно надеяться на восстановление старой Польши; а ближайшее средство к тому – способствовать введению значительного числа русских элементов в тамошние землевладельческие классы. Пока этого не будет, притязания и надежды будут поддерживаться и становиться чем далее, тем ядовитее и вреднее. Пока этого не будет – и правительство, и местная администрация края, и тамошние народонаселения, и сами поляки, как там, так и повсюду, будут находиться в положении ложном.

РАЗВИВШИЙСЯ У НАС, РУССКИХ, ДУХ НАРОДНОГО САМООТРЕЧЕНИЯ И САМОУНИЧТОЖЕНИЯ, № 214, Москва, 4 октября

С некоторых пор развилась у нас страсть, беспримерная и в наших собственных летописях, и в летописях целого мира, — страсть бранить, порицать и отрицать в себе все, предавать в себе все поруганию и осмеянию, все в себе терзать и уничтожать. Не то чтобы все эти операции производились каждым действительно над самим собой — все эти операции производятся каждым над другими и главным образом над целым обществом, над целым народом. В нашей литературе страсть эта доходила до последних пределов безобразия: и повести, и разные философские трактаты, и всякого рода критические статьи имели своей главной целью изображать гнусные свойства русского человека на всех общественных чредах и русского быта во всех его видах. Наши beaux-esprits, наши умники, с каким-то сладострастием предавались этому занятию. Не одни пустые люди, но и люди более или менее серьезные сознательно или бессознательно подчиняются этому духу народного самоотрицания и самоуничтожения. Ничего не осталось нетронутым: и старина наша отвратительна, и новизна наша возмутительна, и простой народ наш безнадежен, и наши образованные классы исполнены всякой мерзости; и помещик, и крестьянин, и чиновник, и священник, и купец — все являются образчиком человеческой гнусности, все подлежит беспощадному бичеванию. Все если не на деле, то мысленно подвергается ломке и уничтожению.

Как в отдельном человеке, так и в общественной среде способность сознавать свои недостатки и слабости и мужественно сознаваться в них есть свидетельство силы, залог всего лучшего. Мы должны были бы радоваться этой способности: здорова и крепка та общественная среда, которая может вынести всякий анализ, как бы ни был он строг, лишь бы только был

одушевлен чувством правды. К сожалению, страсть, о которой мы сейчас говорили и которая так повсеместно овладела у нас умами, хотя и свидетельствует об этой способности критического самонаблюдения, но эта страсть в своем развитии есть не что иное, как болезнь, — явление, потерявшее всякий смысл и достоинство. Наши порицатели бессмысленно взыскивают со своего народа недостатки и слабости человеческой природы вообще и вменяют ему специально даже то, что правомерно, только под разными формами, свойственно всем народам, цивилизованным и нецивилизованным, всем общественным средам, всем людям. У нас порицание, утратив всякую правду и жизненную истину, перестало быть делом серьезным, сознающим свои границы и опирающимся на что-либо положительное; оно превратилось в какое-то жалкое искусство для искусства, стало фразой и рутинной.

Не следует, однако, думать, что эта болезненная и нелепая страсть, которая, потеряв всякий смысл, развилась до последней крайности в нашей так называемой обличительной литературе, родилась в литературной сфере из случайных направлений, возникших в ней вопреки настроению мыслей и суждений в окружающей среде. В литературе эта страсть выразилась на все лады, и литература довела ее до самых нелепых проявлений; но семена этого болезненного развития не могли же сами собой зародиться в литературе. Самопроизвольных зарождений нет ни в природе, ни в литературе. Семена эти проникли в литературу из окружающей среды, и именно из нашей административной атмосферы. Правда, литература наша, главным образом сосредоточивающаяся в Петербурге, не есть выражение народной жизни, ее действительных настроений и стремлений. Это правда — но правда также и то, что наша литература, главным образом сосредоточивающаяся в Петербурге, есть все-таки отражение окружающей среды, и если нельзя признать ее за орган русской жизни, то она есть орган Петербурга. Известно, что Петербург есть город по преимуществу административный, и семена, которые развиваются в нашей литературе, заносятся в нее по преимуществу из канцелярий. Дух отрицания и ломки, развившийся до безобразных размеров и проявлений в нашей литературе, взялся первоначально

из того склада мысли, из тех умственных обычаев, из тех направлений, которые могли образоваться только в бюрократической среде. Бюрократия есть везде, но у нас бюрократия есть все: она является почти единственной, почти исключительно действующей силой, и направления, развивающиеся под влиянием этой силы и ею поддержанные, легко распространяются повсюду и овладевают всеми общественными понятиями. Дух, вышедший из этих сфер, дух неуважения и недоверия к жизни, весьма нередко оказывает свое действие там, где, по-видимому, должен был бы господствовать совсем другой дух; он прокрадывается даже туда, где раздается протест против бюрократии, и часто слышится даже в самом этом протесте.

У нас повсюду распространено недоверие к жизни, к нашим земским силам, к нашим народным свойствам. Недоверие это как-то странно уживается у многих с сильно развитым народным самолюбием. Вот возникли у нас польские затруднения, возник вопрос, как их уладить, и вот тотчас же сказывается недоверие к своим собственным силам для нравственной борьбы с враждебными элементами. Сейчас же покажется, что эти враждебные элементы разольются непобедимой отравой во всем нашем общественном организме и погубят его, и вот является мысль не о развитии своих внутренних сил, а о том, чтобы как-нибудь отделаться от противников. Всякая борьба нас пугает, всякое испытание нас страшит. Мы с унынием озираемся и отказываемся верить в имеющиеся у нас нравственные силы отпора и противодействия. Нам так и кажется, что, например, горсть поляков, пущенная в нашу среду, так возьмет да и ополячит все наше общество; или что появление нескольких католических ксендзов совратит все наше образованное общество и поколеблет Православие в нашем народе. У нас ни с того ни с сего является убеждение в чрезвычайной уступчивости, мягкости, слабодушии или благодушии нашего народа; является мысль, что с русским человеком можно сделать что угодно, что он ни для какой серьезной борьбы не годится. Предаваясь таким мыслям, мы забываем, что наш народ из всех известных народов преимущественно отличается силой упора; мы забываем всю нашу историю, мы забываем,

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

каких страшных усилий и какой крови стоили у нас всякие вынужденные повороты в народной жизни. Ни один народ так крепко не отстаивал своей старины, ни один народ не оказывал такого упорства в хранении своего обычая; ни один народ не содержит в себе такой силы охранительного начала, как русский. Менее всего можно упрекнуть русского человека в излишней уступчивости или в излишней податливости. Об этом свидетельствует история; об этом свидетельствуют миллионы русского люда, подвергавшегося в продолжение веков всевозможным гонениям и козням.

Всего чаще приходится нам слышать суждения о незрелости русского народа. Возникает ли речь о каком-либо важном преобразовании в нашем политическом быту — сейчас же является на сцену эта вечная незрелость русского народа. Заговорим ли мы, например, о присяжных — сейчас же как у поклонников, так и у порицателей русской народности является сомнение в возможности у нас присяжных по причине нашей незрелости; заговорим ли о возможности какого-либо правильного органа для заявления желаний и потребностей страны — опять качают головой умные люди и ссылаются на незрелость русского народа. Везде и во всем эта ужасная незрелость! Но что такое зрелость и что такое незрелость? Странное дело! Очень часто суждения о незрелости русского народа для политической жизни приходится слышать от людей самого консервативного свойства. Спросите же этих консервативных людей, какой зрелости они хотят? что разумеют они под зрелостью? в чем видят ее признаки? В том ли, чтобы в народе образовалось как можно более бродячих элементов? В том ли, чтобы расшаталась его организация? В том ли, чтобы в нем зародились смуты и развились общественные недуги? В том ли, чтобы народ утратил крепость своих верований, твердость основных начал своего государственного быта? Такой ли поры дожидаться? Это ли называется зрелостью? Неужели этого надобно дожидаться и этого желать как начала новой эпохи, а не предотвращать, напротив, возможность таких печальных явлений развитием народных сил в эпоху их истинной зрелости — ибо эпоха истинной зрелости народных сил есть эпоха их крепости. Но, говорят,

народ ваш недостаточно образован; к тому же в нем множество пороков и недостатков. Не всякое образование служит признаком политической зрелости. Мы можем указать на народы, отличающиеся большим образованием, но лишенные политического духа, лишенные той организации, которой обуславливается правильное развитие политической жизни, — народы надломленные и ничтожные в политическом отношении, при всем блеске их литературного или ученого образования. Что же касается до разного рода недостатков и пороков нашего народа или нашего общества, то нам следует прежде всего спросить себя: откуда они взялись, что их поддерживает и развивает? Не отсутствие ли общественной самостоятельности и политической жизни? Не в том ли главная беда, что мы вопреки действительности наладили считать себя незрелыми, между тем как мы в некоторых отношениях близки к перезрелости? Не в том ли наша главная беда, что, обладая здоровыми и дюжими ногами, мы боимся стать на них и сидим, поджавши их под себя, воображая, что они у нас стеклянные?

Но народу противопоставляют у нас высшие классы общества и указывают на иноземные обычаи, которые там господствуют, на французскую речь, которая еще до сих пор заменяет там русскую, приучая умы к чуждым сочетаниям понятий, к чуждому складу мысли. Противоположность в быте между низшими и высшими классами действительно существует у нас — но где же нет этой противоположности? У нас, правда, она резче бросается в глаза, потому что наше высшее образование до сих пор еще находится под иноземными влияниями и еще мало оказывает в себе внутренних источников развития, — именно по тому самому, что мы наладили считать и держать себя малыми детьми. Наше европейское образование происхождения недавнего, и в нем все еще отзывается действие того насильственного переворота, от которого оно пошло. Но мы не должны преувеличивать значение той розни, которую мы замечаем в составе нашего общества. Несмотря на иноземный склад нашего высшего образования, оно не разрознило так глубоко высшие классы нашего общества со всем народом, как многие думают. Рознь

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

оказывается более на поверхности, нежели в глубине. Одна и та же сила проходит сверху донизу и снизу вверх, с каждым днем преодолевая и сглаживая возникшую рознь. Говоря о наших высших классах, мы не должны видеть в них нечто совершенно однородное, как будто все, что только к ним принадлежит, есть одно и то же, *aliquid continuum*.

Люди, принадлежащие к этим классам, находятся в самых разнообразных положениях, представляют собой самые разнородные элементы. Одни ничего не делают, другие служат, третьи живут среди народа и при весьма естественном различии в условиях и образе жизни составляют с ним одно целое. Одни фантазируют, сочиняют и вообще живут в понятиях, чуждых окружающей действительности; другие действуют на разных служебных поприщах, образуя свой особый мир. Но многое множество живут среди этой самой страны, одной жизнью с ней, принадлежат ей всеми своими интересами и могут служить надежными, верными и просвещенными органами ее желаний и потребностей. Этих людей, слава Богу, с каждым годом прибывает в нашей общественной среде. Число их будет возрастать в еще большей пропорции; все, что теперь ничего не делает или изнуряет себя в бесплодных фантазиях и в пустых отвлеченностях, будет присоединяться к ним по мере развития в нашем обществе практических интересов, по мере развития политической жизни в нашем Отечестве.

Немного нужно для того, чтобы наши народные силы могли выйти на свет, обнаружить свое плодотворное действие на собственную нашу жизнь и могущественно отозваться в Европе. Мы привыкли ставить мысль свою на дыбы, привыкли напрягаться и воображать себе бог знает какие задачи, когда речь зайдет, например, о развитии наших нравственных сил. Напротив, чем проще будем мы смотреть на дело, чем легче мы за него примемся, тем лучше оно пойдет. Нужно только ввести в жизнь начало, а последствия его не замедлят сказаться повсюду в нашей жизни.

ОТЧЕТ КАНЦЕЛЯРИИ ВРЕМЕННОГО ПОЛЕВОГО АУДИТОРИАТА ПРИ ШТАБЕ ВОЙСК ВИЛЕНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА О КОЛИЧЕСТВЕ ЛИЦ, ПОДВЕРГШИХСЯ НАКАЗАНИЯМ ЗА УЧАСТИЕ В МЯТЕЖЕ (февраль 1865)

Число лиц, осужденных в шести губерниях Северо-Западного края, подвергнутых смертной казни и высланных со времени открытия мятежа по 1 января 1865 года в Сибирь и во внутренние губернии империи вследствие политических обвинений, разрешенных как судебным и следственным порядком, так и административными распоряжениями начальства, определяется следующими цифрами:

I. Подвергнутых смертной казни:	
Ксендзов.....	7
Лиц привилегированного сословия	68
Простолюдинов, в том числе шляхтичей, однодворцев, мещан и крестьян.....	53
Итого.....	128
II. Сосланных в каторжную работу по судебным решениям:	
Ксендзов.....	36
Лиц привилегированного сословия	592
Простолюдинов.....	225
Итого.....	853
III. Сосланных в Сибирь на поселение в более или менее отдаленные места по судебным решениям:	
Ксендзов.....	6
Лиц привилегированного сословия.....	414
Простолюдинов.....	84
Итого.....	504

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

IV. Сосланных с лишением особенных прав состояния на житье в менее отдаленные места Сибири по судебным решениям:

Ксендзов.....	19
Лиц привилегированного сословия.....	806
Итого.....	825

V. Определенных в военную службу рядовыми по судебным решениям:

Лиц привилегированного сословия:

а) с лишением прав состояния.....	118
б) без лишения прав.....	40
Простолюдинов.....	162
Итого.....	320

Отослано простолюдинов по судебным решениям с лишением особых прав состояния в арестантские роты гражданского ведомства, из коих они будут отправлены в Сибирь на водворение – 767.

Высланных на жительство внутри империи без лишения прав состояния:

а) по судебным решениям.....	628
------------------------------	-----

из них:

Ксендзов.....	50
Лиц привилегированного сословия.....	578
Итого.....	628

б) по следственным решениям.....	622
----------------------------------	-----

из них:

Ксендзов.....	27
Лиц привилегированного сословия.....	595
Итого.....	622

А всего.....	1250
--------------	------

в) административным порядком по представлениям начальников губерний:

Ксендзов.....	14
Лиц привилегированного сословия.....	265
Итого.....	279

VI. Выслано из края простолюдинов на водворение на казенных землях внутри империи по судебным и следственным решениям и административными распоряжениями главного

начальника края, начальников губерний и командующих войсками в губерниях:

по решениям: судебным.....517
следственным.....3221

Административными распоряжениями:

Околичной шляхты.....639
семейств на водворение обоего пола.....3497
Одиноких людей разного звания.....322
Итого.....8196

VII. Всего же выбыло из края по политическим обвинениям:

Ксендзов.....159
Лиц привилегированного сословия.....3476
Простолюдинов.....8848
Итого.....12 483

В этом числе:

Подвергнуто смертной казни.....12
Сослано с лишением всех или только особенных прав со-

стояния:

Ксендзов.....61
Лиц привилегированного сословия.....1930
Простолюдинов.....1076
Итого.....3067

Выслано из края без лишения прав состояния:

Ксендзов.....91
Лиц привилегированного сословия.....1478
Простолюдинов.....7719
Итого.....9288
А всего.....12 355

Сверх того по судебным и следственным решениям оставлено в крае лиц разных сословий, обвинявшихся в политических преступлениях, с подвержением некоторых из них административным взысканиям и с совершенным освобождением других от ответственности с отдачей на благонадежное поручительство и под надзор полиции – 6024.

Из них подвергнуто административному взысканию:

По судебным решениям:

Ксендзов.....25

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лиц привилегированного сословия.....	470
Простолюдинов.....	208
Итого.....	703
По следственным решениям:	
Ксендзов.....	79
Лиц привилегированного сословия.....	1218
Простолюдинов.....	855
Итого.....	2152
А всего.....	2855
Освобожденных от ответственности:	
По судебным решениям:	
Ксендзов.....	16
Лиц привилегированного сословия.....	449
Простолюдинов.....	420
Итого.....	855
По следственным решениям:	
Ксендзов.....	12
Лиц привилегированного сословия.....	239
Простолюдинов.....	2033
Итого.....	2284
Всего.....	3139

А всего подвергнутых административным взысканиям и освобожденных от ответственности с оставлением в крае – 6024.

Примечание: в числе сказанных 6024 человек оставлено в крае: ксендзов – 132, лиц привилегированного сословия – 2376 человек и простолюдинов – 3516 человек.

Сверх этого числа всемилостивейше прощено и водворено на жительство в крае добровольно явившихся мятежников:

Ксендзов.....	3
Лиц привилегированного сословия.....	591
Простолюдинов.....	2611
Итого.....	3205

Всего же оставлено в крае лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, – 9229.

В числе их:

Ксендзов.....	135
Лиц привилегированного сословия.....	2967

Простолюдинов.....6127
И.д. полевого обер-аудитора П. Неелов

ЦГИА Лит. ССР, ф.378, ПО, 1865 г., д.446, лл. П-16. Под-
линник

ОТЧЕТ КАНЦЕЛЯРИИ ВРЕМЕННОГО ПОЛЕВОГО АУДИТОРИАТА О ПОКАРАНИИ СМЕРТЬЮ ПО ВИЛЕНСКОМУ ВОЕННОМУ ОКРУГУ 1863–1864 гг. (февраль 1865)

По отчету о движении политических дел по Окружному штабу и Полевому аудиториату со дня открытия действий его, т.е. с 19 октября 1863 года по 1 января 1865 года, показано подвергнутых смертной казни политических преступников по конфирмациям командующего войсками Виленского военного округа и б. помощника его, ген.-адъютанта Крыжановского – 69 человек, из них 28 преступников подвергнуто смертной казни по конфирмациям, последовавшим на докладах Окружного штаба, а 41 человек – по конфирмациям на заключениях Полевого аудиториата.

По собранным же аудиториатом сведениям от губернаторов и отдельных военно-уездных начальников видно, что в Виленской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях со времени возникшего в Литве мятежа казнено всего 128 человек, в числе которых состоит:

Служащих: офицеров.....	14
нижних чинов.....	10
Отставных: офицеров.....	7
нижних чинов.....	7
Гражданских чиновников.....	1
Ксендзов.....	7
Дворян.....	40
Шляхтичей.....	10
Однودворцев.....	4
Мещан.....	8
Крестьян.....	18
Иностранцев, прусских подданных.....	2
Итого.....	128

Казни эти были произведены в следующих местах:	
в гор. Вильно.....	21
Ошмянах и уезде.....	6
Лиде.....	1
Ковно и уезде.....	13
Шавлях и уезде.....	13
Поневеже и уезде.....	12
Вилкомире и уезде.....	8
Тельшах.....	2
Россиенах.....	1
Новоалександровске и уезде.....	6
Гродно и уезде.....	3
Брест-Литовске.....	2
Бельске.....	1
Кобрине.....	3
Волковыске.....	1
Слониме и уезде.....	3
Соколке.....	1
Пружанском у.	3
Белостокском у.	4
Минске.....	4
Новогрудке.....	3
Игумене и уезде.....	4
Борисове и уезде.....	2
Мозыре.....	1
Могилеве.....	5
Орше.....	1
Рогачеве.....	1
В кр. Динабурге.....	3
Итого.....	128

По преступлениям, за которые назначены смертные казни, казненные распределяются:

За измену долгу службы и присяге побегом из войск и вступлением в мятежнические шайки.....24

Участие в мятеже с совершением в оном:

грабежей.....3

смертоубийств.....47

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Особенно деятельное участие в мятеже и долговременную бытность в шайках мятежников.....	6
За предводительствование мятежническими шайками...	24
Публичное чтение и распространение возмутительных манифестов и подговор жителей к восстанию.....	7
Бытность во главе распорядителей революционной организации и высшее распоряжение мятежным движением.....	6
Служение революционному комитету в звании жандармов-вешателей и полициантов для совершения убийств.....	11
Итого.....	128
Все эти преступники казнены по конфирмациям:	
Командующего войсками Виленского военного округа...	68
Б. помощника его ген.-адъютанта Крыжановского.....	1
Командующего войсками в Ковенской губ.	1
Командующего войсками 2 отдела Ковенской губ.	11
Командующего войсками в Вилкомирском и Поневежском уездах.....	3
Гродненского губернатора.....	3
Минского военного губернатора.....	7
Витебского губернатора.....	1
Военного начальника Инфляндских уездов.....	1
Командующего войсками в Могилевской губ.	4
Военного начальника гор. Ошмяны с уездом.....	6
Военного начальника гор. Ковно с уездом.....	1
Военного начальника гор. Тельш с уездом.....	1
Военного начальника гор. Россиены с уездом.....	1
Военного начальника Новоалександровского у.	5
Военного начальника гор. Вилкомира с уездом.....	4
Военного начальника гор. Поневежа.....	7
Военного начальника Кобринского у.	3
Итого.....	128
Все эти конфирмации исполнены были над преступниками в течение времени с марта 1863 г. по январь 1865 г., а именно:	
В марте 1863 г.	1
Мае.....	7
Июне.....	14
Июле.....	8
Августе.....	23

сентябре.....	5
октябре.....	8
ноябре.....	12
декабре.....	16
Итого.....	94

В январе 1864 г.	4
феврале.....	4
марте.....	8
апреле.....	3
мае.....	1
июне.....	2
августе.....	1
сентябре.....	5
октябре.....	4
ноябре.....	1
декабре.....	1
Итого.....	34
Всего.....	128

И. д. полевого обер-аудитора П. Неелов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1865 г. д.446, лл. 2–7. Под-
линник

ВЕДОМОСТЬ О КОЛИЧЕСТВЕ ВОЙНСКИХ ЧАСТЕЙ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В УСМИРЕНИИ ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА 1863 ГОДА, СОСТАВЛЕННАЯ В ШТАБЕ ВОЙСК ВИЛЕНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1868)

Военные действия при усмирении польского мятежа 1863 г. в губерниях Виленского военного округа считаются за кампании:

	Начало кампании	Окончание кампании
В Гродненской губ.	11 января 1863 г.	29 октября 1863 г.
Виленской губ.	3 февраля 1863 г.	17 сентября 1863 г.
Ковенской губ.	3 марта 1863 г.	22 декабря 1863 г.
Минской губ.	7 апреля 1863 г.	4 сентября 1863 г.
Витебской губ.	11 апреля 1863 г.	1 мая 1863 г.
Могилевской губ.	23 апреля 1863 г.	1 мая 1863 г.

Приказы военного министра 1864 г. №№ 174 и 225

К 11 января в составе войск Виленского военного округа находились следующие части:

Звание частей войск	Когда выбывали из округа
1-я кавалерийская дивизия	В конце апреля и первой половине мая 1865 г.:
1-я конно-артиллерийск[ая] бриг[ада]	В июне 1865 г.
1-я пехотная дивизия 1-я полевая артиллер[ийская] бригада	В июле 1863 г.

пехотная дивизия 2-я полевая артиллер[ийская] бригада	—
3-я пехотная дивизия 3-я полевая артиллер[ийская] бригада	В мае 1866 г.
Донской казачий № 33 полк	В мае 1865 г.
Донской казачий № 42 полк	В мае 1865 г.

Примечание: 1 кавалерийская дивизия сменялась частями 7 дивизии, 1 пехотная сменялась частями 16 дивизии.

В продолжение 1863 г. в Виленский военный округ прибыли:

Звание частей войск	Когда выбывали/прибывали из округа
Л.-гв. сводно-казачий полк	в январе/в августе 1863 г.
2-я гвардейская пехотная дивизия	в начале февраля в начале июля 1863 г.
1-я гвардейская пехотная дивизия	в июле в ноябре и начале декабря 1863 г.
3-я гренадерская дивизия 2-я бригада	в конце мая/в августе 1864 г.
1-я бригада	в октябре
Л.-гв. драгунский полк	в феврале/в октябре 1863 г.
Донской казачий № 5 полк	в феврале/в октябре 1866 г.
Донской казачий № 13 полк	в апреле/в октябре 1866 г.
Донской казачий № 17 полк	в июне/в сентябре 1866 г.
Донской казачий № 32 полк	в конце июля/в ноябре 1866 г.
Донской казачий № 40 полк	во второй половине октября/ в декабре 1866 г.
Донской казачий № 41 полк	в июне/в ноябре 1866 г.

Слева направо – рядовой regimenta гвардии пешей литовской, рядовой 5-го пешего regimenta, майор regimenta гвардии конной ВКЛ. Рисунок А. Прибылова

Почтовый 4-го полка Литовского авангарда; офицер 3-го полка Литовского авангарда. Рисунок А. Прибылова

Примечание: на смену казачьих полков №№ 5, 13, 17 прибывали полки №№ 50, 51 и 56.

Сверх означенных частей войск в продолжение 1863 г. прибывали резервные батальоны полков 2 и 3 резервных пехотных дивизий, которые в августе того же года поступили

на формирование новых полков 26, 27, 28, 29, 30 и 31 пехотных дивизий, а именно:

Резервные части	Когда прибывали	В какие новые дивизии поступили на формирование полков
26-й дивизии Эстляндский резервный	в июле	Пермск[ий] пех[отный] полк
Либавский	до января	Вятск[ий] пех[отный] полк
Нарвский		Петрозаводск[ий] пехотный полк
Великолукский	в июле	Устюжск[ий] пех[отный] полк
27-й дивизии Олонецкий	в конце января	Оренбургск[ий] пех[отный] полк
Вологодский	феврале	Уфимск[ий] пехотный полк
Костромской		Троицк[ий] пехотный полк
28-й дивизии Муромский	в январе	Волжск[ий] пех[отный] полк
Нижегородский		Камск[ий] пехотный полк
Низовский		Донск[ой] пехотный полк
Галицкий	в начале февраля	Уральск[ий] пехотный полк
29-й дивизии Черниговский	в январе и феврале	Старорусск[ий] пехотный полк
Могилевский		Новоторжск[ий] пехотный полк

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Брянский Вяземск[ий] пехот- ный полк		Кременчугский Малояроsl[авский] пехотный полк
30-й дивизии Смоленский	в феврале	Ярославск[ий] пех[отный] полк
Полтавский		Шуйск[ий] пехотный полк
Алексопольский		Коломенск[ий] пехотный полк
Полоцкий		Серпуховск[ий] пехотный полк
31-й дивизии Елецкий		Пензенск[ий] пехотный полк
Севский	в феврале	Тамбовск[ий] пехотный полк
Витебский		Козловск[ий] пехотный полк
Орловский		Воронежск[ий] пехотный полк

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1868 г., д. 3079, лл. 126–127.
Подлинник

«МУРАВЬЕВ-ВЕШАТЕЛЬ» В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Институт русской литературы в Санкт-Петербурге, рукописный отдел, ф. 265, оп. 2, д. 1711 л. 1–2.

Чумаков А. *«Заметка по поводу прозвища Муравьев-вешатель»*

«В 1867 г. на водах в Германии познакомился я с г. С. служившим, если не ошибаюсь, чиновником по особым поручениям при М. Н. Муравьеве во время его Виленского генерал-губернаторства. Из его весьма интересных рассказов удержала моя память, между прочим, следующее объяснение прозвища вешатель. Весьма ошибаются те, сказал господин С. Муравьев, которые полагают, что меня впервые прозвали вешателем в «колоколе» Герцена. Задолго до того, еще во время моего губернаторства в Гродно (в 1831 г.) это название придумали поляки за то, что я был вынужден повесить несколько их земляков. Эту меру употребил я для того, что паны перехватывали и вешали наших казаков, посылаемых мною с депешами по губерниям к подчиненным мною лицам. У меня было правило, — за каждого повешенного казака вешать одного из жителей (поляка) ближайшей к месту преступления деревни. Эта мера подействовала как нельзя лучше: вскоре вешание казаков совершенно прекратилось, и поляки прозвали меня вешателем.

Азиатское варварство! Воскликнут опять, — продолжает автор, гуманные порицатели деятельного усмирителя Северо-Западного края, вешать ни в чем неповинных мирных сельчан! А за какую провинность бунтовщики вздергивали на деревья наших казаков, спросим мы этих гуманистов? Не спорим, функции Муравьевых, Герцогов Альба и т.п. в некотором смысле совпадают иногда с обязанностями палача. Но как же быть, когда и в наш просвещенный век никакое благоустроенное государство пока еще не может обойтись без должности «заплечных дел мастера»? На государственную деятельность должно и смотреть с государственной точки зрения, а не с исключительно гуманитарной».

Институт русской литературы в Санкт-Петербурге, рукописный отдел, ф. 265, оп. 2, д. 1709, Мустафин В. «Граф М. Н. Муравьев в его письмах к Л. А. Валуеву (1859–1864).

Л. 22. «Слова его Государю, что «было бы бесчестно мне отказываться от исполнения возлагаемой ныне на меня Его Величеством обязанности; всякий русский должен жертвовать собою для пользы отечества, и потому я безприкословно принимаю на себя эту трудную обязанность генерал-губернатора», были не фразой в устах старика Муравьева. А вполне отвечали захватившему как его, так и все русское общество, чувству искреннего, горячего патриотизма».

Л. 27. «Описывая всю трудность своего положения в крае после того, как мерами, им принятыми, достиг почти полного прекращения открытого мятежа. Когда опасность миновала и правительство вышло из тяжелого состояния растерянности, Муравьев в своих записках говорит, что некоторые из ближайших Государя, особенно Валуев, князь Долгоруков и князь Горчаков начали прибегать к мерам снисхождения, уступчивости, мешали проводимой Муравьевым системы управления. Они настоятельно стали ему указывать на необходимость снятия военного положения, возвращения помещиков, ссыльных. Видя, что влияние их на государя поколебало и последнего в доверии к правильности принятой генерал-губернатором Северо-западного края системы, Муравьев счел себя вынужденным при личном представлении Государю просить об отозвании его из Вильно. ... всякий русский человек скажет сердечное спасибо М. Н. Муравьеву за то, что он не только сохранил край за Россией, но и сделал все, что было в его силах, для возрождения в нем русской народности, искони им владевшим. Муравьев укрепил твердо в сознании русского общества идею, что Северо-Западный край – русский. Для проведения этой идеи ему приходилось вести неустанную борьбу с высшими петербургскими сферами, которые по словам Муравьева, не знали ни истории края, ни настоящего его положения, не знали и польского характера, а потому не могли понять мысли об окончательном слиянии того края с Россией, считая его польским, ставя ни во что все русское господствующее там население».

Л. 30. «Только один Государь, да немногие из министров разделяли взгляд Муравьева на Северо-Западный край, как искони русский, другие же и большинство в то время считали его, чуть ли не ересью. Это обстоятельство еще более подчеркивает заслуги Муравьева. Как государственного деятеля России и Северо-Западного края».

Записки П. А. Чечевина

(Новые материалы по делу Каракозовцев)

Издание «Костромского научного общества по изучению местного края». Кострома 1918 г.

...По приезде моем в Петербург я удостоился в присутствии некоторых членов комиссии получить благодарность Муравьева за успешное исполнение возложенного поручения.

Выслушанное мною одобрение доставило мне тем более удовольствие, что оно было первое, высказанное в такой форме Муравьевым, считавшим меня своим человеком, в течение всей при нем службы оказывавшем мне полное доверие, проявившееся в поручении мне дела особой важности; до меня не раз доходили от разных лиц сведения, что Муравьев весьма доволен мною и моею службою, но сего лично он никогда не высказывал мне до сего времени. Мне известны были и частые ходатайства его обо мне перед государем, правда, не увенчавшиеся тогда успехом, даже и этого Муравьев мне никогда не объявлял.

Обо мне говорили, что это прежний ученик бесчеловечного Муравьева. Я это говорю, ибо знаю это из верных источников. Но представляю людям, близко меня знающим, решить, так ли это, и не могу удержаться, чтобы не сказать: если строгое, безусловное исполнение своих обязанностей есть жестокость – таковым я был. Когда я допрашивал старика 60 лет Маркса, вся жизнь которого была длинным испытанием, оставившего старуху жену, 15-ти лет дочь, когда я допрашивал восторженного, полного жизни Николаева, с надеждой смотревшего на свое будущее, передо мною лишь стояли враги правительства, существующего порядка, люди, по моему разумению, желавшие несчастья России,

преступную деятельность, помышление которых долг службы и чести мне указывал обнаружить.

Мне скажут, что следует всегда оставаться человеком. Да, но не всегда надлежит руководствоваться человеческими побуждениями. В данном случае я нахожу (дело Каракозова, покушавшегося на жизнь Александра II) человечнее пожертвовать двумя, тремя, десятью для спасения сотен. Кто не может побороть в себе этих так называемых человеческих побуждений, кто не находит в себе достаточно твердости, чтобы решительно без колебаний исполнить то, что ему указывает служебный закон, тот в подобных случаях должен отстраниться от дела, но не имеет права быть гуманным за счет других. Если это рассуждение ошибочно, то в действительности я должен согласиться с тем, что я поступил в комиссии жестоко и бесчеловечно (с. 39).

...То, чего так настоятельно требует известная доля общества, то, чего правительство в настоящее время дать не может и не хочет и не должно, — неминуемо последует. Таковы законы времени... никакая сильная администрация не остановит ныне, как и в 1866 г., течение, по которому несется общество, не остановит — да, но задержать — может. Задержать должно, для приготовления общества к той деятельности, которой оно себе требует, задержать должно для полнейшего обсуждения вводимых реформ, задержать должно для очищения общества от гангренозного явления, Чернышевского, нигилистов и прочих. Вот по-моему, к чему клониться должна деятельность правительства. Роль незавидная, ибо, неминуемо, против подобного лица восстанет все, что требует скорейшего довершения начатого. Скажу более: люди ближайшего будущего, заинтересованные в этих вопросах, громко осудят людей этой системы, но история должна будет отдать им справедливость, и скажут — это были люди, которые смотрели не на сажень вокруг себя, а предугадывали то, что должно было последовать в будущем. Граф Муравьев это понимал, когда объявил войну ложному воспитанию, когда в лице Чернышевского, Некрасова, Курочкиных и др. объявил войну литературе, ставшей на ложном пути. Подобные всеподданнейшие записки, в которых он представил государю

причины преступлений тайных обществ, появления нигилистов, не могли не вооружить против него почтенную числом публику. Недавно еще случилось мне слышать от одного лица, что гр. Муравьев в Комиссии по 4 апреля 1866 г. отодвинул Россию на несколько лет назад. Но надо знать, что бы случилось с Россией через несколько лет! А каково было воспитание, насколько оно было ложно – обнаружили труды Следственной Комиссии. Гр. Муравьев, ставший с оставлением Вильны популярнейшим человеком в России, не убоясь вооружить против себя литераторов и все так называемое молодое поколение, он смело высказал государю, что литература сеет яд, что молодое поколение стало враждебно правительству вследствие ложного воспитания, виною чему Мин. Нар. Просвещения, вследствие ложного учения, проповедуемого литераторами.

Гр. Муравьев лишился большей доли популярности, которую он приобрел при управлении Западным краем, но в этом-то воззрении на вопрос, в этой жертве себя для пользы России и заключалась, по разумению моему, его великая заслуга

2 акростиха

Ф. 265, оп.2, № 1707 от 27мая 1884 г.

В ред. ж. «Русская старина» действительного статского советника Н. Маркова в память умерших современников героев: М. Н. Муравьева и М. Д. Скобелева, твердо посвятивших жизнь свою на служение родине.

Вечная вам память!

Пройдут века – уляжется и злоба,

Которая мешала дать цену заслугам гения:

Тогда всему оценка вновь тень вызовет из гроба;

Но тот герой – кого ценил народ:

Жить будет в век, из рода в род, –

И нация в былинах будет знать

О нем и будет вечно прославлять.

При жизни
Графу М.Н.Муравьеву

Минуты тяжкие крамолы полонизма,
Из края русского ты с корнем вырвал вдруг!
Хвалою подвиг тот венчает вся отчизна.
Акт славы совершил – твой гений, стойкий дух,
И весь народ Литвы – бедою удрученный,
Лишенный крова, сил защиты, правоты:
Увидел свет теперь – свет верой озаренный,
Начала прочные для них воздвигнул ты.
И стар и млад у нас по всей Руси родимой –
Как благодать с небес, возносят подвиг твой;
О, будь отчизне ты рукой несокрушимой,
Любимый сын Царя, прославленный герой!
А мы за долг почтем просить в молитвах Бога:
Еще продлить лета твои – на славу нам;
В них драгоценности и силы русской много
И много грозного – спокойствия врагам.
Челом мы бьем тебе за стойкость и уменье:
Управиться, стереть насилия террор,
Молитвы предков Храм ты спас от запустенья,
Унял в враждующих воинственный задор;
Речь русская в Литве опять повсюду сильна,
А кличи пришлецов – как вымерли для всех;
В делах явилась жизнь стремлением обильно;
Ей правит твой рычаг – забота, труд, успех.
Вот краткий перечень великого добра.
Ура, наш славный вождь
Ура тебе ура!!!

Ф. 265, оп. 2, № 1706.

Священник Иоанн Берман из Вильно в своем письме в редакцию «Русская старина». 1 сентября 1879 г.

«Едва только он прибыл в Вильно, еще не сделав ни одного распоряжения, но в городе все притихло...

Едва в уездах стало известно о назначении Муравьева, как отряды войск... приободрились, по крайней мере, почти все офицеры говорили: «Теперь пойдет дело у нас лучше»— что касается популярности его в среде населения, то достаточно сказать, что не только православные крестьяне, но и католики приносили к своим пастырям деньги на обедни и молебны за здоровье Муравьева. Это факт (подчеркнуто автором).

Вильно 1879 г. 1 сентября, ф. 265, оп. 2.

«Несколько слов М. И. Семеновскому редактору «Русская Старина». С подписью: «один из многих». 13 марта 1883 г.

«...Что сделал для своей родины Муравьев, этот горячий патриот, этот истинно русский человек, что был Западный край до его прихода и чем стал после этого — про то знают и это видели тысячи русских людей».

Ф. 265, оп. 2, № 1710.

Синицин П. А. в письме к Семеновскому М.И. редактору журнала «Русская старина», критикуя «мерзкую» статью литератора Н. Берга, называет Муравьева «нашим Земным Архистратигом»..

Материалы из национальной библиотеки города Варшавы

J. Ochmanski «Historia Litwy» wydawnictwo Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1982.

Л. 222. «Тяжело раненный Сераковский был повешен в Вильно на площади 27 июня 1863 г. Священник Мацкевич замучен в Ковно 28 декабря 1863 г.»

Л. 228. «Муравьев-вешатель. Уничтожая восстание 1863 г., имел большие цели: на Литве он хотел восстановить российскую народность и православие. Царское правительство по его совету постановило уничтожить польское влияние в Литве и Беларуси. В Литве была введена в школах и администрации русификация. Царские власти усиленно вводили православие в католическом крае».

Л. 229. «Он думал, что один он понял политическую ситуацию в крае и России, понял поляков, был в состоянии преследовать польскую интригу, хотел везде уничтожить влияние католических священников, только которых он обвиняет

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

в организации восстания 1863 г. Несмотря вообще на народные чувства, по мнению Муравьева, восстание было организовано польскими панами и было раздуто духовенством для одной цели – возвращения давних привилегий и прав, чтобы опять, общими силами могли несчастных русских людей, как прежде, топтать и выжимать соки их них. Старая и давно известная песенка».

S. Tarnowski. Przedmowa Tlomacza //Pamietniki hr.Michala Mikolaewicza Murawiewa (Wiesztiela). Krakow, 1896.

Л. 16. «Он открыт к подлости, лжет в каждом слове и мысли, рисует себе мир, лжет и чувствует, что и люди поддадутся вранью. Одним из любимых его обманов, который либеральная билонтропийная Россия всегда повторяет: «о притеснении крестьянства, плачущего под гнетом польской шляхты, освобожденного от гнета Россией.

Он верит, что Россия не разрешала уничтожение подданства, которого не раз требовала польская шляхта; знает, что в святой России крестьянин был рабом и продавался как быдло... Но самым страшным из всех его обманов, в который слепо и тупо верит весь его народ, является ложь о «превечно русском населении, русском происхождении и языке, русской народности, вечной русской территории». Так лгать не умеет никто в мире. Немец забирает и гложет, но этого не делает; он говорит это всегда было твое, но я забираю, так как я сильнее».

Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. СПб., 2001. С. 215.

Наиболее репрезентативным среди общественно-политических выступлений Муравьева нам представляется его «Письмо к влиятельному лицу» по поводу книги историка-демократа А. П. Щапова «Земство и раскол» (СПб., 1862), в котором он, в частности, писал: «Изумительно <...> равнодушные наших верховных сановников не только в сему делу (ослаблению цензуры. – Н. Х.), но и вообще к либеральному или, лучше сказать, возмутительному направлению умов,

которое они сами не разделяют, но, однако, потворствуют ему вполне своим равнодушием <...> Иной улыбается, другой пожимает плечами, все чего-то боятся, а чего – сами не знают, потому что панически безотчетный страх овладел всеми. Разгул небольшой шайки развратных пролетариев или исключенных поповичей представляются им как будто голосом всего народа, и этой шайке позволяют бушевать по произволу. Из недостойных видов популярности они прислушиваются к тому, что скажет о них Европа и не хотят слышать того, что вопиет в их слух Россия <...>.

Но не от умышленного ли разврата писателей XVIII века, безнаказанно восставших на церковь и на правительство при совершенной распущенности нравов, которая теперь допускается и у нас, возникла Французская революция? Не то же ли повторяется в России, с такою лишь разницей, что, pripravлявшееся тогда десятками лет, теперь, с уничтожением времени и пространства, совершится быстро <...>. Но как вспыхнет со всех концов наша матушка Россия и явится раскольничье Правительство, что тогда сделать? От искры может вспыхнуть пламя, а его здесь разносят безнаказанно целыми головнями».

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

СОСТАВИЛ АР. ТУРЦЕВИЧ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВИЛЕНСКОЙ 1-Й ГИМНАЗИИ.

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНИЮ ПАМЯТНИКА ГРАФУ М. Н. МУРАВЬЕВУ.

ВИЛЬНА. 1898.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ 27 ОКТЯБРЯ 1898 ГОДА – ВИЛЬНА.

Глава I

Время рождения графа М. Н. Муравьева. – Родители и братья его. – Первоначальное воспитание. – Поступление в университет и основание Общества математиков.

Граф Михаил Николаевич Муравьев родился 1 октября 1796 г. в Петербурге.

Родители его были люди, выдающиеся своими душевными качествами. Отец, Николай Николаевич Муравьев, благородная отрасль старинного дворянского рода Муравьевых, получил прекрасное по своему времени образование. Отчим его, князь Урусов, замечая в пасынке большие способности и прилежание, отправил его учиться во Францию в знаменитый тогда Страсбургский университет. Здесь молодой Муравьев с особенным старанием занимался математикой и военными науками и приобрел в них основательные познания. Возвратившись в начале 1788 в Петербург, он блестяще выдержал экзамен, произведен был в мичманы и назначен на корабль «Саратов» под команду капитана Ханыкова, но через два года уже сам получил в командование галеру «Орел» и принял участие в морском сражении со

шведами при Роченсальме. Здесь молодой Муравьев обнаружил пылкую отвагу и решительность. Пред самым началом боя уже в виду неприятеля он подъехал к адмиральскому кораблю и спросил, где его место. Контр-адмирал Литта отвечал: «человек с честью найдет свое место». Тогда Муравьев пустился под всеми парусами в неприятельскую линию, стал между шведскими кораблями и открыл по ним огонь с обоих бортов. Весьма понятно, что не долго мог он противостоять превосходным силам неприятеля: галера его была разбита и стала тонуть. Он направил ее на мель и, спасши своих людей на лодках, сам бросился вплавь, но скоро был взят в плен, так как не мог плыть вследствие раны, нанесенной ему осколком гранаты.

По возвращении из плена, Муравьев в 1791 г. женился и еще в течение пяти лет продолжал служить во флоте, но (с. 3) в 1796 г., когда вступил на престол Император Павел I, он был переведен подполковником в гусарский-Дунина полк, стоявший в южной России. Прослужив в гусарах только один год, он вышел в отставку и поселился в своем родовом имении Сырец, Лужского уезда, где был выбран уездным предводителем дворянства.

В 1801 г. князь Урусов, удрученный летами, пригласил Н. Н. Муравьева переехать со всем семейством в Москву. Не имея хороших средств для воспитания детей, Николай Николаевич принял это предложение. Он переехал в Москву и с этого времени более 10 лет жил при своем отчине, заведывая всеми его делами. Но вот наступил знаменательный двенадцатый год. Муравьев тотчас оставляет все свои частные дела и вновь поступает на службу начальником штаба ополчений 3-го округа. Престарелый князь Урусов, раздраженный тем, что не мог удержать его при себе, угрожает ему лишением наследства, которое назначил ему по завещанию, но Николай Николаевич готов был пожертвовать всем. Так велика была его любовь к отечеству.

В 1813 г. Н. Н. Муравьев в звании начальника штаба корпуса, бывшего под командою графа Толстого, участвовал в многочисленных сражениях. Отличаясь превосходным знанием военного дела и распорядительностью, он за службу свою

в этой кампании получил золотую саблю за храбрость и чин генерал-майора. В начале 1823 г. расстройство здоровья заставило Н. Н. Муравьева выйти в отставку. Оставив службу, он со свойственными ему увлечением и страстью занялся сельским хозяйством, сначала в деревне, а потом в Москве, где у него была образцовая ферма у городской заставы на Бутырьках. Кроме того, Н. Н. Муравьев много содействовал распространению математических знаний в России и основал «Московское учебное заведение для колонновожатых», которое готовило молодых людей для службы в генеральном штабе. Вообще Н. Н. Муравьев был человек всесторонне образованный и пользовался всеобщим уважением. «Почетные жители Москвы и посетители столицы, – говорит Кропотов, – искали его ученой беседы и утешались обществом почетного старца, который до конца сохранил всю умственную бодрость и теплоту сердца, всю веселость и живость характера. Он не переставал трудиться, учить других и учиться сам».[1 – ссылки в конце глав] (с. 4).

Н. Н. Муравьев умер в 1840 г. в Москве на 72 году от роду.

Мать Михаила Николаевича, Александра Михайловна, дочь инженер-генерала Мордвинова, была женщина в высшей степени развитая, религиозная и чадолюбивая.

У Михаила Николаевича была одна сестра София, умершая до замужества, и четыре брата: Александр, Николай, Андрей и Сергей. Из них наиболее известны Андрей и Николай. Андрей был весьма известным писателем в области духовной литературы. Николай Николаевич, начав свою службу участием в отечественной войне 1812 г., служил на Кавказе, участвовал в усмирении польского восстания 1830–1831 гг., ездил послом в Хиву, Египет, Константинополь, командовал пятым корпусом и, наконец, в 1854 г. занимал высокий пост Кавказского наместника и главнокомандующего действующей армией Малой Азии (во время Крымской войны). Принадлежа к числу просвещеннейших людей своего времени, Николай Николаевич отличался необыкновенной честностью, непреклонной твердостью характера и замечательными военными способностями. Он особенно прославился своими победами над турками, и за взятие сильной турецкой крепости Карса известен под именем Карского, хотя на

это прозвание и не получил официального права. Николай Николаевич имел обыкновение записывать все замечательные случаи из своей жизни и оставил нам весьма интересный дневник, который сообщает много любопытных подробностей и о жизни брата М. Н. Муравьева.

Сам Михаил Николаевич был третьим сыном Николая Николаевича Муравьева. Воспитанием его сначала занималась сама мать Александра Михайловна, имевшая самое благотворное влияние на своих детей. «Если мы вышли порядочными людьми, а не сорванцами, – говорит впоследствии Михаил Николаевич, – то всем этим обязаны покойной ма-тушке». Затем, по обычаю того времени, приглашены были в дом Муравьевых гувернеры – иностранцы, из числа которых в особенности надо упомянуть о Гатто, уроженце Лотарингии. Это был человек честный, добросердечный и, что важнее всего, он умел поселить в отроческой душе своих питомцев жажду знаний и любовь к труду. Он оставил по себе в семействе Муравьевых самую хорошую память. Истории, алгебре, геодезии и военным наукам обучал Михаила Николаевича его отец. Сначала Михаил Николаевич несколько отставал от своих (с.5) братьев в учении, но благодаря своим способностям и настойчивости, не отступавшей ни перед какими трудами, он скоро сравнялся с ними, и старший его брат Николай Николаевич часто говаривал: «Из всех нас брат Михаил вышел самый способный».

В 1810 г. Михаил Николаевич поступил в университет на физико-математическое отделение. Здесь он необыкновенно быстро выдвинулся из среды товарищей своими способностями и, несмотря на свой юный возраст (ему было 14 лет), успел основать «Московское общество математиков», к которому сначала примкнули его товарищи студенты, а потом и некоторые профессора. Целью этого общества было распространение в России математических знаний посредством бесплатных публичных лекций по математике и военным наукам. Президентом общества был избран Н. Н. Муравьев, а вице-президентом или директором сын его, студент Михаил Николаевич. Такое влиятельное положение в ученом обществе совсем еще юного Михаила Николаевича несомненно

свидетельствует как о чрезвычайно раннем развитии его душевных способностей, так и о неутомимой настойчивости в достижении раз избранной им цели.

Глава II

Поступление графа Муравьева в свиту Его Величества по квартирмейстерской части. — Пребывание его в Вильне. — Служба его при штабе 5-го гвардейского корпуса. — Участие графа Муравьева в Бородинском сражении. — Возвращение его в армию и служба в генеральном штабе. — Женитьба графа Муравьева и выход в отставку.

В конце 1811 года Россия деятельно стала готовиться к войне с Наполеоном I. В это время М. Н. Муравьев, подобно другим молодым дворянам, вышел из университета и отправился в Петербург для поступления в военную службу, где в декабре того же года и записался в колонновожатые. Так как для производства в офицеры обычай требовал от всех колонновожатых удостоверения в приобретении ими основательных познаний в математике, то Михаил Николаевич подвергся экзамену у академика Гурьева и выдержал его блистательно. «Чинил испытание, — говорит в своем отзыве строгий и скупой на похвалы академик, — поступившему ныне в корпус колонновожатых дворянину Михаилу Муравьеву в чистой и прикладной математике, и по испытании оказалось, что он имеет весьма хорошие способности и особенную склонность к сим наукам. Судя по летам его, совсем ожидать было не можно, чтобы познания его в оных так далеко простирались, и паче всего то достопримечательно, что ему, юноше еще, известны лучшие по сим предметам писатели, которых сочинения он удобно понимает и разбирает. Посему без сомнения надеяться можно, что со временем, когда достигнет до совершеннолетия, он ознаменует себя отличными успехами».

По поступлении на службу, Михаил Николаевич назначен был дежурным смотрителем над колонновожатыми и преподавателем математики, а затем экзаменатором при главном штабе. Но учебные занятия Михаила Николаевича вскоре

должны были прекратиться. В начале марта 1812 года военный министр Барклай-де-Толли выехал в Вильну для принятия начальства над первой Западной армией, а 30 марта того же года отправился туда и молодой Муравьев, прикомандированный к штабу армии вместе с своими старшими братьями Александром и Николаем.

По прибытии в Вильну братья Муравьевы поселились в доме Стаховского на Рудницкой улице; к сожалению, место это теперь неизвестно [1].

Средства у них в это время были весьма ограниченные, и они перебивались, по словам Н. Н. Муравьева, пополам с нуждой. «Скоро начались увеселения в Вильне, балы, театры; но мы не могли в них участвовать по нашему малому достатку, а когда купили себе лошадей, то перестали даже в одно время чай пить».

В мае месяце, М. Н. Муравьев вместе с братом своим Николаем командированы были в 5-й гвардейский корпус, который стоял тогда в городке Видзах. Со времени выступления этого корпуса во внутрь России началась чрезвычайно тяжелая служба обоих Муравьевых; исполненная всевозможных лишений. «С выездом нашего из Видз, – говорит в своих записках Н. Н. Муравьев, – мы почти все время были на коне и очень мало спали: питались кое-чем и ни одного разу не (с. 7) раздевались... Денег мы не имели, и потому положение наше было незавидное; но мы друг другу не жаловались, не воображая себе, чтобы в походе могло быть лучше. Лошадей своих мы часто сами убирали и ложились подле них в сараях, на открытом же воздухе, около коновязи» [2]. По мере дальнейшего движения нашей армии в глубь России, труды и лишения братьев Муравьевых все более и более увеличивались, и часто они едва держались на ногах. Наконец, в Бородинском сражении Михаил Николаевич был тяжело ранен и едва не лишился жизни. Вот как рассказывает об этом брат его Николай: «Во время Бородинского сражения Михайла находился при начальнике главного штаба Бенигсене, на Раевского батарее, в самом сильном огне. Неприятельское ядро ударило лошадь его в грудь и, пронзив ее насквозь, задело брата по левой ляжке, так что сорвало все мясо с повреждением мышц и оголило

кость; судя по обширности раны, ядро, казалось, было 12-ти фунтовое. Брату был тогда 16-й год от роду. Михайлу отнесли сажени на две в сторону, где он, неизвестно сколько времени, пролежал в беспмятстве. Он не помнил, как его ядром ударило, но, пришедши в память, увидел себя лежащим среди убитых. Не подозревая себя раненым, он сначала не мог сообразить, что случилось с ним и с его лошадьёю, лежавшею в нескольких шагах от него. Михайла хотел встать, но едва он приподнялся, как упал и, почувствовав тогда сильную боль, увидел свою рану, кровь и разлетевшуюся в дребезги шпагу свою. Хотя он очень был слаб, но имел еще довольно силы, чтобы приподняться и просить стоявшего подле него Бенигсена, чтобы его вынесли с поля сражения. Бенигсен приказал вынести раненого, что было исполнено четырьмя рядовыми, положившими его на свои шинели; когда же они вынесли его из огня, то положили на землю. Брат дал им червонец и просил их не оставлять его; но трое из них ушли, оставя ружья, а четвертый, отыскав подводу без лошади, взвалил его на телегу, сам взявшись за оглобли, вывез его на большую дорогу и ушел, оставя ружье свое на телеге. Михайла просил мимо ехавшего лекаря, чтобы он его перевязал, но лекарь сначала не обращал на него внимания; когда же брат сказал, что он адъютант Бенигсена, то лекарь взял тряпку и завязал ему ногу просто узлом. Такое положение на большой дороге было очень неприятно. Мимо брата провезли другую телегу (с. 8) с ранеными солдатами; кто-то из сострадания привязал оглобли братниной телеги к первой, и она потащилась потихоньку в Можайск. Брат был так слаб, что его провезли мимо людей наших, и он не имел силы сказать слова, чтобы остановили телегу. Таким образом привезли его в Можайск, где сняли с телеги, положили на улице и бросили одного среди умирающих. Сколько раз ожидал он быть раздавленным артиллерией или повозками. Вечеру московский ратник перенес его в избу и, подложив ему пук соломы в изголовье, также ушел. Тут уверился Михайла, что смерть его неизбежна. В избу его заглядывали многие, но, видя раненого, уходили и запирали дверь, дабы не слышать просьбу о помощи. Участь многих раненых! Нечаянным образом зашел в эту избу л.-г. казачьего

полка урядник Андрианов, который служил при штабе великого князя. Он узнал брата и принес несколько яиц всмятку, которые Михайла съел. Андрианов, уходя, написал мелом, по просьбе брата, на воротах Муравьев 5-й. Ночь была холодная; платье же на нем изодрано от ядра. 27 поутру войска наши уже отступали через Можайск, и надежды на спасение, казалось, никакой более не оставалось, как неожиданный случай вывел брата из сего положения. Когда до Бородинского сражения брат Александр состоял в арьергарде при Коновницыне, товарищем с ним находился по квартирмейстерской части подпоручик Юнг, который перед сражением заболел и поехал в Можайск. Увидя надпись на воротах, он вошел в избу и нашел Михайлу, которого он прежде не знал; не менее того долг сослуживца вызвал его на помощь. Юнг отыскал подводу с проводником и, положив брата на телегу, отправил его в Москву. К счастью случилось, что проводник был из деревни Лукино князя Урусова. Крестьянин приложил все старание свое, чтобы облегчить положение знакомого ему барина, и довез его до 30-й версты, не доезжая Москвы. Михайла просил везде подписывать его имя на избах, в которых он останавливался, дабы мы могли его найти. Александр его и нашел по этой надписи. Он тотчас поехал в Москву, достал там коляску, которую привез к Михайле и, уложив его, продолжал путь. Приехав в Москву, он послал известить Пусторослаева, который разыскал известного оператора Лемера; но когда сняли с него повязку, то увидели, что антонов огонь уже показался». Лемер тотчас вырезал рану... (текст отсутствует – ред. сайта) (с.9) ...затем больного уложили в коляску и отправили в Нижний Новгород, где находился его отец.

«Спустя несколько лет после сего», рассказывает далее Николай Николаевич Муравьев, «Михайла приезжал в отпуск к отцу в деревню и отыскивал Лукинского крестьянина, чтобы его наградить; но его не было в деревне: он с того времени не возвращался, и никакого слуха о нем не было; вероятно, что он погиб во время войны в числе многих ратников, не возвратившихся в дом свой» [3].

В Нижнем Новгороде Михаил Николаевич, благодаря попечениям о нем отца его Николая Николаевича и доктора Мудрова,

стал быстро оправляться. В это время юный герой был обрадован известием о пожаловании ему за раны, полученные при Бородине, ордена Св. Владимира четвертой степени. Но не долго Михаил Николаевич находился под родительским кровом. В начале следующего года, как только рана закрылась, он отправился к войскам, находившимся тогда за границей, но по состоянию здоровья не мог долго участвовать в войне. В 1814 году он возвратился в Петербург и был назначен поручиком в гвардейский генеральный штаб. Служба в штабе оставляла тогда офицерам очень много досуга, особенно зимой, поэтому Михаил Николаевич, не любивший вообще развлечений, большую часть времени проводил в чтении и за любимыми своими математическими выкладками. Между прочим, он составил тогда руководство под заглавием: «Измерение высот посредством барометрических наблюдений».

В 1818 году 26 августа М. Н. Муравьев вступил в брак со старшей дочерью отставного капитан-поручика гвардии Василия Петровича Шереметьева, семнадцатилетней девицей Пелагеею Васильевною. Сделавшись семьянином, он решился оставить военную службу, к чему, главным образом, побуждала его постоянно открывавшаяся рана на ноге, и заняться сельским хозяйством в имении своей жены. Князь Волконский возвратил, однако, Муравьеву прошение об отставке, ссылаясь на необходимость удержать его на службе, как весьма полезного офицера, и дал ему бессрочный отпуск для поправления расстроенного здоровья. Польщенный таким лестным вниманием своего начальника, Михаил Николаевич пробыл в деревне только одно лето и опять возвратился к своим служебным (с. 10) занятиям. В 1820 году он произведен был в капитаны, а через месяц переведен подполковником в свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Но в конце того же года Михаил Николаевич опять подал прошение об увольнении его от службы. Это прошение сопровождалось еще письмом отца Муравьева к князю Волконскому, в котором он просил не удерживать его сына на службе. Волконский должен был уступить таким настоятельным просьбам Муравьевых, хотя с большим сожалением. «Имея много опытов», писал он Николаю Николаевичу, «сколько отличного усердия

к службе сына вашего, подполковника Муравьева, столько и редких его способностей, я с большим сожалением решился войти с представлением к Государю Императору об увольнении его от службы, которая лишается в нем одного из достойнейших офицеров» [4].

[1] В доме Стаховского была первая квартира в Вильне будущего графа Виленского. Н. Н. Муравьев, находясь в 1851 г. в Вильне с гренадерским корпусом, старался найти этот дом, но не нашел. «Дома все перестроились, – говорит он в своих записках, – и Стаховского имени никто не помнит».

[2] «Записки Н. Н. Муравьева». Русск. Арх., кн.3, с.79.

[3] «Записки Н. Н. Муравьева», Русск. Арх., т. 3, с. 341–343.

[4] Письмо из Троппау от 11 ноября 1820 года. См. у Кропотова: «Жизнь графа Муравьева», стр. 114.

Глава III

Жизнь графа Муравьева в деревне. – Арест его. – Записка об улучшении административных и судебных учреждений. – Назначение гр. Муравьева вице-губернатором в Витебске. – Северо-Западный край в первой четверти текущего столетия. – Воззрение гр. Муравьева на прошлые судьбы Северо-Западного края. – Назначение гр. Муравьева губернатором Могилевской губернии. – Участие его в усмирении польского восстания 1831 года. – Управление Гродненской губернией. – Служба графа Муравьева в Петербурге.

20 ноября 1820 года М. Н. Муравьев вышел в отставку и поселился со своей молодою супругою в ее имении Лазицах Смоленской губернии. 1820 и 1821 годы были крайне тяжелыми годами для Смоленской и соседних губерний. Двухлетний неурожай решительно подорвал благосостояние не только крестьян, но и многих помещиков. В это тяжелое время М. Н. Муравьев явился истинным благодетелем крестьян как

своих, так и соседних помещиков. На прокормление крестьян и на корм их скота, он издержал до 20 тысяч рублей. Этим он заслужил горячую к себе любовь не только со стороны своих крестьян, быстро оправившихся (с.11) от последствий неурожая, но и со стороны соседних дворян.

В 1826 году Бог судил Михаилу Николаевичу пережить тяжкое время. Заподозренный в том, что принимал участие в заговоре «декабристов», которые задумывали преобразовать государственное устройство России, он был арестован и некоторое время содержался в заключении, но как только дело было разобрано, он немедленно получил свободу и снова зачислен был в военную службу, хотя без назначения к какой-либо должности.

В январе 1827 года М. Н. Муравьев имел счастье представить Государю Императору Николаю Павловичу замечательную записку об улучшении местных административных и судебных учреждений и истреблении в них взяточничества. Записку эту Муравьев представил при следующем всеподданнейшем письме: «Был вынужден, лет семь тому назад, вследствие своей раны, оставить военное поприще и поселиться в отдаленной от столицы провинции, я старался употребить с пользою свободное время, подготавливая себя к ознакомлению с гражданскою службою, – единственной, в которой я мог бы еще надеяться служить моему Государю. Уединение доставило мне необходимый досуг для изучения существующего у нас устройства внутреннего административного управления, печальных злоупотреблений, всюду совершаемых, уничтожения или искажения самых полезных установлений и, наконец, губительного влияния такого порядка вещей на общественную нравственность. При виде этого печального зрелища, у меня всегда надрывалось сердце от невозможности быть полезным своим существованием на гражданском поприще, почему и должен был ограничиться наблюдением и записыванием своих замечаний об этом источнике зла, подтачивающего наши нравы и породившего почти всеобщую страсть к лихоимству и продажности. Может быть, Государь, я и ошибаюсь в замечаниях своих о предмете столь великой важности, но осмеливаюсь представить

Вашему Величеству свои размышления, будучи убежден в великодушии и снисходительности, с которыми Вы примете всякое чувство честное и искреннее, внушенное верноподданному естественною привязанностью к своему Государю и желанием споспешествовать своими слабыми силами всеобщему благу».

Кроме верного изображения недостатков нашей гражданственности, записка Муравьева представляет еще любопытные черты для характеристики ее составителя. «В авторе ее видна» (с. 12) говорит биограф Муравьева, «спокойная наблюдательность, практический ум и замечательная зрелость взглядов на самые важные вопросы внутренней политики и управления» [1].

12 июня того же 1827 года было знаменательным днем в жизни М. Н. Муравьева. В этот день он назначен был вице-губернатором в Витебск. Целых восемь лет он провел с этого момента в Северо-Западном крае России, стоя во главе гражданского управления сначала в качестве витебского вице-губернатора, а потом могилевского и гродненского губернатора.

В описываемое время Северо-Западный край имел решительно польскую окраску. Православных церквей в крае вообще было мало. В самой Вильне православные в одно время могли молиться лишь в тесной трапезной церкви Свято-Духовского монастыря. Да если где и существовали церкви, то это были здания маленькие, тесные и очень часто неприглядные, — скорее лачуги, чем церкви. Церквей униатских было довольно много, но большинство их было так же невзрачно, как и церкви православные. Зато гордо поднимались к небу верхушки костелов и монастырей римско-католических, число которых было очень велико. Тогдашняя школа Северо-Западного края была школой польской и по языку, и по направлению; даже в Белорусских губерниях школа оставалась такой же. В Белоруссии были два рода школ: правительственные и содержимые монашескими орденами. По заявлению князя Хованскаго, бывшего Витебского и Могилевского генерал-губернатора, в школах содержимых монахами, науки преподавались на польском или латинском языках; словесность заключалась в обучении польскому, латинскому и некоторым иностранным языкам, а

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

русский оставлен в совершенном небрежении. Существенная же система наставников в сих училищах, говорит князь, состоит в том, чтобы у учащихся поселить дух чистаго полонизма, в чем они и достигли своей цели. Что касается гимназий правительственных, то и оне были не лучше в русском смысле. Гимназии белорусских губерний, заявляет князь, нисколько не соответствуют ожиданию правительства. Науки и словесность преподаются в них на польском языке, русскому же учат весьма мало: для него назначен только один день в неделю, и учащиеся так же, как и в духовных школах, наклоняются к полонизму. Администрация, суд всецело находились (с. 13) в руках поляков-католиков. Языком общежития для всех слоев общества, кроме крестьянского, был язык польский.

При таком положении дел в крае все, что стояло выше крестьянства, естественно мало тяготело к России. Князь Хованский положительно заявляет, что природные белорусы не только пожилых лет, но и молодые, несмотря на давность присоединения края, питают какое-то равнодушие и неприязнь к коренным русским и ко всему русскому. Преосвященный Иосиф в первой своей записке по униатскому делу говорит: «Юношество, в публичных заведениях обучающееся, отзывается о России с презрением; не зная россиян, не зная их истории, их обычаев, не зная их языка и литературных произведений, оно считает их народом варварским, и слово «москаль» осталось обыкновенным изъяснением презрения. Духовенство со своей стороны», продолжает он, «хотя осторожнее, не щадит столь же презрительных сарказмов. Даже простой народ, по словам и поступкам господ и пастырей своих обыкновенно рассуждающий, угнетенный более прежнего самими же помещиками, отзывается ежечасно: «не бывало этого из-за Польши, не бывало этого из-за унии».

Русскому обществу, русской власти, конечно, было известно, что говорится и делается в крае; но это не мешало делам идти по данному им направлению. Продолжительный политический гнет Польши и религиозный гнет католичества настолько успел ослабить русский элемент края, некогда столь сильный здесь, что этот элемент стал как-то совершенно незаметен в крае. Этот элемент остался лишь в селе и не мог

дать знать о себе русскому обществу. О нем действительно почти и не знали в Задвинской России. Между тем разработка русской истории тогда еще только начиналась. И что же удивительного, если даже образованные русские люди смотрели на Северо-Западный край глазами поляков, если они далеки были от мысли, что коренное население даже Виленской и Гродненской губерний решительно не польское, что значительная часть представителей полонизма в этих губерниях происходит от предков русских православных и что даже после политического соединения Литвы и Польши, в Литве на поляков смотрели, как на иностранцев.

Естественно было бы, по-видимому, смотреть на Западный край с указанной точки зрения и М. Н. Муравьеву: ведь он был коренной великорус, живший до тех пор в центральных (с. 14) губерниях России. Но в том-то и сказывается величие духа этого человека, что он усвоил себе совершенно самостоятельное суждение как о правах поляков на господство в Северо-Западном крае, так и на значение в нем русской народности.

Отправляясь в Витебск, М. Н. Муравьев счел своим долгом обстоятельно познакомиться с историей Северо-Западного края и захватил с собою десятка полтора книг, относящихся к этому отделу русской истории. Чтение этих книг имело громадное влияние на весь склад суждений Михаила Николаевича о задачах управления Северо-Западным краем. Прочитанные им книжки сказали ему, что до самой Люблинской унии поляк был иноземцем в Литовском княжестве, что княжество жило русскою жизнью, что громадное большинство населения принадлежало православной церкви. Узнал Михаил Николаевич из прочитанных книжек и то, что когда области, входившие в состав Литовского княжества, присоединены были к России, Императрица Екатерина II приобщила их к общей русской жизни и всячески старалась противодействовать полонизации их, и что если к началу второй четверти настоящего столетия области эти в сильной степени были ополячены, то потому, что система управления краем, выработанная Императрицей Екатериной II, уступила впоследствии место другой противоположной системе, давшей возможность Чарторыйскому и его

сотрудникам сильно ослабить в жизни края русские начала. Особенно сильное впечатление произвело на нового вице-губернатора чтение сочинения Бантыш-Каменского: «О возникшей в Польше унии». Оно в особенности ознакомило его с минувшими судьбами православной церкви в Западной России. Впоследствии, став Виленским генерал-губернатором, он приказал перепечатать эту книгу в громадном количестве экземпляров и сильно распространил ее в крае.

Вот с какими воззрениями на прошлые судьбы края прибыл в Витебск новый вице-губернатор. В Витебске он, впрочем, не мог проявить резко этих воззрений; он оставался там не долго. В сентябре 1828 года. М. Н. Муравьев был переведен в Могилев на должность губернатора. С большим вниманием наблюдая за ходом производства дел и духом обитателей, как он сам говорит о себе, везде старался он, где только закон и порядок позволял, вводить российское производство. Поэтому во всеподданнейшем отчете за 1830 год он мог уже смело свидетельствовать пред Государем, что (с. 15) «край сей без малейшего затруднения или неудовольствия может быть приведен к единообразному с Россией положению, и что ежели до сих пор оный еще не совершенно, так сказать, слился с оною, то сему более причиною, что не было предпринято должных мер; ибо еще в 1773 году права русские были здесь совершенно введены и теперь, если б на то была воля Вашего Императорского Величества, не предстояло бы к водворению оных никаких особенных затруднений. — Я, продолжает Муравьев в своем всеподданнейшем отчете, достаточно на опыте удостоверился, что с весьма малым усилием правительства можно достигнуть до сего необходимого преобразования края, собственно для него полезного; ибо даже многим здесь коренным обывателям польское производство, особенно по кредитным делам, совершенно отяготительно, и ежели, со введением русских прав, Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет повелеть ввести и преподавание предметов в училищах на русском языке, то весьма скоро край сей сблизится с Россиею, которого мнимое отдаление от оной существует более во мнении, нежели на самом деле.

Я воздерживаюсь подробным рассмотрением сего весьма необходимого преобразования края сего, осмеливаясь ныне вкратце всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что для совершения сего достаточно иметь изъявление священной воли Вашего Императорского Величества и благоразумного местного исполнения, ибо Могилевская губерния, по существу своему, не есть край столь чуждый, чтобы неудобно было оный совершенно слить с Россиею» [2].

В другой записке, представленной Михаилом Николаевичем Государю, он указывал как на необходимость преподавания всех предметов на русском языке, так и на устранение римско-католического духовенства, в особенности монахов разных орденов, от участия в образовании и воспитании юношества в западных губерниях.

В конце 1830 года мирная деятельность Муравьева по улучшению административных порядков в Могилевской губернии должна была приостановиться. В это время в Царстве Польском вспыхнуло восстание, которое потом распространилось на Литву, Волынь и другие области Западной Руси. Для усмирения восстания в Царстве немедленно сформирована была действующая армия под начальством Дибича-Забалканского, а (с. 16) войска, находившиеся в Западном крае, поступили в состав резервной армии, над которой главнокомандующим был назначен граф Толстой. По прибытии в Витебск, Толстой увидел в числе представляющихся ему лиц М. Н. Муравьева и тотчас предложил ему состоять в его распоряжении при штабе армии для исполнения особых поручений. С этого времени начинается разнообразная и усиленная деятельность Михаила Николаевича, которая доставила ему превосходный случай ознакомиться на практике не только с общественным строем Западного края, но с духом его населения и, главное, с особенностями польского характера. Благодаря необыкновенной наблюдательности, Муравьев не оставил без внимания ни одной особенности края и приобрел обширный запас опытности, доставившей ему впоследствии возможность оказать весьма важные услуги государству. Этот период деятельности Муравьева важен еще в том

отношении, что он теперь уже наметил все те мероприятия, к которым прибегал потом при умиротворении Западного края в 1863 году.

Состоя при графе Толстом для особых поручений, Муравьев был завален множеством дел самого разнообразного свойства. Он должен был организовать при штабе армии дело собирания сведений о неприятеле и о занятой им стране, лично руководить в некоторых местах рассеянием мятежных скопищ, производить дознания об участниках тогдашних смут и, наконец, ему вверены были распоряжения по гражданской части. Все эти поручения графа Толстого Муравьев выполнил необыкновенно быстро и с полным успехом. Вот как характеризует тогдашнюю деятельность Михаила Николаевича его биограф: «Муравьев принадлежал к числу тех практических администраторов, которые стремятся к достижению цели самыми простыми, уже испытанными и для всех ясными средствами. Обдумывая свои мероприятия, Муравьев более всего заботился об устранении всех недоумений и случайностей, заботился о том, чтобы осуществление было для всех удобно и легко, неисполнение невыгодно. Он никогда не был человеком злосердным или жестоким, каким его выставляла заграничная печать, хотя в действиях своих и был настойчив и тверд. Превосходно знакомый со слабостями человеческой природы, Муравьев, во время шляхетских возмущений 1831 и 1863 годов, наводил страх на неисполнителей своих распоряжений не насилием или жестокостью, которыми всегда гнушался, но действуя нравственно, внушением опасения за свое (с. 17) благосостояние и поражая штрафами и денежными в пользу казны взысканиями» [3].

Эта характеристика вполне приложима и к последующей деятельности М. Н. Муравьева.

В 1831 году Михаил Николаевич переведен был губернатором в Гродно, где прослужил до 1835 года.

Ознакомившись вполне основательно со стремлениями польского дворянства и римско-католического духовенства во время восстания, он еще с большей настойчивостью стал заботиться о поддержании православия и русской народности во вверенной ему губернии. Между прочим, Муравьев оказывал содействие

епископу Иосифу Семашко, который тогда занят был подготовлением воссоединения униатов с православною церковью. Кроме того, Муравьеву в это время пришлось деятельно противодействовать попыткам поляков возбудить новое восстание. Так, «в 1833 году», рассказывает граф Михаил Николаевич в своих записках, «явились в Западном крае польские эmissары, отправленные из Парижа: они проникли в Виленскую и Гродненскую губернии, независимо от находившихся не малого числа в Царстве Полском. Принятыми тогда мною мерами, они были скоро схвачены, а вместе с ними и более 200 человек разных сословий, принимавших их и содействовавших им распространять повсюду мятежные покушения» [4].

Такой горячий поборник русских интересов в крае, такой неутомимый противник полонизации края, каким был М. Н. Муравьев, естественно был не по душе полякам; в особенности им были крайне неприятны видимые успехи в восстановлении православия. Однако же М. Н. Муравьеву пришлось оставить Гродненскую губернию лишь в 1855 году, когда он, по воле Государя Николая Павловича, переведен был в Курск военным губернатором для приведения в порядок губернии, которою Государь был не доволен по случаю беспорядков, происшедших на дворянских выборах.

Время с 1855 по 1862 год граф М. Н. Муравьев пробыл вне Северо-Западного края. В этот период своей деятельности он был сначала Курским губернатором, а потом директором департамента податей и сборов, главноуправляющим межевым корпусом, председателем департамента уделов (с. 18) и, наконец, с 1856 года министром Государственных Имуществ. Последние три должности он занимал одновременно.

Благодаря своему необыкновенному уму, трудолюбию и настойчивости, М. Н. Муравьев с большим успехом выполнял возложенные на него обязанности: он лично руководил всеми делами, вникал во все подробности и повсюду вносил жизнь и одушевление. Император Александр Николаевич вполне оценил неутомимую деятельность Муравьева и, помимо разных наград, возвел его сначала в звание сенатора, а потом назначил членом самого высшего правительственного учреждения – Государственного Совета.

В 1862 году М. Н. Муравьев вышел в отставку. Достигнув уже преклонного возраста (ему было тогда 66 лет) и сильно расстроив здоровье, он намерен был провести последние годы своей жизни в тишине и спокойствии, но скоро оказалось, что вся его предыдущая деятельность была лишь предуготовлением к подвигу, который он должен был совершить на склоне дней своих. 1-го мая 1863 года Император Александр II назначил М. Н. Муравьева главным начальником шести губерний Северо-Западного края, где тогда вспыхнуло польское восстание.

[1] Кропотов, «Жизнь графа Муравьева», с. 243.

[2] Кропотов, «Жизнь гр. Муравьева», с. 256–257.

[3] Кропотов, «Жизнь графа М. Н. Муравьева», с. 361.

[4] Русск. старина, т. 36, с. 627.

Глава IV

Меры правительства к охранению русской народности от польского влияния. — Отношение Александра II к полякам. — Отношение польского дворянства к крестьянской реформе. — Виновники польского восстания 1863 года. — Начало вооруженного восстания. — Амнистия.

После усмирения польского восстания в 1831 году, Царство Польское получило новое устройство, сближающее его с остальной Россией, а в западно-русских областях принят был в царствование Императора Николая I целый ряд мер к охранению русской народности от польско-католического влияния. Так, закрыт Виленский университет и Кременецкий лицей; упразднен Литовский статут. Униаты, долго находившиеся под властью католичества, воссоединились в 1839 году с православною церковью.

При жизни Императора Николая I поляки держали себя вообще тихо и скромно. Ему наследовал старший сын его,

Александр II, отличавшийся особенною добротою и великодушием. Новый Государь вскоре по вступлении на престол простил (с.19) многих поляков, принимавших участие в прежних восстаниях, возвратил сосланных из Сибири и дозволил возвратиться на родину эмигрантам, или бежавшим за границу. Вместе с тем Александр II предоставил Царству Польскому целый ряд прав и привилегий и поставил во главе гражданского управления природного поляка, маркиза Велепольского. Наместником Царства был тогда князь Горчаков, а Виленским генерал-губернатором – Назимов. Оба эти правителя, исполняя волю своего Государя, действовали в строго примирительном духе и отличались большой предупредительностью по отношению к полякам.

Но такой образ действия русских властей принят был поляками за слабость русского правительства и способствовал еще большему возбуждению их против России. Особенно возбудил помещиков-поляков нежелательный для них поворот в крестьянской реформе. Польские помещики западных губерний охотно изъявили свое согласие на освобождение крестьян, но без надела землею, рассчитывая навсегда удержать их в экономической зависимости от себя. Они желали, чтобы за помещиками оставлено было право суда над крестьянами, чтобы помещики были назначаемы начальниками волостей с предоставлением им, между прочим, надзора за всеми учебными и благотворительными заведениями в пределах волости; чтобы не было дано крестьянам самоуправления. Одним словом, они хотели удержать крестьянское население (т. е. русских и литвинов) в полной административной и политической зависимости от помещиков.

К счастью, желания польского дворянства не были услышаны русским правительством, и крестьяне были освобождены от крепостной зависимости с наделом их землею и самоуправлением. Поляки надеялись тогда, что с освобождением крестьян у них исчезает почва под ногами, что освобожденный русский народ окончательно и бесповоротно сольется с остальной Россиею, а потому, сделав от себя все возможное, чтобы ослабить и уничтожить благодетельные последствия манифеста 19 февраля 1861 года, произвели новую попытку восстановить Польское королевство.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Обстоятельства по-видимому благоприятствовали осуществлению стремлений поляков. Тогда французский император Наполеон III открыто стал высказывать, что поляки, по примеру итальянцев (с. 20), имеют право требовать объединения в одно государство [1], а его приближенные, в особенности министр иностранных дел граф Валуевский (побочный сын Наполеона I и одной польки), прямо побуждали поляков к восстанию. Австрия тоже была расположена к полякам и питала даже надежду, что польский престол, по его восстановлении, должен будет перейти к австрийскому дому. Не менее Франции и Австрии сочувствовала полякам и Англия, и ее министры не раз в своих речах резко осуждали несправедливое, по их мнению, поведение России относительно Польши. Все эти речи тотчас же в искаженном и преувеличенном виде делались известными полякам и побуждали их готовиться к восстанию.

Подготовительные работы, в целях возбуждения восстания, шли почти одновременно в разных местах. В Париже существовал так называемый отель Ламбер, во главе которого сначала стоял известный сотрудник Императора Александра I – Адам Чарторыйский, а после его смерти (в 1861 г.) сын его Владислав. Отель Ламбер был главным двигателем восстания. Здесь преимущественно сосредоточивались польские эмигранты, которые более всего содействовали возбуждению поляков против России, внушая им надежды на помощь иностранных государств. Затем в Кракове и Львове подготавливали возстание особые комитеты, в Варшаве – так называемое земледельческое общество, с графом Андреем Замойским во главе, а в Вильне, Ковне и других городах Западного края – несколько магнатов.

Первые враждебные выходки поляков против русского правительства начались еще в 1861 году. Эти выходки продолжались в течение всего 1862 года и становились тем более резкими и возмутительными, чем благодуще и мягче относилась к ним власть. Наконец, в январе 1863 года началось открытое восстание. Многочисленные банды появились в лесах Польши, Литвы, Белоруссии, даже в Киевской и Волынской губерниях. Католическое духовенство в огромном большинстве не осталось верно

присяге и не стеснялось в самых костелах призывать всех к оружию: особенно оно фанатизировало женщин, а те в свою очередь посылали в леса своих сыновей, мужей и братьев. Всеми действиями восстания руководили (с.21) разные тайные комитеты, которые появились не только в Варшаве и Царстве Польском, но и во многих городах Северо-Западного края.

Для усмирения восстания посланы были войска, которые деятельно начали преследовать польские банды; но как только были разбиты главнейшие из них, великодушный Император Александр II пожелал остановить кровопролитие и 12 апреля объявил амнистию, или прощение, всем тем, кто сложит оружие до 1-го мая. Казалось, полякам ничего более не оставалось, как немедленно покориться, но вышло не то, чего можно было ожидать. В надежде на помощь извне, поляки не хотели следовать призыву Государя. Лишь весьма немногие из повстанцев сложили оружие, а большинство решило продолжать восстание как можно долее, чтобы дожидаться вмешательства в польские дела западно-европейских государств. Вмешательство это действительно скоро последовало, но оно дало совсем не те результаты, каких ждали от него. Лишь только узнала Русь об этом вмешательстве, она единодушно встала вокруг трона своего Государя и решилась до последней капли крови отстаивать целостность государства. Вмешавшиеся державы поняли тогда неуместность сделанного шага и в конце концов должны были замолчать, а Император Александр II решил принять самые энергичные меры для подавления восстания.

[1] В начале своего царствования Наполеон III «провозгласил принцип народностей», в силу которого каждая народность должна составлять особое государство, а затем, в 1861 году помог итальянцам объединиться под властью одного короля.

Глава V

Назначение графа Муравьева Виленским генерал-губернатором. – Состояние Северо-Западного края до прибытия графа Муравьева. – Приезд графа Муравьева в Вильну. – Первые распоряжения графа Муравьева. – Уничтожение вооруженных банд военной силой. – Введение военно-полицейского управления. – Меры для умиротворения края. – Меры по отношению к римско-католическому духовенству.

Назначение Михаила Николаевича Муравьева главным начальником всего Северо-Западного края состоялось при следующих обстоятельствах. 17 апреля 1863 года, в день рождения Государя, Муравьев прибыл в Зимний дворец; там только и говорили о разграблении графом Плятером транспорта с оружием под Двинском. Государь подошел к Муравьеву и спросил его: «Слышали ли вы, что случилось в Двинске»? Муравьев ответил, что слышал и что этого ожидать надо было не только в Двинске, но и везде в западных губерниях; при этом обратил внимание Государя на то обстоятельство, что (с. 22) в Двинском деле замешаны те же фамилии, которые участвовали и в восстании 1831 года. Спустя несколько времени брат Михаила Николаевича Муравьева, Андрей Николаевич, отправился к директору азиатского департамента, генералу Игнатьеву, чтобы взять себе отпуск в Киев, и вступил с ним в разговор. Игнатьев откровенно стал высказывать свое мнение о бедственном положении дел в Западной России и, между прочим, сказал: «Покаместь мой родич (Назимов) будет в Вильне, нечего нам ожидать там доброго». Андрей Николаевич ему возразил: «Покаместь не будет послан туда брат мой Михаил, знающий на опыте тот край, не будет спасенья Литве; ибо уже шла речь о том, что если будет высадка французов в Курляндии, то дело уже пропало». «Как же это может случиться?», сказал Игнатьев: «Брат твой ни за что не согласится, а особенно после последних неудовольствий по министерству». «Знаю, что не согласен», отвечал Муравьев, «ибо я испытывал уже его мысль; но на все есть своя манера. Если только Государь без всякого

предварения пошлет за ним фельдъегера и скажет ему: Муравьев, отечество в опасности, спасай его! то как конь ретивый и верный сын отечества, он не может отказаться». Так все и случилось. Когда Игнатьев высказал эту мысль канцлеру Горчакову, а последний Государю, Государь тотчас призвал к себе Муравьева и предложил ему пост главного начальника Северо-Западного края. «На предложение Государя, — рассказывал Муравьев в своих записках, — я отвечал, что как русскому, было бы безчестно мне отказываться от исполнения возлагаемой ныне на меня Его Величеством обязанности: всякий русский должен жертвовать собою для пользы отечества, и потому я беспрекословно принимаю на себя эту трудную обязанность генерал-губернатора в том крае; что от Его Величества будет зависеть приказать мне оставаться там столько времени, сколько он найдет это нужным, но что вместе с тем прошу полного со стороны Его Величества доверия, ибо в противном случае не может быть никакого успеха. Я с удовольствием готов собою жертвовать для пользы и блага России; но с тем вместе желаю, чтобы мне были даны все средства к выполнению возлагаемой на меня обязанности. При этом я выразил Его Величеству мое убеждение, что опыт 1831 г. нам не послужил в пользу и что теперь надо решительно подавить мятеж, уничтожить крамолу и восстановить русскую народность и православие в крае (с. 23). Говоря о политическом и нравственном положении края, я ссылаясь Его Величеству на приобретенный мною опыт в распознавании польского характера и враждебном его против России направлении; что в бытность мою в том крае, т.е. в Витебске — вице-губернатором, в Могилеве и в Гродно — губернатором, и находившись во время всего похода 1831 года в Литве при главнокомандующем графе Толстом, который вверил мне все распоряжения по гражданской части во время мятежа, я мог узнать как тот край, так и революционные замыслы и польские крамолы».

«На все это Государь мне отвечал, что он меня благодарит за самоотвержение и готовность принять эту трудную обузу, что он вполне разделяет мой образ мыслей, предлагаемую систему и от оной не отступит» [1].

1 мая 1863 года подписан был Государем приказ о назначении М. Н. Муравьева генерал-губернатором шести губерний

Северо-Западного края. Русское общество отнеслось к этому назначению вполне сочувственно. «Общественное мнение», по свидетельству одного современника, «пришло тогда к убеждению, что для тушения польского пожара недостаточно мер кротости, поэтому имя Муравьева невольно сказалось повсюду. Все говорило, что дело усмирения будет им поведено энергично, репутация его в этом отношении была упрочена, и всякий вместе с тем был уверен, что под его управлением значение русского имени будет поднято. Деятельность этого человека была изумительна, да он умел и подчиненным прибавить энергии» [2].

После назначения своего Виленским генерал-губернатором, Муравьев оставался в Петербурге более недели. Он формировал новый состав служащих при генерал-губернаторе, входил в сношения на счет различных мероприятий с министрами и был несколько раз с докладами у Государя в Царском Селе, а перед отъездом представился Государыне, которая благодарила его за решимость и самоотвержение. Наконец 12 мая, помолившись в Казанском соборе, М. Н. Муравьев отправился в Вильну.

До приезда Муравьева в Северо-Западном крае польское восстание было в полном разгаре. «Несмотря на постоянные битвы и стычки наших войск с мятежниками», говорит один современник, «в марте и апреле месяцах 1863 года (с. 24) весь край был уже объят мятежом. В Ковенской и Гродненской губерниях мятежники распоряжались, как у себя дома, шайки их бродили под стенами Вильны» [3].

Еще обстоятельнее знакомит нас с положением Северо-Западного края сам М. Н. Муравьев. «Все шесть губерний, — рассказывает он в своих записках, — были охвачены пламенем мятежа; правительственной власти нигде уже не существовало; войска наши сосредоточивались только в городах, откуда делались экспедиции, как на Кавказе в горы; все же деревни, села и леса были в руках мятежников. Русских людей почти нигде не было, ибо все гражданские должности были заняты поляками. Везде кипел мятеж, ненависть и презрение к нам, к русской власти и правительству; над распоряжениями генерал-губернатора смеялись и никто их не исполнял. У мятежников были везде и даже в самой Вильне революционные

начальники: в уездных городах окружные и парафиальные; в губернских целые полные гражданские управления, министры, военные революционные трибуналы, полиция и жандармы, словом, целая организация, которая беспрепятственно, но везде действовала, собирала шайки, образовывала в некоторых местах даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятеж, и все это делалось гласно для всего польского населения и оставалось тайною только для одного нашего правительства. Надо было со всем этим бороться, а с тем вместе и уничтожать вооруженный мятеж, который более всего занимал правительство. Генерал-губернатор ничего этого не видал; русские власти чувствовали только свое бессилие и вообще презрение к ним поляков, ознаменовавшееся всевозможными дерзостями и неуважением даже к самому войску, которому приказано было все терпеть и переносить с самоотвержением; так все это переносили русские, и даже само семейство генерал-губернатора было почти оплевано поляками...»

«В Вильну были вызваны все почти помещики и мировые посредники в феврале 1863 года, будто бы для обсуждений по крестьянскому делу; но на этом и на подобном же съезде в Ковне были положены начала для действий по мятежу и соединились обе партии, так называемых белых и красных, при чем избраны для губернских и уездных городов по два делегата, которые бы наблюдали за действиями предводителей (с. 25) дворянства и самого правительства – и все это делалось явно на глазах того же правительства» [4].

В этом описании польского восстания в западных губерниях нет ни малейшего преувеличения. Правда, самые большие банды, как Сераковского и Колышки, были уже рассеяны, но поляки быстро собирали новые скопища повстанцев и упорно продолжали борьбу. Из официальных данных видно, что в течение 1863 года в Северо-Западном крае у русских войск с польскими бандами было около 70 «дел», из которых только 25 произошли во время управления краем Назимова, а все остальные при Муравьеве.[5]

В таком безвыходном положении находился Северо-Западный край, когда Муравьев отправился в Вильну. Дорогою он останавливался для отдыха в Двинске, и здесь в

присутствии дворян, а также военных и гражданских чинов, впервые высказал свой взгляд на ту систему, которою намерен был руководствоваться в своих будущих действиях по умиротворению края. 14 мая в 3 часа по полудне Муравьев прибыл в Вильну, а на следующий день, помолившись в Николаевском соборе и посетивши литовского митрополита Иосифа, сделал общий прием чиновников, духовенства и вообще всех городских сословий. «Военные встретили меня», рассказывает Муравьев, «с большим радушием и радостью, особенно гвардейцы 2-й пехотной дивизии, ибо они уверены были, что с моим прибытием изменится система управления, и поляки, дотоле горделивые и позволявшие себе всевозможные грубости и невежливость при встрече с русскими, скоро смирятся. Гражданские чины, кроме русских, бывших в небольшом числе, встретили меня с видным неудовольствием, а особенно предводители дворянства и городское общество, преимущественно католическое. Евреи же играли двусмысленную роль и выказывали будто бы радость, но это было притворно, ибо они везде тайно содействовали мятежу и даже помогали оному деньгами. Римско-католическое духовенство было принято мною в особой зале, и на лицах, и из разговоров их, в особенности же епископа Красинского, заметна была полная уверенность, что я не успею подавить мятеж. Я всем представлявшимся высказал предназначенную себе систему действий, т.е. строгое и справедливое преследование мятежа и крамолы, не взирая ни (с. 26) на какие лица, и потому выражал надежду найти в них самых усердных помощников, при чем советовал тем, которые не разделяют этих убеждений, оставить службу, ибо в противном случае я сам немедленно их от оной уволю и предам законной ответственности. Все они более молчали, вероятно, желая убедиться на опыте в твердости моих намерений и не буду ли я вынужден уступить и подчиниться другой системе» [6].

«Общее впечатление», говорит один очевидец, «произведенное генерал-губернатором, было самое сильное; все увидели пред собою человека твердого и проницательного; тут уже не приходилось шутить и надо было переходить в тот или

другой лагерь, но все ждали за словами действий, и они не заставили себя долго ждать» [7].

Уже первые распоряжения М. Н. Муравьева ясно показали всем, что в крае явилась крепкая русская власть, которая не боится никаких повстанцев и которая не может терпеть нарушения мира с оружием в руках.

До приезда М. Н. Муравьева много было взято под стражу лиц, принимавших участие в мятежах. «Ими наполнены были», рассказывает граф Муравьев, «все тюрьмы, но, к сожалению, по большей части их дела не были окончены, даже начаты. О тех же личностях, кои были приговорены военными судами, не было постановлено конфирмаций, ибо опасались строгостью раздражить мятежников. Желая, напротив того, показать полякам, что правительство наше их не страшится, я», продолжает далее граф, «немедленно занялся рассмотрением приговоров о более важных преступниках, конфирмовал их и немедленно приказал исполнить приговоры в Вильне на торговой площади, в самый полдень и с оглашением по всему городу с барабанным боем» [8]. Прежде всего казнены были два ксендза, потом несколько видных предводителей банд, как, например, Сераковский, бывший офицер генерального штаба. Подвергались казням и дезертировавшие в леса русские офицеры, жандармы, вешатели и вообще все участники в политических убийствах. «Поляки не верили, что я решусь на это», говорит Муравьев, «но когда увидели исполнение сего на деле, а не на словах, всех их обуял страх» [9]. Действительно (с. 27), многие из руководителей восстания под влиянием страха или бежали, или отказались от своей преступной деятельности.

В первые же дни пребывания М. Н. Муравьева в Вильне приняты были вполне целесообразные меры для очищения края от повстанских шаек. На первом плане, конечно, стояли военные меры. М. Н. Муравьев позаботился о более правильном распределении войск на огромном пространстве вверенного ему края, снабдил военных начальников обстоятельными инструкциями и потребовал от них самых быстрых и решительных действий. Так, в одном приказе Муравьев предписывает военным начальникам губерний, «чтобы

войска не оставались безвыходно в городах или других пунктах уездов, но беспрестанно производили движения по их району, ограждая жителей от насилий, производимых мятежниками, и водворяя везде спокойствие» [10]; в другом внушает начальникам отрядов, «что они должны решительно действовать для разбития шаек и преследовать их по пятам, неотступно и настойчиво, до совершенного рассеяния и уничтожения» [11]; в третьем приказывает сформировать «мелкие летучие отряды» и т.д. Особенно Муравьев настаивал на быстроте действий.

Решительными своими действиями М. Н. Муравьев много ободрил войска, и не только офицеры, но и солдаты с особенным рвением стали разыскивать и преследовать вооруженные скопища повстанцев. Особенно отличались гвардейцы. «Я в них нашел», говорил Муравьев, «самых деятельных и благоразумных сотрудников. Они с радушием принимали все возложенные на них обязанности как военные, так и гражданские и исполняли их отлично». Но одних военных мер было недостаточно для полного умиротворения края. И до приезда Михаила Николаевича Муравьева в Вильно войска не бездействовали и разбивали повстанцев, но эти поражения не уничтожали мятежа, так как мятеж беспрепятственно находил себе поддержку среди помещиков и ксендзов, и вследствие этого вместо одной разбитой шайки легко формировалась другая. Для усмирения края нужно было достигнуть того, чтобы присутствие в крае сильной русской власти чувствовалось в каждой деревне, каждой околице, чтобы население, верное Государю, всегда могло найти себе защиту от повстанцев, чтобы злоумышленники чувствовали, что за ними зорка следит власть (с. 28). Этой цели М. Н. Муравьев и достиг посредством учреждения строгого военно-полицейского управления. Во главе каждого уезда поставлен был «военный уездный начальник», известный своею деятельностью и порядительностью. Военным уездным начальникам подчинялись все войска, в их уездах находящиеся и все гражданские власти: исправники, становые пристава, городничие и все вообще чины полиции. Спустя три месяца, уезды разделены были еще на особые участки, во главе которых поставлены «военные становые начальники», а еще через три

месяца, т.е. в конце ноября 1863 года, учреждены «уездные жандармские команды». Вместе с тем введены были во многих уездах «военно-следственные комиссии», независимо от таковых во всех губернских городах.

Военно-полицейское управление устроено было на основании «инструкции от 24 мая», данной военным уездным начальникам. Этой инструкцией и тремя к ней дополнениями принят был для умиротворения края целый ряд мер, из которых наиболее важны следующие: 1) Повсюду сформированы были из крестьян сельские караулы; они располагались в селениях, в корчмах, на дорогах и обязаны были наблюдать за всеми проходящими и проезжающими и не давать никому пропуска без вида и билета, а также оказывать содействие войскам в преследовании вооруженных банд. 2) Воспрещалось всем местным жителям, кроме крестьян, отлучаться из места жительства на расстоянии более 30 верст без особых видов. 3) Заведены были по уездам обывательские книги, в которые вносились все помещики, ксендзы, шляхта и вообще все служащие в дворовых управлениях, а также арендаторы имений и ферм; такие же книги заведены были и по городам для городских жителей. 4) Отнято было оружие у всех помещиков, у шляхты, однодворцев, ксендзов и городских жителей, исключая из поименованных выше званий и сословий русских и тех лиц, за благонадежность которых ручалось местное начальство. 5) Воспрещены всякие противоправительственные манифестации и, между прочим, ношение траура и разных революционных знаков (металлические пряжки с соединенным гербом Польши и Литвы, переломленный крест в терновом венке и пр.). 6) Вменено было всем начальникам учебных заведений неупустительно следить за порученными их надзору воспитанниками и о каждом случае своеволия доносить немедленно в губернских городах начальникам губерний, а в уездных и других – местным военным начальникам для принятия надлежащих мер (с. 29) к обузданию виновных. 7) Установлен был строгий надзор за типографиями, литографиями, фотографическими заведениями, за резчиками печатей, за лесной стражей, за евреями, выезжающими за границу, так как «они принимали на себя передачу разных поручений от здешних к заграничным революционерам» и т. д.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Наблюдая за исполнением этих требований всеми обывателями данной местности, чины военно-полицейского управления в особенности должны были смотреть за шляхтою и ксендзами, которые больше всего поддерживали мятеж. Они должны были зорко смотреть, чтобы помещики отнюдь не формировали банд, не оказывали бандам помощи и содействия доставлением им съестных припасов, сообщением сведений о движении войск и т. п. За каждое нарушение полицейских правил помещики не только подвергались штрафам, но во многих случаях и уголовной ответственности. Независимо от этого Муравьев признал вполне справедливым возложить на помещиков-поляков возмещение всех убытков, причиненных восстанием казне и сельским обществам, поэтому он обязал их давать в казну десять процентов с получаемого ими дохода от удобных земель и один процент с капитальной стоимости принадлежащих им в городах домов, снабжать войска продовольствием и подводами, пополнять разграбленные сельские магазины и крестьянские мирские капиталы, а в случае личного участия помещиков-поляков в восстании, имения их подвергать секвестру, или временному отнятию в казну, и конфискации, или полному обращению в казенную собственность.

Римско-католическое духовенство в глазах М. Н. Муравьева было первым элементом мятежа. Поэтому вскоре по приезде в Вильну он счел нужным написать римско-католическому епископу следующее: «Из дел, представленных ко мне следственными комиссиями, я усматриваю, что по донесениям начальников отрядов, а также по показаниям пленных, самое живое и деятельное участие в возбуждении народа к мятежу принимает здешнее католическое духовенство, объявляя в костелах революционные манифесты, приводя к присяге вербуемых мятежниками сообщников, присоединяясь к шайкам, в которых не раз встречались они с нашими войсками при перестрелках, и, наконец, предводительствуя некоторыми из шаяк» [12] (с. 30).

Такое деятельное участие в восстании римско-католического духовенства заставило решительного начальника края прибегнуть к самым строгим мерам и подвергнуть,

по приговору военного суда, смертной казни двух ксендзов. Но Муравьев «желал искренно», как он сам выражается, «иметь возможность не прибегать к подобным мерам», поэтому просил епископа Красинского употребить свое архипастырское содействие к внушению подведомственному ему духовенству, «чтобы оно, помня призвание свое, возложенное на него духовным саном, и святость верноподданнической присяге, оставило свои преступные действия, и чтобы служители алтаря, которые обязаны, не страшась угроз, ни самой смерти, пребывать верными своему долгу, старались проповедью и примером своим, вместо возбуждения народа к преступным действиям, вразумлять тех, которые, забыв долг чести, совести и присягу, увлечены в мятеж или сделались его руководителями» [13]. Но епископ Красинский, «отличавшийся», по словам одного современника, «особенным нерасположением к правительству и полным сочувствием к мятежу» [14], сказался больным и уклонился от всякого ответа. Тогда Муравьев выслал его в Вятку и издал целый ряд распоряжений, которыми все действия римско-католического духовенства подчинил строжайшему контролю правительства. Так, для приема в римско-католическую семинарию каждого нового воспитанника требовалось разрешение не только губернатора, но и генерал-губернатора [15]; наблюдение за учением и вообще за порядком в семинарии поручалось двум прелатам местного капитула, которые прежде выпуска предназначенных к рукоположению клириков, должны были сообщать губернатору подробные сведения о их благонадежности [16]; назначения ксендзов на должность деканов, настоятелей приходов, викариев и капелланов не могли состояться без предварительного согласия губернатора [17]; разъезды духовенства вне пределов приходов и деканатов допускались только в случае признанной необходимости по официальным ходатайствам и по билетам уездных исправников на срок не более семи дней [18]; проповеди разрешалось произносить (с. 31) только те, которые будут напечатаны с одобрения духовного начальства, а в случае желанья кого-либо из ксендзов говорить проповедь своего сочинения, дозволялось это не иначе, как по предварительном рассмотрении этого сочинения особыми цензорами,

назначенными, с разрешения генерал-губернатора, из членов капитула консистории и деканов [19]. Последнее распоряжение вскоре, однако, было отменено. Оказалось, что ксендзы во многих местах произносили проповеди двусмысленного содержания, поэтому для предупреждения подобных злоупотреблений предложено было ксендзам читать проповеди только по книгам Бялобржецкого и Филипецкого, изданным в Вильне в 1838 году и одобренным епископом Клонгевичем [20]. Наконец, для ослабления влияния римско-католического духовенства на население края, упразднены были благотворительные общества (трезвости, винцентинок и др.), которые под видом благотворительности и улучшения народной нравственности имели целью содействовать восстанию, а также закрыто было до 30 католических монастырей и значительное число филий (приписных костелов) и каплиц.

[1] Русск. старина, т. 36, с. 395 – 396.

[2] Бутковский: «Из моих воспоминаний», Историч. Вестн., т. 14, с. 94.

[3] «Виленские очерки». Русск. старина, т. 40, с. 185.

[4] «Зап. гр. Мур.» Русск. старина, т. 36, с. 399.

[5] Н. Цылов. «Собр. распорядительных грамот Муравьева», с. 306 – 311.

[6] Русск. старина, т. 36, с. 402.

[7] Виленские очерки», Русск. старина, т. 40, с. 193.

[8] Русск. старина, т. 336, с. 406.

[9] Русск. старина, т. 96, с. 407.

[10] Циркул. от 26 мая 1863 г.

[11] Циркул. от 11 июня 1863 г.

[12] Из письма Муравьева епископу Красинскому от 26 мая 1863 года. Цылов: «Сборник распоряжений графа Муравьева», с. 32.

[13] Из письма Муравьева епископу Красинскому от 26 мая 1863 года.

[14] «Виленские очерки»: Русск. старина, т. 40, с. 193.

[15] Циркул. от 22 июня 1864 г.

[16] Циркул. от 11 июля 1864 г.

[17] Циркул. от 24 июля 1864 г. за № 62.

[18] Циркул. от 11 июля 1864 г. за № 73.

[19] Циркул. от 11 сентября 1864 г. за № 2865.

[20] Циркул. от 22 ноября 1864 г. за № 3727.

Глава VI

Восстановление спокойствия в крае. – Празднование дня тезоименитства Государыни Императрицы. – Всеподданнейший адрес Виленского дворянства. Всеподданнейшие адреса дворян других губерний. – Депутация крестьян Августовской губернии. – Покушение на жизнь вилен. предв. дворянства Домейко. – Статья «Виленского Вестника» в день 1 января 1864 г. – Начало нового периода в управлении краем гр. Муравьева. – Значение мер строгости гр. Муравьева.

Неумолимая строгость, решительные военные действия и, самое главное, целесообразные административные распоряжения М. Н. Муравьева быстро ослабили силу мятежа, и уже в конце июля русские люди, по выражению

современника, «могли вздохнуть свободно». Особенно сильно проявилось торжество русской власти в Вильне в день тезоименитства Государыни Императрицы Марии Александровны, 22 июля. «Это был первый официально торжественный день», рассказывает один очевидец, «наступивший после долго продолжавшейся упорной борьбы законного правительства с мятежом, а потому отличался особенным характером. К 10 часам утра все местные власти и представители (с. 32) всех сословий наполнили залы дворца, и перед началом обедни генерал-губернатор обошел присутствующих. Большая малиновая гостиная, где обыкновенно делались приемы, была наполнена гвардейцами: тут был весь Преображенский полк, незадолго прибывший, лейб-улань и лейб-драгуны, собранные в Вильну для возвращения в скором времени в столицу. День был чудесный, и окна дворца были открыты. Генерал-губернатор был очень ласков с гвардейцами и предупредил их, что скоро пошлет в экспедицию. Дворянам он сказал несколько простых, но сильных и внушительных слов... Евреям генерал-губернатор не доверял, но всегда обращался к ним с несколькими словами, напоминая о неусыпном исполнении верноподданнических обязанностей; римско-католическое духовенство было еще очень смущено недавними казнями ксендзов и высылкою своего главы. После приема генерал-губернатор пригласил всех представлявшихся последовать за ним в соборную церковь для слушания литургии и молебствия. Давно уже наш православный собор не представлял такого блистательного зрелища. Богослужение совершали: епископы ковенский – Александр и брестский – Игнатий (викарии Литовской епархии), 2 архимандрита и 4 протоиерея. Когда же началось молебствие, и духовенство направилось к амвону – впереди всех показался знаменитый литовский митрополит Иосиф. Весь собор был наполнен служащими и даже несколькими дворянами; все были в мундирах; в левом углу помещалась небольшая группа русских дам; перед собором на площадке были построены: Преображенского и Семеновского полков роты Его Величества

и смешанные эскадроны лейб-улан и драгун. Толпа народа вокруг была необозримая, и все это было залито сиянием июльского солнца. После молебна загудели колокола, в цитадели загремели пушки и, по выходе начальника края из собора, пронеслось по площади и в толпе народа несмолкаемое «ура». «Это не был обыкновенный праздник», замечает тот же очевидец: «всякий чувствовал, что тут совершаются исторические события и, хотя все это представляло лишь внешнее торжество русской силы, но в нем видимо было и чувствовалось то новое направление, которому должны будут следовать в крае грядущие поколения» [1]. Так же торжественно прошел и день рождения Государыни Императрицы, 27 июля, но он ознаменовался еще весьма важным событием (с. 33). В этот день, во время приема в генерал-губернаторском дворце, Виленское дворянство через депутацию из 15 человек, имевшую во главе губернского предводителя дворянства Домейко, представило М. Н. Муравьеву всеподданнейшее на имя Государя Императора письмо с выражением раскаяния и с заявлением верноподданнических чувств. Минута была торжественная. Генерал-губернатор принял адрес, подписанный уже 230 почетнейшими дворянами, и согласился представить его Государю, но вместе с тем напомнил дворянам, какую важность должно иметь это заявление: теперь они должны доказать своими действиями, что навсегда отрекаются от революционной партии и что во всем намерены содействовать правительству для восстановления спокойствия в крае.

По примеру Виленскаго дворянства и от других губерний стали прибывать депутации с представлением всеподданнейших адресов. 26 августа представило адрес Ковенское дворянство за 500 подписями, в половине сентября Гродненское, а в конце сентября и Минское. Несколько запоздали адреса от губерний Витебской и Могилевской, особенно от последней. Принимая Могилевское дворянство, Муравьев выразил сожаление, что губерния эта так поздно приступила к настоящему заявлению и, между прочим, заметил: «Для меня отрицательное положение дворянства во время мятежа равняется положительному в нем участию» [2].

Деятельно заботясь о прекращении смут во всем Северо-Западном крае, граф Муравьев должен был принять в свое ведение и одну из губерний Царства Польского. 6 августа к нему явилась многочисленная крестьянская депутация из Мариампольского уезда Августовской губернии и представила прошение от пяти тысяч крестьян о принятии их под свою защиту. Вот это замечательное прошение:

«Генерал! Мы крестьяне общества Зыпле, Царства Польского, Августовской губернии, Мариампольского уезда прибегаем со всепокорнейшей просьбой к тебе, генерал, спаси нас! Плачевное положение наше достойно сожаления. Настоящий мятеж и волнения в крае приписывают полякам; это клевета: мы поляки, всегда были и будем верными подданными нашего Всемиловитейшаго Государя; нарушителями же спокойствия суть низкие люди, которых можно найти в каждом народе. Крайность заставляет нас обратиться к тебе, генерал; знаем (с. 34), что наша губерния принадлежит к другому управлению, но что же нам остается делать, несчастным, когда край наш вместо того, чтобы смириться, еще более волнуется; слыша, что край, вверенный тебе, генерал, твоею заботою успокоен и в нем водворен порядок, мы еще раз повторяем нашу покорнейшую просьбу, прими нас под свое покровительство. Пусть дадут нам войско, и мы пойдем вместе с ним, будем сражаться до последней капли крови и докажем на деле нашу любовь и приверженность ко Всемиловитейшему нашему Монарху и ненависть нашу к мятежникам. Мятежники, зная нашу привязанность к Государю, будут стараться отомстить нам, а потому просим тебя, генерал, удостоить принять нас под свое покровительство и пришли войска для нашей обороны. Еще раз умоляем тебя, генерал, возьми нас к себе, тогда и наш край успокоится, как Литва. Мы верны нашему Государю и не желаем беспорядков. Уполномоченные от имени целого общества Зыпле Августовской губернии». (Следуют подписи 25 депутатов) [3].

Граф Муравьев согласился принять их под свою защиту и послал к ним войско, а скоро последовало Высочайшее повеление о подчинении ему в административном отношении Августовской губернии на время существования военного положения.

Такой быстрый и решительный успех мероприятий графа Муравьева побудил «народовый жонд» прибегнуть к самым отчаянным средствам, чтобы как-нибудь приостановить начавшееся движение в пользу законной власти. «Варшавское революционное правление», рассказывает в своих записках М. Н. Муравьев, «видевши ослабление мятежа в Литве, еще с июля месяца 1863 года начало присылать своих агентов в Вильну для поддержания упадающего революционного движения, но все эти агенты, при довольно порядочно уже устроенной полиции, были захвачены в Вильне; они успели однакоже в половине июля месяца сформировать команду тайных кинжальщиков, которым вменено было в обязанность убить генерал-губернатора, губернского предводителя дворянства и тех, которые наиболее противодействовали мятежу; но кинжальщики эти, страха ради, ни на что не решились; между тем начальство уже получило о них некоторые сведения и приняло меры к их обнаружению» (с.35).

«Для решительного действия был, наконец, прислан из Варшавы известный полициант-вешатель Беньковский, с обязанностью убить Домейко и меня».

«27-го июля (в день рождения Императрицы) Беньковский пробирался на паперть собора, чтобы меня убить, но не мог близко подойти по огромному стечению служащих и вообще народа».

«29-го июля (через два дня после представления адреса) он в 9 часов утра вошел в квартиру Домейки и нанес ему семь ран кинжалом, равным образом изранил и человека, пришедшего на помощь, а сам скрылся. Раны Домейки были сильны, но не опасны. Жонд публиковал по городу, что Домейко убит и наказан за измену польскому делу; а в особенности за составление адреса. Надо заметить, что адрес, по поднесении, был послан мною Государю при всеподданнейшем рапорте, с испрошением награды Домейке, а 29-го я телеграфировал Государю о сказанном событии. Между тем приняты были всевозможные меры к отысканию убийцы: сделаны были повсеместно обыски, опубликованы приметы убийцы, поставлены в сомнительных местах караулы, а в особенности усилен надзор на железной дороге и

на всех путях, ведущих к ней» [4]. И благодаря этим мерам преступник Беньковский был пойман на вокзале железной дороги 6 августа и понес заслуженную кару.

Видя, что восстание утихает, М. Н. Муравьев пожелал дать возможность оставшимся в лесах повстанцам возвратиться к своим мирным занятиям; 26 августа он велел распространить повсюду Всемиловейшее прощение всем тем, которые явятся добровольно к начальству и положат оружие. Начальники банд первое время удерживали нерешительных страхом, но за удвоением строгих мер энергия их пропала, и повстанцы стали сотнями являться к начальству. От этих повстанцев отбирались показания и оружие, и если на них не падало никаких подозрений в совершении особо важных преступлений, они водворялись на прежнем месте жительства, с согласия общества и по приведении к присяге, которая обставлялась возможною торжественностью. Добровольно возвратившихся из восстания было водворено в крае свыше трех тысяч человек; сверх того, до 300 человек не были приняты обществами своими на поручительство и отправлены поэтому административным порядком на водворение в Сибирские губернии (с. 36).

С возвращением из леса такого значительного числа повстанцев, вооруженных банд почти не было, за исключением Ковенской губернии, где довольно долго держался еще ксендз Мацкевич, один из самых предприимчивых предводителей. Отличаясь замечательным умением вести партизанскую войну, он ловко ускользал от преследований, быстро появляясь там, где его вовсе не ожидали и до ноября 1863 года держал в напряженном состоянии всю Жмудь. С наступлением холодного времени, фанатик Мацкевич бросился к Неману, чтобы переправиться в Пруссию, но был схвачен штабс-капитаном Озерским, производившим обыск леса.

После казни ксендза Мацкевича, совершенной в декабре 1863 года, и удачной поимки всех главарей восстания, вооруженных банд не появлялось более и в Ковенской губернии. Повсюду восстановилось правильное течение жизни, и местное население могло с облегченным сердцем встретить наступающий Новый год. Вот как «Виленский Вестник» выразил

общее настроение в день 1 января 1864 года. Указав на бедственное состояние Северо-Западного края в первые четыре месяца 1863 года, газета говорит: «В таком положении были дела, когда наступил май месяц. Тогда наступила новая эпоха. С этого времени принятыми мерами, мерами постоянными, энергичными, мудрыми, умиротворение края, как бы какой-то волшебной силой, подвигалось с неимоверной быстротой. Издан был целый ряд инструкций и циркуляров; порядок, издавна потрясенный в крае, не только ныне восстановлен, но еще упрочен и на будущее время. История оценит распоряжения этого времени, современники же их уже оценили. Результаты этих распоряжений поразительны: в такое непродолжительное время все шайки до тла уничтожены, крамола поправа, коноводов восстания постигло достойное наказание. Новый 1864 год застал наш край уже умиротворенным; воспоминание о прошлом кажется теперь жителям страшным сновидением...»

Так успокоен был Северо-Западный край. Чтобы добиться этого, М. Н. Муравьеву, конечно, нельзя было обойтись без строгости; но меры эти употреблялись лишь против коноводов восстания и лиц, наиболее содействовавших успехам мятежа. К лицам же, случайно или невольно попавшим в банды, Михаил Николаевич, как мы и видели, относился вполне снисходительно. Нельзя также забывать и того, что если бы граф Муравьев не принял быстрых и решительных мер к подавлению восстания, а держался прежней нерешительной политики (с. 37), сколько лишних людей попали бы в банды, следовательно, сколько лишних людей погибло бы.

Сам Михаил Николаевич однажды высказал мысль, что казнью нескольких десятков повстанцев он спас от разорения и смерти сотни тысяч народов,[5] а один современник свидетельствует, что даже и некоторые из поляков разделяли этот взгляд. Указав на то, что поляки вообще не любили Муравьева, названный современник говорит: «С моей же точки зрения он заслуживает еще при жизни памятник на счет самих поляков за то добро, которое он им сделал, энергично и быстро подавивши мятеж. Это я высказывал при случае полякам и полькам и, конечно, пока мятеж еще дышал, мои

слова встречались с негодованием; но потом находились и между поляками люди, соглашавшиеся со мною» [6]. Граф М. Н. Муравьев не располагал долго оставаться в Вильне; он ехал туда только для умирения восстания, поэтому, исполнив возложенное на него поручение, стал просить Государя уволить его от управления краем. На эту просьбу Государь Император отвечал Муравьеву рескриптом от 9 ноября, в котором в самых лестных для подданного выражениях отдавал справедливость его заслугам и просил для пользы Отечества продолжать управление, доколе силы его это позволят. «Ободренный Высочайшим рескриптом», говорит один современник, «граф Муравьев приступил с этой минуты к новой деятельности по устройству края; с этого времени меры, им принимаемые, носят на себе отпечаток прочности и вытесняют меры временные; с этого времени поднято и частью разрешено множество вопросов по отраслям гражданского управления и политического устройства края; с этого времени самая деятельность его получала значение не просто умирения мятежа, а русского народного дела» [7]. Таким образом, с ноября 1863 года начался новый период в управлении краем Муравьева, т.е. эпоха его внутреннего преобразования.

Около полугода граф Муравьев неумоимо трудился в Вильне и успел уже ввести целый ряд весьма важных мер, но затем в апреле 1864 года он возобновил свое ходатайство (с. 38) пред Государем об освобождении его от дел дальнейшего управления западными губерниями. Когда же Государь снова указал ему на необходимость остаться в крае и продолжать управление, Муравьев решился заявить, что он не может принять на себя дальнейшего управления Западным краем, пока не будет утвержден правительством ряд предложенных им мер к водворению в нем русской народности. Государь вполне согласился с Муравьевым и поручил ему составить особую записку. Записка была немедленно составлена, в семидневный срок рассмотрена в комитете министров и затем утверждена Государем. Достигнув таких важных результатов, гр. Муравьев 25 мая 1864 года возвратился в Вильну и деятельно принялся приводить в исполнение все предложенные им меры, причем особенное внимание обратил

на улучшение положения крестьян, на сооружение православных храмов, на улучшение быта православного духовенства, на устройство школ и т.д.

[1] «Виленские очерки (из воспоминаний очевидца)». Русск. стар., т. 40, с. 393–394.

[2] «Виленские ачерки». Русск. старина, т. 40, с. 585.

[3] Цыплов: «Сбор. распоряж. гр. Муравьева», с. 66.

[4] Русск. старина, т. 36, с. 418–420.

[5] Бутковский. Истор. Вестн., т. 14, с. 103.

[6] Ив. Арс. Митропольский: «Повстание в Гродне 1863–1864 гг.». Русск. Арх. 1895 г., № 1, с. 138.

[7] «Виленские очерки». Русск. старина, т. 40, с. 589.

Глава VII

Временно-обязанные крестьяне. – Прекращение обязательных отношений крестьян к помещикам в западных губерниях. – Выкупная операция. – Меры графа Муравьева к обеспечению безземельных крестьян. – Общественное крестьянское управление.

19 февраля 1861 года Император Александр II подписал манифест об уничтожении крепостного права. Вместе с манифестом изданы были «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», т.е. закон о новом устройстве быта крестьян и наделении их землею. Земля однако признана была собственностью помещиков, каковою она и была; поэтому крестьяне за отведенные им наделы обязаны были отбывать в пользу помещиков определенные повинности работою или деньгами и назывались временно обязанными. В таком положении великорусские крестьяне находились

более двадцати лет. Но в девяти западных губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской) обязательные поземельные отношения крестьян к помещикам прекращены были еще в 1863 году. Такое внимание правительства к западно-русским крестьянам объясняется чисто местными условиями. Дело в том, что положение 19 февраля было истолковано здесь (с. 39) превратно, а «уставные» грамоты, в которых точно определялось количество земли, отходящей к крестьянам, и размер повинностей, причитающихся за эту землю помещику, составлены были в высшей степени неправильно. «Манифест 19 февраля 1861 года о прекращении крепостного права», говорит в своих записках граф Муравьев, «по слабости и беспечности начальства, не был даже введен в действие. Крестьяне еще в начале 1863 года во многих местах отправляли барщинную повинность или платили неимоверные оброки там, где была прекращена барщина. Мировые посредники были все избраны из местных польских помещиков и большею частью были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями оного... При составлении же «уставных грамот» отняты у крестьян лучшие земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими их средства; крестьянам объявили, что в этом заключается дарованная Государем милость и свобода, и что ежели они пойдут в мятеж и будут помогать польскому правительству, то отдастся им вся земля даром, и они не будут платить никаких податей; между тем тех крестьян, которые не платили возвышенных оброков, подвергали строгим наказаниям, заключали в тюрьмы, и местное главное начальство, по ходатайству тех мировых посредников и помещиков, посылало войско для усмирения мнимых крестьянских бунтов» [1].

Так польские помещики извращали крестьянскую реформу во всех Западных губерниях, что вполне подтверждается как официальными документами, так и свидетельством многих современников. «По Положению 19 февраля», рассказывает один бывший мировой посредник, «крестьяне Могилевской губернии должны были быть наделены землею в количестве 4? десятин на душу удобной земли. Но польские

мировые посредники, при введении уставных грамот, отводили иногда крестьянам, во-первых, вместо указанной в законе десятины (2400 кв. саж.), местный морг, который был много меньше десятины; а во-вторых, под видом удобной земли, у крестьян в наделе, при проверке, оказывалась всяческая земля – и удобная, состоящая из пашни и лугов, и совершенно никуда негодная и ничего не стоящая земля – из оврагов, дорог, болот и песчаных или каменистых участков и клочков, которые немисливо было удобрять, а следовательно, и что-либо сеять на (с. 40) них. Между тем крестьяне по уставной грамоте обязывались платить полный 9-ти рублевый оброк за эти свои, на половину неудобные, наделы. Предстояло разобратся во всей этой путанице, лжи и документальных обманах и подлогах... Самое количество душ в селениях показано было по уставным грамотам в преувеличенном числе, с тем, конечно, расчетом, чтобы получать больший оброк, а впоследствии – большую выкупную ссуду. От этого недоимки на крестьянах успели уже образоваться весьма значительные, – и Бог весть, чем бы окончилось это систематическое ограбление крестьян в Белоруссии, если бы не «сдурели паны» и не учинили мятежа» [2].

В виду такого бедственного положения западно-русских крестьян еще генерал-губернатор Назимов хлопотал о прекращении обязательных отношений между ними и помещиками, но до польского восстания 1863 г. ходатайства его оставались без всяких результатов. Когда же в Северо-Западном крае появились первые вооруженные банды, Император Александр II указом 1 марта 1863 года повелел немедленно прекратить обязательные отношения крестьян к помещикам и учредить Поверочные Комиссии для рассмотрения состоявших между помещиками и крестьянами сделок.

К счастью и для крестьянства С-З. края и для всей России приведение в исполнение этого благодетельнейшего для крестьянства указа попало в руки М. Н. Муравьева.

Своим острым и ясным умом М. Н. Муравьев скоро постиг величайшую важность того дела, которое пришлось ему совершить. Он прекрасно видел, что для умиротворения края и для поддержания в нем спокойствия в будущем необходимо

поставить крестьян в возможно лучшие экономические условия и возможно больше ограничить влияние на них помещиков. Факты жизни ясно указывали ему, что крестьяне, не имеющие прочной оседлости и не наделенные землей в более или менее достаточных размерах, часто увлекаются ложными обещаниями злонамеренных подстрекателей к участию в беспорядках, тогда как крестьяне, пользующиеся земельными участками, постоянно оставались верными своему долгу, не поддаваясь влиянию возмущавших их против законного правительства мятежников. Проникнутый такими убеждениями, он естественно придавал величайшее значение работам по имевшей совершиться под его руководством выкупной операции (с. 41).

«Обнимая собою все поземельные отношения владельцев к бывшим их крестьянам», говорит Муравьев в одном из своих предложений губернаторам, «выкупная операция имеет своим последствием обеспечение быта крестьян, определяет повинность, соответствующую их средствам, помогает через это народному образованию и вообще способствует устройству края на обновленных началах». Придавая такое важное значение выкупной операции, Муравьев ни в каком случае не мог оставить этого дела в руках прежних мировых посредников — поляков. Для выполнения такой важной меры он пригласил на должности мировых посредников людей русских, которым крестьянство края в значительной степени обязано устройством своего быта. Затем граф Михаил Николаевич с особенным вниманием следил за действиями Поверочных Комиссии и в течение своего двухлетнего управления краем издал для руководства их множество (более 60) всевозможных инструкций, разъяснений, а нередко и весьма существенных дополнений к общим положениям, что вызывалось особенными местными условиями. Так, при самом начале работ Поверочных Комиссий крестьяне часто начали подавать заявления, касающиеся преимущественно следующих предметов: 1) неверного обозначения в составленных при прежних посредниках выкупных актах общего в селении количества земли, 2) совершенного непоказания неудобных земель, 3) отобрания покосов и стеснения в выгонах, 4) невключения в надел земель, бывших в их пользовании, до

обнародования Положений 19 февраля 1861 года, и 5) неправильного исчисления повинностей. Поверочные Комиссии не имели разрешения разбирать эти жалобы и нередко должны были прекращать свои работы. Убедившись в справедливости жалоб крестьян, Муравьев нашел возможным и необходимым «для более успешного хода дела, предоставить Комиссиям право входить в разбирательство жалоб на неправильное составление уставных грамот, постановлять по такого рода делам свои решения и немедленно исправлять все замеченные неточности, предоставляя крестьянам в собственность посредством выкупа все следующие им по Местному Положению земли» [3].

Таким способом графу М. Н. Муравьеву удалось сделать чрезвычайно много для блага крестьян и в значительной степени поднять благосостояние огромной массы их (с. 42).

Во время работ Поверочных Комиссий выяснилось, что многим из бывших помещичьих крестьян грозит опасность остаться безземельными. Так, у некоторых из крестьян отобраны были помещиками находившиеся в их пользовании земельные участки уже после обнародования Положения 19 февраля 1861 года. Еще более оказалось таких крестьян, у которых отобраны были помещиками земельные их участки после составления инвентарей и особенно в период времени между 19 февраля 1861 года и 20 ноября 1857 года, когда дворянство края всеподданнейше заявило о благих намерениях своих устроить быт поселенных на их землях крестьян на лучших, чем прежде, основаниях. К этим же оставшимся без земельных наделов следовало отнести и довольно многочисленный класс вольных людей, в состав которых входили бывшие крепостные, освободившиеся от крепостной зависимости как до 20 ноября 1857 года, так и после этого срока до 19 февраля 1861 года. Наконец, сюда же относились обезземеленные крестьяне, бывшие лесными сторожами.

М. Н. Муравьев сделал все возможное, чтобы дать им хоть небольшие наделы. «Водворение крестьян, лишенных своих участков и ничем ровно не обеспеченных я признаю», говорит он в циркуляре 17 августа 1863 года, «совершенно необходимо для умиротворения края и отнятия на будущее время

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

у крамольников возможности, пользуясь стесненным положением безземельных крестьян, привлекать их на свою сторону». Соответственно этому в тех случаях, когда земля, неправильно отобранная у крестьян помещиками, оставалась незанятой, она поступала в надел обездоленных в размерах, определенных Положением; когда же этого сделать было нельзя, им отводимы были наделы в размерах 3 десятин. Получили обратно свои наделы в значительных размерах и те крестьяне, которые были лесными сторожами. Что касается вольных людей, то те из них, которые переведены в это сословие из бывших крепостных после 20 ноября 1857 года, сравнены были с крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, во всех правах как личных – по имуществу, по состоянию, так и по поземельному устройству и общественному управлению, если только сами они не хотели причисляться в другое звание; причисленным же в это сословие прежде 20 ноября 1857 года облегчена возможность выкупа тех участков, которыми они владели по договорам с владельцами, и обеспечено спокойное (с. 43) пользование этими участками впредь до окончания срока установленных между ними и владельцами договоров.

Изложенными мерами графу М. Н. Муравьеву удалось в значительной степени уменьшить число безземельных крестьян. Но за всем тем оказалось не малое число таких безземельных крестьян, на которых установленные законом правила не могли быть распространены. Это были так называемые батраки и кутники. М. Н. Муравьев, желая хоть сколько-нибудь обеспечить и этих бедняков, предложил губернаторам «обратить внимание гг. Мировых посредников и членов Поверочных Комиссий на положение батраков и кутников, и просить их, при всяком удобном случае, разъяснять крестьянам и склонять их к облегчению положения сих людей предоставлением им, на праве выкупа, земли для устройства усадьбы с огородом, отнюдь не допуская каких-либо понудительных к сему мер» [4].

Вместе с освобождением от крепостной зависимости крестьяне получили свое особое общественное управление: каждое сельское общество, или мир, решает свои домашние дела на сельском сходе; исполнителем этих решений является выбранный миром (на 3 года) староста; из нескольких

сельских обществ составляет волость, делами которой заведует волостное правление с волостным старшиной и волостным писарем во главе; при волостном правлении находится волостной суд. Это общественное крестьянское управление введено было своевременно и в Западной России, но оно получило здесь совершенно особый характер. «Из замечаний членов Поверочных Комиссий», свидетельствует один официальный документ, «сделанный ими во время объезда волостей... оказывается, что под влиянием бывших мировых учреждений, общественное крестьянское управление находилось в самых неблагоприятных условиях: права крестьян, дарованные им Положениями 19 февраля 1861 года, оставались им почти неизвестны; вследствие сего волостные старшины, назначенные по большей части по настоянию помещиков и бывших мировых посредников, в видах ограждения их личных интересов и стеснения самостоятельности крестьян, распоряжались самоуправно, под руководством их или поставленных от них писарей, общественными делами, а волостные и сельские сходы (с. 44) не имели надлежащего значения; сельские старосты были по преимуществу нарядчиками на господские работы и ограничивались надзором за их исправностью; крестьяне, по распоряжению своих должностных лиц, поддерживаемых помещиками, подвергались телесным наказаниям в совершенно произвольном размере; о волостном суде крестьяне не имели и понятия; дела спорные между крестьянами решались старшинами или волостными писарями, а судьи прикладывали только свои печати к решению, записываемому в книгу приговоров волостного схода; часто также крестьяне теряли время и несли напрасные издержки, обращаясь в своих спорах в общие присутственные места» [5]. Против такого нарушения помещиками прав крестьян, дарованных Положениями, Муравьев принял самые решительные меры и издал по этому поводу целый ряд распоряжений. Так, он неоднократно предлагает мировым посредникам разъяснять крестьянам их права и значение крестьянского самоуправления [6], предписывает устранять неблагонадежных волостных писарей [7], торопить губернаторов «без всякого замедления» произвести

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

в сельских обществах новые выборы волостных старшин и сельских старост[8] и т.д., при чем особенно настаивает, чтобы выборы произведены были без всякого влияния помещиков и дворовых управлений.

Такая благотворная деятельность Муравьева по устройству быта крестьян «на прочных и незыблемых началах», естественно, возбуждала в крестьянах чувства глубочайшей верноподданнической преданности к Государю Благодетелю и глубочайшей благодарности к графу Муравьеву, исполнителю воли Государевой. Михаил Николаевич не раз имел возможность убедиться в этом. «Отовсюду», говорит он в своих записках, «я получал от крестьян депутации с благодарственными адресами; везде крестьяне молились торжественно за Государя, даровавшего им свободу, присылали адреса и устраивали часовни и образа во имя Александра Невского, словом, всеобщее было торжество (с. 45) крестьян, которые вполне передались на сторону правительства и нелицемерно благодарили Государя за все оказанные милости». Император Александр II в свою очередь, вполне оценил верность западно-русских крестьян. Так, в Двинске он «очень благодарил» казаков сельской стражи и сказал им: «Когда вы возвратитесь в свои дома, то скажите вашим отцам, что я и их благодарю за вашу верную и усердную службу», а в Вильне 8 июля 1864 года обратился к крестьянской депутации со следующими знаменательными словами: «Я для вас сделал все, что мог; благодарю вас за вашу верность. Повинуйтесь поставленным над вами властям и исполняйте повинности, установленные для вас Положением. Этим вы докажете мне вашу благодарность за все дарованные вам права и льготы» [9].

[1] Русс. старина, т. 36, с. 409–410.

[2] И. Н. Захарьин: «Воспоминания о Белоруссии». Истор. Вест., т. 160, с. 68.

[3] Циркул. предпис. Глав. Нач. края Начальникам губерний от 14 августа 1863 г.

[4] Циркул. предпис. Главн. Нач. Края гг. Начальникам губерний от 11 марта 1865 года.

[5] Журнал Гродненского губернского по крестьянск. делам присутствия от 8 августа 1863 года.

[6] Циркулярное предложение Главного Начальника края от 8 августа 1863г., 15марта 1864г., 13 февраля, 10 и 11 марта 1865 г.

[7] Циркул. от 23 июня 1863 г .

[8] Циркул. от 15 октября 1864 г .

[9] Виленский Вестник 1864 г ., № 83.

Глава VIII

Заботы графа Муравьева о построении православных церквей. – Судьба древних виленских церквей. – Восстановление Пречистенского собора. – Восстановление Пятницкой церкви. – Возобновление Николаевской церкви. – Виленские часовни. – Пожертвования. – Православное духовенство во время польского восстания 1863 г. – Заботы графа Муравьева об улучшении быта православного духовенства. – Заботы графа Муравьева о народном образовании.

До приезда графа Муравьева в Вильну в 1863 г. православные храмы в Северо-Западном крае находились в самом бедственном состоянии, а во многих селах для православных крестьян и совсем не было храмов. На последнее обстоятельство обратил внимание еще Император Николай I и в 1852 г. повелел обязать помещиков выстроить для своих крестьян новые храмы, где таковых не имелось, и исправить старые [1]. Желая побудить помещиков в точности выполнить это Высочайшее повеление, Муравьев обратился с предложением ко всем губернаторам Северо-Западного края доставить ему «в самом непродолжительном времени подробные сведения

о том, в какой степени была исполнена Высочайшая воля, по каждой церкви особо, и представить ему свои заключения с (с.46) изложением самих причин замедления, буде таковые оказались при исполнении Высочайшего повеления, и кто в том виновен» [2]. В то же время деятельный начальник края с необыкновенным усердием и сам принялся за сооружение православных храмов. Ассигновав на этот предмет весьма значительные суммы, он разослал губернаторам более 70 предложений о сооружении новых и об исправлении старых церквей и следить за выполнением этих предложений с особенным вниманием. Повсюду закипела работа: в губернских городах, в уездных, в местечках, в селах; в одном месте строили новую церковь, в другом исправляли старую, в третьем переделывали в церковь закрытый костел и т.д. «Архитекторы Резанов и Чагин», говорит один современник, «не успевали рассматривать проектов, поступающих из уездов». Трудно теперь перечислить все построенные тогда храмы, но можно с полной справедливостью сказать, что после двухлетнего пребывания графа Муравьева в Северо-Западном крае, там не осталось уголка, где бы более или менее значительное число православных не имели своей церкви.

Наибольшее внимание граф Муравьев обратил на Вильну. Этот город, служивший некогда столицей обширного Литовско-Русского государства, еще в начале XVI века жил чисто русскою жизнью. Русские составляли здесь большинство населения и занимали большую и лучшую часть города. Неудивительно поэтому, что Вильна славилась тогда как великолепием, так и многочисленностью своих православных церквей. Тут был знаменитый Пречистенский собор, при котором долго жили митрополиты, Николаевская церковь, Пятницкая, Троицкий монастырь и много других. По свидетельству вполне достоверных источников, в Вильне в начале XVI века было 14 православных церквей [3], но с течением времени церкви эти, под давлением католичества, пришли в полное запустение, а от многих из них не осталось и следа. Вот что, например, пришлось пережить Пречистенскому собору. Основанный по преданию в XIV в. великим князем Литовским Ольгердом, он тогда же был освящен святителем Алексием во имя Успения Пречистой Девы Марии

и усвоил два названия: Успенский и Пречистенский. С 1416 г. при нем жили западно-русские православные митрополиты и он считался кафедральным (с. 47) собором для всего государства. В 1609 г. его забрали униаты. С тех пор бывшая кафедра православных митрополитов стала клониться к постепенному запустению, а огромный пожар в 1748 г., уничтоживший палаты митрополита, сильно повредил собор внутри и снаружи. В 1785 г. униатский митрополит Юноша-Смогорневский возобновил Пречистенский собор, но уже с латино-униатской архитектурой, без купола и башен. В 1795 г., с упразднением униатской митрополии в России, закрылась и митрополичья кафедра, а в начале настоящего столетия, по ходатайству князя Адама Чарторыйского, бывшего тогда попечителем Виленского учебного округа, собор отдан был Виленскому университету, который обратил его в анатомический театр и ветеринарную клинику. В таком постыдном унижении Пречистенский собор находился до 1863 г. Граф Муравьев, заботившийся вообще о поднятии православия в крае, особенное внимание обратил на эту древнюю православную святыню и решил ее восстановить. 22 октября 1864 г. он издал распоряжение о возобновлении Пречистенского собора и на первые расходы ассигновал 25 тысяч рублей, а затем открыл, с Высочайшего разрешения, по всей России подписку. Закончено было возобновление древнего храма в 1868 г., уже по смерти Муравьева.

С такой же заботливостью отнесся М. Н. Муравьев к возобновлению другой Виленской церкви – Святой Параскевы, или Пятницкой, судьба которой вполне напоминает судьбу Пречистенского собора. Основанная в XIV в., она сначала была придворной церковью, потом попала в руки униатов, несколько раз подвергалась пожарам и к 1863 г. представляла развалины, которые служили местом склада нечистот. Между прочим, в этой церкви по преданию Петр Великий слушал литургию и совершал благодарственное молебствие по случаю одержания победы над шведами; здесь же Петр крестил Аннибала, деда поэта Пушкина. Возобновление Пятницкой церкви закончено было в 1865 г.

Третья древняя виленская церковь в честь перенесения мощей Святого Николая Чудотворца была возобновлена при следующих

обстоятельствах. В конце 1863 г. русское население Вильны предположило, в благодарность графу М. Н. Муравьеву за умиротворение края и водворение в нем русских начал, соорудить храм во имя св. Михаила архангела, но Муравьев отклонил это и выразил желание, чтобы жертвуемые на сооружение храма суммы были обращены на восстановление и обновление (с. 48) церкви Святого Николая. Открытая затем подписка доставила сбор в 82 431 руб., но при этом жертвователи пожелали, одновременно с реставрированием церкви, устроить при ней часовню во имя Архистратига Михаила. После расчистки места и сломки выкупленных домов, заслонявших церковь, древнейшая русская святыня восстановлена по проекту известного архитектора А. И. Резанова и освящена в 1865 г. Тому же зодчему принадлежит и проект при церкви часовни, которая была освящена 8 ноября 1869 г.

Кроме восстановления древних виленских святынь, граф М. Н. Муравьев устроил еще новый иконостас в Николаевском кафедральном соборе, на что исходатайствовал 80 тысяч руб., а потом переделал и наружный вид этого храма. «Много памятников, живо возглашающих его имя, оставил граф Муравьев в Вильне и по всему Северо-Западному краю», сказал Виленский архиепископ Иероним при освящении закладки памятника графу Муравьеву в Вильне: «Пойдем в кафедральный собор, кто пересоздал этот храм? – граф Муравьев; посетим Пречистенский собор и храмы Пятницкий и Николаевский, кто воссоздал их? – граф Муравьев; зайдем в Свято-Духов и Троицкий монастыри, какие и от кого у них средства к существованию? – от графа Муравьева; кому обязаны своим вполне приличным помещением рассадники духовного просвещения – семинария, духовные мужское и женское училища и все учебные заведения Министерства народного образования? – ему же, графу Муравьеву; кто положил начала обители женской и дал средства к ее существованию? – он же, граф Муравьев. Вне Вильны, в пределах епархии Литовской, сколько есть живых памятников – сельских церквей, возобновленных и устроенных графом Муравьевым».

К числу таких памятников, оставленных графом Муравьевым, относятся еще две виленские часовни – Александровская и Георгиевская. Первая из них – Александровская, находится

на Георгиевской площади в Вильне. Она сооружена в 1865 г. на добровольные пожертвования городских обществ Северо-Западного края в воспоминание доблестных подвигов русских воинов и для поминовения тех из них, которые пали на поле брани, защищая права России и законного правительства против мятежа и крамолы. Часовня представляет собою выдающееся архитектурное произведение русско-византийского стиля (с. 49).

Вторая часовня – Георгиевская находится на виленском православном кладбище. При погребении русских воинов, павших в окрестностях Вильны в битвах с польскими мятежниками, возникла мысль увековечить память погибших устройством на их могилах часовни-памятника. На суммы, пожертвованные Государыней Императрицей Марией Александровной и ее Августейшими детьми, а также собранные по подписке и была устроена Георгиевская часовня. Подобно Александровской, и эта часовня представляет вполне художественное произведение византийского стиля. Она поставлена на гранитном пьедестале; на трех наружных сторонах ее, среди колонн, вделаны большие мраморные доски, на которых увековечены имена павших и здесь погребенных воинов. Внутри часовни помещена икона св. Георгия, писанная академиком Тихообразовым. Георгиевская часовня была освящена 25 августа 1865 г.

Одновременно с сооружением в Северо-Западном крае церквей, сюда стали присылать со всех концов России пожертвования церковной утварью, иконами и богослужебными книгами. Пожертвования эти были весьма значительны. По свидетельству «Литовских епархиальных ведомостей», в 1863 г. в одну только Литовскую епархию прислано было разных церковных вещей на 60 тысяч рублей [4]. В то же время сам граф Муравьев позаботился о высылке во все приходы северо-западных губерний крестиков для новокрещенных младенцев. «Желая содействовать», писал он Литовскому митрополиту Иосифу, «восстановлению между здешним православным сельским населением общепринятого издревле во всей России обычая носить на груди и возлагать при крещении на младенцев наперстные кресты, я уже сделал

распоряжение о приобретении для сей цели нескольких сот тысяч простых крестиков из меди и латуни, а также о доставлении мне из С.-Петербурга и Москвы 25 тысяч мельхиоровых крестиков» [5]. В этом деле приняла участие и Государыня Императрица Мария Александровна. Она, со своей стороны, пожаловала в каждый из приходов четырех западных епархий по одному наперстному серебряному кресту, а великая княгиня Александра Петровна пожертвовала 1000 вызолоченных крестиков. Литовский митрополит Иосиф, тронутый таким сочувствием русского общества к бедному населению Северо-Западного края, предписал духовенству (с. 50) разъяснить прихожанам важное значение этих жертв, как выражающих сочувствие к ним со стороны единоверных и единокровных православных братьев, в том числе самого Государя Императора и всего Царствующаго дома.

Забываясь о построении православных церквей, граф М. Н. Муравьев всеми средствами старался улучшить и быт православного духовенства, которое всегда стояло на страже православия и русской народности.

Еще до начала открытого возстания в 1861 г. поляки начали распространять мятежные воззвания между православными людьми, желая склонить их на свою сторону. Тогда Литовский митрополит Иосиф обратился к духовенству с следующим замечательным наставлением: «Эти воззвания и внушения сколько дерзки, столько же и невежественны. Нам указывают на Польшу, но какое нам дело до Польши? Мы русские, дети бесчисленной русской семьи, потомки Св. Владимира, мы родились в России, присягали на верность Русскому Царю. Нас страшат поляками! Не потому ли, чтобы напомнить нам вековые страдания наших отцов, присоединившихся было доверчиво вместе с Литвой к Польше? Нам указывают на униатскую веру! Как будто была или даже могла быть униатская вера? Не была ли уния лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от искони православной церкви? Не была ли эта несчастная уния орудием тяжких терзаний и гонений в течение трехсот лет, пока мы, потомки гонимых, не обрели, наконец, тихого пристанища на лоне России и своей матери православной

церкви». В заключение знаменитый архипастырь внушает православному духовенству блюсти в настоящее время с особенным старанием вверенные ему паствы. И надо отдать справедливость, духовенство с честью исполнило долг пастырей русского православного народа. В «Литовских епархиальных ведомостях» за 1863 г. существовал особый отдел: «Страдания православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников», из которого видно, что повстанцы разными средствами принуждали священников к присяге своему мнимому правительству, грабили их, подвергали всевозможным унижениям и оскорблениям, а трех достойных пастырей, Прокоповича, Ропецкого и Конопасевича даже повесили, но ни один православный священник во все время восстания не изменил своему долгу.

Граф М. Н. Муравьев вполне оценил самоотверженную деятельность православного духовенства и принял все меры (с. 51) к улучшению его быта. С этой целью он исходатайствовал для духовенства северо-западных губерний 400 тысяч руб. ежегодной прибавки к его жалованию, что весьма значительно увеличило содержание священников, как городских, так и сельских. Первые стали получать до 400 руб. в год, а вторые не менее 220 руб., между тем как прежде некоторые из них получали по 80 руб. в год. Затем граф Муравьев обратил внимание на церковные земли, имеющие такое важное значение в жизни сельского духовенства. «До сведения моего дошло, — пишет он в одном циркуляре, — что церковные земли православных причтов, а нередко и самые усадьбы, находятся далеко от церквей, так что священно- и церковнослужители вынуждены бывают ездить туда за несколько верст. Имея в виду, что, кроме неудобства, подобные отводы земель делались с умыслом польскими помещиками во вред православию, и обращая на это внимание В. П., покорно прошу немедленно распорядиться, по приведении всего вышеизложенного в известность, если по каким-либо причинам не может вся земля быть прирезана близ церквей, то во всяком случае усадьба, с некоторым количеством огородов для священно- и церковнослужителей, должна быть непременно отведена близ самых храмов» [6]. Вследствие этого

распоряжения земельные угодия православного духовенства значительно улучшились. Наконец, граф Муравьев охотно давал средства на улучшение духовных учебных заведений, как мужских, так и женских. Все эти меры не только улучшили материальное положение православного духовенства, но и способствовали подъему его духа.

Заслуги графа М. Н. Муравьева пред Россией по распространению образования в Северо-Западном крае в русском духе поистине громадны.

Никто не будет отрицать, что и до 1863–1865 гг. не было сделано усилий к тому, чтобы дать школе Северо-Западного края русский характер. Об этом думали многие и кое-что было сделано в этом направлении. Но до Муравьева в распоряжении школы не было наиболее сильного средства воздействовать на учащихся в русском смысле. Литовский святитель Иосиф еще в 1830 г. указывал на это средство. Непременно, писал он, нужно наполнить светские училища одно за другим русскими (с. 52) учителями, а между тем распорядиться, дабы обучающиеся в ведомстве Виленского университета не могли быть учителями, разве продолжая некоторое время учение в русских университетах. Но это глубоко верное замечание по разным причинам осталось в свое время без исполнения, и школа Северо-Западного края, по преобладанию в преподавательском ее составе поляков, оставалась польскою. При М. Н. Муравьеве личный состав преподавателей во всех ученых заведениях края радикально изменился: место поляков заняли в училищах русские. Мера эта, имевшая огромное значение в деле воспитания здешнего юношества, требовала, само собой понятно, притока в школы весьма значительного числа способных, знающих, деятельных и вполне благонадежных кандидатов. И таких кандидатов М. Н. Муравьев нашел достаточное количество. Назначением 50 % дополнительного жалованья к получаемым учителями окладам, назначением двойных прогонов и полугодовых окладов для русских преподавателей, вызванных из русских губерний, устранены были затруднения к приисканию новых учителей, и учебный 1864–1865 г. мог начаться при возобновленном чисто русском составе. Вместе

с этой капитальной мерой приняты были и другие, направленные к той же цели. Как известно, в первой половине года масса учащихся р.-католического исповедания с учителями и законоучителями-ксендзами в некоторых местах оставили учебные заведения, чтобы примкнуть к мятежным шайкам. Большинство их не вернулось в учебные заведения, и ряды обучающихся р.-к. исповедания сильно поредели. Ряды эти стали пополняться преимущественно православными, детьми лиц прав. исповедания, как прибывших в край на службу, так и местных уроженцев. М. Н. Муравьев со своей стороны горячо желал увеличения количества православных в учебных заведениях и, имея в виду, что многие родители нуждаются в средствах дать воспитание своим детям, в 1864 г. передал в распоряжение Попечителя округа 5000 руб. для раздачи беднейшим ученикам прав. исповедания, обучающимся в гимназиях и уездных училищах округа. С началом 1863—1864 уч. гг. не только было прекращено преподавание польского языка в русских учебных заведениях, но и Закон Божий р.-кат. исповедания ксендзы обязаны были начать преподавать по-русски. Место исчезнувшего из заведения польского языка занял язык русский, который и стал обыкновенным разговорным языком всех учащихся без различия вероисповеданий (с. 53). Благодаря этим и другим такого же рода мерам, учебные заведения вышли из прежнего фальшивого положения и стали на твердую русскую почву, а православные ученики, усилившиеся теперь в числе, вышли из прежнего страдальческого положения и поднялись нравственно.

В ряду учебных заведений обращали на себя особенное внимание М. Н. Муравьева низшие училища, стоящие в ближайших отношениях к народу. Города Северо-Западного края всегда служили центрами, из которых распространялась по уездам польская пропаганда. Поэтому распространение в городах русской грамотности и образования в русском духе было делом первой необходимости и, по мысли М. Н. Муравьева, приходские училища в городах в 1864 г. были преобразованы, причем в губерниях Виленской, Гродненской и Минской значительно увеличены штаты училищ и оклады содержания наставников, и на эти должности определены нарочно вызванные из внутренних губерний воспитанники православных семинарий.

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В Вильне вместо бывших трех приходских училищ с весьма малым числом учеников (52 в конце 1863 г.) открыто шесть приходских училищ, на ежегодное содержание которых к прежде отпускавшимся 4059 руб. добавлено 6411 руб. На подобные же училища в губернских городах Минске, Гродне и Ковне и в уездных городах и местечках Виленской, Минской и Гродненской губерний добавлено на годовое содержание 15 516 руб. В 1864 г. добавочные суммы на содержание училищ отпущены из денег, имевшихся в распоряжении М. Н. Муравьева; обязанность содержать эти училища возложена на городское управление.

Количество народных школ увеличивалось очень быстро. К 1 января 1863 г. их считалось 101; к 1 января 1865 г. в ведении Управления округа в губерниях Виленской, Гродненской и Минской было 329 народных с 14 384 учащихся. Чтобы облегчить крестьянам устройство помещений для этих училищ, М. Н. Муравьев по соглашению с министром Государственных Имуществ разрешил 16 октября 1863 г. даровой отпуск строевого леса из казенных дач по 360 корней и 62 жерди на каждое училище. Чтобы облегчить крестьянам тяжесть расходов по устройству училищ, заботливый генерал-губернатор 2 декабря 1863 г. отпустил в распоряжение попечителя округа 25 000 руб. В 1864 г. М. Н. Муравьев разослал более миллиона крестиков для безвозмездной раздачи (с. 54) православным крестьянам и более 70 000 икон и картин священного содержания для раздачи народу и учащимся. А чтобы упрочить положение училищ в денежном отношении без обременения крестьян и на будущее время, он в конце 1864 г. предложил начальникам губерний распорядиться, чтобы мировые посредники, каждый в своем участке, внушали крестьянам-собственникам постановлять приговоры об ежегодном взносе на содержание училищ по 1–2 коп. с каждой десятины удобной земли.

Для новых училищ нужны были добросовестные, благонадежные в русском смысле наставники. Таких наставников новых школ дал в возможном числе приснопамятный митрополит Иосиф в лице членов церковных причтов, а остальные места заняли приглашенные из внутренней

России воспитанники духовных семинарий. А чтобы училища на будущее время не чувствовали недостатка в хорошо подготовленных учителях, 3 ноября 1864 г. открыта в м. Молодечне учительская семинария.

Всячески содействуя умножению народных училищ, М. Н. Муравьев с особенной энергией добивался того, чтобы народ получал образование непременно в русском духе. В этом отношении особенно замечателен его циркуляр 1 января 1864 г. Он поручает начальникам шести губерний края «предписать немедленно всем уездным начальникам, а также уездным и городским полициям и в особенности мировым посредникам зорко наблюдать, дабы, кроме православного духовенства, никто не занимался обучением крестьян без предварительного получения на то дозволения от училищного начальства; равным образом, чтобы ни под каким видом и ни в каких сельских училищах не был преподаваем польский язык, а в тех местностях, где находятся православные крестьяне, отнюдь они не были бы обучаемы польскому катехизису. Всем поименованным выше властям поставить в неперемennую обязанность, чтобы они не допускали распространения между сельским населением польских букварей и иных учебных книг на польском языке, издаваемых большею частию в духе и с целью возбудить народ против правительства, и если окажется, что помещик, его уполномоченный, или его дворовое управление снабжают крестьян польскими учебниками и распространяют между православными польские катехизисы, то таковых помещиков облагать штрафом от 200 до 600 руб., смотря по величине имения; учителей же подвергать штрафу (с. 55) в 100 руб. и затем брать их под арест для дальнейших распоряжений. Равным образом, если окажется, что католические ксендзы будут заниматься распространением польской грамотности между крестьянами, то таких ксендзов облагать удвоенным штрафом против установленного для учителей, а с тех ксендзов, которые будут обучать православных крестьян польскому катехизису, взыскивать штраф в 300 руб. и, подвергая их аресту, доносить мне о них для дальнейшего распоряжения».

Одновременно с улучшением положения христианских приходских училищ приняты были меры и к открытию училищ для

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

евреев. Вместо бывших в Ковне и Вильне двух перворазрядных училищ, в январе 1864 г. открыты были в Ковне три, а в Вильне 8 двухклассных училищ. На содержание этих училищ в дополнение к отпускавшимся на этот предмет суммам Главным Начальником края прибавлено 9664 р. Через год М. Н. Муравьев счел нужным предложить Виленскому губернатору: 1) строго наблюдать, чтобы все еврейские мальчики непременно обучались в устроенных для того школах и с тех, которые не будут посылать своих детей учиться, взимать штраф; 2) возложить на депутатов еврейского общества и раввинов, чтобы они наблюдали за исполнением родителями обязанности обучать своих детей русскому языку.

Сказанным далеко не исчерпывается все, что сделано графом М. Н. Муравьевым, но и сказанного достаточно, чтобы показать, как много сделал доброго в этой области М. Н. Муравьев в течение двух лет пребывания в крае.

Нужно, впрочем, прибавить, что сотрудниками М. Н. Муравьева были такие лица, как князь А. П. Ширинский-Шихматов и И. П. Корнилов. Без их содействия и усиленных трудов и М. Н. Муравьеву не удалось бы сделать многого из того, что он сделал в области народного образования (с. 56).

[1] Отзыв Минист. внутр. дел от 17 июня 1852 г .

[2] Циркул. Муравьева от 12 ноября 1864 г .

[3] Проф. В. Г. Васильевский: «История города Вильна».

[4] «Литовские епархиальные вед.» за 1864 г., с. 519.

[5] «Виленский Вестник», № 16 за 1864 г.

[6] Циркул. от 10 октября 1864 г.

Глава IX

Значение деятельности графа Муравьева. – Отношение к графу Муравьеву Императора Александра II. – Отношение к графу Муравьеву русского общества. – Отставка и смерть графа Муравьева.

Граф Михаил Николаевич Муравьев в свое двухлетнее управление Северо-Западным краем сослужил великую службу Царю и Отечеству. Он усмирил польский мятеж, обессилил польский элемент в крае, на который поляки предъявляли свои неосновательные притязания, водворил в нем русские начала и поддержал там православие. По своей дальновидности и опытности этот истинно русский государственный человек не оставил ни одной отрасли управления в Белоруссии и Литве без преобразования в духе, отвечающем интересам Русского государства и православной церкви. И все, что им сделано, начиная с проведения крестьянской реформы, этого краеугольного камня по водворению в крае русской народности, сделано прочно, и прочно настолько, что последовавшие затем некоторые изменения в управлении Северо-Западным краем, не могли поколебать ни общего направления дел, ни частных его. «В короткое, только двухлетнее, управление краем», говорит один из бывших мировых посредников, «граф Муравьев сослужил великую службу России и местному угнетенному народу, сослужил потому, что, сверх качеств своего характера и ума, сверх жизненной и государственной опытности, обладал высоким сознанием своего долга по отношению к Отечеству и, смело скажу, даже по отношению к упомянутому народу» [1].

Император Александр II, назначив графа Муравьева главным начальником шести северо-западных губерний, всегда утверждал предлагаемые им меры и выражал полное одобрение его системе управления. «Мне приятно объявить вам», пишет Государь Муравьеву в своем рескрипте от 3 августа 1863 г., «мою особую искреннюю признательность за вашу добрую и полезную службу Мне и России в нынешнее многотрудное время. Отдаю полную справедливость вашему

самоотвержению и вашему (с. 57) умению вести дело, за которое вы взялись. Желаю вам здоровья и надеюсь, что Бог поможет вам скоро довершить умиротворение вверенного вам края» [2]. «Из письма вашего от 3 числа сего августа», пишет Государь в другом рескрипте от 9 ноября 1863 г., «я усматриваю, что дело умиротворения вверенного управлению вашему края быстро приближается к окончанию. Благодаря вашему верному взгляду, вашей распорядительности, настойчивости и неутомимой деятельности при исполнении предначертанного вами себе плана, это дело с самого вступления вашего на то трудное поприще, на которое вас призвало Мое к вам доверие, ни на одно мгновение не останавливалось на пути к цели и не уклонилось от этого пути». Выразив далее сожаление по поводу просьбы Муравьева об освобождении его вследствие расстроенного здоровья, от лежащих на нем обязанностей, Государь говорит: «Соболезную вам, но вместе с тем полагаюсь на самоотвержение ваше и на испытанную преданность Мне и России. Надеюсь, что эти чувства поддержат ваши силы и позволят вам, хотя бы еще на некоторое время, удержать за собою управление вверенным вам краем. Чем долее вы это будете признавать возможным, тем более принесете вы прочной пользы России и тем более приобретете право на Мою искреннюю и неизменную к вам признательность» [3]. Кроме того, Император Александр II 30 августа 1863 г., в день своего тезоименитства, пожаловал Муравьеву орден Андрея Первозванного, а 8 июля 1864 г., во время посещения Вильны, выразил ему особое благоволение. Подъехав на смотр к Пермскому пехотному полку, Государь стал перед ним, командовал «на караул» и, отдавая честь графу Муравьеву, поздравил его шефом этого полка. Наконец, 17 апреля 1865 г., при увольнении Муравьева от должности главного начальника Северо-Западного края, Государь возвел его в графское достоинство. При этом Михаил Николаевич Муравьев получил следующий милостивый рескрипт, который прекрасно характеризует его многотрудную и в высшей степени полезную деятельность в Северо-Западном крае: «Граф Михаил Николаевич! Я призвал вас к управлению северо-западными губерниями в то трудное время, когда вероломный мятеж,

вспыхнувший в Царстве Польском, распространялся в их пределах и уже успел поколебать в них основные начала правительственного и гражданского порядка (с. 58). Несмотря на расстройство вашего здоровья, вследствие которого, незадолго пред тем, Я должен был снизойти на просьбу вашу об увольнении вас от одновременного управления министерством Государственных Имуществ, департаментом уделов и межевым корпусом, вы с примерным самоотвержением приняли на себя вверяемые Мною вам новые обязанности, и при исполнении их оправдали в полной мере Мои ожидания. Мятеж подавлен; сила правительственной власти восстановлена; общественное спокойствие водворено и обеспечено рядом мер, принятых с свойственными вам неутомимою деятельностью, распорядительностью, знание местных условий и непоколебимою твердостью. Вы обратили внимание на все отрасли управления во вверенном вам крае. Вы осуществили и упрочили предначертанное Мною преобразование быта крестьянского населения, в огромном большинстве верного своему долгу и ныне снова ознаменовавшего глубокое сознание древнего и неразрывного единства Западного края с Россией. Вы озаботились улучшением быта православного духовенства, восстановили в народной памяти вековые святыни православия, содействовали устройству и украшению православных храмов и, вместе с умножением числа народных училищ, положили начала преобразования их в духе православия и русской народности. Подвиги ваши вполне Мною оценены и приобрели вам то всеобщее сочувствие, которое столько раз и с разных сторон вам было засвидетельствовано. К крайнему Моему прискорбию, ваши непрерывные и усиленные занятия еще более расстроили здоровье ваше, и вы снова заявили Мне о невозможности долее исполнять лежащие на вас многотрудные обязанности. Снисходя к желанию вашему и с сожалением увольняя вас от занимаемых вами должностей и званий, кроме звания члена Государственного Совета, Я вместе с тем, в ознаменование Моей к вам признательности и в увековечение памяти о заслугах ваших пред Престолом и отечеством, указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, возвел вас, с нисходящим потомством, в графское Российской империи достоинство».

У графа М. Н. Муравьева, как и у всех выдающихся государственных мужей, поставленных стечением обстоятельств в условия широкой деятельности, было немало врагов. Обвиняли его главным образом в том, что он был жесток и без всякой пощады расстреливал и вешал мятежников. Но справедливо ли это обвинение? На этот вопрос мы ответим словами известного писателя В. В. Комарова, сказанными им в прошлом (с. 59) году. Мнение этого почтенного деятеля особенно важно в виду того обстоятельства, что он во время польского восстания сам служил в Западном крае, был свидетелем и очевидцем происходивших там событий и, конечно, лучше других может разъяснить их, в особенности по истечении такого продолжительного времени, когда можно было совершенно спокойно все взвесить, обдумать и обсудить. «Теперь», говорит г. Комаров, «когда этот край, вследствие двухлетнего пребывания тут М. Н. Муравьева, уже 35 лет наслаждается спокойствием, мирно и спокойно живет и богатеет, трудно даже представить, что было в 1863 г. С началом 1863 г. на всем пространстве Западного края, от Варты и до Днепра, появились вооруженные банды мятежников. С чего они начали? Они начали с того, что вырезали несколько десятков безмятежно спавших русских солдат! Они продолжали невероятными по дерзости и нахальству предприятиями. Они бросились под Семятичами на спокойно стоявшее русское войско. Они думали, что могут взять крепость Динабург и готовились напасть на нее! Они появились в глубине Могилевской губернии и напали на Горки! При этом на всем пространстве края они водворили невыносимый террор, угрожая смертью и повешением русских и православных людей. По официальным, точно зарегистрированным данным, в 1863 году, истязав, замучили и повесили в одном Северо-Западном крае свыше 850 русских жителей и солдат! Что же было делать власти? Должна ли она обороняться? Что значит при таком состоянии края 200 или 300 казненных решениями военных судов мятежников, поднявших оружие против Государя и против русского народа? Или нельзя было расстрелять магната-графа, который забылся до того, что с вооруженною бандою шел в Динабург? Или нельзя было расстрелять ксендза фанатика,

взятого во главе банды с оружием в руках? Или во имя правды можно было мятежникам истязать, жечь живыми на огне и потом вешать православных священников – мучеников за русское дело и правду, а во имя той же правды нельзя казнить мятежного ксендза?»

«Дело не в том, что расстреливали и вешали, но в том, при каких обстоятельствах расстреливали и вешали. Как свидетель и очевидец этих событий, как сознательный деятель этого времени, скажу вам, что русская власть в 1863 г., в руках Михаила Николаевича Муравьева, была только на высоте своей задачи, это была власть строгая, но глубоко справедливая (с. 60); она не уронила себя жестокостью, она имела в виду одно благо, она дала жизнь, счастье и спокойствие миллионам русского народа и ни на одну минуту не переступала границ самообороны» [4].

Эти слова В. В. Комарова несомненно выражают собою взгляд огромного большинства русского общества на деятельность Михаила Николаевича Муравьева в Северо-Западном крае. Уже с первых дней пребывания в Вильне граф Муравьев имел утешение видеть, что его система управления краем возбуждает в русских людях сочувствие. В конце мая 1863 г. Московский митрополит Филарет прислал графу Муравьеву в благословение икону Архистратига Михаила при следующем замечательном письме: «Было слышно и видно, что многодеятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконец облегчения, дабы часть должного труда была заменена долею покоя. Но как скоро царское слово вас вызвало на защиту и умиротворение Отечества, вы забыли потребность облегчения и покоя, не колеблясь приняли на себя бремя, требующее крепких сил и неутомимой деятельности, нашли новую силу в любви к Царю и Отечеству. Верные сыны Царя и Отечества узнали о сем с радостью и надеждою: ваше назначение есть уже поражение врагов Отечества, ваше имя – победа. Господь сил да совершит вами дело правды и дело мира. Да пошлет тезоименного вам небесного Архистратига, да идет пред вами с мечом огненным и да покрывает вас щитом небесным. С сими мыслями и желаниями препровождаю вам вместе с сим в благословение икону

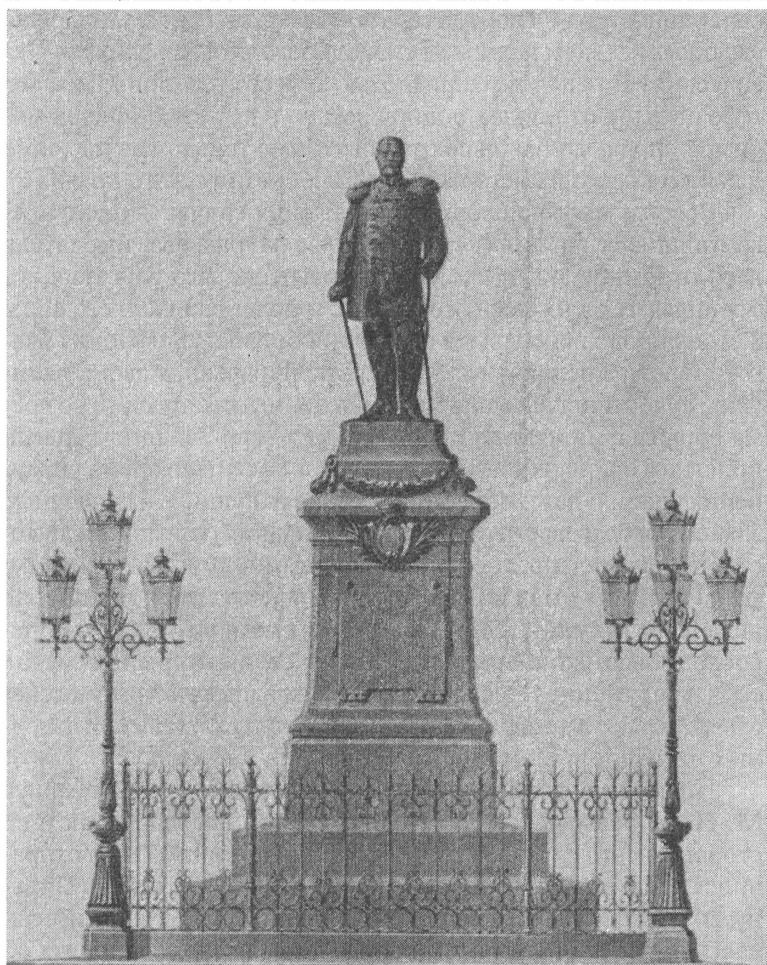
святого Архистратига Михаила». Вслед затем редактор «Московских Ведомостей» М. Н. Катков начал помещать в своей газете статьи, сочувственные деятельности графа Муравьева в Северо-Западном крае, а за «Московскими Ведомостями» скоро последовали и другие газеты. «Все печатное», говорит г. Берг, «загудело и залилось на разные тоны, кто громче, кто тише, вторя центральному звону Белокаменной, подобно тому, как откликается Замоскворечье и все другие отдаленные церкви, когда ударит в Кремле большой Успенский колокол...» Статьи газет, и в особенности «Московских Ведомостей», прочитывались не только в Вильне, но во всей России, с огромным интересом и производили самое сильное впечатление на русское общество. «Едва ли я ошибусь», пишет один современник, «если скажу, что с ними народ переживал душою (с. 61) и умом каждый день и час смутного времени»[5]. Сочувствие к графу Муравьеву в русском обществе стало пробуждаться все сильнее. 8 июля 1863 г. московский английский клуб на обеде провозгласил здоровье Муравьева и постановил послать в Вильну телеграмму с выражением сочувствия к славной его деятельности. Событие это было описано в газетах, и пример был подан: вслед за этим со всех концов России от всевозможных обществ и сословий, часто даже от отдельных лиц, при всяких торжествах, стали отправляться в Вильну начальнику края сочувственные телеграммы, а иногда и весьма знаменательные адреса. Особенно много приветствий получил граф Муравьев 8 ноября 1863 г., в день своего Ангела. Между прочим, высшее петербургское общество прислало ему следующее письмо: «Глубоко сочувствуя подвигам вашим на сохранение спокойствия, чести и единства любезного Отечества, мы просим вас принять ко дню вашего Ангела, изображение Архистратига Михаила, с надписью на образе слов из напутственного вам письма преосвященного Филарета, митрополита Московского: «Твое имя – победа». Искренно желаем вам утешения увидеть, что успокоенный вами край возвратил себе, еще под управлением вашим, свойственный ему исконный русский склад, безвозвратно отбросив пришлое начала, вредящие естественному строю его народной жизни». Много также получил приветствий граф Муравьев при возведении

его в графское достоинство и при всех других случаях. В бумагах покойного графа хранятся все эти телеграммы и адреса, составляя несколько переплетенных книг.

Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева была так важна, общественное сочувствие к нему было так велико, что даже люди, по направлению своей деятельности ему враждебные, считали долгом восхвалять его. Так, поэт Некрасов, во время торжественного обеда в петербургском английском клубе в честь графа Муравьева, обратился к нему с следующим стихотворением:

Бокал заздравный поднимая,
Еще раз выпить нам пора
Здоровье миротворца края...
Так много ж лет ему... Ура!
Пуškai клеймят тебя позором
Надменный Запад и враги;
Ты мощен Руси приговором,
Ея ты славу береги!
Мятеж прошел, крамола ляжет,
В Литве и Жмуди мир взойдет;
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг... и вздохнет.
Вздохнет, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решенный спор.
Нет, не помогут им усилья
Подземных их крамольных сил.
Зри! Над тобой, простерши крылья,
Парит архангел Михаил!

Памятник графу М. Н. Муравьеву в г. Вильно.

Сооружен в 1898г.

(не сохранился)

Более всего, конечно, было признательно графу Муравьеву русское население Западного края. Оно воздвигало в память его часовни, ставило образа, открывало учебные заведения и т. п., а крестьяне просто боготворили его. «Если мы обязаны

свободой Царю-Освободителю», сказано в одном их адресе, «то спокойствием нашим обязаны тебе, батюшка, Михаил Николаевич! Вот почему с радостью и усердием приносим мы тебе початок от плодов родной земли, нашу хлеб-соль, и молим Господа, чтобы он сохранил тебя не только для нас, но и для блага всего нашего издревле Западно-русского края» [6].

Все эти многочисленные выражения сочувствия, не прекратившиеся до самой смерти графа Муравьева, имели для него огромное значение. Они доказывали, что действия его оцениваются в их истинном свете, и поддерживали его силы в столь продолжительной и упорной борьбе. «Заявления благодарности России», говорит граф Муравьев в своих записках, «удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы с мятежом и крамолой в Северо-Западном крае, и присылка святых икон из разных мест России во время управления краем и даже после того, также радушные и сердечные заявления благодарности русскими людьми, коими я был удостоен значительно после оставления мною управления, т.е. когда я уже не имел никакого непосредственного влияния на дела (с. 63) службы, составляют такие награды, которые превосходят все, что может получить человек, который посвятил себя на служение Отечеству! Бог благословил меня этим счастьем, которое, еще раз скажу, превышает всех правительственных наград; его никто не может ни дать, ни взять».

Несмотря, однако, на полное признание заслуг графа М. Н. Муравьева как со стороны самого Государя, так и со стороны всего русского общества, он в марте 1865 года отправился в Петербург, чтобы уже более не возвращаться в Вильну. 24 марта Муравьев испросил аудиенцию у Государя и, ссылаясь на свое крайне расстроенное здоровье, стал просить об освобождении его от управления Северо-Западным краем. Государь милостиво поблагодарил Муравьева за все сделанное им и изъявил свое согласие. 17 апреля 1865 года последовал указ об увольнении графа М. Н. Муравьева от должности Виленского генерал-губернатора и о назначении на его место генерал-адъютанта Кауфмана.

Граф Муравьев завершил свое служение государству председательством в следственной комиссии по Каракозовскому

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

делу, а потом уехал в свое имение Сырец, где воздвиг себе памятник постройкою церкви. Церковь была освящена 26 августа 1866 г., а через три дня граф Михаил Николаевич Муравьев скончался.

Вот как поэт выразил тогда общее настроение русского общества:

По ком в соборе перезвон?
Кого хороним со слезами?..
Не верьте им! Не умер он!
Всегда он будет жить меж нами.
Лишь умер смертный человек,
Лишь смертного теперь не стало.
Бессмертный же останется вовек
Здесь, на Литве, как русское начало.

[1] С. Т. Славутинский: «Гродно во время польского мятежа». Истор. Вестн. т. 37, с. 285.

[2] «Русск. архив» 1897 г., с. 392.

[3] «Русск. архив» 1897г. № 11, с. 393.

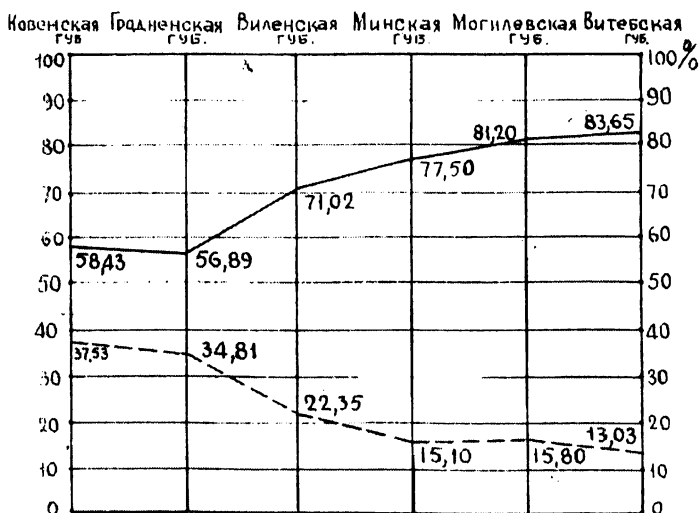
[4] Из речи, произнесенной 3 октября 1897 г. в Виленском военном собрании.

[5] Князь И. К. Имеретинский: «Воспоминания о Муравьеве». Истор. Вестн. 1892 г., № 12, с. 605.

[6] «Виленск. Вестн.» 1863 г., 30 августа.

Приложение 1

График процентного соотношения участников восстания по губерниям

(Сплошной линией показано изменение величины процента дворян, шляхтичей и представителей духовенства, а пунктирной — крестьян и мещан)

Взято из: Зайцев, В. М. Указ. соч. С. 145.

Приложение 2

Национальный состав жителей Северо-Западного края на 60-е гг. XIX ст.

Национальные группы		Губернии						
		Вилен- ская	Витеб- ская	Гроднен- ская	Ковен- ская	Мин- ская	Могилев- ская	Итого
Бело- русы	кол- во	418 289	473 053	503 283	733	641 804	753 651	2 790 813
	%	46,92	59,80	57,87	0,07	64,57	81,70	51,05
Литов- цы	кол- во	210 273	267	2800	804 745	64 149	985	1 083 219
	%	23,58	0,03	0,32	80,67	6,45	0,10	19,82
Укра- инцы	кол- во	701	—	167 743	426	21 015	1405	191 290
	%	0,08	—	19,29	0,04	2,12	0,15	3,50
Рус- ские	кол- во	27 845	38 964	—	21 743	57 465	17 396	163 413
	%	3,12	4,93	—	2,18	5,78	1,88	2,99
Поляки	кол- во	154 386	43 432	82 908	29 450	116 390	25 370	451 936
	%	17,31	5,49	9,53	2,95	11,71	2,75	8,27
Латыши	кол- во	—	166 735	—	15 807	—	—	182 542
	%	—	21,08	—	1,59	—	—	3,34
Немцы	кол- во	891	2262	5281	16 514	337	373	26 658
	%	0,10	0,28	0,61	1,66	0,03	0,04	0,47
Евреи	кол- во	76 802	66 342	106 649	107 656	90 177	123 243	570 869
	%	8,61	8,39	12,26	10,79	9,07	13,38	10,44
Татары	кол- во	2528	—	982	538	2686	—	6734
	%	0,28	—	0,12	0,05	0,27	—	0,12
ИТОГО	кол- во	891 715	791 055	869 646	997 612	994 023	922 423	5 466 474
	%	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Взято из: Зайцев, В. М. Социально-сословный состав участников вос-
стания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 100.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авейде, О. Показания и записки о польском восстании 1863 года / О. Авайде. – М., 1961.

2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 года по май 1863 года. Ч. 1. – Вильно, 1913.

3. Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1–3.

4. Бокова, В. М. Польский вопрос в России в 1815–1830 гг. / В. М. Бокова // XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. Труды Государственного исторического музея. Вып. 163. – М., 2007.

5. Брянцев, Л. Д. Польский мятеж 1863 года / Л. Д. Брянцев. – Вильно, 1892.

6. Великий князь Константин Павлович к графу Бенкендорфу. Письма 1829–1831 годов // РА. – 1885. – № 1. – С. 29.

7. Внешняя политика России XIX и начала XX века... Сер. 2. 1815–1830. Т.8 (16). – М., 1995.

8. Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 17. Август 1830 г. – январь 1832 г. – М., 2005.

9. Военский, К. Император Николай и Польша в 1830 году. Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. / К. Военский. – СПб., 1905.

10. Воронин, В. Е. Польское восстание 1830–1831 гг. / В. Е. Воронин. – www.portal-slovo.ru

11. Воронин, В. Е. Польское восстание 1863–1864 гг. / В. Е. Воронин. – www.portal-slovo.ru

12. Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. : сб. ст. – М., 1960.

13. Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. : сб. ст. – М., 1962.

14. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1964. – М., 1965.

15. Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – СПб., 1902.

16. Граф Муравьев Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е годы XIX в.

17. Григорович, И. И. Записки по новейшей истории. Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношения к России и Польше / И. И. Григорович. – СПб., 1865. – С. 743–753.

18. Давыдов, Д. Сочинения / Д. Давыдов. – М., 1962.

19. Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. – М., 1873.

20. Катков, М. Н. Собрание передовых статей по польскому вопросу 1863–1864 гг. / М. Н. Катков. – М., 1887.

21. Киприанович, Г. Жизнь Иосифа (Семашко), митрополита Виленского и Литовского / Г. Киприанович. – Вильно, 1897.

22. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае / И. Корнилов. – СПб., 1901.

23. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – СПб., 1884.

24. Краткий очерк жизни и деятельности Графа М. Н. Муравьева / сост. А. Турцевич. – Вильна. 1898.

25. Крестовский, В. Кровавый пух / В. Крестовский. – М.: Сов. писатель, 1995.

26. Лебедев, С., Стельмашук, Г. Белорусский феномен / С. Лебедев. – www.rusk.ru.

27. Любимов, Н. А. Катков и его историческая заслуга / Н. А. Любимов. – СПб, 1889.

28. Лясковский, А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. / А. И. Лясковский. – Берлин, 1936.

29. Миловидов, А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов. – Харьков, 1900.

30. Миловидов, А. И. Меры принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов. – Вильно, 1900.

31. Миловидов, А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений / А. И. Миловидов. – Вильно, 1904.

32. Миско, М. В. Об освещении характера восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии в некоторых работах советских авторов / М. В. Миско // Славянская историография : сб. ст. – М, 1966.

33. Муравьев, М. Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863–1864 годов / М. Н. Муравьев // Русская старина. Т. 36.. – СПб., 1882.

34. Очерки мятежного движения в Могилевской губернии в 1863 г. – Вильно, 1865.

35. Письма графа А. Х. Бенкендорфа к Великому князю Константину Павловичу во время Польского мятежа // РА. – 1885. – № 1.

36. Пузыревский, А. Польско-русская война 1831 г. Т. 1 / А. Пузыревский. – СПб., 1890.

37. Ратч, В. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Т. 1–2 / В. Ратч. – Вильно, 1867–1868.

38. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. : документы и материалы. – М., 1969.

39. Сапега, Л. Л. Мемуары князя Л. Сапеги 1803–1863 / Л. Л. Сапега. – Пгр. 1915.

40. Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева. – Вильно, 1906.

41. Смит, Ф. История польского восстания и войны 1830–1831 гг. / Ф. Смит. – СПб., 1863.

42. Турцевич, А. О. Хрестоматия по истории Западной России / А. О. Турцевич. – 1892.

43. Черевин, П. А. Воспоминания Черевина П. А. 1863–1865 / П. А. Черевин. – Кострома, 1920.

44. Черепица, В. Н. Польское национальное движение в Белоруссии (последняя треть XIX века): факты – события – комментарии / В. Н. Черепица. – Гродно, 1996.

45. Шолкович, С. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / С. Шолкович. – Вильно, 1885.

46. Щеглов, Г. Э. 1863-й. Забытые страницы / Г. Э. Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии I Белорусской Православной Церкви, 2005. – 60 с.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ.....	3
ЧАСТЬ 1. ВОССТАНИЕ 1794 г.	10
27 марта 1793 г. Манифест генерал-аншефа М. Н. Кречетникова о присоединении земель к России по второму разделу Польши.....	17
13 апреля 1793 г. Манифест Екатерины II об освобождении до 1795 г. от уплаты налогов населения присоединенных к России областей по второму разделу Польши.....	21
Апрель 1794 г. Рассказ Евгении Вечесловой о варшавской резне.....	23
11 мая 1794 г. Сообщение минского, изяславского и брацлавского генерал-губернатора командующему русской армией о движении польских повстанцев в Беларуси и мерах борьбы с ними.....	26
1794 г. Записки башмачника Яна Килинского о варшавских событиях 1794 года и о своей неволе.....	29
Октябрь 1794 г. Из письма литовского генерал-губернатора графу А. К. Разумовскому о подавлении польского восстания под руководством Т. Костюшко.....	101
23 декабря 1794 г. Из декларации правительств России и Австрии о подготовке третьего раздела Речи Посполитой.....	102
1 мая 1795 г. Указ Екатерины II генерал-губернатору минскому, изяславскому и брацлавскому о принятии присяги от жителей присоединенных к России по третьему разделу Польши областей и об учреждении таможен.....	105
13 октября 1795 г. Из конвенции между Россией, Пруссией и Австрией о третьем разделе Речи Посполитой..	107
3 декабря 1795 г. Рескрипт Екатерины II литовскому генерал-губернатору о возвращении польским помещикам имений в Беларуси.....	109
1819 г. Н. М. Карамзин. Мнение русского гражданина....	110

ЧАСТЬ 2. РЕБЕЛИЯ 1830–1831 гг.	114
31 марта 1831 г. Рапорт гродненского губернатора виленскому военному губернатору о вооруженном выступлении в Лидском и Ошмянском уездах во время польского восстания 1831 г.	128
22 июля 1831 г. Рапорт гродненского губернатора главнокомандующему резервной армией о захвате отрядом повстанцев Новогрудка.....	129
27 июля 1831 г. Рапорт Кобринского нижнего земского суда виленскому военному губернатору о действиях повстанцев в Кобринском уезде Гродненской губ.	131
20 февраля 1831 г. Донесение Виленского губернского правления виленскому военному губернатору о выполнении распоряжения о запрещении употреблять в делопроизводстве польский язык.....	132
20 марта 1831 г. Из записки флигель-адъютанта Опочинина Николаю I с предложениями об отношении правительства к различным слоям населения Беларуси.....	133
Из мемуаров Дениса Давыдова (1836).....	137
22 марта 1831 г. Указ Николая I Сенату о наказании участников польского восстания 1831 г.	139
28 ноября 1831 г. Доклад комитета по делам западных губерний Николаю I, основанный на записке могилевского губернатора М. Н. Муравьева.....	141
14 января 1832 г. Записка Минской губернской следственной комиссии шефу корпуса жандармов о деятельности комиссии с 10 июня по декабрь 1831 г.	158
19 ноября 1832 г. Отношение Министерства внутренних дел виленскому военному губернатору о мерах усиления влияния православного духовенства в западных губерниях.....	162
7 ноября 1833 г. Заключение министра внутренних дел по представлению гродненского губернатора о возвращении имений участникам восстания 1831 г., доказавшим преданность царю.....	164
Записки Н. В. Берга «О польских заговорах и восстаниях 1831–1862» (1873).....	166
ЧАСТЬ 3. МЯТЕЖ 1863–1864 гг.	470
Высочайшее его императорско-царского величества повеление об объявлении Царства Польского на военном положении (1861).....	491

ПОЛЬША ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

20 января (1 февраля) 1863 г. Манифест польского правительства (польский вариант).....	499
20 января (1 февраля) 1863 г. Манифест польского правительства и временного провинциального правительства Литвы и Беларуси о наделении крестьян землей (литовский вариант).....	500
Приказ [Каліноўскага].....	501
1863 г. января 27. Рапорт военного начальника г. Белостока и Белостокского у. Гродненской губ. гродненскому военному губернатору с изложением показаний рядового Орлова Алексея, бывшего в плену повстанческого отряда Каминского.....	502
19 февраля 1863 г. О беспорядках в Пинском уезде Минской губ. (из газеты «Виленский вестник»).....	504
1863 г. марта 31 (апреля 12). Манифест Александра II о прощении мятежников, сложивших оружие и явившихся с повинной.....	506
26 апреля 1863 г. Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о действиях польских повстанческих отрядов в Минской губ. и недостатке войск.....	509
5 мая 1863 г. Рапорт полковника А. Д. Соколова князю В. А. Долгорукову о положении в Могилевской губ. после опубликования правительственного манифеста Польши, Литвы и Беларуси.....	511
10 марта 1864 г. Донесение штабс-капитана князю В. А. Долгорукову о казни К. Калиновского.....	513
11 июня 1863 г. Приказ-воззвание Виленского повстанческого центра к народам Литвы и Беларуси.....	514
Конец ноября – начало декабря 1863 г. Письмо К. Калиновского Б. Ф. Длускому.....	516
Июнь 1863 г. «Мужицкая правда». № 7.....	518
Собрание передовых статей М. Н. Каткова по польскому вопросу 1863–1864 гг. по поводу высочайшего манифеста Царству Польскому и указа Сенату относительно смежных с Царством Польским губерний.....	524
Самодержавие царя и единство Руси.....	531
Слабы не силы наши, а слабы наши мнения. Необходимо подавить восстание.....	535
Ложные понятия иностранцев о России почерпаются из нашей журналистики.....	543
Истинный и разумный патриотизм.....	548
Наши понятия, наши воззрения – злейшие враги наши.....	559
Об отношениях России к Папе и его притязаниях в польском вопросе.....	563

Истинный либерализм, меры, принимаемые властями в Царстве Польском, и старообрядцы в Западном крае.....	567
Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами.....	573
О свободе совести и религиозной свободе.....	582
Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва Западного и Юго-Западного края.....	591
Развившийся у нас, русских, дух народного самоотречения и самоуничтожения.....	596
Отчет канцелярии временного полевого аудиториата при штабе войск Виленского военного округа о количестве лиц, подвергшихся наказаниям за участие в мятеже (февраль 1865).....	602
Отчет канцелярии временного полевого аудиториата о покарании смертью по Виленскому военному округу в 1863–1864 гг. (февраль 1865).....	607
Ведомость о количестве воинских частей, принимавших участие в усмирении польского мятежа 1863 года, составленная в штабе войск Виленского военного округа (1868).....	611
«Муравьев-вешатель» в воспоминаниях современников.....	616
Краткий очерк жизни и деятельности графа М. Н. Муравьева.....	625
Приложение 1.....	696
Приложение 2.....	697
Литература.....	698

ПОЛЬША против РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вниманию читателя предлагается уникальная по широте использованных исторических источников книга, позволяющая взглянуть на сложную историю польско-российских отношений. Польские восстания и мятежи на западных границах Российской империи предстают в виде исторических документов, свидетельств очевидцев, личных писем непосредственных участников событий с обеих сторон.

ISBN 978-985-549-247-5

9 789855 492475

По вопросам реализации обращаться
в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51,
387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by